U 263
183

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

ГЕОГРАФІЯ НАЧАЛЬНОЙ (НЕСТОРОВОЙ) ЛѢТОПИСИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. П. БАРСОВА.

Э. О. Профессора и Библіотекаря Императорскаго Варшавскаго Университета.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

ВАРШАВА.
Типографія К. Ковалевскаго, Королевская N. 23.

1885.

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета, печатать дозволяется.

Ректоръ *П. Лавровскій.*

6 Ноября 1884 г.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
4/0730-44
2007088092

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко второму изданію.

Предлагаемое изслѣдованіе обязано своимъ вторымъ изданіемъ тому случайному обстоятельству, что оно было отпечатано слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ, какъ университетская диссертація, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Между тѣмъ оно было принято благосклонно, чему много способствовали сочувственные и авторитетные отзывы Профессора Е. Е. Замысловскаго и Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Л. Н. Майкова. Оно было удостоено Императорской Академіей Наукъ Уваровской преміи, и обратило на себя вниманіе Международнаго Географическаго Конгресса въ Парижѣ въ 1875 году, благодаря, сколько мнѣ извѣстно, участію и посредничеству Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которому я считаю долгомъ заявить свою признательность.... Въ весьма непродолжительное время книга вышла изъ продажи, и сдѣлалась библіографическою рѣдкостью на столько, что, къ сожалѣнію, одинъ изъ молодыхъ ученыхъ нашелъ возможнымъ перепечатать изъ нея въ своемъ трудѣ цѣлыми страницами безъ всякихъ оговорокъ.

Въ виду постоянныхъ затребованій книги ея второе изданіе казалось почти необходимымъ, и Императорскій Варшавскій Университетъ далъ для того средства. Приготовляя это изданіе, я конечно имѣлъ въ виду какъ замѣчанія, обязательно сдѣланныя мнѣ уважаемыми рецензентами, такъ по возможности все,

что сдѣлано въ литературѣ за послѣднее десятилѣтіе по вопросамъ, затронутымъ въ изслѣдованіи. Вполнѣ сознавая справедливость замѣчанія *Л. Н. Майкова* относительно недостатка въ общемъ планѣ изслѣдованія, я, послѣ долгаго размышленія и колебанія, рѣшился однако оставить его такъ, какъ онъ сложился продолжительнымъ, почти семилѣтнимъ трудомъ. Легче за-ново написать книгу, чѣмъ разъ составленную переработывать по новому плану. — Принявъ затѣмъ къ свѣдѣнію и руководству указанія, данныя мнѣ почтенными рецензентами, я сдѣлалъ поправки, гдѣ считалъ то возможнымъ, но съ нѣкоторыми замѣчаніями былъ поставленъ въ необходимость не согласиться, и въ такихъ случаяхъ старался или яснѣе выразить свое положеніе, или подкрѣпить его новыми доказательствами и соображеніями.

Наконецъ, убѣдившись, что при подобнаго рода изданіяхъ первую и настоятельную необходимость составляетъ указатель, который не только облегчаетъ пользованіе книгою, но и даетъ возможность провѣрить ее, замѣтить и исправить вкравшіеся въ нее промахи и ошибки, я присоединилъ къ этому изданію по возможности подробный и обстоятельный указатель предметовъ и географическихъ именъ, въ составленіи котораго принялъ участіе В. М. Турчиновичъ, за что и приношу ему искреннюю благодарность.

Этимъ ограничились измѣненія и дополненія въ предлагаемомъ изданіи. Цѣль изслѣдованія осталась таже, какъ она изложена въ предисловіи къ первому изданію.

Варшава,
8 (20) Октября 1884 г.

Н. Барсовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ первому изданію.

Трудъ, предлагаемый теперь на судъ читателей имѣлъ цѣлью не полное и всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху, обнимаемую Начальною лѣтописью, но главнымъ образомъ разъясненіе только тѣхъ вопросовъ этого обширнаго предмета, которое ставитъ самая лѣтопись, и потому ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ. Но и въ этихъ размѣрахъ исполненіе принятой нами задачи затруднялось прежде всего относительною скудостью несомнѣнныхъ, критически утвержденныхъ данныхъ, которыя могли бы послужить прочнымъ основаніемъ при разъясненіи географическаго кругозора и географическихъ понятій лѣтописца и при постановкѣ въ надлежащемъ свѣтѣ сообщаемыхъ имъ извѣстій и указаній. Мы должны были пополнять этотъ недостатокъ, сопоставляя извѣстія Начальнаго лѣтописца съ извѣстіями позднѣйшихъ лѣтописей и другихъ письменныхъ источниковъ XII — XIV в. При этомъ богатый матеріалъ, который надо ожидать для изученія вообще древне-русской географіи и географіи Начальной лѣтописи въ частности отъ мѣстныхъ археологическихъ изысканій, оставался, къ сожалѣнію, предметомъ, для насъ мало доступнымъ. Наконецъ инаго рода затрудненія представляло обиліе такихъ данныхъ, которыя сами требуютъ предварительной провѣрки и разработки. Между ними главное мѣсто принадлежитъ указаніямъ и свидѣтельствамъ современной географической номенклатуры, за которыми признает-

ся обыкновенно важное значеніе въ вопросахъ исторической географіи, но, собственно говоря, признается больше на вѣру, чѣмъ по сознательному и оправданному критикой убѣжденію. Мы увѣрены, что эти свидѣтельства и указанія получатъ только тогда прочность и несомнѣнность, когда будутъ провѣрены путемъ филологическаго изученія. Но, не смѣя основывать безусловно на нихъ никакихъ положеній и заключеній, мы все таки не считали себя въ правѣ оставить ихъ вовсе безъ вниманія, и старались собрать ихъ возможно больше—въ той надеждѣ, что они могутъ быть не совсѣмъ безполезны, какъ матеріалъ для другихъ болѣе счастливыхъ и болѣе подготовленныхъ изслѣдователей.

6 Декабря 1873 г.
Варшава.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Начальная лѣтопись, какъ географическій источникъ;—ея общій характеръ и затрудненія, которыя представляются при изслѣдованіи ея географіи со стороны внѣшняго состава и внутренняго содержанія 1 — 7. Міръ, извѣстный Начальной лѣтописи 7—8. Перечень земель и народовъ: его двойственность, *а*) космографическій отрывокъ изъ Георгія Амартола, объясненіе Шлецера и Строева; особенности этого отрывка 8—9; *б*) космографическая вставка о восточной и западной Европѣ; ея отличіе отъ отрывка изъ Амартолы 10; происхожденіе и характеръ свѣдѣній о восточной Европѣ, 10, и свѣдѣній о Европѣ западной 10—11. Предѣлы Афетовой части 12. Восточные предѣлы ibid.; пониманіе лѣтописцемъ положенія и вида западной Европы ibid. Побережье Варяжскаго моря и народы, полагаемые на немъ лѣтописцемъ 12—13. Положеніе Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, 13—14; сходство представленій лѣтописца о Варяжскомъ морѣ съ представленіями Адама Бременскаго, прим. 30 и мусульманскихъ писателей XI—XIV в. 15. Устройство поверхности Восточно-Европейской равнины, 16—32: горы Кавказскія (прим. 35), рѣки Угорскія; значеніе ихъ въ пониманіи лѣтописца 16. Чешскій лѣсъ ibid. Кавказскія горы; ихъ извѣстность лѣтописцу, ibid,; Оковскій (Воковскій, Волоковскій) лѣсъ; Волокъ, его значеніе, 17—18; слѣды его въ географической номенклатурѣ восточно-Европейской равнины, прим. 37. Свѣдѣнія лѣтописца о Заволочьи; первыя свѣдѣнія объ Уральскомъ хребтѣ 13. ibid. ср. прим. 108—109. Земли Верхнія (Верхъ) и Низовская (Низъ), 18. Внутреннія горы в. - европейской равнины: Кіевская, Щекавица, Хоревица и Угорское (прим. 40); Холмъ Выдобичи и Витичевъ; Болдины горы, 19. Значеніе слова „гора“ ibid.. Рѣки и ихъ вліяніе на ходъ разселенія Славянъ и направленіе событій; 19—20. Ихъ боль-

шая судоходность въ эпоху Начальной лѣтописи; ibid. Значеніе Днѣпра, и его системы 20, связь его бассейна съ Подвиньѐмъ, Поволжьемъ и Озерною Областью; пристани на Днѣпрѣ 20—21; его притоки извѣстные лѣтописи, 22. Значеніе Припети, Сожи и Десны, какъ путей сообщенія, 22—23. Рѣки Балтійскаго бассейна 23. Двина и великій водный путь, 23, невѣрное представленіе лѣтописца о теченіи Западной Двины ibid., 14 и прим. 28 Двинско-Днѣпровская вѣтвь великаго воднаго пути 24: три вѣтви его Двинско-Ильменскія: *а*) черезъ Оболь и Еменецъ, 24—25; *б*) черезъ городъ Лучинъ, 25; *в*) черезъ Дубровну и Муравіинъ; 25—26; объясненіе Ходаковскаго, ibid. Связь Двины съ Поволжьемъ, 26. Озерная область; пути отъ Ильменя къ побережьямъ Варяжскаго моря, 27, къ Чудскому озеру и Двинѣ ibid., въ Поволжье, ibid. Волжскій бассейнъ, 28.; воды Волжскаго бассейна (ibid.). Связь Волги съ Подпѣпровьемъ, Подвиньѐмъ и Озерною областью, 28—29. Развѣтвленія верхней Волги, какъ пути сообщенія въ самыхъ предѣлахъ ея бассейна, ibid., и ихъ значеніе для заселенія Поволжья, 29. Связь области Москвы рѣки съ верхнею Окою и Угрою (30), съ Волгою и Клязмою ibid. Связь верхняго Поволжья съ Ростовомъ, Переяславлемъ Залѣсскимъ и Клязмою, 30—31. Значеніе лѣвыхъ притоковъ Волги, Мологи и Шексны ibid.; Заволоцкій путь, 32.

Глава II. Географическая связь между разнороднымъ населеніемъ Восточно-Европейской равнины, 32 - 33. Общія этнографическія понятія лѣтописца, 33. Народныя группы Афетовой части. Варяги; значеніе этого названія, 33—36; Нѣмцы, 37; Влахи 37, прим. 25; Греки и Греческая земля 37—38; Литовская племя, его разселеніи и раздѣленія. Ятвяги; вопросъ о ихъ происхожденіи и національности, прим. 71; ихъ поселенія въ X и XI вѣкѣ, 39—41, область ихъ по извѣстіямъ XIII вѣка, прим. 73—75 Денова, 41. прим. 73а. Пруссы и Борты 41. прим. 67. Собственно Литва, 42—43; Нерома 43. Зимигола, 42—43, Летьгола 43, Голядь 43 и прим. 70.

Глава III. Чудь 44—67. Ея разселеніе въ эпоху Начальной лѣтописи и ея раздѣленіе, 44—45. Ливь (Либь). Собственно Чудь 45, Водь или Вожане, 46—47. Эстская Чудь. Сосолы и Очела, Чудь Поволжская: Весь. 49—51. Меря, Мещера 51—55. Мурома, Мордва, Черемиса, 55—56. Заволоцкая Чудь: Пермь и Печера 57; Емь (Ямь, Гамъ,) 57—60. Самоядь, 62. Югра, 60—67. Разсказъ Гюряты Роговича, 60, прим. 108. Желѣзныя Ворота. 62. Отношеніе къ Новгороду, 63—64. Угры Бѣлые и Угры Черные. 65—66. Корела и Лопь, 66. Источники свѣдѣній Начальной лѣтописи о Финскомъ сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ. 66—67.

Глава IV. Славяне 68—94. Извѣстія Начальной лѣтописи о ихъ разселеніи. Западные и Южные Славяне: Морава, Чехи, Хроваты Бѣлые, Сербы, Хорутане, 68. Ляхи и ихъ раздѣленіе, 69. Восточные Славяне. Ихъ перечни въ этнографическомъ вступленіи лѣтописи 69—70. Преданіе о выходѣ ихъ съ береговъ Дуная. Мнѣніе г. Соловьева о порядкѣ ихъ разселенія съ Дуная 70—72. Значеніе этого преданія въ Начальной лѣтописи 72—74. Этнографическіе предѣлы восточнаго Славянства. Измѣненія ихъ въ эпоху Начальной лѣтописи 74—76. Коренныя Славянскія поселенія на Восточно-Европейской равнинѣ и свидѣтельства географической номенклатуры. 74—75. и прим. 134. Предѣлы восточнаго Славянства къ концу XI и къ началу XII вѣка, 76—78. Раздѣленіе его на племена. Политико-географическій характеръ этого раздѣленія 78—88. Княженія и земли. Ихъ образованіе. Первоначальный видъ поселеній. Городища 82. Историческая система Ходаковскаго прим. 140. Погосты 83. Села и веси 84. Города и ихъ вліяніе на обособленность земель 84—85. Образованіе между земельныхъ рубежей 85—86. Порубежья: Сутень (Сутекъ) прим. 150., Ворота, прим. 151. Твердь, прим. 152.; Осѣки, прим. 153. Соединеніе восточно-славянскихъ земель подъ властью Руси, 87—90. Отношенія земель къ княжескимъ волостямъ и удѣламъ въ эпоху Начальной лѣтописи, 92—94.

Глава V. Юго-западныя Русско-Славянскія племена 94—123. Разселенія Хорватовъ 95, Тиверцовъ и Улучей. 96—100. Разныя мнѣнія о названіи и географическомъ положеніи Улучей 96—99. Извѣстіе Никоновскаго свода лѣтописей о переселеніи Улучей, ibid. Пересѣченъ ibid. Дулѣбы и земельныя названія ихъ: Бужане, Волынянс (Велыняне) 100—101. Образованіе земель, Перемышльской Бужанской и Волынской, ibid. Червенская земля 102 Образованіе Володиміра Волынскаго удѣла (ibid). Захватъ Поляками Перемышльской земли и появленіе Перемышльскаго княженія, 105. Отдѣленіе части Червенской земли отъ Волидимірскаго княженія и образованіе Галицкаго княженія, 106—107. Отношеніе Володиміро-Волынскаго удѣла къ Кіевскому столу, 107—109. Границы Перемышле-Требовльскаго княженія — съ Ляхами 109—110. съ Уграми (Закарпатская Русь и указанія на русскіе города XIII вѣка и Списка всѣхъ городовъ русскихъ) 110 — 112. Галицкія владѣнія на Дунаѣ 11—115; юго-восточной степной рубежъ. Теребовльско-Перемышльской земли 115 — 116; Кіевское порубежье и положеніе Каменца Волынскаго 117, прим. 209; Теребовле Волынское порубежье, и границы между удѣлами Перемышльскимъ и Теребовльскимъ, 118-119. Ихъ населенныя мѣста 119—120. Границы Владиміро-Волынскаго княженія, на западѣ (Волынская украина XIII в.)

съ Ляхами, 120—121, на сѣверо-востокѣ и югѣ съ Кіевскимъ княженіемъ, 121—123. Населенныя мѣста Володимірскаго княженія, 123.

Глава VI. Славяно-русскіе вѣтви на западномъ побережьи Днѣпра 124—145. Дреговичи. Неточность указаній Начальной лѣтописи на ихъ разселенія, 124—125; ихъ колонизація Ятвяжской области, 126; ихъ поселенія на западномъ Бугѣ, ibid. Возможность смѣшаннаго населенія въ Погорынѣ, 126—128. Древляне. Значеніе ихъ названія и ближайшее опредѣленіе ихъ области на основаніи извѣстій XII в., 127—128. Предѣлы Полянъ и Полянской (Польской) земли 128—120. Подчиненіе Полянъ, Дреговичей и Древлянъ Русскимъ князьямъ. Кіевское княженіе, „Русская земля", 129—130. Лядско-Кіевскій рубежъ, 130—131. Ятвяжско - Литовскій рубежъ, 131—132; Область Новгородокская, 133. Полоцкое порубежье; 133—134; порубежье Черниговское, 134—135. Южное степное порубежье въ первой половинѣ X вѣка, 135, въ концѣ X вѣка, ibid. при Ярославѣ, 136. появленіе Половцевъ; Черные Клобуки, ibid. Слѣды порубежныхъ укрѣпленій—Владимірова времени 134—138,—со временъ Ярослава 138—139. Галицкое и Волынское порубежье 140. Населенныя мѣста Кіевскаго княженія 140—145.

Глава VII. Славяно-Русское населеніе на восточной сторонѣ Днѣпра 145—173. Характеръ извѣстій Начальной лѣтописи вообще о восточномъ Поднѣпровьи, Верхнихъ земляхъ, Подвинья и Новгородской области 145; недостаточность матеріала для географіи юго-восточной Руси; 146—147. Область Сѣверянъ, и ея этнографическіе предѣлы, съ Полоцкими Кривичами 147, съ Радимичами, 148. съ Вятичами 148-149; ихъ слѣды въ колонизаціи Финскаго Поволжья 149; юго-восточныя разселенія Сѣверянъ; возможность сродства ихъ съ Славянами Хазаріи 149—150 и съ Славянскимъ элементомъ въ Тмутаракани 150—151, Крайніе слѣды Славянъ въ XII вѣкѣ на Дону т. е. на тепер. Сѣверномъ (Сѣверскомъ) Донцѣ 151—152; южные окраины Сѣверянъ. Радимичи. Слабость этой вѣтви, 152—153; ея предѣлы съ Кривичами и Сѣверянами 153—154; ихъ участіе въ колонизаціи Окской области и Поволжья 154. Вятичи. Неточность опредѣленія ихъ области Начальною лѣтописью 154. Какъ возстановляются предѣлы Вятической земли по извѣстіямъ XII вѣка? 154—157; Вятичскій городъ Корьдна Поученія Мономаха 157. Подчиненіе Руси Сѣверянъ, 157—158; Тмутаракань при Владимірѣ Святомъ, 159. Распаденіе Сѣверянской земли, при дѣленіи Руси между сыновьями Ярослава, на княженія Черниговское и Переяславское, 159 -160. Переяславское княженіе, его значеніе 160; его географическое положеніе, и границы съ степными кочевниками южныя 160—162, и юго-

восточныя 163—164, съ Черниговскимъ княженіемъ — съ Посемьемъ, 164; Выревская область, ibid. Населенныя мѣста Переяславскаго княженія, 165—166. Черниговское княженіе; его окончательное образованіе въ концѣ XI вѣка, 166—167; потеря Тмутаракани и подчиненіе Вятичей, 167; Рязанско-Муромская земля, 168. Рубежи Черниговскаго княженія, западный (Полоцко-Кіевской) 168—169, южный (Переяславскій) ibid., восточный (Посемье; Воронежская область, 148, Мордовскій рубежъ. 169—171; сѣверо-западная окраина Черниговскаго княженія, 171—172. Населенныя мѣста Черниговскаго княженія 172—173.

Глава VIII. Кривичи и Новгородскіе Славяне, 173. Ихъ сродство между собою, прим. 303 и 313, значеніе ихъ для Славяно-Русской колонизаціи инородческихъ земель. 143—144. Географическое положеніе Кривичей, 174—175; ихъ участіе въ Славянской колонизаціи Оки и Волжскаго бассейна, 175—178; разселеніе Кривичей въ южной части Озерной области, и въ области Двины, Вилін и Нѣмана 178—180. Центры Кривскаго населенія: Изборскъ и Изборскіе Кривичи, 180. Полоцкіе Кривичи 181. Полоцкое княженіе 183—187. Смоленскъ и Смоленское княженіе, 187—192. Новгородскіе Славяне. Скудостьизвѣстій о нихъ Начальной лѣтописи, 191; значеніе ихъ колонизаціонной дѣятельности 197—199; ихъ древнѣйшія поселенія въ южной части Озерной области, 192—197 ихъ колонизація Финскаго сѣверо-востока, 194—195. Бѣлоозеро, 195. Ростово-Суздальская земля, 197. Новгородская область. Ея отношенія къ Кіеву, 197—198. Ея предѣлы въ половинѣ XI вѣка; Уставъ Ярослава о мостѣхъ, 198—199. Распространеніе Новгородскихъ владѣній въ первой половинѣ XII вѣка, 200—202. Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 года, прим. 324. Населенныя мѣста Новгородской и Ростово-Суздальской земли. 203—205.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

ГЕОГРАФІЯ НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.

Глава I. Начальная Лѣтопись, какъ географическій источникъ. Ея общій характеръ и затрудненія, которыя онъ представляетъ при изслѣдованіи ея географіи, со стороны внѣшняго состава и внутренняго содержанія. Міръ, извѣстный Начальной Лѣтописи. Перечень земель и народовъ: а) космографическій отрывокъ изъ Георгія Амартола; б) вставка о западѣ и сѣверѣ Европы. Предѣлы Афетовой части. Варяжское море по понятіямъ Начальной Лѣтописи. Его положеніе и объемъ. Сходство представленій о немъ начальнаго лѣтописца и мусульманскихъ писателей того же времени. Восточно-европейская равнина. Угорскія горы. Оковскій лѣсъ. Волокъ. Первое извѣстіе о Уральскомъ хребтѣ. Верхъ или Верхія Земли. Низовская земля. Днѣпровскія и другія горы; значеніе слова „гора.“ Внутреннія горы восточной равнины по Начальной Лѣтописи. Значеніе рѣкъ для движенія населенія. Черноморскій бассейнъ. Днѣпръ Связь его бассейна съ бассейнами другихъ рѣкъ. Рѣки Балтійской полости Направленіе Западной Двины по понятіямъ лѣтописца. Пути изъ Двины къ Днѣпру, къ Озерной области и къ Поволжью. Воды южной части Озерной области. Связь ихъ съ Варяжскимъ моремъ, Подвиньемъ и Поволжьемъ. Волжскій бассейнъ. Водныя сообщенія въ предѣлахъ верхняго Поволжья, какъ возможные пути древнѣйшей славянской колонизаціи. Связь съ Подесеньемъ, Озерной областью и Заволочьемъ. Заволоцкіе пути.

Какъ у всѣхъ народовъ, и у насъ первая отечественная лѣтопись, обыкновенно приписываемая Нестору, составляетъ въ тоже время и первую отечественную географію. Въ ея простый и безыскусственный разсказъ о событіяхъ съ отдаленнѣйшихъ временъ вошли существеннымъ элементомъ извѣстія о территоріи, гдѣ они совершались. При первомъ взглядѣ эти извѣстія

имѣютъ видъ совершенно случайныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ мимоходомъ въ изложеніи тѣхъ или другихъ событій, но тѣмъ не менѣе, при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, они обнаруживаютъ полноту и систематичность, какой, по видимому, отъ нихъ нельзя было бы ожидать. Отвлекая географическія данныя отъ событій, по поводу которыхъ они упоминаются, и, приводя ихъ въ естественный порядокъ, изслѣдователь входитъ въ особый міръ географическихъ понятій и представленій, который, разъясняя одну изъ сторонъ міросозерцанія народа въ разсматриваемую эпоху, вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ свѣтъ на географическія условія его историческаго существованія.

Самый характеръ нашей первой лѣтописи ручается за то, что она передала, за небольшими, какъ увидимъ ниже, исключеніями, съ достаточною полнотою географическія понятія и представленія своего времени по крайней мѣрѣ по отношенію къ той территоріи, на которой былъ призванъ жить и дѣйствовать русскій народъ. Тотъ видъ, въ какомъ она дошла до насъ, она получила въ началѣ XII в., въ ту переходную эпоху, когда только что окончился „великій трудъ,“ по выраженію Ярослава, первыхъ князей — собраніе восточно-славянскихъ племенъ въ одно государство, когда эти племена начинали сливаться во единый народъ подъ вліяніемъ княжеской власти, церковныхъ учрежденій и возникавшаго образованія, и когда едва только обозначился удѣльный порядокъ, впослѣдствіи расчленившій молодое государство на независимыя другъ отъ друга княженія. Это было время преобладанія идеи единства русской земли, выражавшейся и въ политическихъ отношеніяхъ и въ начинавшейся литературѣ. Мѣстные областные интересы, развитые удѣльною жизнью Руси, еще молчали. Лѣтописецъ завершалъ свой трудъ въ то время, когда постановленіемъ Любецкаго съѣзда князья въ-первые признали наслѣдственность удѣловъ въ главнѣйшихъ линіяхъ Ярославова потомства, и тѣмъ упрочили ихъ дальнѣйшее обособленіе: но утвержденный имъ порядокъ принадлежалъ еще будущему. Какъ выраженіе народнаго самосознанія, Начальная Лѣтопись вся проникнута этой идеей единства, сознаніемъ цѣлости русской земли. Она не ограничивается интересами какой ни-

будь одной области уже тогда обширнаго государства; но заносить на свои страницы все что можно было узнать изъ народнаго преданія и немногихъ письменныхъ источниковъ о прошедшихъ судьбахъ всего русскаго народа. Она чужда областной исключительности, и, если она останавливается чаще всего на Кіевѣ, то только потому, что туда тяготѣли событія, и тамъ сильнѣе всего бился пульсъ русской исторической жизни. Ея разсказъ обнимаетъ все пространство Русскаго государства, и, слѣдя за отношеніями его къ сосѣдямъ, — почти весь извѣстный тогда на Руси міръ.

Впрочемъ, при разсмотрѣніи ея, какъ географическаго источника, открываются нѣкоторыя затрудненія. Какъ извѣстно, Начальная Лѣтопись есть не что иное, какъ лѣтописный сводъ, составленный изъ отдѣльныхъ сказаній, замѣтокъ, оффиціальныхъ документовъ и мѣстныхъ извѣстій [1]). Древнѣйшій текстъ ея дошелъ до насъ въ такъ называемомъ Лаврентьевскомъ спискѣ, сдѣланномъ въ 1377 году въ Суздальскомъ княжествѣ, монахомъ Лаврентіемъ. Изъ приписки, находящейся въ немъ подъ 1110 годомъ, видно, что разсказъ о событіяхъ до этого года писанъ игуменомъ Кіевскаго Свято-Михайловскаго монастыря Сильвестромъ въ 1116 году. Трудно рѣшить, былъ ли игуменъ Сильвестръ только переписчикомъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и составителемъ всего свода, давшимъ ему ту редакцію, въ какой онъ дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Послѣднее вѣроятнѣе [2]), хотя различіе разныхъ списковъ даетъ основаніе полагать, что позднѣйшіе переписчики и компиляторы не довольствовались Сильвестровскою редакціею свода, и измѣняли ее вставками и сокращеніями. Въ основаніе его положена „Повѣсти временныхъ лѣтъ," которая, судя по ея заглавію [3]), должна была составлять особое сказаніе о происхожденіи и бытѣ древнѣйшихъ славянъ, главнымъ образомъ восточныхъ, о началѣ русскаго государства, о первыхъ кіевскихъ князьяхъ. По всей вѣроятности „Повѣсти" представляла первоначально цѣльное изложеніе, и только впослѣдствіи позднѣйшіе редакторы свода разбили ее по годамъ, дополнили и распространили какъ извлеченіями ихъ византійскихъ хронографовъ, такъ и собственными свѣдѣніями

и соображеніями. Вслѣдствіе того въ настоящее время едва ли возможно опредѣлить не только первоначальный видъ „Повѣсти,“ но и самый объемъ ея, кѣмъ именно изъ русскихъ князей оканчивался въ ней разсказъ о томъ „кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть;“ — хотя впрочемъ есть основанія предполагать, что въ первоначальномъ видѣ своемъ Повѣсть обнимала немногимъ больше перваго столѣтія русской исторіи [4]). Также разнообразно и по содержанію и по характеру продолженіе Повѣсти, или, вѣрнѣе сказать, другая часть Сильвестровскаго свода. Рядомъ съ краткими погодными замѣтками, почерпнутыми изъ мѣстныхъ источниковъ (Кіевопечерскихъ, Черниговскихъ, Новгородскихъ и др.) мы имѣемъ въ немъ подробное изложеніе событій въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, разсказы очевидцевъ, и литературные памятники (Поученіе Мономаха, его письмо къ Олегу). Видно что все это вошло въ сводъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, что составитель вносилъ въ него имѣвшіеся подъ рукой матеріалы цѣликомъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Въ этой массѣ разнообразныхъ и разъединенныхъ фактовъ личность лѣтописца теряется. Изслѣдователь не имѣетъ возможности судить ни о его подготовкѣ, ни о личныхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ для своего труда. Этотъ важный пробѣлъ представляетъ значительныя затрудненія между прочимъ и для изученія лѣтописной географіи. Имѣя дѣло съ лѣтописнымъ трудомъ одного человѣка, было бы возможно пріурочить открывающійся въ немъ кругъ географическихъ знаній къ опредѣленному времени и мѣсту, и отдѣливъ то, что лѣтописецъ могъ почерпнуть изъ народнаго преданія и письменныхъ источниковъ, отъ того, что онъ зналъ по личнымъ наблюденіямъ, что принадлежитъ собственно ему, — тѣмъ самымъ съ большею точностью возстановить географическій кругозоръ времени, въ которое онъ жилъ. Теперь же приходится имѣть дѣло съ разновременными географическими данными весьма продолжительной эпохи, обнимающей слишкомъ два съ половиною столѣтія [5]). Сверхъ того разновременные списки, въ которыхъ дошла до насъ Начальная Лѣтопись, не одинаковы: въ однихъ сообщаются фак-

ты, о которыхъ умалчиваютъ другіе, или передается подробно то, что въ другихъ разсказано кратко. Никоновскій напр. списокъ гораздо полнѣе Лаврентьевскаго, а Татищевскій сводъ такъ богатъ данными, неизвѣстными древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ, что именно это богатство навлекло на него подозрѣніе въ подлогѣ, подозрѣніе, до сей поры еще не разсѣянное, но въ то же время и не оправданное исторической критикой [6]). Очевидно, что позднѣйшіе переписчики передавали Сильвестровскій сводъ одни вполнѣ, другіе въ сокращеніи а компиляторы имѣли, можетъ быть, подъ рукою и такіе источники, какихъ не зналъ или оставилъ безъ вниманія составитель первоначальнаго свода. Все это заставляетъ насъ имѣть постоянно въ виду всѣ — даже позднѣйшіе — списки Начальной лѣтописи, не ограничиваясь однимъ только древнѣйшимъ—Лаврентьевскимъ, хотя и при этомъ необходимо будетъ обращаться за разъясненіями къ свидѣтельствамъ позднѣйшаго времени, и придется во многомъ ограничиться одними предположеньями и догадками.

Съ другой стороны важное затрудненіе представляется во внутреннемъ характерѣ Начальной лѣтописи. Нѣтъ сомнѣнія, что даже въ древнѣйшей основѣ своей она была плодомъ христіанскаго просвѣщенія, переданнаго Византіей, возникла подъ вліяніемъ византійской письменности, что византійскіе хронографы были въ исторіографіи первыми учителями нашего перваго лѣтописца [7]). Христіанское міровоззрѣніе, которымъ проникнуто все содержаніе Начальной лѣтописи, поднимая нравственное и умственное пониманіе ея составителей до идеаловъ христіанской цивилизаціи, расширяя кругъ ихъ познаній въ отношеніи христіанскаго міра, уже покорившаго себѣ міръ древне-классической цивилизаціи,—въ тоже время ставило имъ непреодолимую преграду относительно всего не-христіанскаго. Къ не-христіанскому міру лѣтописецъ относился или враждебно или пренебрежительно; чаще всего этотъ міръ возбуждалъ въ немъ смѣшанное чувство и враждебности и пренебреженія. Этимъ опредѣлялись отношенія лѣтописца даже къ главному источнику его сказаній о древнѣйшихъ судьбахъ славянства и о началѣ русской земли, къ народной старинѣ, народнымъ преданіямъ: эта старина, эти

преданія, будучи языческими, не только не увлекали его, но по меньшей мѣрѣ возбуждали въ немъ недовѣріе; онъ относится къ нимъ критически; очень немногія изъ нихъ онъ вноситъ въ свое изложеніе; но и изъ того, что вноситъ, онъ извлекаетъ только сущность, записываетъ ее кратко, очистивъ отъ всякихъ легендарныхъ подробностей и украшеній. Это обстоятельство, какъ извѣстно, утвердило очень рано и, кажется, не совсѣмъ основательно за Начальной лѣтописью репутацію правдивости и неприкосновенности. Но тоже самое обстоятельство невыгодно отразилось на ней, какъ на памятникѣ географическомъ. Христіанское міровоззрѣніе лѣтописца съузило его географическій кругозоръ относительно восточно-европейской равнины, заставило его опустить въ своемъ трудѣ очень много важныхъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о нехристіанской части восточной Европы, — свѣдѣній, которыя безъ всякаго сомнѣнія были повсемѣстны въ его время, и конечно должны были быть ему вполнѣ доступны. Извѣстно, какъ относится лѣтописецъ къ Славянству, непосредственно вошедшему въ составъ Русскаго государства въ эпоху его языческаго быта и къ инородческимъ сосѣдямъ Руси, связаннымъ съ нею съ самаго начала общею исторической жизнью, и язычникамъ финскаго и литовскаго происхожденія: онъ ограничивается относительно ихъ краткими и сухими указаніями, хотя изъ нихъ и видно, какъ основательны и точны были его свѣдѣнія; но магометанскій міръ, съ которымъ Русь стояла въ тѣсной географической связи, Болгары и Хазары, не заслужили отъ него ничего, кромѣ краткихъ упоминовеній, да и то только въ крайне настоятельныхъ случаяхъ, при невозможности обойдти ихъ молчаніемъ. Побережья же Каспійскаго моря, такъ хорошо извѣданныя Руссами въ знаменательныхъ походахъ X-го в. для него какъ бы не существуютъ, точно также какъ Арабы, съ которыми Русью велись столь обширныя торговыя сношенія. Весьма вѣроятно, что такому умолчанію Начальной лѣтописи о представителяхъ магометанства на крайнемъ юго-востокѣ европейской равнины могли быть и другія частныя причины. Не даромъ онъ уклоняется говорить о Черноморской Руси, существованіе которой засвидѣтельствовано современными писателями — иностранцами,

и указаніе на которую можно видѣть въ договорахъ съ Византіей первыхъ русскихъ князей. Не даромъ такъ отрывочны и безсвязны его сообщенія о Тмутаракани даже за то время, когда она вошла непосредственно въ составъ волостей русскихъ князей, и стояла, какъ то видно изъ Кіево-Печерскаго патерика, въ живомъ церковномъ общеніи съ самимъ Кіевомъ. Не входя въ разборъ этого любопытнаго и важнаго факта, мы должны во всякомъ случаѣ признать, что умолчаніе о магометанскомъ юго-востокѣ равнины было у нашего лѣтописца преднамѣреннымъ, и тѣмъ самымъ этотъ міръ исключается изъ круга изслѣдованія, имѣющаго цѣлью разъяснить географію Начальной Лѣтописи. Поэтому мы будемъ касаться его только въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется необходимымъ при разъясненіи существенныхъ сторонъ предмета. Что же касается инородцевъ финскаго и литовскаго происхожденія, то самая точность и опредѣленность лѣтописныхъ свѣдѣній, въ—первые проливающихъ свѣтъ на ихъ территорію и на отношенія къ восточному славянству, дѣлаетъ для насъ ихъ разъясненіе обязательнымъ.

Міръ извѣстный Начальной лѣтописи можетъ быть нанесенъ на нынѣшнюю географическую карту въ слѣдующихъ предѣлахъ: на сѣверъ границею его служитъ параллель отъ Уральскаго хребта къ Невскому устью (приблизительно по 60° с. ш.), затѣмъ побережье Балтійскаго моря, южное побережье Нѣмецкаго моря и Британія; съ запада океаническіе берега Европы и частью Африки; на югѣ крайнія страны, извѣстныя ей: въ Африкѣ—побережье Средиземнаго моря и теченіе Нила, въ Азіи—Аравія и Индія; на востокѣ—Бактрія, Каспійское море и Волга. Выработанное уже древними географами дѣленіе земли на части свѣта Начальной Лѣтописи не извѣстно. Она не знаетъ ни Европы, ни Азіи, ни Африки. Она дѣлитъ извѣстный ей міръ по странамъ свѣта, на востокъ, страны полуденныя, полуночныя и западныя, причемъ въ общихъ чертахъ востокъ долженъ соотвѣтствовать Азіи, захватывая часть восточно европейской равнины за Дономъ и Волгою, югъ—Африкѣ, западъ и полунощье — Европѣ. Начиная разсказъ свой раздѣленіемъ земли по потопѣ между сыновьями Ноя, „Повѣсть“ дастъ при этомъ

перечень областей и народовъ, поселившихся въ каждомъ жеребіи. Внимательное разсмотрѣніе связи, въ которой стоитъ этотъ перечень къ общему ходу лѣтописнаго разсказа, приводитъ однако къ мысли, что онъ внесенъ въ Повѣсть позднѣе, и что въ ея первоначальной, для насъ утраченной редакціи его могло и не быть. Онъ не только не вызывается задачею Повѣсти, такъ ясно выраженною въ заглавіи, но и противорѣчитъ послѣдовательности разсказа. Прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что перечень исчисляетъ земли и народы, которые достались (япася) Симу, Хаму и Афету, тотчасъ по потопѣ, т. е. именно въ то время, когда по словамъ Повѣсти же „бысть языкъ одинъ.“ Вслѣдъ за тѣмъ Повѣсть переходитъ къ смѣшенію языковъ, и снова говоритъ о раздѣленіи земли между Ноевыми сыновьями, но уже весьма кратко и просто, очевидно съ единственною цѣлію связать происхожденіе Славянъ съ библейской этнографіей. „По разрушеніи же столпа и по раздѣленіи языкъ, говоритъ она (Лавр. 3), пріяша сынове Симови восточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны, Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне.“ Очевидно, что эта замѣтка и предшествующій ей перечень исключаютъ другъ друга, при чемъ или замѣтку, или перечень надо признать позднѣйшею вставкой, и конечно скорѣе всего подробный перечень, такъ какъ краткая замѣтка составляетъ естественный приступъ, „Повѣсти“ къ разсказу, — и безъ нея „Повѣсть,“ не смотря на перечень, все таки не имѣла бы начала. Тѣмъ не менѣе не льзя отказать перечню въ весьма раннемъ происхожденіи. Уже то одно обстоятельство, что онъ встрѣчается почти во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ Начальной Лѣтописи, даетъ поводъ думать, что онъ внесенъ въ нее первымъ составителемъ свода, можетъ быть, игуменомъ Сильвестромъ, а продолженіе его, описаніе западной и особенно сѣверовосточной Европы, могло возникнуть не позже конца XI или начала XII вѣка, хотя безъ сомнѣнія оно и основывается на свѣдѣніяхъ, сохранившихся изъ болѣе ранней эпохи.

По своему происхожденію и содержанію перечень земель и народовъ раздѣляется на двѣ части: одна содержитъ исчисленіе восточныхъ и полуденныхъ странъ и областей Балканскаго полуострова съ нѣкоторыми островами Архипелага и Іоническаго моря, заимствованное у византійскихъ хронографовъ; другая — свѣдѣнія о западной и восточной Европѣ, взятыя изъ мѣстныхъ источниковъ. Въ греческой исторической литературѣ сказаніе о дѣленіи земли между сыновьями Ноя появляется въ IV вѣкѣ, и съ того времени, говоритъ Шлецеръ: „сею сказкою, соединенною съ вавилонскимъ столпотвореніемъ, начинаются произведенія всѣхъ греческихъ и латинскихъ писателей исторіи, а за ними толпою слѣдуютъ даже до XV столѣтія позднѣйшіе восточные, западные и сѣверные хронографы.“ [8]).

Шлецеръ не могъ съ полною увѣренностью опредѣлить, у кого именно изъ Византійскихъ хронографовъ взятъ нашимъ лѣтописцемъ этотъ географическій отрывокъ, и полагалъ вѣроятнымъ, что здѣсь Кедринъ списывалъ Синкелла, а Несторъ Кедрина [9]). Дословное сходство нашего лѣтописнаго перечня съ космографіей хронографа IX вѣка Георгія Амартолы дало однако основаніе считать ее первоначальнымъ его источникомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ хронографъ былъ хорошо извѣстенъ составителю лѣтописнаго свода, который сдѣлалъ изъ него и другія извлеченія. Это открытіе принадлежитъ Строеву [10]). Греческій космографическій отрывокъ въ исчисленіи земель ограничивается историческимъ міромъ временъ римской имперіи, удерживая номенклатуру классическихъ географовъ. При этомъ онъ соблюдаетъ естественный порядокъ расположенія земель, и ведетъ ихъ перечень съ юга на сѣверъ, и съ востока на западъ [11]). Только въ исчисленіи полунощныхъ и западныхъ странъ онъ отступаетъ нѣсколько отъ этого порядка: отнеся къ нимъ южное побережье Чернаго моря отъ истоковъ Евфрата, онъ переходитъ къ восточному и сѣверному его берегамъ, называетъ здѣсь Колхиду, Воспоръ, Меотисъ, Дереви, Сарматію, Тавриду, Скиѳію, и за тѣмъ исчисляетъ области Балканскаго полуострова въ порядкѣ съ сѣвера на югъ. Остальной Европы, какъ было замѣчено выше, онъ не знаетъ. Этому сухому перечню дана — осо-

бенно въ Начальной Лѣтописи — столь несовершенная редакція, что едва-ли переписчики и читатели его могли составить себѣ ясное понятіе о положеніи упоминаемыхъ имъ земель и областей. Называя извѣстную землю, онъ перечисляетъ и области, на которыя она дѣлилась, не указывая однако, что они составляютъ только часть ея. Такъ мы видимъ въ немъ въ одномъ ряду Аравію старѣйшую, Елмаисъ, Инди и Аравію сильную: Египетъ и Ѳиваиду; Пелопонисъ и Аркадію. — Мидія и Вавилонія отнесены къ востоку, (къ Азіи), и вслѣдъ за тѣмъ въ странахъ полунощныхъ и западныхъ (въ Европѣ) показана Мидія и рѣка Тигръ, отдѣляющая ее отъ Вавилоніи. Въ ряду европейскихъ земель мы видимъ малую и великую Арменію, Пафлагонію, Галатію, часть Асійской страны, нарицаемую Опія (Іонію), тогда какъ европейскіе острова Сардани (Сардинія) Критъ и Кипръ упомянуты въ Азіи. Египетъ лежитъ въ Хамовой части, — а рѣка Геонъ, зовомая Нилъ, отчислена къ „сущимъ ко востокомъ.“

Отъ извѣстій греческаго хронографа существенно отличаются свѣдѣнія, сообщаемыя космографическою вставкою о восточной и западной Европѣ. Они не могли быть заимствованы у греческихъ хронографовъ, которые или не знаютъ упоминаемыхъ нашею лѣтописью земель, или же — если и знаютъ — то подъ другими названіями. Они очевидно почерпнуты изъ домашнихъ отечественныхъ источниковъ, чтó отразилось между прочимъ и на самомъ ихъ изложеніи. Тогда какъ въ греческомъ отрывкѣ мы имѣемъ почти исключительно [12]) названія областей (большей частью провинцій б. римской Имперіи),—здѣсь говорится только о народахъ и племенахъ. При разсмотрѣніи этой части перечня, нельзя однако не замѣтить большой разницы между свѣдѣніями о восточной и о западной Европѣ. — Исчисленіе племенъ въ восточной половинѣ ея есть почти дословное повтореніе того исчисленія ихъ, которое не разъ дѣлаетъ Начальная лѣтопись въ дальнѣйшемъ разсказѣ о Славянахъ и о ихъ инородческихъ сосѣдяхъ [13]). Названія нѣкоторыхъ племенъ, которыхъ не знаетъ текстъ Начальной лѣтописи, могли быть вставлены позднѣйшими переписчиками; но во всякомъ случаѣ

этою стороною перечень исотъемлемо примыкаетъ вообще къ лѣтописной географіи, объясняется и дополняется ею. Онъ представляетъ полную картину разселенія племенъ по всему пространству восточно-европейской равнины въ эпоху обнимаемую „Повѣстью," составляющею основу Начальной Лѣтописи [14]). Между тѣмъ, говоря о западной Европѣ, лѣтописецъ ограничивается ея побережьями, и называетъ только племена, живущія вдоль береговъ внутреннихъ морей и Атлантическаго океана. Континентальнаго населенія ея онъ не знаетъ. Это обстоятельство открываетъ самый источникъ свѣдѣній на Руси о западной Европѣ. По справедливому замѣчанію извѣстнаго изслѣдователя отечественной старины, И. Д. Бѣляева [15]), они могли быть получены только отъ Норманновъ, которымъ, какъ извѣстно, были близко знакомы европейскія побережья, съ VIII вѣка посѣщаемыя ими для торговли, а больше для грабежа и разбоевъ, но которые мало знали внутреннія земли Европы, поднимаясь въ глубину ихъ весьма рѣдко по теченію только значительнѣйшихъ рѣкъ. Свое знакомство съ западной Европой они передали русскимъ, водворившись сперва въ Новгородѣ, а за тѣмъ въ Кіевѣ. Иного источника этихъ свѣдѣній не видно. Приписывать ихъ нашимъ сѣверо-западнымъ торговымъ городамъ, (Новгороду, Полоцку, Смоленску) нѣтъ основанія, такъ-какъ морская торговля Руси съ западной Европой началась, можетъ быть, только въ XI вѣкѣ, ограничиваясь первоначально ближайшимъ Балтійскимъ моремъ. Еще яснѣе Норманское происхожденіе ихъ выступаетъ въ описаніи такъ называемыхъ водныхъ путей: „изъ Варягъ въ Греки" (Волховомъ, Ловатью, Днѣпромъ) и „въ Хвалисы" (къ Каспійскому морю Волгою). Эти пути, извѣстные у Норманновъ подъ именемъ austurweg [16]), Норманы узнали, безъ всякаго сомнѣнія, отъ восточныхъ Славянъ, которые могли пользоваться ими ранѣе своихъ мореходныхъ сосѣдей, для внутреннихъ сношеній; — но поставить ихъ въ связь съ морскими путями въ Грецію, знать, что великимъ водянымъ путемъ на востокѣ (Волховъ, Ловать, или Западная Двина и Днѣпръ) и Варяжскимъ моремъ съ другихъ сторонъ, — можно „ити до Рима, и изъ Рима по тому же морю къ Царю-граду, а отъ Царя-града ити въ

Понтъ море, въ не же течеть Днѣпръ рѣка" (Лавр. 3), которымъ на югѣ оканчивается водный путь восточной равнины, — знать это могли только Норманы [17]). Свѣдѣнія о западной Европѣ, занесенныя ими на Русь, сложились въ народное преданіе, и оттуда уже они вошли въ лѣтопись, которая получила ихъ такимъ образомъ изъ вторыхъ рукъ. Если бы лѣтописецъ записалъ ихъ по разсказамъ очевидцевъ, изложеніе ихъ было бы полнѣе, обстоятельнѣе, и навѣрное изобиловало бы подробностями, которыми вообще характеризуются разсказы бывалыхъ людей.

Западныя и полунощныя страны, составившія часть Афетову, на востокѣ и на юго-востокѣ примыкаютъ къ Симову предѣлу, а съ сѣвера, запада и юго-запада омываются моремъ, которому Начальная Лѣтопись даетъ общее названіе Варяжскаго [18]). Восточная граница идетъ отъ крайняго восточнаго пункта на Варяжскомъ побережьи къ Поволжью, отдѣляя Югру, Пермь, Черемису, Мордву и Мещеру, племена Афетовой части, отъ Болгаръ Волжскихъ и Камскихъ, область которыхъ находится уже въ Симовомъ предѣлѣ, и Славянское племя Вятичей (на Окѣ) отъ Казаръ (на Дону и нижней Волгѣ) [19]). Съ паденіемъ Казарскаго царства (X вѣкъ) и съ утвержденіемъ русскихъ въ Тмутаракани, восточные предѣлы Афетовой части раздвинулись далѣе до Каспійскаго моря и Кавказскихъ горъ. За тѣмъ восточная граница переходитъ черезъ Кавказскія горы къ верховьямъ Ефрата. Что касается границъ съ остальныхъ трехъ сторонъ, то направленіе и очертаніе ихъ открывается непосредственно изъ лѣтописнаго перечня заселившихъ его народовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и пониманіе лѣтописцемъ положенія и вида западной Европы. По Варяжскому морю, говоритъ онъ (Лавр. 2), сидятъ Ляхи, Прусы и Чудь; по тому же морю сидятъ Варяги съ одной стороны до Симова предѣла, съ другой до землѣ Агнянски и до Волошьски. За тѣмъ, оставляя Ляховъ, Прусовъ и Чудь, очевидно занимавшихъ побережье, противуположное тому, на которомъ жила часть Варяговъ до Агнянской земли [20]), онъ переходитъ къ исчисленію племенъ этого Афетова колѣна, при чемъ держится естественнаго порядка, въ какомъ они заселяли, по его свѣдѣніямъ, Варяжское побережье. „Афетово бо и то

колѣно, говоритъ онъ,—Варязи[21]): Свѣи, Урмяне, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязм, Веньдици, Фрягове и прочіи" (Ibid). Свѣи (Свое), Урмяне, и, весьма вѣроятно, Русь пріурочиваются лѣтописцемъ [22]) къ Скандинавіи (Шведы и Норвежцы); Готы — къ Готланду, ибо Новгородъ рано завязалъ торговлю съ этимъ островомъ, называвшемся Гочкымъ берегомъ, и уже въ началѣ XI вѣка Готы (Гъты, Гты) имѣли постоянное пребываніе въ Новгородѣ и несли на равнѣ съ горожанами нѣкоторыя городскія повинности [23]). Агнянъ (Аньгляпъ) слѣдуетъ, кажется, считать послѣднимъ племенемъ на крайнемъ западѣ Варяжскаго побережья, которое здѣсь должно измѣнять отмѣченное прежде лѣтописцемъ направленіе по широтѣ (съ востока на западъ) на меридіональное (съ сѣвера на югъ): Галичане и слѣдующіе за ними народы — именно тѣ, которые, по наказанію лѣтописца, „присѣдять отъ запада къ полуденью." Подъ именемъ Галичанъ скрываются или жители Испанской области Галиціи, или, можетъ быть, Галлы или Галаты, главное племя Кельтовъ, отъ которыхъ Варяжское море у восточныхъ писателей XIV вѣка получило свое другое названіе Галатскаго [24]); Волхвы (Волхва, Лавр. 2) обозначаютъ общее населеніе Италіи, къ которому принадлежатъ Римляне Веньдици (Венеціане) и Фрягове (Генуезцы) [25]). Загадочные Нѣмцы Корлязи, которыхъ Шлецеръ считаетъ за одно племя,- могутъ быть единственный народъ континента западной Европы, извѣстный лѣтописцу. Названіе „Нѣмцы" съ половины XI вѣка начинаютъ употребляться вообще для обозначенія западно-европейскаго населенія и вытѣсняетъ собою Варяговъ. Въ Корлязяхъ же Кругъ предполагаетъ племена, подчинившіеся Каролингамъ [26]).

Такимъ образомъ Варяжское море лѣтописца, начинаясь на сѣверо-востокѣ у Симова предѣла, близь Волжскихъ и Камскихъ Болгаръ, тянется на западъ до береговъ Англіи, отдѣляя здѣсь Чудь, Пруссовъ и Ляховъ отъ Варяжскихъ племенъ, за тѣмъ у береговъ Англіи оно поворачиваетъ на югъ, охватывая берега Франціи, Испаніи и Италіи. Эти свѣдѣнія пополняются нѣсколько описаніями водпаго Варяжскаго пути. Изъ него видно,

что лѣтописцу была извѣстна связь Средиземнаго моря съ Чернымъ. Его Варяжское море на югѣ отдѣляетъ Афетову часть отъ Хамова предѣла, ближайшимъ пунктомъ къ которому онъ называетъ Римъ; и за тѣмъ близъ Царяграда оно сливается съ Понетьскимъ или Русскимъ моремъ. Но гдѣ начало Средиземнаго моря, гдѣ Варяжское побережье перемѣняетъ свое меридіанальное направленіе на направленіе по широтѣ, — лѣтопись не указываетъ. Въ разсмотрѣнномъ выше греческомъ космографическомъ отрывкѣ крайнею западною областью въ Хамовомъ предѣлѣ названа Мавританія; противъ нея, слѣдовательно въ Афетовой части, лежитъ Гадиръ [27]). Этимъ только и опредѣляется отчасти пунктъ поворота Варяжскаго побережья лѣтописи на востокъ.

Таковы очертанія Европейскаго побережья, по понятіямъ лѣтописца. Вообще они близки къ истинѣ. Только Балтійскому морю въ связи съ Нѣмецкимъ онъ очевидно даетъ неправильное положеніе. Доводя его на востокъ до Симова предѣла, онъ въ тоже время даетъ теченію Западной Двины, которая беретъ начало вмѣстѣ съ Волгою и Днѣпромъ изъ Оковскаго лѣса, сѣверное направленіе, и такимъ образомъ заставляетъ впадать въ Балтійское море не съ востока, а съ юга [28]); но при этомъ должно измѣниться и положеніе Скандинавскаго полуострова, какъ справедливо замѣтилъ С. М. Соловьевъ. „Скандинавскій полуостровъ, — говоритъ этотъ наблюдательный историкъ Россіи, — мы должны положить поперекъ; Балтійское (Варяжское) море будетъ находиться на сѣверъ отъ русскихъ владѣній, составлять одно цѣлое съ Нѣмецкимъ; это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря, — при чемъ сѣверный скандинавскій берегъ (Варяжскаго) моря будетъ соотвѣтствовать европейскому берегу Средиземнаго; южный берегъ Варяжскаго — африканскому берегу Средиземнаго; слѣдовательно Скандинавскій перешеекъ, подобно Суецкому, долженъ находиться на востокѣ, — около Уральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симовою [29])." Такое же положеніе имѣетъ Варяжское море отчасти у западныхъ писателей XI—XII вѣка [30]), но болѣе всего у восточныхъ географовъ, — и если по-

слѣдніе не придаютъ ему такого широкаго значенія, какъ нашъ лѣтописецъ, пріурочивая его собственно къ Балтійскому морю въ связи съ Нѣмецкимъ [31]), то отъ этого нисколько не измѣняется сущность дѣла. Абуръ-Риганъ Бируни или Кореэми, писавшій въ Индіи, не задолго до составленія нашей лѣтописи (въ 1030 г.), говоритъ, что море, которое Греки называли Океаномъ, у береговъ Саклабы (Славянской земли) отдѣляетъ отъ себя каналъ или рукавъ, простирающійся до Булгаръ, — мусульманскаго края, то есть до Поволжья и Камы. Этотъ заливъ называется Варяжскимъ, по имени народа, живущаго на его берегахъ. Отъ Болгаріи онъ поворачиваетъ на востокъ [32]). Тоже извѣстіе, вслѣдъ за Абуръ-Риганомъ повторяютъ Абульфедова географія, Ибнъ-эль-Варди (въ половинѣ XIV вѣка) и Ибнъ Шабибъ, не называя впрочемъ Варяжскаго моря. Ибрагимъ-бенъ-Васифшахъ, жившій въ первой четверти XIII вѣка, говоритъ о двухъ рѣкахъ моряхъ, омывающихъ берега Славянской земли, изъ которыхъ одно течетъ съ сѣвера на югъ; другому же онъ даетъ направленіе съ запада на востокъ; оно стоитъ въ связи съ третьимъ моремъ, прилегающимъ къ области Болгаръ [33]), можетъ быть, съ Каспійскимъ. Второе море бенъ-Весифшаха несомнѣнно Варяжское. Астрономъ Насиръ-едъ-динъ изъ Туса (ум. въ 1274 г.), упомянувъ о Варяжскомъ морѣ, подалъ своему комментатору, Шерифу Джорджани поводъ къ его описанію, которое совпадаетъ отчасти съ извѣстіемъ Бируни, съ тѣмъ только различіемъ, что Варяжское море Джорджани тянется на востокъ за непроходимыми горами и необитаемыми землями даже до границъ Китая. Джорджани писалъ въ началѣ XV вѣка (1409 г.); но по замѣчанію Френа, извѣстія, сообщаемыя имъ, могутъ быть отнесены и къ XII — XIV вѣкамъ [34]). Такое представленіе господствовало у восточныхъ писателей до конца XVI вѣка.

Сходство показаній нашего лѣтописца о положеніи Варяжскаго моря съ извѣстіями современныхъ ему западныхъ историковъ и восточныхъ географовъ, — съ одной стороны заставляетъ видѣть въ текстѣ лѣтописи, на которомъ основано выше сдѣланное заключеніе, подлинныя слова ея, а не описку или ошибку переписчика, какъ то можно было-бы подумать, и объяснить ихъ

по ихъ прямому смыслу и значенію, — а съ другой — указываетъ на одинъ общій источникъ, изъ котораго черпали свои свѣдѣнія, какъ нашъ лѣтописецъ, такъ и мусульманскіе писатели. Мы видѣли, что свѣдѣнія о западной Европѣ и о водныхъ путяхъ съ сѣвера въ Грецію получались на Руси отъ Норманновъ; отъ нихъ же получили ихъ и восточные географы: арабы узнали Норманновъ на югѣ, на побережьяхъ Средиземнаго моря, и еще ранѣе (въ XI в.) на востокѣ, на Волгѣ, въ Болгаріи и Казаріи, и въ Персіи.

Объ устройствѣ поверхности извѣстныхъ ей земель Начальная Лѣтопись сообщаетъ весьма немногое. Тутъ извѣстія ея касаются исключительно восточно-европейской равнины, простирающейся отъ „Кавказскихъ [35]) рекше Угорскихъ" горъ (Лавр. 265) и Чешскаго Лѣса (103) до Варяжскаго моря съ одной стороны, Понта и Хвалискаго моря (3) съ другой. Изъ того, что перечень племенъ, переходя къ полуночнымъ странамъ, прежде всего упоминаетъ Угорскія (Карпатскія) горы, видно, что лѣтописецъ понималъ важное значеніе ихъ, какъ естественной границы славянорусскаго міра на юго-западѣ; по высотѣ ихъ, онъ называетъ ихъ „великими" (10). Чешскій Лѣсъ сдѣлался извѣстенъ русскимъ во второй половинѣ XI вѣка, когда въ 1076 году до него доходила дружина Мономаха въ походѣ „Ляхомъ въ помощь на Чехы" (Лавр. 85): „Ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, говоритъ онъ въ своемъ поученіи (103), ходивъ въ земли ихъ (Чеховъ) 4 мѣсяци [36]). Гораздо ранѣе должны были стать извѣстными на Руси Кавказскія горы, у подошвы которыхъ съ X вѣка образовалось русское владѣніе Тмутаракань. Лѣтопись не упоминаетъ ихъ; но сношенія русскихъ князей съ ихъ населеніемъ—Ясами и Косогами, начавшіяся со времени Святослава, не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что уже тогда возникло на Руси ихъ названіе Ясскихъ горъ, подъ которымъ они извѣстны въ позднѣйшихъ памятникахъ. Какъ отличительную особенность восточной равнины, лѣтопись отмѣтила на ней центральное плоскогорье, съ котораго въ различныхъ направленіяхъ стекаютъ главныя рѣки равнины: на востокъ — Волга, на югъ — Днѣпръ, на сѣверъ —

къ Варяжскому морю, Двина (3). Она называетъ его Оковскимъ (Воковскимъ, Волоковскимъ) лѣсомъ. Цѣпь покрытыхъ дѣвственными лѣсами холмовъ, которая связуетъ это плоскогоріе съ естественными границами равнины, Уральскимъ хребтомъ (на в.), Олонецкими горами (на с. з.), и (на ю. з.) съ Карпатами, и которая составляетъ водораздѣлъ между бассейнами четырехъ окраинныхъ морей равнины, была въ глубокой древности извѣстна подъ именемъ Волока, и имѣла важное значеніе, какъ естественная этнографическая граница разнообразныхъ племенъ, населившихъ равнину. Слѣды этаго древняго названія сохранились до сей поры въ наименованіяхъ живыхъ урочищъ и рукозданныхъ мѣстностей, которыя тянутся непрерывною полосою отъ Авратынскихъ горъ на юго-востокѣ черезъ Оковскій лѣсъ къ Бѣлуозеру и верхнему бассейну сѣверной Двины [37]). Впрочемъ Волокомъ обозначался преимущественно лѣсистый водораздѣлъ между сѣверными притоками Волги (Молога, Шексна, Кострома, Унжа, Кама) съ одной стороны, и Озерной областью (Мста, Сясь съ Тихвинкой) и Бѣломорскимъ бассейномъ съ другой. Вся обширная сѣверная покатость на с. в. отъ озера Онежскаго и на с. отъ Бѣлоозера, бассейнъ Онеги, Сѣверной Двины, Мезени и Печоры, уже въ XI вѣкѣ носила названіе Заволочья (1078. Лавр. 85), т. е. страны лежащей по ту сторону Волока, и перечень племенъ обозначаетъ Финскіе народцы, жившіе на этомъ пространствѣ, общимъ именемъ Заволоцкой Чуди [38]). Въ эпоху составленія Начальной Лѣтописи Русскіе (Новгородцы) только что стали утверждаться въ Заволочьи, и лѣтописецъ имѣлъ о немъ, какъ видно, весьма неясное представленіе. Онъ не знаетъ ни одной изъ большихъ рѣкъ, пересѣкающихъ этотъ край, и первыя свѣдѣнія его о Уральскомъ хребтѣ, полученныя имъ изъ Заволочья, отъ жившаго тамъ племени Югры, имѣютъ баснословный характеръ, и служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что русскіе не доходили еще тогда до Урала, и знали о немъ только по слухамъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Какъ увидимъ ниже, крайнія поселенія ихъ въ сѣверо-восточномъ Заволочьи даже во второй четверти XII вѣка, не переходили за Мезень, и оканчивались на Пинегѣ. Поэтому, сопоставляя извѣстія На-

чальной лѣтописи о Заволочьи съ тѣмъ, что она говоритъ о положеніи Варяжскаго моря, нельзя не придти къ тому заключенію, что составитель ея представлялъ себѣ Заволочье узкою полосою между Поволжьемъ (Бѣлоозеро) и Варяжскимъ моремъ, побережье котораго тянулось, не измѣняя своего направленія, отъ устья озера Нево (Ладожскаго) къ предѣламъ Волжскихъ Болгаръ, и, упираясь гдѣ-то на крайнемъ сѣверѣ въ горный хребетъ, образовывало заливъ: „Суть горы, такъ занесенъ въ лѣтопись разсказъ Югры (Лавр. 107), — зайдуче луку моря, имъ же высота аки до небесе.... Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же подаль и на полупощьи."

Области, расположенныя на центральной возвышенности назывались, по отношенію къ Подпѣпровью и Поволжью, Верхними землями или Верхомъ. Какъ кажется, названіе это возникло первоначально на югѣ; по крайней мѣрѣ въ-первые оно встрѣчается въ южнорусскомъ извѣстіи о сборахъ Владиміра Святославича на Печенѣговъ, о его походѣ въ Новгородъ по „верховніѣ (верхніе) вои" (Лавр. 54). Для ближайшаго опредѣленія пространства, которому придавалось это названіе, служатъ лѣтописныя извѣстія XII вѣка. Изъ нихъ видно, что Верхними землями и Верхомъ назывались собственно Новгородская и Смоленская области (1147 Ипат. Лѣт. 36), и что имъ противуполагалась тогда Русская земля (1148 ibid. 39) въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. все теченіе Днѣпра внизъ отъ верховьевъ Десны и отъ устьевъ Березины и Сожи, княженія Кіевское, Черниговское и Переяславское. Есть основаніе думать, что по отношенію къ Верху, Верхнимъ землямъ этой области придавалось, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ, названіе Низа, Низовской земли [39]), названіе, которымъ впослѣдствіи—съ развитіемъ исторической жизни на сѣверо-востокѣ стало обозначаться все Поволжье внизъ отъ Тверцы. Такъ въ 1196 г., Ярославъ княжилъ „на Торъжку въ своей волости, и дани поима по всему Вьрху и по Мстѣ и за Волокомъ вьзми дань" (Новг. 1-я стр. 23). Въ 1185 году великій князь Святославъ Всеволодовичъ изъ Карачева (въ области верхней Десны) собиралъ „отъ верхнихъ земель

вой" (Ипат. 132). Изъ другихъ возвышенностей восточно-европейской равнины, въ Начальной лѣтописи упоминаются: на правомъ берегу Днѣпра — Кіевская гора, на которой стоялъ Кіевъ (Лавр. 4, 7, 9, 23, 73, 75), и близъ нея Щекавица (4, 16), Хоревица (4) и Угорское (10) [40]), названныя въ лѣтописи холмами (31); далѣе, на югъ отъ Кіева, — холмъ парящаемый Выдобичи (1096, 99, — въ 2 верстахъ отъ Печерскаго монастыря и Витичевъ (Вытечевскій, Витчевъ) холмъ (1095. 97); наконецъ на восточной сторонѣ Днѣпра, на Деснѣ, подъ Черниговомъ Болдины горы, на которыхъ св. Антоній основалъ монастырь св. Богородицы (1074. 83). Замѣтимъ здѣсь, что слово „гора" не имѣло тогда такого исключительнаго значенія, какъ теперь; горою назывался также берегъ, береговой путь, и вообще сухопутье, — смыслъ, который имѣетъ это слово въ Новгородскомъ извѣстіи 1201 года о приходѣ Варяговъ въ Новгородъ „горою" на миръ (Новгор. Перв. 25), и, какъ кажется, въ преданіяхъ о пути Апостола Андрея изъ Корсуни въ Новгородъ по Днѣпру горѣ" (Лавр. 4) и Угровъ—„мимо Кіева горою" (10) [41]).

Изъ обширныхъ бассейновъ равнины, вершины которыхъ сходятся у Оковскаго лѣса и примыкающихъ къ нему волоковъ, въ эпоху Начальной лѣтописи первое мѣсто занимали западная часть бассейна Черноморскаго, часть бассейна Балтійскаго на югъ отъ Финскаго залива и Ладожскаго озера и верхнее Поволжье. Это было мѣсто первоначальнаго разселенія восточныхъ Славянъ, и здѣсь главнымъ образомъ совершались событія, обусловившія возникновеніе и сложеніе русскаго государства. На ходъ этого разселенія и на направленіе событій могущественное вліяніе имѣли рѣки. Въ странѣ, покрытой дѣвственными лѣсами, составлявшими ея рѣзкую особенность [42]), и пересѣченной болотами, они представляли, если не единственные, то главные пути для движенія населенія и распространенія въ немъ началъ цивилизаціи. Населенныя мѣста группировались почти исключительно по ихъ побережьямъ. Съ другой стороны обиліе лѣсовъ поддерживало въ нихъ полноводіе. Они были шире и глубже, и удобнѣе для судоходства, чѣмъ теперь, при ихъ видимомъ обмеленіи; оно начиналось ближе къ ихъ истокамъ, и производи-

лось по многимъ побочнымъ рѣкамъ, которыя въ настоящее время или пересохли, или обратились въ болота. Таковы между прочимъ, притоки Десны Сновь, теперь болото Замглай, и Востръ (Остеръ), у самыхъ истоковъ которыхъ находятъ обломки большихъ судовъ [43]). При полноводіи, и пороги не представляли такихъ затрудненій, какъ теперь. По крайней мѣрѣ еще въ XIII вѣкѣ было свободное судоходство вверхъ и внизъ по Днѣстру и былъ возможенъ взводъ судовъ по порогамъ Днѣпровскимъ [44]). Все это служило къ значительному сокращенію волоковъ, и облегчало связь между населеніемъ различныхъ бассейновъ и колонизаціонное распространеніе Славянства на сѣверо-востокъ равнины. Изъ рѣкъ Черноморскаго бассейна, извѣстныхъ начальной лѣтописи — Дунай (Лавр. 2, 4, 5, 27) съ Моравою (3), Днѣстръ (2, 5), Богъ (Бугъ восточный или южный въ Поуч. Моном. 104), Донъ (104, 121), — болѣе другихъ имѣлъ значенія Днѣпръ и его система. Занимая своими развѣтвленіями пространство въ 9,500 кв. миль, Днѣпръ послужилъ главнымъ путемъ при разселеніи восточныхъ Славянскихъ племенъ, съ первоначальныхъ обиталищъ частью осѣвшихся въ его области, частью же переселившихъ въ Озерную область, верхнее Поволжье и на Оку. По возникновеніи на ю. з. равнины Русскаго государства онъ обусловилъ быстрое распространеніе его границъ до этнографическихъ предѣловъ Славянства, быстрое подчиненіе ему разсѣянныхъ Славянскихъ племенъ. Наконецъ своимъ теченіемъ на югъ къ Понту, онъ поставилъ Русь въ связь съ христіанскимъ востокомъ и его цивилизаціей. Этимъ объясняется, почему въ Начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ наиболѣе данныхъ о его системѣ. Въ великомъ водномъ пути, соединявшемъ окраинныя моря восточной равнины, Днѣпръ составлялъ главное звѣно. Его вершины стояли въ связи съ одной стороны съ Западною Двиною и черезъ нея съ Озерною областью, а съ другой съ Поволжьемъ. Отъ первой онъ отдѣляется только 30 верстнымъ волокомъ отъ Смоленска къ Касплѣ и Касплинскому озеру, а отъ Волги волокомъ, который шелъ, по всей вѣроятности, отъ сел. Волочка къ верховьямъ Волжскаго притока Вазузы (Ср. Ходак. Пути сообщ. 24). Сверхъ того юж-

ный притокъ Днѣпра Осма, на которомъ находятся безъ сомнѣнія старинныя поселенія Ховрачь, Гаврики (ср. Гаврики на Касплѣ, о которыхъ будетъ ниже, и Нормапскіе Hawrik въ Англіи, Hayre въ Нормандіи), Городокъ, Рославль, — подходитъ своими вершинами къ Угрѣ, притоку Оки въ Дорогобужскомъ и Юхновскомъ уѣзд., и такимъ образомъ связываетъ Поднѣпровье съ Окскою областью. Наконецъ южные притоки, сближаясь съ источниками Десны (въ Ельнинскомъ у.), ставили верхній Днѣпръ въ непосредственную связь съ верхнимъ Подесснемъ. Не менѣе важное развѣтвленіе составляютъ важнѣйшіе притоки средняго и нижняго Днѣпра — Десна — для связи его области съ Окою и (черезъ Сеймъ) съ Дономъ, Припеть — для связи съ Понѣманьемъ, Побужьемъ (Вислянскаго бассейна) и Прикарпатской областью Днѣстра, и, какъ весьма вѣроятно Самара, которая своимъ притокомъ Волчьею Водою сближается съ Міусомъ (черезъ Крынку) и съ Калміусомъ, вливающимися въ Азовское море, и которая такимъ образомъ могла служить прямымъ путемъ сообщенія между Поднѣпровьемъ и Азовскимъ побережьемъ (Тмутараканью) [45]). При такомъ выгодномъ расположеніи вершинъ, Днѣпръ былъ судоходенъ на всемъ своемъ теченіи, только въ порогахъ (Лавр. 31) представлял значительныя затрудненія при спускѣ и взводѣ судовъ. Впрочемъ затрудненія эти не были непреодолимы, какъ это видно изъ описанія Днѣпровскаго пути, сдѣланнаго Константиномъ Порфпрородпымъ, [46]) и изъ нашихъ отечественныхъ извѣстій, свидѣтельствующихъ о живомъ движеніи внизъ и вверхъ по Днѣпру. Какъ пристани могутъ быть отмѣчены на этой рѣкѣ: у Смоленска Смядинъ (1015 Лавр. 59), Любечь (882. 10) Вышеградъ (Лавр. 25, 34, 53; Const. Porph. de Adm. Imp. Cap. 9) у Кіева Угорское и устье ручья Почайны или Ручая (955. 26), Треполь (1093. 94, т. Триполье, при устьи Стугны), въ которомъ въ XII вѣкѣ — были Водныя ворота (1177 Ипат. 119), Витичевъ (въ 57 верстахъ ниже Кіева), о которомъ упоминаетъ Констаптинъ Порфпрородный (ibid), Каневъ (Патерикъ Печерскій въ житіи Ѳеодосія), Хортичь островъ (1103, Лавр. 118) Олешки гор., островъ св. Еѳерія (Елферія 945. 22, — теп. Березань) [47]) на Днѣпров-

скомъ лиманѣ. Изъ рѣчныхъ урочищъ на Днѣпрѣ лѣтопись называетъ Перунову рѣнь ниже пороговъ (988, 50) и Бѣлобережье [48]) (945, 22, 31), какъ называлось, кажется, вообще все побережье Днѣпровскаго и Бужскаго лимана. Изъ многочисленныхъ притоковъ Днѣпра лѣтопись знаетъ Припеть (2, 3, 120) съ притокомъ Горынею (1097, 112), Звиждень (1097. 111. — Здвижъ рѣка, черезъ Тетеревъ вливающаяся въ Днѣпръ), ручей Почайна или Ручай подъ Кіевомъ (26, 50) со впадающимъ въ него ручьемъ Сѣтомлею (1036, 65), Лыбедь (4, 34 теп. граница съ ю. з. и з. Кіевскаго городскаго владѣнія, впадаетъ въ Днѣпръ нѣсколько ниже Печерской крѣпости), Стугна (988, 52, 94) и Рось (980, 33, 65, 97, 103); это — съ правой стороны; съ лѣвой: Сожъ (Съжа, 5) съ Пищанью (984. 34, теп. Пещань руч. въ Старобыховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, беретъ начало въ 6 верстахъ отъ Пропойска и въ 79 отъ Могилева; течетъ нав.), Десну (2, 3, 26, 120) съ Сеймомъ (3), Сновью (1067, 72, теп. ручей или болото Замглай см. выше прим. 43) и Вьстрью (988, 52, Въстрь 116), рѣчку Радосынъ, которая вливается въ Черторыю, протокъ, идущій изъ устья Десны въ Днѣпръ (противъ Угорскаго [49]); Долобское озеро (1103 Лавр. 118; ср. ibid. 143), сливающееся съ Черторыею; Золотчу (110, 1, 117), небольшой ручей, или, скорѣе, прибрежное проточное озеро нѣсколько ниже Долобьскаго озера, Трубежъ (988, 52) съ Льтою или А (о) льтою (1015, 55, 62). Суной (Поуч. Мономаха 103), Сулу (3, 52, 103, 120) и (притоки Псела:) Хоролъ (Поуч. Мон. 103, 107) Голта (Гольтва въ Поуч. Моном. Гольтавъ; Лавр. 103, — 1111 Ипат. 2, 37), и протокъ Протолчье, ниже острова Хортицы (1103. Лавр. 118, на лѣвомъ берегу Днѣпра). — Какъ пути сообщенія, наибольшее значеніе имѣли Припеть, Сожъ и Десна. Припеть связывала съ среднимъ Подпѣпровьемъ племена Древлянъ, Дреговичей и Волынянъ, и вершинами своими сближалась съ западнымъ Бугомъ и притокомъ Днѣстра, Серетомъ, т. е. съ Повисляпскою и Прикарпатскою областями, а Сожъ и Десна съ землями Кривичей, и Вятичей, т. е. съ верхнимъ Подпѣпровьемъ и областью Оки. Черезъ Сожъ шелъ путь въ Поволжье, который въ

XII вѣкѣ обозначался путемъ „на Радимичѣ" (1169 Ипат. 97.) онъ соединялся съ путемъ, проходившимъ черезъ верхнюю Десну, при посредствѣ или Ипути, или же другого притока Сожи, Остра, — вершины которыхъ сближаются съ Десною. Десна, вершинами притока своего Болвы, подходитъ къ Угрѣ, а Снѣжатью (на с. в. отъ Брянска) сближается съ правымъ притокомъ Жиздры, Ресетою. Что именно по этимъ рѣкамъ шелъ Подесенскій путь изъ Поднѣпровья въ область Оки и Москвы, могутъ подтверждать селл. Стайки и Стой на верховьяхъ Болвы Стайки на Ресетѣ (въ Жиздринскимъ уѣздѣ); на Угрѣ; Стайки (въ Ельнинскомъ у. верстахъ въ 15 на в. отъ у. г.) близь верховьевъ Десны, — и близь верховьевъ Болвы (въ томъ же уѣздѣ)— Станы, Всходы и пр., — названія, которыя — своимъ этимологическимъ значеніемъ — могутъ указывать на пролегавшіе здѣсь пути сообщенія. Изъ событій XII вѣка видно, что путь изъ Новагорода Сѣверскаго въ землю Вятичей шелъ черезъ Карачевъ, что́ на Снѣжати. Лѣвые притоки Десны Сеймъ и Остеръ (Вострь) служили проводникомъ для славянскаго населенія Поднѣпровья и для христіанской цивилизаціи на востокъ къ области Дона, къ кочевьямъ Азіятскихъ номадовъ.

Изъ рѣкъ Балтійскаго бассейна Начальная Лѣтопись называетъ Вислу (Лавр. 3), въ которую впадаютъ Санъ съ Вягромъ (1097, 115) и Бугъ (Западный, 3. 5, 63) съ Нуромъ (1102. 111), Двину (2, 3) съ притокомъ Полотою (3), Ловать (3), притокъ Шелони Судомѣръ или Судому [50]), на которой Брячиславъ Полоцкій былъ разбитъ Ярославомъ въ 1021 году (63), Волховъ (2, 3) съ ручьемъ Пидьбою (Пидбляпинъ 988 Новгор. 111, 207), впадающій въ озеро Нево (Ладожское), устье котораго „внидетъ въ море Варяжское (Лавр. 3), — Лугу и Мсту (497, 25). Изъ нихъ Двина и связанныя озеромъ Ильмеремъ (3) Ловать, Волховъ и Мста входили въ систему великаго воднаго пути восточной равнины,—„изъ Варягъ въ Грекы," по выраженію лѣтописи. Какъ мы уже видѣли, Начальная Лѣтопись имѣетъ о положеніи Западной Двины невѣрное представленіе; изъ описанія же Варяжскаго пути обнаруживается, что лѣтописецъ, принявъ ея сѣверное направленіе, не знаетъ, что

она должна составлять немнуемое звѣно между Днѣпромъ и Ловатью въ Озерной области, — и между этими рѣками онъ полагаетъ волокъ: „а верхъ Днѣпра волокъ до Ловати" (3). По этому только на основаніи позднѣйшихъ извѣстій XII — XIII вѣка можно представить нѣкоторыя соображенія объ этой части Варяжскаго пути. Относительно пути изъ Двины въ Поднѣпровье мы находимъ въ нихъ указаніе, хотя и косвенное, на то, что онъ лежалъ именно по р. Касплѣ, о которой было говорено выше. По извѣстію Новгородской (Первой) лѣтописи (стр. 24), въ 1198 году князь Ярославъ съ Новгородцами ходилъ войною изъ Новгорода на Полоцкъ, но Полочане встрѣтили его съ поклономъ на озерѣ Касплѣ (Касоплѣ), и заключили съ нимъ миръ.—Извѣстіе это очевидно не вѣрно, ибо озеро Каспле лежитъ на пути изъ Полоцка не въ Новгородъ, а въ Смоленскъ, и Полочане могли встрѣтить Новгородцевъ только при устьи рѣки Каспли, а не на озерѣ Касплѣ, черезъ которое эта рѣка протекаетъ; но во всякомъ случаѣ оно важно для насъ, какъ несомнѣнное свидѣтельство того, что въ Новгородѣ знали озеро Каспле, какъ урочище, лежащее на обычномъ пути изъ Озерной области къ югу. Селенія по Касплѣ и ея южному притоку Выдрѣ—Волоковая, Гаврики, Зарубинцы, Городокъ и др., сколько можно судить по ихъ названіямъ, должны принадлежать къ древнѣйшимъ на Руси [51]). Что касается связи Западной Двины съ Озерной областью, то она поддерживалась нѣсколькими путями, сдѣлавшимися извѣстными весьма рано. По указаніямъ лѣтописей эти пути проходили черезъ Еменецъ, гор. Лучинъ, селл. Дубровну въ Торопецкой волости, и Муравійну въ Новгородской и черезъ Торопецъ. О первомъ изъ нихъ, черезъ Еменецъ, говоритъ Новгородская лѣтопись подъ 1185 годомъ (стр. 19): „Поиде Давидъ къ Полотьску съ Новгородци и Смольняны, и, умирившеся, воротишася на Еменьци." Озеро Еменецъ и на немъ село Еменецъ находятся въ теп. Невельскомъ у., въ 9 верстахъ къ югу отъ у. г. Оно лежитъ между верховьями Ловати и праваго притока Двины, Оболи, сближающимися между собою цѣпью озеръ и протоковъ. Еменецкій путь могъ идти такимъ образомъ отъ устьевъ Оболи, нѣсколько выше Полоцка,

вверхъ по Оболи къ озеру Езерищу или Озерищу, изъ котораго вытекаетъ эта рѣка, и на которомъ островъ Городище и Древнее Укрѣпленіе (XV в.), — оттуда волокомъ или къ Ямещу и Одрову озеру, связаннымъ съ озеромъ Еменцемъ, или прямо къ озеру Еменцу, отстоящему отъ Езерища не болѣе 10-ти верстъ; изъ Еменца рѣкой Еменкой въ озеро Невель; изъ Невеля вверхъ по Еменкѣ между озеръ Воротна и Череповицы къ озеру Молоспо, и отъ Молоспа къ озеру Камшину, связанному съ Ловатью, на которой въ двухъ верстахъ ниже находится село Бродки. Этотъ путь могъ служить только для непосредственныхъ сношеній между Новгородомъ и Полоцкомъ. Имъ шелъ на Полоцкъ войною Новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ въ 1178 г. (Ипат. 120). Другой путь лежалъ черезъ городъ Лучинъ; о немъ мы имѣемъ указаніе въ извѣстіи о поѣздкѣ князя Рюрика Ростиславича изъ Новагорода въ Смоленскъ, въ 1173 году, когда у этого князя на дорогѣ, въ городѣ Лучинѣ, родился сынъ Михаилъ, которому онъ и отдалъ этотъ городъ (Ипат. 107). Лучинъ пріурочивается къ топ. селу Лучани на Лучанскомъ озерѣ, которое сближается съ одной стороны съ Западною Двиною, а съ другой съ верховьями Полы, праваго притока Ловати. Въ такомъ случаѣ эта вѣтвь великаго водпаго пути могла идти отъ устья Каспли Двиною вверхъ до озера Жаденья или Жадоре, оттуда р. Вологдою въ озеро Отолово, и волокомъ и протоками черезъ Лучанское озеро къ верховьямъ Полы и ея притоковъ. Наконецъ о третьемъ пути черезъ Дубровну и Муравіинъ — мы находимъ указанія въ описаніи Литовскаго набѣга на Старую Русу въ 1234 году. Оно дало Д. Ходаковскому основаніе предположить, что путь этотъ лежалъ отъ Двины вверхъ по р. Торопѣ до Желна, оттуда 3-ти верстнымъ волокомъ къ р. Сережѣ (въ Холмскомъ уѣздѣ), впадающей въ Ловать. Этотъ путь дѣйствительно былъ извѣстенъ въ древности, и мы находимъ положительное свидѣтельство о немъ въ лѣтописномъ извѣстіи о походѣ князя Ростислава Мстиславича въ 1168 — 1169 г. изъ Смоленска въ Новгородъ черезъ Торопецъ [5]; но, какъ кажется, именно въ объясненіи событія 1234 года, предположеніе Д. Ходаковскаго— невѣрно; напротивъ, лѣтописный разсказъ открываетъ здѣсь

иную вѣтвь Варяжскаго пути, совершенно отличную отъ указанной Ходаковскимъ. Рѣка Сережа, о которой говоритъ онъ здѣсь, впадаетъ въ Ловать не прямо, а черезъ р. Кунью (у сел. Зуева въ Торопецкомъ уѣздѣ). По разсказу лѣтописи (Новгор. I стр. 49) Литва, ограбивши Русу, отступила на Клинъ, который мы находимъ на одномъ изъ притоковъ верхней Куньи, миляхъ въ трехъ къ западу отъ озера Двинья, сообщаося съ Западною Двиною. Когда преслѣдовавшіе Литву Новгородскіе лодейники воротились, за недостаткомъ хлѣба, съ Моравійна на Ловати (теп. Муравейка къ с. отъ Холма), Ярославъ съ конниками продолжалъ преслѣдованье, „и постиже я на Дубровнѣ на селищи въ Торопечской волости, и ту ся би съ безбожными, окаянною Литвою,” Въ предѣлахъ бывшей Торопецкой волости мы находимъ Дуброву или Дубровну на Куньи, но уже выше впаденія въ нее Сережи. Все это подвергаетъ сомнѣнію догадку Д. Ходаковскаго объ этой вѣтви великаго воднаго пути, и заставляетъ предполагать ее отъ Ловати вверхъ по р. Куньи до Клина, и оттуда уже волокомъ (черезъ Городецъ къ ю. отъ Клина) на городъ Жижицы или Жижчь (тамъ гдѣ теп. сел. Жесно-Живецъ, близъ западнаго берега озера Жесца), или прямо къ озеру Двинье, изъ котораго протокъ Двинка, въ Двину. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что лѣтописецъ, указывая на Клинъ, какъ на пунктъ отступленія Литвы, долженъ былъ имѣть въ виду мѣстность общензвѣстную, какою дѣйствительно могъ быть Клинъ на Куньи, составляя какъ бы узелъ въ сообщеніи между Ловатью и Подвинъемъ. Лежащій на этомъ пути Жижичь уже въ XII вѣкѣ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ, и платилъ, кромѣ подгородья и почестья, 130 гривенъ княжеской дани, какъ то видно изъ Уставной Грамоты Смоленской Епископіи 1150 г. [52]). Сношенія Двинской области съ Поволжьемъ шли вѣроятно черезъ озеро Жаденье, на сѣверномъ берегу котораго находится село Извозъ, и которое отдѣляется незначительнымъ волокомъ (черезъ село Волокъ или Красное) отъ Волжскаго озера Неро. Такимъ образомъ Западная Двина и Ловать съ притоками служили главными путями изъ Поднѣпровья къ озеру Ильменю; Волховъ и озеро Нево завершали на сѣверѣ великій водный путь, не-

рассѣкавшій всю русскую землю отъ Финскаго залива до Чернаго моря.

Озерная область, въ своихъ многочисленныхъ рѣкахъ и озерахъ, имѣла превосходные водные пути, какъ для внутреннихъ сношеній, такъ и для сношеній съ Поволжьемъ, и съ Чудскимъ побережьемъ Варяжскаго моря. Какъ пути отъ озера Ильменя къ этому побережью, служили кромѣ Волхова — Луга, на верхнемъ теченіи которой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сближается съ Собою, черезъ Мшагу впадающею въ Шелонь, находятся сел. Большой и Малый Волочекъ, и на западъ р. Шелонь, которая подходитъ притокомъ своимъ Узою (у сел. Большой и Малый Волочекъ, къ западу отъ Порхова) къ Черехѣ, впадающей въ р. Великую (1352. Новгор. 1. 85), служившую также путемъ въ область Западной Двины (черезъ лѣвый притокъ Велью, на которой Воропачъ, см. 1350 г. Псковск. 1-я стр. 190). Въ этой сторонѣ рѣки, вливающіяся въ Чудское озеро съ запада, ставили Новгородскихъ Славянъ въ связь съ Чудскимъ населеніемъ Варяжскаго поморья. Съ другой стороны Озерная область стояла въ связи съ Поволжьемъ и отдаленнымъ Заволочьемъ. Съ Заволочьемъ она издавна имѣла прямое сообщеніе по Волхову, Ладожскому озеру, Свири, Онежскому озеру и Водлѣ [53]), — и черезъ Поволжье. Туда главные пути вели по Волхову же (Ладожское озеро, Сясь и Волока) къ сѣвернымъ притокамъ Волги, — по р. Мстѣ, верховья которой сближаются съ притокомъ Волги, Тверцою (Волокъ, тен. Вышній Волочокъ) и по озеру Селигеру. Объ этомъ послѣднемъ Селигерскомъ пути, какъ увидимъ ниже, весьма обычномъ въ XII и XIII в.), лѣтописи не сообщаютъ подробныхъ указаній; но можно предположить, что въ Озерной области онъ шелъ отъ Ильменя по р. Ловати и ея правому притоку Полѣ до сліянія съ Явонью, которая своими вершинами и связанными съ нею озерами Истошинымъ, Стромиловымъ, Самницовымъ, Долгимъ и Волоцкимъ подходитъ къ сѣверному берегу Селигера, отдѣляясь отъ него холмистымъ (не болѣе 5 верстъ) волокомъ.

Поволжье было извѣстно Славянамъ еще за — долго до начала Русскаго государства. Поселенія Кривичей захватывали

верхнюю Волгу, а первыя событія во вновь возникшемъ государствѣ указываютъ на старинную связь Славянъ съ инородческими племенами, занимавшими ея среднее теченье. Начальная лѣтопись знаетъ, что Волга, начинаясь въ Оковскомъ лѣсу, течетъ въ земли Болгаръ и Хвалисовъ, и впадаетъ въ Хвалисское море „семьюдесятью жерелы“ (гирлами). Эта послѣдняя подробность, помимо извѣстій арабскихъ писателей и сношеніяхъ Русскихъ съ прикаспійскими областями, была бы достаточнымъ свидѣтельствомъ близкаго знакомства ихъ со всѣмъ теченіемъ Волги. Впрочемъ подробныхъ извѣстій о Поволжьскомъ краѣ лѣтопись не сообщаетъ: въ эпоху ея весь интересъ исторической жизни сосредоточивается преимущественно на югѣ, и только въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка начинаютъ обнаруживаться признаки общественнаго развитія на сѣверо-востокѣ равнины. Изъ водъ Волжскаго бассейна лѣтопись называетъ только притоки Волги: Медвѣдицу (1096, Лавр. 109), Шексну (1071, 75), Оку (4, 5, 27) съ Клязмой (1096, 109), и озера: Бѣлоозеро (Лавр. 3), Клещино, (ibid. Плещеево) и Ростовское (ibid. Неро). Какъ путь сообщенія, Волга имѣла неизмѣримое значеніе, поставляя славянское Поднѣпровье и Озерную область въ связь съ одной стороны съ тюркскимъ востокомъ, и—финскимъ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ (Бѣломорскимъ бассейномъ) съ другой. Съ Поднѣпровьемъ она сближалась, какъ мы видѣли, Угрою и Вазузою; съ Озерной областью Тверцой и Мологой, — съ Подвинье мъ — р. Селижаровкою, и озеромъ Селигеромъ, служившими также и для сообщенія съ Ильменемъ. О Серегерскомъ (Селигерскомъ) пути находится нѣсколько указаній въ изложеніи событій XII — XIII вѣка. Такъ въ 1199 году на Серегерѣ преставился архіепископъ Новгородскій Меркурій, на пути изъ Новгорода въ Владиміръ на Клязьмѣ (Новгор. 1, 25); въ 1216 году Новгородцы ходили Серегеремъ на верхъ Волги (ibid. 34); въ 1237 году Татары шли къ Новгороду отъ Торжка Серегерскимъ путемъ. На Серегери путь раздвоялся; одна вѣтвь его вела по сѣверпымъ развѣтвленіямъ озера къ Новгороду; другая шла въ Подвинье, можетъ быть, отъ западнаго развѣтвленія Селигера черезъ озера Ямапецъ и Стержъ,

на югъ, черезъ озеро Вселугъ, въ озеро Пено, и отъ Пена волокомъ, черезъ Волокъ (Красное) къ Извозу на сѣверномъ берегу озера Жаденья. Впрочемъ для Озерной области гораздо важнѣе былъ другой путь въ Поволжье, черезъ Мсту и Тверцу. Тверца представляла ключь къ Новгороду и занятіе ея верхняго теченія отъ города Торжка враждебными Новгороду Низовскими князьями каждый разъ прекращало торговыя сношенія съ Поволжьемъ, и вело за собою общее возвышеніе цѣнъ въ Новгородской области, нерѣдко голодъ. Многочисленныя развѣтвленія Волги вообще открываютъ превосходные пути сообщенія не только съ другими рѣчными областями, но и въ самихъ предѣлахъ ея бассейна; особенно богата ими часть верхняго Поволжья, ограниченная съ сѣв. Волокомъ до Бѣлаозера, съ с. в. Шексною 7, съ ю. и ю. в. Угрою и Окою,—и пересѣкаемая Мологою и важнѣйшими притоками Оки, Клязьмою и Москвою. Многочисленные притоки этихъ рѣкъ, сближающіеся между собою верховьями, покрываютъ какъ бы сѣтью все омываемое ими пространство, представляя такимъ образомъ въ высшей степени выгодныя условія для движенія населенія въ этой области. Они безъ сомнѣнія, съ отдаленнѣйшихъ временъ, послужили главными путями для славянской колонизаціи верхняго Поволжья. Движеніе Славянъ въ этомъ краѣ отъ коренныхъ ихъ обиталищъ, съ Днѣпра, верховьевъ Волги и Оки, могло совершаться по нимъ шагъ за шагомъ, небольшими массами. Вызываясь исключительно стремленіемъ къ болѣе удобнымъ мѣстамъ для поселеній, къ болѣе выгоднымъ промысламъ, оно никогда не было здѣсь общимъ единовременнымъ движеніемъ всего племени, даже болѣе или менѣе значительной части его; напротивъ оно имѣло характеръ, если не личнаго дѣла отдѣльныхъ семей переселенцевъ, то, по большей мѣрѣ, частнаго дѣла отдѣльной славянской общины; — постоянство, общность и сила, съ которыми оно является въ исторіи, зависятъ именно отъ выгоднаго расположенія рѣкъ верхняго Поволжья.

Хотя колонизація этой области осталась незамѣченною Начальной Лѣтописью, и Повѣсть временныхъ лѣтъ называетъ въ своихъ перечняхъ только финскія племена, составлявшія перво-

бытное ея населеніе, — тѣмъ не менѣе изъ лѣтописныхъ извѣстій, хотя и скудныхъ, о сѣверовосточныхъ событіяхъ конца XI вѣка, открывается, что уже въ то время Славянство было тамъ господствующимъ и преобладающимъ элементомъ, а ходъ событій XII — XIII вѣка указываетъ отчасти, какія рѣки имѣли наиболѣе значенія, какъ пути сообщенія въ этомъ краѣ. Для связи съ областью Москвы рѣки верхней Оки и черезъ нее Угры, составлявшей, какъ мы видѣли, путь изъ Подесенья и верхняго Поднѣпровья, служили, кажется, Лопасня (1176, Ипат. 118) сближающаяся съ притокомъ Москвы, Пахрою (на границахъ Подольскаго и Серпуховскаго уѣздовъ), и еще болѣе Поротва (Протва), которая подходитъ своими верховьями непосредственно къ Москвѣ рѣкѣ (въ Можайскомъ уѣздѣ); на ней видимъ старинное поселеніе Вышегородъ, и на устьи ея Лобыньскъ (Люблинецъ Амосовъ), существовавшій уже въ первой половинѣ XII вѣка (1146, Ипат. 29). Съ другой стороны Москва рѣка связывалась съ верхнимъ Поволжьемъ правымъ притокомъ своимъ Рузою, — и Ламою, вмѣстѣ съ Шошею вливающеюся въ Волгу. Здѣсь извѣстный Волокъ Ламскій (1135, Лавр. 132). Въ область Клязьмы шли отъ нея пути вѣроятно по р. Сходнѣ, которая вливается въ Москву р. выше столицы, а на вершинахъ которой находится сел. Черкизово, и по Яузѣ. Путь отъ Клязьмы къ верхнему Поволжью шелъ по Яхромѣ и Дубнѣ, впадающимъ въ притокъ Волги, Сестру. На Яхромѣ мы видимъ Юрія Долгорукаго на полюдьи въ 1154 году (Никон. лѣт. въ П. С. Лѣт. IX. 198); притокомъ Дубны Вленою шли въ 1181 году Новгородцы на Всеволода Суздальскаго (Лавр. 164). Старинныя Славянскія колоніи на озерахъ Клещинѣ (Плещеево, Переяславское) и Ростовскомъ (Неро) стояли въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ верхнимъ Поволжьемъ и Озерною областью. Изъ событій 1216 г. видно, что путь съ Поволжья въ Переяславль Залѣсскій шелъ отъ Кснятина на Волгѣ при устьи Нерли (Большой) вверхъ по Нерли къ озеру Сомино и рѣкѣ Вескѣ (на картѣ Шуберта Верскѣ), которой истокъ въ Плещеевѣ озерѣ. Черезъ Нерль же шли сношенія съ Ростовомъ и Владиміромъ на Клязьмѣ.

Ростовскій путь велъ, какъ кажется, по правому притоку Нерли Солмѣ къ верховьямъ Сарры, вливающейся съ ю. з. въ Ростовское озеро; по Саррѣ же лежалъ путь отъ Ростова къ Переяславлю (Новгор. I. бѣт. 34). Путь Владимірскій изъ Поволжья былъ или черезъ Переяславское озеро, или по Солмѣ же къ верховьямъ другой рѣки Нерли (Малой), которая, сближаясь истокомъ своимъ и съ Солмою и съ озеромъ, впадаетъ въ Клязьму нѣсколько ниже города Владиміра; въ 1321 году великій князь Юрій Данпловичъ, въ походѣ на Тверь (несомнѣнно изъ Владиміра на Клязьмѣ) встрѣтилъ тверскихъ пословъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ и было докончанье мира. (Новгор. I. 72). Тою же Нерлью при посредствѣ притока ея (съ лѣвой стороны) Ухтомы съ Судогдой, шли спошенія между Владиміромъ на Клязьмѣ и Ростовомъ. Здѣсь, на Нерли, верстахъ въ 3 отъ Суздаля, въ Кидекши, по преданію, дошедшему до насъ изъ XII вѣка, находилось становище Бориса Ростовскаго и Глѣба Муромскаго (1159, Ипат. 82). Изъ лѣвыхъ притоковъ Волги особенную важность имѣли Молога и Шексна. Молога служила главнымъ путемъ для распространенія Новгородскихъ Славянъ въ Финской области, которая ограничивается съ с. з. и в. ея круговымъ теченіемъ, и гдѣ, какъ увидимъ ниже, находились важныя Новгородскія волости уже въ началѣ XII вѣка. Можайскій путь изъ Озерной области шелъ, какъ полагаетъ Д. Ходаковскій (О путяхъ сообщ. 21), или отъ озера Нево посредствомъ р. Сяси и Воложи до Волока Хотьславля (въ Тихвинскомъ у.; на подробной Картѣ Имперіи 1804 г. въ окрестностяхъ Посова и Зайцева; — на картѣ Шуберта, № 14. — Волокославское при р. Чагодѣ) — или же отъ Волока Держковскаго на Мстѣ (ниже Боровичей) ужомъ къ озеру Печенову (у Ходаковскаго Пелепову) по рѣкамъ и озерамъ (Люту и Шерегодру, соединеннымъ протоками, и изъ нихъ Ситницею къ озеру Ямному, отъ котораго волокомъ до озера Межволочья и) до р. Неса, впадающей въ Чагодощу, лѣвый притокъ Мологи (ibid. 27; см. Карту Шуб. № 19, Боровицкій уѣздъ). Лѣвый притокъ Чагодощи Лидь (у Ходак. Леть) сокращалъ путь изъ Озерной области въ Шексну и Бѣлоозеро,

сближаясь съ Колпью, впадающею чрезъ Суду въ Шексну, у Колпьскаго притока Волочьны (въ с. в. углу Тихвинскаго у. нѣсколько выше сел. Вольскаго. Что же касается Шексны,— то она имѣла важное значеніе, какъ для Ильменскихъ Славянъ, такъ и для Поволжья, составляя какъ-бы ворота въ отдаленное Заволочье. Заволоцкій путь шелъ вѣроятно вверхъ по Шексѣ до устья р. Славянки, вверхъ по Славянкѣ до волока къ Волокославинскому на Порозовицѣ и Порозовицею къ Кубенскому озеру. Этотъ путь велъ въ Сѣверную Двину. Другой путь былъ въ Онежскую область, — вверхъ по Шексѣ вѣроятно до устья Пидмы, вверхъ по Пидмѣ до десяти верстнаго волока къ р. Болшмѣ и озеру Воже или Чарандскому, къ р. Свидѣ и озеру Лаче, въ которомъ беретъ свое начало р. Онега.

Глава II. Географическая связь между разнороднымъ населеніемъ восточно-европейской равнины. Общія этнографическія понятія лѣтописца. Народныя группы Афетовой части. Варяги и ихъ раздѣленіе. Нѣмцы. Влахи. Греки. Свѣдѣнія о Греческой землѣ. Литовскія племена. Ятвяги. Область ихъ въ XIII вѣкѣ; ихъ жилища въ эпоху Начальной Лѣтописи. Литва, Нерома. Этнографическія границы съ Славянскимъ населеніемъ. Лотыгола. Голядь.

Такая тѣсная связь между рѣчными бассейнами восточно-европейской равнины обусловливала столь же тѣсную связь и взаимнодѣйствіе между разноплеменнымъ ея населеніемъ. Болѣе сильному племени она облегчала подчиненіе и поглощеніе болѣе слабыхъ путемъ военнаго захвата и колонизаціи; а слабымъ затрудняла возможность противодѣйствія. Здѣсь надо искать причину ранняго преобладанія Славяно-русскаго племени надъ инородцами преимущественно въ южной части Озерной области и въ Поволжьи. На такое преобладаніе указываютъ всѣ извѣстія Начальной Лѣтописи о разселеніи племенъ на востокѣ Европы съ древнѣйшаго времени. Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію ихъ, считаемъ однако нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ общихъ этнографическихъ понятіяхъ, открывающихся въ Начальной Лѣтописи. Вообще населеніе Афетовой части, Начальная Лѣтопись раздѣляетъ на языки

(племена въ обширномъ смыслѣ), а языки на роды. Какъ и слѣдуетъ ожидать, въ основаніе этого дѣленія не положено ясно опредѣленнаго начала. Родовыя названія извѣстной группы племенъ имѣютъ отчасти этнографическое, отчасти географическое или политическое значеніе, т. е. придаются племенамъ или по ихъ національному сродству между собою, котораго самыми рѣзкими признаками въ глазахъ лѣтописца были языкъ и обычай, или по ихъ географическому и политическому распредѣленію. Въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ смыслъ названій собирательныхъ. Съ другой стороны родовое имя цѣлаго народа употребляется иногда для обозначенія одного какого либо племени его. Причины такой неопредѣленности въ понятіяхъ слѣдуетъ искать отчасти въ сборномъ характерѣ, которымъ вообще отличаются наши лѣтописи. Каждый вносившій свою долю въ составъ ея имѣлъ свой взглядъ на народности, свое этнографическое пониманіе, а позднѣйшіе составители свода заботились только о томъ, чтобы придать своему труду внѣшнее (хронологическое) единство, вовсе не думая о единствѣ внутреннемъ. Впрочемъ можно, кажется, принять, что въ Начальной Лѣтописи все населеніе Афетовой части раздѣляется на слѣдующія народныя группы: Варяги или Нѣмцы, Влохи, Греки, Литва, къ которой относятъ Ятвяговъ, Чудь и Славяне [55]). Въ этомъ этнографическомъ ряду стоятъ совершенно уединенно, особнякомъ, — загадочные Колбяги, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда [56]).

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова Варягъ разрабатывался въ Русской исторической наукѣ съ особеннымъ усердіемъ и имѣетъ обширную литературу; но многочисленныя изслѣдованія привели къ различнымъ — не всегда согласимымъ, результатамъ. Большая часть изслѣдователей, признавая за Варяжскимъ названіемъ германское происхожденіе, утверждаютъ, что оно имѣло этнографическій смыслъ, и обозначало исключительно Норманновъ. Это такъ называемая Норманская школа, которая считаетъ въ рядахъ своихъ большую часть изслѣдователей древней Русской исторіи—Байера, Шлецера, Эверса, Круга, А. А. Куника, М. П. Погодина и др. Другіе же отрицаютъ этнографическое значеніе слова Варягъ, и думаютъ, что это было

названіе вольныхъ дружинъ. „Сличивъ различныя толкованія ученыхъ, говоритъ С. М. Соловьевъ (Ист. Росс. 1. 85), можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество, и принужденныхъ искать счастія на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ." По мнѣнію уважаемаго историка, это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ у племенъ Германскихъ; на востокѣ, у племенъ Славянскихъ, Финскихъ, у Грековъ и Арабовъ, такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ была Русь (Росъ) (ibid). По рѣзкому отличію отъ всѣхъ другихъ — обращаетъ на себя вниманіе мнѣніе г. Гедеонова (Изслѣдованія о Варяжскомъ вопросѣ). Онъ полагаетъ, что названіе Варяговъ составилось у Венедскихъ Славянъ подъ вліяніемъ Литовскаго начала (въ древне-балтійскомъ словарѣ, найденномъ Потоцкимъ — см. Буткова въ Сынѣ Отечества, 1836, № 1 — Wareng изъ древлянскаго — на нижней Эльбѣ — парѣчія); что никогда и нигдѣ это слово не обозначало особой народности; что оно было у Поморскихъ Славянъ общимъ наименованіемъ Нормано-венедскихъ пиратовъ, подобнымъ же, какимъ было у Норманновъ — викингаръ, и что оно перешло къ восточнымъ отъ Балтійскихъ, какъ нарицательное для обозначенія вооруженныхъ морскихъ отрядовъ, являвшихся на Варяжскомъ побережьи восточно-европейской равнины для грабежа и торговли, занятій, которыя въ то время шли, какъ извѣстно рука-объ-руку; съ теченіемъ времени Варягомъ сталъ называться всякій пришлецъ изъ заморья, заморецъ. Слѣды всѣхъ этихъ значеній удержались до сей поры въ живомъ русскомъ языкѣ, особенно на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ слово варяжа обозначаетъ какъ заморца, такъ и заморье, заморскую землю [57]). Въ дальнѣйшемъ развитіи названіе „Варягъ" получило большую распространенность и видоизмѣнилось въ своемъ значеніи. Отъ восточныхъ или Русскихъ Славянъ оно перешло въ Византію, гдѣ съ XI вѣка его стали употреблять для обозначенія возникшаго въ то время отборнаго наемнаго войска, состоявшаго главнымъ образомъ изъ выходцевъ изъ Скандинавіи [58]), и къ Арабамъ, у которыхъ оно удержало болѣе широкое значеніе, какъ сино-

нимъ Норманов тогдашней западной Европы. У восточных Славянъ, какъ то видно изъ Начальной Лѣтописи, слово „Варяги" употреблялось преимущественно въ значеніи географическомъ: имъ обозначалось съ одной стороны вообще западно-европейское населеніе, съ другой территорія западной или по крайней мѣрѣ сѣверо-западной Европы. На это указываетъ выраженіе Начальной Лѣтописи: „бѣ путь изъ Варягъ въ Греки" (Лавр. 3), притти изъ Варягъ", „итти въ Варягы" и т. п. Этнографическое значеніе его крайне неопредѣленно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху составленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ" подъ Варягами разумѣлось уже все вообще западно-европейское населеніе не славянскаго происхожденія [59]). Такое широкое значеніе этого слова мы уже видѣли въ объемѣ Варяжскаго моря Начальной Лѣтописи и въ перечнѣ земель и народовъ, гдѣ поселенія Варяговъ показаны по всему побережью Варяжскаго моря отъ Симова предѣла на востокѣ до Хамова племени на полуденьи. Мы видѣли также, какія именно племена разумѣетъ перечень подъ Варягами. Такая перемѣна въ понятіяхъ народа, обусловившихъ воззрѣнія лѣтописца въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не руководила византійская литература, могла произойти тѣмъ скорѣе, что ему не было извѣстно все разнообразіе западно-европейскаго населенія. Но по мѣрѣ ознакомленія съ Западной Европой, по мѣрѣ того, какъ завязывались съ нею непосредственныя сношенія, изъ общаго понятія „Варягъ" стали выдѣляться частныя народныя единицы, каждая съ своими національными особенностями, съ своимъ народнымъ именемъ и при этомъ, естественно, слово „Варягъ" сокращалось, съуживалось въ своемъ значеніи. Это видно изъ разсмотрѣнія дальнѣйшихъ употребленій его въ лѣтописи. Въ преданіи о призваніи князей Варягами называются Русь, Свое (Свѣи), Урмяне, Гъте (Готы), Англяне. Сравнительно съ исчисленіемъ, которое представляетъ перечень, здѣсь опущены племена юго-западной Европы (Фрязи, Галичане, Волхва и др.),—что, впрочемъ могло произойти и по случайности. Что касается Руси, то весьма вѣроятно, что и въ первомъ этнографическомъ перечнѣ космографическаго вступленія, и въ преданіи о призваніи князей Новгородцами и ихъ

сосѣдями, лѣтописецъ сопричислилъ Русь къ Варягамъ въ видахъ придать династіи Русскихъ князей Рюриковичей почетное происхожденіе изъ-за Варяжскаго поморья, и, заставивъ Рюрика и его братьевъ „пояти съ собою" къ призвавшимъ ихъ Славянскимъ и Чудскимъ племенамъ „всю Русь", тѣмъ самымъ покончилъ разъ на всегда съ Варяжскою Русью. Затѣмъ онъ всюду рѣзко обособляетъ Русь отъ Варяговъ. Правда въ Олеговыхъ походахъ — изъ Новгорода въ Кіевъ, и затѣмъ въ Грецію — принимаютъ участіе вмѣстѣ съ Словѣнами, Чудью и другими — Варяги (Лавр. 10, 12), и изъ умолчанія лѣтописи о Руси можно бы было заключить, что въ этихъ преданіяхъ Русь еще поглощается словомъ „Варяги"; но въ оффиціальныхъ документахъ, въ договорѣ съ Греками 912 года и въ Игоревомъ договорѣ 944 года, дѣло ведется уже отъ имени Руси (Лавр. 13, 19). Въ Игоревыхъ походахъ на Грековъ Русь отдѣлена отъ Варяговъ. Первый походъ совершенъ имъ безъ участія Варяговъ (18); для втораго онъ собралъ Варяги, Русь, Поляне и пр. (19) [60]). Тоже мы видимъ и въ событіяхъ при Владимірѣ Святомъ и его дѣтяхъ (32 — 64). Въ XI вѣкѣ Новгородскіе Славяне узнали Готовъ; о нихъ говоритъ извѣстный „Уставъ Ярослава о мостѣхъ" (Русскія Достоп. II, 292),—въ XII вѣкѣ Доповъ (Датчанъ) и Свѣевъ (Шведовъ). Въ послѣдній разъ Варяги упоминаются въ Начальной Лѣтописи въ описаніи битвы съ Печенѣгами подъ Кіевомъ въ 1036 году (Лавр. 65). Встрѣчаясь затѣмъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, въ изложеніи событій XII вѣка оно имѣетъ тамъ очевидно мѣстное значеніе, въ XIII вѣкѣ оно вышло, кажется, уже вовсе изъ употребленія [61]). Оно замѣнилось однозначущимъ съ нимъ „Нѣмецъ," словомъ, которое съ X вѣка стало входить въ употребленіе также для обозначенія вообще западно-европейца, и только впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, получило теперешнее свое значеніе. По всей вѣроятности названіе „Нѣмецъ" явилось на югѣ ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ; по крайней мѣрѣ оно встрѣчается въ первый разъ въ южно-русскомъ разсказѣ лѣтописи о крещеніи Руси. Замѣтимъ также, что оно употребляется тамъ, не какъ этнографическій терминъ, а скорѣе какъ церковный — для обозначенія христіанъ католи-

ческаго исповѣданія. Подъ 986 годомъ записано извѣстіе о приходѣ въ Кіевъ Нѣмцевъ отъ Рима (Лавр. 36). „Нѣмцы и Греки, говорятъ Казарскіе жиды Владиміру, вѣруютъ его же мы распяхомъ" (36, 37). Далѣе — ясно различаются законы Болгарскій, Нѣмецкій, Жидовскій, Греческій (45). Въ послѣдствіи слово „Нѣмецъ" является въ значеніи этнографическомъ и географическомъ. Въ Новѣгородѣ жили Нѣмцы уже въ первой половинѣ XI вѣка; подъ 1056 г. есть извѣстіе о бѣгствѣ въ Нѣмцы Дудени, холопа Новгородскаго владыки (Новгор. II-я 199); въ 1075 г. къ Святославу, княжившему тогда въ Кіевѣ, приходили послы изъ Нѣмецъ (Лавр. 85) [62]).

Такое же значеніе, какое имѣли Варяги для запада Европы, имѣютъ для Италіи Влахи, о которыхъ мы имѣли случай говорить выше (см. прим. 25), и Греки для юго-восточной Европы и для нѣкоторыхъ частей Малой Азіи, входившихъ въ составъ Византійской Имперіи. Безъ всякаго сомнѣнія на Руси знали Грековъ, какъ отдѣльный народъ, отличающійся отъ другихъ племенъ Имперіи языкомъ, происхожденіемъ, нравами; но Начальная Лѣтопись разумѣетъ подъ этимъ именемъ по большой части все вообще населеніе Византійскаго государства, обозначая имъ также и его территорію — Грецькую или Гречьскую землю (Лавр. 12, 74). Мы замѣтили уже, что перечень земель и народовъ занимается почти исключительно землями, которыя составляли область бывшей Римской Имперіи, и изъ которыхъ многія во время лѣтописца принадлежали Византіи. Поддерживая постоянно торговыя и за тѣмъ церковныя сношенія съ Греціей, Русскіе, и помимо греческихъ литературныхъ источниковъ, знакомились съ ея географическимъ положеніемъ. Походы Олега, Игоря, Святослава и двухъ Владиміровъ — Святославича и Ярославича — охватывали сѣверное и южное побережье Понта, окрестности Царя-града и Подунайскія земли. Изъ житія св. Георгія Амастридскаго видно, что русскіе проникали въ Виѳинію и Пафлагонію [64]). Договоры нашихъ князей Олега и Игоря свидѣтельствуютъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ еще языческой Руси съ Греками. Съ принятіемъ христіанства связь съ Греціей окрѣпла, и сношенія усилились. Религіозное почи-

таніе христіанскихъ святынь востока пробудило въ русскомъ народѣ стремленіе къ паломничеству; начались хожденія въ Царьградъ и Палестину, и въ тотъ годъ, когда игуменъ Сильвестръ оканчивалъ сводъ первой русской лѣтописи, изъ Палестины возвращался уже паломникъ Даніилъ, игуменъ русской земли, первый описавшій свое хожденіе ко святымъ мѣстамъ, но конечно не первый совершившій такое хожденіе. Дружинники, купцы и паломники приносили свѣдѣнія историческія и географическія о Греціи, которыя, вмѣстѣ съ заимствованіями у греческихъ хронографовъ, заносились въ наши лѣтописи. Таковъ источникъ большей части географическихъ данныхъ Начальной Лѣтописи о Греческой землѣ. Въ предѣлахъ ея она упоминаетъ — (на Балканскомъ полуостровѣ): Царьградъ (Узантия по Ипат.) съ гаванью Судомъ (9, 12, 18), области — Ѳракію (землю Фрачьску, 11) съ градомъ Оньдрѣянемъ (Адріанополемъ), иже градъ Орестовъ нарицашеся, сына Агамемнонъ (8), Маке)— (и) донію (8, 18) съ Селунемъ, родиною просвѣтителей Славянъ, Кирилла и Меѳодія (11), св. Гору (68) и Черную рѣку (866, 9, — какъ кажется, бухта Буюкъ Чекмадей при устьи Аѳира, къ ю. отъ Царяграда [65]); въ малой Азіи — Миръ-Ликійскій, Виѳаньскую страну съ городами Никомидіей и Иракліемъ на Понтѣ (18), Фафлагонскую землю (ibid. съ Синопіей (3); Антіохію) Ипат. сп. р. Оронтъ (ibid.) наконецъ на сѣверномъ берегу Понта Корсунскую область, простиравшуюся отъ Тмутараканскихъ границъ на востокѣ — до Бѣлобережья, Днѣпровскаго устья на западѣ. Здѣсь были города — Корсунь (18, 16, 46) съ гаванью (лимень), водопроводами и церковью св. Василія, основанною Владиміромъ св., на торговой площади посреди города — и Керчевъ упоминаемый въ извѣстной надписи на Тмутаракапскомъ камнѣ (теп. Керчь [66]).

Переходя къ сѣверу и сѣверо-востоку Европы, мы встрѣчаемъ на южномъ побережьи Варяжскаго моря большое Литовское племя. Оно разселилось въ области Нѣмана между Вислою, Западнымъ Бугомъ и Двиною, и раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ народовъ; изъ нихъ лѣтопись знаетъ Пруссовъ, ко-

торыхъ она помѣщаетъ по Варяжскому побережью, между Ляхами и Чудью (2) [67]), и на востокъ отъ нихъ Литву, Зимѣголу, Летьголу (въ Лавр. спискѣ ошибочно „Сѣтьгола") Нерому (Нарову)·[68]) и Корсь, и причисляемыхъ къ нимъ новѣйшими изслѣдователями Ятвяговъ (Ятвяги) [69]) и Голядей [70])." Какъ кажется, изъ этихъ племенъ ранѣе другихъ стали извѣстны на Руси Ятвяги (Явтяги). Имя одного изъ русскихъ пословъ, заключившихъ миръ съ Грецiей въ 945 г., „Явтягъ" (Лавр. 20) даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что выходцы изъ этого племени уже тогда служили въ княжескихъ дружинахъ. Впрочемъ лѣтопись сохранила весьма мало извѣстій о сношенiяхъ Руси съ Ятвягами. Подъ 983 годомъ отмѣченъ походъ на нихъ Владиміра Святаго, (ibid. 35), — подъ 1038 походъ Ярослава (66). По такимъ скуднымъ извѣстіямъ нельзя, конечно, сдѣлать никакихъ прямыхъ заключеній о мѣстѣ тогдашнихъ поселеній этого племени, теперь уже совершенно исчезнувшаго. Въ подробныхъ извѣстіяхъ о немъ XIII вѣка, представляемыхъ нашими лѣтописями, древнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ источникомъ его исторiи, оно является далеко на сѣверѣ, за Наревомъ и Бобромъ въ теперешней Озерной области восточной Пруссiи, на сѣверныхъ границахъ царства Польскаго [71]). Но ранняя связь его съ вновь возникшимъ русскимъ государствомъ приводитъ къ мысли, что въ эпоху Начальной Лѣтописи оно жило гораздо южнѣе, гораздо ближе къ кореннымъ славянскимъ поселенiямъ и къ русскимъ предѣламъ. Въ самомъ дѣлѣ, при всей краткости лѣтописныхъ извѣстій, нельзя не замѣтить, что походы на Ятвяговъ Владиміра и Ярослава, о которыхъ говорятъ наши лѣтописи, стоятъ въ какой то связи съ одной стороны съ присоединенiемъ къ русскимъ владѣнiямъ области Западнаго Буга и Днѣстра, такъ называемой Червенской земли, съ другой — съ столкновенiями Руси съ Литвою. Первому предшествовалъ походъ Владимира на Ляховъ въ 981 году, когда онъ „зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины грады," а второму — походъ Ярослава и Мстислава въ 1031 году, въ который эти князья возвратили подъ свою власть Червенскiе города, отнятые Болеславомъ Лядьскимъ въ усобицу 1019 года. Предпрiятiе Владиміра окон-

чилось покореніемъ Ятвяговъ; но неизвѣстно съ точностью, какой результатъ имѣлъ походъ Ярослава. Наши позднѣйшіе лѣтописные своды (Никон. и Воскр. Лѣт. ср. также Карамз. II прим. 35, стр. 17) сообщаютъ, что Ярославъ не могъ взять Ятвяговъ. Извѣстіе Новгородской лѣтописи (III. 211) о заложеніи града Новгорода на весну послѣ похода на Ятвяговъ не рѣшаетъ дѣла, ибо неизвѣстно, о какомъ Новгородѣ говоритъ она — о Великомъ или о Понѣманскомъ (Новогрудкѣ). Но, по Литовско-Польскимъ сказаніямъ [72]) предпріятіе Ярослава увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: Ятвяжская земля была снова покорена, и въ ней были будто-бы тогда основаны и населены русскими колонистами города по Бугу — Дрогичинъ, Мельникъ, Брянскъ, и, можетъ быть, Бѣльскъ. Часть Ятвяговъ была переведена въ Русь, другіе отодвинулись на с. з. къ Нареву и границамъ прусской Галиндіи. Вслѣдъ за тѣмъ Русь вошла въ столкновенье съ Литвою, на которую, по извѣстію нашей лѣтописи, Ярославъ ходилъ два года спустя послѣ ятвяжскаго похода, въ 1040 г. (Лавр. 66). Въ началѣ XII вѣка мы видимъ Ятвяговъ порубежниками Владиміра — Волынскаго княженія, которое повидимому уже отдѣляетъ его отъ Кіевскаго княженія въ тѣсномъ смыслѣ этаго слова [73]). Соображая всѣ эти извѣстія, нельзя не придти къ тому заключенію, что первоначальныя поселенія Ятвяговъ, до первой половины XI вѣка, находились между собственно Русью, Червенскими городами и Ляхами съ одной стороны и Литвою съ другой; между старо-Славянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припети, Западнаго Буга, и старо-Литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Вилін, — т. е. что они занимали тогда пространство по Нѣману и по его южнымъ притокамъ, Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи, отъ водораздѣла съ Припетью и Побужьемъ — на сѣверо-западъ до того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе, у Гродна. Здѣсь господствуя надъ теченіемъ Припети, они могли дѣйствительно отрѣзывать пути сообщенія Кіева съ Побужьемъ и Поднѣстровьемъ, съ областью Червенскою, — такъ что присоединеніе этихъ областей къ Русскому государству естественно налагало на Русскихъ князей обязанность или покорить Ятвяговъ или отодвинуть ихъ да-

лѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ. Это предположеніе о поселеніяхъ Ятвяговъ Начальной Лѣтописи тѣмъ болѣе имѣетъ за собой вѣроятія, что оно поддерживается теперешней номенклатурой населенныхъ мѣстъ Понѣманья, сохранившею много ятвяжскихъ названій, свидѣтельствующихъ о древнихъ поселеніяхъ Ятвяжскаго племени въ этомъ краѣ. Здѣсь, начиная съ водораздѣла Нѣмана отъ Припети, и теперь мы имѣемъ — сел. Ятвезь у рѣки Лососны, притока Зельвы (въ ю. з. углу Слонимскаго уѣзда, къ с. в. отъ Пружанъ), сколько намъ извѣстно, самый южный пунктъ Ятвяжскаго наименованья (Карта Шуберта № 34); за тѣмъ — въ Новогрудскомъ уѣздѣ два селенія Язвины (Ядзвины по Бѣлорусскому говору, Jadźwiny?) у лѣваго берега Нѣмана, на с. в. отъ Нѣсвижа; Ятвизь къ зап. отъ Нѣсвижа, на дорогѣ изъ Снова въ Ляховичи; Ятвизь, къ югу отъ Новогрудка у озера Свитеза; Ятвизь къ ю. з. отъ Новогрудка у р. Молчади. Далѣе на с. з. Ятвяжскія названія переходятъ на правый берегъ Нѣмана, въ Лидскій уѣздъ. Здѣсь на границахъ съ Гродненской губерніей, въ области, въ XIII вѣкѣ носившей названіе Денова и Ятвези — безразлично [73]), — находятся селенія Ятвескъ Польскій и Ятвескъ Русскій и нѣсколько на югъ отъ нихъ Ятвескъ въ Гродненскомъ уѣздѣ. Затѣмъ опять по лѣвую сторону Нѣмана Ятвизь подъ Волковысскомъ, нѣсколько ниже его на р. Роси; Ятвескъ на р. Рудавкѣ, правомъ притокѣ Свислочи; близь него Ятовцы (Карта Шуберта № 28), и къ югу отъ м. Свислоча, на водораздѣлѣ между Нѣманомъ (р. Свислочь) и Наревомъ (р. Колонна), сел. Ятвезки. Наконецъ, на сѣверѣ Ятвице на лѣвомъ берегу Нѣмана, ниже Гродна, Ятвизь Большой и Ятвизь Малый, на р. Каменкѣ, черезъ Бобръ впадающій въ Нѣманъ, въ 14 верстахъ къ в. отъ Суховоля [74]),— и на югъ отъ нихъ. Ядешки, Большой и Малый Яшвили, на ю. з. Яски [75]).

Такимъ образомъ первые походы русскихъ князей окончились подчиненіемъ Ятвяжскаго Понѣманья, усиленіемъ въ немъ Славяноруссовъ, и передвиженіемъ Ятвяговъ далѣе на с. з., въ сосѣдство родственныхъ имъ Жмуди, Пруссовъ и Бортовъ, гдѣ ихъ и открываетъ наша исторія въ XIII вѣкѣ. Этотъ перево-

ротъ, сблизивъ границы Руси съ Литвою, повелъ за собою столкновенія между этими двумя народами. Русскія лѣтописи сообщаютъ краткія извѣстія о двухъ походахъ на Литву великаго Ярослава въ 1040 и въ 1044 годахъ (Лавр. 66 и Новгор. III 211). Куда именно были они предприняты, эти извѣстія умалчиваютъ; но Польскіе историки Литвы говорятъ, что Ярославъ разбилъ Литовцевъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Слонима, за тѣмъ перешолъ Нѣманъ и болота, разграничивавшія Славянскія поселенія отъ Литовской Пелузіи (какъ называлась часть области по р. Виленкѣ), и подчинилъ себѣ Литву по лѣвый берегъ нижней Виліи; старо-Литовское поселеніе Ghurgani сдѣлалось будто-бы центромъ русскаго управленія покоренной области, и получило названіе Трокъ (т. Старые Троки. См. Narbutt, Dzieze Nar Litewsk. III 225, 232, 233). За этими извѣстіями слѣдуетъ признать нѣкоторую долю вѣроятія тѣмъ скорѣе, что и Начальная Лѣтопись называетъ въ числѣ племенъ, платившихъ дань Руси въ XI в., Нарову или вѣрнѣе (по Ипатьевскому списку) Нерому [76]). Собственно Литва занимала пространство по Нѣману, захватывая лѣвый берегъ его отъ устьевъ Дубиссы до верховьевъ Бобра близъ Гродна, и главнымъ образомъ по правымъ притокамъ его Виліи и Меречанкѣ, примыкая на с. в. къ Жмуди у р. Невѣжи, на западѣ къ Славяно-Мозовецкимъ поселеніямъ, а на югѣ и юго-востокѣ сперва къ Ятвягамъ и Кривскимъ поселеніямъ Славянъ, а за тѣмъ только къ Славянамъ по чертѣ, которую можно провести, основываясь на данныхъ топографической номенклатуры, отъ устья р. Ротницы, къ верхнему теченію Котры, вверхъ по притоку Котры, Пелясѣ, къ Жижмѣ и Дитвѣ, и отъ истоковъ Дитвы, по р. Ошмянкѣ къ Виліи, и на правой сторонѣ ея—черезъ озеро Свирь къ притоку Дисны, Мядзіолкѣ, и далѣе на сѣверъ по системѣ озеръ, идущихъ отъ устья Мядзіолки (Опсы, Пеликана, Дрисвятья, Ричи, Сомки, близъ котораго сел. Рубежъ, Шиловки и др.) къ Креславлю на Двинѣ, Кривичамъ на с. и Кревну на с. з. отъ Новоалександровска, какъ кажется, крайнимъ на западѣ Славянскимъ мѣстностямъ въ Двинской области. Къ сѣверу отъ собственно Литвы, по лѣвому берегу Двины жила Земѣгола (Земигола Лавр. 3, 5), прилегая на востокѣ непосредственно къ

владѣніямъ Полоцкихъ князей, къ которымъ она равно стала въ враждебныя отношенія. Извѣстія о Зимиголѣ восходятъ въ 1106 году, когда она разбила Полоцкаго князя Брячислава Вячеславича (Лавр. 120). Зимигола и Летьгола, поселенія которой простирались къ с. отъ Зимѣголы, по правой сторонѣ Двины, между землями Полочанъ, Псковскихъ славянъ и Чудскаго племени Ливовъ, — были только областными (географическими) названіями особой вѣтви Литовскаго племени, — которая называла себя Latwis, а землю свою Latwežu zemme, т. е. Латвежская, Литовская земля: Летьгола или Лотыгола, Latwingalas объясняется, какъ „Литвы конецъ", — Зимигола Žemegolas, — конецъ земли. Лотыши сел. подъ Витебскомъ (къ ю. в.), Лотышова къ ю. отъ Полоцка, въ с. в. углу Лепельскаго у., и Лотыголь, въ 10 верстахъ, къ югу, отъ Сѣнна могутъ указывать на то, что первоначально обиталища Летьголы лежали гораздо дальше вверхъ по Двинѣ и ея притокамъ, откуда они были вытѣснены напливомъ Славянъ. Къ нимъ примыкала на западѣ родственная Лотвѣ Корсь, занимавшая Балтійское побережье, къ югу отъ Рижскаго залива. Вообще въ XI вѣкѣ на Руси только начинали завязываться сношенія съ Литовскими племенами, и о географическомъ положеніи ихъ не было ясныхъ понятій. Что касается Голяди, то, какъ уже было замѣчено выше, только сходство ея названія съ Прусской Галиндіей позволяетъ видѣть въ ней особое племя и причислять ее къ Литвѣ. Начальная Лѣтопись только однажды называетъ ее, передавая краткое извѣстіе подъ 1058 годомъ: „Побѣди Изяславъ Голяди" (Лавр. 70); но изъ половины XII вѣка мы имѣемъ положительное указаніе, что люди Голядь жили въ предѣлахъ Смоленскаго княженія, гдѣ-то близъ р. Поротвы, праваго притока р. Москвы (Ипат. стр. 29 подъ 1146 г.) [77]). Объяснить появленіе этой Литовской вѣтви такъ далеко на востокѣ довольно трудно. Очень можетъ быть, что еще въ глубокой древности Голяди были оторваны отъ массы Литовскаго племени движеніемъ Славянъ съ ю. на сѣверъ,—или же они явились на Протвѣ и вслѣдствіе переселенія съ запада, что могло стоять въ связи съ переселеніемъ съ запада же Славянскихъ племенъ Вятичей и Радимичей, по извѣстію лѣтописи

пришедшихъ отъ Ляховъ на Оку и Сожь. Какъ слѣды этого народца, слѣдуетъ замѣтить: сел. Голяди въ западной части Дмитровскаго уѣзда, на р. Буняткѣ, лѣвомъ притокѣ Яхромы, Голяди дер. въ Клинскомъ (по лѣвую у. сторону шоссе и Николаевской желѣзной дороги), р. Голяду, впадающую въ Москву съ лѣвой стороны нѣсколько ниже столицы, подъ сел. Люблинымъ (беретъ начало въ Бѣломъ озерѣ у Косина), и сел. Голяжье въ Брянскомъ уѣздѣ на р. Деснѣ, значущееся еще въ Брянскихъ писцовыхъ книгахъ начала XVII вѣка. Нельзя не замѣтить также, что въ области Западной Двины, Нѣмана и Западнаго Буга встрѣчается множество населенныхъ мѣстъ и урочищъ съ названіями, повидимому близкимъ къ имени Голядей, — каковы — Головскъ, Гольскъ, Голоды и т. д.; но имѣютъ ли они какое нибудь отношеніе къ Голяди лѣтописи — опредѣлить пока не возможно.

Глава III. Чудь. Ея разселеніе въ эпоху Начальной Лѣтописи. Что такое Заволоцкая Чудь? Собственно Чудь. Разнорѣчивыя извѣстія о ней лѣтописца. Вожане, Очела, Ссола. Чудь Поволжская: Весь, Меря, Мурома, Мордва, Черемиса. Мещера. Заволоцкая Чудь. Пермь, Печера, Ямь. Лѣтописныя извѣстія о ней и возможные слѣды ея въ теперешней топографической номенклатурѣ русскаго сѣвера. Угра. Географическое положеніе ея по лѣтописнымъ извѣстіямъ по сю сторону Уральскаго хребта. Угры Бѣлые и Угры Черные. Различный характеръ свѣдѣній лѣтописца о Финскомъ сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ.

На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Литовскихъ племенъ Начальная Лѣтопись знаетъ племена Финскія, которыя, сколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, издавна носили на Руси общее названіе Чуди. Нѣтъ сомнѣнія, что это первобытное населеніе восточно-европейской равнины занимало въ древности большую часть ея, что жилища его спускались гораздо южнѣе той области, гдѣ застаетъ его наша исторія. Слѣды его, до сей поры сохранившіеся въ географическихъ названіяхъ средней и даже западной и юго-западной Руси, могутъ послужить изслѣдователямъ руководящею нитью въ опредѣленіи первоначальныхъ этнографическихъ границъ Финскихъ племенъ. Но въ эпоху составленія Начальной Лѣтописи, въ концѣ XI и въ началѣ XII в., Финны были уже отодвинуты на сѣверъ напливомъ Славянъ, и являются въ южной части Озерной области, на побережьи Бал-

тійскаго моря и Финскаго залива, къ западу и сѣверу отъ Чудскаго озера, отдѣлялись отъ Ильменя уже сплошнымъ Славянскимъ населеніемъ; далѣе на востокъ они группировались на Сѣверной Покатости, въ Заволочьи, тогда какъ въ верхнемъ и среднемъ Поволжьи и на Волокѣ, водораздѣлѣ бассейновъ Каспійскаго и Бѣломорскаго, держались только слабые остатки ихъ, уже тѣснимые колонизаціоннымъ движеніемъ Славянъ изъ области Днѣпра, Десны и верхней Оки. Въ Начальной Лѣтописи мы находимъ два исчисленія Финскихъ народцевъ: одно въ общемъ перечнѣ племенъ, другое — въ перечнѣ племенъ, обязанныхъ данью Руси. Оба они немногимъ отличаются другъ отъ друга, и, при разсмотрѣніи ихъ, нельзя не видѣть, что порядокъ, къ которомъ они называютъ Финскія племена, соотвѣтствуютъ дѣйствительному размѣщенію этихъ племенъ на восточной равнинѣ, и что слѣдовательно оно было, хотя въ общихъ чертахъ, извѣстно лѣтописцу. Онъ раздѣляетъ ихъ на три группы: западную (прибалтійскую) или собственно Чудь [78]), тогда какъ жившія далѣе на востокѣ въ свою очередь распадаютъ на группы: южную — по сю сторону Волока, и сѣверную — въ Заволочьи. На это указываетъ выраженіе „Заволоцкая Чудь", которое стоитъ въ первомъ перечнѣ племенъ передъ племенами Перми, Печеры, Ями и Угры, жившими по ту сторону Волока. Вопреки мнѣнію Шегрена [79]), который видитъ въ Заволоцкой Чуди лѣтописи Кареловъ, — мнѣнію, ничѣмъ впрочемъ не подверждаемому, — слѣдуетъ, кажется, признать, что это имя употреблено лѣтописцемъ въ первомъ перечнѣ именно для обозначенія всѣхъ вообще племенъ, населявшихъ Заволочье: оно нигдѣ болѣе не встрѣчается, ни въ исчисленіи данническихъ племенъ, ни въ изложеніи событій Начальной Лѣтописи, ни у ея переписчиковъ и продолжателей, тогда какъ о Корелѣ они говорятъ довольно часто съ половины XII вѣка [79]). Во второмъ перечнѣ замѣчается незначительныя отмѣны въ порядкѣ исчисленія племенъ, и названы Черемисы, которыхъ нѣтъ въ первомъ. Краткія свѣдѣнія, представляемыя о Финнскихъ племенахъ этнографическимъ вступленіемъ Начальной лѣтописи, дополняются немногими извѣстіями ея объ отношеніяхъ ихъ къ русскому государству.

Самымъ крайнимъ на западѣ Финскимъ племенемъ была собственно Чудь; она жила на восточномъ побережьи Варяжскаго моря, и, по понятіямъ лѣтописца, сосѣдила съ Пруссами, хотя, какъ извѣстно, ея поселенія начинались только отъ устья Западной Двины, примыкая къ землямъ Зимголы и Латыголы. Объ отношеніяхъ Чуди къ Славяно-русскому міру мы находимъ два ряда совершенно противуположныхъ извѣстій, которыя очевидно относятся къ двумъ различнымъ частямъ этого племени. Съ одной стороны мы видимъ Чудь въ самой тѣсной связи съ племенемъ Новгородскихъ Славянъ и Кривичей: вмѣстѣ съ ними она подпадаетъ въ половинѣ IX вѣка власти завоевателей Варяговъ, изгоняетъ ихъ, призываетъ Русскихъ князей (Лавр. 8), и участвуетъ въ походахъ Олега изъ Новгорода въ Кіевъ, и изъ Кіева въ Царьградъ (10, 12); изъ этаго племени Владиміръ Св. выводилъ колонистовъ въ основанные имъ на югѣ порубежные города (52); выходцы изъ него служили въ княжескихъ дружинахъ (бояринъ Чудинъ, и братъ его Тукы), и жили въ Новгородѣ (Чудинцова улица, Чудинцовы ворота). Несомнѣнно, что при такихъ близкихъ отношеніяхъ къ Руси, Чудь должна была войдти въ составъ русскаго государства съ самаго основанія его, и что слѣдовательно искать ее надо въ предѣлахъ крайней на с. з. Славяно-русской области — области Новгородской, въ ея кореннымъ Финскомъ населеніи. Но такимъ населеніемъ была Водь или Вожане, которые уже въ первой половинѣ XI вѣка составляли одну изъ пяти волостей или пятинъ Новгородскихъ, названную по ихъ имени Водскою или Вочскою. (Уставъ Ярослава о мостѣхъ, Русск. Достоп. II. 292). Остатки ихъ до настоящаго времени сохранились на побережьи Финскаго залива, въ Нарвскомъ уѣздѣ, особенно въ сел. Каттилѣ и Соикиппѣ, въ малочисленномъ Финскомъ народцѣ, называющемъ себя Watialajset или Waddialaiset [80]). Объемъ этой пятины, занимавшей весь с. з. собственно Новгородской области, сходство теперешняго нарѣчія Води съ нарѣчіемъ Ижоры (въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ), даютъ основаніе думать, что первопачально это племя было гораздо распространеннѣе, чѣмъ теперь; а если основываться на Водскихъ названіяхъ тен. селеній Водовой у Нарвскаго залива, на

лѣвой сторонѣ Наровы, Водскаго (Новосёлки) въ Лужскомъ у. на р. Ордежи (близъ его Чудиново), Водосьи на лѣв. берегу Волхова въ Новгородской губерніи на границѣ съ Петербургской (близъ него Чудскій Боръ на притокѣ Волхова Тигодѣ), Воцкаго на Пидьбѣ къ с. отъ Новгорода, Водосьина на правой сторонѣ Мсты къ с. з. отъ Боровичей, Водоси на Ловати (1136 г.), то можно предположить, что поселенія Води простирались первопачально отъ Финскаго побережья и Наровы на югъ къ Ильменью и за Ильмень; на востокъ ко Мстѣ, откуда они были вытѣснены племенемъ Новгородскихъ Славянъ. Озеро Вожинское, соединяемое р. Горюномъ съ Чагодощею (въ Тихвинскомъ у.), въ окрестностяхъ котораго находятся рѣчка Чудля, на границѣ Устюженскаго у. съ Тихвинскимъ и на ней Чудцы,— и къ с. Чудская на Ретешѣ, южномъ притокѣ Паши, составляетъ, кажется, самый восточный пунктъ Водскаго паименованія въ этой области. Мѣстное названіе племени Води или Вожанъ могло быть неизвѣстно южному лѣтописцу, или же онъ считалъ за лучшее замѣнить его въ своемъ разсказѣ болѣе общимъ и распространеннымъ названіемъ Чуди, но Вожане прямо называются въ одновременныхъ съ нею извѣстіяхъ Новгородскаго лѣтописца, и во всякомъ случаѣ внѣ этого народца положительно не гдѣ искать, среди Финскихъ племенъ, Русской Чуди IX—X вѣка. Можетъ быть даже, имя Води или Вожанъ вошло въ общее употребленіе у русскихъ не ранѣе начала XI вѣка, въ отличіе Русской Чуди отъ Чуди, неподвластной Русскимъ князьямъ (Эстамъ), которая жила далѣе на западъ, за Чудскимъ озеромъ, и извѣстія о которой встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ не ранѣе первой половины XI вѣка.

Отношенія къ этой Чуди имѣли совершенно иной характеръ. Стремленіе Новгородскихъ Славянъ овладѣть Варяжскимъ побережьемъ и обезпечить торговые пути, шедшіе къ нему изъ ихъ области, рано привело ихъ во враждебныя столкновенія съ западными Финскими племенами, и вызвало рядъ походовъ ихъ дружинъ за Чудское озеро. Эта борьба открылась походомъ Ярослава въ 1030 году, который, побѣдивши Чудь, основалъ го-

родъ Юрьевъ (теп. Дерптъ), и тѣмъ положилъ начало Русскимъ владѣніямъ къ западу отъ Чудскаго озера. Затѣмъ въ 1054 году на Чудь ходили Новгородцы съ Изяславомъ Ярославичемъ и съ посадникомъ Остромиромъ, и взяли осѣкъ (т. е. лѣсное укрѣпленіе) Кедипивъ или Солнечная рука (Никон. Лѣт. I, 114), положеніе котораго остается неизвѣстнымъ; а Мстиславъ Мономашичъ, послѣ побѣды, одержанной имъ въ 1113 г. надъ Чудью гдѣ-то на Бору, — овладѣлъ въ 1116 году ихъ городомъ Медвѣжьею Головою (Новгор. I лѣт. стр. 4). Это важное пограничное укрѣпленіе Чуди указываютъ въ теп. сел. Одеппе (на Картѣ Шуберта Оденпя) на югъ отъ Дерпта, въ гористой мѣстности, близъ верховьевъ р. Эльвы, южнаго притока Эмбаха (Омовыжи). Въ собственной Чуди прилегали, составляя части ея, племена Сосолы и Очелы, о которыхъ говорятъ сѣверныя лѣтописи — Новгородская и Псковская. На Очелу ходилъ Мстиславъ Мономашичъ въ 1111 г. (Новгор. I Лѣт. стр. 4). Гдѣ были жилища Очелы, положительно не извѣстно, но на близкое сосѣдство ея съ Русскими владѣньями указываетъ, кажется, то обстоятельство, что походъ этотъ состоялся ранѣе побѣды надъ Чудью на Бору и завоеванія Одепне. Думаютъ, что Очела нашихъ лѣтописей тожественна съ Отелой (Otela), упоминаемой въ договорѣ Дерптскаго епископа Германна съ Нѣмецкимъ Орденомъ, подтвержденномъ Папою Григоріемъ IX въ Перуджіи 12 ноября 1229 году [81]). По нашимъ лѣтописямъ, въ послѣдней четверти XII вѣка Очела, при нападеніи на ихъ землю князя Мстислава Ростиславича съ двадцатитысячнымъ отрядомъ Новгородцевъ, удалилась къ морю (1179 Новгор. I-ая лѣт. стр. 17), — можетъ быть, на ю. з. побережье Финскаго залива, гдѣ къ в. отъ Гапсаля и къ ю. отъ Ревеля находятся теп. селл. Осла и Охтель *) (Карта Шуб. № 12). Нѣсколько яснѣе положеніе племени Ссоловъ или Сосоловъ. Въ 1060 году они были покорены великимъ княземъ Изяславомъ Ярославичемъ, и обложены данью будто бы въ 2,000 гривенъ; но, по разсказу лѣтописи, они тогда же составили союзъ и выгнали сборщиковъ дани, а на весну напали на Юрьевъ, пожгли деревянное городо-

*) Селеній съ названіемъ „Охтель“ на Картѣ Шуберта № 12 показано три.

вое укрѣпленіе и строенья,—и дошли до Пскова; тутъ ихъ встрѣтили Псковичи и Новгородцы, и нанесли имъ страшное пораженіе: „паде Руси 1,000, а Ссолъ безъ числа" (Псковск. I-ая лѣт. стр. 176). Изъ этого извѣстія можно предположить, что Ссолы жили въ сосѣдствѣ съ Юрьевымъ (Дерптомъ) и Псковомъ, т. е. на югъ отъ рѣки Эмбаха, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что и теперь тамъ находятся мѣстности съ названіями, напоминающими Ссоловъ; таковы: Сосилла къ юго-западу отъ Дерпта, верстахъ въ 10; Сосуль къ югу отъ Вендена, на одномъ изъ притоковъ Маріенбаха; Сиссегаль на Абсѣ, и на пространствѣ отъ Западной Двины до р. Аа, до озеръ Вирцъерва и Буртнека множество населенныхъ мѣстъ съ подобнозвучащими названіями: Суйслокъ, Сисла, Салле, Салло, Салисъ, Осуль, Саленекъ, Оселингъ и т. д. Съюгакъ Чуди и Сосоламъ прилегали поселеніе Ливовъ (Либь, Ливь, Лавр. 2, 5), племени, которое лѣтопись относитъ, кажется, къ Литвѣ; по крайней мѣрѣ, она помѣщаетъ его отдѣльно отъ другихъ Финскихъ племенъ, и въ одномъ ряду съ Литвою, Зимѣголою и Корсью. Теперешнія селл. Либо къ ю. отъ Дерпта на Волгамѣ, правомъ притокѣ Эмбаха, Либба между Валкомъ и Верро на верхнемъ теченіи Шварцбаха, впадающаго въ Аа, Ливесъ къ западу отъ рѣки Педдецъ, къ сѣверу отъ Верро, Ливенберденъ къ ю. отъ Рижскаго залива на Бердѣ, притокѣ Болдеръ—Аа, Ливенгофъ на Двинѣ между Динабургомъ и Якобштадтомъ, Лива въ недальнемъ разстояніи къ в. отъ Себежа — могутъ указывать на прежнее широкое территоріальное распространеніе этого племени [82]).

Далѣе къ в. Начальная Лѣтопись называетъ Весь, Мерю, Мурому и Черемису, племена, занимавшія область Волги, на востокъ отъ Оковскаго лѣса. Жилища Веси она указываетъ на Бѣломъ озерѣ; по сродство племеннаго названія этого народца съ названіемъ Води [83]), даетъ основаніе думать, что они доходили на западѣ до Водскихъ поселеній, т. е. до Ладожскаго озера и рѣки Волхова, у которыхъ и теперь еще есть пять деревень съ Весскими наименованіями: Весь къ з. отъ Старой Ладоги, на р. Базловкѣ, Весь у праваго берега Волхова между Старой Ладогой и Исадами, Веси (Кисельня) на р. Еленѣ, въ 17 верстахъ

Весь въ 28 в., Весь и Весь за ручьемъ—обѣ въ 36 верстахъ по Архангельскому тракту отъ города Новой Ладоги, въ его уѣздѣ. На сѣверѣ Весь прилегала къ Заволоцкой Чуди, сходясь съ нею на Волокѣ, за которымъ, кажется, нѣтъ мѣстностей Весскихъ наименованій. Такимъ образомъ она занимала области Тверцы, Мологи и Шексны, гдѣ до сей поры сохранились слѣды ея въ названіяхъ сел. Вески, къ с. з. отъ Торжка, города Весь-Егонскана Мологѣ, сел. Вески или Избищъ противъ устья Мологи, сел. Вешка къ с. отъ Устюжны (см. Карта Шуберта № 19), рѣчки Веси, при впаденія которой въ Колпь (почти на границѣ Тихвинскаго уѣзда съ Бѣлозерскимъ) находится сел. Весь или Ильинскій погостъ [84]), р. Визмы, вливающейся въ Шексну черезъ Андогу и Суду, и селенія на ней — Везгумы, къ ю. отъ Бѣлозерска; сел. Перевесье на верховьяхъ рѣки Согожи, впадающей въ Шексну нѣсколько выше Мологи; на самомъ Бѣлозерѣ — сел. Севесь старая, извѣстная съ XV вѣка (1486. Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. 300). Крайній сѣверо-восточный пунктъ, извѣстный намъ, представляетъ рѣчка Векса, лѣвый притокъ Костромы, берущій начало близъ Галицкаго уѣзда. Что жилища Веси находились и на ю. отъ Волги, доказываетъ цѣлый рядъ населенныхъ мѣстъ и урочищъ съ Весскими названіями въ области Волжскихъ притоковъ Шоши и Нерли и Окскаго-Клязьмы. Тамъ мы видимъ селл. Вески въ Волоколамскомъ уѣздѣ (1486. Собр. Госуд. Грам. и Догов., I. 332); Вязму, притокъ Шоши, Вески сел. на Нерли къ югу отъ Калязина, р. Верску или Веску, какъ называется верхнее теченіе Большой Нерли, по выходѣ ея изъ Переяславскаго озера, на юго-западномъ побережьи котораго дер. Веслева на р. Весьлейкѣ, и близъ него сел. Вескова [85]). Далѣе на в., въ южной части Ярославской губерніи, близъ границы съ Владимірской, встрѣчаются четыре мѣстности съ Весскими наименованіями. На юго-востокъ отъ Переяславскаго озера, въ области Клязьмы: Віоска на одномъ изъ притоковъ Суходы, впадающей въ Нерль въ Юрьевскомъ у., Віоски на р. Солекшѣ къ с. отъ Юрьева Польскаго, Віоска, и Весь къ с. отъ Суздаля; Веснево на р. Иннвежкѣ *). Сколь-

*) Реценз. Е. Е. Замысловск. Ж. М. Н. Пр. т. 177. 463.

извѣстно, на ю. отъ Клязьмы Весскихъ названій невстрѣчается, за исключеніемъ, можетъ быть, сел. Вѣшки къ в. отъ Судогды, рѣчки Висы въ Перемышльскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ племя Веси занимало все верхнее Поволжье, примыкая непосредственно къ коренным славянскимъ поселеніямъ Кривичей; поэтому область ихъ рано должна была подвергнуться славянской колонизаціи. Вѣроятно уже въ эпоху образованія русскаго государства удержались только слабые остатки этого разбросаннаго на обширномъ пространствѣ племени; по крайней мѣрѣ Начальная Лѣтопись, упомянувъ его въ этнографическомъ очеркѣ своемъ, не говоритъ уже о немъ въ изложеніи событій [86]). Нѣсколько долѣе оно могло сохранять свою независимость на сѣверо-западѣ, на водораздѣлѣ между Волжскими притоками и притоками озеръ Ладожскаго и Онежскаго, куда Славянскія колоніи проникали медленнѣе, чѣмъ на востокъ, и гдѣ, какъ полагаетъ Шегренъ, оно смѣшалось съ Заволоцкимъ племенемъ Еми [87]).

Въ сосѣдствѣ съ Весью, жило племя Меря. Поселенія ея Начальная Лѣтопись указываетъ у озера Ростовскаго (Неро) и Клещина (Плещеева, Переяславскаго), такимъ образомъ къ юго-востоку отъ Веси. Но — если принять во вниманіе данныя, представляемыя топографическою и хорографическою номенклатурою средняго Поволжья, то озера Неро и Переяславское должны составлять только часть древней области Мери. Тоже подтверждается и курганными раскопками [88]). По этимъ даннымъ область Мери должна занимать все среднее Поволжье; ея сѣверные предѣлы надо положить на Волокѣ, водораздѣлѣ Поволжья съ Бѣломорскимъ бассейномъ, западные—по Шексѣ и Волжскому изгибу отъ устьевъ Шексны и Мологи до устьевъ Медвѣдицы и Шошы, юго-западные и южные — по верховьямъ Клязьмы и Москвы рѣки, по теченію Москвы рѣки, мимо области Голядей, къ Окскому бассейну, гдѣ окраины Мери соприкасались съ Славянскими племенами Кривичей, Сѣверянъ и Вятичей; юго-восточные и восточные сходились съ поселеньями Мещеры, Муромы и Перми. На сѣверо-западной и западной границѣ отмѣченнаго нами пространства Мерянскія названія мѣстностей переплетаются съ Весскими, обстоятельство, которое усиливаетъ

значеніе ихъ для исторической этнографіи, ибо, какъ увидимъ ниже, вообще племенныя названія удержались за мѣстностями главнымъ образомъ на этнографическихъ порубежьяхъ. На всемъ этомъ пространствѣ и теперь и въ древнихъ географическихъ памятникахъ мы находимъ значительное число селеній и живыхъ урочищъ съ названіями, напоминающими Мерю. Самые сѣверные изъ нихъ указываются въ трехъ селеніяхъ Вологодской губерніи (Мерипово на южной сторонѣ Кубенскаго у.; Мерипово въ томъ же у. въ 25 верстахъ отъ у. г.; Мерипово Устюжскаго у.), т. е. въ Заволочьи и на Волокѣ. Въ Поволжьи извѣстны: Бѣлозерская волость Мара (1603 года), Галичь, до сей поры удержавшій названіе Мерскаго у Галицкаго озера, къ юго-западу отъ котораго — сел. Омерина при истокахъ р. Вексы, и въ уѣздѣ котораго, близь сел. Воронья, вытекаетъ р. Меря, вливающаяся въ Волгу у села Николья, нѣсколько ниже Кинешмы. Къ западу отъ нихъ Мерлево по правую сторону р. Согожи, лѣваго притока Шексны (въ Пошехонскомъ у.): Мерзлина (Даниловскаго у.) и Мерлина (Рыбинскаго) на р. Ухрѣ; за тѣмъ по Волгѣ — выше устьевъ Шексны — Мерзлеево старое, на лѣвомъ берегу Сити; Мерлуха на самой Волгѣ (Рыбинскаго у.); Мерлино и Меркалово къ ю. отъ Кашина; Мерилова на р. Созн къ с. отъ Корчева; Теремерка на Волгѣ нѣсколько выше Корчева; Мерепова на Иверцѣ (Новоторжскаго у.), Мермерницы Старые и Новые близь Твери къ югу (кажется тоже, что̀ на картѣ Шуберта Армерина), и Мерли на Волгѣ у границъ Тверскаго и Старицкаго уу.; при этомъ селеніи — Городище. Съ этой стороны на водораздѣлѣ съ Озерной областью замѣчается сел. Мерипово въ Бѣжецкомъ у. По правую сторону Волги — Меревкино или Мерейкино въ Зубцовскомъ у. по Волоколамскому тракту; Воймерова къ югу отъ Зубцова верстахъ въ семи; Мерялова въ Клинскомъ у. на Сестрѣ рѣкѣ, одинъ изъ притоковъ которой въ XV вѣкѣ носилъ названіе Станимерки (Собр. Госуд. Грам. и Дог. I. 331); Мерскій станъ XVI вѣка по р. Курбѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, и въ немъ тен. селенія: Мередево, Мерипово у верховьевъ Курбы и Мервиново въ 25 верстахъ отъ у. гор.;

здѣсь же, въ области Дубны, слѣдуетъ искать Водомерскую деревню, упомипаемую въ грамотѣ 1504 года, на границахъ Дмитровскаго и Радонѣжскаго уѣздовъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. I. 365), и вблизи показанное тамъ же сел. Мерлино на Ворѣ (ibid.). Далѣе Большая Нерль, названіе которой родственно съ племеннымъ названіемъ Мери, и на ней Нерскій станъ Мерлново сел. Кисемскаго стану Переяславль-Залѣсскаго уѣзда. (XVI—XVII в.) и два селенія Нерльскихъ въ Калязинскомъ у. Было уже замѣчено, что въ древней Переяславской области Мерянскія названія мѣстностей перепутываются съ Весскими, также, какъ и по западнымъ окраинамъ описанной нами области. Наконецъ послѣдніе слѣды Мери по южной сторонѣ Волги — на востокъ отъ Б. Нерли — замѣчаются по Которости, которая беретъ начало изъ озера Неро, и на которой находится Немерово въ южной части Ярославскаго у.; Унемерь нѣсколько ниже ея; здѣсь же слѣдуетъ искать Лаксомѣрь 1453 года (Актъ Арх. Эксп. 96), можетъ быть, въ тен. Лахости, на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Которость съ правой стороны почти на границѣ Ярославскаго Ростовскаго у. Рѣка Нерехта съ городомъ того же имени представляютъ крайній восточный пунктъ Мерянскаго наименованія на южномъ побережьи Волги [89]). Нѣсколько далѣе на востокъ они простираются въ области Клязьмы, на юго-востокъ отъ Ростовскаго озера, по теченію Клязмьепскаго притока Малая Нерли, близь которой находится сел. Мереховица (у небольшаго озера въ южной части Ростовскаго у.), къ нижнему теченію Клязьмы, гдѣ на излучинѣ ея, при перемѣнѣ ея сѣв.-восточнаго теченія на юго-востокъ, находится селеніе Мередище, на границѣ Ковровскаго и Вязниковскаго уѣздовъ; южнѣе его Меркутинъ, на ю. з. отъ Вязниковъ, и близь него — три сел. Мерзлеево, Мерелева, Мершина. Далѣе на востокъ начинаются уже мѣстности съ Мордовскими, Муромскими и Черемисскими названіями, между которыми въ Нижегородской губерніи замѣчено только четыре — напоминающихъ собою Мерю. Отъ нижней Клязьмы на юго-западъ, по водораздѣлу ея съ Окою, встрѣчается нѣсколько Мерянскихъ мѣстностей, смѣшивающихся съ Муромскими. Таковы Тимерево

и Чимерево въ Судогодскомъ уѣздѣ; Нерахина на ю. з. отъ Владиміра; далѣе на югъ, уже въ сѣверной части Рязанской губерніи погостъ Унамерь и сел. Ушмаръ, близъ озера Великаго. Нѣсколько южнѣе Покрова беретъ начало Нерская р., въ XII вѣкѣ носившая названіе Мерской (1176. Лавр. 161). Она вводитъ насъ въ область Москвы рѣки, въ которой теперь извѣстно одно только Мерянское названіе сел. Мери на дорогѣ изъ Бронницъ въ Богородскъ, въ 22 верстахъ отъ Богородска; но еще въ XVI в. грамоты называютъ тамъ сел. Устьмерску, которое было извѣстно съ XII вѣка, Мерю Старую, Мерку Малую и близъ нихъ болото Мерское въ Звѣнигородскомъ уѣздѣ, недалеко отъ дороги въ Можайскъ, и селенье Мерицово въ Рузскомъ стану (Собр. Госуд. Гр. Д. 363, и 365, — годъ 1504). На крайнемъ югѣ и юго-западѣ слѣды Мери замѣчаются въ области Оки, Угры, верхней Москвы и даже верхняго Днѣпра. Тутъ могутъ быть указаны: Мерлино близъ Рязани; р. Мерлика, впадающая въ Проню съ лѣвой стороны, нѣсколько выше Пронска, у сел. Мещерскаго; это самый южный пунктъ, извѣстный намъ; Немерино къ югу отъ Каширы и къ сѣверу отъ погоста Мордвези (см. ниже); Мерловка, лѣвый притокъ Протвы, къ ю. отъ Малоярославца, и на ней селеніе того же имени; Мерловка, рѣчка въ Медынскомъ уѣздѣ, черезъ Городенку впадающая въ Истру; Мерлино, Мерлиновка (и Морятинъ) въ Алексинскомъ уѣздѣ, Меревское въ Калужскомъ; Мереницы въ Козельскомъ (къ ю. з. отъ у. г.), Немерска, лѣвый притокъ Жиздры, на самомъ водораздѣлѣ Окскаго бассейна съ Десняпскимъ. Какъ далеко на западъ простирались поселенія Мери, какъ близко они подходили къ коренпымъ Славянскимъ поселеніямъ, указываютъ сел. Мереницево на верхнемъ теченіи Москвы рѣки въ Гжатскомъ уѣздѣ; рѣчка Мерейка въ Смоленской губерніи [90]) подъ г. Краснымъ. Естественно, что при такомъ близкомъ сосѣдствѣ, лишь только началось колонизаціонное движеніе Славянъ на сѣверо-востокъ, и это племя, подобно Веси, должно было поступиться и жилищами и народностью передъ Славянами, и немногимъ пережило въ исторіи своихъ сѣверозападныхъ соплеменниковъ. Въ послѣдній разъ лѣтопись

называетъ его подъ 907 годомъ, въ числѣ племенъ, ходившихъ тогда съ Олегомъ на Грецію. Въ эпоху составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ сохранилось только преданіе о томъ, что въ Ростовѣ первыми насельниками была Меря, и едва ли не въ смыслѣ такого же преданія о давно-минувшемъ — относительно этой эпохи — слѣдуетъ принимать извѣстіе лѣтописи о Мерянской области у озеръ Ростовскаго и Клещина.

Въ близкомъ племенномъ сродствѣ съ Мерью были жившія въ сосѣдствѣ съ нею, на востокъ и юго-востокъ племена Муромы, Мордвы и Черемисы [91]). Изъ лѣтописнаго извѣстія о ихъ разселеніяхъ можно вывести заключеніе, что составитель Повѣсти зналъ о племенномъ различіи ихъ между собою, но о географическомъ положеніи ихъ относительно другъ друга имѣлъ весьма смутное представленіе: онъ помѣщаетъ всѣ эти три племени „по Оцѣ рѣкѣ, гдѣ потече въ Волгу [92])", и только о Муромѣ говоритъ опредѣленнѣе, что оно составляло первоначальное населеніе города Мурома. Такимъ образомъ для изысканій о пространствѣ, какое могли занимать прежде эти племена, остаются только данныя теперешней топографической и хорографической номенклатуры, — вмѣстѣ съ извѣстіями болѣе поздняго времени.

Основываясь на этихъ данныхъ можно допустить, что область Муромы простиралась отъ города Мурома вверхъ по Окѣ, на западъ до предѣловъ Мери, гдѣ теперь, вблизи указанныхъ нами Мерянскихъ названій Унемери и Ушмары, находится озеро Муромское (въ Егорьевскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи), и на сѣверо-западъ и сѣверъ до водораздѣла между Окою и Клязьмою, гдѣ надо искать сельцо Владимірскаго уѣзда Муромское XVII вѣка (1630 — 1631), и гдѣ теперь видимъ сел. Муромцево къ югу отъ Судогды, также вблизи Мерянскихъ мѣстностей. Поселенія Муромы вдавались клиномъ между землями Черемисы, лежавшими на сѣверо-востокъ отъ нея, и Мордвы, область которой могла первоначально простираться по южному побережью Оки и по правымъ притокамъ ея вдоль южныхъ границъ Муромы и Мери, далеко на западъ въ сосѣдство славянскаго племени Вятичей. На такое положеніе указываютъ — относи-

тельно Черемисы: тепер. селенье Черемись къ с. з. отъ Горбатова, на Суворошѣ, между Клязьмою и Окою, Черемиха нас. в. отъ Коврова, и значащаяся въ Писцовыхъ книгахъ XVII в. (I. 1. 862) въ Стародубо-Ряполовскомъ станѣ Суздальскаго у., дер. что было селище Черемисиново на р. Тарѣ, и относительно Мордвы: Мердушское болото къ ю. отъ Мурома, Мордва наЦнѣ*) XV в. въ Рязанскомъ у. (1496, Собр. Гос. Гр. и Догов. I. 322), два селенья Мордасова въ Рязанскомъ у.; два селенья Мордвинова въ Касимовскомъ у.; Мордово на р. Парѣ (Карта Шуберта Пирѣ) въ Сапожковскомъ у., на границѣ съ Шацкимъ; Мордвезь въ Веневскомъ у. по дорогѣ въ Каширу; погость Троицкое, что́ на Мордвези или Мордвезь на р. Мордвези, черезъ Хотынку вливающейся въ Осетръ, въ Каширскомъ уѣздѣ, Мордвино къ югу отъ Можайска [93]). Такимъ образомъ, по этимъ даннымъ, область Мордвы и Черемисы, отмѣчается гораздо западнѣе, чѣмъ полагаютъ обыкновенно, и догадка эта подтверждается отчасти выше приведеннымъ свидѣтельствомъ Начальной Лѣтописи, отчасти позднѣйшимъ извѣстіемъ о переселеніи ихъ, съ распространеніемъ русскаго владычества въ этой области на востокъ [94]).

Таковы были Финскія племена по сю сторону Волока [95]). Что касается Заволоцкой Чуди, то лѣтопись въ этнографическомъ вступленіи своемъ относитъ къ ней четыре племени, называя въ порядкѣ размѣщенія ихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ — Пермь, Печеру, Ямь или Емь и Угру или Югру и кромѣ того въ изложеніи событій упоминаетъ Самоядь. За исключеніемъ послѣдняго племени, которое въ концѣ XI вѣка едва-ли не было извѣстно на Руси только по имени, и Югры, эти племена были обязаны данью Русскому государству. Полагаютъ, что подъ именемъ Перми лѣтопись разумѣетъ не только предковъ теперешнихъ Пермяковъ, которые еще въ XIV вѣкѣ занимали область, ограниченную Камою и Вычегдой, но и сосѣдей ихъ Зырянъ, племенное названіе которыхъ нашимъ лѣто-

*) Вѣроятно по Цнѣ, лѣвому притоку Оки, въ Егорьевскомъ уѣздѣ.

писцамъ неизвѣстно. Впрочемъ уже доказано, что Пермь и Зыряне — названія синонимическія, съ одинаковымъ значеніемъ Украйны, Украинцевъ, ивъ старину могли употребляться безразлично [96]), хотя умолчаніе лѣтописи о Зырянахъ даетъ основаніе полагать, что по видимому вначалѣ имя Перми было болѣе распространено. Часть Зырянъ, жившая къ сѣверу отъ Перми, по Вычегдѣ и до рѣки Печеры, называлась кажется Печерою [97]). Въ связи съ лѣтописною Пермью несомнѣнно стоитъ Біармія Норманновъ, которые обозначали этимъ именемъ область нижняго теченія Сѣверной Двины и Бѣломорское побережье. Но ни въ этой области, ни на Поморьи населеніе никогда не состояло изъ Пермяковъ: тамъ искони жили Карелы—племя, неизвѣстное лѣтописцу; и такимъ образомъ въ немъ слѣдуетъ искать Норманскихъ Біармовъ. Норманны могли пользоваться именемъ Перми для обозначенія Карельской земли или потому что Пермь имѣла тогда обширную извѣстность на сѣверѣ Европы, благодаря своей обширной торговлѣ и торговымъ путямъ, пролегавшимъ черезъ нее изъ Бѣлаго моря въ Каспійскому [98]), — или же оба эти народа стояли въ какой нибудь связи между собою, въ зависимости одинъ отъ другого.

Что касается Еми (Ѣмъ, Ямь, впослѣдствіи Гамъ [99]), то Начальная лѣтопись не даетъ о географическомъ положеніи ея никакихъ точныхъ указаній. Изъ подробныхъ извѣстій о столкновеніяхъ Еми съ Русью въ XIII — XIV вѣкахъ область ея открывается, какъ доказалъ Лербергъ въ превосходномъ изслѣдованіи своемъ о жилищахъ этого племени [100]), въ южной части Финляндіи, гдѣ до сей поры остатки или потомки его Тавасты удержали за собою названіе Гэмовъ (Häme, Hämälain, множ. Hämälajset). Но едва ли тутъ можно искать жилищъ Еми нашей Начальной лѣтописи. Напротивъ, изъ всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что лѣтописецъ зналъ и полагалъ это племя не на сѣверо-западѣ, а на сѣверо-востокѣ нашей равнины. Такъ въ спискѣ инородцевъ, платившихъ дань Руси, онъ помѣщаетъ его рядомъ съ Печерою, а въ перечнѣ населенія Іафетовой части — между Печерою и Югрою; — и тамъ, и здѣсь, упомянувъ эти племена, онъ переходитъ къ группѣ племенъ Литовскихъ, изъ

чего нельзя не видѣть, что они были, по его представленію, крайними племенами въ Чудскомъ Заволочьи (Лавр. 2, 5) [101]), Далѣе съ половины XI вѣка мы имѣемъ извѣстія о борьбѣ Руси съ Заволоцкимъ Финскимъ населеніемъ. При всей своей краткости и отрывочности, они указываютъ съ одной стороны, что эта борьба велась если не исключительно, то главнымъ образомъ Емью, — съ другой — что она шла гдѣ то у новгородскихъ границъ, близъ Ладоги, то есть въ южномъ Заволочьи. Такъ изъ XI вѣка извѣстенъ походъ сухопутьемъ князя Владимира Ярославича изъ Новгорода на Ямь, которая была побѣждена (Лавр. 66); за тѣмъ подъ 1079 г. лѣтопись говоритъ о гибели князя Новгородскаго Глѣба Святославича въ Заволочьи, при чемъ позднѣйшій Татищевскій сводъ лѣтописи прибавляетъ, что онъ былъ убитъ отъ Еми (Лавр. 85; Тат. II. 112). Въ XII вѣкѣ — Новгородскій лѣтописецъ (I. 3) говоритъ о походѣ Новгородцевъ „въ Ладогу на войну" 1005 году; въ 1124 году о зимнемъ походѣ князя Всеволода Мстиславича на Ямь, которая, по словамъ Татищевскаго свода, была разбита на Свири (Тат. II. 218); подъ 1142 годомъ — о нападеніи Еми на Новгородскую область, при чемъ Ладожане избили весь Емскій отрядъ въ 400 человѣкъ (Новгор. Лѣт. I. 9); подъ 1149 годомъ — о нападеніи Еми зимою на Водь (ibid. 11). Сопоставляя эти извѣстія съ указаніями этнографическаго введенія лѣтописи о положеніи Еми, слѣдуетъ предположить, что въ эпоху Начальной лѣтописи Емь должна была занимать южное Заволочье на пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Сѣверной Двины. Въ такомъ случаѣ она соприкасалась на югѣ съ Весью Новгородской области, на сѣверѣ съ Карелами, о борьбѣ которыхъ съ нею до насъ дошли многочисленныя извѣстія изъ XII—XIII вѣковъ [102]),—на сѣверо-востокѣ и востокѣ, согласно съ свидѣтельствомъ лѣтописи, съ Югрою и Печерою. Такое предположеніе о положеніи Емской области въ эпоху Начальной лѣтописи, высказанное Татищевымъ, было поддержано и оправдано академикомъ Шегреномъ [103]), который привелъ въ пользу его изъ области современной этнографіи Финновъ доказательства, дѣлающія его почти несомнѣннымъ. Остатки этого племени онъ указалъ въ теперь немногочисленномъ [104]) Финн-

скомъ народцѣ у Онежскаго озера, который у сосѣднихъ русскихъ извѣстенъ подъ именемъ Чуди, а самъ себя звалъ Ljudi, и языкъ свой Ljudi Kiele [105]). Онъ живетъ въ сѣверо-западной части Бѣлозерскаго уѣзда по границѣ съ Лодейно-польскимъ, и въ сѣверо-восточной части Тихвинскаго уѣзда къ сѣверу отъ Ояти; въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ онъ занимаетъ всю южную часть его до самаго у. города, за исключеніемъ нижней Ояти, занятой Русскими; въ Петрозаводскомъ же ему принадлежитъ длинная полоса западнаго побережья Онежскаго озера, почти до Петрозаводска съ одной стороны, съ другой до р. Ивины, впадающей въ Свирь черезъ Мужену. Филологическія наблюденія надъ языкомъ Чуди привели академика Шегрена къ заключенію, что, по основному своему типу, онъ имѣетъ близкое сродство съ языкомъ Финляндской Еми (Тавастовъ), и что слѣдовательно, хотя это племя образовалось изъ смѣшенія различныхъ Финнскихъ народцевъ, но Емь вошла въ него главнымъ и существеннымъ элементомъ.

Что Емь не была здѣсь позднѣйшимъ пришлымъ населеніемъ, что она изстари занимала эту область, доказываетъ цѣлый рядъ живыхъ урочищъ и населенныхъ мѣстностей въ южномъ Заволочьи съ названіями, напоминающими это племя. Они замѣчаются на пространствѣ не только отъ Ладожскаго озера до Сѣверной Двины, но на юго-западъ отъ него до Чудскаго озера и области Западной Двины, а на сѣверо-востокъ за Двину къ Вычегдѣ, Вымѣ и Сысолѣ, гдѣ до сей поры сохранилась въ народѣ память о Гамахъ, составлявшихъ первоначальное населеніе теперешняго Яренскаго уѣзда [106]). Въ этихъ названіяхъ не льзя не видѣть слѣдовъ старинныхъ обиталищъ Еми, хотя конечно нельзя думать, что бы она занимала такое обширное пространство за одинъ разъ, въ одно и тоже время. Вѣроятнѣе, что племя это, жившее первопачально гораздо далѣе на юго-западъ, въ сосѣдствѣ съ одной стороны съ Прибалтійскою Чудью, изъ языка которой и объясняется племенное названіе Еми *), съ другой съ

---

* Нäт на эстонско-дерптскомъ нарѣчіи значитъ сырой, влажный, водянистый.

Кривичами, постепенно передвигалась на сѣверо-востокъ, уступая движенію другихъ чудскихъ народовъ, вызванному колонизаціей Славянъ, и непосредственно напливу самаго Славянства. Любопытно, что на водныхъ путяхъ восточной равнины изъ бассейна Балтійскаго въ Заволочье встрѣчается много хорографическихъ названій, родственныхъ племенному названію Емп, — а хорографическія названія принадлежатъ, какъ извѣстно, къ древнѣйшимъ, и скорѣе другихъ могутъ быть приняты, какъ свидѣтельство старинныхъ поселеній того или другого племени. Въ такомъ движеніи Начальная лѣтопись застаетъ это племя на отмѣченномъ выше пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Сѣверной Двины уже въ борьбѣ съ Русью и Славянствомъ, врывавшимися въ его область съ юга. Въ XII вѣкѣ борьба эта окончилась въ пользу Руси. Емь частью была покорена и слилась съ пришельцами; но главныя массы ея двинулись на западъ въ гористую Финляндію [107]), гдѣ они и являются съ XIII—XIV вѣка сильнымъ и воинственнымъ населеніемъ, и гдѣ потомки ихъ живутъ и до-нынѣ; другая же часть отошла, можетъ быть, на востокъ за Сѣверную Двину, и тамъ исчезла, смѣшавшись съ туземнымъ населеніемъ.

Еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ о Еми, лѣтопись сообщаетъ о крайнихъ сѣверо-восточныхъ племенахъ—Югрѣ и Самояди. Въ эпоху Начальной лѣтописи эти племена или не были покорены Русскому государству, или оно только что начинало утверждать надъ ними свою власть. Мы видѣли, что о Самояди лѣтопись не говоритъ въ своемъ этнографическомъ вступленіи, и упоминаетъ ее только однажды, случайно, по поводу разсказа Новгородца Гюряты Роговича о Югрѣ. Такое же случайное упоминовеніе дѣлаетъ о ней и лѣтопись XII вѣка, говоря о старыхъ людяхъ, ходившихъ будто бы за Югру и Самоядь [108]). Относительно Югра мы имѣемъ болѣе данныхъ. Въ перечнѣ народовъ она показана крайнимъ сѣверо-восточнымъ населеніемъ въ Заволочьи. Но въ числѣ даннческихъ племенъ ее нѣтъ. За тѣмъ въ извѣстной вставкѣ о людяхъ, заклепанныхъ въ восточныхъ горахъ Александромъ Македонскимъ, — вставкѣ, уже упомянутой нами, — мы имѣемъ разсказъ очевидца, изъ котораго

можно вывести заключеніе о географическомъ положеніи Югры. „Послахъ отрокъ свой — говоритъ Гюрята лѣтописцу — въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ и оттуда иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ (Лавр. 107)". По прямому смыслу этаго извѣстія, Югорская земля представляется лежащею за Новгородскими владѣніями въ Печерѣ, къ сѣверу отъ этого племени; но, если вѣрно, что это послѣднее занимало область между Вычегдою, и Печерою, то въ такомъ случаѣ Югорско-Самоѣдскія поселенія или кочевья слѣдовало бы полагать далѣе на сѣверъ, по восточнымъ притокамъ Двины, Мезени и Печорѣ до тундръ поморья. Тоже подтверждается положеніемъ, какое даетъ лѣтописецъ Югрѣ относительно поморской части сѣвернаго Урала. „Югра же рекоша отроку моему, продолжаетъ Гюрята: дивьно мы находимъ чюдо, его же нѣ есмь слышали преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть горы зайдуче луку моря, ихъ же высота яки до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено окопце мало, и тудѣ молвять, и есть не розумѣти языку ихъ; но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза, и аще кто дасть имъ ножъ ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощьи" (ibid). Такимъ образомъ область Югры лежала къ югу или вѣрнѣе къ юго-западу отъ Сѣвернаго Урала и на довольно значительномъ отъ него разстояніи. Что этотъ хребетъ былъ мало извѣстенъ тогда самой Югрѣ, указывается отчасти баснословностью разсказа о загорныхъ обитателяхъ и торговыхъ спошеніяхъ съ ними, выраженіе же: „чюдо, его же нѣ есмы слышали преже сихъ лѣтъ; сеже третье лѣто поча быти" — можно объяснить только тѣмъ, что сами Югорцы получили первыя свѣдѣнія объ Уралѣ весьма не задолго до прихода къ нимъ Гюрятина отрока, т. е. не ранѣе самаго конца XI или начала XII вѣка [109]). На югѣ и юго-западѣ Югрскія земли прилегали къ поселеніямъ Печеры на Вычегдѣ, и Еми на Сухонѣ. Тамъ,

гдѣ соприкасались эти племена, до сей поры за нѣкоторыми мѣстностями удержались названія Югорскихъ. Таковы рѣка Угронька, притокъ Ваги, Угринская дер. на Вагѣ, къ ю. отъ у. г. въ Вельскомъ у., Угорма, притокъ Кубины, въ Кадниковскомъ у.; Югорская и Югрина въ Тотемскомъ у., въ области Сухоны; Югринская дер. на Югѣ, въ Никольскомъ у., Гургинская на верхней Сысолѣ въ южной части Усть-Сысольскаго у., Югрина въ сѣверной части Костромской губ. и названія рѣкъ Ухры, лѣваго притока Шексны, и двухъ притоковъ Оки Нугря и Угры могутъ указывать, какъ далеко на югъ въ область Мерянъ простирались Югрскія поселенія въ болѣе раннюю пору, если только не видѣть въ нихъ слѣдовъ временнаго пребыванія части этаго племени, передвинувшейся на югъ восточно-европейской равнины, и впослѣдствіе утвердившейся въ Панноніи, гдѣ она основала въ X в. Угорскую (Мадьярскую) державу. Замѣтить также, что къ с. з. отъ Вычегды до Уральскаго хребта сколько намъ извѣстно, не встрѣчается мѣстностей съ подобными названіями.

Къ такому заключенію о географическомъ положеніи Югры до XI вѣка приводитъ разборъ извѣстій о ней, сообщаемыхъ древнѣйшими сводами Начальной лѣтописи. Оно подтверждается рядомъ извѣстій о сношеніяхъ и столкновеніяхъ Руси съ Югрою въ XI — XIV вѣкахъ. Самое раннее изъ нихъ восходитъ къ 1032 году. Подъ этимъ годомъ Никоновскій лѣтописный сводъ говоритъ о неудачномъ походѣ Новгородца Улѣба на Желѣзныя Ворота (I. стр. 132). Позднѣе въ XIV вѣкѣ подъ именемъ Желѣзныхъ Воротъ на Руси былъ извѣстенъ теп. Дербентъ; но конечно здѣсь дѣло идетъ не о Дербентѣ, а о какой либо мѣстности въ Заволочьи, гдѣ Новгородцы начинали тогда утверждать свою власть, и вступили въ упорную борьбу съ мѣстными Финскими племенами. Это подтверждается и Татищевскимъ лѣтописнымъ сводомъ; онъ сообщаетъ, что въ походѣ 1032 года Новгородцы были разбиты Югрою. Въ сѣверной Россіи, кромѣ проливовъ на Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ Океанѣ, извѣстныхъ подъ именемъ Желѣзныхъ Воротъ [110]) есть три мѣстности съ такими названіями, именно рѣка Желѣзныя Ворота, впадающая съ юга въ Чагодощу въ Весьегонскомъ уѣздѣ;

урочище Желѣзныя Ворота (Городокъ, Карпль), на правомъ берегу Сысолы, въ 80 верстахъ отъ Усть-Сысольска, близъ сел. Водчи [111]), и далѣе на с. в. сел. Желѣзныя Ворота на р. Цылмѣ, съ запада впадающей въ Печеру. Если принять въ соображеніе, что съ одной стороны Весь рано, еще въ IX и X вѣкахъ, вошла въ составъ Новгородскихъ владѣній, съ другой, что цѣлое столѣтіе спустя послѣ похода 1032 года крайнія сѣверо-восточныя владѣнія Новагорода не доходили до Мезени, и оканчивались на Пинегѣ, правомъ притокѣ Сѣверной Двины, — и что слѣдовательно ни Чагодощскія, ни Цылемскія Желѣзныя Ворота не могутъ быть приняты въ соображеніе при объясненіи извѣстія о разсматриваемомъ походѣ, то остается только принять Сысольская Желѣзныя Ворота, лежащія именно тамъ, гдѣ должна была начинаться Югра нашей лѣтописи. Въ связи съ этимъ стоитъ рядъ извѣстій объ отношеніяхъ Новагорода къ Югрѣ въ XII — XIV вѣкѣ. Всѣ они указываютъ на близкую связь Югры съ одной стороны съ Печерой, съ другой съ Устюгомъ и Двинскою областью. Такъ первыхъ упоминаемыхъ въ лѣтописи Югорскихъ даньщиковъ въ концѣ XII вѣка мы видимъ въ Печерѣ и за Волокомъ. Въ 1187 году, говоритъ Новгородскій лѣтописецъ, избіени быша Печерьскые даньники и Югрскіе въ Печерѣ, а другіе за Волокомъ (Новгор. 1 Лѣт. 19). Въ грамотахъ XIII вѣка (1264) Югра называется одною изъ Новгородскихъ волостей вмѣстѣ съ Пермью и Печерою [112]). Извѣстія 1323 года и 1324 года открываютъ, что путь въ Югру изъ Новагорода шелъ мимо Устюга и Двинской земли, т. е. по Сухонѣ и Двинѣ, изъ которой прямой путь на востокъ идетъ вверхъ по Вычегдѣ. То же подтверждается разсказомъ о событіяхъ 1325 года [113]). Подчиненіе Югры Новугороду по всей вѣроятности относится или къ началу XII, или къ самому концу XI вѣка. Но по обстоятельствамъ Новгородцы никогда не могли утвердить надъ нею прочной власти, и ограничивались простымъ сборомъ дани. Прежде всего они были стѣснены въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ постояннымъ противодѣйствіемъ со стороны Поволжскихъ князей, которые очень рано овладѣли важнымъ пунк-

томъ на водномъ Заволоцкомъ пути, Устюгомъ, и перерывали сношенія въ Югорской землею. Новгородъ отправлялъ въ Югру своихъ данщиковъ, подкрѣпляя ихъ значительными военными силами, какъ для отпора обычнымъ нападеніямъ Устюжскихъ князей и Двинянъ, такъ и для борьбы съ Югорцами, отъ которыхъ они должны были постоянно ожидать сопротивленья. При такимъ условіяхъ Новгородъ конечно не могъ, хотя и называлъ Югру своею волостью, завести въ ней Славянскія поселенія, ни дать ей своего управленія. Югра управлялась своими князьями, вела съ данщиками упорную борьбу, изъ которой Новгородцы выходили не всегда съ успѣхомъ, и, — явленіе, общее для всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ въ ихъ столкновеніяхъ съ Славянствомъ, — отступала. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій она постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ее XV вѣкъ, и гдѣ она была покорена уже Московскими войсками. По всей вѣроятности двигались вслѣдъ за Югрою и Новгородскія дружины, привлекаемыя богатствомъ соболей, серебра и всякаго узорочья; но прямыхъ извѣстій о знакомствѣ Руси съ Сибирью въ XII—XIV вѣкѣ мы не имѣемъ, за исключеніемъ однаго темнаго и довольно сомнительнаго извѣстія о походѣ Новгородцевъ на Обь рѣку въ 1364 г. [114]). Память о такомъ переселеніи Югры съ берегомъ Двины и Юга, гдѣ она жила когда-то подъ именемъ Югорски, за Уралъ, еще въ прошломъ столѣтіи сохранялась у ея потомковъ Вогуловъ [115]).

Кромѣ Югры на крайнемъ сѣверо-востокѣ лѣтопись знаетъ Угровъ на югѣ, въ Подунайской землѣ. Она говоритъ о Уграхъ Бѣлыхъ, которые явились на Дунаѣ въ VII вѣкѣ, при Императорѣ Ираклiѣ и Персидскомъ царѣ Хозроѣ (Лавр. 5) и были современники Обровъ (Аваровъ). Другіе-Угры Черные—перекочивали на юго-западъ въ концѣ IX вѣка, и при Олегѣ стояли вѣжами на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ; оттуда по лѣтописному преданію они двинулись на западъ, перешли Карпаты [116]) втѣснились между Закарпатскими Славянскими племенами, и образовали Угорское (Мадьярское) государство. По Мадьярской лѣтописи (Анонома, Нотарія короля Бэлы) они вышли изъ Заволожья, и переправились черезъ Волгу на Суздаль (Susudal);

но новѣйшія изслѣдованія показали полную несостоятельность этого памятника, какъ историческаго источника, хотя онъ и не лишенъ значенія любопытныхъ и характерныхъ литературныхъ произведеній своего времени [117]). По нашимъ лѣтописямъ Угры шли горою, т. е. сухимъ путемъ, что-замѣтимъ мимоходомъ— не противорѣчитъ предположенію, высказанному выше о жилищахъ нашей лѣтописной Югры въ Заволочьи. Сродство теперешнихъ Мадьяръ, потомковъ Черныхъ Угровъ, съ Сибирскими Вогулами, потомками Заволоцкой Югры, теперь не подлежитъ по видимому сомнѣнію. Что касается Бѣлыхъ Угровъ, то, послѣ изслѣдованія К. Я. Грота, вопросъ о нихъ можетъ считаться покончennымъ. Бѣлые Угры нашего лѣтописца обозначаютъ несомнѣнно Казаръ, какъ то полагалъ еще Шлецеръ (Нестръ II. 402.), но не по неумѣнью различить эти два племени, и не потому, что бы между ними было какое либо сродство или общность, но по недоразумѣнію, возникшему вслѣдствіе желанія лѣтописца опредѣлить время, когда въ исторіи въ первый разъ появляются Угры, раздѣлившіе съ Болгарами наслѣдіе Славянской земли [118]). Зная, что въ его время Византійцы называли Мадьяръ Турками, и не зная, или упустивъ изъ виду, что тоже самое имя они придавали Казарамъ, которые были впрочемъ извѣстны имъ и подъ собственнымъ названіемъ,—лѣтописецъ, въ-первые встрѣтивъ имя „Турки" у хорошо извѣстнаго ему Византійскаго хронографа, Георгія Амартола, въ разсказѣ о войнѣ Императора Ираклія съ Персидскимъ царемъ Хозроемъ, и не подозрѣвая, что здѣсь дѣло идетъ именно о Казарахъ, принимавшихъ участіе въ этой войнѣ въ качествѣ Византійскихъ союзниковъ, увидѣлъ въ этихъ Туркахъ—Угровъ; — но что бы отличить ихъ отъ Угровъ, проходившихъ мимо Кіева въ 898 г., и извѣстныхъ ему по народному преданію, онъ назвалъ ихъ Бѣлыми, оставивъ за послѣдними прозваніе Черныхъ. Что же касается этихъ прозваній, то лѣтописецъ могъ почерпнуть ихъ изъ дѣйствительно существовавшаго въ его время дѣленія Угріи на Бѣлую и Черную. Подъ именемъ Бѣлой разумѣлось повидимому собственно Угрія, первоначальныя владѣнія Стефана Святаго (т. е. Среднедунайская равнина), а подъ именемъ Черной, какъ

кажется, Трансильванія, часть которой и нынѣ населена Уграми Секлерами, или вообще покоренныя Стефаномъ Святымъ восточныя части (средневѣковой) Угріи [119]). Какъ кажется, до XII в. Русь Приднѣпровская не имѣла никакихъ сношеній съ Закарпатскими Уграми; только въ X в., когда Святославъ утвердился на нѣкоторое время въ Подунайской Болгаріи, у Руси завязались съ ними торговыя сношенія (Лавр. 28). Что же касается отношеній ихъ къ мѣстной Закарпатской Славянщинѣ, къ Закарпатской Руси, то они составляютъ пока весьма важный вопросъ, еще очень мало, какъ увидимъ, тронутой исторической наукою [120]).

Угрою завершается рядъ Финскихъ племенъ, указываемыхъ лѣтописью на сѣверо-востокѣ равнины. Разсмотрѣвъ ближе извѣстія ея о нихъ, можно теперь нѣсколько точнѣе опредѣлить границы ея географическаго кругозора на сѣверѣ. Эту границу слѣдуетъ провести отъ Ладожскаго озера на востокъ къ Бѣлому озеру, и оттуда на сѣверо-востокъ къ Вычегдѣ и племени Самоѣдовъ, которыхъ лѣтопись знаетъ по слухамъ. Нельзя не видѣть при этомъ, что о сѣверо-востокѣ она имѣетъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ о сѣверо-западѣ. По справедливому замѣчанію академика Шегрена, въ то время, какъ тамъ ей извѣстны не только Печера и Югра, но и отдаленная Самоядь, она ничего не знаетъ ни о Сѣверной Двинѣ и Онежскомъ озерѣ, ни о населеніи ихъ побережьевъ — Карелахъ на Сѣверной Двинѣ и Лопи у Онежскаго озера. Объясненіе этому академикъ Шегренъ находитъ въ томъ, что вообще главная масса Славянскихъ племенъ распространялась первоначально во внутреннихъ и среднихъ частяхъ Россіи, такимъ образомъ — на востокѣ; что переселенцы въ эту сторону распространяли и утверждали господство Руси гораздо прочнѣе, чѣмъ отдѣльные походы Новгородцевъ, которыхъ существенную цѣль составляла добыча, и что поэтому и свѣдѣнія о сѣверо-востокѣ должны были быть на Руси полнѣе и обстоятельнѣе (Ueber die Wohns. d. Jemen. 309 — 310). Но, кажется, съ этимъ мнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Не говоря уже о томъ, что военные походы вообще болѣе способствуютъ расширенію географическихъ свѣдѣній, чѣмъ медленное колонизаціонное движеніе, которое чаще всего является только послѣдствіемъ этихъ

походовъ, — мы знаемъ также, что о Югрѣ, Самояди и Уральскихъ горахъ составитель лѣтописи получилъ свѣдѣнія отъ Новгородцевъ, которые не успѣли еще тамъ колонизироваться, но только ходили туда или для добычи или для сбора дани. Съ другой стороны при-Онежская Лопь уже въ первой половинѣ XI вѣка не только платила дань Новгороду, но непосредственно входила въ составъ его владѣній; по крайней мѣрѣ, въ Уставѣ Ярослава „о мостѣхъ" Лопьская рель показана, вмѣстѣ съ Волховскою и Лузскою, какъ часть Обонижской волости; и тѣмъ не менѣе Начальная Лѣтопись не знаетъ ея, какъ не знаетъ Вожанъ или Води, Очелы, Сосоловъ, обозначаемыхъ въ ней общимъ именемъ Чуди. Весьма вѣроятно, что Новгородцы имѣли гораздо болѣе свѣдѣній о сосѣднемъ имъ сѣверѣ, чѣмъ можно было бы о томъ судить по Начальной лѣтописи. Очевидно, что большее знакомство лѣтописи съ сѣверо-востокомъ и меньшее съ сѣверо-западомъ должно имѣть другія основанія. Эти основанія открываются именно въ томъ обстоятельствѣ, что сѣверо-восточныя Русскія владѣнія, соприкасавшіяся съ племенами Перми, Печеры, Угры, были въ XI вѣкѣ въ зависимости отъ южно-русскихъ князей, которые или сами тамъ жили, или же посылали туда своихъ мужей для управленія и сбора дани. Финнскій веро-востокъ былъ такимъ образомъ лучше извѣстенъ въ Кіевѣ и Переяславлѣ, чѣмъ сѣверо-западъ, и естественно, что южно-русскій лѣтописецъ сообщаетъ о немъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, тогда какъ о сѣверо-западѣ говоритъ въ общимъ чертахъ, или во все не зная, или же не считая нужнымъ исчислять всѣ инородческія племена, съ которыми у сѣверныхъ Славянъ шла тогда упорная борьба. Что главный источникъ свѣдѣній Начальнаго лѣтописца о сѣверо-восточной Чуди — былъ не Новгородскій, видно также и изъ того, что онъ призналъ необходимымъ отмѣтить особо свѣдѣнія, полученныя имъ отъ Новгородца Гюряты Роговича.

Глава IV. Славяне. Извѣстія Начальной лѣтописи о ихъ разселеніи. Славяне на восточно-европейской равнинѣ. Мнѣніе С. М. Соловьева о порядкѣ ихъ разселенія по сю сторону Карпатъ. Преданіе о выходѣ ихъ съ береговъ Дуная. Предѣлы коренныхъ Славянскихъ поселеній на восточной равнинѣ. Общій обзоръ этнографическаго распространенія восточныхъ Славянъ въ эпоху Начальной лѣтописи. Племена и земли. Образованіе населенныхъ мѣстъ. Образованіе земельныхъ рубежей. Соединеніе земель подъ властью Руси. Отношеніе земель къ княжескимъ удѣламъ и волостямъ въ эпоху Начальной лѣтописи.

Древнѣйшія поселенія Славянъ Начальная Лѣтопись указываетъ на Дунаѣ, въ области, называемой ею Иллирикомъ [120]). Лѣтописное преданіе говоритъ, что съ незапамятныхъ временъ они разошлись отсюда на сѣверъ и сѣверо-востокъ и раздѣлились на племена. Каждое племя назвалось своимъ именемъ, „гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ". Ранѣе другихъ выдѣлились западно-славянскія вѣтви, изъ которыхъ главнѣйшія были извѣстны лѣтописцу: Морава на р. Моравѣ, Чехи (Чахи, Чеси, Лавр. 11, 85, 103), Хорваты Бѣлые, Серебь, Хорутане (3). Позднѣе совершилось выселеніе по сю сторону Карпатъ, въ область Вислы, Днѣпра, Западной Двины. Это выселеніе лѣтопись связываетъ съ нашествіемъ Влоховъ на Дунай, съ покореніемъ и утѣсненіемъ ими дунайскихъ Славянъ. Географическія свѣдѣнія ея о западныхъ Славянахъ ограничиваются простымъ перечнемъ уже названныхъ выше вѣтвей. Нѣсколько больше свѣдѣній она представляетъ о Славянскомъ населеніи на Дунаѣ, и о Славянахъ-Ляхахъ, занявшихъ область Вислы. Славяне по Дунаю, названные въ преданіи о Кіѣ Дунайцами (Лавр. 4; въ Никон. и Тверск. лѣт.: Дунаи), смѣшавшись съ Болгарами, происходившими, по объясненію лѣтописца, „отъ Скуфъ, рекше отъ Казаръ", усвоили себѣ ихъ племенное названіе (Болгаре Дунайскіе) [122]). Въ ихъ землѣ Начальная Лѣтопись насчитываетъ 80 городовъ (Лавр. 27); но изъ нихъ называетъ только Деревстръ (Дерьстеръ 902, 12, 30, тел. Силистрія), Переяславецъ на Дунаѣ, любимый городъ Святослава [123]), и городище Кіевецъ, на мѣстѣ небольшаго городка основаннаго на Дунаѣ Кіемъ [124]). Что касается Ляховъ,

то они заняли все пространство по Вислѣ (между Западнымъ Бугомъ и Одеромъ) на сѣверъ до Варяжскаго моря, гдѣ они сосѣдили съ Пруссами (2). Отъ Чеховъ они отдѣлялись, по представленію лѣтописца, пустынею и Чешскимъ лѣсомъ [125]). Они распадались на отдѣльныя вѣтви, — Полянъ, Лутичей, Поморянъ (Лавр.) и Мазовшанъ (3, Мазовъшапы 1041. Лавр. 66). Въ ихъ области лѣтопись знаетъ крайній на юго-западѣ городъ Глогову (Поуч. Мон. Лавр. 103, теп. Глогау на лѣвомъ притокѣ Одра). Вообще скудость и краткость этихъ извѣстій объясняются рѣдкостью сношеній тогдашней Руси съ юго-западнымъ славянскимъ міромъ.

Гораздо подробнѣе выступаетъ географія Славянъ, разселившихся на сѣверо-востокъ отъ низовьевъ Дуная, Карпатъ и водораздѣла между Вислою и Западнымъ Бугомъ, и вошедшихъ въ составъ Русскаго государства. Начальная лѣтопись даетъ три перечня ихъ въ своемъ этнографическомъ вступленіи, и затѣмъ сообщаетъ о нихъ свѣдѣнія въ изложеніи событій. Перечни этнографическаго очерка не одинаковы. Первый изъ нихъ исчисляетъ не всѣ восточно-славянскія развѣтвленія. Изложивъ извѣстное преданіе о Влохахъ и о разселеніи съ Дуная Лядскихъ и Русскихъ Славянъ, лѣтопись называетъ (Лавр. 3): Полянъ, поселившихся по Днѣпру, Древлянъ, „за не сѣдоша въ лѣсѣхъ", Дреговичей между Припетью и Двиною, Славянъ на Двинѣ, назвавшихся Полочанами „рѣчки ради, яже втечеть въ Двину именемъ Полота". Славянъ у озера Ильмеря, которые „прозвашася своимъ именемъ", то есть Славянъ по преимуществу (Новгородскіе Славяне) и Сѣверъ, племя, разселившееся по Деснѣ, Сейму и Сулѣ. Такимъ образомъ здѣсь открывается населеніе западнаго побережья Днѣпра, верхняго теченья Западной Двины, юго-западной, весьма незначительной, части Озерной области, (у Ильменя и Чудскаго озера), и къ востоку отъ Днѣпра — населеніе области, омываемой Деспою, Семью и Судой. Далѣе, переходя отъ древнѣйшихъ (Кіевскихъ) преданій снова къ Славянскимъ племенамъ, лѣтопись называетъ, кромѣ исчисленныхъ выше, Кривичей, которые „сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра", и которыхъ она

какъ будто бы выводитъ отъ Полочанъ и Новгородскихъ Славянъ [126]) и Бужанъ („запе сѣдоша по Бугу"), позднѣе получившихъ названіе Волынянъ. Тутъ же Сѣверяне представляются не болѣе, какъ развѣтвленіемъ Кривичей. Нѣсколько дальше преданіе объ Обрахъ, открываетъ другое древнѣйшее названіе Бужанъ — Дулѣбы (ibid. 5). Наконецъ послѣдній перечень дополненъ Радимичами и Вятичами, происходившими по лѣтописному преданію, очень темному и загодочному, отъ Ляховъ [103]), и приведенными братьями Радимомъ и Вяткомъ на Сожъ и Оку, Улучами и Тиверцами, жившими по Днѣстру до Понта и Дуная, и Хорватами (ibid.). Было замѣчено, что во всѣхъ этихъ перечняхъ какъ будто бы соблюдена нѣкоторая послѣдовательность, что первый изъ нихъ пополняется вторымъ, который въ свою очередь пополняется третьимъ; и это обстоятельство дало С. М. Соловьеву поводъ предполагать, что лѣтопись исчисляетъ племена по мѣрѣ выселенія ихъ съ береговъ Дуная, по мѣрѣ того, какъ они появляются на восточно-европейской равнинѣ, — какъ будто лѣтописецъ имѣлъ въ виду указать порядокъ и постепенность размѣщенія восточныхъ Славянъ. „Если принимать извѣстіе лѣтописца буквально, говоритъ онъ, то выйдетъ, что славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ (Полянс, Древляне, Дреговичи, Полочане, Новгородскіе Славяне), и потомъ опускалось на югъ по восточной сторонѣ рѣки (Кривичи, Сѣверяне). Дулѣбы же или Бужане, Улучи, Тиверци, Вятичи, Радимичи и Хорваты должны въ такомъ случаѣ явиться позднѣе другихъ, особо отъ нихъ, не въ слѣдствіе борьбы съ Влохами, а по какимъ то инымъ причинамъ [127])". Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого вопроса, по самой сущности своей относящагося къ области Славянскихъ древностей, слѣдуетъ однако замѣтить, что сама лѣтопись не даетъ никакихъ основаній приписывать составителю ея намѣреніе показать порядокъ размѣщенія Славянъ на восточно-европейской равнинѣ; основывать же на ея извѣстіяхъ какіе либо выводы о томъ, какъ дѣйствительно произошло это размѣщеніе, тѣмъ труднѣе, что, даже допустивъ въ нихъ то значеніе, какое приписываетъ имъ г. Соловьевъ, нельзя не видѣть въ нихъ яв-

ныхъ противорѣчій. Такъ напримѣръ къ числу племенъ, по первому извѣстію раньше другихъ явившихся въ Поднѣпровьи слѣдовало бы отнести племя Сѣверо или Сѣверянъ, тогда какъ по второму Сѣверянъ надо считать развѣтвленіемъ Кривичей, которые въ свою очередь произошли отъ Полочанъ или Новгородскихъ Славянъ, такъ что Сѣверяне должны появиться позднѣе не только Полянъ и Древлянъ, но и Кривичей. Затѣмъ Кривичей, жившихъ по верхней Волгѣ, Двинѣ и Днѣпру, на которомъ былъ ихъ городъ Смоленскъ, Повѣсть называетъ развѣтвленіемъ Полочанъ; между тѣмъ изъ дальнѣйшихъ ея извѣстій открывается, что напротивъ скорѣе Полочанъ слѣдуетъ признать развѣтвленіемъ обширнаго племени Кривичей, получившимъ свое мѣстное, видовое названіе отъ рѣки Полоты (какъ объясняетъ лѣтопись), или вѣрнѣе отъ города Полотска, какъ Галичане отъ Галича, Волыняне отъ Волыня и т. п. [128]). Наконецъ въ третьемъ перечнѣ опущены Дреговичи и въ первый разъ упомянуты Хорваты, изъ чего слѣдовало бы заключить, чтобы въ эпоху, близкую къ основанію Русскаго государства, первые уже исчезли, а вторые только что явились. Дѣйствительно о Дреговичахъ Начальная лѣтопись не упоминаетъ далѣе въ изложеніи событій; но Константинъ Порфирородный упоминаетъ о нихъ подъ именемъ Другувитовъ въ числѣ племенъ даннческихъ Руси, а по нашимъ источникамъ ихъ именемъ еще въ XII в. обозначалась область средняго теченія Припети (Ипат. 7, 15),—явный знакъ, что и тогда еще они не утратили своей особности, или по крайней мѣрѣ, что на Руси и тогда сохранилась о ней свѣжее преданіе. Что касается Хорватовъ, то самое имя и географическое положеніе заставляютъ видѣть въ нихъ коренное древнѣйшее населеніе Прикарпатской области, которую по справедливости надо признать прародиной Славянства. Все это сильно опровергаетъ объясненіе, предложенное С. М. Соловьевымъ. Характеръ этихъ извѣстій, послѣдовательно дополняющихъ другъ друга, ближе всего объясняется позднѣйшими передѣлками и вставками, которымъ видимо подверглась „Повѣсти временныхъ лѣтъ"; или же, что еще вѣроятнѣе, безъискуственностью литературнаго изложенія, которая позволяла составителю лѣтописи отъ разсказа стародавнихъ преданій

(о Кіевѣ послѣ перваго перечня и Обрахъ послѣ втораго) возвращаться каждый разъ къ исчисленію племенъ, дополняя то, что было имъ пропущено раньше. Сверхъ того, самое преданіе о нашествіи Влоховъ на Дунай и о выселеніи оттуда Славянъ, безъ сомнѣнія, жившее въ народной памяти, и оттуда занесенное въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, едва ли первоначально имѣло въ народномъ пониманіи такое широкое значеніе, какое придалъ ему нашъ лѣтописецъ. На юго-западной окраинѣ восточно-европейской равнины Славяне представляютъ такое же древнѣйшее исконное населеніе, какимъ въ другихъ частяхъ Европы признаются Литва, Германцы, Ѳракійцы, Кельты. Къ сѣверо-востоку отъ Карпатъ, по крайней мѣрѣ, до верхнихъ теченій Днѣпра и его притоковъ, они составляютъ не только древнѣйшее, но и единственное первобытное населеніе, кототорое запяло эту область съ незапамятныхъ временъ, воздѣлало ее, и оставило неопровержимые слѣды своего исключительнаго господства въ ней въ ея географической номенклатурѣ въ чисто — славянскихъ названіяхъ ея населенныхъ и рукозданныхъ мѣстъ и живыхъ урочищъ. Географическія названія, „въ которыхъ звучитъ языкъ, это первое свидѣтельство, первый актъ историческаго существованія народовъ [129])", доказываетъ, что въ отмѣченной нами области не было другаго кореннаго племени, кромѣ Славянъ. Тоже подтверждается рядомъ древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о с.-вост. равнинѣ, въ которой они являются, начинаясь Геродота, подъ различными именами [129a]). Образовавъ осѣдлое земледѣльческое населеніе, привязанное къ воздѣланной имъ почвѣ, Славянское племя выдержало въ этой области и въ области по ту сторону Карпатъ — натискъ кельтійскихъ и германскихъ народовъ, приливавшихъ съ запада и сѣверо-запада, и азійскихъ кочевниковъ, для которыхъ степная часть равнины, непосредственно сливающаяся съ равнинами Азіи, служила обычнымъ и легкимъ путемъ изъ Азіи въ Европу. Наплывъ этихъ народовъ отрывалъ отъ восточно-славянскаго міра ту или другую ея часть, увлекая ея въ своемъ движеніи, или заставлялъ окраинное Славянское населеніе, не чувствовавшее себя въ силахъ устоять въ борьбѣ съ воинственными сосѣдями, искать убѣ-

жища въ глубинѣ страны, занятой его единоплеменниками. Особенно сильны были такія движенія съ юго-запада, гдѣ Славянство съ глубокой древности приходило въ столкновеніе съ Кельтами, Римлянами и германскими народами, на сѣверо-востокъ — въ глубь восточно-европейской равнины. Но эти переходы не были явленіемъ общимъ для всего Славянства, какимъ оно изображается въ лѣтописи, не были разселеніемъ племени изъ одной мѣстности, съ Дуная, въ незанятыя страны по Моравѣ, Вислѣ, Днѣпру и т. д. Они имѣли характеръ частныхъ, мѣстныхъ явленій, и мало измѣняли общее географическое положеніе Славянскаго міра. Покоренныя или тѣснимыя инородцами, племена выселялись не всѣ; часть оставалась на своихъ прежнихъ мѣстахъ, переселенцы же находили на новыхъ мѣстахъ, по сю сторону Карпатъ, родственныя и по языку и по обычаямъ племена. Съ теченіемъ времени, они сливались съ ними, и только въ преданіяхъ сохраняли память о своихъ первоначальныхъ жилищахъ, объ обстоятельствахъ, которыя вызвали ихъ выселеніе, о родоначальникахъ или вождяхъ, которые ихъ вывели. При естественномъ въ каждомъ народѣ стремленіи объяснить свое происхожденіе и прошлое, эти частныя преданія переселенцевъ со временемъ могли дѣлаться общими для всей Славянской вѣтви, среди которой они поселялись. По всей вѣроятности такъ было съ преданіемъ о первоначальныхъ жилищахъ Славянъ въ Подунайской землѣ и объ изгнаніи ихъ оттуда Влахами. Въ основѣ этого преданія можетъ лежать или движеніе Кельтовъ (Влаховъ) въ Иллирію и Паннонію, совершившееся въ IV в. до Р. Хр., и борьба, начатая тамъ съ мѣстнымъ Славянскимъ населеніемъ, какъ полагалъ Шафарикъ (см. прим. 25), или войны Римлянъ съ Даками, какъ доказываютъ новѣйшіе изслѣдователи [130]). Во всякомъ случаѣ результатомъ борьбы должно было быть выселеніе значительной части Славянъ на с. з. и сѣверо-востокъ отъ Карпатъ, которая и нашла себѣ пріютъ у Славянъ поднѣпровскихъ, повислянскихъ и полабскихъ. Преданія этихъ выходцевъ о первоначальныхъ придунайскихъ жилищахъ, о тихомъ Дунаѣ, о борьбѣ съ Влахами съ теченіемъ времени сдѣлались общимъ достояніемъ тѣхъ Славянъ, среди которыхъ они поселились, частію перешли

въ ихъ поэзію, и за тѣмъ въ письменные историческіе памятники. Но въ продолженіе вѣковъ, со времени выселенія до появленія у Славянъ первой лѣтописи, они должны были замутиться, потерять свой первоначальный смыслъ и полноту. Подробности о борьбѣ съ ними или сгладились, или, будучи отнесены въ другому событію, вошли въ другой циклъ преданій, такъ что отъ сказаній о переселеніи съ Дуная, сложившихся въ глубокой древности, ко времени возникновенія у Славянъ гражданственности и письменности, въ народѣ сохранился одинъ только остовъ, темное воспоминаніе о жилищахъ ихъ предковъ на Дунаѣ, и объ изгнаніи ихъ оттуда [131]). Въ такомъ сухомъ и сжатомъ видѣ это преданіе вошло въ лѣтопись Русскую, а нѣсколько позднѣе въ хроники Польскія и Чешскія, при чемъ наша „Повѣсти временныхъ лѣтъ", или же, что не лишено вѣроятности, ея позднѣйшія редакціи, какъ видно, усвоившія себѣ идею единства Славянъ [132]), воспользовались имъ, что бы объяснить причины этого единства и доказать его непреложность.

Въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, обнимаемыхъ Начальною лѣтописью, этнографическія границы русскаго славянства, подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Прилегая на югѣ къ степямъ, гдѣ происходила непрерывная смѣна враждебныхъ кочевыхъ ордъ, оно постепенно отступило на сѣверъ, въ глубь страны, пока не оградилось отъ ихъ набѣговъ отчасти рядомъ укрѣпленій, отчасти самими же кочевниками, которые, подчинялись ея цивилизующему вліянію, освоились съ осѣдлостью, и по всей южной и юго-восточной украинѣ, образовали живой оплотъ противъ своихъ „дикихъ" сородичей [133]). Въ то же время потери на югѣ и юго-востокѣ вознаграждались для русскаго Славянства пріобрѣтеніями на сѣверо-западѣ по Нѣману и Вилію, на счетъ Литовско-Ятвяжскихъ земель, и на сѣверо-востокѣ, въ Озерной области и въ область Волги —на счетъ Финнскихъ народцевъ. Ядро Славянскаго населенія на восточно-европейской равнинѣ составляла область, простирающаяся къ с. в. отъ Карпатъ и Авратынскихъ горъ, и ограниченная на с. з. водораздѣломъ бассейновъ Нѣманско-Вилейскаго и Западо-Двинскаго съ одной стороны, Припетскаго, Березинскаго и Днѣпровскаго съ

другой, — на югѣ Урало-Карпатскою грядою, тогда какъ сѣверо-восточные и восточные предѣлы ея терялись въ верховьяхъ Днѣпра и по теченію его лѣвыхъ притоковъ. Она занимала такимъ образомъ полости южнаго Буга, Днѣстра и западную часть полости Днѣпровской. Но уже въ глубокой древности Славянство вышло изъ своихъ первоначальныхъ этнографическихъ предѣловъ и заняло верхнее теченіе Западной Двины, южныя окраины Озерной области и юго-западную часть Волжско-Окскаго бассейна, гдѣ первопачальное исконное населеніе были инородцы. На этомъ пространствѣ Начальная лѣтопись знаетъ Славянъ уже сплоченымъ и установившимся населеніемъ. Съ другой стороны признаки стародавности этаго разселенія остались и въ географической номенклатурѣ отмѣченной территоріи. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что не—Славянскія названія принадлежатъ важнѣйшимъ водамъ (рѣкамъ, озерамъ и т. д.), и самымъ древнимъ поселеніямъ, которыхъ впрочемъ весьма немного; тогда какъ второстепенныя рѣки (притоки, ручьи, озера) а также большинство рукозданныхъ мѣстностей — носятъ чисто Славянскія наименованія: явный знакъ, что первоначальное инородческое населеніе занимало и воздѣлывало только побережья значительнѣйшихъ водъ, наиболѣе удобныя и для поселенія и для сообщенія, что оно было слабо по численности, и что пришлое Славянское населеніе, превосходя его и числомъ и духомъ предпріимчивости, не только вытѣснило его изъ стародавнихъ жилищъ, удержавъ за ними старыя инородческія названія, но и перешло на второстепенныя рѣки и озера, которымъ и дало свои славянскія названія. Такимъ наслоеніемъ на инородческой почвѣ, хотя и весьма древнимъ, являются по указаніямъ географической номенклатуры Полочане въ области Западной Двины, Новгородскіе Словѣне въ южной части Озерной области, частью Кривичи, Радимичи и Сѣверяне въ верховьяхъ и по восточному берегу Днѣпра, Вятичи на Окѣ, хотя, за исключеніемъ Вятичей и Радимичей, лѣтопись считаетъ ихъ столь же древними на своихъ мѣстахъ, какъ Прикарпатское и Придпѣпровское населеніе [134]). Съ утвержденіемъ государственнаго порядка поступательное движеніе Русскаго Славянства въ эту

сторону, на сѣверо-востокъ равнины, уже не прекращалось. На западѣ, гдѣ этнографическій рубежъ съ Лядскими Славянами совпадалъ съ государственнымъ рубежомъ, и закрѣплялся имъ, и на сѣверѣ, гдѣ Олонецкія горы и гористая Финляндія, занятыя воинственною Чудью, и по самой природѣ не представляли ничего привлекательнаго для поселенцевъ, — съ этихъ сторонъ этнографическіе предѣлы Славянства представляютъ болѣе устоя. На сѣверъ первыя дружины проникли только въ XIV в. Такимъ образомъ въ первыя два съ половиною столѣтія этнографическое распространеніе восточнаго Славянства характеризуется движеніемъ съ юга и юго-востока на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ. Предоставляя себѣ изложить болѣе подробное разъясненіе его при разсмотрѣніи княженій, возникшихъ въ эпоху Начальной лѣтописи, мы ограничимся здѣсь общимъ очеркомъ этнографическихъ рубежей его, какъ они представляютъ въ эту эпоху Начальною лѣтописью, по соображенію извѣстій ея съ извѣстіями послѣдующаго времени.

Повѣсть временныхъ лѣтъ застаетъ Русскихъ Славянъ разсѣленными на огромномъ пространствѣ европейской равнины, въ области нижняго Дуная и его правыхъ притоковъ, а также Днѣстра, Буга, Днѣпра, въ юго-восточныхъ частяхъ бассейновъ Вислы, Вислока, Буга и Западной Двины, въ южныхъ — Озерной области (Чудское озеро и Ильмень), и въ юго-западныхъ Волги. Если принять исходною точкою низовья Дуная, до которыхъ, по извѣстію Повѣсти, еще въ эпоху образованія Русскаго государства доходили поселенія Улучей и Тиверцевъ, то западная окраина Русскаго Славянства охватывала юго-западные склоны Карпатъ до самыхъ истоковъ Вислянскихъ притоковъ Дунайца и Вислока, за тѣмъ по этимъ рѣкамъ подходила къ южному побережью Вислы, шла вдоль его на востокъ до водораздѣла между Вѣпремъ и Западнымъ Бугомъ; здѣсь поворачивала на сѣверъ, почти русломъ Вѣпря шла до устьевъ Нурца. Здѣсь поселенія побужскихъ Славянъ прекращались, и этнографическій рубежъ, склоняясь круто на востокъ, вступалъ въ полость верхняго Нѣмана, охватывая лѣвые притоки его, Рось, Зельву, Шару, — область, какъ кажется, уже во второй половинѣ XI в. отнятую русскимъ

населеніемъ отъ Ятвяговъ; у устьевъ Березины онъ пересѣкалъ Нѣманъ, за тѣмъ черезъ верхнее теченіе Виліи, заселенное песомнѣнно Славянскимъ племенемъ, мимо полости Березины (Днѣпровской) и правыхъ притоковъ этой рѣки, и по Западно-Двинскимъ притокамъ Друйкѣ и Диснѣ, подходилъ къ Западной Двинѣ. На сѣверъ Западной Двины этнографическій рубежъ совпадалъ съ водораздѣломъ рѣки Великой съ одной стороны и правыхъ притоковъ Западной Двины и рѣчекъ, вливающихся въ Рижскій заливъ и Чудское озеро съ другой. На сѣверѣ у побережья Финскаго залива Славянское населеніе сходилось съ Чудскимъ народцемъ Водью, который русѣлъ очень медленно и еще въ XIII в. не потерялъ своей этнографической особности. Отсюда рубежъ шелъ на востокъ уже извѣстнымъ намъ волокомъ, мимо поселеній Еми, областію Тверцы къ Волгѣ. Здѣсь Славянство представляло, можетъ быть, до X. в. не сплошное населеніе, но колоніи, разсѣянныя среди мѣстнаго Финнскаго населенія, Веси, Мери, Муромы и отчасти Мордвы, и поддерживаемыя между прочимъ рядомъ княжескихъ городовъ и укрѣпленій [135]). Но такимъ колонизаціоннымъ путемъ уже къ началу XII в. Русскіе Славяне утвердились въ области, окружаемой теченіемъ Мологи, и еще раньше по Шекснѣ и на Бѣлоозерѣ. Крайній на востокѣ предѣлъ ихъ составляли, кажется, водораздѣлъ между Шексною и Костромою, и черта, которую можно провести отъ устья Шексны почти прямо на югъ черезъ Клязьму къ низовьямъ Оки, гдѣ Муромъ, до самаго основанія Нижняго Новгорода (1224), оставался украинным Русскимъ городомъ на Мордовскихъ предѣлахъ [136]). Въ области средней и верхней Оки мы встрѣчаемъ опять Славянское населеніе Вятичей, хотя и пришлое, о прибытіи котораго на Оку съ з. отъ Ляховъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" сохранила народное преданіе, но тѣмъ не менѣе населеніе сплошное и цѣльное. Очень вѣроятно, что разселенія этаго племени и сосѣднихъ Сѣверянъ простирались въ область Дона, на плодородныя побережья Донскихъ притоковъ Сосны, Воронежа и Сѣвернаго Донца, и въ эпоху сильнаго Казарскаго ханства (VII — IX в.), долгое время служившаго крѣпкимъ оплотомъ для восточныхъ Славянъ противъ азійскихъ кочевниковъ, спускались внизъ по

Дону, къ побережьямъ Азовскаго моря и къ низовьямъ Кубани. Съ паденіемъ Казарскаго царства, степныя орды отчасти истребили, отчасти отодвинули на сѣверъ Славянское населеніе, но слѣды его сохранились въ Русской Тмутаракани, которой существованіе и связь съ Русью нельзя объяснить, не допустивъ въ населеніи ея Славянской основы, — и, наконецъ, еще въ началѣ XII в. чувствуются въ городскомъ населеніи Подонскихъ Половцевъ. Что касается южныхъ границъ славянскаго племени, то они шли по Сѣверному Донцу и Ворсклѣ, на восточной сторонѣ Днѣпра, тогда какъ на западной первоначально они спускались отъ Днѣпровскаго лимана, черезъ Бугъ и Днѣстръ къ устьямъ Дуная, и только съ усиленіемъ кочевыхъ ордъ въ половинѣ X в., отодвигаются на сѣверъ, за Карпатскую гряду, перерѣзывающую теченія Восточнаго Буга и Днѣстра.

Разсѣянныя на такомъ обширномъ пространствѣ Славяне раздѣлялись на группы или вѣтви, которыя теперь принято называть племенами. Какъ мы видѣли, такихъ племенъ лѣтопись насчитываетъ до тринадцати, а именно: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, Славяне Новгородскіе, Кривичи, Бужане (Волыняне и Дулѣбы), Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, Улучи, Тиверцы и Хорваты. Сверхъ того нѣсколько другихъ племенныхъ названій приводятъ современные нашей лѣтописи иностранные писатели — Константинъ Порфирородный, упоминающій Сербовъ и Лепчицанъ, Географъ Баварскій и Мусульманскіе писатели, извѣстія которыхъ впрочемъ сильно запутаны, собирались очевидно по слухамъ, и потому могутъ быть приняты въ разсчетъ лишь на столько, на сколько они сходятся съ извѣстіями нашего отечественнаго лѣтописца [137]).

Каждая вѣтвь, каждое племя занимало опредѣленную область, имѣло свое имя, и въ понятіяхъ лѣтописца представлялось особью или единицею, точно отличавшеюся отъ другихъ. „Имаху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ" (Лавр. 6). Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не находимъ у него прямого объясненія, въ чемъ именно заключались эти отличія, чѣмъ именно выдѣлялась каждая вѣтвь изъ ряду

другихъ. По прямому смыслу лѣтописнаго изложенія, всѣ эти отличія сводятся къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія, и можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ глазахъ лѣтописца-христіанина, эти отличія, вытекавшія изъ первобытнаго языческаго строя Славянства, могли представляться съ большею рѣзкостью, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Такъ отличительныя черты Полянъ, въ которыхъ христіанство водворилось ранѣе, чѣмъ у другихъ, онъ полагаетъ въ превосходствѣ ихъ надъ другими именно по нравственнымъ понятіямъ и по формамъ общественнаго быта. Ихъ обычай кротокъ и тихъ: у нихъ — брачные обряды, тогда какъ Древляне, Радимичи и Вятичи живутъ въ лѣсахъ, подобно звѣрямъ, и браковъ у нихъ нѣтъ, но игрища межи селы. „Схождахуся на игрища, на плясаніе, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашася; имяху же по двѣ и по три жены". Погребальный обрядъ ихъ — тризны, сожженіе труповъ и выставка праха „въ малой судинѣ на столпѣ, на путехъ" — обрядъ, соблюдавшійся еще во время лѣтописца у Вятичей, соблюдался прежде и у Кривичей (Лавр. 6). Ясно, что такія обрядовыя отличія, вызванныя у Славянъ водвореніемъ у нихъ новаго жизненнаго начала — христіанства, такое неравенство въ общественномъ и нравственномъ развитіи не могли служить первоначальною основою для такого выдѣленія и обособленія вѣтвей изъ общей массы восточно-славянскаго населенія, съ какимъ они являются намъ не только въ изложеніи Начальной лѣтописи, но и въ самой исторической жизни Руси первыхъ вѣковъ. Эти вѣтви, какъ увидимъ ниже, легли въ основу удѣльнаго расчлененія русской земли, и въ первое время придали ему особенную прочность и опредѣленность. Многія изъ нихъ различались на Руси еще въ половинѣ XII в. (Кривичи, Дреговичи, Радимичи). Также мало могли обособляться вѣтви языкомъ, различія въ которомъ состояли не болѣе, какъ въ говорахъ, — религіей, и тѣмъ менѣе началами и формами общественнаго и семейнаго быта, которыя носили на себѣ печать единаго Славянскаго происхожденія; и потому при разъясненіи истиннаго

значенія такъ называемыхъ восточно-славянскихъ племенъ необходимо устранить всякую мысль объ этнографическихъ отличіяхъ ихъ другъ отъ друга, а искать иныхъ условій и основаній ихъ обособленія. При внимательномъ разсмотрѣніи свидѣтельствъ о бытѣ восточныхъ Славянъ, нельзя не видѣть, что эти условія и основанія заключались съ одной стороны въ топографической отдѣльности каждаго племени, а съ другой во внутренней связи его составныхъ частей, которыя уже сплачивались между собою задатками государственной жизни, обнаруживающимися въ разныхъ концахъ восточно-славянскаго міра до половины IX в.; такъ — что каждая вѣтвь восточнаго Славянства составляла не этнографическую, а политико-географическую единицу. На такое именно значеніе племенъ указываютъ всѣ извѣстія Начальной лѣтописи. Древнѣйшее преданіе о пришествіи Славянъ съ Дуная ставитъ въ связь появленіе Славянскихъ вѣтвей именно съ географическимъ ихъ разселеніемъ: „разидошася, говоритъ оно, по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Самыя имена нѣкоторыхъ вѣтвей объясняются у лѣтописца топически: Поляне или Поли — зане же въ полѣ сѣдяху (Лавр. 12), Древляне — зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, Полочане рѣчки ради Полоты (3). Что касается политической отдѣльности, отдѣльности внутренняго управленія — то она свидѣтельствуется всѣмъ ходомъ образованія Русскаго государства, всѣмъ ходомъ подчиненія ему восточнославянскаго міра. Видно, что къ половинѣ IX в., восточно-славянскія вѣтви выработали уже въ себѣ въ значительной мѣрѣ и внутреннее единство и внѣшнюю самостоятельность и сознаніе своей особности. Съ такимъ развитіемъ отдѣльности и самостоятельности являются Новгородскіе Славяне и Полоцкіе Кривичи въ признаніи князей, которое, если и совершилось, то не иначе какъ на обоюдныхъ условіяхъ съ той и другой стороны; — Кривичи, Поляне и другія южныя племена, соглашающіяся добровольно подчиниться Руси;—Улучи, Тиверцы, Хорваты въ борьбѣ съ Русью за независимость, — въ борьбѣ, которая у Вятичей, длилась до конца XI в. Особность восточно-славянскихъ вѣтвей была такимъ рѣзкимъ, выдающимся фактомъ въ эпоху сложенія

Русскаго государства, что лѣтопись почла необходимымъ объяснить ея происхожденіе преданіемъ, записаннымъ ею въ извѣстной легендѣ о Кіѣ и его братьяхъ. До этихъ братьевъ, говоритъ она, Поляне жили особо, каждый родъ на своемъ мѣстѣ; но послѣ основанія Кіева, и „по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, къ Деревлянъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане" (Лавр. 5). Все это даетъ основаніе признать, что въ понятіяхъ лѣтописца такъ называемыя теперь племена въ славянскомъ мірѣ, уже въ эпоху до образованія русскаго государства, представлялись княженіями. Какъ кажется, они весьма рано усвоили себѣ названіе земель (Польская или Полянская земля. Лавр. 9. Деревьская земля, ibid. 24), названіе, болѣе точно выражающее ихъ внутреннія и внѣшнія отношенія.

Такой политическій строй восточнаго Славянства могъ появиться только, какъ результатъ многовѣковаго пребыванія его на отмѣченной выше территоріи, и долговременнаго процесса общественнаго развитія. Какъ для выработки отдѣльности земель и княженій, для установленія въ нихъ внутренняго порядка и единства, такъ и для опредѣленія внѣшнихъ отношеній, населеніе должно было пройдти черезъ многіе фазисы общественной жизни и дѣйствительно слѣды постепеннаго развитія и раскрытіе и усложненія ея сохранились — въ ряду другихъ памятниковъ языка и письменности — и въ Начальной лѣтописи. Почти нѣтъ сомнѣнія, что началомъ, опредѣлившимъ древнѣйшую форму общественнаго быта у восточныхъ Славянъ, какъ и у другихъ европейскихъ народовъ, было родовое, что естественный кровный союзъ лицъ былъ зародышемъ, изъ котораго вышли и развились всѣ послѣдующія общественныя формы; но также несомнѣнно, что въ эпоху образованія Русскаго государства отъ него удержались только нѣкоторыя черты, главнымъ образомъ въ кругѣ нравственнаго и религіознаго міровоззрѣнія восточнаго Славянства. Начальная лѣтопись представляетъ ясныя указанія, что въ ея эпоху идея рода, какъ кровнаго союза, уже замутилась, и что слово „родъ", получивъ нѣсколько значеній, утратило

свой первоначальный конкретный смыслъ. „Родъ" лѣтописи можетъ обозначать и семью, и династію, и просто мѣстное происхожденіе, въ смыслѣ указанія, откуда родомъ", и племя въ узкомъ смыслѣ клана, и въ болѣе широкомъ — этнографическихъ особей или единицъ [138]). Какъ кажется, лѣтопись пользуется словомъ родъ для опредѣленія даже такихъ общественныхъ союзовъ, въ основѣ которыхъ могло и не быть кровнаго родства. Отсюда ясно, что для разсматриваемой эпохи не можетъ быть и рѣчи о родовомъ бытѣ, какъ объ основной формѣ общественнаго строя восточнаго Славянства. Очень важное подтвержденіе этого мы находимъ въ томъ, что и въ дальнѣйшемъ развитіи Русской общественной жизни не видно существеннѣйшихъ признаковъ родоваго начала [139]).

Всматриваясь въ естественно—историческія условія территоріи, на которой восточное Славянство было призвано жить и дѣйствовать, невольно приходишь къ заключенію, что, благодаря имъ, оно и не могло удержаться въ замкнутомъ родовомъ бытѣ. Эти условія ставили населеніе въ постоянную борьбу съ природою, и, открывая просторъ для личной предпріимчивости и дѣятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ вызывали необходимость общественныхъ союзовъ на иныхъ началахъ, помимо родоваго. Типомъ такихъ союзовъ представляется о б щ и н а, развившаяся изъ семьи путемъ принятія въ члены этой послѣдней посторонннихъ лицъ по д о г о в о р у и с о г л а ш е н і ю, которыя и составляли такимъ образомъ ея основу. Это—„вервь" Русской Правды, и, какъ вѣроятно „родъ" — нашей лѣтописи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея текста. Община была крѣпка внутреннею связью родства, взаимныхъ обязательствъ и имущественныхъ интересовъ, но не представляла ничего замкнутаго; она открывала членамъ своимъ свободный выходъ, а вмѣстѣ и возможность образовывать новыя самостоятельныя общины. Это обстоятельство,— замѣтимъ мимоходомъ, — существеннѣйшимъ образомъ содѣйствовало быстрому и раннему распространенію восточнаго Славянства на Европейской равнинѣ, которое едва-ли было бы возможнымъ въ томъ случаѣ, если бы основною формою населенія оставался замкнутый родъ. Общины были разсѣяны по побе-

рѣжьямъ рѣкъ и озерныхъ протоковъ небольшими поселками. Очень возможно, что они рано узнали необходимость оборонныхъ мѣстъ въ видахъ огражденія безопасности, и по возможности укрѣпляли свои поселенія — или каждая община отдѣльно, или нѣсколько вмѣстѣ съ-обща избирая наиболѣе выгодные для этой цѣли пункты. Такъ возникли городки на мѣстахъ приспособленныхъ къ защитѣ, обыкновенно на гористомъ берегу рѣки или озера. Остатки ихъ сохранились до-селѣ во многихъ изъ городищъ, которые разбросаны по всему пространству коренныхъ славянскихъ поселеній, и ихъ древнѣйшихъ колоній въ инородческихъ земляхъ, и о которыхъ между тѣмъ, за немногими исключеніями, ничего не сообщаютъ исторические памятники [140]). Такіе же слѣды древне-славянскихъ сооруженій представляютъ вѣроятно многія изъ теперешнихъ населенныхъ мѣстъ и живыхъ урочищъ, которыя до сей поры удержали названія городковъ, городцевъ, городисковъ, городенокъ, городней и т. д. Естественное размноженіе населенія, ростъ и усложненіе общественныхъ отношеній вслѣдствіе развитія промышленной и торговой дѣятельности повело къ образованію болѣе обширныхъ союзовъ, въ которые входили общины, связанныя единствомъ происхожденія, одинаковостью территоріальныхъ условій и житейскихъ интересовъ. Это были такъ называемыя волости или погосты [141]) изатѣмъ послѣдовательно возникшія изъ союза волостей, земли и княженія, которыя сложились постепенно вслѣдствіе усиленія волостей, поставленныхъ наиболѣе выгодно въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, и успѣвшихъ такъ или иначе поставить въ зависимость отъ себя другія волости, связанныя съ ними территоріально или исторически. При этомъ естественно должны были возвыситься и фамиліи старѣйшинъ, стоявшихъ въ главѣ такихъ волостей, и образовать княжескія династіи, въ отдѣльныхъ Славянскихъ земляхъ, о чемъ съ такою опредѣленностью говоритъ Начальная лѣтопись. Какъ видно, болѣе вліятельныя династіи передали подвластнымъ землямъ свои родовыя названія. Иначе нельзя объяснить происхожденіе отечественныхъ (patronymica) [142]) или племенныхъ названій Славянскихъ вѣтвей, очевидно происшедшихъ отъ именъ ихъ вождей

или князей, каковы Кривичи, Дреговичи, Вятичи, Радимичи. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстномъ лѣтописномъ преданіи о Радимѣ и Вяткѣ, родоначальникахъ и вождяхъ Радимичей и Вятичей [143]).

Эта перемѣна, въ общественномъ бытѣ восточнаго Славянства повела за собою постепенное измѣненіе характера и формъ поселеній. Установленіе волостей и земель предполагаетъ самособою установленіе центральной власти,—была ли то власть волостныхъ старѣйшинъ или земельныхъ князей, а эта власть, при всей своей слабости и младенчествѣ, значительно обезпечивала внѣшнюю безопасность и внутренній порядокъ (нарядъ). Вслѣдствіе этаго населеніе, прежде скученное на главнѣйшихъ рѣчныхъ путяхъ, въ тѣсныхъ общинныхъ городкахъ, стало свободнѣе распространяться въ глубь страны, образуя болѣе или менѣе многолюдныя села и веси [144]). Вмѣстѣ съ тѣмъ большая часть старыхъ общинныхъ городковъ мало по малу утратили свое значеніе, запустѣли и обратились въ покинутыя и забытыя городища, — тогда какъ другіе, поставленные въ болѣе выгодныя условія, или вновь основанные въ виду такихъ условій, развиваются и пріобрѣтаютъ центральное значеніе для своей территоріи, съ какимъ мы видимъ ихъ въ эпоху образованія Русскаго государства и въ первый періодъ его исторической жизни. Для уясненія этаго новаго значенія городовъ знаменательно приведенное выше лѣтописное преданіе о Кіѣ и его братьяхъ, которое связываетъ построеніе Кіева центральнаго города Полянъ, съ началомъ княженія у Полянъ и съ политическимъ обособленіемъ ихъ отъ единоплеменныхъ сосѣдей. Городъ, деревянное укрѣпленіе (столпье 1161. Ипат. 90) съ земляным валомъ (Лавр. 95, 97; Ипат. 24, 43, 62, и т. д.) и рвомъ (гробля, гребля 977. Лавр. 31 — 32), черезъ который велъ одинъ или нѣсколько мостовъ къ градным вратамъ стоялъ обыкновенно на крутомъ, большею частью правомъ [145]) берегу рѣки, чаще же при сліяніи двухъ рѣкъ, въ мѣстности, самой природою приспособленной къ оборонѣ. Какъ у другихъ Славянъ, гдѣ города ставились и поддерживались соединенными силами всей волости или жупы, и у восточныхъ Сла-

вянъ обязанность поддерживать городъ распространялась на весь примыкавшій къ нему округъ. Въ то же время городъ дѣлался сосредоточіемъ, если не административнымъ, то религіознымъ и политическимъ своего округа или волости. Здѣсь собиралось вѣче, творился судъ и расправа, здѣсь могли быть общественныя святыни, могли совершаться общественныя моленья и жертвоприношенья. При образованіи земель нѣкоторые изъ такихъ городовъ получили въ общемъ союзѣ волостей большое значеніе, сдѣлались выраженіемъ политическаго единства земли и ея особности. Какъ велико было это значеніе уже къ половинѣ XI в., видно изъ того, что многія земли получили отъ нихъ свое названіе, стали обозначаться ихъ именемъ, и эти городскія имена отчасти вытѣснили собою первоначальныя родовыя и племенныя названія, отчасти сдѣлались равнозначущи съ ними. При этомъ нѣкоторыя обширныя земли, первоначально составлявшія по происхожденію одно цѣлое, и носившія одно племенное или родовое названіе, распались, подъ вліяніемъ городовъ, на отдѣльныя земли, или же изъ нихъ выдѣлились отдѣльныя городскія волости, достаточно обширныя для того, что бы сдѣлаться совершенно самостоятельными. Во всякомъ случаѣ, такія земли являются съ названіями, заимствованными отъ городовъ. Намеки на этотъ важный переворотъ въ политической жизни восточныхъ Славянъ сохранились въ Начальной лѣтописи. Такъ мы находимъ въ ней Словенъ можетъ быть, вѣтвь обширнаго Кривскаго племени, колонизовавшую Финнскій сѣверо-западъ, и равнозначущихъ имъ Новгородцевъ; Полочанъ, западную вѣтвь Кривичей (отъ Полоцка, гдѣ первіи насельници — Кривичи, Лавр. 9) и собственно Кривичей, „ихъ же градъ есть Смоленьскъ". Обширное племя Дулѣбовъ два раза перемѣнявшее свое земельное названіе вслѣдствіе перенесенія политическаго центра изъ одного города въ другой; это Побужское населеніе въ эпоху лѣтописца называлось, Велынянами, (отъ города Велыня или Волыня Лавр. 85); но раньше, чѣмъ назваться этимъ послѣднимъ именемъ, оно называлось Бужанами, — „за не сѣдоша по Бугу" объясняетъ лѣтопись (5), но вѣрнѣе отъ города Бужьска, какъ Полочане отъ Полоцка, Смолняне отъ Смолен-

ска, Куряне отъ Курска и т. д. За тѣмъ сѣверо-западная часть Дулѣбовъ выдѣлилась, какъ Червенская земля, на раннее существованіе которой указываетъ городъ Червень, отвоеванный Владиміромъ Св. у Ляховъ въ 981 году (Лавр. 38) и Червенскіе города, занятые Болеславомъ въ 1018 году (ibid. 62). Разложеніе земель подъ вліяніемъ городовъ должно составлять одну изъ важнѣйшихъ сторонъ восточно-славянской жизни въ до — Русскій періодъ. Въ самую эпоху образованія русскаго государства мы видимъ, что центральные города рѣшаютъ участь всей земли, которая отъ нихъ зависѣла. Такъ подчиненіе Смоленска Олегу повело за собою подчиненіе Русской власти всего собственно Кривскаго племени; Кіевъ признаетъ власть Аскольда и Дира надъ всей Польской землею; убіеніе Игоря Коростенцами было сигналомъ къ общему возстанію Деревской земли; къ Новгороду были приписаны волости, занимавшія всю область Ильменскихъ Славянъ. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ ни лѣтопись, ни другіе источники не указываютъ такихъ городовъ въ до-Русскій періодъ, но которыя тѣмъ не менѣе являются въ этотъ періодъ цѣльными и самостоятельными землями, съ общимъ управленіемъ и общимъ представительствомъ, все таки мы находимъ позднѣе города очевидно не—княжескаго происхожденія, каковы напр. Кордна (конца XI в.), Корачевъ, Мценескъ (XII в.) и др. у Вятичей; Переяславъ (X в.), Черниговъ (X в.), Курскъ (XI в.) у Сѣверянъ, — и можетъ быть Гомьи (Гомель XII в.) у Радимичей.

Отдѣльность земель сама по себѣ заставляетъ предполагать, что онѣ были болѣе или менѣе точно разграничены между собою, имѣли болѣе или менѣе опредѣленные межи, рубежи, предѣлы и грани. Нѣтъ сомнѣнія, что исконныя поселенія Славянъ были расположены по рѣкамъ и проточнымъ озерамъ представлявшимъ удобнѣйшія пути сообщенія. Всѣ исторически извѣстныя поселенія Славянъ и слѣды древнѣйшихъ ихъ обиталищъ — городки и городища и пр.—мы находимъ именно на такихъ рѣчныхъ и озерныхъ побережьяхъ, тогда какъ сама Начальная лѣтопись также распредѣляетъ положеніе восточно-славянскихъ вѣтвей по рѣкамъ и озерамъ. Тѣми же водными

путями должно было идти и дальнѣйшее распространеніе населенія, вслѣдствіе его естественнаго размноженія. Это открывается между прочимъ въ томъ любопытномъ фактѣ, что и теперь еще многія рѣки, сближающіяся между собою или устьями или истоками, носятъ одинаковыя названія, очевидно перенесенныя разселявшимися общинами съ одной на другую. Таковы — Бугъ Западный и Бугъ Восточный; двѣ Случи, изъ которыхъ одна впадаетъ въ Припеть съ сѣвера (Минской губ.), другая — съ юга черезъ Горынь, съ которою сливается въ недальнемъ разстояніи отъ Припети (Волынской губ.); двѣ Березины, правый притокъ Нѣмана и лѣвый притокъ Днѣпра; двѣ Нерли въ Поволжьи; въ соединительныхъ водахъ между бассейномъ Западной Двины и южною частью Озерной области мы встрѣчали уже нѣсколько одноименныхъ рѣкъ и озеръ; особенно же часто это явленіе на крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ Заволочьи, въ области сравнительно поздпѣйшаго колонизаціоннаго разселенія Русскаго Славянства [146]). Образованіе волостей и ихъ сліяніе въ земли и княженія шло также вдоль водныхъ путей. Лѣсистые, часто болотистые волоки между рѣкъ, водораздѣлы, оставаясь незапятыми, составляли естественные предѣлы между группами тяготѣвшихъ другъ къ другу общинъ или волостей, и за тѣмъ между возникшими изъ нихъ землями, расположенными на разныхъ рѣчныхъ системахъ. То были единственные естественные предѣлы на восточно-европейской равнинѣ [147]) гдѣ судоходныя и спокойныя рѣки не раздѣляли, а сближали между собою побережное населеніе. Исключеніе составлялъ многоводный и широкій Днѣпръ, который въ среднемъ теченіи своемъ отдѣлялъ поселенія Радимичей и Сѣверянъ съ одной стороны отъ Дреговичей и Полянъ съ другой; тогда какъ верхнее теченіе его, по обѣимъ сторонамъ, было занято обширною Кривскою вѣтвью. Съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ населенія, волоки стали заселяться, въ глуши ихъ лѣсовъ стали прокладываться пути, чиниться гати, дѣлаться росчисти, на которыхъ возникали селенія, можетъ быть, тѣже дворища, которыя мы видимъ въ бѣлорусскихъ лѣсахъ поздпѣе, въ XVI в. Но уходившее въ глубь лѣсовъ населеніе не теряло связи съ своими сородичами и зем-

лками. Такимъ образомъ съ двухъ противуположныхъ сторонъ волока сближалось населеніе разныхъ волостей и земель, и здѣсь естественнымъ путемъ устанавливались между ними грани, межи и рубежи [148]). Такое сближеніе могло вести сосѣдившія племена къ распрямъ и столкновеніямъ, память о которыхъ сохранила Начальная лѣтопись въ преданіяхъ объ обидахъ, нанесенныхъ Древлянами Полянамъ [149]). Въ силу того здѣсь, на волоковыхъ порубежьяхъ и сумежьяхъ, возникли ряды сторожевыхъ укрѣпленій, даже городковъ, о которыхъ хотя и не сохранилось прямыхъ лѣтописныхъ извѣстій, но ихъ незначительности въ послѣдующемъ ходѣ Русской исторической жизни, но слѣды которыхъ явны и теперь въ названіяхъ волоковыхъ урочищъ и населенныхъ мѣстъ, какъ напр. Стража, Стражница, Стражникъ и т. п., Рубежевичи, Межи, Городокъ и т. д. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ мѣста съ названіями, Сутѣнь или Сутескъ, а также Ворота, Твердь и Осѣкъ. Терминомъ Сутѣпъ и Сутеска (Сутейскъ и, можетъ быть, Хутыска, Хучиска, Утиска, Ситина и др.) какъ кажется, обозначались первоначально вообще порубежныя мѣста, позднѣе послѣ сложенія Русскаго государства, послѣ того какъ обозначалась государственная отдѣльность отъ сосѣдей получившее названіе украины. (Въ краины Ипат. 170) [150]). Ворота исторически извѣстны на поземельныхъ порубежьяхъ, гдѣ сторожевые и укрѣпленные пункты естественно должны были устроиваться съ бо́льшею заботливостью и въ большихъ размѣрахъ. По точному смыслу лѣтописнаго опредѣленія — „Ворота" были не что иное, какъ проѣзжій путь на рубежѣ, укрѣпленномъ природою лѣсами, болотами, рѣками, и, можетъ быть, искусствомъ — засѣками и завалами, — можетъ быть, оберегаемый стражею. Лѣтопись указываетъ ихъ на рубежѣ Галицко-Лядскомъ, какъ кажется, по дорогѣ отъ Рѣшова (миляхъ въ $2^1/_2$ отъ него) въ Судомiрь, гдѣ теперь видимъ селеніе Пржеврatно (приворотье); затѣмъ на рубежахъ Галицко-Угорскомъ и Волынско-Ятвяжскомъ [151]). Память о „Воротахъ" могла сохраниться въ знаменитыхъ „богатырскихъ заставахъ" народнаго эпоса, а также въ подобноименныхъ названіяхъ мѣстностей, которыя мы будемъ

имѣть случай привести, и которыя встрѣчаются именно тамъ, гдѣ, на основаніи положительныхъ историческихъ данныхъ, можно провести древній земельный рубежъ (Воротново, Привратно и т. п.). Почти тоже надо сказать о Осѣкѣ и Твердѣ. Твердь мы видимъ на Галицко-Угорской границѣ. Осѣки указываются лѣтописью въ сѣверной Руси еще въ XII в., [152]), а въ Польшѣ и у Ятвяговъ въ XIII в. То были, какъ кажется, окопы, устраивавшіеся въ лѣсахъ, гдѣ окрестные жители, въ случаѣ нападенія, находили себѣ убѣжище [153]). До сихъ поръ многія урочища и населенныя мѣста съ названіями „Осѣкъ" указываютъ ихъ именно тамъ, гдѣ проходило порубежье, гдѣ по меньшей мѣрѣ есть другія основанія предполагать его. Всѣ подобныя мѣстности могутъ служить нѣкоторымъ руководствомъ и указаніемъ къ возстановленію древнихъ земельныхъ или племенныхъ рубежей. Сверхъ того, нельзя не замѣтить, что сходившееся съ двухъ противуположныхъ сторонъ волока, населеніе различныхъ волостей и земель, сближаясь между собою, охотно давало своимъ поселеніямъ и урочищамъ, занятымъ и воздѣланнымъ имъ, свои волостныя и земельныя наименованія: иначе трудно было бы объяснить на порубежныхъ волокахъ хорографическія и топографическія названія, очевидно происходящія отъ древнихъ волостныхъ или земельныхъ названій восточнаго Славянства. Такъ мы видимъ Кривскія и Дреговскія названія селеній и урочищъ на водораздѣлѣ Припети, Березины и Нѣмана; Хорватскія и Дулѣбскія—по Днѣстру и Бугу; на лѣвой сторонѣ средняго теченія Днѣпра—Сѣверянскія названія, сливающіяся съ Кривскими и Вятичскими; тамъ, гдѣ восточное Славянство сходилось съ инородческимъ населеніемъ, это явленіе выступаетъ рѣзче и крупнѣе. Многочисленные факты такого рода изъ географической номенклатуры мы будемъ имѣть случай увидѣть ниже.

Зачатки государственнаго строя у восточныхъ Славянъ, которые, какъ мы видѣли, обнаружились къ IX в. довольно сильно въ образованіи земель, нашли себѣ могущественную опору въ Русскихъ князьяхъ, и въ объединяющихъ элементахъ, которые они внесли въ жизнь Славянъ, т. е. въ самомъ понятіи

княжеской власти, въ княжеской дружинѣ, члены которой сѣтью раскинулись по всей русской землѣ, какъ органы вновь возникшаго, общаго для всѣхъ земель правительства, въ духѣ общихъ для всѣхъ земель предпріятій, и изъ нихъ особенно въ борьбѣ съ инородцами, которая наиболѣе способствовала росту общенароднаго Русскаго сознанія,—наконецъ въ христіанствѣ и его учрежденіяхъ. Обособленность земель не могла устоять при наплывѣ такихъ сильныхъ объединяющихъ элементовъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса о племенномъ происхожденіи Руси, которую, какъ мы видѣли, лѣтопись причисляетъ къ Варягамъ, нельзя однако не замѣтить, что многія данныя заставляютъ признать за нею скорѣе славянское, чѣмъ германо-скандинавское происхожденіе [154]), и что въ ряду этихъ данныхъ видное мѣсто занимаетъ легкость, съ какою въ самое непродолжительное время — въ теченіи почти одного столѣтія — на такомъ огромномъ пространствѣ Русское государство могло не только возникнуть, но и сложиться, произведя при этомъ существенныя перемѣны въ возникавшемъ уже политическомъ строѣ всего Славянства. Ясно, что въ лицѣ Руси дѣйствовала родственная сила, поднявшаяся изъ среды самого Славянства, съ пониманіемъ какъ его нуждъ и потребностей, опредѣленныхъ предшествовавшимъ ходомъ его жизни, такъ и ближайшихъ средствъ ихъ удовлетворенія. Возникновеніе Русскаго государства тѣсно связано съ освобожденіемъ славянскихъ земель отъ зависимости и даннническихъ отношеній къ сильнымъ инородцамъ — Варягамъ на сѣверѣ, Казарамъ на югѣ, и, какъ вѣроятно, Ляхамъ на западѣ. По прямому смыслу лѣтописнаго преданія, у восточныхъ Славянъ въ одно и тоже время появляются два политическія союза съ двумя государственными центрами (826 г.), оба съ одинаковымъ правомъ на названіе Руси: на сѣверѣ Новгородъ, къ которому тяготѣли, кромѣ Новгородскихъ Славянъ, Полоцкіе Кривичи и колонизаціонное Славянское населеніе Поволжья (Ростовъ, Бѣлоозеро) и нижней Оки (Муромъ), — на югѣ Кіевъ. Первый центръ возникъ, послѣ того, какъ соединившееся населеніе возстало на своихъ поработителей — Варяговъ („изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани"), вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, поднявъ-

шихся послѣ освобожденія, когда явилось сознаніе необходимости поискать себѣ князя „иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву" (Лавр. 8); второй южно-русскій центръ образовался вслѣдствіе недовольства населенія зависимостью отъ полукочевыхъ Казаровъ. Лѣтопись говоритъ, что первые южно-русскіе князья (Аскольдъ и Диръ) господствовали только надъ Польскою (Полянскою) землею, которая позднѣе дѣйствительно по преимуществу называлась Русью, Русскою землю; но если принять въ разсчетъ — не говоря уже о свидѣтельствахъ мусульманскихъ и византійскихъ источникахъ — наши извѣстія объ обширныхъ предпріятіяхъ южной Руси на Византію, а также преданія о Аскольдовыхъ войнахъ съ Болгарами, Печенѣгами, и о вліяніи, какое имѣлъ въ то время Кіевъ на сѣверо-западную Русь, не безъ вѣроятія можно допустить, что власть первыхъ Кіевскихъ князей распространялась гораздо шире, не ограничивалась одними Полянами, и, если не могла распространяться на востокъ отъ Днѣпра, гдѣ господствовали Казары, то утвердилась на западномъ берегу его надъ Дреговичами и Волынянами (Дулѣбами) [155]). Черезъ двадцать лѣтъ послѣ образованія этихъ двухъ государственныхъ союзовъ, они сливаются въ одно, причемъ сѣверная Русь одержала верхъ надъ Русью южною; но значеніе центра во вновь возникшемъ государствѣ осталось за Кіевомъ. При этомъ въ составъ его вошла обширная земля собственныхъ Кривичей, остававшаяся прежде независимою и отъ Новгорода и отъ Кіева. За тѣмъ область Руси увеличивалась на счетъ Славянскихъ земель почти съ каждымъ годомъ. Къ 883 году лѣтопись относитъ покореніе Древлянъ, въ слѣдующіе два года было подчинено населеніе восточнаго побережья Днѣпра — Сѣверяне (884) и Радимичи, платившіе до того дань Казарамъ. Къ началу X в. (907) уже весь восточно-славянскій міръ, за исключеніемъ Улучей и Вятичей, соединился подъ властью русскихъ князей для общей исторической жизни, а къ концу того же столѣтія не только были подчинены земли, остававшіяся еще непокоренными, но даже прекратились всякія стремленія и попытки отдѣльныхъ земель возвратить свою независимость. Исключеніе составляли только Вятичи, окончательно подчинившіеся въ послѣдней четверти

XI в. Къ эпохѣ введенія христіанства Русское государство, по крайней мѣрѣ изъ-внѣ, географически, было уже сформировано. Всматриваясь въ ходъ образованія его нельзя не видѣть что присоединеніе къ нему земель вообще не нарушало ихъ цѣлости [156]). Земли подчинялись Русскимъ князьямъ въ своихъ прежнихъ рубежахъ, или по соглашенію, или послѣ борьбы, которая велась также общими средствами всей земли. Исключеніе представляютъ Улучи, и можетъ быть, Тиверцы, разбившіеся впрочемъ не столько въ борьбѣ съ русскими князьями за независимость, сколько вслѣдствіе напльва кочевыхъ степняковъ, которые отодвинули ихъ въ земли сосѣднихъ Хорватовъ и Дулѣбовъ. Съ такою же цѣлостностью земли являются въ попыткахъ возвратить утраченную независимость въ возстаніяхъ противъ русскихъ князей. Тѣмъ не менѣе новая государственная жизнь очень скоро обнаружила на нихъ свое вліяніе, и прежде всего въ расширеніи значенія городовъ, въ которыхъ установились центры управленія князей или ихъ посадниковъ. Городъ гораздо сильнѣе тяготѣлъ надъ областью, когда въ немъ утвердился князь или его посадникъ съ дружиною, чѣмъ въ былое время, когда въ немъ сидѣлъ земельный князь въ зависимости отъ волостныхъ старѣйшинъ и лучшихъ людей, управлявшихъ землею. Мало по малу значеніе земли стушевалось, уступая мѣсто княжеской волости. Новыя отношенія произвели перемѣну и въ географической терминологіи. Старыя племенныя названія исчезали; исчезали даже нѣкоторыя названія земель, происшедшія, какъ можно думать, отъ старославянскихъ городовъ, и имя центральнаго княжескаго города дѣлается выраженіемъ цѣлой области, обозначаетъ всю княжескую волость, которая къ нему тянула. Начальная лѣтопись представляетъ данныя, по которымъ можно судить, какъ постепенно выходили изъ употребленія старо Славянскія земельныя названія, замѣнялись новыми—городскими. Ранѣе другихъ исчезаютъ Дулѣбы (907) и Улучи (922); затѣмъ Поляне и Тиверцы, въ 944 г., со времени похода Игоря на Грековъ (Лавр. 19); нѣсколько долѣе держатся имена Хорватовъ (до 992 г. ib. 52), Словѣнъ (до 1018 г. ib. 62), Сѣверянъ (до 1024 г., Сѣверъ ib. 64). Ра-

димичи, Кривичи, Дреговичи, Вятичи и, какъ кажется, Древляне исчезаютъ окончательно только въ XII в. Вмѣсто этихъ старыхъ названій являются города и горожане: Кіевъ, Кіяне (Кыяне, Кыевскіе людіе) для Полянъ, Новгородъ и Новгородцы (Новгородьскіе людіе) для Словенъ. Вновь основанный княжескій городъ Володимерь обозначаетъ древнюю область Дулѣбовъ; Туровъ сталъ обозначать землю Дреговичей; Перемышль — землю Хорватовъ; Смоленскъ и еще ранѣе Полоцкъ — Кривичей; отдѣлившаяся еще ранѣе отъ Дулѣбовъ часть Червеской земли перемѣнилась въ Теребовльскую волость, впослѣдствіи часть Галицкаго княженія; Сѣверянъ (Сѣверо, Сѣверъ) замѣнили княженія Переяславское и Черниговское а изъ послѣдняго уже позднѣе выдѣлились области Новгородъ-Сѣверская и Курская (Посемье). Такое возвышеніе городовъ не могло однако уничтожить прежняго земельнаго дѣленія, прежніе рубежи. Напротивъ они не только должны были послужить рубежами для новыхъ городскихъ или княжескихъ волостей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ заведенные изстари и освященые временемъ, придавали имъ болѣе устоя и прочности. Въ первое время расчлененія Руси на удѣлы, когда, благодаря малочисленности членовъ княжескаго рода и обширности Русской земли, и княжескія волости могли быть обширны, въ основаніе этого расчлененія принималось прежнее земельное дѣленіе. Впослѣдствіи когда размножившіеся члены княжескаго рода стали добывать для себя особыя волости или удѣлы, причемъ началось дробленіе земель, — это дробленіе встрѣтило сильное противодѣйствіе въ самихъ земляхъ, въ понятіяхъ и интересахъ самаго населенія. По этому — то въ тѣхъ княжескихъ усобицахъ, которыя были вызваны не родовыми счетами и столкновеніями, а территоріальными вопросами, замѣчается дѣятельное участіе населенія. Такія усобицы тяжело отзывались на самомъ населеніи и имѣютъ существенный интересъ въ историческомъ ходѣ древне-русской жизни и ея политическаго склада. Изъ нихъ напомнимъ здѣсь усобицы, возникнувшія за отчужденіе отъ Червенско-Волынской земли — Теребовльскаго княженія, за Полоцкое Поднѣпровье и за Минскую волость Кривичей, за По-

семье. Но раздробленіе земель началось въ самомъ концѣ эпохи, обнимаемой Начальною лѣтописью, такъ что всѣ извѣстія ея о Русской территоріи касаются княжескихъ волостей, когда онѣ еще состояли изъ одной или нѣсколькихъ старо-славянскихъ земель, но всегда въ ихъ цѣльномъ составѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ открывается возможность хотя приблизительно возстановить положеніе, пространство и предѣлы прежнихъ Славянскихъ земель, опредѣливъ положеніе княжескихъ волостей на основаніи Начальной лѣтописи, и принимая въ соображеніе извѣстія позднѣйшаго времени, XII—XIV вѣковъ, которыя имѣютъ отношеніе къ разсматриваемому вопросу и могутъ содѣйствовать его уясненію. При этомъ нельзя оставлять безъ вниманія и данныя, представляемыя топографическою номенклатурою, въ которыхъ, какъ мы видѣли, должны были сохраниться слѣды давняго распредѣленія населенія, хотя нельзя конечно, основываясь исключительно на нихъ, дѣлать заключенія или выводы. Приступая къ опыту такого труда, мы начнемъ съ юго-западныхъ разселеній восточныхъ Славянъ, отъ Карпатъ и низовьевъ Дуная, въ полости Днѣстра, Буга и нижняго Днѣпра.

Глава V. Югозападныя Русско-Славянскія племена. Разселенія Хорватовъ, Тиверцовъ и Улучей. Различныя мнѣнія о названіи и географическомъ положеніи Улучей. Дулѣбы и земельныя названія ихъ: Бужане, Волыняне. Червенская земля. Подчиненіе Дулѣбовъ и Хорватовъ Руси. Образованіе Володимiро-Волынскаго княженія и Перемышльской области. Отдѣленіе Червенской земли отъ Володимірскаго удѣла. Галицкое княженіе. Границы Перемышле-Теребовльской земли съ Лядской и Угорской землею. Придунайская Русь. Степное порубежье на юго-востокѣ Перемышле-Теребовльской земли. Кіевскій и Волынской рубежи. Населенныя мѣста Перемышле-Теребовльской земли. Обозрѣніе рубежей Володимірскаго княженія. Лядско-Волынское, и Кіево-Володимірское порубежья. Населенныя мѣста Володимірскаго княженія.

Въ юго-западномъ углу восточно-европейской равнины, по с.в. склонамъ Карпатъ и по теченію рѣкъ, сливающихся съ нихъ на сѣверо-востокъ и юго-востокъ, Начальная лѣтопись указываетъ поселенія Хорватовъ, Улучей, Тиверцовъ и Дулѣбовъ, которые въ разное время носили разныя названія (Бужанъ, Волынянъ или Волынянъ). Хорватовъ она ука-

зываетъ въ сосѣдствѣ Улучей, Тиверцевъ и Дулѣбовъ; но точнаго положенія ихъ не опредѣляетъ. Тѣмъ не менѣе самое названіе этаго племени дастъ основаніе думать, что оно разселилось по склонамъ Татранскихъ Карпатъ, которые до сихъ поръ у Галацкихъ Русскихъ называются Горбы (Хърбы, Хрипы), и составляло вѣроятно отрасль великаго племени Бѣлохорватовъ, о которыхъ говоритъ и сама Начальная лѣтопись и Константинъ Порфирородный [157]). На ихъ обширное распространеніе,именно въ Прикарпатской области могутъ указывать многочисленныя мѣстности, удержавшія до нынѣ хорватскія названія отъ истоковъ Вислока, Бѣлой и Сана на югъ до Тиссы и по ея притокамъ Гернаду, Бодрогу, по Самошу, и Красной до Прута, на востокъ до Днѣстра, на сѣверъ до Вислы. Такъ мы видимъ населенныя мѣста по ту сторону Карпатъ, въ теперешней Венгріи: Horwatczik, къ ю. з. отъ Кошицы (Кашау), на рѣкѣ Бодвѣ, притокѣ Шайо; Грабко на западъ отъ Пряшева, (Эпсріеша); Гарбовцы къ ю. в. отъ Кашау, Erdö—Horváthi близъ Шаторалія Уйгелы, Грабовцы на Ондавѣ, Храбочъ близъ верхняго Упга, Гарбочь близъ Самоша къ с. отъ Сатмаръ — Немети, Horváth на верхнемъ теченіи рѣки Красны, къ с. з. отъ Клаузенбурга, а еще южнѣе, у Клаузенбурга Горбо и т. д.; по сю сторону тѣхъ же горъ, въ Галиціи: Грибовъ, городъ на Бѣлой, селл. Грабъ у истоковъ Вислока, Чисто-горбъ (оба недалеко Дукли). Къ сѣверу отъ нихъ Хорибина на р. Лонкѣ въ Рѣшевскомъ округѣ; Хорбаче на р. Ширѣцѣ, притокѣ Днѣстра, къ югу отъ Львова; селенья Грибовецъ, и Хоровь на ю. отъ Володиміра Волынскаго; Горбовъ, Горбаковъ, Хоровы, Хоравятинская близъ Ровна и Острога свидѣтельствуютъ о распространеніи Хорватовъ до области Западнаго Бута и Припети. Далѣе на югъ Корбы на Днѣстрѣ, (Карта Шуберта) на р. Черлявкѣ, лѣвомъ притокѣ Прута, оба въ Коломыйскомъ Округѣ, Хербинцы къ с. в. отъ Букареста; Карпачь на Прутѣ, у границъ Хотинскаго уѣзда съ Бѣлецкимъ, Балагорештъ на Прутѣ же въ Кишиневскомъ у., Хорешки и Карбуча къ югу отъ Кишинева на р. Ботиѣ, правомъ притокѣ Днѣстра; Бѣлохорешти на Прутѣ въ Кишиневскомъ же у. и др. — На востокъ и юго-востокъ отъ Хорва-

товъ жили Улучи и Тиверцы. Начальная лѣтопись опредѣлительно указываетъ эти многочисленныя племена въ области Днѣстра до Понта на югѣ и Дуная на юго западѣ: „Улучи и Тиверцы, говоритъ она, сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря" (Лавр. 5). Какъ изъ этаго свидѣтельства, такъ и изъ другаго извѣстія лѣтописи о борьбѣ Улучей и Тиверцовъ съ Олегомъ, видно, что эти племена не только сосѣдили, но и стояли въ нѣкоторой связи между собою [158]). Раннее подчиненіе Тиверцевъ Русскимъ князьямъ даетъ основаніе думать, что поселенія ихъ занимали ближайшую къ Кіеву, сѣверо-восточную часть Днѣстровской полости, простираясь, можетъ быть на востокъ до средняго теченія Восточнаго Буга, гдѣ теперь въ Винницкомъ у., къ югу отъ у. г., мы видимъ на Бугѣ сел. Тивровъ насупротивъ Сутеска. На сѣверо-западъ Тиверскія населенія могли занимать все среднее теченіе Днѣстра до области Хорватовъ, можетъ быть, до сей поры оставивъ по себѣ память въ топографическихъ названіяхъ въ Поднѣстровьи, сходныхъ съ ихъ племеннымъ названіемъ Тирава, Тернава, Тарнова [159]). Что касается Улучей, ихъ географическое положеніе и самое имя вызвало много противорѣчащихъ мнѣній и предположеній. Названіе Улучей имѣетъ въ различныхъ спискахъ лѣтописи множество варіантовъ; Улучи, Уличи, Улици, Угличи, Улутичи, Лютичи, Лутичи, Лучане, Суличи, — и каждый изъ нихъ давалъ поводъ къ своеобразнымъ толкованіямъ, вопреки Шлецеру, который утверждалъ, что подъ всѣми этими названіями скрывается одно племя (Несторъ I. 125). Такъ Татищевъ, принявъ въ основаніе чтеніе „Угличи", полагалъ, что они жили по рѣкѣ Углу или Орели, лѣвому притоку Днѣпра, о которой говорится въ южно-русской лѣтописи подъ 1170 и 1183 годами (Ипат. 98, 128). Карамзинъ отличалъ Лутичей, живших по Днѣстру вмѣстѣ съ Тиверцами, отъ Суличей, какъ онъ называлъ жителей побережья Сулы, не совсѣмъ впрочемъ отрицая и Татищевскихъ Угличей. Надеждинъ въ изслѣдованіи „О положеніи города Пересѣчна" [160]) также принялъ чтеніе „Угличи" и объяснилъ, что такое названіе получило по своему географическому положенію населеніе нижней или степной части

теперешней Бессарабіи, т. е. угла, или изгиба Черноморскаго побережья между устьями Днѣстра и Дуная, который до сей поры называется турецко-татарскимъ словомъ Буджакъ, что значитъ „Уголъ". Это мнѣніе наиболѣе принято и распространено въ наукѣ, хотя Шафарикъ прямо высказался противъ чтенія „Угличи", полагая, что эта форма или ошибка писца, или же основанія ея должно искать въ особенномъ произношеніе имени Угличи разными Славянскими народами, т. е. съ прибавленіемъ „г". Также разнорѣчивы мнѣнія, высказанныя по поводу извѣстія, которое сообщаетъ Никоновскій лѣтописный сводъ о подчиненіи Улучей русскимъ князьямъ. По этому извѣстію Игорь, покоривши Улучей въ 914 году, наложилъ на нихъ дань и отдалъ ихъ воеводѣ своему Свѣнельду (Свентельду), и, говоритъ лѣтописецъ, „не дадеся ему единъ градъ именемъ Пересѣченъ, и сѣде около него три лѣта и едва взятъ его. И бѣша седяще Угличи по Днепру вницъ и по семъ придоша межи вонмъ дестръ, и седоша тамо". (Ник. лѣт. 1. 41). Это безъ сомнѣнія испорченное мѣсто вызвало различныя объясненія и догадки относительно географическаго положенія Улучей [161]), изъ которыхъ наиболѣе заслуживаютъ предположенія, сдѣланныя Надеждинымъ, а въ послѣднее время Н. П. Ламбинымъ [162]). Довольно сложная догадка Надеждина о происхожденіи имени Улучей отъ Угла или Буджака значительно ослабляется, помимо упомянутаго соображенія Шафарика, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древней Руси заливы и вообще изгибъ морскаго побережья назывались лукоморьемъ, лукою моря [163]), такъ что, если уже надо искать корня этого племеннаго названія въ географическаго терминологіи, то всего скорѣе въ словѣ „лука" — изгибъ, заливъ; Улучь — пространство у лукоморья; какъ Убережъ (1193 Ипат. 143) — пространства у берега; слѣдовательно Улучи (Улучци) не могутъ-ли быть приняты, какъ жители излучистаго поморья? Не настаивая на этомъ объясненіи, нельзя однако не замѣтить, что въ области, гдѣ Начальная лѣтопись помѣщаетъ это племя, до сей поры есть мѣстности съ названіями, ясно напоминающими Улучей, и нѣтъ ни одного, которое указывало бы Угличей. Уже это одно побуждало бы предпочесть чтеніе древнѣйшаго Лаврентьевскаго списка лѣтописи

всѣмъ другимъ позднѣйшимъ варіантамъ, и между прочимъ варіанту „Угличи"; но такое предположеніе подтверждается сверхъ того тѣмъ соображеніемъ академика А. О. Бычкова, которое онъ высказалъ въ разборѣ упомянутаго выше сочиненія Н. П. Ламбина, что „всѣ варіанты этого имени указываютъ на то, что вѣроятное ихъ написаніе было Ульци (= Угличи), и что чтеніе Угличи здѣсь не могло имѣть мѣста, потому что, если бы оно было написано въ означенныхъ извѣстіяхъ Нестора, то не исчезло бы безслѣдно изъ всѣхъ списковъ лѣтописи" [164]). Что касается географическаго положенія Улучей, то весьма вѣроятно, что поселенія ихъ простирались первоначально на юго-востокѣ по Бугу до Днѣстровскаго Лимана (Сулицко-Лиманское сел. противъ Никополя, между Херсономъ и Александровскомъ); но отсюда, по приведенному выше извѣстію Никоновскаго свода, они передвинулись на западъ, и тѣмъ усилили Тиверское населеніе области Днѣстра: лѣтописецъ обращаетъ особенное вниманіе на многолюдность Поднѣстровья (Лавр. 5). Съ другой стороны изъ того же извѣстія Никоновскаго лѣтописнаго свода вовсе не слѣдуетъ заключать, что переселеніе Улучей совершилось именно вслѣдствіе завоеванія ихъ Игоремъ и взятія города ихъ Пересѣчна Свенельдомъ. Скорѣе надо кажется принять, что лѣтописецъ, разсказавъ объ этомъ завоеваніи, счелъ нелишнимъ записать преданіе и о томъ, что прежде, въ старину „бѣша сидяше Улучи по Днѣпру, а по семъ (т. е. послѣ, позднѣе) прендоша межи вопи дестръ и сѣдоша тамо", т. е. тамъ, гдѣ былъ поставленъ городъ ихъ Пересѣченъ, взятый Игоремъ или Свенельдомъ, послѣ трехлѣтней осады. Такое объясненіе можно допустить тѣмъ скорѣе, что переселеніе Улучей совершилось, по соображенію всѣхъ данныхъ, представляемыхъ Начальною лѣтописью относительно этого факта, несомнѣнно раньше завоеванія ихъ Игоремъ. Извѣстно, что Олегъ, подчинивъ себѣ Поднѣпровье, обратился на Улучей и Тиверцовъ; но встрѣтилъ у нихъ сопротивленіе. Лѣтопись не говоритъ о томъ, чѣмъ окончилась „рать" этихъ земель съ Русскимъ княземъ, записанная ею подъ 885 годомъ (Лавр. 10); однако черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, онъ предпринимаетъ походъ на Грецію, — явный

знакъ, что дѣло обезпеченія цѣлости и безопасности своихъ владѣній онъ считалъ уже покончепнымъ. Въ походѣ принимаютъ участіе вмѣстѣ съ другими Тиверцы, очевидно уже подчинившіеся Руси, но Улучей мы не видимъ. Это умолчаніе лѣтописи свидѣтельствуетъ, что въ то время Улучи еще не были покорены Русскимъ княземъ; но такъ какъ Олегъ не могъ конечно оставить независимымъ, въ средѣ подчиненныхъ ему земель или на ближнихъ ихъ окраинахъ, это многочисленное и воинственное населеніе, то необходимо предположить, что именно къ его времени, къ послѣдней четверти IX в., относится ихъ передвиженіе, о которомъ говоритъ Никоновскій сводъ лѣтописи. Затѣмъ всѣ разнорѣчивыя мнѣнія о новыхъ поселеніяхъ Улучей, мнѣнія, которыя были вызваны испорченнымъ текстомъ извѣстія Никоновскаго свода, устраняются варіантомъ этого извѣстія въ спискахъ Новгородской лѣтописи, о которомъ заявилъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ: они поселились „межи Богъ и Днѣстръ [166]). Здѣсь, въ Побужьи, они сходились съ южными разселеніями Древлянъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный [166]); здѣсь они поставили городъ Пересѣчепъ, взятой у нихъ Русью въ 914 году. По указанію Надеждина, положеніе этого города пріурочивается въ Бессарабіи къ теперешнему селенію Пересѣчина, почтовой станціи по большой Кишиневской дорогѣ изъ Оргѣева (въ 24 верстахъ). Надо полагать, что борьба Улучей съ Русью этимъ не завершилась, что дальнѣйшимъ послѣдствіемъ ея могло быть новое передвиженіе Улучей на западъ въ Бессарабію, Молдавію и Валахію, въ область Прута, Кулмуцуя и Яломицы, гдѣ знаетъ ихъ лѣтописецъ, и гдѣ остатки ихъ составляли основу Славяно-русскаго населенія Подунайской области до XIV в. Здѣсь память о нихъ сохраняется въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ — Залучи на Прутѣ, въ Хотинскомъ уѣздѣ, Суличи на юго-востокъ отъ Ботушанъ, въ Молдавіи, Лучіу на р. Кулмуцуѣ, въ юго-востоку отъ Браилова, и наконецъ самый южный пунктъ, извѣстный намъ, — Улуйце на р. Яломицѣ, лѣвомъ притокѣ Дуная, къ сѣверо-востоку отъ Бухареста; вблизи двухъ послѣднихъ селеній мы находимъ селенія Презичени и Пресычина, напоминающія лѣтописный Пере-

сѣченъ (къ юго-западу отъ Букарешта, на р. Аржисѣ и на одномъ изъ его притоковъ). Въ войнѣ съ Игоремъ, окончившейся ихъ покореніемъ, Улучи являются въ послѣдній разъ въ исторіи [167]). Къ концу XI в., на Руси ходило только преданіе, что ими были основаны города на Подпѣстровьи и Черноморскомъ поморьи. Весьма вѣроятно, что появленіе въ южныхъ степяхъ кочевниковъ, извѣстіе о которыхъ лѣтопись открываетъ разсказомъ объ Уграхъ, двинуло главныя массы ихъ на сѣверъ, вверхъ по Днѣстру и лѣвымъ притокамъ нижняго Дуная, ближе къ Карпатамъ, въ теперешнюю Галицію и сѣверо-восточную Венгрію, гдѣ они усилили собою Славянское населеніе Хорватской вѣтви. Память о такомъ движеніи Славянъ въ Закарпатскую область сохранилась въ мадьярскихъ преданіяхъ о переходѣ Арпада въ Паннонію [168]). Очень вѣроятно, что слѣды того же движенія удержали до-нынѣ нѣкоторыя мѣстности въ сѣверо-восточной Венгріи — два Уйлака (къ сѣверу отъ Сатмаръ-Немети), Улицъ (Улыцъ) и Улицъ Крива (Улыцъ Крива) на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Унга, къ в. отъ Спина, — и по сю сторону Карпатъ, въ Галиціи — Улично на р. Ольшанкѣ въ Самборскомъ округѣ (къ з. верстахъ въ 5 отъ Стрыя), Сулуковъ, къ югу отъ Стрыя у р. Свѣчи (Свици), Улучь (Улочь) на Санѣ къ сѣверу отъ Санока, Улицне (Уличне) на в. отъ Любачева въ Жолкѣвскомъ округѣ. — Къ востоку отъ Хорватъ и къ сѣверу отъ первоначальныхъ заселеній Тиверцовъ и Улучей была расположена область Дулѣбовъ, которые имѣютъ въ Начальной лѣтописи и другія равнозначащія имена — Бужанъ и Велынянъ или Волынянъ. Древнѣйшее и, можетъ быть, первоначальное названіе этой вѣтви были Дулѣбы: еще изъ VII в. лѣтопись сохранила преданіе о утѣсненіи ихъ Обрами (Аварами). Подобноименные Дудлебы — извѣстны и у западныхъ Славянъ, у Чеховъ, на верхней Влетавѣ; что также говоритъ въ пользу стародавности этого наименованія [169]). Бужане являются, какъ кажется, позднѣе уже въ эпоху составленія Начальной лѣтописи; по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ преданіи (о походѣ Олега на Грековъ) названы не Бужане, а Дулѣбы. Изъ лѣтописнаго опредѣленія видно, что названіе Бужанъ со-

вершенно совпадало по значенію съ названіемъ Дулѣбовъ [170]). Наконецъ третье названіе Велынянъ или Волынянъ должно быть признано еще болѣе позднимъ; едва ли даже замѣчаніе: „Бужане живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне" не принадлежитъ позднѣйшему составителю свода, ибо термины „Волынь и Волыняне" входятъ въ общее употребленіе только съ XIV в. Перемѣны въ географическомъ названіи этой Славянской вѣтви не могли быть случайны; они должны указывать на перемѣны въ ея внутреннихъ отношеніяхъ, въ ея внутреннемъ строѣ, и едва ли будетъ слишкомъ смѣло предположеніе, что эти перемѣны совершились подъ вліяніемъ городовъ и усиленія ихъ политическаго значенія. Происхожденіе названія Бужанъ лѣтопись объясняетъ рѣкою Бугомъ „за не сѣдоша по Бугу"; но образованіе этого имени противорѣчитъ такому объясненію. Въ древнемъ географическомъ словарѣ нельзя найдти для обозначенія порѣчнаго населенія „Семянъ, Росянъ, Сулянъ, Дунаянъ", но встрѣчаются Посемцы (рѣка Семь), Поршане (Рось), Посульцы (Сула), Дунайцы (Дунай), тогда какъ жители города Кіева, Смоленска, Пинска носятъ названія Кіянъ, Смольнянъ, Пинянъ, — Чернигова, Турова, Римова, Выгошева — Черниговцевъ, Туровцевъ, Римовцевъ, Выгошевцевъ. Это даетъ нѣкоторое основаніе видѣть въ Бужанахъ лѣтописи не жителей побережья Буга, но населеніе области, такъ или иначе зависѣвшей отъ города Бужска, который, какъ увидимъ ниже, еще въ концѣ XI и въ первой половинѣ XII в. обособляется весьма часто изъ ряду городовъ Володимірскаго княженія или удѣла, и который конечно еще до образованія Русскаго государства могъ получить центральное значеніе и группировать вокругъ себя болѣе или менѣе обширную землю, болѣе или менѣе обширный союзъ волостей. Такимъ же путемъ объясняется и происхожденіе географическаго названія Волынянъ или Велыняпъ, отъ города Велыня или Волыня, остатки котораго указываютъ въ городищѣ, при впаденіи Хучвы въ Западный Бугъ, въ 20 верстахъ ниже Володиміря Волынскаго [171]) Въ Бужанахъ и Волынянахъ открываются названія земель, послѣдовательно возникавшихъ въ эпоху образованія Русскаго государства на территоріи

Дулѣбскаго племени или колѣна, названія, еще не успѣвшія тогда вытѣснить или замѣнить собою стародавнее племенное названіе. Что въ области Дулѣбовъ, за долго до вступленія ея въ составъ Руси, могло начаться разложеніе земель подъ вліяніемъ городовъ, видно изъ того, что не позже, какъ въ X в., западная часть ея является обособленною, тянувшею къ Червеню (теп. Чермно, въ юго-восточномъ углу Царства Польскаго, въ 5 верстахъ отъ Тышовецъ, къ югу отъ Грубешова). Подъ 981 годомъ лѣтопись говоритъ о немъ, какъ о представителѣ цѣлой области, а нѣсколько позднѣе, подъ 1018 годомъ, упоминаетъ о Червенскихъ городахъ, о городахъ, зависѣвшихъ отъ Червеня, слѣдовательно входившихъ въ составъ Червенской земли [172]). Память о прежнемъ земельномъ значеніи Червеня могла удержаться въ ходячемъ названіи теперешней Галицкой Руси — Червонная Русь, въ названіи, котораго впрочемъ не знаютъ, сколько извѣстно, наши лѣтописи даже до XVI в. Разселенія Дулѣбской вѣтви Славянъ лѣтопись указываетъ по Бугу, не опредѣляя однако ничѣмъ, о какомъ именно изъ двухъ Буговъ (Западномъ или Восточномъ) говоритъ она; но, такъ какъ нижнее теченіе и того и другаго было занято несомнѣнно другимъ насельемъ — Восточнаго — Тиверцами и за тѣмъ кочевыми степняками, Западнаго же Дреговскими и Кривскими засельніями; то естественно принять, что Дулѣбы занимали верхнія теченія и того и другаго Буга, простиралась на с. в. до области Припети, гдѣ и теперь находятся (сел. Дулбуповъ къ югу отъ Ровна), Дулибы къ сѣверо-востоку отъ Острога между Аннополемъ и Гущею, и сел. Дулибы на рѣкѣ Турьи, близъ Турійска въ Ковельскомъ у. Западныя же и юго-западныя разселенія ихъ могли заходить въ область Вислы и Днѣстра; мы видимъ тамъ мѣстности: Дулибы на юго-востокъ отъ Львова, между рѣками Зубрьею и Липою, Дулибы близъ рѣки Стрипы, къ сѣверу отъ Черткова, (Дуплиски, Дублиски къ югу отъ этого города), Дулибы на Стырѣ, нѣсколько выше гор. Стыя, и сел. Дулобепъ (Dułąbeп Дулубенъ) на Вислокѣ Вислянскомъ къ юго-западу отъ города Ясла.

Изъ четырехъ племенъ, которыя занимали юго-западный уголъ Русскаго Славянства, и которыхъ первоначальное географическое распространеніе опредѣляется, при недостаткѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, такъ гадательно, — только населеніе верхняго Днѣстра, Хорваты, и верхнихъ Буговъ, Дулѣбы, вошли въ составъ Русскаго государства вполнѣ, не утративъ въ первое время своей земельной особности, не перемѣняя своихъ первоначальныхъ жилищъ. Южные окраинные Тиверцы, подобно своимъ сосѣдямъ Улучамъ, должны были уступить напливу степенныхъ кочевниковъ, которыхъ появленіе совпадаетъ съ первыми десятилѣтіями жизни вновь возникшаго государства, и, оставивъ не безъ борьбы, что̀ видно изъ ихъ многочисленныхъ градовъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись, свои первоначальныя обиталища, — они отодвинулись вверхъ по Днѣстру и сѣвернымъ Дунайскимъ притокамъ, въ болѣе безопасныя земли своихъ соплеменниковъ [173]). Лѣтопись говоритъ о Тиверцахъ въ послѣдній разъ подъ 944 г., какъ о участникахъ въ походѣ Игоря на Грековъ (Лавр. 19), въ то время, когда въ Подпѣпровьи усиливаются Печенѣги. Почти къ тому же времени относится послѣднее, какъ мы видѣли, извѣстіе объ Улучахъ. Послѣ того эти племена навсегда исчезаютъ изъ исторіи, не оставивъ почти никакого слѣда въ ней; но ихъ переселенцы усилили численность Хорватовъ и Дулѣбовъ, и дали имъ возможность выступить съ большею самостоятельностью въ первые же моменты образованія Русскаго государства.

Оба эти племена весьма рано вошли въ его составъ. Начало ихъ связи съ Русью едва ли не относится еще ко времени первыхъ Русскихъ князей, до соединенія южной и сѣверной Руси. По крайней мѣрѣ лѣтопись, подробно излагающая ходъ расширенія Русскихъ предѣловъ на югѣ при князьяхъ Рюриковичахъ, ничего не говоритъ ни о времени, ни объ обстоятельствахъ подчиненія ихъ, а прямо называетъ Хорватовъ и Дулѣбовъ участниками въ Олеговомъ походѣ на Грековъ 907 года (Лавр. 12). Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь они упоминаются въ послѣдній разъ, какъ особыя племена или земли; такое исчезновеніе старославянскихъ названій объясняется, какъ мы уже видѣли, не

иначе, какъ возвышеніемъ въ этихъ земляхъ городовъ, сдѣлавшихся центральными пунктами княжескаго управленія, — въ области Хорватовъ Перемышля, у Дулѣбовъ — Бужска, Волыня и, можетъ быть, Червеня. Эти города стали обозначать обширныя области, тянувшія къ нимъ, и, по крайней мѣрѣ, городскія названія Бужанъ и Волынянъ въ пониманіи лѣтописца являются равнозначущими съ племеннымъ именемъ Дулѣбовъ. Вѣроятно или при Святославѣ, занятомъ въ Болгаріи, или въ особицу между его сыновьями, эти области отошли подъ власть Ляховъ. Подъ 981 годомъ лѣтопись упоминаетъ о войнѣ, которую велъ за владѣніе ими съ Ляхами Владиміръ: „иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червень и иные грады, иже суть и до сего дне подъ Русью" (Лавр. 356). Очевидно, что подъ этими городами разумѣется не одинъ только городъ съ своимъ округомъ или уѣздомъ; но вся область, которой онъ былъ административно — политическимъ центромъ. Перемышль обозначаетъ горную Перемышльскую страну (Ипат. 179), область Хорватовъ. Съ тѣхъ поръ судьбы Хорватской и Дулѣбской земли на долго не разъединялись. Центромъ княжескаго управленія въ нихъ сдѣлался вновь основанный княжескій городъ Володиміръ [174]), въ 988 году отданный въ удѣлъ сыну великаго князя Всеволоду (Лавр. 52). Въ предѣлы этого княжескаго удѣла, кромѣ Бужска, Волыня и Червеня, которыхъ земельное значеніе ослабѣло подъ вліяніемъ новаго центральнаго города, должна была входить и Перемышльская область Хорватовъ; ибо при раздѣлѣ земли между Володиміровыми сыновьями Володиміръ является самымъ крайнимъ городомъ въ юго-западной Руси [175]), а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Хорваты зависѣли въ то время отъ власти Кіевскихъ князей. Могло быть, что уничтоженіе земельной особности Хорватовъ, къ которому естественно должно было привести подчиненіе ихъ новому княжескому городу, возбудило въ нихъ стремленіе къ независимости, и было причиною ихъ возстанія противъ Руси. Этимъ объясняется краткое и темное извѣстіе нашей Начальной лѣтописи о походѣ Володиміра на Хорватовъ и о войнѣ Хорватской въ 992 году (ibid.). Смуты, поднявшіяся на Руси, по смерти Володиміра, повели къ

отпаденію юго-западной Руси подъ власть Болеслава Лядскаго. Извѣстіе Дитмара о ссорѣ Володиміра съ сыномъ Святополкомъ Туровскимъ, женатымъ на дочери Болеслава, участіе, которое принималъ въ ней Болеславъ [176]), указываетъ, что уже въ это время Лядскій князь старался утвердить свое вліяніе на дѣла Руси, и проложить путь къ захвату ея богатой юго-западной окраины. Какъ извѣстно, онъ достигъ своей цѣли, воспользовавшись усобицей, поднявшеюся между Ярославомъ и Святополкомъ, и въ 1017 году захватилъ Червенскіе города (Лавр. 62). Захватъ не былъ однако продолжителенъ. Въ 1030 году Ярославъ, утвердивши свою власть на Руси, отнялъ Бельзъ, который слѣдуетъ отнести къ числу Червенскихъ городовъ, а въ слѣдующемъ году были возвращены и остальные Червенскіе города [177]). Той же участи подверглась по всей вѣроятности и Перемышльская земля, хотя лѣтопись не сообщаетъ о ней ничего. Въ ряду удѣловъ Ярославовыхъ сыновей Перемышльская и Володиміро-Волыская земля являются опять одною княжескою волостью, съ однимъ центральнымъ городомъ Володиміремъ, который былъ отданъ князю Игорю Ярославичу. Какъ извѣстно, по переходѣ Игоря на Смоленскій столъ, эта волость перешла къ внуку Ярославову, изгою Ростиславу Володиміровичу [178]), но, какъ видно, не надолго. Смуты, начавшіяся на Руси изгнаніемъ Изяслава Ярославича изъ Кіева, дали поводъ Болеславу Смѣлому возобновить попытки своего „храбраго" предшественника утвердиться въ юго-западной Руси. По польскимъ извѣстіямъ, вслѣдъ за походомъ на Кіевъ, который онъ предпринялъ, помогая Изяславу, онъ овладѣлъ Перемышлемъ (1071 году), и оттуда дѣлалъ постоянные набѣги и наѣзды на Кіевское-собственно Володимірское княженіе [179]), которое между тѣмъ перешло въ родъ Изяслава, сдѣлавшись удѣломъ сына его Ярополка. Ослабленіе Польши, слѣдствіе извѣстныхъ раздоровъ Болеслава съ духовенствомъ и рыцарствомъ, слабость правленія преемника его Владислава Германа дали возможность предпріимчивымъ князьямъ изгоямъ, сыновьямъ Ростислава Владиміровича отнять въ свою пользу Перемышль, захваченный Ляхами. Извѣстіе объ этомъ событіи представляютъ польскіе лѣ-

тописцы [180]). По нашимъ лѣтописямъ, Рюрикъ Ростиславичъ въ первый разъ упоминается Перемышльскимъ княземъ подъ 1086 годомъ (Лавр. 88). Такимъ образомъ, благодаря предпріимчивости Ростиславичей, былъ отвоеванъ отъ Ляховъ захваченый ими окраинный уголъ тогдашней Руси, и тѣмъ самымъ сдѣлался закопною частью князей-изгоевъ, его освободителей. Въ тоже врема перемѣны, происшедшія въ Володимірскомъ княженіи, дали Ростиславичамъ случай увеличить добытую волость захватомъ части Червенской земли. Есть извѣстіе, что великій князь Всеволодъ отдалъ Теребовль, т. е. юго-западную часть Червенской земли, Василько Ростиславичу [181]). Это раздробленіе земли, нарушеніе прежняго дѣленія, было причиною продолжительной борьбы на юго-западѣ Руси, усобицы между Ростиславичами, князьями — Теребовльскимъ и Перемышльскимъ съ одной стороны, и Володимірскими съ другой. Изъ обстоятельствъ ея видно, что Володимірскіе князья мирились еще съ потерею отдаленной отъ ихъ стольнаго города Перемышльской земли, но не могли снести равнодушно потери исконной Червенской земли. Въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія они возобновляли попытки — возвратить подъ свою власть Теребовльской удѣлъ, сгладить межи, положенныя Всеволодомъ Кіевскимъ между Теребовлемъ и Володиміремъ. Можетъ быть, что первою жертвой этой борьбы былъ още Ярополкъ Изяславичъ, убитый во время похода къ Звенигороду [182]). Когда вслѣдъ за тѣмъ Всеволодъ отдалъ Володиміръ Давиду Игоревичу, этотъ князь опять возобновилъ притязанія на Теребовльскій удѣлъ, — и тотчасъ послѣ Любецкаго съѣзда князей, на которомъ были утверждены между прочимъ права князей Володимірскаго, Теребовльскаго и Перемышльскаго, онъ захватилъ въ плѣнъ и ослѣпилъ Василька Теребовльскаго, вымогая у него уступки Теребовля (Лавр, 112 — 113); не добившись согласія на то своего плѣнника, Давидъ предпріялъ походъ, „хотя переяти Василькову волость" (ibid. 113). Какъ извѣстно, походъ окончился неудачно для Давида, который былъ принужденъ не только возвратить свободу Василько, но и отказаться отъ замысловъ на Теребовль. За тѣмъ, когда, по требованію Мономаха и другихъ князей, Святополкъ выгналъ Давида

изъ Володиміря и Червеня, (Лавр. 114), присоединивъ эти земли къ своей волости, и этотъ князь обнаружилъ притязанія на владѣнія Ростиславичей; „пача думати, говоритъ о немъ лѣтописецъ, на Володоря и Василька, глаголя, яко се есть волость отца моего и брата, и поиде на ня". Битвы на Рожни полѣ и подъ Перемышлемъ, въ которыхъ Святополкъ потерпѣлъ пораженіе, рѣшили дѣло въ пользу Ростиславичей: Перемышль и Теребовль остался за ними. Постановленіе княжескаго сейма въ Увѣтичахъ — объ ограниченіи удѣла Ростиславичей однимъ Перемышлемъ, и слѣдовательно о возсоединеніи прежней Червенской земли, точно также встрѣтило отпоръ со стороны Ростиславичей, и не было приведено въ исполненіе (1100. Лавр. 117). Перемышль и Теребовль остались за ними, и по смерти ихъ, когда сынъ Володаря—Володимірко, успѣлъ соединить ихъ удѣлы подъ своею властью, и перенесъ столъ свой въ Галичъ, — изъ нихъ образовалось особое Галицкое княженіе, Галицкая земля [183]), никогда уже послѣ того не сливавшаяся вполнѣ съ восточною частью Червенской земли. Что касается остальной восточной области Дулѣбовъ или Бужанъ (впослѣдствіи собственно Волынь), то во всю эпоху, обнимаемую Начальною лѣтописью, она не могла достигнуть политической самостоятельности и отдѣльности, какой достигли уже тогда въ ряду Русскихъ княжескихъ володѣній Перемышль и Полоцкъ, но стояла въ постоянной зависимости отъ Кіева. Мы видимъ, что каждый князь, переходя на Кіевской столъ, стремится посадить на Володимірскій столъ своего сына, или по крайней мѣрѣ поставить прежняго Володимірскаго князя — обыкновенно своего племянника — въ подручныя отношенія. Первый изъ Володимірскихъ князей, который по своему изгойству, могъ дать самостоятельное значеніе своему удѣлу, былъ Ростиславъ Ярославичъ [184]); но его бѣгство въ отдаленную Тмутаракань показываетъ, на сколько непрочнымъ и несамостоятельнымъ, при притязаніяхъ Кіевскихъ князей, было въ его глазахъ Володимірское княженіе (1064. Лавр. 70). Въ краткихъ извѣстіяхъ лѣтописи мы не находимъ указанія, кому досталось послѣ того это княженіе; можетъ быть, сыну Изяслава, великаго князя Кіевскаго, Мстиславу, который занимаетъ такую

видную роль въ извѣстной усобицѣ его отца съ Полоцкимъ Всеславомъ — чародѣемъ (1068. Лавр. 74). За тѣмъ, когда Изяславъ былъ снова изгнанъ изъ Кіева уже своими родными братьями — Святославомъ и Всеволодомъ, и когда Кіевскій столъ занялъ Святославъ, — на Володимірскомъ княженіи является сынъ Святослава — Олегъ. Это видно изъ поученія Мономаха [185]). Смерть Святослава и возвращеніе Изяслава на Кіевскій столъ повели за собою перемѣну и на Володимірскомъ столѣ: „И Святославъ умре... и Олегъ приде (въ Черниговъ) изъ Володимеря выведенъ" (Лавр. 103). На его мѣсто былъ введенъ Исяславовъ сынъ — Ярополкъ; но смерть отца, великаго князя, — и для него была началомъ притѣсненій, зависимости отъ видовъ и цѣлей новаго великаго князя. Городъ Дорогобужъ, центръ Погорипской области, которая въ XII вѣкѣ служила яблокомъ раздора между Кіевскими и Волынскими князьями (Ипат. 146 и слл.), — Всеволодъ отдаетъ племяннику Давиду Игоревичу — единственная мѣра, которую великій князь могъ принять, чтобы прекратить захваты смѣлаго изгоя на Днѣпровскомъ пути византійско-кіевской торговли (1084. Лавр. 88). Попытка Ярополка оградить неприкосновенность своего удѣла не удалась. Не только не состоялся походъ, задуманный имъ на Кіевъ; но и самъ онъ былъ принужденъ бѣжать въ Ляхи (1085). Какъ кажется, возвращеніе на Русь и на свой удѣльный столъ онъ долженъ былъ купить дорогою цѣною — уступкою Ростиславичамъ западной части Володимірскихъ владѣній, составившей Теребовльскій удѣлъ Ростиславичей. Въ усобицахъ, которыя поднялись вслѣдствіе этого отдѣленія, Володимірское княженіе является въ прежней зависимости отъ Кіева. Изгой Давидъ Игоревичъ, получившій Володимірь послѣ насильственной смерти Ярополка Изяславича (1086. Лавр. 88), въ великое княженіе Святополка, уступаетъ Володимірь сыновьямъ его, сперва Мстиславу (1097 — 1098. Лавр. 116), а по смерти его (1099. ibid. 116) Ярославу. Переходъ велико-княжескаго стола къ Мономаху вскорѣ повелъ за собою переходъ Володимиря въ родъ этого князя. Ярославъ Святославичъ также не могъ помириться съ тѣми подручными отношеніями, въ какія поставилъ его Мономахъ, и погибъ въ

безуспѣшной борьбѣ за Володимірскій столъ, который достался сыновьямъ Мономаха. Съ тѣхъ поръ онъ составлялъ наслѣдственный удѣлъ Мономахова рода [186]), и только при сынѣ и внукѣ Мстислава Великаго, Изяславѣ Мстиславичѣ и Мстиславѣ Изяславичѣ, которые должны были въ борьбѣ съ Черниговскими и Суздальскими князьями за Кіевскій столъ опираться на мѣстныя силы своего удѣла, — Володимірская земля получаетъ наконецъ самостоятельное политическое значеніе, и окончательно отдѣляется отъ Кіева, при чемъ предѣлы ея расширились на счетъ сѣверо-западныхъ Побужскихъ владѣній Кіевской земли [187]).

Относительно границъ или межей земель Перемышльской и Теребовльской, также какъ и Володимірской, Начальная лѣтопись представляетъ весьма скудныя указанія; между тѣмъ уясненіе ихъ въ эту древнѣйшую эпоху существованія Русскаго государства важно въ многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны оно должно представить любопытныя данныя для рѣшенія вопроса вообще объ этнографическихъ предѣлахъ Руси на югозападѣ, — съ другой въ нихъ, какъ было замѣчено выше, остались довольно ясные слѣды древняго дѣленія Славянъ на племена или земли. По этому мы и остановимся здѣсь нѣсколько на межахъ, или—вѣрнѣе—сумежьяхъ Перемышльской и Теребовльской земель, и земли Володимірской; — и такъ какъ ни прямыя указанія историческихъ источниковъ, ни ходъ событій не представляютъ никакихъ основаній думать, чтобы они подверглись существеннымъ измѣненіямъ въ послѣдующія два столѣтія, — то мы позволяемъ себѣ, при опредѣленіи ихъ, принимать въ разсчетъ и нѣсколько позднѣйшія указанія XII — XIII вѣковъ. Теребовльско-Перемышльская земля лежала между Ляхами на сѣверо-западѣ, Уграми на юго-западѣ, степными кочевниками на югѣ, Кіевскимъ и Володимірскимъ княженіемъ на востокѣ и сѣверѣ. О границѣ съ Ляхами въ Начальной лѣтописи мы не находимъ никакихъ указаній. Самымъ крайнимъ на сѣверо-западѣ пунктомъ Перемышльской земли мы видимъ Перемышль на Санѣ и Вагрѣ (Лавр. 35), но такъ какъ этотъ городъ былъ центральнымъ пунктомъ особой земли, особаго княженія, то нѣтъ сомнѣнія, что и до IX вѣка Перемышльская земля прости-

ралась гораздо далѣе на сѣверъ, за Любачевъ, Ярославль, Перевореск (Przeworsk), Галицкіе города, извѣстные уже съ XIII вѣка [188]), и отдѣлялись отъ Лядскихъ владѣній болотистыми низинами Сана и Лонки, и до сей поры мало заселенными. Въ этой мѣстности, какъ мы уже видѣли, лѣтописныя извѣстія XIII вѣка указываютъ порубежное укрѣпленіе „Ворота", можетъ быть, тамъ, гдѣ теперь мы видимъ село Перевратно къ сѣверу отъ Рѣшова, миляхъ въ 2½ отъ него по дорогѣ въ Судомирь [189]). Западная граница съ Ляхами шла, кажется, по водораздѣлу между двумя Вислоками Саноцкимъ и Вислянскимъ, и, захватывая верховья послѣдняго и верхнія теченія притоковъ его Яслы и Ропы, спускалась въ ю. з. направленіи къ Карпатамъ, къ истокамъ Бѣлой, Попрада и Дунайца въ сосѣдство Кракова, который въ одной изъ грамотъ X вѣка указывается на Русскихъ границахъ (fines Russiae usque in Cracoa) [190]). Здѣсь (къ с. в. отъ Дукли въ одной милѣ) находятся сел. Роги, которое еще въ XIV вѣкѣ считалось въ Русской землѣ (in terra Russiae) [191]). Два селенья Брановицы, къ с. отъ гор. Ясла, Осѣкъ къ ю. отъ него на р. Вислокѣ, Стражна, близъ котораго Русска на р. Рощицѣ, правомъ притокѣ Ропы, Устье Руски на Ропѣ могли быть передовыми постами русскихъ владѣній, какъ Грудекъ, Стража Высна и Нисна, Стражня, Остружна на р. Бѣлой и др. могли представлять рядъ порубежныхъ укрѣпленій со стороны Ляховъ.

Еще неопредѣленнѣе юго-западная Угорская граница Галицкой Руси. Какъ извѣстно, за Карпатами, въ Угорщинѣ, большая часть комитатовъ Шарошскаго (съ городомъ Эперіешъ-Пряшовъ), Земплинскаго, Унгварскаго, Мункачскаго, Мармарошскаго (съ гор. Сигетомъ) [192]) и административной области Кошицкой (Кашау) заняты Русскимъ населеніемъ, котораго насчитывается до 500 т. Исторія Угорской Руси въ древнѣйшія времена остается предметомъ неразъясненнымъ; но нѣтъ сомнѣнія, что это исконное населеніе сѣверо-восточной Венгріи составилось изъ вѣтви Хорватскаго племени, которую усилили Улучи, вытѣсненные степными кочевниками изъ области нижняго Дуная къ Карпатамъ; и ихъ первоначальное вѣроисповѣданіе — право-

славіе—указываетъ, что они стояли въ органической связи съ Поднѣпровскою Русью въ то время, когда христіанство не утверждалось еще у Угровъ [193]). Къ сожалѣнію наши лѣтописи сообщаютъ весьма мало объ этой области и объ отношеніяхъ, въ какихъ она стояла къ Уграмъ съ одной стороны, и Галичскому княженію съ другой. Изъ событій XII вѣка видно только, что Карпаты находились въ Галичскихъ владѣніяхъ (1150. Ипат. 42), и что проходы въ нихъ были защищены укрѣпленьями, твердью [194]). Въ XIII в. на Русско-Угорской границѣ упоминаются города — Бардуевъ (1240. Ипат. 179) — теп. Бардіевъ, Бартфельдъ на р. Тополіи, къ с. отъ Эперіеша, Синеводьскъ (Синеволодскъ 1240.) гдѣ-то въ проходѣ Угорско-Галичскомъ, черезъ который Галичане бѣжали въ Угры при нашествіи Татаръ, и гдѣ встрѣтилъ ихъ Данилъ, возвращавшійся изъ Венгріи (можетъ быть на мѣстѣ теп. сел. Сынки (Спики) у истоковъ Сана или одного изъ его притоковъ, — къ югу отъ котораго въ прямомъ разстояніи не болѣе 1 мили мы видимъ Волочанку у истока Унга) [195]), Баня Рудпа (1234. Ипат. 175), которая соотвѣтствуетъ кажется древнему городу Старой Руднѣ въ Быстрицкомъ округѣ Седмиградской области, у истоковъ рѣки Большаго Самоша [196]), и Брашевъ (1282. Ипат. 211), теп. Кронштадтъ въ Седмиградской же области. Лѣтописи нигдѣ не говорятъ о принадлежности ихъ къ Галицкому княженію, но такую принадлежность слѣдуетъ кажется допустить отчасти потому, что они лежали среди сплошнаго русскаго населенія, отчасти же потому, что лѣтописецъ упоминаетъ ихъ для обозначенія путей изъ Руси въ Угры, и конечно, имѣлъ здѣсь въ виду скорѣе свои, русскіе города, чѣмъ города въ чужой и, какъ надо полагать, мало извѣстной на Руси землѣ. Сверхъ того, въ извѣстномъ спискѣ Русскихъ городовъ, составленномъ не позже конца XIV или начала XV вѣка [197]), въ числѣ Русскихъ городовъ по сю сторону Дупая указанъ „Нѣмець въ горахъ" (Полн. Собр. Р. Лѣт. VII. 241), который пріурочивается къ теперешнему Немети въ Седмиградіи на Самошѣ. Исходя отъ этихъ пунктовъ, отмѣченныхъ нашими лѣтописями, можно предположить, что въ XII — XIII в. Галицко-Угорская граница проходила на югъ отъ

теперешняго Бардіева или Бартфельда, можетъ быть, захватывая Пряшовъ и Кошицу, по верхнимъ теченіямъ Гернада, Ондавы, Унга, по Бодрогу, черезъ Тиссу и Самошъ къ верховьямъ рѣкъ, вливающихся въ Серетъ. Весьма вѣроятно, что тогда она совпадала съ этнографическими предѣлами Руси [198]). Между тѣмъ изъ хода Червонно-русской исторіи не видно, да и нѣтъ основаній предполагать, чтобы Галицкіе князья въ XII — XIII в. дѣлали какія либо пріобрѣтенія за Угорскими горами; слѣдовательно Закарпатскіе Славяне присоединены къ Русскому государству еще первыми Кіевскими князьями, такъ что возникновеніе Угорской Руси должно отнести къ концу IX и не позже какъ къ началу X вѣка. На югъ Галицкія владѣнія шли внизъ по теченію Серета (Дунайскаго) и его притоковъ, по Пруту и Днѣстру, до Дуная и Понтійскаго побережья, гдѣ, какъ мы видѣли, до половины X вѣка были поселенія Улучей и Тиверцевъ. Есть нѣсколько извѣстій, которыя даютъ основаніе полагать, что и позднѣе, въ X и XI вѣкахъ, Дунайскія низовья, — по крайней мѣрѣ устья Дуная и поморье до Днѣстра — входили въ составъ Русскихъ владѣній. Договоры Олега и Игоря не представляютъ прямыхъ указаній на принадлежность ихъ къ Руси, но, какъ кажется, только потому, что при заключеніи ихъ вообще не имѣлось въ виду опредѣленіе порубежныхъ отношеній Грековъ и Руси, сходившихся тогда только въ Подднѣпровьи [199]). Походы Святослава въ Болгарію, совѣтъ, который давалъ ему воевода Свенельдъ возвратиться оттуда сухимъ путемъ, какъ самымъ безопаснымъ, „поити на коних около, стоять бо Печенѣзи въ порозѣхъ" [200]), походъ Владиміра Святаго на Болгарію [201]), обстоятельства послѣдняго, какъ извѣстно, неудачнаго предпріятія Русскихъ на Царьградъ [202]) въ 1043 году — все это заставляетъ думать, что во всякомъ случаѣ сообщеніе между нижнимъ Дунаемъ и Подднѣпровьемъ было болѣе или менѣе обезпечено, если не сплошнымъ Славянскимъ населеніемъ (Тиверцы и Улучи), которое могло отодвинуться на сѣверъ, при первомъ появленіи кочевниковъ, то по крайней мѣрѣ рядомъ укрѣпленій, ограждавшихъ Придунайскую и Приполтійскія окраины Руси отъ набѣговъ. По свидѣтельству Константина Порфирородпаго, въ его

время на Днѣстрѣ было шесть городовъ Бѣлгородъ, Тунгаты, Кракикаты, Салмакаты, Сакакаты, Гіаюкатѣ, которые онъ называетъ однако уже запустѣлыми [203]). Обращаясь за тѣмъ къ историческимъ свидѣтельствамъ нѣсколько позднѣйшаго времени, мы находимъ первыя прямыя указанія лѣтописи на эти окраины въ исторіи борьбы князя Ивана Ростиславича Берладника съ дядею его Володимірком Галицкимъ, а потомъ съ сыномъ Володимірка — Ярославомъ Осмомысломъ. Изъ обстоятельствъ ея, записанныхъ въ южно-русской лѣтописи, видно во первыхъ, что Галицко-русскія владѣнія дѣйствительно были на Дунаѣ, во вторыхъ, что они принадлежали къ удѣлу Ивана, бывшаго княземъ въ Звенигородѣ, по всѣмъ соображеніямъ въ томъ, что на Днѣстрѣ [204]). — Такъ послѣ неудачнаго захвата Галича въ 1144 году, Иванъ, осажденный въ этомъ городѣ Владиміромъ, и отрѣзанный отъ него во время вылазки, бѣжалъ на Дунай и оттуда уже степью въ Кіевъ, къ князю Всеволоду Ольговичу, враждовавшему, какъ извѣстно, съ Галицкимъ княземъ. Между тѣмъ бояре, приверженцы Ивана, держались въ Галичѣ еще цѣлую недѣлю, конечно, не иначе, какъ разсчитывая на помощь изъ Подунайской области. Черезъ 15 лѣтъ послѣ того, лѣтопись отмѣтила новую попытку Ивана Берладника на Галицкія владѣнія, и мы видимъ его снова на Дунаѣ: „ѣха, говоритъ о немъ лѣтописецъ, подъ 1159 годомъ, въ поле (изъ Кіева) и ста въ городѣхъ Подунайскихъ, изби двѣ кубари, и взя товара много въ нею, и накостяше рыболовомъ Галичьскымъ" [205]). Ясно, что онъ сталъ въ этихъ городахъ, имѣя въ виду сдѣлать необходимыя приготовленія къ задуманному походу на Галичьское Подиѣстровье, собрать дружину, дождаться новаго прихода Половцевъ и отряда Берладниковъ, запастись средствами-хотя бы и грабежомъ торговыхъ судовъ и Галичскихъ рыболововъ. Между тѣмъ мы не видимъ никакого противодѣйствія со стороны Ярослава Галицкаго. Онъ ограничивается только тѣмъ, что занимаетъ своею засадою Подпѣстровскіе города (ibid. 84). Очевидно, Иванъ дѣйствуетъ въ области, или прямо подчиненной ему, или стоявшей съ нимъ въ какихъ то весьма тѣсныхъ отношеніяхъ, еще неразъясненныхъ исторіей.

Очень можетъ быть, что Подунайскіе города составляли только часть бывшаго Звенигородскаго удѣла князя Ивана Ростиславича, съ которою онъ умѣлъ поддерживать сношенія во все долгое время своей скитальческой жизни на Руси, и которая дѣлала его такимъ опаснымъ врагомъ Галицкаго князя. Лѣтописи не говорятъ, какіе именно русскіе города были на Дунаѣ, и указанія на нихъ мы можемъ искать только въ упомянутомъ уже выше спискѣ Русскихъ городовъ. Но къ сожалѣнію, составитель этого списка не ограничился, какъ видно, собственно Русскими городами, т. е. городами на Русской землѣ, съ основнымъ Русскимъ населеніемъ, но почелъ необходимымъ назвать и тѣ города, которые временно были завоеваны Русскими князьями. Такъ въ числѣ Дунайскихъ городовъ онъ приводитъ города въ Болгарской землѣ Видицовъ о семи стѣнъ каменныхъ, Мдинъ (Мединъ) Терновъ, по ту сторону Дуная, Дерестръ (Дрествинъ-Силистрія) и др. единственно на томъ основаніи, что они были въ X в. завоеваны Святославомъ [206]). Вѣроятно къ этимъ же городамъ относится извѣстіе о попыткѣ Владиміра Мономаха утвердиться на Дунаѣ въ 1116 году (Лавр. 128, Ипат. 7). Но въ томъ же спискѣ должны скрываться конечно и Подунайскіе города Ивана Ростиславича, и Ярослава Осмомысла Галицкаго, запиравшаго, по выраженію Слова о Полку Игореви, ворота Дунаеви. Выше Силистріи ихъ не могло быть; ниже ея списокъ называетъ Дичинъ (Дицынъ), Килію, Новое село (Новосель), Аколятрю на морѣ, Курнаку, Варну. Изъ этихъ городовъ Варна едва-ли можетъ быть принята въ разсчетъ. Курнака, Аколятря и Новосель остаются для насъ неразъясненными. Развалины древней Киліи, находятся близъ крѣпости Старой Киліи на правомъ берегу южнаго рукава Килійскаго Дуная; что же касается Дичина, то, по мнѣнію Ходаковскаго (О Пут. Сообщ. Русск. Истор. Сборн. 1. стр. 8) этотъ городъ одно и тоже съ Дѣдцинымъ, который упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1260 г., на пути изъ Олешья на устьи Днѣпра въ Берладъ (Ипат. 86), но во всякомъ случаѣ онъ находился между Силистріей и Килісй; ибо между этими городами его показываетъ списокъ городовъ, который въ исчисленіи мѣстностей придерживается болѣе или

менѣе опредѣленнаго порядка. Здѣсь мы находимъ мѣстности съ подобно-именными названіями: Девицкой въ Добруджѣ, верстахъ въ 10 къ в. отъ Черноводъ, по дорогѣ изъ Базарджика въ Гирсовъ (близъ него къ ю. в. по дорогѣ въ Кистенджи, Ески-Бырлатъ т. е. старый Бырлатъ) и Титковъ на лѣвомъ берегу Дуная къ югу отъ Браилова (верстахъ въ 50) [207]). Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ можно только заключить, что Галицкія владѣнія, спускаясь по югъ по бассейну Серета, во всякомъ случаѣ доходили до Килійскаго и, можетъ быть, даже до Георгіевскаго Дуная, — простирались вверхъ по Дунаю по крайней мѣрѣ до устьевъ Серета. Относительно юго-восточной границы отъ Прута и Дуная до Днѣстра нѣтъ никакихъ извѣстій. Съ появленіемъ Печенѣговъ и за тѣмъ Половцевъ, эта часть Поптійскаго побережья по всей вѣроятности запустѣла. Улучи и Тиверцы, составлявшіе осѣдлое населеніе теперешняго Буджака, подвинулись на сѣверъ, оставивъ поле степнымъ кочевникамъ. Только по теченію рѣкъ, преимущественно судоходныхъ, были оставлены старые или устроены новые города для защиты отъ варваровъ какъ Русскаго порубежья, такъ и караванов торговыхъ судовъ. Этимъ объясняются слова лѣтописца XI в. о городахъ Улучей и Тиверцевъ, бывшихъ въ его время на Поптійскомъ поморьи: „Суть грады ихъ и до сего дне". Разсматривая теперешнія карты этой области, мы находимъ въ ней множество мѣстностей, названія которыхъ Градъ, Градешца, Градешти, Брапешти едва-ли не указываютъ на существовавшій здѣсь рядъ укрѣпленій. Сюда же, можетъ быть, относятся мѣстности съ названіями, обычными въ древней Руси для княжескихъ городовъ (Володиміра, Василевъ, Васильковъ). Такъ по Пруту ниже Черновица (въ спискѣ городовъ Чернавскій Торгъ) обращаютъ на себя вниманіе селенія Брапешти и два Василеуцы (въ Бѣлецкомъ у., выше Скуляпъ), Влодомира на правомъ и Брапешти на лѣвомъ берегу (къ в. отъ Гирлеу), Василипа ниже Скулянъ, нѣсколько на сѣверо-востокъ отъ Яссъ; далѣе на востокъ: Болградъ (Табакъ) въ сѣверномъ углу озера Алпуха (на южной окраинѣ Нижняго Троянова вала), Градина или Чейпи на р. Катлабухѣ (почти на одной широтѣ съ Кагу-

ломъ), Острогъ на Киргижѣ, Градешту на р. Кагальникѣ или Кундукѣ, Городище на р. Быкѣ къ с. з. отъ Кишинева; по Днѣстру ниже Василева, Бакоты, Старой Ушицы и Калюса, упоминаемыхъ лѣтописью — Василеуцы въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бронице подъ Могилевомъ, Василькеу ниже Сорокъ, при устьи Ильшанки (близь него ручей Ситиска) и ниже его два Городища, къ западу отъ которыхъ, на одной широтѣ Гельчепы въ Бѣлецкомъ у. Бѣлградъ, т. Аккерманъ на Днѣстровскомъ Лиманѣ существовалъ уже до X в., по свидѣтельству Константина Порфирородиаго. Всѣ эти мѣстности требуютъ археологическихъ разысканій, которые одни могутъ привести къ сколько нибудь положительнымъ результатамъ; но нельзя не замѣтить, что, если оставить въ сторонѣ Аккерманъ и провести линію отъ Галаца и Килін къ Днѣстру черезъ самые крайніе на югѣ изъ названныхъ пунктовъ (т. е. Болградъ, Градину или Чейши, Градешти, что на Кагальникѣ, Пересѣчину, что между Оргѣевымъ и Кишиневымъ), къ Днѣстровскимъ городищамъ, или къ Василькеу (въ Сорокскомъ у.), то эта линія пройдетъ на сѣверъ, съ небольшимъ уклономъ къ востоку почти въ прямомъ направленіи, — обстоятельство, которое отнимаетъ у пея характеръ случайности и дастъ нѣкоторое основаніе предполагать что этотъ систематическій рядъ укрѣпленій могъ быть вызванъ порубежными отношеніями Галицко-русскихъ владѣній на юго-востокѣ съ степью. Замѣтимъ, что здѣсь, въ треугольникѣ, образуемомъ Днѣстромъ и этой линіей, слѣдуетъ искать упоминаемыхъ въ лѣтописи мѣстностей — Кучелмина (1159. Ипат. 86, 161) и Плава (1213, ibid. 164) [208]).

Что касается сѣверо-восточной границы Теребовльско-Перемышльской земли, то слѣдуетъ, кажется, принять, что она шла отъ крайнихъ Теребовльскихъ владѣній на югѣ по водораздѣлу между Днѣстромъ и В. Бугомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ началѣ XII в., область Буга принадлежала Кіевскому княженію. Подъ 1146г. въ ней указываются Кіевскіе гор. Прилукъ, (Лавр. 1146), Меджибожье и Бужескъ (Ипат. 25); нѣсколько же ниже ихъ за Бугомъ—если взять со стороны Кіева –начиналось Половецкое поле; въ тоже время Подпѣстровскіе гор. Василевъ (1229 Ипат.

170.), Ушица (1144, 11, 95), Бакота (1249. Ипат. 179); Каліусъ (1241, ibid. 180) являются въ Галицкихъ владѣніяхъ, — что́ и дастъ основаніе предполагать о принадлежности всей области Днѣстра съ лѣвыми притоками этой рѣки (Буша, Мурашка, Дерла, Немія, Карпецъ, Ушица, Студеница, Терпава, Смотричъ, Жванецъ, Збручъ, Никлавъ, Середъ) къ Теребовльской землѣ. При этомъ не льзя не замѣтить, что обыкновенно границею между Галицкими и Волынскими владѣніями полагается р. Днѣстръ, такъ что лѣвые притоки его относятся къ Волыни, и въ тоже время Ушица и Бакота, лежащіе на лѣвомъ же берегу Днѣстра, къ Галичу. Такое опредѣленіе границъ основывается на томъ, что Каменецъ, не разъ упоминаемый въ южно-русскихъ лѣтописяхъ при изложеніи событій XII — XIII вѣковъ, какъ Волынскій городъ, пріурочиваютъ къ теперешнему Каменцу Подольскому; но изъ разбора всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ городѣ оказывается, что его слѣдуетъ искать не на юго-западѣ Волыни, а на юго-востокѣ ея, не въ Подднѣстровьи, а въ Погорыни, не на Галицко-Волынской межѣ, а на границѣ Волыни съ Кіевомъ и степными кочевниками, всего вѣроятнѣе въ теп. м. Каменкѣ, на лѣвомъ берегу Случи въ южной части Новградъ Волынскаго у. [209]). Нѣсколько обстоятельнѣе опредѣляется Теребовльская межа со стороны Володиміря, хотя и относительно ея мы находимъ немногое въ Начальной лѣтописи. Она шла на сѣверо-западъ отъ истоковъ Восточнаго Буга отрогами Авратынскихъ горъ, по теперешней Австро-русской границѣ, на югѣ Кремпецкаго уѣзда, слѣдуя изгибу верхняго Середа. Здѣсь позднѣе мы видимъ Галицкіе порубежные города: Збыражъ (1211. Ипат. 160) теп. Збаражъ, Моклековъ (ibid.), можетъ быть, тамъ, гдѣ теперь дер. Милековъ въ 1 милѣ къ ю. з. отъ Олексинца, Быковецъ (ibid.), можетъ быть, теп. Быковъ, на западъ отъ Милекова, по ту сторону истоковъ западнаго Буга, и Плесневъ или Прѣснескъ (1188. Ипат. 137, 173), котораго слѣды, окопы и курганы, уже поросшіе лѣсомъ, указываются у самыхъ истоковъ Середа близъ селенія Подгорца (Карт. Шуб. № 40. Подгорче). Отъ верховьевъ Середа межа направлялась прямо на западъ, пересѣкая Западный Бугъ между Голы-

ми горами, Галицкимъ поселеніемъ или урочищемъ (1144. Ипат. 20, 171), на мѣстѣ теперешняго м. Гологоры, и Бужескомъ (1097. Лавр. 113) тепер. Бускъ (въ Злочевскомъ округѣ Галиціи) принадлежавшимъ тогда Володимірскому княженію: здѣсь слѣдуетъ искать порубежную мѣстность Рожне Поле (1097), которая, по яспому указанію лѣтописнаго извѣстія 1144 года, находилась именно между верховьями Середа и Голыми Горами [210]). Отъ Буга граница принимала снова сѣверо-западное направленіе, въ началѣ XIII в. она шла между Галицкими городами Звенигородомъ, что къ юго-востоку отъ Львова, Щекатовымъ, слѣды котораго указываются къ сѣверу отъ Львова, въ городищѣ близь села Глиняка въ Жолкѣвскомъ округѣ и повѣстѣ, и Волынскими землями, Белзской и Червенской, можетъ быть, по ручьямъ Полтеву и Ярычевкѣ, на теперешній Потеличъ, подъ которымъ скрывается лѣтописный Теличъ [211]), къ водораздѣлу между Саномъ (Любачовка, Тапевъ) Бугомъ (Солоки, Гучва) и Вѣпремъ, гдѣ начинался Галицко-Лядскій рубежъ.

Таковы были границы Перемышльско-Теребовльской земли. Относительно же границъ между самими удѣлами Теребовльскимъ и Перемышльскимъ въ концѣ XI в., совпадавшихъ, какъ можно думать, съ старыми Перемышльско-Червенскими межами, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Замѣтимъ однако, что въ XIII в., когда значеніе Червеня и Теребовля, центровъ Червенской земли, перешло къ Галичу, собственно Галицкая земля начиналась на западъ отъ р. Бобрки, лѣваго притока Днѣстра, и простиралась до Ушицы съ одной и Прута съ другой стороны (Ипат. 169); тогда какъ горная Перемышльская страна занимала верхнее теченіе Днѣстра, простираясь по Угорскимъ горамъ и его отрогамъ (1226 Ипат. 170). Очень можетъ быть, что именно это разграниченіе имѣло основу въ старыхъ земельныхъ межахъ Перемышльской и Червенской земли, въ этнографическихъ границахъ древнихъ Хорватскихъ и Дулѣбскихъ поселеній. Это предположеніе подтверждается отчасти и топографической номенклатурой: къ западу отъ Бобрки и Зубры мы видимъ Хорватскія названія мѣстностей: Хорбаче на Ширѣцѣ, Хорбула и т. д.; къ востоку-Дулѣбскія и Бужскія: Дулибы и рядомъ съ

нимъ Подбужье, близъ р. Липы; тутъ же Черче (Червче), Бущъ и т. д.

Въ предѣлахъ Перемышльской земли, кромѣ упомянутыхъ уже города Перемышля на рр. Санѣ и Вягрѣ, и порубежнаго Рожпя-Поля между Середомъ и Западнымъ Бугомъ, Начальной лѣтописи извѣстны еще только слѣдующіе города: Теребовль (1097 Лавр. 110), теп. Трембовля на Гнѣзнѣ, лѣвомъ притокѣ Середа, Микулинъ (Поуч. Моном. ibid. 103) и Звенигородъ (1886, ibid. 86), положеніе которыхъ опредѣляется различно. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XII в. Микулинъ прямо указывается на р. Середѣ, на правомъ берегу котораго и теперь есть гор. Микулинцы, между Тарнополемъ и Чертковымъ; къ этому Микулинцу, безъ всякаго сомнѣнія, пріурочивается Микулинъ Поученія Мономахова [212]); но нѣсколько позднѣйшему извѣстію, въ 1144 году, въ войну Всеволода Ольговича Кіевскаго съ Володимірком Галицкимъ, Микулинъ былъ занятъ союзникомъ Всеволода Изяславомъ Давыдовичемъ, вмѣстѣ съ Ушицею (Лавр. 135). Это извѣстіе подало поводъ искать Микулина близъ Ушицы, и пріурочивать его къ теперешнему сел. Микулинцы къ с. з. отъ Ушицы (Подольской губерніи), на р. Згарѣ Южскаго бассейна [213]). Но такое предположеніе едва ли можетъ быть принято. Оно опровергается отчасти тѣмъ, что Южскій бассейнъ вообще принадлежалъ Кіевскому княженію, — и на немъ не могло быть Галицкихъ городовъ; но болѣе всего самими обстоятельствами похода 1144 года: Изяславъ Давыдовичъ шелъ на соединеніе съ Всеволодомъ, стоявшимъ у верховья Западнаго Буга, съ Половцами, слѣдовательно изъ степи, съ юго-востока, и по дорогѣ занялъ Ушицу на Днѣстрѣ; за тѣмъ его путь лежалъ прямо на с. з. къ Середу, на берегахъ котораго стояли Володимірко и Всеволодъ, и слѣдовательно къ Микулину на Середѣ, между тѣмъ Микулинцы на Згарѣ лежатъ къ с. в. отъ Ушицы; очень вѣроятно, что именно появленіе Изяслава на правомъ берегу Середа заставило Володимірка уклониться вверхъ по Середу къ Рожню Полю, Голымъ Горамъ и Звенигороду, что̀ подо Львовомъ. Относительно Звенигорода 1086 г., надо замѣтить, что̀ положеніе его неопредѣлимо, такъ какъ изъ событій первой

половины XII вѣка открывается, что въ Галицкой землѣ было два Звенигорода: одинъ на мѣстѣ тен. Дзвинигорода къ ю. в. отъ Львова, а другой на лѣвомъ берегу Днѣстра между устьями Середа и Збруча, — изъ извѣстія же 1086 года не видно, который изъ нихъ могъ имѣть въ виду лѣтописецъ.

Что касается Володимірскаго княженія, то какъ мы видѣли въ періодѣ, обнимаемый Начальной лѣтописью, оно является въ зависимости отъ Кіева, въ тѣсной связи съ нимъ. Оно было окружено съ сѣвера, востока и юга Кіевскими владѣньями, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется эта зависимость, съ сѣверо-запада Лядскими, съ юго-запада Перемышле—Теребовльскими (впослѣдствіи Галицкими). Въ эпоху Начальной лѣтописи оно занимало юго-восточную часть Вислянскаго бассейна, верхнее теченіе Вѣпря до устья Быстрицы, верхнее Побужье по З. Бугу, и его притокамъ Распѣ, Солокамъ, Гучвѣ, Угеру и Влодавѣ до устья Влодавы, и верхнюю часть Припети по ея лѣвымъ притокамъ, Выжвѣ, Турьи, Стыри до Горынскаго бассейна на востокѣ. — Въ основаніе его политическихъ границъ легли, вѣроятно, въ общихъ чертахъ древніе рубежи Бужанъ или Волынянъ съ Мазовшею съ одной стороны, съ Кривскими и Дреговскими поселеніями съ другой. Ближайшее опредѣленіе этимъ границамъ можно сдѣлать только на основаніи свидѣтельствъ XII — XIII в. Начальная лѣтопись указываетъ, какъ пограничные или вѣрнѣе ближайшіе къ Лядской границѣ пункты Волынь (на Бугѣ) Червень (на Гучвѣ) [214]), Броды; по нѣтъ сомнѣнія, что и до XII в. Лядско-Волынскій рубежъ шолъ далѣе на сѣверо-западъ или по Вѣпрю, или по водораздѣлу между Вѣпремъ и Быстрицей, и отъ устья Быстрицы на с. в. по р. Влодовѣ къ З. Бугу, — между Люблинскою землю Ляховъ и Волынскою украйной (1213. Ипат. 160), въ которой въ началѣ XIII в. и вѣроятно уже ранѣе находились города Угровескъ (1203 Ипат. 157, 160), т. Угрускъ, и близъ него Воля Угруйска, къ югу отъ Влодавы, нѣсколько ниже устья Угера — (на картѣ Шуб. № 33 Изера) — Верещинъ (ibid,), Столпье (1203 Ипат. 157, 160), можетъ быть, тамъ, гдѣ теперь Столпе къ с. з. отъ Холма и Комовъ (ibid). тен. Кумовъ, къ югу миляхъ въ 2 отъ Холма;

русскіе города и поселенія — Щекаревъ (1219. Ипат. 162, 210) на мѣстѣ тен. Краснослава, Орельскъ (1204. Ипат. 157), можетъ быть тамъ, гдѣ нынѣ Орловъ Древляны, Орловскій Майданъ, Воля (къ ю. отъ Краснослава) Бусовно и Охожа (1248. Ипат. 182), вѣроятно, тен. Бусовно на дорогѣ изъ Краснослава во Влодаву, на одной широтѣ съ Угровскомъ, и къ югу отъ нея сел. Оцкоржа, — Андреевъ (1245. Ипат. 181 т. Андреево на Влодавѣ, нѣсколько ниже Верещина) [215]) и уроч. Сухая Дорогва (1213. Ипат. 160, можетъ быть на мѣстѣ тен. двухъ деревень Сухавы на Влодавѣ же верстахъ въ 10 отъ м. Влодавы)—эти Русскія мѣстности даютъ возможность точнѣе опредѣлить сѣверо-западную границу Волыни со стороны Лядской земли.

Съ сѣвера и востока къ Володимірской землѣ прилегали владѣнія Кіевскаго княженія, въ которыхъ ближайшимъ къ ней пунктомъ на З. Бугѣ, мы видимъ городъ Берестье [216]). Весьма вѣроятно, что съ этой стороны граница, начинаясь отъ устья Влодавы, такъ какъ по этой рѣкѣ находились Володимірскія поселенія, — шла къ верховьямъ Припети и по правой сторонѣ этой рѣки, захватывая устья ея притоковъ, Турьи, Стохода и Стыри, за тѣмъ на ю. по водораздѣлу между Стыремъ и Горынью до р. Вильи, впадающей въ Горынь у Острога. На этой чертѣ Начальная лѣтопись указываетъ Волынскія мѣста: Турійскъ (1097. Лавр. 114) тен. Турійскъ на р. Турьи въ Ковельскомъ уѣздѣ, на дорогѣ изъ Ковеля во Владиміръ, и Черторыескъ (1101. Лавр. 1161 тен. Черторискъ на Стыри въ Луцкомъ у.), а изъ Кіевскихъ кромѣ Берестья и Выгошева [217]), Пинскъ и Дорогобужъ (тен. Дорогобужъ на Горыни, къ в. отъ Ровна). Въ извѣстіяхъ послѣдующихъ вѣковъ мы находимъ однако болѣе подробныя указанія. Такъ въ половинѣ XIII в. въ окрестностяхъ Турійска — ближе къ Припети указываются города: Камень (1262. Ипат. въ текстѣ ошибочно Каменецъ, — стр. 200, — тен. Камень Каширскій къ с. отъ у. г. Ковеля), Мельници (ibid. тен. Мельницы на р. того же имени, лѣвомъ притокѣ Стохода, къ в. отъ Ковеля), — и Небль гор. (на озерѣ Небелѣ, по лѣвую сторону Припети къ ю. з., миляхъ въ 6—7 отъ Пинска), — стоявшій, по

смыслу лѣтописнаго извѣстія, на самой границѣ Волыни съ Турово-Пинскими землями [218]). На восточномъ порубежьи сл, слѣдуетъ, кажется, искать Городно, составлявшій въ первой половинѣ XII в. удѣлъ князя Всеволодка, внука извѣстнаго Давида Игоревича. Если это дѣйствительно тен. м. Городно, въ Пинскомъ у., на границѣ съ Ровенскимъ между Стыремъ и Горынью, въ такомъ случаѣ рубежъ надо положить по лѣвому берегу Горыни; впрочемъ Дубровица (1183. Ипат. 127. т. Домбровицъ миляхъ въ 5 къ ю. отъ Городна) Городескъ, къ которому можетъ относиться извѣстіе 1257 г. (Ипат. 197. тен. сел. Городецъ, миляхъ въ 5 къ югу отъ Домбровицы [219]), Степань о которомъ помпнается въ извѣстіи 1292 г. (Ипат. 226. миляхъ въ трехъ къ югу отъ Городца), — принадлежавшіе къ Турово-Пинскимъ землямъ (Карамз. IV. прим. 175, стр. 76 Солов. II, прим. 471), — всѣ эти городки лежатъ на лѣвомъ берегу Горыни и могли составлять рядъ Кіевскихъ (Турово-Пинскихъ) укрѣпленій на Волынскомъ рубежѣ. Слѣдя далѣе на югъ вверхъ по теченію Горыни еще въ половинѣ XII в., мы встрѣчаемъ Волынскіе города: Чимеринъ (тен. Чемеринъ на с., миляхъ въ 4, отъ Дубна на рѣкѣ Путиловкѣ, близъ впаденія рѣчки съ очевидно новѣйшимъ названіемъ Миловидки, которая могла прежде называться Олыкой), Муравицу (1149 г. Лавр. 140), тен. Муравица на Иквѣ ниже Дубна, миляхъ въ 2; Дубенъ, Кременецъ (1226. Ипат. 166), и противъ нихъ Кіевскіе города: Пересопница на Стублѣ (1150. Ипат 49 на с. з. отъ Ровна). Зарѣцкъ (1150. Лавр. 142 Ипат. 54), и Мыльскъ (ibid. тен. Старый Мильскъ на р. Устьи, нѣсколько выше Ровна, и нѣсколько ниже его Кіевскій же городъ Рогачовъ почти прямо къ востоку отъ Пересопницы. По этимъ указаніямъ, Волынскій рубежъ съ Кіевскою Погорипою (т. е. областью по р. Горыни) на югъ отъ Туровскаго порубежья, опредѣляется довольно подробно волокомъ между параллельно текущими притоками Горыни Путиловкой съ Миловидкою съ одной стороны и Стублей съ другой, гдѣ теперь — по случайному совпаденію, или на старой основѣ — проходитъ Ровенско-Луцкая граница, и вверхъ по Стублѣ къ верховьямъ Горынскихъ притоковъ, Збытенки, Устьи и Вельи (Вильи Ипат. 172). по водораздѣ-

лу между этими рѣками и Иквой. Городъ Шумскъ на р. Вилiи принадлежалъ какъ кажется въ половинѣ XII в. къ Кіевскимъ городамъ (1149 г. Лавр. 140): по крайней мѣрѣ подъ 1152 годомъ онъ названъ въ числѣ Русскихъ городовъ, въ противуположность Галицкихъ, и сверхъ того рядомъ съ Бужскомъ и Выгошевымъ несомнѣнно уже Кіевскими городами (Ипат. 69). Изъ описанія событій XIII вѣка видно, что тогда крайнимъ южнымъ пунктомъ Волынскихъ владѣній былъ Торчевъ или Торцьвьскъ, лежавшій въ гористой мѣстности къ западу отъ Шумска и р. Вилiи (1231. Ипат. 172, 173), можетъ быть тамъ, гдѣ теперь Старый Тараж въ юго-западной части Кременецкаго у., верстахъ въ 3 къ югу отъ Почаева (на р. Иквѣ) [220]). Что касается юго-западной Галицко-Волынской границы, уже описанной нами, то на ней извѣстны Волынскіе порубежные города, начиная отъ верховьевъ Гучвы: Бельзъ (1030. Лавр. 64; Ипат. 52 и т. д., теп. Бельзъ на р. Солокахъ), Бужскъ (1097. Лавр. 113, — теп. Бускъ въ Злочевскомъ округѣ), Перемиль (1195. Ипат. 142, 173) теп. Перемель на Стыри, въ Луцкомъ у. верстахъ въ 10 отъ Австрійской границы, и нѣсколько ниже его на Стыри же Боремль, Броды (Поуч. Моном. Лавр. 103), теп. Броды на р. Сухой Цилькѣ, правомъ притокѣ Стыря, — и Всеволожъ (1097. Лавр. 113), точное положеніе котораго остается неопредѣлимымъ [221]). Въ предѣлахъ Волыни, кромѣ упомянутыхъ уже городовъ Червеня, Бужьска, Острога, Бельза, Турійска, Черторійска, Бродъ, Перемиля, Начальная лѣтопись знаетъ еще Волынь, подъ которой въ 1018 году была битва Ярослава съ Святополкомъ и союзникомъ его Болеславомъ (ibid. 62), а въ 1077 году состоялся миръ между Ярославичами — Изяславомъ и Всеволодомъ (ibid. 85); положеніе его указывается въ теп. сел. Гродекъ при сліяніи Гучвы съ Западнымъ Бугомъ; на востокъ отъ него Володимерь, стольный городъ Володимерьскаго княженія (988 ibid. 52, 72, 87, 88, 113, 110), Луческъ (1075 — 88, теп. Луцкъ на Стыри же); къ сѣверо-западу отъ него Шеполь (1097 — 112, теп. сел. Шепель на Ставѣ, лѣвомъ притокѣ Стыря въ Луцкомъ уѣздѣ), и на юго-востокъ Дубенъ (1100. Лавр. 116, теп. Дубно на Иквѣ).

Глава VI. Славяно-русскія вѣтви на юго-западномъ побережьи Днѣпра: Дреговичи, Древляне, Поляне. Ихъ первоначальный разселенія. Подчиненіе ихъ русскимъ князьямъ. Образованіе Кіевскаго княженія. Его границы. Лядско-Кіевскій рубежъ; рубежъ Ятвяжско-Литовскій. Область Новгородокская. Полоцкое порубежье. Кіевскія владѣнія по ту сторону Днѣпра. Южныя границы Кіевскаго княженія. Ихъ измѣненія въ эпоху Начальной лѣтописи. Укрѣпленныя мѣста. Поросье и Побужье. Рубежъ Кіево-Галицкій и Кіево-Волынскій. Населенныя мѣста Кіевскаго княженія.

На сѣверо-востокъ отъ Дулѣбовъ или Волынянъ, въ области Припяти и къ югу отъ этой рѣки, на пространствѣ между Стыремъ и Днѣпромъ, разселились Славяне Дреговичи (Дреговичи, Другвичи), Древляне (Дерева, Древляне), и Поляне (Поли). По указанію Начальной лѣтописи, Дреговичи [222]) жили между Припетью и Западною Двиною, такъ, что принимая это извѣстіе въ буквальномъ смыслѣ, слѣдовало бы допустить, что кромѣ побережьевъ сѣверныхъ притоковъ Припети, имъ принадлежали области Нѣмана и Вилін съ одной стороны, и лѣвыхъ притоковъ Днѣпра — Дручи и Березины съ другой; но между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть Нѣманскаго и Вилейскаго бассейна съ глубокой древности была занята Литовскими племенами, а полость Березины и Дручи, по точнымъ опредѣлительнымъ свидѣтельствамъ лѣтописей, относящимся къ событіямъ начала XII вѣка, была заселена Кривскою вѣтвью Славянъ. Такъ въ 1116 году Глѣбъ Всеславичъ Полоцкій повоевалъ Дреговичей и сжегъ городъ ихъ Слуцкъ, что на Припетскомъ притокѣ Случи (теп. уѣздный городъ Минской губ.),—и Владиміръ Мономахъ въ отмщеніе за это сжегъ Полоцкій городъ Минскъ (Ипат. 7). Въ 1127 г. Мстиславъ Мономашичъ отправилъ союзныхъ князей на Кривичей, на города ихъ: Изяславъ, Борисовъ, Логожскъ, которые, какъ и Минскъ, находятся въ области Березины, и на Дрьютескъ, теп. Друцкъ на Дручѣ (Лавр. 130). Подъ 1149 годомъ Ипатьевская лѣтопись называетъ главными пунктами всѣхъ Дреговичей Клеческъ, теп. Клецкъ у верховьевъ Припетскаго притока Лани, и Слуцкъ (стр. 45). Въ виду такихъ ясныхъ и положительныхъ данныхъ, нѣтъ никакихъ основаній принимать дословно извѣстіе Начальной лѣтописи о разселеніи

Дреговичей; можетъ быть, слѣдуетъ допустить только, что лѣтописецъ, отмѣчая области ихъ между Припетью и Двиною, имѣлъ въ виду не болѣе, какъ указать, что поселенія этого племени или земля Дреговичей въ его время, т. е. въ концѣ XI в., лежали къ сѣверу отъ Припети по направленію къ Западной Двинѣ. Собственно область Дреговичей ограничивалась на сѣверѣ волокомъ или водораздѣломъ между лѣвыми притоками Припети съ одной стороны и съ другой—полостью Нѣмана, занятою, какъ мы полагаемъ, въ эпоху Начальной лѣтописи Ятвягами и полостью Березины, заселенною уже Кривскими Славянами. Съ подчиненіемъ Ятвяговъ, когда главныя массы ихъ подвинулись далѣе на сѣверо-западъ, внизъ по Нѣману, въ сосѣдство съ Пруссами, — Дреговичи съ юга и Кривичи съ востока перешли въ Понѣманье, котораго географическая номенклатура въ области, лежащей ниже Нѣманскихъ притоковъ Сервеча съ лѣвой, и Березины съ правой стороны, представляетъ признаки, общіе всѣмъ землямъ занятымъ позднѣйшею Славянскою колонизаціею, — а именно гидрографическія названія преимущественно иноязычнаго происхожденія (Щарья, Зельва, Жижма, Дитва, Котра и т. д.), топографическія же преимущественно Славянскаго. Слѣды Дреговскаго или Дороговскаго населенія въ области Припети сохранились, можетъ быть, въ названіяхъ теперешнихъ населенныхъ мѣстъ: Дороги и Старые Дороги на рѣкѣ Оржицѣ, притокѣ Птича, (на шоссе изъ Слуцка въ Бобруйскъ), Дричиново, на волокѣ между Птичемъ и Свислочемъ Березинскимъ, Дорошевичи (?) на Припети къ востоку отъ Турова, Дрогичинъ къ с. з. отъ Пинска, и близъ него на сѣверѣ Доргужа, рядомъ съ Ятвеземь; рѣчка Доргобужа, текущая изъ озера Горнаго въ Яцольду, на ней Здитовъ; затѣмъ — въ области Нѣмана: Дорогова или Дорогва на Сервечѣ близъ селеній Ятвизь и Литовщизна (къ ю. в. отъ Новогрудка), Дороглины между рѣками Щарою и Зельвянкою (въ сѣверо-западномъ углу Слонимскаго уѣзда); Дригиния рѣчка, черезъ Гривду вливающаяся въ Щару (Слонимскаго уѣзда), и на ней нѣсколько селеній этого имени; къ ю. в. отъ нихъ Деречинъ, Дорогичинъ между Зельвянкою и Россою, близъ м. Изабелина на юго-западъ отъ Ятвезей, что

подъ Волковыскомъ; Деречинъ, предмѣстье г. Пружанъ и Дречаны на водораздѣлѣ между Нѣманомъ и Бугомъ, къ ю. з. отъ Свислоча и находящихся близъ него Ятвизей и Ятвѣзка. Какъ кажется, населеніе Дреговичей простиралось на западъ въ область Западнаго Буга, съ которымъ Припеть стоитъ въ тѣсной связи черезъ Мухавецъ, и такимъ образомъ оно охватывало сѣверную окраину Дулѣбской области. Къ этой мысли приводятъ во первыхъ то обстоятельство, что Побужье, къ сѣверу отъ предположенныхъ нами предѣловъ Червенской земли, первоначально принадлежало непосредственно къ Кіевскому княженію, во вторыхъ названія урочища Сухой Дороговы, въ XIII вѣкѣ бывшаго близъ границы Волынско-Польской, и селеній, находящихся теперь въ Побужьи: Дорогуска на Бугѣ, къ западу отъ Холма, Дорогуча на Вепрѣ, къ сѣверу отъ Краспостава, и далѣе на сѣверъ: Дорогичинъ на Бугѣ, — къ сѣверо-западу отъ него Дроглинъ на дорогѣ въ Брянскъ, Дорожки на Наревѣ, къ югу отъ Бѣлостока, Дрига, близъ Суховоля и извѣстныхъ намъ Ядвижей. Такимъ образомъ, поселенія Дреговичей начинаясь у волока между Березиной и Птичемъ, тянулись на западъ, сначала соприкасаясь съ инородцами въ области Нѣмана, а потомъ занимая эту область, — къ Бугу, за которымъ они сливались съ Мазовецкимъ племенемъ Ляховъ, — и на сѣверъ къ Нареву и Бобру, гдѣ они отдѣлялись болотами и лѣсами первопачально отъ Пруссовъ, а можетъ быть уже съ XII вѣка отъ Ятвяговъ. Южными окраинами своими они сближались съ разселеніями Дулѣбовъ. По крайней мѣрѣ на южныхъ притокахъ Припети до сей поры названія нѣкоторыхъ мѣстностей обнаруживаютъ сродство съ племеннымъ ихъ именемъ,—каковы напр. Старый Дорогинь, къ ю, в. отъ Овруча на Норинѣ, Доротичи (?) на Случѣ, Дорогобужъ (XI вѣка) на лѣвомъ берегу Горыни, Дорогицы у города Острога, недалеко отъ сел. Дулибы: эти пункты могутъ указывать на крайнія юго-западныя поселенія Дреговичей, въ области Горыни, или, какъ она была извѣстна въ древности, въ Погоринѣ. Замѣтимъ здѣсь, что причины раздора въ XII в. между Володимірскими и Кіевскими князьями, раздора, предметомъ котораго служила Погорина съ своимъ центральнымъ

городомъ Дорогобужемъ, могли скрываться въ смѣшанности населенія этой области (Дулѣбы и Дреговичи), и въ нарушеніи русскими князьями старыхъ земельныхъ межей, которое запутало права и притязанія, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Къ востоку отъ Дреговичей, жили Древляне (Деревля, Дерева), получившіе свое названіе, по объясненію лѣтописца, отъ лѣсистой мѣстности, занятой ими: „зане сѣдоша въ лѣсѣхъ". Весьма вѣроятно, что первоначально „Дерева" было нарицательнымъ именемъ вообще для жителей Полѣсья, какъ теперь „полѣсовщикъ, полѣщукъ, полѣха", извѣстно, что одна изъ Новгородскихъ пятинъ, отличавшаяся лѣснымъ характеромъ мѣстности, называлась Деревской. Но уже за долго до основанія Русскаго государства, Древляне обособились отъ другихъ Славянскихъ вѣтвей, возникла Деревская съ центральнымъ городомъ Искоростенскемъ [223]). Такими они являются уже въ преданіи, сохранившемся изъ глубокой древности о томъ, что вскорѣ, по смерти Кія и его братьевъ, Поляне „быша обидимы Древлями (Лавр. 7). Для ближайшаго опредѣленія положенія Деревской земли служатъ немногія извѣстія, которыя представляетъ Начальная лѣтопись, и которыя дополняются отчасти лѣтописными указаніями изъ XII — XIII в. Въ половинѣ X в. изъ многихъ городовъ Деревской или Древлянской земли, Начальная лѣтопись называетъ Искоростень и Овручъ, оба въ области Уши, лѣваго притока Припети; но нѣтъ сомнѣнія, что, не ограничиваясь одною этою областью, она занимала гораздо большее пространство между Дреговичами и Полянами, Западная граница ея подходила къ Туровской области, то есть къ землѣ Дреговичей; это видно изъ раздѣла между дѣтьми Владиміра Святаго, когда Святополкъ былъ посаженъ въ Туровъ, а Святославъ въ „Деревѣхъ". За тѣмъ она спускалась на югъ, параллельно Горыни и Случи, замыкая собою съ запада обширный лѣсъ, извѣстный подъ именемъ Чортова, въ этомъ лѣсу, который тянулся на востокъ отъ Случи (Ипат. 174) до рѣки Уши (Лавр. 141, Ипат. 54), еще въ XIII в. рѣка Деревная напоминала собою уже сгладившуюся тогда въ Русскомъ мірѣ Деревскую землю [224]). На югѣ она соприкасалась, по извѣстію Константина Порфиророднаго (De

admin. Imper. cap. 37 p. 166) съ однимъ изъ Половецкихъ племенъ: это было по всей вѣроятности въ верхнемъ теченіи Случи, гдѣ теперь, въ Новградъ-Волынскомъ у., близъ Подольской границы, находятся селенія Деревичъ и Деревичка, можетъ быть въ той самой мѣстности, гдѣ въ XIII в. былъ Болоховскій городъ Деревичъ [225]). Далѣе на востокъ она прилегала къ землѣ Полянъ, собственно къ Кіевской землѣ, захватывая, какъ кажется, область Тетерева; по крайней мѣрѣ изъ извѣстія о набѣгѣ Половцевъ на Кіевскую землю въ 1136 году видно, что Деревская земля была недалеко отъ Кіевскаго Вышегорода, что на Днѣпрѣ: Половцы повоевали тогда до Вышегорода и до Деревъ (Ипат. 14). Въ такомъ случаѣ на сѣверо-западѣ она упиралась въ Днѣпръ. Что касается сѣверной ея межи, то по извѣстію Начальной лѣтописи о разселеніи Дреговичей на сѣверъ отъ Припети, ее слѣдовало бы положить именно по этой рѣкѣ; но мы видѣли уже, что это указаніе лѣтописи вообще нельзя принимать буквально. На отмѣченномъ нами пространствѣ, кромѣ уже названныхъ нами мѣстностей Деревскаго наименованія, теп. сел. Деревище къ западу отъ Мозыря, верстахъ въ 25, Чередеревь ручей къ югу отъ Мозыря могутъ напоминать собою древнюю Деревскую землю. Сверхъ того, въ сосѣднихъ областяхъ мы находимъ Деревокъ къ западу отъ м. Любимова, у Стохада, уроч. Деревище къ с. з. отъ Нобля, Деревяни въ сѣверной части Дубенскаго у., и въ области Нѣмана: Деревная близъ Нѣмана въ восточной части Новогрудскаго у., Деревная, на юго-западѣ того же у., на Тартакѣ, къ с. з. отъ него Деревная на р. Иссѣ, правомъ притокѣ Щары, Деревянчицы къ югу отъ Слонима верстахъ въ 5.

Рядъ Славянскихъ племенъ въ юго-западномъ углу нашей равнины замыкали Поляне (Поли), занимавшіе нагорный берегъ Днѣпра. Предѣлы Польской или Полянской земли, насколько можно предполагать ихъ, основываясь на немногихъ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ, мы уже отчасти видѣли: на сѣверо-западъ по Тетереву она прилегала къ Деревской землѣ, на западѣ, — въ Погоринѣ, гдѣ на Случи и теперь есть старинный городъ Полонное, а къ сѣверу отъ него, въ Ровенскомъ уѣздѣ м. Поля-

ны, — къ южнымъ разселеніямъ Дреговичей, наконецъ на юго-западѣ, по среднему теченію Буга, къ Тиверцамъ, и на югѣ, можетъ быть, къ Улучамъ, впослѣдствіи отодвинувшимся къ Карпатамъ и за Днѣстръ. Во всякомъ случаѣ первоначальныя поселенія Полянъ спускались довольно далеко на югъ по теченію Днѣпра, и вѣроятно захватывали Днѣпровское побережье до самыхъ пороговъ, Славянскія названія которыхъ извѣстны уже съ X в. [226]). По мѣрѣ усиленія на западномъ берегу Днѣпра степныхъ кочевниковъ, Поляне стали подвигаться къ Кіеву подъ защиту основанныхъ по близости его княжескихъ городовъ, оставляя степи во владѣніи Азійскихъ пришлецовъ. Скоро однако они были принуждены уступить имъ и южную окраину своего княженія. Уже въ половинѣ XI в. побережья Роси и Восточнаго Буга, составлявшихъ южное порубежье Кіевскихъ владѣній, были заняты такъ называемыми Черными Клобуками, кочевниками признавшими надъ собою власть Русскихъ князей, и мало по малу привыкавшихъ къ осѣдлой жизни. Въ концѣ XI в., — какъ, увидимъ ниже, Славянскія поселенія едва ли простирались на югъ — съ одной стороны далѣе Стугны, съ другой Восточнаго Буга въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поворачиваетъ на юго-востокъ (близъ теперешней Подольско-Кіевской границы).

Земли Полянъ, Древлянъ и Дреговичей вошли въ составъ Кіевскаго княженія, которому придавалось по преимуществу названіе Руси, Русской земли. Земля Полянъ съ городомъ Кіевомъ сдѣлалась центромъ Русскихъ владѣній Рюриковичей съ 882 года. Древляне были присоединены къ нимъ въ — первые въ 884 году, а окончательно послѣ извѣстнаго возстанія ихъ противъ Игоря въ 945 году. При Святославѣ они составили удѣлъ втораго сына его Олега, а при Володимірѣ Святомъ удѣлъ князя Святослава Володиміровича, по смерти котораго Деревская земля или Дерева уже не отдѣлялась отъ Кіевскаго княженія во все время, обнимаемое Начальною лѣтописью. Время подчиненія Дреговичей Русскимъ князьямъ не извѣстно, но почти нѣтъ сомнѣнія, что и они, можетъ быть, еще при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ до-Рюриковичахъ вошли въ составъ Русскаго государства. По крайней мѣрѣ извѣстіе о войнахъ Аскольда съ

Полочанами даётъ основаніе предполагать непосредственное сосѣдство тогдашнихъ Кіевскихъ владѣній съ Полоцкою землею, а слѣдовательно и зависимость Дреговичей отъ Кіевскаго князя [227]). Константинъ Порфирородный, которому они извѣстны подъ именемъ Другувитовъ (Δρουγουβίται) называетъ ихъ въ числѣ Славянскихъ племенъ, данническихъ Руси (De admin. Imper. cap. 9. p. 79). Административнымъ центромъ ихъ земли былъ Туровъ. Владиміръ Святой отдалъ его сыну Святополку; такъ-что Туровъ составилъ тогда особое владѣніе, примыкавшее съ одной стороны къ Волыни, съ другой къ Деревской землѣ, удѣлу Святослава Володимировича [228]). По раздѣлѣ Русской земли между сыновьями Ярослава, Туровъ и тяготѣвшая къ нему земля Дреговичей являются уже принадлежащими къ Кіевскому удѣлу, состоятъ въ полномъ распоряженіи Кіевскаго князя [229]). Послѣ вторичнаго изгнанія Изяслава Ярославича, когда Кіевскимъ столомъ завладѣлъ Святославъ, Туровъ былъ уступленъ Мономаху, какъ то видно изъ его Поученія [230]), и оставался за за нимъ до перехода на Кіевскій столъ Всеволода. Всеволодъ перевелъ Мономаха въ Черниговъ, придавъ Туровъ къ удѣлу Ярополка Изяславича Володимірскаго (Лавр. 87). По смерти Ярополка Туровъ отдѣлился отъ Володиміря, и въ немъ княжилъ нѣкоторое время Святополкъ Изяславичъ (изъ 1088) Лавр. 89); но большую самостоятельность, какъ особый удѣлъ, Туровъ получилъ, только перейдя въ родъ Мономаховъ [231]) хотя и тогда Кіевскіе князья представляли на него права, какъ на Кіевскую волость (1141. Лавр. 135).

Такимъ образомъ въ половинѣ XI вѣка Кіевское княженіе лежало по нижнему теченію Западнаго Буга, Припети (за исключеніемъ юго-западныхъ ея притоковъ), Тетерева, Стугны, Роси, до Восточнаго Буга на юго-востокѣ. Оно было окружено Ляхами на западѣ, Пруссами на сѣверѣ, Литовско-Ятвяжскою землею и Полоцкимъ княженіемъ на сѣверо-востокѣ, Черниговскимъ на востокѣ, прилегало на югѣ къ кочевымъ степныхъ варваровъ, а на юго-западѣ къ Галицкимъ и Волынскимъ владѣніямъ. Болѣе точное опредѣленіе его рубежей можетъ быть сдѣлано только приблизительно, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія были

приняты нами при опредѣленіи границъ Галича и Волыни. — Лядско-Кіевскій рубежъ составлялъ продолженіе рубежа Лядско-Волынскаго. Начинаясь у рѣки Влодавы, [232]) онъ шелъ прямо на сѣверъ, захватывая западное побережье Буга, можетъ быть, къ теп. посаду Вогиню, въ которомъ видятъ старо-русское село Вонинъ, на границѣ съ Польшею, и въ окрестностяхъ котораго указываютъ остатки древняго порубежья [233]) мимо Берестья (1018. Лавр. 62. Бреста Литовскаго) къ западу отъ котораго на р. Кржнѣ [234]) находится теперь сел. Ляховка, — Дрогичина (Ипат. подъ 1142), къ югу отъ котораго на рѣкѣ, впадающей нѣсколько выше его въ Бугъ, мы видимъ теперь сел. Межки и Русаковъ, и къ западу и къ сѣверо-западу сел. Русски (на полдорогѣ къ Соколову), Бучикъ Русскій и Русска Строна (оба на дорогѣ изъ Соколова въ Нуръ); близъ нихъ с. Вратиновъ,—наконецъ мимо Нура (1102. Лавр. 117), къ болотистымъ низовьямъ Буга. — Отсюда Русскія владѣнія переходили, по всей вѣроятности, на правый берегъ Буга, простираясь по лѣсистой и болотистой мѣстности до самаго Нарева; по крайней мѣрѣ, если не пріурочивать къ теперешнему м. Андрееву на р. Брокѣ, русскій городъ Андреевъ, окрестности котораго были опустошены въ 1245 году Ляхами (Ипат. 181), [235]), мы видимъ здѣсь нѣсколько мѣстностей съ названіемъ Русь, каковы напр. Русь на р. Манкѣ, правомъ притокѣ Буга къ югу отъ Мазовецка, Русколонки къ с. з. отъ Андреева, близъ сел. Дрогашева, Драги, Острожна. Порубежнымъ на сѣверо-западѣ Руси Лядскимъ городомъ была Визна, при впаденіи Бобра въ Наревъ, въ 1146 году уступленная Лядскими князьями Межкомъ и Болеславомъ тогдашнему Кіевскому князю Всеволоду Ольговичу (Ипат. 18). Далѣе за Бобромъ, въ теперешней восточной Пруссіи, начинались земли, въ XIII столѣтіи, по указаніямъ нашихъ лѣтописей, занятыя уже Ятвягами, но въ XI в., по свидѣтельству Бруно, принадлежавшія еще Пруссамъ; въ разсматриваемую нами эпоху вся болотистая и лѣсная область, замыкаемая этою рѣкою на сѣверѣ, Нѣманомъ на востокѣ, верхнимъ Наревомъ на югѣ, Нѣманскимъ притокомъ Свислочемъ на юго-востокѣ и Бужскимъ — Брокомъ и Нурцомъ на юго-западѣ,

едва ли можетъ быть причислена къ Русскимъ владѣніямъ; даже болѣе — едва ли она не была занята въ то время инородческими (Ятвяжско-Литовскими) поселеніями, слѣды которыхъ, какъ мы уже видѣли, замѣтны не только здѣсь, но и далѣе вверхъ по Нѣману и на югъ, по водораздѣлу между Нѣманомъ съ одной стороны, Бугомъ и Припетью съ другой. — Эти слѣды исчезаютъ на южномъ побережьи верхняго Нарева; только здѣсь начиналось сплошное Славянское населеніе, и здѣсь слѣдуетъ предположить рядъ порубежныхъ укрѣпленій, которыми необходимо было оградить Русскія владѣнія отъ хищныхъ сосѣдей. — Въ XIII столѣтіи крайними Русскими городами на Литовской границѣ мы видимъ Бѣльскъ на Орлецкѣ, лѣвомъ притокѣ Нарева (1253, Ипат. 188), и основанный тогда же Каменецъ на Лосѣ, впадающей въ З. Бугъ (ibid. 207). Разсматривая за тѣмъ подробныя карты того края, мы видимъ на лѣвомъ побережьи Нарева, къ востоку отъ Андреева, цѣлый рядъ мѣстностей, которыхъ названіе даютъ основаніе предполагать въ нихъ остатки древняго укрѣпленнаго рубежа. Таковы: Грудокъ на Наревѣ и въ окрестностяхъ его — Стражи, Васильковъ, Стражники, Гродиско и т. п. (всѣ на юго-востокъ отъ м. Нарева); за тѣмъ нѣсколько къ сѣверу Гродекъ на верхнемъ теченіи Супрасли, ниже его, г. Васильковъ, къ сѣверу отъ котораго Городянска, Стражна на Сокольдѣ, къ с. в. отъ Василькова, Заславъ къ с. з. отъ Бѣлостока, а къ юго-западу отъ Бѣлостока сел. Городиспы на рѣчкѣ Городнѣ, Опи — по сосѣдству съ Ятвяжскими мѣстностями, отмѣченными нами выше. Далѣе на востокъ отъ верховьевъ Нарева до истоковъ Щары и Сервеча, впадающихъ въ Нѣманъ, первоначальный рубежъ шолъ по Нѣману, Принетскому водораздѣлу, вдоль южныхъ разселеній Ятвяговъ въ Понѣманьи. На него могутъ указывать теперешнія селенія (въ Пружанскомъ, Кобринскомъ, Слонимскомъ и Пинскомъ уѣздахъ), по верхнимъ теченіямъ р. Ясльды и Щары: Городяны, Воротна и Городецъ (что на Днѣпровско-Бужскомъ каналѣ), къ югу отъ Пружанъ, Осѣка и Подгородье къ востоку отъ Пружанъ, и къ ю. отъ Ятвезя, Городечна, притокъ Мухавца, Воротынчи на Мухавцѣ,

Стражовщина на Щарскомъ притокѣ Гривдѣ, три Городища у верхней Щары, Городники у самыхъ истоковъ Щары и Городище у истоковъ Сервеча. — Выше мы видѣли, что въ области на востокъ отъ верховьевъ этихъ рѣкъ замѣчаются признаки уже сплошнаго Славянскаго населенія, тогда-какъ въ области, лежащей на западъ отъ нихъ по Нѣману и его южнымъ притокамъ, несомнѣнные слѣды древнихъ Ятвяжско-Литовскихъ засленій. Въ XIII столѣтіи Щара и Сервячъ служили границею собственно русскихъ земель (Пинскъ, Клецескъ, Нѣсвижъ, Копыль, Слуцкъ), отъ Новгородской (Новогрудской) земли, въ то время уже захваченной Литвою [236]). Это обстоятельство наводитъ на мысль, что и во время и до присоединенія этого края къ Русскому государству именно по Щарѣ и Сервечу лежалъ Русскій сѣверо-западный рубежъ. Войны съ Ятвягами и Литвою, начавшіяся съ X в., принудили эти племена покинуть свои южныя разселенія и двинуться внизъ по Нѣману и перейти на правый берегъ его. Вслѣдъ за ними подвинулись отъ предположенной нами порубежной черты и Русскія укрѣпленія, подъ защитою которыхъ усилилось Славянское населеніе въ Попѣманьи путемъ колонизаціи изъ средняго и верхняго Поднѣпровья, изъ коренныхъ земель Кривичей, Дреговичей, Древлянъ и Полянъ, оставившихъ слѣды свои въ названіяхъ многихъ селеній этого края. Такимъ образомъ явилась новая русская область, центромъ которой сдѣлался Новгородокъ, основанный по всей вѣроятности, еще въ XI в. [236]), а прежнія Русско-Ятвяжскія границы сдѣлались теперь ея границами со стороны старо-русскихъ Кіевскихъ владѣній. Въ XIII в. здѣсь извѣстны Турійскъ на Нѣманѣ (1253. Ипат. 207), по всей вѣроятности т. Турейки, на правомъ берегу его нѣсколько выше впаденія Щары, Въслонимъ (1276, ibid. 208, теп. Слонимъ), Волковыескъ (теп. Волковискъ, Въсвислочь (1255. Ипат. 122 теп. Свислочь), и Городно. (теп. губ. гор. Гродна), передовое Русское укрѣпленіе на Нѣманѣ [237]). Къ востоку отъ устьевъ Щары Кіевскія владѣнія охватывали, какъ кажется, всю область верхняго Нѣмана, съ Нѣсвижемъ, Припетскіе притоки Случь и Птичь, и Днѣпровскій притокъ Брагинку; водораздѣлъ между этими рѣками и областью

Березины Днѣпровой служилъ имъ рубежомъ съ владѣньями Полоцкими и Черниговскими: Здѣсь, въ XI — XIII в., порубежными мѣстами являются съ Кіевской стороны — Копыль, Слуцкъ и Брягинъ, съ Полоцкой — Дудутки о которомъ скажемъ подробнѣе ниже, и Минскъ, съ Черниговской — Рѣчица. Какъ возможные слѣды стараго порубежья въ этой мѣстности, нелишнимъ считаемъ отмѣтить: Рубежевичи на р. Сулѣ, правомъ притокѣ Нѣмана, въ западной части Минскаго у., къ с. в. отъ него Воротники, далѣе на сѣверъ Граничи у верховьевъ Свислочи и Птича, Сутинъ и Сутина въ южномъ углу Игуменскаго у., на границѣ съ Бобруйскомъ, близъ нихъ Горожцы и Горожа въ Бобруйскомъ у., Городокъ на Птичи въ Слуцкомъ, Вышкомежь у истоковъ Брагинки; Сутава близъ лѣваго берега Днѣпра, почти противъ Любеча, Городище близъ устья Припети, и т. д.

Восточную границу Кіевскаго княженія вообще составлялъ Днѣпръ, который отдѣлялъ его отъ княжествъ Черниговскаго и Переяславскаго; лѣвое побережье его носило названіе Черниговской стороны, правое — Кіевской. Тѣмъ не менѣе и на лѣвой Черниговской сторонѣ замѣчаются Кіевскія владѣнія, тянувшихся какъ кажется узкою полосою по Днѣпровскому берегу отъ устья Десны близъ котораго находился Городецъ [238]), до рѣчки Курани, которая сливается съ Днѣпромъ напротивъ Треполя. Что же касается южнаго порубежья, то оно, прилегая въ степямъ, занятымъ ордами азійскихъ кочевниковъ, не представляло для Кіевскихъ владѣній прочныхъ и постоянныхъ границъ: онѣ измѣнялись сообразно съ положеніемъ, которое принимала Русь относительно бродячаго населенія западнаго Придпѣпровья, отступали или расширялись по мѣрѣ его усиленія или ослабленія. Не извѣстно, какъ далеко на югѣ простирались Русскія владѣнія при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ Олегѣ и Игорѣ. Изъ договоровъ ихъ съ Греками видна однако близость ихъ къ Корсунскимъ владѣніямъ Грековъ. Днѣпровскій Лиманъ не принадлежалъ тогда Руси; но тѣ статьи Игорева договора, которыми Русь обязуется не зимовать „въ устьи Днѣпра Бѣлобережи, ни у святаго Елферія", и въ тоже

время не допускать Черныхъ Болгаръ до нападенія на Корсунскую область (Лавр. 21 — 22), — эти статьи указываютъ, что земли ея доходили до Корсунскихъ границъ, были по крайней мѣрѣ близки къ нимъ, и отдѣляли ихъ отъ Болгаріи. Ясно, что Русь господствовала тогда надъ всѣмъ теченіемъ Днѣпра и Восточнаго Буга. Это предположеніе подтверждается также и отношеніями къ Печенѣгамъ, которые впервые явились у Русскихъ предѣловъ около 918 года (Лавр. 18). Въ теченіе цѣлаго полстолѣтія они остаются безопасными сосѣдями Руси. При первомъ появленіи своемъ они заключаютъ миръ съ Игоремъ и только по соглашенію съ нимъ открываютъ себѣ путь къ Дунаю. Нѣсколько позднѣе они принимаютъ участіе во второмъ походѣ его на Грековъ, при чемъ нельзя не замѣтить, что они стоятъ въ нѣкоторой зависимости отъ Русскаго князя: онъ беретъ у нихъ тали или заложниковъ, и посылаетъ ихъ воевать Болгарскую землю (Лавр. 19). За тѣмъ о нихъ не слышно въ теченіе почти двадцатипяти лѣтъ. Но событія второй половины X в., особенно войны Святослава въ Болгаріи, несомнѣнно должны были благопріятствовать ихъ усиленію въ западномъ Подпѣпровьи, въ которомъ они пріобрѣтаютъ мало по малу перевѣсъ. Прежде всего они утверждаются въ „полѣ", т. е. въ степяхъ, простирающихся къ югу отъ Карпато-Уральской гряды, образующей, какъ извѣстно, Днѣпровскіе пороги: Святославъ думаетъ уже обезопасить Кіевскія владѣнія тѣмъ, что онъ послѣ перваго нападенія варваровъ на Кіевъ „собра вои и прогна Печенѣги въ поле" (Лавр. 29). Но вскорѣ они захватываютъ и Днѣпровскіе пороги. На это указываютъ обстоятельства смерти Святослава и прямое свидѣтельство Константина Порфиророднаго [239]). Естественнымъ послѣдствіемъ ихъ усиленія было запустѣніе западнаго Подпѣпровья. Къ концу X в. Славянское населеніе покинуло уже побережья Буга, Тясмина, даже Роси, сдѣлавшіяся небезопасными. Въ усобицу дѣтей Святославовыхъ, крайнимъ на югѣ, ближайшимъ къ Печенѣжскимъ кочевьямъ Русскимъ городомъ является Родьня на устья Роси (980 Лар. 33); но скоро и онъ исчезаетъ изъ исторіи. Какъ кажется въ это время все пространство почти до самого Кіева уже обезлюдѣло отъ опусто-

нительныхъ Печенѣжскихъ набѣговъ. Для огражденія отъ нихъ стольнаго города, Владиміръ началъ ставить города; но возведенная имъ линія укрѣпленій, по прямому свидѣтельству лѣтописи, не простиралась на правой сторонѣ Днѣпра южнѣе Стугны [240]). При этомъ Владиміръ не нашелъ уже здѣсь постояннаго населенія, и для того, чтобы заселить вновь поставленные города, былъ принужденъ „нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словенъ и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь" (Лавр. 52). Архіепископъ Бруно [241]), бывшій въ Кіевѣ въ 1106 году и видѣвшій порубежныя укрѣпленія, говоритъ, что они отстояли отъ города Русскаго князя въ двухъ дняхъ пути, — слѣдовательно были именно на водораздѣлѣ между Стугной и Красной съ одной стороны и Росью съ другой. Энергическая борьба съ степняками, память о которой сохранилась и въ лѣтописяхъ и въ народномъ эпосѣ, доставила скоро перевѣсъ Руси надъ кочевниками, которые въ свою очередь начинаютъ отступать на югъ: границы Кіевскаго княженія раздвинулись въ первой половинѣ XI в. до Роси. Построеніе городовъ по побережьямъ ея принадлежитъ Ярославу, который населилъ ихъ между прочимъ полоненными въ походѣ на Польшу 1031 году Ляхами. Съ тѣхъ поръ область Роси оставалась до XIII — в. южною Кіевскою украйною. Появленіе Половцевъ на западъ отъ Днѣпра въ половинѣ XI вѣка произвело важный переворотъ и въ степномъ населеніи, и въ отношеніяхъ къ нему Русскихъ князей. Новые пришлецы въ южно-Русскія степи нанесли рѣшительный ударъ своимъ кочевымъ предшественникамъ, часть которыхъ предпочла власть Русскихъ князей подчиненію Половцамъ и заняла южное порубежье Кіевскаго княженія. Это были Торки, Берендѣи, Коуи, можетъ быть родичи Печенѣжскаго племени, — извѣстные подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ [242]). Занимая все Поросье и верхнее Побужье, они мало по малу привыкли къ осѣдлости и къ городской жизни, и въ ихъ городкахъ, замыкавшихъ Кіевское княжество съ юга, русское населеніе получило твердый оплотъ со стороны степей.

Такимъ образомъ въ эпоху Начальной лѣтописи южная граница Кіевскаго княжества нѣсколько разъ перемѣнялась, сначала

отступая на сѣверъ къ Кіеву передъ напливомъ Печенѣговъ, затѣмъ въ довольно удачной борьбѣ Русскихъ князей съ Половцами снова отодвигалсь на югъ. Эти измѣненія оставили по себѣ слѣды въ укрѣпленіяхъ, которыя въ нѣсколько рядовъ тянулись отъ праваго берега Днѣпра на западъ къ Бугу. Древнѣйшія изъ нихъ, относящіяся ко времени Владиміра Святаго, находились по водораздѣлу между Стугной съ одной, Красною и Поросьемъ съ другой стороны.—По лѣтописнымъ извѣстіямъ Владимірова времени, самыми крайними на югѣ Кіевскаго княженія городами являются: Бѣлгородъ, любимый городъ Владиміра, въ 997 году осажденный Печенѣгами (Лавр. 84, 45, 55) и Василевъ, подъ которымъ была въ 996 году битва съ Печенѣгами. Первый изъ нихъ находился на рѣкѣ Припети, на мѣстѣ теперешней Бѣлгородки, второй на Стугнѣ, гдѣ теперь уѣздный городъ Васильковъ; кромѣ этихъ городовъ были конечно и другіе по Стугнѣ, и верхнимъ теченіямъ Унавы, и Ирпени, которые лѣтописецъ не имѣлъ случая упомянуть. Но, по приведенному выше свидѣтельству очевидца Бруно, города не составляли въ то время единственнаго средства защиты со стороны степей. По его словамъ, Русскій князь обвелъ свои владѣнія отъ нападеній кочующаго непріятеля чрезвычайно длиннымъ и крѣпкимъ частоколомъ, находившимся въ двухъ дняхъ пути отъ его столицы. Для проѣзда въ степи, въ немъ были сдѣланы ворота [243]). Слѣды этаго укрѣпленія безъ сомнѣнія до сей поры сохранились въ такъ называемомъ Зміевомъ валѣ, который тянется степью по южной части Кіевскаго у. отъ м. Триполья (при сліяніи Стугны и Красны) на западъ черезъ сел. Барахтянскую Ольшанку мимо сел. Кодина, и, перерѣзавъ большую дорогу, идущую изъ Бѣлой Церкви въ Васильковъ, проходитъ поляпами селеній Парадовки, Великой Скнятинки, Фастова и Павни въ Сквирскій у. къ сел. Бѣлки [244]). На древность этого вала мы имѣемъ несомнѣнныя указанія въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о битвѣ Русскихъ князей съ Половцами въ 1093 г. у Трипольскихъ валовъ, и объ извѣстной Перепетовской битвѣ 1150 въ усобицу Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ (Лавр. 95, Ипат. 62). Въ одной старинной записи города, лежавшіе къ югу отъ этого вала на-

званы Завольскими и Поросскими городами [245]). О укрѣпленіяхъ далѣе на западъ, при Владимірѣ Святомъ нѣтъ никакихъ данныхъ; можетъ быть, они охватывали верхнее теченіе Унавы, у верховьевъ которой находимъ селенья Городище и Городьска (у границъ Волынской губ.), Ирпени (съ сел. Ярополчъ — древній Ярополчъ 1160 года. Ипат. 86, у истоковъ Ирпени въ Сквирскомъ у.) и притоковъ Тетерева, гдѣ находятся теперь селенья Халамъ-городокъ на Пустолѣ, Райгородокъ на Тетеревѣ, въ южной части Житомірскаго уѣзда, у подножья гряды холмовъ, составляющей водораздѣлъ между Восточнымъ Бугомъ и Днѣпровскими притоками. Другой рядъ укрѣпленій — города Поросскіе возникъ, какъ мы видѣли, при Ярославѣ. Въ извѣстіяхъ о событіяхъ, совершившихся при этомъ князѣ, нѣтъ указаній, какіе именно города были основаны имъ въ Поросьи. — Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ Юрьевъ, котораго основаніе, какъ показываетъ самое названіе его, слѣдуетъ приписать Ярославу, и слѣды котораго едва-ли не скрываются въ селеніяхъ Большой и Малый Ерчики, на р. Ростовицѣ въ Сквирскомъ у. [246]). Весьма вѣроятно, что еще Ярославъ сдѣлалъ этотъ городъ центральнымъ пунктомъ княжескаго и церковнаго управленія всей образовавшейся при немъ области въ Поросьи. Во второй половинѣ XI в. въ Поросьи упоминается нѣсколько городовъ, которые могли возникнуть еще во время Ярослава, — таковы: Растовецъ и Ятинъ (Нелтинъ), окрестности которыхъ были опустошены Половцами въ 1071 году [247]), Святославль и Торческій (Торцинскій), градъ или Торческъ. Положеніе Святославля (1084 — 86. Поуч. Мон. Лавр. 103) не извѣстно [248]); Растовецъ и Ятинъ опредѣляются рѣч. Растовицею, которая, получивъ начало въ Бердичевскомъ у., протекаетъ по Сквирскому и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Рось, нѣсколько ниже Сквиры. На ней надо искать лѣтописнаго Растовьца: на пространствѣ отъ этой рѣки до Поволочи до сей поры сохранились еще остатки вала (въ три сажени вышиной), по верхъ котораго, по мѣстному преданію, была когда то стѣна изъ заостреннаго чистокола [249]), Ятинъ 1071 года пріурочивается съ достаточною достовѣрностью къ сел. Ягнятину (на верхнемъ тече-

ніи Растовицы), на полях котораго указываютъ слѣды двухъ крѣпостей или замковъ [250]). Что касается Торческа, то онъ могъ возникнуть уже по смерти Ярослава, вслѣдствіе подчиненія Торковъ Русскимъ князьямъ, при Изяславѣ, и никакъ не позже 1084 — 1086 года, ибо поученіе Владиміра Мономаха говоритъ о немъ именно въ изложеніи событій этого времени [251]). Во всякомъ случаѣ въ концѣ XI в. это былъ крайній порубежный городъ съ Половецкими кочевьями, — можетъ быть, на мѣстѣ сел. Торчица, на р. того же имени, съ юга впадающей въ Рось (въ Таращанскомъ у.), или же тамъ, гдѣ теперь м. Стеблевъ на Роси (къ западу отъ Корсуни, въ Каневскомъ у.), съ слѣдами древняго города [252]). Такимъ образомъ въ концѣ XI в. и въ началѣ XII владѣнія Кіевскихъ князей не переходили на югѣ за холмистый водораздѣлъ между Росью, Тясминемъ и рѣками Восточно-Бужскаго бассейна (Тикичи Гнилой и Горскій). — За Росью, по Бугу простирались уже Половецкія кочевья; объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Мономахъ [253]). Но въ XII в., какъ было уже замѣчено, обстоятельства измѣнились. На югъ отъ Роси, по Тясминѣ и ея притокамъ и по притокамъ Синюхи утвердились Черные Клобуки, признавшіе себя въ зависимости отъ Кіевскихъ князей. На границѣ ихъ владѣній съ Половецкими кочевьями, отодвинувшимися къ Днѣпровскимъ порогамъ и на Ингулъ, возникла цѣлая система порубежныхъ городковъ (Куниль-Такуниль 1150 Ипат. 50 на м. теп. Конелы въ Липовецкомъ у., Чюрнаевъ близъ рѣки Выси, Кульдеюревъ), и укрѣпленій, остатки которыхъ видны и теперь въ непрерывномъ рядѣ городищъ, на югѣ Кіевской губерніи отъ устья Тясмины до Буга въ Гайсинскомъ и Балтскомъ уѣздахъ губерніи Подольской [254]). Какъ кажется, они не причислялись и тогда къ собственно Кіевскимъ владѣніямъ, но подъ защитою ихъ Поросье достигло значительной степени благосостоянія, и въ концѣ XII в. княжескія владѣнія въ немъ считаются одними изъ выгоднѣйшихъ въ предѣлахъ Кіевскаго княженія. На западѣ отъ истоковъ Роси Кіевскія владѣнія шли къ Восточному Бугу, охватывая теченіе Бужскаго притока Десны, на которомъ уже въ половинѣ XII в. мы знаемъ Кіевскій городъ Прилукъ (1146. Лавр. 136) на м. теп.

Стараго Прилука (Бердичевскаго у.), затѣмъ простирались по верхнему Бугу до истоковъ Горыни, прилегая спачала къ степямъ, затѣмъ къ Галицкимъ владѣніямъ. Здѣсь Начальная лѣтопись называетъ Бужьскій Островъ, куда былъ выведенъ изъ Володимиря Давидъ Игоревичъ извѣстнымъ рѣшеніемъ Долобскаго съѣзда князей (1110. Лавр. 113), можетъ быть теп. Забужье къ сѣверу отъ Литина на Бугѣ [255]), и Выгошевъ (1097. Лавр. 115), который въ половинѣ XII в. былъ захваченъ Галицкимъ княземъ Владиміромъ вмѣстѣ съ другими порубежными Кіевскими городами — Бужскомъ, Шумскомъ (на Вилiи), Тихомлемъ и Гноинцею (на Горыни, къ западу отъ Заслава верстахъ въ 15 — 20); онъ былъ, вѣроятно, на мѣстѣ теп. Выгородка на югѣ Кременецкаго уѣзда, на границѣ съ Галиціей къ с. в. отъ Збаража [256]). У верховьевъ Горыни Кіевскія владѣнія сходились съ Волынскими; на рубежѣ съ ними, который мы имѣли уже случай разсмотрѣть, Начальная лѣтопись знаетъ только Дорогобужъ (1086. Лавр. 88) на Горыни, къ востоку отъ Ровна, и Пинскъ (1097. Лавр. 110) на Припети. Отъ устьевъ Горыни, онъ поворачивалъ на западъ и проходилъ, какъ можно предполагать, по Припети къ Западному Бугу, гдѣ у устьевъ Влодавы, упирался въ Волынско-Польскій рубежъ.

Таковы были границы Кіевскаго княженія въ IX — XI в. Населенныя мѣста, которыя называетъ Начальная лѣтопись, группируются главнымъ образомъ въ Поднѣпровьи, составлявшемъ самую важную часть его. Здѣсь извѣстны: Выгородъ (945), въ лѣсистой мѣстности на Днѣпрѣ, въ 15 верстахъ отъ Кіева, градъ Ользинъ, съ деревянною церковью св. Василія, въ которой были первоначально погребены князья Борисъ и Глѣбъ (1015. Лавр. 57 — 58), въ 1072 году перенесенные въ новую церковь, поставленную княземъ Изяславомъ вѣроятно во имя этихъ святыхъ (ibid. 78); Кіевъ, стольный городъ Русской земли на Днѣпрѣ и вливающихся въ него рѣчкахъ Лыбедп и Ручаѣ или Почайнѣ, на которой была пристань (Лавр. 26). Первоначально Кіевъ былъ расположенъ только на Горѣ, на которой по преданію Апостолъ Андрей водрузилъ крестъ, но впослѣдствіи распространился на сосѣдніе холмы и на низменное побережье

Днѣпра — Подолье, соединявшееся съ Горою Боричевымъ взвозомъ (23,50). Уже при Ольгѣ, по преданію, сохранившемуся въ XI в., каменный теремъ Ольгинъ былъ внѣ града, за городскою стѣною; Подолье же должно было заселиться еще раньше такъ какъ въ этой части Кіева находилась церковь св. Иліи, существовавшая при Игорѣ. Собственно городъ былъ распространенъ въ 1037 году Ярославомъ, который обвелъ стѣнами прилегавшее къ нему поле; остатокъ этихъ укрѣпленій сохранился до нынѣ въ Золотыхъ Воротахъ, на которыхъ Ярославомъ же была поставлена церковь Благовѣщенья (Лавр. 6). Въ XI в., по свидѣтельству, можетъ быть, преувеличенному Дитмара, въ Кіевѣ было болѣе 300 церквей и 8 торговъ, но Начальная лѣтопись упоминаетъ только объ одномъ торговищѣ, бывшемъ первоначально на Подолы, и въ 1068 г. переведенномъ на Гору (Лавр. 75). — Важнѣйшія городскія постройки находились на Горѣ; здѣсь лѣтопись называетъ церковь св. Василія, поставленную Владиміромъ Святымъ на холмѣ, гдѣ стоялъ прежде извѣстный Перунъ (Лавр. 51), церковь св. Богородицы, (989—99. Лавр. 52) на площади, украшенной четырмя мѣдными конями и двумя мѣдными же статуями, вывезенными Владиміромъ изъ Корсуня; близъ нея дворъ Деместиковъ, на мѣстѣ бывшаго Ольгина загороднаго теремнаго двора (Лавр. 10), митрополья церковь св. Софіи, построенная Ярославомъ въ 1037 году. Тутъ же на Горѣ были по всей вѣроятности монастыри св. Георгія, и св. Ирины, основанные Ярославомъ (ibid. 65), монастырь св. Димитрія, построенный Изяславомъ Ярославичемъ въ 1051 году съ церковью св. Петра и Павла, въ которой потребенъ строитель ея Ярополкъ Изяславичъ (Лавр. 68, 88. Ник. I. 189), церковь св. Петра и Павла, поставленная митрополитомъ Іоанномъ въ 1008 году (Ник. I. 112) и женскій монастырь св. Андрея, основанный Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1086 году, и названный по имени дочери его Янки (Анны) Янчинымъ или Янцинымъ (Лавр. 88; Ипат. 12, 15, 21. Лавр. 154). На Подолы стояла церковь св. Иліи. Кромѣ того, есть извѣстіе, что въ Кіевѣ еще до основанія названныхъ монастырей были монастыри Греческіе.

Изъ другихъ построекъ лѣтопись называетъ, кромѣ теперешняго двора Ольгина (Лавр. 23) ея городской дворъ и другой, княжій дворъ XI в. (Ярославовъ или Великій Лавр. 73, 110), а также дворы: Гордятинъ и Никифоровъ на мѣсто Стараго города, Воротиславль и Чудинъ, гдѣ былъ городской дворъ Ольги (Лавр. 10), Коснячковъ и Брячиславль. — Въ окрестностяхъ Кіева, по той же сторонѣ Днѣпра, находились: урочище Угорьское, часть высокаго и стремнистаго берега Днѣпра, противъ устья протока Черторыи, гдѣ была Асколь-дова могила (Лавр. 10); здѣсь въ XI в. стоялъ дворъ какого-то Ольмы и построенная имъ церковь св. Николая; далѣе Берестовое (980. Лавр. въ XI в. Берестовъ) село съ княжескимъ дворомъ (Лавр. 98) и съ церковью св. Апостолъ, поставленною Ярославомъ (ibid. 67); оно занимало мѣсто теперешней крѣпости; близъ него могила Тугоркана (тестя Святослава) „межи путемъ идущимъ на Берестовое и другимъ въ монастырь идуще" (Лавр. 99), монастырь Печерскій, основанный вскорѣ послѣ смерти Ярослава подвижникомъ св. Антоніемъ (ветхій монастырь Лавр. 68), съ каменной церковью св. Богородицы, построенною въ 1073 году игуменомъ Ѳеодосіемъ (Лавр. 78 — 79); церковь св. Ѳеодосія (1091) и наконецъ Выдобычи (Выдубичи) съ монастыремъ св. Михаила Всеволожимъ (Лавр. 75, 88), и съ Краснымъ (княжимъ) дворомъ, построенными Всеволодомъ Ярославичемъ (ibid. 98). Всѣ эти мѣста находились отъ Кіева внизъ по Днѣпру. — На западъ отъ Печерскаго монастыря, между нимъ и гор., урочище Кловъ, на которомъ Стефанъ, прежде игуменъ Печерскій, а потомъ епископъ Владимірскій, основалъ монастырь св. Богородицы Влахернской, сожженный въ 1096 году Половцами (Стефанечь монастырь) и въ 1108 году возобновленный (Лавр. 121); близъ него Германечь монастырь, можетъ быть Германа, игумена монастыря св. Спаса на Берестовомъ (ibid. 98); за ними далѣе на западъ полагаютъ село Предславино, отданное Владиміромъ Рогнѣдѣ (980. Лавр. 34). Къ сѣверу отъ Кіева, вверхъ по Днѣпру — гора Щекавица (тел. Скавица) съ Олеговою могилою (Лавр. 16), и села Капичи

и Дорогожичи (Дорожичи 280 — ibid. 32), гдѣ стоялъ Владиміръ, готовясь къ осадѣ Ярополка, затворившагося въ Кіевѣ, мѣста теперь неопредѣлимыя; впрочемъ извѣстно, что Дорогожичи были по Вышеградской дорогѣ (Ипат. 100) подъ самымъ Кіевскимъ болоньемъ (ibid. 90). На лѣвомъ песчаномъ и лѣсистомъ берегу Днѣпра ближайшія къ Кіеву Кіевскія мѣста были: Ольжичи (Лжичи) или Ольгово село на Деснѣ (946. Лавр. 25. Ник. Лѣт. 1) какъ полагаютъ при истокѣ Черторыи; близъ него (Ипат. 18) Городецъ (при поворотѣ рѣчки Радосыни или Радуни), въ которомъ въ 1026 году былъ заключенъ миръ между Ярославомъ и Мстиславомъ, и въ 1076 г. Кіевляне встрѣтили тѣло князя Изяслава Ярославича (ibid. 88.); въ1097 г. здѣсь было сборное мѣсто Придпѣпровскихъ князей, возставшихъ противъ Кіевскаго князя Святополка, по случаю захвата и ослѣпленія Василька Теребовльскаго (Лавр. 111),—и урочище Долобьскъ, гдѣ на съѣздѣ князей въ 1103 году былъ рѣшенъ походъ на Половцевъ (ibid. 118). Тутъ же надо положить Любечь (Любчь), въ которомъ состоялся извѣстный сеймъ князей 1097 года (ibid. 109) и который дѣйствительно нельзя пріурочивать къ мѣстности Любеча Черниговскаго, уже по тому одному, что всѣ извѣстные намъ общіе съѣзды южнорусскихъ князей происходили въ окрестностяхъ Кіева, а изъ обстоятельствъ 1097 г. не видно, почему бы на этотъ разъ князья могли выбрать, вмѣсто центральнаго Кіева—незначительный Черниговскій городокъ [257]). Кіевскій Любечь былъ, какъ указываетъ Бороздинъ, близъ озера Подлюбскаго, соединеннаго ручьемъ съ Радосынью, къ в. отъ озера Долобскаго и къ ю. отъ Городца [258]).—Изъ другихъ Кіевскихъ городовъ лѣтопись называетъ — по Днѣпру: Саковъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ въ 1101 году происходили переговоры съ Половцами о мирѣ (Лавр. 117); въ 1095 году жители окрестностей этого г. (Засаковцы), вслѣдствіе нападеній Половцевъ, были переведены Святополкомъ на правый берегъ Днѣпра (ibid. 97.) тел. Салковъ м. на Днѣпрѣ Полтавской губ. нѣсколько выше впаденія Куранн [259]); Халѣпъ (Поуч. Мон. Лавр. 103, тел. Холопье м. при устьи Стугны), порубежный городъ Кіевскій на правомъ берегу Днѣпра; Святополчъ градъ, по-

строенный Святополкомъ въ 1085 году на Витичевомъ холмѣ для жителей городовъ, разоренныхъ Половцами (Лавр. 97.), впослѣдствіи Витичевъ городъ (теп. Витичево село верстахъ въ 5 ниже Холопья); Зарубъ (1096. Лавр. 98), при которомъ была переправа черезъ Днѣпръ; въ окрестностяхъ его съ XI в. кочевали Торки и Берендѣи, въ 1105 году побѣжденные Половецкимъ ханомъ Бонякомъ (ibid. 119), — теп. Зарубинцы, на правомъ берегу Днѣпра, нѣсколько выше устьевъ Трубежа [260]); наконецъ упомянутый уже нами Родня городъ на устьи Роси. — Сверхъ того съ XI в. извѣстенъ на Днѣпрѣ Каневъ и Корсунь (Керсунь), о которыхъ нѣтъ однако лѣтописныхъ указаній; они упоминаются въ Патерикѣ Печерскомъ [261]). На притокахъ Днѣпра — по Припети: Туровъ (980. 32, 103, 110), Пинскъ (1097. 110) Древлянскіе города — Вручай (977. Лавр. 31 — 32.: теп. Овручь на Норинѣ, съ лѣвой стороны вливающимся въ Ушь), и Исъкоростень, взятый Ольгою въ 946 году (ibid. 23. теп. Искорость на Ушѣ въ южной части Овручскаго у.), Выгошевъ, и Дорогобужъ (1084. 88, 114.) на Горыни; на Здвижѣ, правомъ притокѣ Тетерева — Здвиждень градъ, по дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ (1097. Л. 111; на мѣстѣ теп. Здвижки, селенія Радомысльскаго у.); по Припети — Бѣлгородъ (980 Лавр. 34. теп. м. Бѣлогородка), любимый городъ Владиміра Св., въ 991 году вновь укрѣпленный имъ, былъ въ 997 г. осажденъ Половцами; въ 1097 году въ Бѣлгородѣ былъ ослѣпленъ Василько Теребовльскій; Желань сел. недалеко отъ Кіева, при которомъ Половцы разбили Святополка въ 1093 году (Лавр. 94); теп. Жиляне или Жуляне сел. Кіевскаго у на р. Борщаговкѣ, правомъ притокѣ Ирпени; урочище Увѣтичи на которомъ въ 1100 году состоялся съѣздъ князей (Лавр. 116), по всей вѣроятности на рѣчкѣ Вѣтѣ, вливающейся въ Днѣпръ выше Стугны [262]); на Стугнѣ — Василевъ (Василивъ 988. Лавр. 48), основанный по всей вѣроятности Владиміромъ Св., съ церковью Преображенья, построенною этимъ княземъ въ память избавленія его отъ опасности въ битвѣ съ Печенѣгами, бывшей подъ этимъ городомъ въ 996 гдду (ibid. 54); Треполь, подъ которымъ Русскіе князя были разбиты Полов-

цами въ 1093 (ibid. 94, — теп. Триполье, при сліяніи Краспы и Стугны). На южной окраинѣ Кіевскаго княженія, въ Поросьи, какъ мы видѣли, Торційскъ или Торческій градъ и Юрьевъ, Растовецъ, Ятинъ, Святославль, и въ Побужьи Бужскій Острогъ и Выгошевъ замыкали собою рядъ городовъ, извѣстныхъ здѣсь Начальной лѣтописи.

Глава VII. Славяно-Русское населеніе на восточной сторонѣ Днѣпра. Характеръ извѣстій о немъ Начальной лѣтописи. Географическое распространеніе Сѣверянъ. Славяне въ предѣлахъ Хазарскаго царства. Тмутаракань. Радимичи и Вятичи. Образованіе княженій Черниговскаго и Переяславскаго. Посемье. Земля Вятичей. Ихъ рубежи и населенныя мѣста.

На востокъ отъ Днѣпра Начальная лѣтопись указываетъ Славяно-Русскія земли Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Переходя къ разсмотрѣнію ихъ географическаго распространенія, нельзя не замѣтить, что вообще Начальная лѣтопись сообщаетъ о нихъ несравненно меньше географическихъ извѣстій, чѣмъ о населеніи собственно Русской земли. Помимо того, что собственная Русь имѣла значеніе центра слагавшейся общерусской жизни, что въ немъ главнымъ образомъ сосредоточивались событія, въ лѣтописномъ описаніи которыхъ ея географія должна была выступить подробнѣе и обстоятельнѣе, — относительное богатство лѣтописныхъ извѣстій о ней объясняется также самымъ происхожденіемъ Начальной лѣтописи. При всей общности ея характера, все таки очевидно, что она возникла въ Кіевѣ, и что составитель ея гораздо ближе и съ большими подробностями зналъ событія, совершавшіяся въ Кіевской Руси, чѣмъ въ другихъ краяхъ молодаго государства. Они представляли для него самый живой и существенный интересъ, между тѣмъ какъ свѣденія о жизни въ другихъ частяхъ Руси доходили до него только въ общихъ, главныхъ чертахъ, и въ такомъ видѣ запосились въ лѣтопись. По этому извѣстія лѣтописи о восточномъ Поднѣпровьи, „верхнихъ земляхъ", Подвинья, Новгородской области отличаются краткостью, отсутствіемъ подробностей, при чемъ естественно географическія указанія встрѣчаются въ

нихъ еще случайнѣе, рѣже, чѣмъ въ извѣстіяхъ о собственной Руси. Что касается юго-восточной Руси, то, кромѣ скудости лѣтописныхъ извѣстій, изученіе ея географіи значительно затрудняется недостаткомъ того важнаго матеріала, какой могутъ въ извѣстной степени представлять данныя географической номенклатуры. Во весь древній періодъ нашей исторіи юго-восточная Русь подвергалась постояннымъ опустошительнымъ набѣгамъ сосѣднихъ степняковъ, набѣговъ, которые завершились конечнымъ разореніемъ ея отъ Татаръ. Постоянная опасность изъ-внѣ не позволяла Славянству утвердиться здѣсь съ надлежащею крѣпостью, хотя бы и такъ, какъ оно могло утвердиться въ Кіевской Руси и въ земляхъ прикарпатскихъ. Отсюда шли постоянныя выселенія на болѣе безопасный сѣверъ; мѣста выселенцевъ занимали выходцы изъ другихъ Славяно-Русскихъ земель, но чаще всего они оставались незаселенными, или же становились добычею степныхъ варваровъ. Послѣ Татарскаго погрома произошла полная смѣна населенія юго-восточной окраины [263]). Такія перемѣны не могли не отразиться и на ея географической номенклатурѣ. Большая часть старо-русскихъ названій не только топографическихъ, но даже хорографическихъ исчезли въ этихъ переворотахъ. Весьма немногія мѣстности удержали тѣ названія, подъ которыми они являются въ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ; названія племенныя или староземельныя, которыя могли бы послужить указаніемъ — конечно весьма шаткимъ и сомнительнымъ — при опредѣленіи прежняго распространенія славяно-русскихъ вѣтвей или земель, — исчезли. Въ тоже время неустойчивость и слабость населенія, зависимость отъ Азійцевъ не позволяли юго-восточному Славянству развиваться свободно тѣмъ путемъ, какимъ шли другія Славяно-Русскія вѣтви. Земли, сложившіяся у Сѣверянъ, Радимичей и отчасти у Вятичей, не могли достигнуть той самостоятельности и выработать такую отдѣльность, съ какою являются земли по правую сторону Днѣпра. Ихъ взаимныя отношенія были опредѣлены слабо и ихъ дѣятельность по обезпеченію рубежей отъ сосѣдей, какъ соплеменныхъ, такъ и инородческихъ, была, какъ кажется, ничтожною въ сравненіи съ такою же дѣятельностью Славянъ

на западъ отъ Днѣпра. Доказательства этому представляются между прочимъ въ томъ, что до нашего времени въ древнихъ предѣлахъ юго-восточной Руси почти не сохранилось тѣхъ слѣдовъ земельныхъ порубежій, какія мы находимъ на правомъ берегу Днѣпра въ многочисленныхъ городкахъ, стражахъ, воротахъ, осѣкахъ, межахъ, рубежахъ и т. п. Можетъ быть однако, что археологическія изслѣдованія прольютъ новый свѣтъ на этотъ важный и темный вопросъ древне-русской исторіи.

По извѣстію лѣтописи, область Сѣверянъ (Сѣверъ, Сѣверо [264]) простиралась по Деснѣ, Семи (Сейму) и Сулѣ; слѣдовательно она прилегала на западѣ къ Полянской и Кривской землямъ, съ сѣвера къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ, на сѣверо востокъ къ Поокскому населенію Вятичей, представляя на юго-востокѣ и югѣ Славяно-Русскую украйну съ кочевьями Азійскихъ выходцевъ. Ихъ западная окраина во всякомъ случаѣ доходила до Днѣпра. Это видно изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ раздѣлъ Русской земли между братьями Володиміровичами Мстиславомъ и Ярославомъ въ 1024 году, когда Мстиславъ Тмутараканскій, одержавши надъ братомъ побѣду въ извѣстной Лиственской битвѣ, благодаря поддержкѣ Сѣверянъ [265]), добровольно уступилъ ему Кіевъ, а за собою удержалъ Черниговъ, — при чемъ Днѣпръ остался рубежомъ ихъ владѣній. Мы видѣли, что въ XII в. Кіевскія владѣнія простирались узкою полосою по лѣвой сторонѣ Днѣпра отъ низовьевъ Десны до устья Курани; но эти владѣнія имѣли характеръ подгородныхъ мѣстъ Кіева, и даже въ то время ни сколько не ослабляли порубежнаго значенія Днѣпра, раздѣлявшаго Кіевскую и Черниговскую стороны. Что касается Кривичско-Сѣверянскаго порубежья, то нѣкоторыя указанія на него можетъ представлять топографическая номенклатура волока, раздѣляющаго теченіе Брягинки и Днѣпра. Здѣсь по правую сторону Днѣпра къ юго-западу отъ Радули, лежатъ селенья Сѣвки, и близъ него — Сутава (къ юго-востоку), Кривецъ (на югъ), Новое Городище на р. Брягинкѣ, далѣе на с. опять Кривецъ близъ м. Лоева и у верховьевъ Брягинки — Вышомежъ. Такое совпаденіе данныхъ

современной географической номенклатуры на такомъ небольшомъ сравнительно пространствѣ не позволяетъ видѣть въ немъ ничего случайнаго, и едва ли будетъ слишкомъ смѣло допустить, даже основываясь только на этихъ данныхъ, неподкрѣпляемыхъ иными свидѣтельствами, что здѣсь, на этомъ Брягинско-Днѣпровскомъ водораздѣлѣ, сходились рубежи земель Сѣверской, Кривской, Радимичской и Полянской. По лѣвую сторону Днѣпра сѣверный предѣлъ Сѣверянъ составлялъ безъ сомнѣнія водораздѣлъ между бассейномъ Сожи съ Ипутью который былъ занятъ Радимичами, и полостью Десны (рѣки Свинь или Замглай, Сновь). Лѣтопись указываетъ тутъ Черниговo-Сѣверскіе города Любечь, теперь мѣстечко на Днѣпрѣ, Лиственъ (1024, Лавр. 64), который приурочивается къ сел. Листвену, лежащему на югъ отъ у. г. Городны, на ручьяхъ, вливающихся въ Сновь съ лѣвой стороны, Ропескъ (1159. теперь Ропекъ-Старый въ Новозыбковскомъ у., въ 35 в. отъ у. г. на р. Ирнѣ), Новгородъ, за которымъ удержалось по преимуществу названіе Сѣверскаго. На подробныхъ картахъ этого края замѣчаются, кромѣ Городни на рѣчкѣ того же имени, черезъ Смячь вливающейся въ Сновь, еще нѣсколько названій, которыя нельзя опустить изъ виду при опредѣленіи этнографическаго распространенія Сѣверянъ, а именно: (Страшиво — Страживо? къ юго-западу отъ Стародуба, и верстахъ въ 10 отъ него къ сѣверо-западу) Рубежное, близъ котораго сел. Большой и Малый Кривець (въ Новозыбковскомъ у.), а также Городище у Судости въ Стародубскомъ у., къ юго-востоку отъ у. г., и вблизи Погара, древнее названіе котораго Радогощъ едва ли не сохранило слѣдъ племеннаго наименованія Радимичей. — Далѣе на сѣверъ по Деснѣ Сѣверянскія поселенія простирались между Радимичами и Вятичами. Земельный рубежъ съ Вятичами долженъ былъ проходить по Окско-Деснянскому водораздѣлу, гдѣ лѣтопись указываетъ въ XII в. мѣстности, которыя хотя и принадлежали къ Черниговскому княженію, но тѣмъ не менѣе не причисляются ею къ землѣ Вятичей, и которыя слѣдовательно могутъ быть отнесены къ области Сѣверскихъ заселеній. Таковы Болдыжъ лѣсъ (1145. Ипат. 26), урочище на пути изъ Путивля и Сѣвска

въ Корачевъ, тамъ гдѣ теперь указывается сел. Болдыжъ у гор. Дмитровска Орловской губ., Корачевъ, Магощъ [266]), 1147. Ипат. 30), Дьбрянскъ (Брянскъ. 1147. Ипат. ibid.), Въщижъ (1142. Ипат. 19), на Деснѣ въ 40 верстахъ выше Брянска. Здѣсь, на этомъ водораздѣлѣ, въ холмистой и лѣсистой мѣстности по восточнымъ границамъ теперешнихъ Дмитровскаго и Карачевскаго у. замѣчаются теперь городища: Криво-Городище на Кромѣ, лѣвомъ притокѣ Оки, Водоцкое Городище въ южной части Карачевскаго у., Верхній и нижній Городцы по дорогѣ изъ Сѣвска въ Карачевъ, къ з. отъ Городища Водоцкаго, близъ нихъ нѣсколько далѣе на западъ Городи на ручьѣ, съ юга вливающемся въ Деснянскій притокъ Навлю и др. [267]). Какъ далеко на сѣверъ за верховья Десны простирались Сѣверянскія заселенія указываютъ названія лѣваго притока Москвы рѣки Сѣверска, извѣстнаго подъ этимъ именемъ съ начала XIV вѣка и города Свирѣльска, бывшаго Черниговскою волостью, на Ростово-Суздальскомъ порубежьи [268]). Впрочемъ въ этомъ краю, какъ уже было сказано выше, первоначальное населеніе составляло инородческое племя Мери, и Славянство является здѣсь населеніемъ пришлымъ, хотя и въ весьма отдаленное время. Сколько можно судить по топографической номенклатурѣ, колонизація шла сюда съ разныхъ концевъ восточнаго Славянства и главнымъ дѣятелемъ въ ней было великое племя Кривичей.

Юго-восточныя разселенія Сѣверянъ шли по Семи (Сейму) съ областью котораго Подесенье сближается рѣкою Сѣвою, вливающеюся въ Десну черезъ Нерусу. Здѣсь только указываетъ ихъ лѣтопись, но есть много основаній думать, что они простирались даже въ эпоху образованія Русскаго государства гораздо далѣе на востокъ и юго-востокъ, въ область Сѣвернаго Донца, извѣстнаго на Руси подъ именемъ Дона, какъ то видно изъ описанія похода на Половцевъ въ 1103 г. [269]), и въ область самаго Дона. По извѣстіямъ Мусульманскихъ писателей IX—X вѣка, Славяне составляли въ Хазаріи, простиравшейся по Дону и Волгѣ до Кавказскаго хребта, не только значительную часть городскаго населенія, но довольно многочисленное осѣдлое, слѣдовательно деревенское или сельское населеніе, изъ котораго,

какъ свидѣтельствуетъ Баладури [270]), Сирійскій вождь Марванъ, въ набѣгѣ на Хазарію, вывелъ до двадцати тысячъ Славянъ. Нѣтъ нужды ни предполагать въ этихъ Славянахъ тѣ Славянскія вѣтви, которыя по извѣстіямъ нашей лѣтописи платили дань Казарамъ (т. е. Сѣверянъ по Деснѣ, Семи и Сулѣ, Вятичей, Радимичей и Полянъ), ни отвергать справедливость этого извѣстія, опираясь только на томъ соображеніи, что Сирійскій вождь не могъ проникнуть такъ далеко въ глубь восточно-европейской равнины, на Днѣпръ, Сулу, Сеймъ, Сожъ, Оку: онъ нашелъ осѣдлое Славянское населеніе въ предѣлахъ самой Казаріи, въ плодородныхъ порѣчьяхъ Сѣвернаго Донца и Дона. — По прямому свидѣтельству Массуди, еще въ его время (во второй половинѣ X в.), Русскія и Славянскія племена — языческой религіи обитали въ предѣлахъ Казаріи: они имѣли особаго судью, который судилъ ихъ по закону язычества, то есть по закону разума; Русь и Славяне составляли войско царя и его прислугу [271]). Самый Донъ у многихъ изъ Мусульманскихъ писателей, вообще хорошо знакомыхъ съ восточными окраинами Европейской Россіи, называется Славянскою рѣкою. Это названіе, еще чаще придаваемое Волгѣ, должно было явиться не только вслѣдствіе того, что верховья этихъ рѣкъ лежали въ землѣ Славянъ, но и въ силу того, что на ихъ побережьяхъ и въ ихъ полости Славянство, если и не было населеніемъ, преобладающимъ по численности, то заявило себя достаточно самобытною и сильною дѣятельностью среди кочеваго и перемежающагося азійскаго населенія. Это названіе даетъ также основаніе предполагать, что на юго-востокѣ равнины Славянство могло простираться по крайней мѣрѣ до нижняго теченія Волги, которая у тех. Царицына отдѣляется такимъ незначительнымъ волокомъ отъ полости нижняго Дона. Существованіе Тмутаракани, Славяно-русской колоніи на устьяхъ Кубани, начало которой относятъ обыкновенно къ X в., показываетъ, что Славянское населеніе въ глубокой древности доходило по черноморскому побережью до Кавказійскихъ горъ, въ сосѣдство Ясовъ, Касоговъ, и Обезъ [272]). Сильное Хазарское царство, опираясь само главнымъ образомъ на Славянствѣ, обезпечивало Славянству, жившему въ его предѣлахъ, спокойное

существованіе, Съ паденіемъ его подъ ударами Русскихъ князей Олега и Святослава, съ подчиненіемъ его территоріи власти Руси, единоплеменное или родственное Славянское населеніе естественно должно было получить перевѣсъ надъ инородческимъ населеніемъ. Связь съ Поднѣпровьемъ черезъ низовья Дона и Донца, по лѣвымъ притокамъ Днѣпра очевидно усилилась. Торжество христіанства въ Поднѣпровской Руси отразилось въ Тмутаракани основаніемъ особаго епископства, стоявшаго съ Кіевомъ въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными сосѣдями, горными Ясами и Касогами съ юга, Греками съ запада, Азійскими степняками, постоянно наплывавшими съ востока, Тмутаракань, пока не пала окончательно въ концѣ XI в., служила убѣжищемъ и пріютомъ для многочисленныхъ выходцевъ изъ разныхъ концовъ Русскаго Славянства, которыхъ влекли туда жажда воинской дѣятельности, чести и добычи, отчасти же недовольство своимъ положеніемъ на Руси. Здѣсь, въ мѣстномъ населеніи, князья — изгои легко находили себѣ дружину и союзниковъ въ воинственныхъ инородцахъ, и вросъ въ мѣстномъ Славянствѣ. Такъ мы видимъ, что первый Тмутараканскій князь Мстиславъ Владиміровичъ, предъявившій свои права на владѣнія въ Придніпровской Руси, является съ инородческою дружиною, Казарами и Касогами, и съ воями-Сѣверянами. Постоянная связь Тмутаракани съ Черниговомъ, зависимость ея отъ Черниговскихъ князей, которая признавалась на Руси дѣломъ законнымъ и безспорнымъ [273]), могла основываться только на племенномъ или земельномъ средствѣ ея славянскаго населенія съ населеніемъ Подесенья, Посемья и Посулья и заставляетъ видѣть въ Славянскомъ населеніи этаго края развѣтвленіе Сѣверянъ. Съ паденіемъ власти Русскихъ князей въ Тмутаракани, съ усиленіемъ Азійскихъ кочевниковъ на Понтійскомъ побережьи, Славянское населеніе на юго-восточной окраинѣ исчезаетъ. Съ начала XII в. его крайніе слѣды замѣчаются только на Донѣ, т. е. собственно теперешнемъ Сѣверномъ (Сѣверскомъ) Донцѣ, но уже среди господствующаго и преобладающаго инородческаго населенія. Въ городѣ Шарукани видно населеніе близкое Русскимъ воямъ по крайней мѣрѣ по

вѣроисповѣданію, очень можетъ быть, по языку и происхожденію [274]). Въ концѣ XII в. крайнимъ славяно-русскимъ пунктомъ былъ городъ Донецъ, въ которомъ знаменитый Игорь Святославичъ нашолъ безопасный пріютъ послѣ одиннадцати дневнаго бѣгства изъ половецкаго плѣна [275]). Какъ далеко на югъ простирались Славянскія поселенія на восточной сторонѣ Днѣпра неизвѣстно. Къ концу X в. мы застаемъ ихъ окраины на Сулѣ рѣкѣ, но если и здѣсь Славянское населеніе было также принуждено постепенно отступать къ сѣверу передъ напливомъ степныхъ инородцевъ, какъ то было на западной сторонѣ Днѣпра, то необходимо допустить, что ихъ первоначальныя поселенія заходили гораздо далѣе на югъ.

Ближайшими сосѣдями Сѣверянъ были Радимичи, поселенія которыхъ Начальная лѣтопись указываетъ по р. Сожѣ. Эта вѣтвь восточнаго Славянства занимаетъ въ ряду другихъ вѣтвей, по степени самостоятельности, съ какою они являются въ эпоху образованія Русскаго государства едва ли не послѣднее мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что они, какъ и сосѣди ихъ Вятичи, выдѣлились изъ среды Славянства позднѣе другихъ. Во времена лѣтописца еще сохранялись преданія о ихъ общемъ происхожденіи отъ Ляховъ, о ихъ родоначальникахъ Радимѣ и Вяткѣ, — преданія, какихъ лѣтопись не знаетъ уже относительно другихъ племенъ и земель, и которыя поэтому могутъ служить признакомъ болѣе поздняго обособленія по-окскаго и по-сожскаго населенія изъ общей массы Славянства. Весьма вѣроятно, что земельный союзъ общинъ и волостей особенно у Радимичей, по самой недавности его образованія, не успѣлъ еще окрѣпнуть къ эпохѣ заложенія Русскаго государства, — и что въ этомъ надо искать причину незначительности роли, которую занимала земля Радимичей въ періодѣ, обнимаемый Начальною лѣтописью. Сообщивъ преданіе о ихъ происхожденіи, лѣтопись опускаетъ ихъ въ разсказѣ о племенахъ, платившихъ дань Казарамъ, хотя они и принадлежали къ ихъ числу. Изъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось подчиненіе Радимичей Руси видно, какъ слабо и несамостоятельно было это племя, даже въ сравненіи съ Сѣверянами и Вятичами, которые, какъ окраинное населеніе, болѣе под-

вергались внѣшнимъ опаспостямъ, и повидимому должны были бы оказать по отношенію къ Руси менѣе устоя, чѣмъ защищенные ими Радимичи. Послѣдніе приняли власть Русскихъ князей безъ борьбы и сопротивленія, путемъ переговоровъ. „Посла, говоритъ лѣтопись подъ 884 годомъ (Лавр. 10), Олегъ къ Радимичемъ, рька: кому дань даете? они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ; но мнѣ дайте, — и вѣдаша Ольгови по щелягу, якоже Казаромъ даху". Далѣе лѣтопись, упомянувъ ихъ въ числѣ племенъ, принимавшихъ участіе въ Олеговомъ походѣ на Грековъ, забываетъ ихъ почти до самаго конца X в. Послѣднее извѣстіе о Радимичахъ также мало говоритъ въ пользу ихъ земельной особности и самостоятельности, и, какъ взятое несомнѣнно изъ народнаго преданія, отразило въ себѣ довольно неуважительный взглядъ тогдашней Руси, т. е. Кіевскаго Подпѣпровья, на это слабое племя. Побѣда, одержанная надъ Радимичами на р. Пищанѣ воеводою Володиміра Святаго Волчьимъ Хвостомъ въ 984 году, подала поводъ Руси „коритися" имъ „глаголюще: Пищаньцы волъчья хвоста бѣгають". (Лавр. 36). Въ эпоху составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ Радимичи платили дань Руси и везли повозъ (ibid).

Всѣ эти краткія извѣстія свидѣтельствуютъ о крайней слабости Радимичей, какъ отдѣльной земли; но еще больше она доказывается отсутствіемъ въ лѣтописи даже самыхъ отдаленныхъ намековъ на существованіе у нихъ городовъ, которые имѣли бы центральное значеніе для ихъ земли; видно, что племя это, войдя въ составъ Черниговскаго княженія, очень скоро потеряло всякую тѣнь самостоятельности. Конечно еще въ XII в. лѣтопись пользуется именемъ Радимичей для обозначенія одного изъ путей изъ Кіевскаго Подпѣпровья въ Суздаль (Ипат. 77); но едва ли можно принять это въ доказательство тогдашней особности ихъ земли. Напротивъ два города, извѣстные въ XII в. въ Посожьи, Чичерскъ (1159. Ипат. 84) и Гомьи (1142. 54) являются простыми волостями Черниговскихъ князей, несоставившими даже особыхъ удѣловъ, между тѣмъ какъ въ другихъ княженіяхъ Старо-славянскія земли легли въ основу удѣльнаго расчлененія. Какъ кажется, здѣсь надо искать причинъ недо-

статка какъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, такъ и указаній современной топографической номенклатуры для опредѣленія—сколько нибудь приблизительнаго — географическаго распредѣленія Радимичей. Какъ кажется однако, область Сожи, гдѣ указываетъ ихъ лѣтопись, была занята ими не вся. Въ южной части ея Радимическія поселенія могли сходиться съ Кривскими съ одной стороны и съ Сѣверскими съ другой. На волокѣ, отдѣляющемъ нижнее теченіе Сожи отъ ложа Днѣпра, мы видимъ (въ сѣверномъ углу Рѣчицкаго уѣзда) Кривскъ на р. Узѣ, и близъ него Радѣевъ; за тѣмъ въ южной части Рогачевскаго уѣзда Городецъ на р. Ржавцѣ и Городокъ близъ верховьевъ Сожскаго притока Чечоры, и нѣсколько сѣвернѣе Городецъ съ окрестными селеніями Кривскомъ и Сытоками. Далѣе на сѣверъ (въ тепер. уѣздахъ Старобыховскомъ, Чаускомъ и Черниковскомъ) вовсе незамѣтно Радимическихъ наименованій, за исключеніемъ Радимли на р. Пропѣ. Здѣсь преобладаютъ Кривскія названія, такъ что весьма вѣроятно, что область верхней Сожи, по крайней мѣрѣ отъ устья Вехры, на которой въ XII в. мы видимъ Смолепскій городъ Мстиславль (1156. Ипат. 80), была занята Кривскими заселеніями, и Радимичи не успѣли въ ней утвердиться. Порубежье съ Сѣверянами мы старались опредѣлить выше, именно водораздѣломъ Посожьи со Сновью, хотя есть основаніе предполагать, что восточныя — можетъ быть, колонизаціонныя — разсселенія Радимичей или заходили въ глубь Сѣверской земли, или же, можетъ быть, даже окружали ее съ сѣверо-востока, отдаляя ее отъ по-окскаго населенія Вятичей. На такое предположеніе наводитъ цѣлый рядъ мѣстныхъ названій, напоминающихъ Радимичей, который замѣчается въ области Десны, Сейма и верхней Оки. Такъ мы видимъ — въ области Десны, кромѣ Радогощa, Радощa, извѣстнаго уже съ XII в. (1155. Ипат. 73, теперь Погаръ на Деснѣ), Радомку къ западу отъ Новгорода Сѣверскаго на Олешнѣ, притокѣ Убеди, рѣчку Нещань, съ лѣвой стороны вливающуюся въ Десну, близъ селеній Радчина, Радпнскаго и Радушина въ южной части Брянскаго уѣзда, Радовище на рѣчкѣ Радовищѣ, вливающейся въ Вытебеть, Карачевскаго у., рѣчку Радицу, лѣвый притокъ

Болвы (на югѣ Жиздр. у.), на Нерусѣ Радогощъ, ниже Дмитровска, и на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ ея, къ юго-западу отъ Дмитровска Радогощъ (тутъ же къ юго-западу отъ Сѣвска Ратковичи); въ области Сейма — Радубежъ, Радегощъ, Радудичи. Обиліе мѣстныхъ названій, сходныхъ съ земельнымъ именемъ Радимичей въ области Оки, указываетъ, что и Радимичская вѣтвь Славянства принимала дѣятельное участіе, въ колонизаціи этого первоначальнаго Финскаго края. На правой сторонѣ Оки такія названія не заходятъ сѣвернѣе Упы, въ области которой лежатъ Радугощъ и Радушное, къ с. в. отъ Одоева, тогда какъ по лѣвымъ притокамъ Оки они замѣчаются въ области Жиздры, Угры, Протвы, даже Москвы рѣки, хотя и въ весьма незначительномъ числѣ [276]). Крайнею на сѣверо-востокѣ вѣтвью Русскаго Славянскаго населенія были родственныя Радимичамъ — Вятичи. Ихъ географическое положеніе лѣтопись опредѣляетъ Окою; но и это опредѣленіе, подобно многимъ другимъ лѣтописнымъ указаніямъ, можно понимать только, какъ приблизительное и общее, ибо, по свидѣтельству этнографическаго введенія той же лѣтописи, еще въ ея время на нижнемъ теченіи Оки, „по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу", сидѣло Финское племя Муромы; сверхъ того мы видимъ, что поселенія Мери и Мордвы должны были заходить также въ область средней Оки. Такимъ образомъ земля Вятичей занимала только часть Окской полости. Описаніе извѣстной борьбы между Мономашичами и Ольжичами XII в., въ которой земля Вятичей является однимъ изъ главныхъ мѣстъ дѣйствій, даетъ нѣкоторую возможность опредѣлить, что именно разумѣлось подъ Вятичами въ этомъ вѣкѣ, — а свидѣтельство XII в. имѣетъ конечно важное значеніе для уясненія географическаго распространенія этого племени въ болѣе раннее время. Изъ похода Изяслава Мстиславича Кіевскаго на Святослава Ольговича въ 1146 году видно, что въ то время крайними на востокѣ Черниговскими городами, не входившими въ составъ Вятичей, были Корачевъ и Дьбрянескъ (1146. Ипат. 28 и слл.) въ Подесенье. Были ли то Сѣверскіе или Радимичскіе города не извѣстно [277]); но, по опредѣлительному указанію лѣтописи, земля Вятичей отдѣлялась отъ Кора-

чева лѣсомъ, и ближайшимъ къ нимъ Вятическимъ городомъ является Козельскъ на Окскомъ притокѣ Жиздрѣ. Такими же Черниговскими волостями, не принадлежавшими однако къ землѣ собственно Вятичей, являются Обловь или Блове съ городомъ того же имени [278]), несомнѣнно мѣстность по теченію лѣваго притока Десны Болвы, Болдыжъ лѣсъ, на пути изъ Сѣвска въ Карачевъ, и Магощъ [279]); такъ что лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между Десняпскими притоками Нерусою, Навлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и Окскимъ притокомъ Жиздрою съ другой можетъ быть принятъ западнымъ порубежьемъ земли Вятичей. Съ юга ихъ разселенія едва-ли не ограничивались порубежьемъ Зуши, ибо въ половинѣ XII в. городъ Мценскъ (Мценскъ) является уже внѣ Вятичской земли [280]). Какъ далеко на сѣверъ простирались коренныя поселенія Вятичей, — опредѣлить трудно. Съ этихъ сторонъ они сходились съ инородческими племенп Мери, Мордвы, Мещеры, которыя должны были издавна отступить передъ ихъ колонизаціоннымъ движеніемъ впизъ по Окѣ и вверхъ по ея притокамъ, изъ которыхъ только важнѣйшія носятъ инородческія названія, то есть были первопачально заняты инородцами, тогда какъ Славянскія наименованія большинства второстепенныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ указываютъ, что ихъ побережье было впервые заняты и культивированы Славяно-Русскими поселенцами, и что эти поселенія должны восходить къ глубокой древности [281]). По географической связи области верхней Оки съ Москво-рѣчною и Клязменскими полостями, которую мы старались выяснить выше, (см. выше, гл. I.) можно кажется заключать, что въ колонизаціи по крайней мѣрѣ южной части Ростово-Суздальской области XII в. Вятичи издавна принимали дѣятельное участіе, хотя связь этой области съ Кривско-Словенскими землями, замѣчаемая съ первыхъ временъ нашей исторіи, даетъ основаніе признавать болѣе дѣятельное участіе въ этой колонизаціи за Поильменскими и Подпѣпровскими Славянами. Мы видимъ, что въ эпоху образованія Русскаго государства они стояли уже твердою ногою въ области нижней Оки, проникнувъ конечно черезъ Клязьму въ Муромъ, который, по лѣтописному преданію, входилъ въ составъ

владѣній перваго Русскаго князя. Что касается разселенія Вятичей на востокъ, то по лѣтописнымъ извѣстіямъ XII в. слѣдуетъ заключить, что земля собственно Вятичей того времени простиралась отъ Зуши внизъ по Окѣ, ограничиваясь ея теченіемъ съ сѣверо-запада, до Осетра, за которомъ начинались земли, первоначально занятыя Мордвою, въ эпоху Русскаго государства уже колонизованныя выходцами изъ разныхъ концовъ восточнаго Славянства. Въ эпоху Начальной лѣтописи колонизаціонное движеніе въ эту сторону перешло за область Прони, ибо основаніе Рязани на Окѣ, ниже устьевъ Прони, города, сдѣлавшагося въ XII в. центромъ отдѣльной княжеской волости, слѣдуетъ отнести не позже, какъ къ второй половинѣ XII в. [282]). На юго-востокъ они могли доходить по Соснѣ до верхняго Дона и Воронежа, въ сосѣдство Сѣверскихъ разселеній. Въ это время чисто Вятичскими городами являются Козлескъ или Козельскъ (на Жиздрѣ), Дѣдославль, гдѣ въ 1147 году Черниговскіе князья Давидовичи созывали вѣче Вятичей (Ипат. 29, — теп. Дѣдѣлова Слобода, въ ю. в. отъ Тулы на Шиворонѣ, притокѣ Упи; близъ истоковъ Осетра—сел. Дѣдиловскіе Выселки); Лобынскъ (Люблинецъ Амосовъ) противъ устья Протвы, Нерынскъ, какъ вѣроятно у устья Нары, и Колтескъ, теп. Колтово на Окѣ, выше Каширы, — были порубежными Вятичскими городами съ Ростово-Суздальскою землею (1147. Ипат. 28 — 29). Въ этихъ предѣлахъ открываются слѣды единственнаго города Вятичей, извѣстнаго Начальному лѣтописцу, именно Корьдны, о походѣ на которую упоминаетъ Мономахъ въ своемъ Поученіи (Лавр. 103). Она пріучивается къ подобно-звучащимъ теперешнимъ мѣстностямъ — Карнадьи, что на Зушѣ, къ с. в. отъ Новосиля, или къ Карникамъ и Карничкамъ, что на рѣчкѣ Карникѣ, черезъ Шату вливающейся въ Донъ, къ востоку отъ Тулы. Можетъ быть, остатки земельнаго имени Вятичей сохраняются до нынѣ въ названіяхъ селеній Вятскаго на р. Старкѣ въ Тарусскомъ у., по Калужской дорогѣ въ Серпуховъ, Вятчина на р. Святицѣ по дорогѣ изъ Мосальска въ Ельню.

Земли Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей вошли въ составъ Русскаго государства въ разное время и на различныхъ усло-

віяхъ; но, благодаря географическому положенію своему, уже въ періодъ Начальной лѣтописи они являются въ тѣсной связи между собою. О подчиненіи Радимичей Кіевскимъ князьямъ мы имѣли уже случай говорить. Признавъ надъ собою добровольно, по соглашенію, власть Олега, освобождавшую ихъ отъ Казаръ, въ 885 году, они черезъ сто лѣтъ сдѣлали неудачную попытку возстать противъ Кіева и затѣмъ почти безъ слѣда исчезаютъ изъ исторіи. Нѣсколько раньше были подчинены Сѣверяне, обнаружившіе по отношенію къ Руси болѣе земельной самостоятельности и особности, что́ указываетъ на большее развитіе общественное и политическое, которое подтверждается, какъ будто бы и самою лѣтописью [283]). Покореніе ихъ Олегомъ, которое лѣтопись относитъ къ 884 г., совершилось не безъ борьбы. Олегъ долженъ былъ лично предпринять походъ на нихъ, и изъ краткаго лѣтописнаго извѣстія видно, что онъ встрѣтилъ сопротивленіе главнымъ образомъ въ той части Сѣверянской земли, которая стояла въ болѣе тѣсной связи съ Казарами [284]). Что бы удержать за собою Сѣверянъ, онъ возложилъ на нихъ „дань легку". Близость непріязненныхъ и еще сильныхъ сосѣдей Казаръ — заставила Кіевскихъ князей обращать особенное вниманіе на эту окраинную землю. Уже при Олегѣ у Поднѣпровскихъ Сѣверянъ возникли княжескіе города Черниговъ и Переяславль, мало по малу сдѣлавшіеся центральными пунктами — первый для Сѣверянскаго Подесенья, второй — для Посулья. Какъ извѣстно изъ Олегова договора съ Греками, въ нихъ сидѣли князья „подъ Олегомъ суще", и на нихъ взяты съ Грековъ особые уклады. Здѣсь они являются уже съ значеніемъ первенствующихъ городовъ на Руси послѣ Кіева. Тоже самое замѣчается и въ Игоревѣ договорѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже въ это отдаленное время, подъ вліяніемъ Чернигова и Переяславля, стало ослабѣвать земельное единство Сѣверянъ, что у нихъ тогда еще начали вырабатываться волости, во второй половинѣ XI в. окончательно сложившіяся въ особыя княженія Черниговское и Переяславское. Тѣмъ не менѣе изъ раздѣла Русской земли между сыновьями Владиміра Святаго, и изъ послѣдующаго хода событій нельзя не заключить, что въ X и въ началѣ XI в. Рус-

скимъ центромъ Сѣверской земли служила отдаленная Тмутаракань. При Владимірѣ Святомъ Тмутаракань является единственнымъ княжескимъ удѣломъ на в. сторонѣ Днѣпра, удѣломъ, въ который должны были входить всѣ Славянскія земли по лѣвую сторону эту рѣки, подчиненныя Руси. То была волость Владимірова сына Мстислава, въ борьбѣ котораго съ братомъ Ярославомъ усматривается, какъ было замѣчено выше, такая тѣсная связь Тмутаракани съ Сѣверскимъ населеніемъ. Усиленіе Тмутаракани было естественнымъ послѣдствіемъ войнъ Олега и особенно Святослава съ Казарами и походовъ Русскихъ дружинъ, которыя, разрушивъ Казарское царство, раздвинули предѣлы Русскаго государства до Кавказскихъ горъ. Необходимость борьбы съ кочевыми выходцами изъ Азіи, съ сосѣдними горными племенами и Греками заставили Русскихъ князей выбрать эту окраину центромъ своей военной и административной дѣятельности на юго-востокѣ, и притянуть къ нему Славяно-Русскія земли восточнаго Подпѣпровья. Впрочемъ невыгоды такого центра скоро обнаружились. Въ началѣ XI в. Мстиславъ, овладѣвъ лѣвымъ побережьемъ Днѣпра, перенесъ свой столъ въ Черниговъ, и уже съ того времени Тмутаракань снизошла на степень второстепеннаго удѣла Черниговскаго княженія. Попытки князей — изгоевъ оторвать ея отъ Чернигова и образовать изъ нея отдѣльную и самостоятельную волость не имѣли успѣха и лишь способствовали ослабленію ея связи съ Славяно-Русскимъ міромъ, поднимая въ ней инородческіе элементы. Отдаленность ея отъ Подпѣпровья, слабость мѣстнаго Славяно-Русскаго населенія и усиленный наплывъ Азійскихъ кочевниковъ—Половцевъ—повели за собою паденіе въ Тмутаракани Русской власти. Къ концу XII в. она выходитъ изъ ряда Русскихъ волостей. Лѣтопись говоритъ о ней въ послѣдній разъ подъ 1094 годомъ, а изъ XII в. о ней дошло до насъ только имя въ поэтическихъ сказаніяхъ Слова о полку Игоревѣ [285]).

Раздѣлъ Русскихъ земель между сыновьями Ярослава окончательно закрѣпилъ распаденіе Сѣверской земли на княженія Черниговское и Переяславское. Составляя юго-восточную окраину Русскихъ владѣній со стороны степей, оба они имѣли зада-

чею служить оплотомъ Руси противъ степныхъ варваровъ, сдерживая ихъ нападенія. Эта задача обусловила во многомъ ихъ историческія судьбы; но для Переяславскаго княженія, открытаго для степняковъ съ востока и юга, исполненіе ея было труднѣе, чѣмъ для княженія Черниговскаго, защищаемаго имъ съ юга. По этому, не смотря на богатую природу, на выгодное положеніе при Днѣпрѣ, князья, сидѣвшіе въ Переяславлѣ, дѣйствительно „много бѣдъ принимали отъ рати и голода" (Поуч. Мопом. 103), и по отношенію къ Чернигову онъ всегда занималъ второе мѣсто. Естественно, что при такихъ условіяхъ, онъ не могъ достигнуть самостоятельности, и съ конца XI в., съ усиленіемъ кочевыхъ ордъ, онъ вступаетъ въ тѣсную связь съ Кіевомъ, составляя почти не болѣе, какъ удѣлъ Кіевскаго княженія [286]).

Переяславское княженіе занимало область по Трубежу, Супою и Сулѣ до Ворсклы, простираясь на сѣверъ и сѣверо-востокъ до верховьевъ этихъ рѣкъ, до водораздѣла ихъ съ областью Десны и Сейма съ одной стороны, Сѣвернаго Донца съ другой. На сѣверо-западѣ оно примыкало къ собственно Кіевскимъ владѣніямъ, находившимся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, какъ это видно изъ извѣстія XII в., рубежъ шолъ по р. Корани (1139. Лавр. 134, теп. Карани, лѣвому притоку Трубежа), за тѣмъ къ устью Осетра, мимо Кіевскихъ владѣній, узкою полостью пролегавшихъ по Днѣпровскому побережью. Что касается южной границы, то, какъ и на Кіевской сторонѣ, она измѣнялась соотвѣтственно ходу борьбы Руси съ степняками. Извѣстіе о дѣятельности Владиміра Святаго въ этомъ краю, первое, записанное въ Начальной лѣтописи, указываетъ самые южные города, основанные этимъ княземъ, на р. Сулѣ (Лавр. 52); въ нихъ были посселены „лучшіе мужи отъ Словенъ и отъ Кривичъ и отъ Чуди и отъ Вятичъ" — явный знакъ, что мѣстное Славянское населеніе было тогда слишкомъ слабо, или же что его вовсе не было на этомъ южно-русскомъ порубежьи, что оно уже отступило въ болѣе безопасныя мѣста отъ нападеній Печенѣговъ. Но какъ ничтожны были вновь основанные города для защиты Переяславля, видно изъ послѣдующихъ лѣтописныхъ извѣстій. Уже при Владимірѣ Святомъ, подъ 902 годомъ, лѣтопись гово-

ритъ о набѣгѣ на Переяславль Печенѣговъ, пришедшихъ изъ-за Сулы. Встрѣченные княземъ на Требежѣ, они были прогнаны, благодаря Русскому богатырю, который „перея славу" у богатыря Печенѣжина (ibid. 53). Какъ извѣстно, съ этою побѣдою лѣтописное преданіе связываетъ основаніе Переяславля, впрочемъ несомнѣнно существовавшаго ранѣе. Весьма вѣроятно, что новое укрѣпленіе, перестройка этаго города подала поводъ къ лѣтописной легендѣ, тѣмъ скорѣе, что она представляла наглядное объясненіе происхожденію его названія. Хотя Борисъ Св., отправленный изъ Кіева на Печенѣговъ (1015), не нашелъ ихъ въ предѣлахъ Переяславскаго княженія; но тѣмъ не менѣе всѣ извѣстія до конца XI в. указываютъ, что мѣстомъ борьбы ихъ съ Русскими князьями служили окрестности Переяславля, тогда какъ на юго-востокѣ они свободно проникали до Подесенья и Посемья. Такъ въ 1017 г. Святополкъ, поддерживаемый Печенѣгами, былъ разбитъ братомъ Ярославомъ на р. Альтѣ (Лавр. 62); въ 1067 г. на Альтѣ же Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій князья нанесли пораженіе Половцамъ (ibid. 74); въ 1078 г. была битва съ ними у Нѣжатины Нивы, тепер. Нѣжина (ibid. 86) [287]), битва, въ которой палъ великій князь Изяславъ; въ слѣдующемъ г. Половцы съ изгоемъ Романомъ Черниговскимъ подходили къ Воину, тепер. Войницѣ въ 11 верстахъ къ югу отъ Переяславля на р. Броваркѣ; Всеволодъ, бывшій тогда въ Переяславлѣ, заключилъ съ ними миръ (ibid. 87). Какъ кажется, уже тогда Русь поняла необходимость ограждать свои степныя порубежья отъ „дикихъ" кочевниковъ тѣми изъ ихъ сородичей, которые начинали привыкать къ осѣдлости, и находили выгоднымъ признавать себя въ зависимости отъ Русскихъ князей. Съ конца XI в. на Кіевской сторонѣ Днѣпра становится извѣстенъ Торційскъ, Торческъ, Торційскій градъ, гор. Торковъ, прежде кочеваго, а тогда уже полуосѣдлаго населенія. Нѣсколько ранѣе извѣстны Торки, поселившіеся на лѣвой сторонѣ Днѣпра и признававшіе надъ собою власть Переяславскаго князя. По указаніямъ XII в., они занимали область въ окрестностяхъ Баруча, города, лежавшаго близъ городовъ Вронь-Княжа (1125. Лавр. 129), тепер. Браницы въ Кролевецкомъ у. на рѣчкѣ

Грабаровкѣ, лѣвомъ притокѣ верхняго Трубежа, Нѣжатина (1135. Лавр. 132) [288]), Городка (ibid.), тен. Городня на Сможѣ, съ лѣвой стороны впадающей въ Удай выше Прилукъ,— и Серебрянаго (Ипат. 107) тепер. м. Сребнаго, Прилукскаго уѣзда, по Роменскому тракту, на р. Лысогорѣ; — т. е. или въ сѣверной части Прилукскаго или въ южной Нѣжинскаго уѣзда, можетъ быть, въ окрестностяхъ тепер. хутора Барышовцова, принадлежащаго сел. Носовкѣ (Нѣжинскаго у. на границѣ съ Прилукскимъ). Впрочемъ это полуосѣдлое населеніе не всегда оправдывало ожиданія Русскихъ князей, и весьма часто обнаруживало враждебность противъ нихъ и кореннаго Славянскаго населенія. Въ 1080 г. по извѣстію Начальной лѣтописи, Переяславскіе Торки заратились на Русь, и были усмирены Владиміромъ Мономахомъ (Лавр. 87). Въ первой четверти XII в. Торки сами бѣжали изъ Русской земли (1120. Лавр. 128), вмѣстѣ съ Печенѣгами (1121. Ипат. 8), — „и тако мятущеся сдѣ, ондѣ, и тако погыбоша". Въ тоже время Берендичи были прогнаны Мономахомъ (ibid.). Не смотря на то, и поздпѣе замѣчаются остатки этаго порубежнаго полукочеваго — полуосѣдлаго населенія Переяславской области, въ тѣхъ же Торкахъ, а также въ Турпѣяхъ, державшихся окрестностей Переяславля (1150. Ипат. 50) и въ Коуяхъ Черниговскихъ (Ипат. 130). Можетъ быть, благодаря этому живому оплоту на южномъ порубежьи Переяславскаго княженья, по болѣе всего энергической дѣятельности Мономаха, въ концу XI в. кочевники были принуждены ограничить свои опустошительные набѣги областью Сулы, не заходя сѣвернѣе побережьевъ средняго Удая. Въ это время Переяславцы только два раза видѣли нападеніе ихъ на окрестности своего города, въ 1096 г., когда Половецкій ханъ Куря сжогъ Устье, по всей вѣроятности, Трубежа (Лавр. 97), и въ 1107 г., когда знаменитый Бонякъ захватилъ коней у самаго Переяславля (120) [289]). По Удаю и Сулѣ мы видимъ рядъ укрѣпленій, которая или были возобновлены или вновь поставлены Мономахомъ. Они сдерживали нападенія Половцевъ. Таковы были — по Сулѣ: Ромепъ (тен. Ромны), къ которому ходилъ на Половцевъ Мономахъ съ Олегомъ Черниговскимъ (Поуч.

104); Песочный, разоренный Половцами въ 1092 г. (Лавр. 92) [290]), Късиятинъ, (теп. Скпятинъ м. Лубенскаго у.) и Лубенъ (Лубны), подвергавшіеся нападенію Боняка (Поуч. 103), Горошинъ, въ 1086 г. взятый Половцами (Поуч. 103), теп. Горошинъ на границѣ Хорольскаго у. съ Лубенскимъ; по Удаю:—Прилукъ, теп. Прилуки, и Переволокъ (1092. Лавр.92), теп. Переволочное, къ в. отъ Прилукъ. Въ степныхъ походахъ, которыхъ необходимость для ослабленія Половцевъ была впервые указана Мономахомъ, Русскіе князья проникали за Хоролъ (1086. Поуч. 103, 1107. Лавр. 120), Голтавъ, притокъ Псела, и на ю. в. до Дона; но здѣсь уже невидно слѣдовъ постояннаго осѣдлаго населенія; здѣсь начинались Половецкія вежи и кочевья.

Что касается юго-восточнаго и восточнаго рубежей Переяславскаго княженія, то они очевидно заходили гораздо далѣе за область Сулы, захватывая верхнее теченіе не только этой рѣки, но и Псела, Голтвы, и, можетъ быть, Ворсклы. Указанія на это представляютъ немногія данныя, сообщаемыя Начальною лѣтописью и ея ближайшими продолженіями. Начальная лѣтопись называетъ здѣсь только два города — Старую Бѣлувѣжу и Римовъ (Поуч. Мон. 103, 104), подъ которыми Половцы потерпѣли пораженіе отъ Мономаха. Римовъ скорѣе всего приурочивается къ теп. сел. Римовка, на притокѣ Псела, Грунѣ, къ с. в. отъ Гадяча. Положеніе Старой Бѣловѣжи опредѣлить нельзя; но во всякомъ случаѣ ея не слѣдуетъ смѣшивать съ Черниговскимъ городомъ Бѣлою Вѣжею, возникшимъ нѣсколько позднѣе, и остатки котораго сохранились до-нынѣ у нѣмецкой колоніи Бѣлемешь, близь верховьевъ Остра [291]). По прямому свидѣтельству Мономаха Старая Бѣлавѣжа находилась на Сулѣ или за Сулою, къ в. отъ Прилукъ. Извѣстіе южнорусской лѣтописи 1149 года о томъ, что Юрій Долгорукій цѣлый мѣсяцъ ожидалъ у этаго города союзниковъ своихъ — Половцевъ, готовясь къ походу на Переяславль, указываетъ, что то былъ крайній украинный городъ на степномъ рубежѣ (Ипат. 42). Въ извѣстіяхъ о событіяхъ XII в. лѣтопись называетъ поселеніе Лтаву на рѣкѣ Ворсклѣ (1174. Ипат. 107), вѣроятно порубежное укрѣпленіе на мѣстѣ теперь. Полтавы. Нѣсколько позднѣе на-

чало Половецкихъ кочевій мы видимъ за р. Мерлью, лѣвымъ притокомъ Ворсклы (1183. Ипат. 128). Въ какихъ отношеніяхъ къ Переяславлю находился городъ Донецъ, упоминаемый въ лѣтописномъ разсказѣ о извѣстномъ походѣ на Половцевъ Игоря Новгородъ-Сѣверскаго 1185 года (Ипат. 134), — тянулъ-ли онъ къ Переяславлю или къ Черниговскому Посемью — опредѣлить невозможно. На сѣверо-востокѣ Переяславскій рубежъ долженъ былъ проходить первоначально у сближающихъ между собою верховьевъ Ворсклы, Псела и Сулы, по холмистому водораздѣлу ихъ съ Посемьемъ. Между Посемьемъ и Переяславскими владѣніями простиралось поле (1127, Ипат. 35). Здѣсь въ XII в. мы видимъ значительные порубежные городки-укрѣпленія — Попашъ и Вьяхань (ibid.), точное положеніе которыхъ впрочемъ не извѣстно [292]). Но въ концѣ XI в., въ эпоху борьбы Мономаха съ Святославичами, къ Переяславскому княженію принадлежала также область лѣваго притока Сейма Выря съ городомъ Выремъ или Выревымъ [293]), которая стоитъ однако въ естественной связи съ Посемьемъ и потому уже должна была первоначально принадлежать къ этой окраинѣ Черниговскаго княженія. Такое предположеніе подтверждается сверхъ того постоянными стремленіями Черниговскихъ князей овладѣть этою областью, стремленіями, которыя въ половинѣ XII в. увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Дѣло въ томъ, что Посемье было одинаково важно и для Чернигова и для Переяславля, ибо оно служило обычнымъ путемъ изъ поля въ Сѣверскую Русь для Половцевъ, въ которыхъ Черниговскіе князья находили себѣ постоянныхъ союзниковъ. Естественно, что, враждуя съ ними, Мономахъ понималъ необходимость затруднить сношенія Святославичей съ кочевниками, перерѣзать пути, которыми ходили степняки къ своимъ Русскимъ союзникамъ, и озаботился овладѣть въ Посемьи Выремъ, какъ ближайшимъ пунктомъ къ своей Переяславской волости. Въ поученіи своемъ онъ говоритъ о нападеніи на Выръ Половецкихъ хановъ Аепы и Бонька (Лавр. 103); въ 1113 году Половцы, думавшіе воспользоваться смертью Святополка Кіевскаго, и смутами, какихъ они тогда ожидали на Руси, были отражены отъ Выря соединенными силами Мономаха и Олега

(Ипат. 4). Какъ кажется, Выревская волость была возвращена Черниговскимъ князьямъ во второй половинѣ XII в., когда Кіевскимъ столомъ овладѣлъ ихъ постоянный союзникъ Юрій Долгорукій. Въ 1147 г. Выревцы отвѣчали на угрозы Всеволода Ольговича и Юрьевича „отдать ихъ Половцамъ въ полонъ", что ихъ князь — Изяславъ (Мстиславичъ) [294]). Съ 1160 г. мы уже видимъ въ Выревѣ Черниговскихъ князей (Ипат. 87). На сѣверѣ Переяславско — Черниговскій рубежъ шолъ по тому же водораздѣлу между Посемьемъ съ одной стороны, и притоками Сулы, а также Супоемъ и Трубежемъ съ другой до Кіевскаго рубежа на восточномъ побережьи Днѣпра. Изъ населенныхъ мѣстъ Переяславскаго княженія лѣтопись знаетъ упомянутые уже нами, Переяславль, который въ XII в., въ отличіе отъ другихъ одноименныхъ городовъ, получилъ названіе Русскаго, на Трубежѣ, стольный городъ княженія, и въ эпоху Начальной лѣтописи митрополья [295]). Въ 1008 г. въ немъ построена первая, извѣстная по лѣтописямъ, церковь Воздвиженія Креста (Никон. лѣт. I. 112); но лучшими постройками собственно городъ былъ обязанъ главнымъ образомъ строительной дѣятельности митрополита Ефрема, который, окончивъ каменный храмъ св. Михаила, заложенный княземъ Всеволодомъ въ своемъ монастырѣ (Всеволожемъ), построилъ новыя церкви — св. Ѳеодора на городскихъ воротахъ и св. Андрея у тѣхъ же воротъ; сверхъ того онъ поставилъ „строенье баньное, сего же не бысть преже въ Русп", и заложилъ каменный городъ, начиная отъ церкви св. Ѳеодора (1089. Лавр. 89). Въ 1098 году на княжемъ дворѣ Мономахъ положилъ основаніе церкви св. Богородицы. Въ окрестностяхъ Переяславля находились — къ востоку, по лѣвую сторону Трубежа валы (1095. Лавр. 97. ср. 1150, ibid. 139); какъ кажется, это урочище называлось также Обровью (Поуч. Моном. 103), и селенье, — можетъ быть, городокъ, Воинъ, у котораго въ 1079 году Всеволодъ заключилъ миръ съ Половцами (Лавр. 87), на мѣстѣ теп. сел. Войницы на р. Броворкѣ къ югу въ 7 верстахъ отъ города; къ с. з. отъ города на р. Альтѣ — Летьское поле, урочище, на которомъ былъ убитъ св. Борисъ, и мѣсто битвы, рѣшившей усобицу Свя-

тополка и Ярослава Володимировичей (1019. Лавр. 62). Далѣе вверхъ по Трубежу — Бронь князь — теп. Брапица на притокѣ Трубежа Грабаровкѣ; и близи него Баручъ — можетъ быть, Барышовцевъ у м. Носова; въ области Сулы, по Удаю, Прилукъ, и Переволокъ, по самой Сулѣ — Ромепъ, Песочепъ, Къснятинъ (Скипятинъ), Лубепъ, Горошинъ; здѣсь же надо предположить уроч. Съжицу, мѣсто битвы князей Кіевскаго Изяслава и Черниговскаго Всеволода съ Святославичами и Половцами къ 1087 году (Лавр. 85); оно пріурочивается не безъ вѣроятія къ побережьямъ праваго притока Сулы Оржицы, на которомъ теперь находятся мѣстности Городище (Пирятинскаго у.),—и мѣстность Воропицѣ, откуда Мономахъ началъ одинъ изъ своихъ походовъ на Половцевъ (Поуч. 104), можетъ быть теп. Воропицы на Слѣпородѣ, вливающемся въ Сулу съ правой стороны, нѣсколько ниже Лубепъ [296]). Лукомль, упоминаемый въ описаніяхъ событій второй половины XII в., какъ городище (1179. Ипат. 122), — въ эпоху Начальной лѣтописи могъ еще быть однимъ изъ посульскихъ городовъ, на мѣстѣ теперешняго Лукомья между Лубнами и Горошинымъ; Варинъ, у котораго Мономахъ взялъ Половецкія вежи, и котораго, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, слѣдуетъ искать на Переяславской сторонѣ Днѣпра, принадлежитъ къ мѣстностямъ неопредѣленнымъ.

Собственно Черниговское княженіе только во второй половинѣ XI в. получило значеніе отдѣльнаго и самостоятельнаго княженія. При раздѣлѣ Русскихъ земель между сыновьями Ярослава (1054), оно составило удѣлъ князя Святослава. Неудачная попытка его овладѣть, при жизни старшаго брата Изяслава, старѣйшимъ Кіевскимъ столомъ вопреки господствовавшимъ понятіямъ того времени о княжескихъ правахъ (1073), сдѣлала его сыновей изгоями, и на долго передала его Черниговскую волость въ руки Всеволода Переяславскаго и его сына Мономаха. Только послѣ упорной и продолжительной борьбы, въ которой погибъ младшій изъ Святославичей — Романъ (1079. Лавр. 87), брату его Олегу удалось при помощи Половцевъ вытѣснить изъ Чернигова Мономаха и овладѣть отцовскимъ удѣ-

ломъ (1094 Лавр. 96), а внуку Всеволоду Ольговичу уничтожить послѣднюю тѣнь изгойства, которому подверглась линія Святославичей, и возстановить всѣ ея княженія права [297]). Съ тѣхъ поръ Черниговское княженіе уже не выходило изъ рода Святославичей. Къ тому же времени оно опредѣлилось окончательно въ своемъ составѣ и рубежахъ. Какъ мы уже видѣли, Тмутаракапская волость, первопачально тѣсно связанная съ Черниговомъ, съ конца XI в. исчезаетъ изъ ряда Русскихъ владѣній. Съ ея потерею юго-восточная украина Черниговскаго княжепія ограничивается верхнимъ Посемьемъ съ центральнымъ городомъ Курскомъ, къ которому уже, можетъ быть, въ эпоху Начальной лѣтописи, тянула вся область, въ XII — XIII в. составлявшая земли Курскаго княженія. Но потеря Тмутаракапи была съ избыткомъ вознаграждена закрѣпленіемъ за Черниговскимъ удѣломъ земель Вятичской и Рязанско-Муромской. Какъ извѣстно, первое присоединеніе Вятичей къ Русскому государству относится ко времени походовъ Святослава на Оку и Волгу и его войнъ съ Казарами, и стоитъ съ ними въ связи. Святославъ завоевалъ Вятичей и обложилъ ихъ данью въ 966 г., уже послѣ покоренія Казарскаго царства (Лавр. 27). Воспользовавшись ослабленіемъ Руси вслѣдствіе неудачной войны Болгарской, нападеній Печенѣговъ и смутъ, поднявшихся послѣ смерти Святослава, Вятичи успѣли возвратить себѣ независимость. Но эта земледѣльческая область, лежавшая на старинномъ торговомъ пути изъ Кіевскаго Подпѣпровья въ Поволжье, была слишкомъ привлекательна и важна для Кіевскихъ князей. Такъ мы видимъ, что Владиміръ Св., только что утвердившись въ Кіевѣ, поспѣшилъ снова подчинить себѣ Вятичей,—„Вятичи побѣди и възложи нань дань отъ плуга, якоже и отець его имаше" (981: Лавр. 35). Новое возстапіе ихъ въ слѣдующемъ 982 г. не имѣло успѣха (ibid.). Можетъ быть, выселяя лучшихъ людей „отъ Вятичъ" въ города, вновь построенные на порубежьи южной Руси, Владиміръ имѣлъ въ виду тѣмъ самымъ ослабить самостоятельныя силы Вятичской земли и прочнѣе утвердить надъ нею свою власть. Но во всякомъ случаѣ Вятичи успѣли удержать за собою нѣкоторую долю независимости до самаго конца XI в.

и имѣли своихъ земельныхъ князей или вождей. Окончательное паденіе ихъ самостоятельности относится ко времени Черниговскаго княженія Мономаха. Этотъ князь дѣлалъ два похода „въ Вятичи",—первый на Ходоту и на сына его, въ которыхъ нельзя не видѣть старѣйшинъ или земельныхъ князей этой области, — второй на городокъ Корьдну, положеніе котораго мы старались опредѣлить выше (Поуч. Мон. 103). Съ тѣхъ поръ Вятичи оставались волостью Черниговскихъ князей, хотя еще въ XII в. ихъ область удерживала ихъ племенное названіе.

Что касается Муромской земли (1096. Лавр. 108), то нѣтъ сомнѣнія, что первоначально она тянула къ Ростово-Суздальской землѣ и вмѣстѣ съ нею къ Новгороду. То было слѣдствіемъ участія Словенъ и Кривичей въ колонизаціи области нижней Оки. Давняя связь Мурома съ Новгородомъ указывается между прочимъ тѣмъ, что лѣтопись называетъ его въ числѣ городовъ, которые Новгородскій князь Рюрикъ раздавалъ своимъ мужамъ. Со второй половины X в. онъ получаетъ уже значеніе особаго княжескаго удѣла, и составляетъ волость Володимірова сына Глѣба (988. Лавр. 52). За тѣмъ изъ обстоятельствъ борьбы Олега Святославича съ Мономахомъ и его сыновьями видно, что при раздѣлѣ волостей между Ярославыми сыновьями Муромская земля вмѣстѣ съ Рязанью досталась на долю Святослава Черниговскаго, тогда какъ Ростовъ отошелъ къ волости Переяславской [298]). Въ тѣсной связи съ Муромомъ стояла Рязанская область, точно также первоначально занятая Финскою вѣтвью — Мордвою, но уже въ эпоху Начальной лѣтописи колонизованная выходцами съ Славянскаго юго-запада. Она простиралась по правымъ притокамъ Оки — Проні и Цни, и по верхнему Дону и его притокамъ.

Такимъ образомъ къ концу XI в. рубежи Черниговскаго княженія охватывали, кромѣ Подесенскихъ и Посемскихъ Сѣверянъ, земли Радимичей и Вятичей, и колонизаціонную область Муромо-Рязанскую. Онѣ прилегали на сѣверѣ къ Суздальско-Ростовской землѣ и къ Смоленскому княженію, на западѣ къ княженіямъ Полоцкому и Кіевскому, на югѣ къ Переяславскому, тогда какъ на юго востокѣ они терялись въ кочевьяхъ степня-

ковъ, а на сѣверо-востокѣ примыкали къ землямъ Мордвы и Болгаръ. Южные и сѣверные рубежи Черниговскаго княженія мы имѣли случай опредѣлить выше, — первые при разсмотрѣніи границъ Переяславскаго княженія, вторые — стараясь, на основаніи данныхъ, предлагаемыхъ лѣтописными извѣстіями и отчасти свидѣтельствами топографической номенклатуры, возстановить земельныя порубежья Радимичей съ Кривскими поселеньями въ юго-западной части Окской области. Западный рубежъ Черниговскаго княженія составляло теченіе Днѣпра приблизительно отъ устья Березины, которое лежитъ между Полоцкимъ городомъ Стрѣшевымъ (1159. Ипат. 89 тек. Стрѣшинъ къ югу отъ Рогачева), и Рѣчицею, однимъ изъ крайнихъ на Черниговскомъ порубежьи городовъ, какъ то видно изъ извѣстія о походѣ Новгородцевъ на Черниговскую волость въ 1214 году (Новгор. I-ая, 32), — и во всякомъ случаѣ до устья Припети. Названія уже отмѣченныхъ нами мѣстностей на водораздѣлѣ между Брянской и Днѣпромъ (Высокомежъ у верховьевъ Врагинки, Сутава, Сѣвки, Кривичи) даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что Черниговскія порубежныя мѣста заходили и на западную сторону Днѣпра. Сверхъ того Любечь, гдѣ по словамъ лѣтописи, была „вся жизнь" Черниговскихъ князей (1148. Ипат. 27), конечно не могъ стоять открытымъ на самомъ рубежѣ Черниговскаго княженія [299]). Какъ вѣроятный остатокъ порубежныхъ укрѣпленій въ окрестностяхъ его нельзя не отмѣтить сел. Воротецъ, на правомъ болотистомъ побережьи Днѣпра, на р. Рѣчицѣ (Черниговскаго у.). Къ югу отъ устьевъ Припети Днѣпръ переставалъ служить рубежомъ Черниговскаго княженія. Мы видѣли, что низовья Десны принадлежали Кіевскому княженію. Здѣсь ближайшимъ порубежнымъ Черниговскимъ городомъ въ XII в. является Лутава (1179. Ипат. 177), теперь сел. на Деснѣ въ 6 верстахъ выше отъ Остра. Рубежъ Черниговско-Переяславскій проходилъ, какъ мы уже видѣли, по водораздѣлу между Остромъ и Семью съ одной стороны, Трубежомъ и Посульемъ съ другой. Область верхняго Сейма, которой по преимуществу придавалось названіе Посемья, имѣлацентральнымъ пунктомъ городъ Курскъ (1095. Лавр.), впослѣдствіи соста-

вившій особый удѣлъ Черниговскаго княженія. Лѣтопись не сообщаетъ относительно его области никакихъ географическихъ данныхъ; но весьма вѣроятно, что уже и въ ея время къ нему тянула всѣ тѣ земли, которыя впослѣдствіи составляли Курское княженіе. Именно юго-восточныя окраины ихъ могли достигать водораздѣла между верхними теченіями Сѣвернаго Донца и Оскола. Въ описаніи знаменитаго похода Игоря Святославича на Половцевъ 1185 лѣтопись говоритъ, что этотъ князь, переправившись черезъ Донецъ, два дня ждалъ брата своего, шедшаго другимъ путемъ изъ Курска, на Осколѣ (Ипат. 130), — явный знакъ, что на пространствѣ до этой рѣки Русскіе князья видѣли себя еще дома, считали себя безопасными отъ враждебныхъ кочевниковъ. Подтвержденіе такому предположенію представляетъ Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ поэтъ, говоря о переходѣ Русскихъ воевъ черезъ холмистый водораздѣлъ Донецко-Оскольскій, восклицаетъ: „о Русская земле, уже за шеломянемъ еси", — какъ бы указывая тѣмъ, что именно этотъ водораздѣлъ составлялъ грань между Русскою землею и Половецкими кочевьями [300]). Уже упомянутый нами Донецъ, окраинный городъ на югѣ Курскаго княженія, въ которомъ нашелъ себѣ убѣжище Игорь Святославичъ въ бѣгствѣ изъ Половецкаго плѣна, долженъ былъ находиться, какъ показываетъ самое названіе его, на побережьяхъ Сѣвернаго Донца. Восточное порубежье Черниговскаго княженія охватывало не только теченіе верхняго Дона, гдѣ, по словамъ извѣстнаго „Хожденія Инменова во Цареградъ" XIV в., „бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста", но и всю область по Воронежу, можетъ быть простиралась въ глубь степей до Хопра и Вороны. На принадлежность Воронежской области (Воронажа или Вороножа) къ Рязанскому княженію уже въ XII в. мы имѣемъ прямое лѣтописное свидѣтельство въ извѣстіи о войнѣ Всеволода Юрьевича Володимірскаго съ Рязанью въ 1177 г. [301]). Въ XIV в. Рязанская украина занимала пространство отъ Дона и Воронежа на востокъ до Великой Вороны (правый притокъ Хопра въ тепер. Пензенской и Тамбовской губерніи) и Хопра, и, какъ кажется, носило названіе Червленаго Яра [302]). Въ грамотѣ Митрополита Ѳео-

гпоста, данной Рязанскому владыкѣ (1334 — 1354), говорится о городахъ по Великую Ворону, которые должны зависѣть отъ Рязанской епископіи. Можно думать, что эти города существовали и въ эпоху Начальной лѣтописи, что и здѣсь они были поставлены въ огражденіе Русской земли отъ степняковъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Никоновскій сводъ упоминаетъ о городахъ Червленаго Яру на Великой Воронѣ уже подъ 1148 годомъ (Никон. Лѣт. II. 105). Гдѣ проходилъ Черниговo-Рязанскій рубежъ къ с. отъ Вороны, на предѣлахъ съ Мордвою, опредѣлить невозможно. По всей вѣроятности онъ терялся въ лѣсистой мѣстности, омываемой теченіемъ Цны, славянское названіе которой указываетъ на раннюю принадлежность ея къ Славяно-Русской землѣ. Этою Цною и низовьями Мокши, на которой въ началѣ XIII в. мы видимъ крайній Рязанскій городъ Кадомъ (1209 Никон. Лѣт. II. 306), при устьи Вада, порубежье шло къ Окѣ къ собственно Муромской землѣ. Въ концѣ XI в. Муромъ лежалъ на самомъ порубежьи Русской земли съ землями Камскихъ Болгаръ, какъ то видно изъ лѣтописнаго извѣстія о взятіи этого города Болгарами Камскими въ 1088 году (Лавр. 89). Основаніе Нижняго Новгорода на Мордовскихъ предѣлахъ спустя три съ половиною столѣтія послѣ утвержденія Русской власти въ Муромѣ (1221. Лавр. 189) указываетъ, какого труда стоило Русскимъ князьямъ упрочить за собою устья Оки, и какъ медленно утверждалась въ этомъ краю Славяно-Русская колонизація. Сѣверо-западная окраина Черниговскаго княженія прилегала частью къ Ростово-Суздальской землѣ, частью къ Смоленской. Порубежье съ Ростовомъ, начинаясь въ низовьяхъ Клязьмы, отъ Болгарскаго рубежа, шло лѣсистымъ и болотистымъ водораздѣломъ между Клязьмой и Окою до устья Москвы. На этомъ пространствѣ ближайшимъ къ Мурому городомъ Ростовской земли является Суздаль (1096. Лавр. 108—109), на р. Нерли, и изъ обстоятельствъ борьбы между Мстиславомъ Мономашичемъ и Олегомъ Черниговскимъ нельзя не видѣть, что между этими городами не было иныхъ порубежныхъ укрѣпленій; иначе враждующіе князья не могли бы совершать своихъ походовъ отъ одного города къ другому такъ свободно, не встрѣчая на пути

никакихъ преградъ. Самый Владиміръ на Клязьмѣ былъ построенъ Владиміромъ Мономахомъ не ранѣе конца XI или начала XII в. едва ли не въ видахъ огражденія Суздальско-Ростовской земли со стороны Черниговскаго порубежья. Отъ Москвы р., при устьи которой уже въ XII в. стоялъ Рязанскій городъ Коломна (1176. Лавр. 161), рубежъ направлялся на востокъ по водораздѣлу между бассейномъ Оки и Москвы р., огибая лѣвые Окскіе притоки Лопасну (1176. Ипат. 118), Нару и Угру, верховья которой въ XII в. принадлежали однако къ Смоленскому княженію (1147. Ипат. 30). Деснянскій бассейнъ принадлежалъ Черниговскому княженію, какъ кажется, невполнѣ. Здѣсь рубежъ направлялся отъ волока Угро-Болвянскаго на югъ по водораздѣлу между Деспою и Болвою, за тѣмъ на юго-западъ, пересѣкая Десну у Черниговскаго города Вщижа (1142. Ипат. 10), перерѣзывалъ теченіе Ипути, Остра и Сожи у устьевъ Вехры, и по той линіи, которая была отмѣчена нами выше, какъ возможное староземельное порубежье Радимичей, доходилъ до Днѣпра, который отдѣлялъ Черниговское княженіе отъ Полоцкаго.

На обширномъ пространствѣ, которое занимало Черниговское княженіе, Начальная лѣтопись знаетъ весьма немного населенныхъ мѣстъ. Она называетъ только въ области Десны Черниговъ (907. Лавр. 13) на Деснѣ и р. Стрижени (86), стольный городъ всего княженія, съ двойными укрѣпленіями (градъ окольный и дѣтинній градъ), съ церковью св. Спаса, заложенною Мстиславомъ Тмутаракапскимъ, который и былъ въ ней похороненъ (1036. Лавр. 65), и княжимъ Краснымъ дворомъ (103). Въ окрестностяхъ его на Болдиныхъ горахъ, на мѣстѣ, гдѣ жилъ нѣкоторое время св. Антоній, — монастырь св. Богородицы (ibid. 83). Близъ Чернигова Лиственъ, мѣсто битвы и заключенія мира между Ярославомъ Новгородскимъ и Мстиславомъ Тмутаракапскимъ въ 1024 году (ibid. 64), — вѣроятно на мѣстѣ тепер. Листвена, сел. на р. Рудѣ, впадающей въ Сновь, въ 12 верстахъ отъ Городна (близъ него Малый Лиственъ); Сновескъ, подъ которымъ Святославъ Ярославичъ разбилъ Половцевъ въ 1064 году (74); на мѣстѣ этого городка, находившагося на Деснѣ при впаденіи Сновп, указываютъ горо-

дище у теп. мѣст. Брусилова, — далѣе урочище или село Нѣжатина Нива, гдѣ Половцы нанесли пораженіе князьямъ Ярославичамъ въ битвѣ 1078 года, въ которой палъ Изяславъ Кіевскій (Лавр. 86); Нѣжатина Нива должна была находиться на р. Острѣ, можетъ быть тамъ, гдѣ теперь Нѣжинъ, ибо съ мѣста битвы тѣло павшаго князья везли въ лодьи, несомнѣнно по Остру и Деснѣ къ Городцу, что́ противъ Кіева (см. выше стр. 143); далѣе Городокъ на Востри, заложенный Мономахомъ въ 1098 году (Лавр. 116), теп. Старогородка въ одной верстѣ отъ у. г. Остра; Стродубъ, сильное укрѣпленіе, выдержавшее въ 1098 году 33 дневную осаду соединенныхъ силъ Кіевскаго Святополка, и Мономаха (Лавр. 98), Новый Городъ (Новгородъ Сѣверскъ) на Деснѣ, подъ которымъ Мономахъ разбилъ Половцевъ, разорявшихъ окрестности Стародуба (Поуч. 103), и Курскъ въ Посемьи (ibid.); въ области Оки — Вятичьскій городъ Корьдна, Рязань (1096. Лавр. 108) и Муромъ съ монастыремъ св. Спаса (ibid).

Глава VIII. Кривичи. Ихъ коренныя поселенія. Колонизація Поволжья, Озерной области, полостей Западной Двины и Нѣмана. Центры Кривскаго населенія. Изборскіе Кривичи. Княженіе Полоцкое и Смоленское. Ихъ границы и населенныя мѣста. Новгородскіе Словене. Этнографическое распространеніе. Новгородская земля и Новгородскія волости въ половинѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Географическія данныя Устава Ярославова о мостѣхъ и Уставной грамоты князя Святослава Ольговича въ XII вѣкѣ. Колонизація Новгородскихъ Словенъ въ Поволжьи. Бѣлоозеро и Ростово-Суздальская земля.

На сѣверо-западѣ восточнаго Славянства, верховья Волги, Днѣпра и Двины, и южную часть Озерной области, занимали близко-родственныя между собою [303]) Славянскія вѣтви Кривичей и собственно Славянъ, Словенъ. Ихъ географическое положеніе на окраинѣ Славянскаго міра, въ средоточіи важнѣйшихъ водныхъ путей всей восточно-европейской равнины, обусловило ихъ важное историческое значеніе для Славяно-Русской колонизаціи первоначально-инородческихъ земель. Они были призваны подчинить Славянству обширныя земли на Финскомъ сѣверо-востокѣ, на который главнымъ образомъ было направлено ихъ колонизаціонное движеніе, встрѣчавшее сильную преграду

на западѣ въ западныхъ Чудскихъ племенахъ, обнаружившихъ болѣе самостоятельности а устоя, чѣмъ ихъ восточные собратья, и въ воинственной Литвѣ. Кривичи и Славяне составили главную основу великорусской народности; ихъ выходцы первые приложили пути въ области разрозненныхъ Чудскихъ народцевъ Поволжья и облегчили движеніе другимъ Славяно-Русскимъ племенамъ.

Географическое положеніе Кривичей Начальная лѣтопись опредѣляетъ верховьями Двины, Днѣпра и Волги; Полоцкая вѣтвь ихъ указывается по теченію Двины и вливающейся въ нее Полоты. Но нѣтъ сомнѣнія, что область, занятая ими, была гораздо обширнѣе, простиралась на югъ до земель Дреговичей, Древлянъ и Радимичей, на востокъ до Радимичей и Сѣверянъ, на сѣверъ до разселеній Новгородскихъ Славянъ, а на сѣверо-востокѣ она терялась въ лѣсистомъ и многоводномъ верхнемъ Поволжьи. Южное порубежье ея должно было идти, какъ мы уже видѣли, на правой сторонѣ Днѣпра — водораздѣломъ между Припстью, Нѣманомъ и Березиной, на лѣвой — волокомъ между Днѣпромъ и Сожей и верхними теченьями сѣверныхъ притоковъ Десны. На этомъ пространствѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ мѣстностей съ названіями, напоминающими собою Кривичей и вблизи мѣстностей, въ названіяхъ которыхъ сохраняются явные слѣды наименованій сосѣднихъ племенъ и старинныхъ городовыхъ сооруженій. Таковы на Дреговичскимъ порубежьи, въ области, гдѣ замѣчаются остатки древнихъ Ятвяжскихъ поселеній, — три селенія съ названіями Кривичей: къ западу отъ Слонима, между рр. Зельвянкой и Щарою, въ Лидскомъ у. на правомъ берегу Нѣмана, и въ Новогрудскомъ на лѣвомъ берегу его, — въ сосѣдствѣ ихъ — Дороглинъ, Деречинъ, Дрогобыль и т. п. и нѣсколько городковъ; далѣе на извѣстномъ уже намъ Брагинско-Днѣпровскомъ водораздѣлѣ, — Кривскъ и двѣ Кривчи вблизи мѣстностей — Радуль, Сѣвки, Сутава, Городище: на лѣвой сторонѣ Днѣпра на Радимичскомъ порубежьи — озеро Кречапы близъ Рогачева, южнѣе его Кривскъ у верховьевъ Сожскаго притока Узы, къ в. отъ Гомеля (Черниговскій городъ Гомьи 1142), близъ него Радѣевъ; Кривскъ и Городецъ къ с. з. отъ

Черниговскаго города Чечерска (1159. Ипат. 84), Кривецъ къ с. з. отъ Горокъ, и вблизи его нѣсколько городковъ и сел. Радимля, что́ на Пропѣ, къ с. отъ Чаусъ, — Кривецъ на Сожѣ, къ югу отъ Мстиславля, Кривецъ на дорогѣ изъ Рославля въ Смоленскъ и др. На востокѣ исконныя поселенія Кривичей едва ли переходили волоки, раздѣляющіе бассейны Днѣпра и Оки. Неславянскія названія притоковъ верхняго Днѣпра до самаго Смоленска, и Десны до того мѣста, гдѣ она измѣняетъ свое теченіе на юго-западъ (у устья Болвы), даютъ основаніе думать, что даже здѣсь первоначальное населеніе должны были составлять инородцы. Но въ эпоху Начальной лѣтописи Славянство перешло уже въ область Оки, заняло Чудскія земли Мери и Мордвы, и въ этой колонизаціи Кривичи принимали немаловажное участіе. Верхнія теченія Угры и Десны, какъ занятыя сплошнымъ Кривскимъ населеніемъ, могли изстари и вполнѣ входить въ составъ Кривской земли, ибо весьма вѣроятно, что пролегавшій здѣсь поздѣе рубежъ Чернигово-Смоленскій возникъ на основѣ стараго земельнаго рубежа Кривско-Сѣверскаго или Радимичскаго. Какъ возможные остатки его считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь по Угрѣ вверхъ отъ устья Спгоса (въ Юхновскомъ у.) селл. Городянка, Городище, Городокъ Дорогобужскаго уѣзда; къ с. отъ нихъ Городокъ на Осмѣ, къ югу — Городечно на ручьѣ Городнѣ близъ верховьевъ Болвы, два селенья Сутоки на волокѣ между Десною и Болвою, Огородня по правой сторонѣ Десны, почти на одной линіи съ Черниговскимъ городомъ Вщижемъ. Но если здѣсь могло проходить древнее земельное порубежье Кривичей, то множество Кривскихъ названій въ Окской области до верхняго Дона указываютъ что отдѣльныя поселенія Кривичей, ихъ колоніи участвовали въ образованіи Славяно-Русскаго населенія этого первообразно Финскаго края. Тамъ между прочимъ мы видимъ въ области Оки — Кривo-Городище, близъ истоковъ Оки къ западу отъ Кромъ, Покривское къ югу отъ Орла на Курскомъ шоссе, Кревье или Волосатое у истоковъ Нугря, близъ него Радзино, Кривче къ с. з. и Кривцовъ къ с. отъ Болхова, — на Жиздрѣ Кричина (въ Козельскомъ у.) между двумя селеніями Во-

лосовыми и близь сел. Меренищъ; къ западу отъ послѣдняго Кривуша, далѣе на с. Кривская на Протвѣ, къ с. отъ Малоярославца и др. Въ области Дона — Кривая (Покровская), Большой и Малый Кривецъ на Любовшѣ, притокѣ Сосны, ручей Кривецъ и т. д. Не въ большомъ разстояніи къ с. з. отъ этихъ мѣстностей обращаетъ на себя вниманіе сел. Воротынецъ на р. Зушѣ, нѣсколько выше Новосиля. Что касается сѣверо-восточныхъ разселеній Кривскаго племени, то они должны были занимать значительную часть Волжскаго бассейна. Свидѣтельство XII в., что Суздальско-Залѣская дань принадлежала первоначально Смоленскимъ, т. е. Кривскимъ князьямъ, даетъ основаніе предполагать, что по крайней мѣрѣ южная часть Суздальской земли стояла въ связи съ Смоленскомъ, зависила отъ него. Эта связь и зависимость естественнѣе всего объясняется колонизаціоннымъ движеніемъ Смоленскихъ Кривичей въ земли Мери и Веси, въ область Москвы р. и Клязьмы до самой Волги, при чемъ переселенцы не теряли земельной связи съ своей митрополіей. Наиболѣе существенныя и основательныя разъясненія по этому предположенію могло бы дать сравнительное изученіе народныхъ парѣчій и говоровъ въ земляхъ древне—Кривскихъ и въ Поволжьи. Для насъ же оно кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что въ пользу его говоритъ географическая связь Кривскаго Подвинровья съ этимъ краемъ, связь, которую мы старались указать выше (Глава I.). Если справедливо, что колонизаціонное движеніе Славянъ вообще совершалось по рѣкамъ, составлявшимъ въ этой лѣсистой и дикой странѣ единственные пути сообщенія, то часть верхняго Поволожья между Угрою, Окою, Клязьмою и Волгою, пересѣкаемая теченіями Москвы и Клязьмы, скорѣе всего могла заселиться Кривичами. Обращаясь за тѣмъ къ данными топографической номенклатуры, мы находимъ въ довольно значительномъ количествѣ слѣды Кривскихъ наименованій въ области Клязьмы и средняго Поволожья. Таковыми могутъ быть въ области Москвы р. и Клязьмы—деревня Кривцовская въ 1504 принадлежавшая Онуфріевскому монастырю въ Звенигородѣ (Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. 365), нынѣшнія селенія Кречково или Кричковъ въ Нижегородскомъ

уѣздѣ, Кривцы или Кривцовы — одно на Истрѣ въ Клинскомъ у., а другое въ Бронницкомъ на Рязанскомъ шоссе, три Кривцова въ тен. Владимірской губерніи — Юрьевскаго у., на р. Николаевкѣ въ 32 верстахъ къ югу отъ у. г. (близъ него сел. Вески) другое къ с. въ 54 верстахъ отъ того же города на побережьяхъ Нерли, и третье — въ Шуйскомъ у. въ 38 верстахъ отъ у. г.; здѣсь же Кривцы на р. Воршѣ Владимірскаго у. (къ с. з. въ 42 верстахъ отъ у. г.) и Кривицы на р. Жерновѣ къ ю. з. въ 15 верстахъ отъ Мурома. Но болѣе подобныхъ названій замѣчается къ сѣверу отъ Клязьмы, въ излучинѣ, которая образуется теченіемъ Волги отъ устья Тверцы до Костромы. Этотъ край могъ заселяться Кривскими выходцами съ верховьевъ какъ Днѣпра, такъ и Волги, которыя лѣтопись указываетъ, какъ мѣсто исконныхъ поселеній Кривичей. Здѣсь мы находимъ — Кривецъ Дмитровскаго у. на р. Дубнѣ, Крево на Волгѣ при устьи р. Кревки въ 6 верстахъ ниже Корчева, и вблизи на правой сторонѣ Волги Кривецъ (въ 17 верстахъ отъ Корчевы); далѣе мы видимъ цѣлый рядъ селеній съ названіями „Кривцовъ" къ с. отъ Корчевы въ 55 верстахъ, — на р. Гусевнѣ въ 22 верстахъ отъ Калязина, — на р. Вожѣ въ 6 верстахъ на с. отъ Кашина, — два Кривцова въ 47 верстахъ отъ Углича близъ Переяславской границы, и третье въ 24 верстахъ къ югу отъ того же города; за тѣмъ Кривцы въ 40 верстахъ къ ю. з. отъ Мышкина, Кривецъ на правой сторонѣ Волги въ 7 верстахъ отъ того же города; деревни Кривцовы, которыхъ насчитывается до шести въ у. Мышкинскомъ, Моложскомъ, Рыбинскомъ и Пошехонскомъ, два сел. Кривандина въ Романово-Борисоглѣбскомъ у., Кривякъ на Сити Моложскаго, Кривецъ Большой и Малый на Сухонѣ Вологодскаго у., два Кривецкихъ въ Никольскомъ, Кривовская д. въ Кадниковскомъ у. и др. могутъ указывать, какъ далеко въ эту сторону простирались разселенія Кривичей, встрѣчавшіяся тутъ съ поселенцами изъ области Ильменскихъ Славянъ. Далѣе на западъ поселенія Кривичей прилегали къ коренымъ поселеніямъ Новгородскихъ Славянъ. Изъ указаній самой Начальной лѣтописи, которая опредѣляетъ область Кривичей верховьями Волги, Двины и Днѣпра, надо заключить, что ихъ

поселенія первоначально ограничивались на с. з. гористымъ водораздѣломъ системы этихъ рѣкъ съ Озерной областью, который образуютъ Алаунская возвышенность и Валдайскія горы. Но, благодаря удобствамъ водныхъ путей, Новгородскіе Славяне весьма рано проникли въ сѣверо-западную часть Поволожья, заняли область Мсты и верхней Мологи. Уже въ XII в. Медвѣдица является ихъ межою со стороны Ростово-Суздальской земли. Въ тоже время Кривское племя вошло на сѣверо-западъ въ область Чудскаго озера, захвативъ при этомъ верхнюю часть Ловатскаго бассейна. Вѣроятные слѣды Кривскаго разселенія въ Озерной области могутъ представлять сел. Кривкина Демянскаго у. къ западу отъ оз. Велья; два селенья Кривцы на Березнѣ, правомъ притокѣ Полисты въ с. з. углу того же у., Кривецъ на з. отъ Порхова, близь Прощеницъ; къ ю. отъ него Славковичи; Кривецъ на югъ отъ Порхова, и Кривины близь истоковъ Шелони. Кривское происхожденіе Славянъ, поселявшихся у Чудскаго озера, указываетъ сама Начальная лѣтопись, называя Кривичей въ числѣ трехъ племенъ или земель, призвавшихъ Варяго-русскихъ князей, изъ которыхъ Рюрикъ сѣлъ въ Новѣгородѣ у Славянъ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ — у Чуди, а Труворъ — въ Изборскѣ (что подъ Псковомъ) — у Кривичей. Эти Изборскіе Кривичи участвовали въ призваніи Русскихъ князей и въ подчиненіи ихъ власти своихъ Полоцкихъ и Смоленскихъ собратьевъ, совершившемся при Рюрикѣ и Олегѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что они составляли древнюю Кривскую колонію въ области, заселенной первоначально Чудскими племенами, были выходцами съ Славянскаго Поднѣпровья. Первобытное инородческое населеніе оставило досель слѣды свои въ большей части географическихъ наименованій, и главнымъ образомъ въ наименованіяхъ живыхъ урочищъ, каковы напримѣръ названія притоковъ Великой (Алюля, Кудка, Уютъ, Исса, Утроя, Куква и другія). Самое названіе рѣки Великой, по которой преимущественно группировались Славянскія поселенія, также какъ и названія многихъ рѣкъ, впадающихъ въ Чудское озеро съ юго-востока (Черная, Бѣлая и другіе) отзываются нечисто славянскимъ происхожденіемъ; скорѣе всего они состав-

ляютъ переводъ прежнихъ инородческихъ названій. Здѣсь Кривскія разселенія могли достигать водораздѣла между бассейнами Великой съ одной стороны, и полостями рѣкъ, текущихъ въ Рижскій заливъ и нижнюю Двину, съ другой. Здѣсь, какъ возможные слѣды ихъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣстности: Кривовицъ близъ праваго берега Псковскаго озера, на с. отъ Пскова, и къ югу отъ сел. Власовой (Волосовой) Губы и рѣчки Волосны, которыхъ названія могутъ указывать на древнее, еще въ языческія времена совершившееся переселеніе Славянъ въ этотъ край; за тѣмъ Кривска на южномъ берегу Псковскаго озера у устья рѣки Андоги; Смоленскій на Кудеби, и къ югу отъ него сел. Кривино; далѣе на западъ у Маріенгаузена сел. Крикинъ, и близъ него сел. Межерники и Межеря (Карта Шуб. № XVII); послѣднія три мѣстности находятся какъ разъ на волокѣ между притокомъ Великой—Кудебью, и Эвстомъ, впадающимъ въ Западную Двину. Озерная область, которая связуетъ полости Великой р. и Западной Двины, заселенная искони Литовскою вѣтвію Летголы и, можетъ быть, даже Ливью, издавна привлекала къ себѣ Словено—Кривскую колонизацію. Весьма вѣроятно, что она простиралась отъ верховьевъ Великой, отъ границъ Опочкскаго и Великолуцкаго у., до Двины въ юго-западномъ направленіи, захватывая озера Себежъ и Освѣй, и область р. Дриссы, до крутаго поворота Западной Двины, на сѣверъ (у Динабурга), гдѣ мы видимъ теп. сел. Креславъ или Креславку на Двинѣ, Б. Кривины на с. в. отъ Динабурга (верст. въ 20). и Кривины къ с. отъ того же города. На этомъ пространствѣ замѣчаются сел. Кривина, на р. Льжѣ, къ в. отъ пригорода Краснаго на самой границѣ Псковской губ. съ Витебской, Кривены къ западу отъ него (верстахъ въ 10), Кривцы на озерѣ Ужо, у той же границы; Кривинникъ в. отъ Люцина, на лѣвой сторонѣ отъ Льжи, вблизи — Кривандо по дорогѣ изъ Люцина въ Опочку, Кревули къ ю. в. отъ Рѣжицы, и близъ него сел. Латыши, Кривина, къ западу отъ него верстахъ въ 6, Крицевка на восточномъ берегу Себежа, и т. д. Вся эта область особенно богата мѣстностями, которыхъ названія напоминаютъ порубежье и порубеж-

ныя укрѣпленія, каковы напр. Городки, Городищи, Городиновичи, Межи, Межники, Межеватки, Рубежи, Рубежевичи, Сутоки и т. п. На югъ отъ Двины, отъ отмѣченнаго нами ея поворота, Кривскія разселенія шли вдоль чисто Литовскихъ поселеній, перемежаясь съ ними въ области Вилін и Нѣмана до самаго водораздѣла этой послѣдней рѣки съ полостью Припети. Здѣсь, на намѣченнымъ нами выше (глава II) этнографической границѣ Литвы съ Славянскимъ населеніемъ, замѣчаются мѣстности: Крицевичи на р. Храборовкѣ, съ юга впадающей въ Двину, верстахъ въ 25 ниже Дисны, II. Городцы на Диснѣ (верстъ 20 выше устья), Браславъ, на югъ отъ Динабурга, Русаны на ю. отъ Поставъ, къ сѣверу отъ которыхъ— Сутоки и Русаки, и на югъ Сутоки же и Городники, Русакинъ, къ ю. отъ сел. Годуцишки (къ в. отъ Свенцянъ), Русаки на Мядзіолкѣ въ сѣверной части Свѣнцянскаго у.; Будславъ, Кривичи, Русачки и Сутоки на рѣкѣ Сервачѣ, правомъ притокѣ Вилін (Вилейскаго у.); далѣе на югъ сел. Крево, къ юго-востокъ отъ Свенцянъ, и вблизи его Городечно, Городски, Городиловъ и Словенскъ, Смолинскъ на Жижмѣ; Кривцы, въ с. з. отъ Лиды верстахъ въ 3-хъ врѣзываются въ полость Нѣмана въ первоначально — Литовско-Ятвяжскую область, извѣстную въ XIII в. подъ именемъ Дайновы, а теперь уже вполнѣ ославянившуюся. Слѣды Кривскихъ поселеній на южной окраинѣ ихъ между Припетью, Нѣманомъ и Днѣпромъ мы уже разсмотрѣли.

Многочисленное племя Кривичей, разсѣянное на такомъ обширномъ пространствѣ, должно было рано распасться на отдѣльныя земли. Дѣйствительно, уже въ эпоху образованія Русскаго государства, мы видимъ три центра Кривскаго населенія— Изборскъ, Полоцкъ и Смоленскъ. Изъ нихъ Изборскъ, поставленный на самой окраинѣ Кривскаго населенія, съ сѣверозапада, на рубежѣ съ сильною Чудью, и въ сосѣдствѣ Новгородцевъ, не могъ держаться самостоятельно, силою одной своей области; онъ долженъ былъ примкнуть или къ Полоцку или къ Новгороду. Весьма вѣроятно, что первоначально, онъ примкнулъ къ Полоцку, который упоминается въ лѣтописномъ разска-

зѣ о городахъ, раздапныхъ Рюрикомъ — по смерти братьевъ — своимъ мужамъ; этотъ же городъ названъ Олеговымъ договоромъ съ Греками въ числѣ городовъ, на которые были взяты уклады; по географическая связь съ волостью Ильменя (черезъ Череху и Узу, см. гл. I. стр. 27.) рѣшила дѣло въ пользу Новгорода. Можетъ быть, этому содѣйствовало подчиненіе Полоцка Варяжскому выходцу Рогволоду (въ половинѣ X в.). Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что отдѣленіе Изборскихъ Кривичей отъ Подвинскихъ окончательно совершилось только въ половинѣ XI в., на что̀ указываютъ попытки Всеслава овладѣть Псковомъ и его союзъ съ Водью, который не можетъ быть иначе объясненъ, какъ давнею связью Изборскихъ Кривичей съ Финскимъ побережьемъ. Послѣ отпаденія Изборска, центромъ западныхъ Подвинскихъ Кривичей сдѣлался Полоцкъ, отъ котораго они и ихъ область уже въ эпоху лѣтописца получили свое названіе „Полочанъ". Еще ранѣе центромъ восточныхъ Поднѣпровскихъ Славянъ сдѣлался Смоленскъ, который лѣтопись называетъ городомъ собственно Кривичей „на верхъ Волги, и наверхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ". При образованіи Русскаго государства объ эти вѣтви Кривичей обособились въ отдѣльныя княженія — Полоцкое и Смоленское, никогда между собою не соединявшіяся.

Полоцкіе Кривичи ранѣе своихъ Придпѣпровскихъ сородичей вошли въ составъ Русскаго государства (865. Лавр. 9), и образовали въ немъ особое княженіе, которое, съ перваго времени своего существованія, стало особнякомъ въ ряду всѣхъ другихъ Русскихъ княженій. Важнѣйшею причиною этой обособленности издавна признавалось то обстоятельство, что Полоцкое княженіе составило волость Рогнѣдина сына Изяслава Владиміровича, которую онъ получилъ, какъ отчину своей матери, а не по общему для всего Рюрикова рода праву участвовать въ володѣніи Русской землею. По отношенію къ Ярославичамъ потомство Изяслава считалось изгоями. „Оттолѣ, говоритъ лѣтопись, мечь взимаютъ Рогволожи внуци противу Ярославлимъ внукомъ" (Лавр. 131). Но обособленіе Полоцкаго княженія имѣло другія, болѣе существенныя причины въ самомъ географи-

ческомъ положеніи его. Занимая теченіе Западной Двины и верховья рѣкъ Вилейско-Нѣманскаго бассейна, оно составляло Русскую украйну на Литовско-Чудскомъ сѣверо-западѣ. Стремленіе утвердиться на Западно-Двинской вѣтви великаго водпаго пути, отношенія къ инородцамъ, которыя опредѣлялись необходимостью не только ограждать отъ нихъ свои владѣнія, но и поддерживались колонизаціонное движеніе Кривскаго племени въ инородческія земли—все это отвлекало Полоцкихъ князей отъ интересовъ, которые наполняли и направляли жизнь Подпѣпровской Руси. Наша лѣтопись не сохранила никакихъ указаній на дѣятельность Полоцкихъ князей по отношенію къ ихъ западнымъ сосѣдямъ; въ Начальной лѣтописи есть только одно извѣстіе о страшномъ пораженіи, которое нанесла Зимѣгола Всеславичамъ въ 1106 г., пораженіи, въ которомъ пало будто бы 9,000 Полоцкой дружины (Лавр. 120). Но ко второй половинѣ XII в. Полоцкіе князья уже стали твердою ногою на всемъ теченіи Западной Двины внизъ отъ Полоцка до самаго устья, подчинивъ себѣ инородческое населеніе этой области, которое было обложено данью (Gruber, Orig. Livoniae p. 3). Въ 1180 г. въ рядахъ Полоцкаго князя мы видимъ Литву и Ливь (Ипат. 124), что́ даетъ основаніе предполагать, что зависимость Подвинскихъ инородцевъ отъ Полоцка не ограничивалась платежомъ дани, но что они должны были доставлять Полоцкимъ князьямъ въ помощь военныя дружины. Передовыми постами Русскихъ владѣній были здѣсь городки Герцике [304]) и Кукенойсъ (Kukenoys Orig. Liv. 33, теперь Кокенгаузенъ на Двинѣ, нѣсколько выше Фридрихштата), въ которыхъ сидѣли Русскіе князья. Понятно, что приведеніе въ зависимость Подвинскаго населенія не могло совершиться безъ борьбы, и требовало отъ Рогволожичей много времени и усилій, и тѣмъ самымъ много способствовало ихъ обособленности и отдѣльности. Съ другой стороны, владѣя Западною Двиною и частью Подпѣпровья, Полоцкіе князья не имѣли въ своихъ рукахъ верхнихъ теченій этихъ рѣкъ, гдѣ, какъ мы видѣли, проходили главнѣйшіе пути изъ южной Руси въ Озерную область и въ Поволжье. Они принадлежали отчасти Новгороду, но главнымъ образомъ Смоленску. Естественное

стремленіе Полоцкихъ князей овладѣть ими, а съ другой стороны стремленіе Новгорода и Смоленска какъ можно тверже стать на этихъ путяхъ, были причиною постоянныхъ столкновеній Полоцка съ сосѣдними князьями, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали всѣ Ярославичи, ибо въ интересахъ всего Ярославова рода, всѣхъ Поднѣпровскихъ князей, было безраздѣльно владѣть великимъ водянымъ путемъ. Во все время самостоятельнаго существованія Полоцкаго княженія эта борьба не прекращалась, и къ концу XII в. завершилась полнымъ успѣхомъ Ярославлихъ внуковъ, которымъ удалось оттѣснить Полочанъ за правый берегъ Днѣпра и овладѣть верхнимъ Подвиньемъ до самаго Витебска [305]).

Въ эпоху Начальной лѣтописи границы Полоцкаго княженія прилегали на сѣверѣ къ Новгородскимъ, на востокѣ къ Смоленскимъ и Черниговскимъ, на югѣ къ Кіевскимъ, на западѣ и сѣверо-западѣ къ Литовскимъ и Чудскимъ разселеніямъ. Первымъ ближайшимъ къ Новгороду пунктомъ Полоцкихъ владѣній въ XI в. мы видимъ Въсвятъ (теперь Усвятъ на озерѣ того же имени въ Суражскомъ у. Витебской губ.), отданный въ 1021 году Ярославомъ Великимъ Брячиславу Изяславичу Полоцкому вмѣстѣ съ Витебскомъ (Видбескомъ Соф. Врем. въ Полн. Собр. Р. лѣт. V. 134). Весьма вѣроятно, что предшествовавшій этой уступкѣ набѣгъ Брячислава Полоцкаго на Новгородъ, и война, подробности которой сохранились въ Исландскихъ сагахъ [306]), были вызваны захватомъ со стороны Новгородцевъ Усвятской вѣтви великаго водянаго пути. У Въсвята Полоцкое порубежье сходилось также съ Торопецкою волостью Смоленскаго княженія, и оттуда пролегало на югъ по водораздѣлу между рѣч. Усвятомъ съ одной стороны, озер. Жезцо и Двиньемъ и верхнею Двиною съ другой, — гдѣ мы видимъ теперь два Городца къ с. отъ Усвята и къ югу отъ Велижа, къ устью Каспли, теченіе которой принадлежали уже къ Смоленскому княженію. Далѣе на югъ названія мѣстностей на холмистомъ волокѣ между Западно-Двинскими притоками Касплею и Лучесою—Стреженево и Городокъ къ с. отъ Бабиновичъ и Добромысля, Сутоки Большіе и Малые у самаго Добромысля (на р. Черницѣ,

правомъ притокѣ Лучесы), и на с. в. нѣсколько Городковъ, селенія Рубежницы, Рубежъ даютъ возможность положить здѣсь продолженіе Полоцко-Смоленскаго порубежья. Далѣе на югъ отъ верховьевъ Касплп и Лучесы, въ области Днѣпра Полоцкія владѣнія простирались на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ къ нимъ принадлежали города Рѣша (Орша) и Копысъ (1059. Соф. Вр. 139), причина войны Ярославичей съ Всеславомъ Полоцкимъ въ 1066 г. Ярославичи успѣли овладѣть тогда Рѣшею, какъ то видно изъ обстоятельствъ плѣненія Всеслава [307]), но не успѣли удержать его за собою. Рѣша и Копысъ были на всегда отняты Мономахомъ и присоединены къ Смоленску только въ 1116 году (Ипат. 48). Съ того времени восточная граница Полоцкаго княженія отодвинулась за правый берегъ Днѣпра [308]). Самымъ южнымъ пунктомъ ея въ началѣ XII в. является Стрѣжевъ (Стрѣчинъ 1127. Ипат. 11), порубежной городъ съ Черниговскимъ княженіемъ, который пріурочивается обыкновенно къ тен. м. Стрѣшину, къ ю. отъ Рогачева и нѣсколько выше устья Березины. Вблизи этого мѣстечка обращаютъ также на себя вниманіе деревни Стрѣлки къ в. отъ Рогачева, не далеко отъ сел. Бронное и Воротипъ, что на р. Ольсѣ, съ сѣвера вливающейся въ Березину. Названія этихъ мѣстностей могутъ указывать, что здѣсь начиналось южное порубежье Полоцкаго княженія съ Кіевскими владѣніями. Оно шло по водораздѣлу, и теперь еще болотистому и топкому, между Березиною и Ведрецемъ, впадающимъ въ Днѣпръ у Черниговскаго города Рѣчицы, и затѣмъ по водораздѣлу между Свислочемъ, правымъ притокомъ Березины, и Птичемъ, съ сѣвера текущимъ въ Припеть. Здѣсь, на южномъ порубежьи, замѣчаются теперь мѣстности Городокъ къ югу отъ м. Свислоча, и близъ него Горожи и Горожцы; далѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ Припеть и Свислочъ наиболѣе сближаются между собою — уже упомянутые нами Сутипъ и Сутина, Граничну верховьевъ Свислочи и Птича, Воротники, Рубежевичи (глава VI). Тутъ же ищутъ упоминаемые Словомъ о Полку Игоревѣ Дудутки, съ которыхъ знаменитый Всеславъ „скочи влѣкомъ до Нѣмиги". П. Д. Бѣлявъ признавалъ ихъ Полоцкимъ городомъ, и, основываясь на томъ, что

подъ Нѣмигою надо понимать здѣсь Нѣманъ, къ которому „пустился Всеславъ отъ Дудутокъ", пріурочиваетъ ихъ къ м. Дудичи (на р. Птичи, къ югу отъ Минска), ибо нынѣшнія Дудичи именно стоятъ очень близко отъ верховьевъ Нѣмана. Но, сближая это указаніе — или вѣрнѣе поэтическій намекъ — „Слова" на дѣйствительный историческій фактъ, съ положительными извѣстіями лѣтописи, нельзя не видѣть, что онъ долженъ относиться къ извѣстному бѣгству Всеслава изъ-подъ Кіева въ свою отчину при возвращеніи изъ изгнанія Изяслава Ярославича съ Польскою помощью. Въ такомъ случаѣ Дудутки, теп. Дудичи должны означать здѣсь крайній Кіевскій городъ, — тогда какъ ручей Нѣмига и до нынѣ существуетъ въ Минскѣ; его кровавые берега упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, котораго авторъ конечно зналъ о кровавомъ разгромѣ Минска Мономахомъ [309]). У верховьевъ Птича и Свислочи, сближающихся съ верховьями Нѣмана, прекращались Полоцкія владѣнія, ибо, какъ уже мы видѣли, полость верхняго Нѣмана была первопачально занята Ятвягами, которые были оттѣснены изъ нея, благодаря воинственной дѣятельности Ярославичей, и Славяно-русской колонизаціи, вышедшей изъ земель Дреговичей, Древлянъ и даже Кривичей. Извѣстіе о томъ, что борьба Руси съ Литовскими племенами къ югу отъ Вилін, шла первоначально не изъ Полоцка, а изъ Кіева, доставляютъ намъ Литовско-Польскіе источники; объ участіи Кривичей въ колонизаціи не только Понѣманья, но и области, лежащей къ западу отъ него, водораздѣла Нѣманско-Бужскаго, могутъ свидѣтельствовать до сей поры уцѣлѣвшія тамъ Кривскія названія многихъ мѣстностей [310]); но зависимость Понѣманской области отъ Придпѣпровской Руси, ея давняя связь съ нею обнаруживается господствомъ въ ней мелкихъ удѣльныхъ князей изъ потомства Изяслава Ярославича уже во второй половинѣ XII в. Крайнимъ городомъ Полоцкимъ владѣній на западномъ порубежьи съ Литвою лѣтописныя извѣстія XII в. называютъ Городокъ или Городецъ (1162. Ипат. 91), который пріурочивается къ теп. м. Городку къ ю. отъ Молодечна, на верховьяхъ Нѣманской Березины съ сохранившимися до-нынѣ остатками старинныхъ городовыхъ сооруженій; но — сколько можно

судить по данным географической номенклатуры — Полоцкія владѣнія могли простираться нѣсколько далѣе на западъ, охватывая ту мѣстность, гдѣ теперь встрѣчаются слѣды древнихъ Кривскихъ разселеній. Здѣсь мы видимъ слѣды порубежныхъ городовыхъ сооруженій, которые занимаютъ съ одной стороны все лѣвое побережье Нѣманской Березины, съ другой всю верхнюю область Вилін до устьевъ Ошмянки и Нароча. Здѣсь мы видимъ Городники, близъ устья Березины, въ сосѣдствѣ сел. Неровы, что́ при впаденіи въ Березину рѣчки Пурвилы, далѣе на сѣверъ Городзиловъ и Городечно, близъ Березины къ з. отъ Молодечно и въ ю. в. отъ м. Крево; за тѣмъ на Вилін Городенето къ с. в. отъ Вилейки, Городково, въ окрестностяхъ котораго Русская Славча и селеніе съ историческимъ названіемъ Дайнова, Гради по лѣвую сторону отъ Вилін недалеко отъ Ворняпъ. На сѣверъ отъ Вилін рубежъ могъ идти областью Дисны къ Двинѣ и на сѣверъ отъ Двины по той линіи, которую мы уже отмѣтили, какъ возможную этнографическую окраину Кривскаго племени, и на которой также замѣчается значительное количество „городк[illegible]“ Что касается сѣверо-западнаго рубежа Полоцкаго княженія, прилегавшаго къ Литовско-Чудскимъ народцамъ, то въ настоящее время мы не находимъ никакихъ указаній на него. На сѣверѣ, гдѣ онъ сходился съ Новгородскими владѣніями, въ XII в. порубежнымъ мѣстомъ указывается Еменецъ (1189 г.), на томъ водораздѣлѣ между Западно-Двинскою и Озерною областями, въ восточномъ углу котораго расположенъ Усвятъ.

Въ Полоцкомъ княженіи Начальной лѣтописи извѣстны населенныя мѣста по Двинѣ: Полоцкъ, стольный городъ княженія, и съ 1105 года епископія (Лавр. 119), Витебскъ (Соф. Вр. 134), Въсвятъ (Лавр.) и Лукомль; въ Подпѣровьи: уже извѣстные намъ Рѣша и Копысъ, Дрьютескъ (на верховьяхъ Друча), Изяславль и Минскъ на Свислочи; Логожскъ (на Гнойнѣ, притокѣ Березины); здѣсь же слѣдуетъ искать Одрьскъ, лежавшій на пути отъ Полоцка къ Чернигову; для опредѣленія его Ходаковскій указываетъ рѣчку Одровь, съ

правой стороны впадающую въ Дѣпръ, — и Голотичьскъ (1071, Лавр. 72), подъ которымъ Ярополкъ разбилъ Всеслава.

Восточная Смоленская вѣтвь Кривичей въ эпоху обнимаемую Начальною лѣтописью, не успѣла образовать особаго княженія; и, по географическому положенію своему, стояла въ тѣсной зависимости отъ южнаго Поднѣпровья. Впрочемъ это обстолтельство не могло ослаблять значеніе Смоленска, какъ стародавняго центра земли Поднѣпровскихъ Кривичей. Присоединенный къ Русскимъ владѣніямъ въ 882 г. (Лавр. 10), онъ является въ ряду удѣльныхъ княжескихъ владѣній не ранѣе половины XI в., при раздѣлѣ Русской земли между сыновьями Ярослава, и до того времени могъ зависѣть непосредственно отъ Кіева. По смерти Ярославичей Вячеслава (1057) и Игоря (1060), послѣдовательно владѣвшихъ Смоленскою волостью, она находилась нѣкоторое время въ непосредственномъ распоряженія великаго князя Кіевскаго, можетъ быть такъ, какъ то было въ первое время съ княженіемъ Владиміро-Волынскимъ. Такъ при вторичномъ изгнаніи великаго князя Изяслава Ярославича, когда Кіевскій столъ былъ захваченъ Святославомъ, а Черниговъ отошелъ къ его брату Всеволоду, Смоленскъ былъ отданъ сыну Всеволода Мономаху; но за тѣмъ есть извѣстіе [311]), что, по возвращеніи Изяслава изъ этого изгнанія въ Смоленскѣ былъ посаженъ одинъ изъ его сыновей Ярополкъ, послѣ смерти отца переведенный на Владиміра Волынскій столъ; новой же великій князь Всеволодъ отдалъ Смоленскъ своему сыну Мономаху, который и удерживалъ его за собою во все время, пока володѣлъ Черниговскимъ столомъ. Но въ 1094 г., когда изгою Олегу Святославичу удалось захватить Черниговъ, вытѣснивъ изъ него Мономаха (Лавр. 97, 103 — 104), вмѣстѣ съ тѣмъ и Смоленскъ перешелъ въ руки его брата Давида, — впрочемъ не на долго. Какъ видно, Любецкій съѣздъ нашелъ неудобнымъ совмѣщеніе двухъ смежныхъ и богатыхъ волостей Черниговской и Смоленской въ рукахъ Святославичей, враждебныхъ остальному племени Ярослава, и ограничилъ ихъ однимъ Черниговомъ съ прилегавшимъ къ нему Посемьемъ, землею Вятичей и Рязанско-Муромскою землею, — тогда какъ Смоленскъ снова отошелъ къ

Мономаху, внукъ котораго Ростиславъ Мстиславичъ (въ половинѣ XII в.) положилъ начало самостоятельному существованію Смоленскаго княженія, какъ волости особой вѣтви рода Рюриковичей.

Понятно, что при такомъ подчиненномъ и зависимомъ положеніи Смоленской волости, ея границы не могли быть опредѣлены рѣзко особенно съ тѣхъ сторонъ, гдѣ они примыкали къ инородческимъ землямъ, которыя постепенно колонизовались изъ Кривской земли, какъ то было на с. в., въ Поволжьи, или же, гдѣ они прилегали къ волостямъ, находившимся въ володѣніи того же князя, которому принадлежалъ и Смоленскъ, какъ напр. на юго-востокѣ. Окончательно они опредѣлились не ранѣе половины XII в., во время усобицы Юрія Долгорукаго Суздальскаго съ племянниками Мстиславичами. Мы уже имѣли случай видѣть, что рубежъ Смоленско-Черниговскій, начинаясь у восточнаго берега Днѣпра, на волокѣ между ложемъ Днѣпра и Сожи, перерѣзывалъ Сожу у устьевъ Вехры и захватывалъ верхнія теченія Остра, Ипути, Десны, на востокъ отъ которой, за водораздѣломъ съ Окою, шла уже Черниговская волость Вятичей. Въ области верхней Угры, еще въ XII в. принадлежавшей Смоленскому княженію (1147. Ипат. 30), Смоленскія владѣнія сходились съ Ростово-Суздальскими. Въ XII — XIII в. они занимали верхнее теченіе Поротвы, заселенное Голядью (1147, Ипат. 29), и область верхней Москвы рѣки, гдѣ съ конца XIII в. становится извѣстнымъ Можайскъ, удѣльный городъ Смоленскаго княженія (1277. Воскр. лѣт. въ П. С. Л. V. 173), при сліяніи Можайки съ Москвою. Впрочемъ въ Уставной грамотѣ, данной княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ Смоленскому епископу около 1150 г., есть указаніе, что ранѣе Смоленскія владѣнія простирались гораздо далѣе на сѣверо-западъ въ область Суздальско-Залѣсскую, съ которой шла на Смоленскъ дань, захваченная Юріемъ Долгорукимъ (Доп. къ А. Ист. I № 4); такъ что отмѣченное нами Ростово-Смоленское порубежье не основывалось на старомъ земельномъ рубежѣ, а возникло случайно, какъ результатъ борьбы сосѣднихъ князей за волости и земли. Этимъ объясняется, можетъ быть, то обстоятельство, что въ теперешней

топографической номенклатурѣ разсматриваемаго края почти вовсе не замѣтно такихъ слѣдовъ пограничныхъ сооруженій, какія мы видимъ въ довольно значительномъ числѣ всюду на старо-земельныхъ рубежахъ. Но за то такіе слѣды замѣчаются на Смоленско-Новгородскомъ порубежьи, которое въ эпоху Начальной лѣтописи, когда Суздальскіе владѣнія не заходили еще вверхъ по Волгѣ выше устья Медвѣдицы (нѣсколько ниже Корчевы), можно предположить по водораздѣлу между Москвою и Ламою, на которой — извѣстный Новгородскій городъ Волокъ (Ламскій), прямою чертою къ Волгѣ, на устье Вазузы и оттуда водораздѣломъ Тверцы и Волги къ озеру Селигеру. На этомъ пространствѣ мы видимъ цѣлый рядъ Городковъ и Городищъ, во многихъ изъ которыхъ могутъ сохраняться остатки древнихъ порубежныхъ укрѣпленій. Таковы: Городище (Николино или Апраксино) на р. Шошѣ, и къ с. отъ него верстахъ въ 7 — Валуево Городище; далѣе и къ юго-западу отъ нихъ на водораздѣлѣ рѣкъ Гжати и Вазузы съ Москвою: Городокъ къ ю. в. отъ Гжати, Городокъ къ с. отъ него же и вблизи Волмежа, на с. з. отъ низъ Буйгородникъ близъ праваго берега Гжати (у границы Сычевскаго и Гжатскаго уу.), Погорѣлое Городище на р. Держѣ, къ в. отъ Зубцова, Городище (Ѳомпское) къ югу отъ него же при впаденіи Осуги въ Вазузу, и на ю. з. отъ него въ 25 в. Рубежпова въ области рѣчки Осуги, и близъ него Ржева, въ XIII в. порубежный городокъ Торопецкой волости съ Ростово-Суздальской землею (1216. Воскр. 120); по лѣвую сторону Волги рѣки: Городокъ, при устьи Холохольны, которая подъ именемъ Холохны, въ началѣ XIII в. является порубежною рѣкою Новгородской и Суздальской земель (1216. Воскр. ibid.), далѣе Городки на с. з. въ 30 верстахъ отъ Ржевы, Городцы и близъ него Вышегородокъ на Осугѣ къ в. отъ Торжка въ Торжковскомъ уѣздѣ; Городолюбля на рѣчкѣ того же имени въ 8 верстахъ отъ Вышняго Волочка и нѣсколько Городковъ, расположенныхъ къ югу и юго-западу отъ него въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ и Осташковскомъ, и др. Такой рядъ остатковъ городовыхъ сооруженій не можетъ быть дѣломъ случая, и, по своему положенію тамъ, гдѣ, какъ достовѣрно из-

вѣстно, соприкасались Смоленскія и Новгородскія земли, должно обратить на себя вниманіе и вызвать подробныя мѣстныя изслѣдованія. Не извѣстно, кому принадлежало озера Селигеръ; вѣроятно, что этотъ важный Серегѣрскій путь изъ Озерной области въ Поволжье, и изъ Подвинья въ Озерную область находился въ общемъ пользованіи прилегавшихъ къ нему земель, — и, хотя Новгородскій лѣтописецъ, при описаніи набѣга Литвы на Новгородскую область въ 1229 году, называетъ Серегѣрь въ числѣ другихъ разоренныхъ тогда Новгородскихъ волостей, по тѣмъ не менѣе, сколько извѣстно пока изъ Писцовыхъ книгъ XVI в., къ Серегерю пріурочивается безспорно только одинъ погостъ Полоповскій (К. А. Неволинъ, О пятинахъ и погост. Новгор. 183), находившійся на м. теп. Полонова (карта Шуб. Полнова), при устьи озера Полонецъ въ самый сѣверный уголъ Серегѣра. Въ окрестностяхъ этого озера замѣчаются сел. Рубежъ близь истоковъ рѣчки Городиловы, впадающей съ с. въ Полонецъ, — къ западу отъ него Б. и М. Межники у истоковъ праваго притока рѣки Полы, въ которую вливается съ правой же стороны рѣчка Межна, нѣсколько выше погоста Молвятичъ (XIV—XV в.), къ югу отъ него Межникъ вблизи волости Морево, (теперь. Морево-Успѣнскій, близь него Морево-Никольскій на р. Озеренцѣ, и Морево-Новая Русса на р. Полѣ въ Демянскомъ уѣздѣ), извѣстной въ XIV в., какъ одна изъ украинныхъ Новгородскихъ волостей съ Литвою (П. С. Л. ibid.). Нельзя не замѣтить, что выше отмѣченныя нами мѣстности находятся на самомъ водораздѣлѣ бассейновъ Ильменя и Волги, который по указаніямъ Начальной лѣтописи долженъ считаться порубежьемъ Смоленскихъ Кривичей. Далѣе на югъ Смоленское порубежье шло волокомъ между Куньей и Ловатью, на которыхъ находятся древніе Новгородскіе города Холмъ (на Куньи) [312]) и Луки (1166. Новгор. I Лѣт. 14, теп. Великіе Луки на Ловати), и Смоленскими владѣньями Лучиномъ (1150) у теп. Лучанскаго озера, Торопцомъ (1150), Жижцемъ (1150) у теп. озера Жесцо-Живецъ, — и такимъ образомъ достигало Усвяты, гдѣ Смоленскія земли, какъ было уже разсмотрѣно выше, сходились съ Полоцкими. Изъ населен-

ныхъ мѣстъ Смоленско-Кривской земли Начальная лѣтопись знаетъ только Смоленскъ, центральный городъ восточныхъ Кривичей (Лавр. 5), въ которомъ Владиміръ Мономахъ, учредилъ епископью, поставивъ каменную церковь св. Богородицы (1101. Лавр. 117), и урочище Смядынь, при впаденіи рѣчки Смядынп въ Днѣпръ, ниже Смоленска („яко зрѣемо"), на которомъ погибъ Глѣбъ Муровскій (1015. Лавр. 56).

Новгородскіе Славяне, окраинное на сѣверо-западѣ восточной равнины Славяно-Русское населеніе, которымъ мы оканчиваемъ обзоръ географіи Начальнаго лѣтописца, менѣе другихъ Русскихъ вѣтвей было извѣстно лѣтописи, возникшей въ южномъ Подпѣпровьи, хотя исходнымъ пунктомъ ея въ изложеніи событій и послужило чисто Новгородское сказаніе о призваніи Руси. Географическія свѣдѣнія, сообщаемыя ею объ этомъ краѣ, ограничиваются почти однимъ только именемъ Славянъ, указаніемъ на ихъ сродство съ другими Славянскими племенами [313]) и на ихъ разселенія по Ильменю. Они пополняются немногими извѣстіями, которыя представляютъ за время, обнимаемое Начальною лѣтописью, мѣстныя Новгородскія лѣтописи. Между тѣмъ разъясненіе географіи Новгородскихъ Славянъ именно въ эту древнюю эпоху должно имѣть важное значеніе въ Русской исторической наукѣ, ибо съ нимъ связаны разъясненія вопросовъ о ходѣ Славяно-Русской колонизаціи на инородческомъ сѣверо-востокѣ, и о сѣверныхъ предѣлахъ Русскаго государства въ первые два вѣка его существованія. Нѣтъ сомнѣнія, что вся вѣтвь Новгородскихъ Славянъ есть не что иное, какъ древнѣйшіе переселенцы изъ Славянскаго Подпѣпровья въ южную часть Озерной области, вытѣснившіе первоначальное инородческое населеніе. Это указывается отчасти затемненными и искаженными преданьями XVI — XVII в. о водвореніи русскаго населенія въ Ильменскомъ краю [314]), но болѣе всего неопровержимымъ свидѣтельствомъ географической номенклатуры его, въ которой Славянство является населеніемъ не первоначальнымъ, но пришлымъ и позднѣйшимъ, заступившимъ мѣсто первобытнаго инородческаго (Финскаго) населенія. Благодаря выгодамъ положенія, переселенцы не только утвердились и укрѣ-

пились во вновь занятой ими области, но, пользуясь удобствами водныхъ путей, съ глубокой древности стали проникать на сѣверо-востокъ, въ область, простирающуюся отъ Волхова, Мсты и верхняго Поволжья до Волока, подчиняя себя туземную Чудь (Емь, Весь и Мерю), или же оттѣсняя ее въ Заволочье, гдѣ также они не замедлили стать твердою ногою.

Рука объ руку съ такимъ этнографическимъ распространеніемъ Новгородскаго Славянства, шло распространеніе Новгородскихъ владѣній, ибо Новгородъ никогда не терялъ изъ виду своихъ переселенцевъ, которые имѣли постоянную и сильную поддержку въ военной дѣятельности своихъ князей и дружинъ. Относительно колонизаціи Поволжскаго края, прилегавшаго къ старославянскимъ землямъ Кривичей и Вятичей, такая дѣятельность Новгорода продолжалась до образованія Русскаго государства, когда на вновь колонизованныхъ земляхъ возникли свои административно-политическіе центры (Ростовъ, Суздаль, Бѣлозеро, Муромъ) и Новгородъ не могъ уже удержать надъ ними свое главенство. Такимъ образомъ — гдѣ въ Озерной области находились самыя раннія и наиболѣе сплошныя поселенія Славянъ, сложившіяся подъ вліяніемъ Новгорода въ отдѣльную землю Новгородскихъ Славянъ,—какими путями или изъ нея дальнѣйшія выселенія въ инородческія земли, и какихъ предѣловъ къ концу XI и началу XII вѣка достигли эти разселенія, а съ ними и Новгородская область, — вотъ вопросы, которые представляются на первомъ планѣ въ исторической географіи древняго Новгорода, и которые, за недостаткомъ письменныхъ источниковъ, могутъ быть обстоятельно разрѣшены только путемъ филологическаго изученія географической номенклатуры древней Новгородской области и мѣстныхъ археологическихъ изслѣдованій остатковъ древнѣйшихъ поселеній, которые сохранились тамъ до нашего времени.

Не принимая на себя рѣшенія этихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь нѣсколько данныхъ, которыя скорѣе всего могли быть замѣчены при чтеніи топографическихъ картъ древняго Новгородскаго края, и соображеній, къ которымъ приводятъ древнѣйшіе письменные на-

мятники Новгородской географіи, именно „Уставъ о мостѣхъ", приписываемый не безъ основанія Ярославу, и Уставная грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича. Изъ нихъ первая проливаетъ свѣтъ на распространенность Новгородскихъ волостей въ половинѣ XI в., а вторая даетъ точныя указанія на владѣнія Новгорода въ первой половинѣ XII в. (1137), тѣмъ самымъ представляя основанія для опредѣленія ихъ къ концу эпохи, обнимаемой Начальною лѣтописью. При чтеніи спеціальныхъ топографическихъ картъ древняго Новгородскаго края нельзя не замѣтить, что географическія названія чисто Славянскаго происхожденія господствуютъ только на южной окраинѣ его, въ той части Озерной области, которая непосредственно примыкаетъ къ Оковскому лѣсу и верхнему Подвинью, искони заселеннымъ Кривичами. Эту область можно ограничить Шелонью (на с. з.) и Мстою (на с. в.), т. е. волостью Ловати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть также, что Славянство уже не было въ ней первобытнымъ населеніемъ, что оно водворилось здѣсь на инородческой основѣ. Довольно ясныя указанія на это представляются въ инородческихъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей означенной области, хотя они и встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ. Самое названіе Ловати звучитъ какъ будто не по-славянски; несомнѣнно инородческаго происхожденія наименованія сел. Еглина на с. з. отъ Валдая, Тухоли къ с. отъ него же, Усть-Волми (ср. Волмино урочище въ Новгородской обл. 1192 — 1207, Д. къ А. Ист. I, 8) и др.; къ югу отъ Ильменя: Мелечи къ с. отъ Демянска, на р. Лиговкѣ (ср. Мелеча 1265 Собр. Госу. Гр. и Дог. I —) Мегилина, Моревы (1220), р. Шулѣги близъ Холма, Севери, Ямпа, Ерзовки, Яски, Егольской, Скугры и друг. Съ другой стороны большая часть Славянскихъ мѣстныхъ названій, даже названій хорографическихъ (живыхъ урочищъ), которыя должны принадлежать къ древнѣйшимъ, отзываются или позднѣйшимъ происхожденіемъ или же переводомъ первоначальныхъ инородческихъ наименованій: къ послѣднимъ относятся рѣки, ручьи и озера Черные, Волчьи, Бѣлые, Глубокіе, Безымянные, Березовые и др. Близъ озера Полисто есть озеро

Чудское и невдалекѣ отъ него Русское. Къ сѣверу отъ Шелони и Мсты начинается область сравнительно позднѣйшихъ разселеній Славянъ на инородческой почвѣ (см. выше о Води), которая главнымъ образомъ пролегаетъ въ полости Волхова, славянское названіе котораго поражаетъ своею оригинальностью и связью съ древнѣйшими миѳологическими представленіями Славянъ [315]); но его притоки представляютъ пеструю связь инородческихъ и Славянскихъ наименованій, при чемъ первыя начинаютъ преобладать внизъ по его теченію (съ лѣвой стороны Пидьба, Еглинка, Дыменка, Глубочка съ Смотрухой и Ледянкой, Полисть съ Глушицей и Дубномъ, Керестъ, Тигода съ Равнью, Чагодой, Перестержемъ и др., Оломна и т. д. съ правой: Вишера, Осьма, Дупна, Выбро, Сосницка съ Виткою, Оскуя съ Обуйкой, Лебенью, Медвѣдовомъ, Осинкой, Колпинкой, Пигоремъ; ниже вливающіеся мелкіе ручьи носятъ Славянскія названія Бродни, Сестры, Жупанки (Карт. Шуб. №№ 18 и 13). Нас. з. Славянскія разселенія могли проникать въ область Луги и Оредежи, низовья которыхъ были заняты Водью, а на с. в. они еще въ началѣ XII в. едва начали заходить за южныя побережья Ладоги (Нево озера) и Свири. И здѣсь и тамъ колонизаціонное движеніе Новгородцевъ встрѣчало сильный отпоръ со стороны наиболѣе устойчивыхъ Финскихъ племенъ (Западной Чуди, Води и Еми). Но тѣмъ съ большею силою оно должно было направляться на сѣверо востокъ, въ Поволжскую область и на Волокъ, чему способствовало самое удобство водныхъ путей сообщенія (Моложскій и Мстинскіе пути. Гл. I. 26, 27). Уже съ глубокой древности Новгородскіе Славяне должны были занять сѣверо-западную часть Поволожья отъ Мсты, черезъ Тверцу до верхней Мологи, гдѣ они являются прочно установившимися въ XI в.. Въ Бѣжецкой области (пятинѣ), непосредственно зависѣвшей отъ Новгорода, должно было быть сплошное, по крайней мѣрѣ безусловно преобладающее Славянское населеніе. Отсюда и черезъ эту область поселенія Новгородскихъ Славянъ должны были распространиться въ земли Веси до Бѣлоозера (на с. в.), захватывая

сѣверныя разселенія Мери, и можетъ быть, достигая на крайнемъ востокѣ, по теченію Клязьмы (черезъ Нерль—гл. I стр. 22) Муромскихъ земель. Въ первыхъ извѣстіяхъ Начальной лѣтописи Бѣлоозеро является чисто Новгородскою колоніею. Лѣтописецъ говоритъ по преданію, что на Бѣлоозерѣ была когда-то Весь; но по тому же лѣтописному преданію Весь не участвуетъ въ первыхъ событіяхъ, сопровождавшихъ основаніе Русскаго государства. Ея не видно ни въ числѣ племенъ, завоеванныхъ и обложенныхъ данью Варягами, ни въ числѣ призвавшихъ Русь изъ заморія [316]), а между тѣмъ одинъ изъ призванныхъ братьевъ князей садится въ Бѣлоозерѣ. Въ XI в., когда, подъ вліяніемъ княжеской власти, Бѣлоозеро уже начинаетъ терять связь съ Новгородомъ и тяготѣть къ Ростову, все таки оно является независимымъ отъ южно-русскихъ князей, взимавшихъ тогда дань съ Поволжья, что также даетъ основаніе предполагать и въ это еще время связь его съ Новгородомъ [317]). Впрочемъ надо думать, что, по численности населенія, Славянскій элементъ былъ тогда довольно слабъ, и усилился только въ христіанскую эпоху исторической жизни этого края. Значительнѣйшіе притоки р. Чагоды (Чагодощи), и соединенныя съ нею озера носятъ названія не-Славянскія; инородческимъ происхожденіемъ отзываются также названія второстепенныхъ рѣкъ,—тогда какъ Славянскія имена, если и встрѣчаются въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ, то большинство ихъ несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія — или отъ христіанскихъ личныхъ именъ (Василева, Кузмина, Максимова Горка, Игначъ Крестъ, Тереховы, Лукины, Митины, Савинскіе, Фетисовы, Алексины, Михайловы и пр.), или отъ приходскихъ церквей — (Рождественскіе, Преображенскіе, Покровскіе, Никольскіе, Спасскіе, Св. Просковѣи Великомученицы къ ю. отъ Кириллова и др.), — такъ что Славянскія наименованія, въ которыхъ можно подозрѣвать древнѣйшее происхожденіе, представляются почти исключеніями. Таковы между прочимъ, на пространствѣ между Оятью, Чагодой, Бѣлоозеромъ и Шексною: Ярославичи на Ояти, Надпорожье (ср. Напрези Констант. Порфирор.) на Коржинѣ, Радгощъ на р. Леди и близъ него Святозеро, Волосово въ в. углу Кирилловска-

го у., между р. Судою и Колпью, южнѣе его уже упомянутые нами Желѣзныя Ворота, ручей съ правой стороны вливающійся въ Чагоду, озеро Городня вблизи (къ ю. з.) отъ слiянія Суды съ Шексною. По Шекснѣ почти вовсе не замѣтно старославянскихъ географическихъ названій за исключеніемъ, можетъ быть, р. Славянки и сел. Волокословинскаго. Ясно, что на Бѣлоозерѣ, т. е. въ области, расположенной по теченію Шексны (Пошехонье), по крайней мѣрѣ въ языческія времена Славянство не было еще сплошнымъ населеніемъ, хотя названіе „Бѣловерцевъ", которымъ характеризуетъ его Начальная лѣтопись въ изложеніи событій половины XI в. указываетъ на то, что тогда оно преобладало уже надъ Финскими инородцами. Названіе р. Словянки, впадающей въ Шексну вмѣстѣ съ Мломою, нѣсколько выше Сизмы, и находящагося въ верховьяхъ ея сел. Волокословинскаго (см. гл. I, стр. 27) и также сел. Славянки (нѣсколько ниже Волокословинскаго) могутъ сохранять память о древнѣйшихъ выселенцахъ въ этотъ край изъ земли Новгородскихъ Славянъ. Отмѣтимъ также ручей Ильмень, черезъ Ратцу вливающійся въ Песъ, нѣсколько выше Леди, и озеро Ильменское верстахъ въ 7 къ в. отъ устья Суды, которыхъ имена также даютъ нѣкоторое основаніе сближать населеніе Бѣлоозера съ населеніемъ Новгородскаго Ильменя. Болѣе сплошными массами Новгородскіе Славяне могли распространяться за правый берегъ Волги въ инородческія земли Мери и Муромы, гдѣ ихъ колоніи смѣшивались и перепутывались съ выселенцами изъ Поднѣпровья и верхняго Поволжья. Еще въ XII—XIII вѣкахъ область по Ламѣ, правому притоку Волги, съ городомъ Волокомъ, непосредственно принадлежала Новгороду, и могла быть пріобрѣтена для него древнѣйшими переселенцами изъ Поильменскаго Славянства. Есть мнѣніе, что самая Москва возникла на старинныхъ Новгородскихъ земляхъ [318]). Далѣе на востокъ область Мери и Муромы, т. е. край, ограниченный съ сѣвера излучиною Волги отъ Ламы и Шоши до Костромы, съ востока Нерлью, съ юга Москвою и Клязьмою, является въ первыхъ извѣстіяхъ лѣтописи не только въ тѣсной связи съ Новгородомъ, но и въ зависимости отъ него. Вмѣстѣ съ Новгородомъ

Меря подпадаетъ подъ власть завоевателей Варяговъ, и по изгнаніи ихъ, призванные Новгородомъ князья обладаютъ Ростовомъ и Муромомъ (Лавр. 9). Эта связь и зависимость можетъ быть объяснена только раннимъ напливомъ въ означенныхъ краяхъ Новгородскихъ переселенцевъ. Съ другой стороны, — какъ мы уже видѣли, Меря извѣстна лѣтописи только въ первое пятидесятилѣтіе нашей исторіи; но и тогда, подобно родственнымъ ей Веси и Мурому, она ничѣмъ не обнаруживаетъ самостоятельности. Вслѣдъ за тѣмъ самое имя ея исчезаетъ,—и область, занятая сю первоначально, обозначается названіемъ Ростовской и Суздальской земель. Эта перемѣна не могла быть случайна; она указываетъ на полное перерожденіе населенія, на окончательное торжество Славянства въ этомъ первоначально Финскомъ краю, а такое перерожденіе конечно не могло бы совершиться въ столь короткое время, если бы оно не подготовлялось издавна колонизаціоннымъ движеніемъ Славянъ. Въ теперешней географической номенклатурѣ отмѣченнаго края встрѣчаются названія, которыя указываютъ съ одной стороны на распространеніе въ немъ Славянскаго населенія еще въ языческую эпоху, съ другой на его родство съ Ильменскими Славянами [319]).

При такомъ обширномъ географическомъ распространеніи Ильменскихъ Славянъ, Новгородъ не могъ удержать непосредственно за собою всѣхъ земель, въ которыя проникли ихъ переселенцы. Отпаденіе колонизаціонныхъ земель началось съ потерею Новгородомъ центральнаго значенія для всей Руси, съ переходомъ Русскихъ князей въ Кіевъ. Уже въ началѣ X в. мы видимъ Ростовъ, который можно считать центромъ Новгородскихъ поселеній въ Поволжьи, въ непосредственной зависимости отъ Кіева (907. Лавр. 13). При раздѣлѣ Руси между сыновьями Владиміра, Ростовъ и Муромъ являются особыми удѣлами; но вскорѣ за тѣмъ они теряютъ такое самостоятельное положеніе, до XII в., когда они образовали особыя княженія (Ростовско-Суздальское, Муромское), остаются волостями южно-русскихъ Приднѣпровскихъ княженій — Ростовъ вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ — Переяславскаго, Муромъ — Черниговскаго. Такимъ образомъ, съ перенесеніемъ старѣйшаго стола на югъ, въ Кіевъ,

собственно Новгородская земля ограничивалась областью первоначальныхъ разселеній Ильменскихъ Славянъ, и ихъ ближайшихъ, болѣе сплошныхъ колоній въ инородческихъ земляхъ. Она была окружена съ востока Ростовскою землею Переяславскаго княженія, съ юга Смоленскимъ и Полоцкими княженіями, а на западѣ и сѣверо-востокѣ соприкасалась съ инородческими землями, въ глубь которыхъ продолжали идти и колонизація Новгородцевъ и связанное съ нею ихъ политическое господство. Впрочемъ на с. в., въ Заволочьи, они могли распространяться успѣшнѣе, чѣмъ къ побережьямъ Варяжскаго моря, на которыхъ инородческое населеніе являлось болѣе устойчивымъ. Древнѣйшимъ памятникомъ исторической географіи собственно Новгородской земли можно признать извѣстный „Уставъ Ярослава о мостѣхъ или о мостникахъ", которымъ опредѣляются повинности по отношенію къ городу со стороны Новгородскихъ горожанъ и волостей, непосредственно зависѣвшихъ отъ Новгорода. Этотъ памятникъ дошелъ до насъ въ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій относится къ XIII в., и по видимому представляетъ черты позднѣйшаго происхожденія, которыя не позволяютъ отнести его къ Ярославу Великому. Такъ онъ упоминаетъ церковь св. Бориса и Глѣба, объ основаніи которой лѣтопись сообщаетъ только подъ 1176 г. (Новгор. I-ая Лѣт. въ П. С. Л-Ш. 10), и иноземныхъ купцевъ, начало постоянныхъ поселеній которыхъ въ Новгородѣ необходимо отнести къ позднѣйшему времени,—особенно, если имѣть въ виду, что между иноземными торговцами упоминаются въ уставѣ не одни Готы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Нѣмцы, а Нѣмцы, по соображенію всѣхъ историческихъ обстоятельствъ, никакъ не могли явиться въ Новгородѣ, какъ особое населеніе, раньше конца XII и начала XIII столѣтій, ибо непосредственныя сношенія Германцевъ съ Русскими начинаются только со времени открытія Остзейскаго края Бременскими купцами въ 1158 году, и затѣмъ уже въ XIII в. развиваются въ Новгородѣ, подъ крыломъ Готландцевъ, до образованія особеннаго, отдѣльнаго отъ Готскаго, Нѣмецкаго двора, который и нужно разумѣть въ уставѣ подъ названіемъ: „Нѣмцы". Все это заставляетъ приписывать Уставъ о мостѣхъ Ярославу, сыну Все-

володa Большое гнѣздо (конецъ XII и начало XIII в.) или даже Ярославу Ярославичу, брату Александра Невскаго [320]). Но тѣмъ не менѣе было бы не совсѣмъ согласно съ строгою исторической критикой отвергать всякую связь Устава о мостѣхъ съ именемъ Ярослава Великаго; быть можетъ первоначальная редакція этого устава дѣйствительно обязана своимъ началомъ этому князю: по крайней мѣрѣ всѣ извѣстные списки Устава о мостѣхъ находятся въ спискахъ суда Ярослава и Устава о пошлинахъ и урокахъ. Далѣе нѣтъ сомнѣнія, что Уставъ о мостѣхъ есть не что иное, какъ письменное подтвержденіе, закрѣпленіе и разъясненіе тѣхъ повинностей, которыя существовали для населенія гораздо ранѣе его, и которыя установились въ силу обычая, еще въ то отдаленное время, когда, по лѣтописному преданію, Словѣни „сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ" (Лавр. 3). Съ другой стороны, признавая, что дошедшая до насъ редакція Устава о мостѣхъ относится къ XIII в., и, сравнивая ее съ другими Новгородскими грамотами того же времени, въ которомъ перечисляются Новгородскія волости, нельзя не видѣть, что она не упоминаетъ многихъ волостей, упоминаемыхъ послѣдними, и что такія волости — именно тѣ, гдѣ Новгородцы могли утвердиться только со второй половины XI в., т. е. сѣверо-восточныя, лежащія за Бѣлоозеромъ; въ Уставѣ нѣтъ Вологды, Заволочья, (Колопермн), Трѣ, Перемн, Печеры, Югры. Эта разница можетъ быть объяснена только тѣмъ, что, при расширеніи Новгородскихъ предѣловъ, городовыя повинности не распространились на вновь присоединяемыя волости, и что ихъ продолжали нести только тѣ, на которыхъ они пали въ старину. Такія соображенія [321]). дaютъ нѣкоторыя основанія искать въ Уставѣ о мостѣхъ указаній на географію Новгородской земли — по крайней мѣрѣ половины XI в.

Городовыми повинностями относительно Новгорода были обязаны, кромѣ городскаго населенія, волости: Ржевская, Бѣжицкая, Водская, Обонѣжская, Ямелбицкая. Изъ нихъ Обонѣжская распадалась на три рядн: Лужскую, Лопскую и Волоховскую, Ямелбицкая — на двѣ, которыхъ названія

уставъ не приводитъ [322]). Ржевская занимала юго-западное побережье Ильменя, примыкая на западѣ къ Псковской землѣ, на югѣ къ Полоцкимъ и Смоленскимъ землямъ. Названіе ея объясняется древнимъ Новгородскимъ городомъ Ржевою, лежавшимъ на южной окраинѣ Новгородской земли, можетъ быть на мѣстѣ тен. Новоржева, и позднѣе замѣнилось названіемъ Шелонской пятины. Къ в. отъ Ржевской волости за Ловатью, простиралась Яжелбицкая позднѣе Деревская пятина, соприкасавшаяся на югъ съ Смоленскою землею, на ю. в. съ Ростово-Суздальской. Центромъ ея былъ Яжелбицкій пог. на мѣстѣ тен. Ямa Яжелбицкаго на р. Поломети, къ западу отъ Валдая, по дорогѣ въ Новгородъ. Съ востока къ ней примыкала Бѣжицкая волость, — по Уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича — Бѣжицкій рядъ, заключавшій въ себѣ въ 1137 году населенныя мѣста: Бѣжицы, Городецькъ (къ югу отъ него) Змень, Незьскъ, Рыбаньскъ (ниже его по теченію Мологи) и Вынзьскъ (мѣсто неопредѣленное) Здѣсь Новгородскія владѣнія, могли простираться по Мологѣ до устья р. Кобожи, а на ю. в. до Медвѣдицы, которая въ извѣстіи Начальной лѣтописи о войнѣ Олеговичей съ Мономаховичами 1096 году является порубежною рѣкою между Новгородскою и Ростово-Суздальскою землею (Лавр. 198). Сѣверную часть Новгородской земли составляли волости Водская и Обонѣжская. Первая, получившая свое названіе отъ исконнаго инородческаго населенія Води или Вожанъ, занимала южное побережье Финскаго залива. Что касается Обонѣжской волости, то Уставъ о мостѣхъ, перечисляя ея части, даетъ возможность опредѣлить ея первоначальное положеніе и пространство. Изъ самаго названія ея видно, что она достигала Онежскаго озера. Въ первой половинѣ XII в. область Обонѣжскаго ряда заключалась между озерами Ладожскимъ и Онежскимъ, занимала побережья рр. Олонки, Свири, Паши и Сяси, и съ запада Волховомъ отдѣлялись отъ Водской волости. Но реки Лужская, Лопская и Волоховская, которыя, по смыслу Устава о мостѣхъ, слѣдуетъ признать составными частями упоминаемаго имъ Обонѣжья, показываютъ, что при составленіи этого Устава, къ нему

причисляли область, простирающуюся отъ южныхъ побережьевъ Ладожскаго озера и истока Невы на юго-западъ по крайней мѣрѣ до верховьевъ Луги. Сюда пріурочиваются реки Лужская и Лопская, первая — къ верховьямъ Луги, гдѣ и теперь еще находится погостъ Лужскій (Егорьевскій), вторая къ Ладожскому побережью, на которомъ, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ 1500 года, былъ расположенъ погостъ Лопскій-Егорьевскій, по рр. Парвѣ, Шельдихѣ и Лавѣ (Лавуѣ), доходя берегомъ озера до самаго Орѣшка. Здѣсь же по р. Лавѣ и восточному берегу юго-западнаго залива Ладожскаго озера находилась особая волостка, Малая Лопица, состоявшая изъ нѣсколько деревень [323]). Лежавшая по Волхову Свирью рѣкою Волховская рель могла достигать южныхъ береговъ Онежскаго озера, и въ первой половинѣ XII в. составила уже особый рядъ Обонѣжскій — зачатокъ позднѣйшей Обонѣжской пятины. Весьма вѣроятно, что усиленіе Славянскаго элемента въ Обонѣжьи, распространеніе Новгородскихъ владѣній за Свирь, наконецъ успѣшный ходъ колонизаціи за озеро Онегу и въ Подвинье къ концу XI и въ началѣ XII в. повели за собою отдѣленіе собственно Обонѣжья, Волховской рели Устава, отъ релей Лужской и Лопской, присоединенныхъ при этомъ въ Водской пятинѣ, частями которой они являются позднѣе. По Уставной грамотѣ князя Святослава Олеговича 1137 года, Обонѣжскій рядъ состоялъ изъ четырнадцати населенныхъ мѣстъ, разсѣянныхъ на пространствѣ отъ р. Олонки до истоковъ Ояти, Паши и Сяси. То были Олонецъ (тен. Олонецъ), Свирь (которое надо искать на р. этого имени), Юскола, можетъ быть, тен. сел. Юксовское на озерѣ Юксовскомъ, соединенномъ рѣчкою со Свирью, недалеко отъ ея истоковъ; Тервиничъ — или тен. Терпичъ Наволокъ на р. Свири, ниже Лодейнаго поля, или что̀ вѣроятнѣе, погостъ Тервиничи (1500 года) на южномъ притокѣ Ояти въ Тихвинскомъ у., почти на границѣ съ Лодейнопольскимъ; Вьинца (Вьюница) — тен. Винницкій погостъ (1500 года) на Ояти, выше Ярославичей въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ; далѣе на западъ по р. Пашѣ: Устье Паши, Пахитокъ на Пашѣ (мѣсто неопредѣленное), Кукуева Гора — тен. или Кочевина на Пашѣ Новгородскаго у., или

Кокова на Пашѣ же въ сѣверномъ углу Тихвинскаго уѣзда. Далѣе — Пермино и Кокорка — мѣста неопредѣленныя; но такъ какъ Уставная грамота въ исчисленіи мѣстностей соблюдаютъ извѣстный порядокъ, слѣдуя ихъ расположенію съ сѣвера на югъ и юго-западъ, то ихъ слѣдуетъ искать гдѣ-то между Пашею и Сясью, къ полости которой грамота вслѣдъ за тѣмъ переходитъ. Здѣсь, на Сяси, лежали Масіега, Липсуевичи, Тойвота и Липна. Изъ нихъ Масіега пріурочивается къ побережью р. Масельги, черезъ Волгому (Валгаму), вливающейся въ Сясь, близъ самаго впаденія этой послѣдней въ Ладожское озеро. Здѣсь мы видимъ населенныя мѣста: Масельская Горка, Масельскій погостъ и деревни съ именемъ Масельга: Усадище, Зарѣчье, Залужье, Тихомировщина. Липна Устава пріурочивается къ погосту Липицкому или Липинскому (1509 года), на Сяси, нѣсколько выше впаденія въ нее р. Тихвины. Липсуевичи и Тойвота — мѣста теперь неопредѣленныя — надо искать по той же р. между Липною и Масіегою [324]).

Такое обширное пространство занималъ Оборѣжскій рядъ въ первой половинѣ XII в. Въ эпоху Начальной лѣтописи оно должно было быть меньше, ограничиваться землями, ближайшими къ болѣе сплошному населенію Новгородцевъ по Волхову. Разсматривая географическое распространеніе Ями, мы видѣли, что во всю эпоху Начальной лѣтописи Новгородъ велъ съ этимъ племенемъ борьбу, и, сколько позволяетъ судить краткость лѣтописныхъ извѣстій о ней, эта борьба шла на сѣверной окраинѣ Оборѣжскаго ряда (см выше гл. II. стр. 58). Къ концу XII вѣка Новгородцы стояли уже въ немъ твердою ногою. Опъ былъ передовымъ постомъ собственно Новгородской земли на крайнемъ с. в.; отъ него и черезъ него Новгородскія колоніи стали распространяться за озеро Онегу къ Сѣверному морю и въ Подвинье, находя себѣ поддержку въ одновременномъ колонизаціонномъ движеніи Славянъ черезъ Бѣлоозеро и Сухону, на рр. Югъ и Вычегду, въ область Югры, Печеры, Самояди. Изъ Устава 1137 г. видно, что въ это время колонизаціонная область Новгородцевъ достигала на с. в. только Пинеги, и что Славянское населеніе

было въ ней крайне малочисленно и рѣдко. На необозримомъ пространствѣ отъ Онежскаго озера до Бѣлаго моря, Пинеги, Ваги и Сухоны этотъ уставъ насчитываетъ только двадцать шесть мѣстностей, въ которыхъ успѣли тогда утвердиться Новгородцы [235]). Ясно, что конецъ XI в. слѣдуетъ признать эпохою перваго утвержденія Новгородскаго Славянства въ Поонежьи и въ Подвинья.

Въ собственно Новгородской землѣ Начальная лѣтопись называетъ только Новгородъ и — Ладогу, въ которой, по позднѣйшимъ спискамъ ея (Ипат. и др.), утвердился первоначально Рюрикъ (теп. Старая Ладога на Волховѣ). Новгородъ былъ поставленъ Славянами при ихъ первомъ разселеніи около озера Ильмеря (Лавр. 3), по обоимъ берегамъ Волхова, который уже въ XI в. раздѣлялъ городъ на двѣ части или стороны — Торговую 1030 (Новгор III-я 210) на правой сторонѣ Волхова, и Софійскую, на которой въ 1042 году Ярославъ заложилъ каменный городъ (ibid. 211). Изъ построекъ Новгородскихъ эпохи Начальной лѣтописи извѣстны: деревянная (дубовая старая) церковь св. Софіи, поставленная при крещеніи Новгорода въ 989 году владыкою Іоакимомъ въ концѣ Пискупли улицы надъ Волховомъ (208), и черезъ 60 лѣтъ въ 1049 году сгорѣвшая (ibid. Соф. Вр. 138); въ 1045 году князь Владиміръ Ярославичъ заложилъ новую каменную церковь св. Софіи (Лавр. 67); Поромонь дворъ (на Варяжской улицѣ), гдѣ были перебиты Новгородцами Варяги, вызванные княземъ Ярославомъ въ 1015 году (Лавр. 61); и княжъ дворъ Ярославль („дворище Ярославле") на Торговой сторонѣ, надъ Волховомъ, на которомъ въ 1113 году Мстиславъ Великій заложилъ каменную церковь св. Николая (Ипат. 4). Въ окрестностяхъ Новгорода: урочище Къземль (Гзень) у Звѣрипца, на которомъ Новгородцы отразили нападеніе Всеслава Полоцкаго въ 1069 г. (Новг. I. 2); уроч. Перынь, на мѣстѣ теп. скита Перыня на лѣвомъ берегу Волхова у самаго истока его изъ озера; здѣсь стоялъ истуканъ Перунъ, уничтоженный крестителемъ Новгорода Іоакимомъ; далѣе на югъ Рокомъ (Ракомъ), загородный княжъ дворъ Яро-

слава, на мѣстѣ теп. дер. Ракома на с. в. побережьи Ильменя (1015. Лавр. 61).

Поволжье, какъ мы видѣли, первоначально соединенное съ Новгородомъ, по перенесеніи обще-Русскаго государственнаго центра въ Кіевъ, является въ непосредственной зависимости отъ Приднѣпровья. Есть извѣстіе, что при раздѣлѣ Русской земли между потомствомъ Ярослава, Ростовъ былъ отданъ въ удѣлъ князю Ростиславу Володиміровичу, который въ 1056 году былъ переведенъ въ Володимірь на Волынѣ [326]). Затѣмъ въ 1071 году Ростовъ является данническою областью Святослава Ярославича, родоначальника Черниговскихъ князей (Лавр. 75). Но тѣмъ не менѣе въ концѣ XI вѣка онъ признавался волостью третьяго сына Ярослава Всеволода (1096. Лавр. 107), княжившаго въ Переяславлѣ; такъ что зависимость его отъ Святослава Черниговскаго, какъ надо полагать, была временною; Всеволодъ могъ уступить Ростовъ Святославу, когда тотъ, при вторичномъ изгнаніи Изяслава Кіевскаго, перешелъ на Кіевскій столъ, уступивши свой Черниговъ Всеволоду. По смерти же Святослава и по возвращеніи Изяслава (1076 — 1077), Ростовъ снова былъ присоединенъ къ Переяславскому удѣлу. Въ 1095 году въ немъ былъ посаженъ сынъ Мономаха Изяславъ, вскорѣ убитый въ борьбѣ съ Олегомъ Святославичемъ (1095. Лавр. 108), который захватилъ было Суздаль и Ростовъ,— но былъ тотчасъ же выгнанъ другимъ Мономашичемъ Мстиславомъ. Съ тѣхъ поръ Ростовъ и соединенныя съ ними области Суздальская и Бѣлоозерская не выходили уже изъ рода Мономаха, сынъ котораго Юрій (въ XII вѣкѣ) положилъ начало самостоятельному существованію Ростово-Суздальскаго княженія.

Изъ населенныхъ мѣстъ Ростово-Суздальской земли Начальной лѣтописи извѣстны только — упомянутые уже нами города: Ростовъ на озерѣ Ростовскомъ или теперешнее Неро, Бѣлоозеро, который, по мѣстному преданію, находился въ 17 верстахъ отъ нынѣшняго Бѣлоозера, и былъ перенесенъ Владиміромъ (Мономахомъ?) на истокъ изъ озера р. Шексны, и Суждаль, въ 1096 году разоренный Олегомъ (Лавр. 108). Въ Суз-

далѣ указывается дворъ Монастырскій Печерскій и на немъ церковь св. Димитрія, поставленная Митрополитомъ Ефремомъ (ibid.). Въ окрестностяхъ его урочище Кулачькъ (Колачькъ), на которомъ Мстиславъ Мономашичъ нанесъ рѣшительное пораженіе Черниговскимъ Святославичамъ (Лавр. 109). Эта мѣстность пріурочивается къ рѣкѣ Колокшѣ, впадающей съ правой стороны въ Клязьму нѣсколько выше Владиміра.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) См. Изслѣдованіе К. Н. Бестужева—Рюмина „О составѣ Русскихъ лѣтописей“ Спб. 1868. О мѣстныхъ извѣстіяхъ, вошедшихъ въ сводъ, на стр. 31 и слл.

[2]) См. И. И. Срезневскаго „Чтенія о древней Русской лѣтописи“ 11, 32, 33 и К. Н. Бестужева—Рюмина, 26.

[3]) „Се повѣсти временьныхъ лѣтъ (черноризца Осдосьева монастыря Печерьскаго) откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда Русская земля стала есть“.

[4]) Единственную сколько нибудь прочную основу для разрѣшенія вопроса объ объемѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ представляетъ извѣстное мѣсто Начальной лѣтописи о числоположеніи, т. е. о распредѣленіи изложенныхъ въ ней событій по годамъ, сдѣланное безъ сомнѣнія Сильвестромъ, такъ какъ числоположеніе доведено до смерти Святополка-Михаила (1113), а Сильвестръ окончилъ свой трудъ, какъ извѣстно, въ 1116 году. „Въ лѣто 6360, индикта 15 (852). Наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля; о семъ бо увѣдахомъ, яко (т. е. такъ-какъ) при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишеться въ лѣтописаніи гречьстѣмъ; тѣмже (т. е. поэтому или такимъ образомъ) отселѣ почнемъ и числа положимъ“. Представивъ хронологическій итогъ отъ Адама до императора Михаила, числополагатель продолжаетъ: „а отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Рускаго князя, лѣтъ 29, а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31: а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святьславля лѣтъ 33, а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8, а Володимеръ лѣтъ 37, а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Различіе въ пріемахъ числополагателя до и послѣ Святослава очевидно, а дальнѣйшій текстъ памятника даетъ основаніе думать, что оно не было случайно: „Тѣмже (т. е. такимъ образомъ) — продолжаетъ лѣтописецъ, подводя свой

хронологическій итогъ, — отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60". Этой историчной отмѣткой эпохи Святослава лѣтописецъ даетъ понять, что она имѣла въ его глазахъ значеніе какой то грани, предѣла; а опредѣлительныя указанія, сколько именно лѣтъ княжилъ каждый изъ преемниковъ Святослава, и сколько именно лѣтъ прошло отъ его смерти до смерти Ярослава, дѣлаетъ несомнѣнною по крайней мѣрѣ его увѣренность въ томъ, что онъ также хорошо знаетъ годъ смерти Святослава, какъ и годъ смерти Ярослава *a*), чего онъ не могъ сказать о первыхъ Русскихъ князьяхъ, т. е. другими словами, что сколько нибудь фактическая хронологія начинается у него со смерти Святослава, и что до этого времени онъ имѣлъ подъ рукою историческій матеріалъ, который ему приходилось разбивать по годамъ (полагать числа), руководствуясь соображеніями. Съ другой стороны также очевидно, что и по содержанію и по характеру изложенія, часть Начальной лѣтописи до смерти Святослава представляетъ черты особаго и цѣльнаго изложенія, разбитаго позднѣйшимъ редакторомъ на годы, вставками оффиціальныхъ документовъ (договоры съ Греками), заимствованіями и выписками изъ Византійскихъ писателей. Главный источникъ этой части лѣтописи — народныя

---

a) Отъ смерти Святослава до смерти Ярослава, по хронологіи лѣтописнаго текста не 85 а 82 года (972 — 1054); въ хронологическомъ итогѣ прибавлено, противъ лѣтописи, три года княженію Владиміра (37 лѣтъ вмѣсто 34, т. е. 980 — 1014). Но можетъ быть это и не ошибка; ибо числополагатель могъ принять 979 г., какъ конецъ княженія Святослава на Руси, такъ какъ именно въ этомъ году онъ паче года, какъ по крайней мѣрѣ разсчитывалъ, покинулъ Русь, раздѣливъ ее между сыновьями, для новаго центра (середы) своей земли, Переяславца Дунайскаго (Лавр. 28). Лѣтомъ 969 г. Святославъ былъ уже на Дунаѣ; лѣтомъ 971 онъ былъ принужденъ по мирному договору съ Цимисхіемъ отказаться отъ притязаній на Болгарію, и возвратиться въ Русь. (Ср. М. С. Дриновъ. Южные Славяне и Византія М. 1876); но въ Русь онъ не пошелъ, хотя, по лѣтописному сказанію, путь былъ свободенъ; онъ остался на зиму въ нижнемъ Подѣпровьи, вѣроятно, въ надеждѣ собрать съ слѣдующею весною свѣжія силы для новой борьбы за излюбленную Болгарію; но погибъ отъ Печенѣговъ (Ср. Д. И. Иловайскій. Истор. Росс. I.). Если же принять 969 годъ началомъ княженія Ярополка, — то (такъ какъ и итогъ и лѣтописный текстъ отводятъ одинаково 8 лѣтъ княженію этого князя), то смерть этого князя и начало Кіевскаго княженія Владиміра Святаго придется отнести къ 977 году.

преданія, которыя удержали въ ней свой поэтическій колоритъ, тогда какъ послѣдующая часть Начальной лѣтописи основана главнымъ образомъ на письменныхъ источникахъ, на личныхъ воспоминаніяхъ лѣтописца, а если есть въ ней преданія, напр. о усобицахъ дѣтей Святослава, о Владимірѣ, о походѣ Володиміра Ярославича на Грековъ (1043), то преданія не народныя, а дружинныя, державшіяся въ сферахъ, близкихъ къ князю и его подвижниковъ. Затѣмъ съ 972 года хронологическая рамка лѣтописи становится менѣе искусственною, болѣе основательною. Что именно часть Начальной лѣтописи до этого года, въ своемъ первоначальномъ видѣ должна была называться „Повѣсть временныхъ лѣтъ", и была написана до крещенія Руси Владиміромъ, видно изъ самаго ея заглавія. Могъ-ли Сильвестръ или другой лѣтописецъ, писавшій послѣ крещенія Руси, пропустить въ подробномъ оглавленіи своего труда указаніе на то, что въ немъ будетъ сообщено о событіи, имѣвшемъ такое важное и всеобъемлющее значеніе для его времени? Кто былъ авторъ Повѣсти,— рѣшить трудно (См. П. И. Костомаровъ. Лекціи по Русской исторіи. стр. 29 и сл.). По сочувствію къ Кіевскимъ Полянамъ, видно, что онъ былъ Полянинъ, а по христіанскому міровоззрѣнію, которымъ проникнута Повѣсть, а также по достоинствамъ ея изложенія, слѣдуетъ признать, что она возникла уже въ то время, когда христіанство, а вмѣстѣ письменность и литературное образованіе стало утверждаться на Руси.

[5]) Л. П. Майковъ, въ рецензіи на предлагаемое изслѣдованіе (Замѣтки по географіи Древней Руси. Спб. 1874), замѣчаетъ, что на его взглядъ указанныя здѣсь затрудненія нѣсколько преувеличены, и что весьма справедливое замѣчаніе К. П. Бестужева-Рюмина относительно пониманія взглядовъ лѣтописца, какъ взглядовъ книжниковъ цѣлой эпохи, вполнѣ примѣнимо къ географическимъ извѣстіямъ лѣтописи, совокупность которыхъ представляетъ, по мнѣнію автора „Замѣтокъ", географическій кругозоръ просвѣщенныхъ людей конца XI и начала XII в. Замѣчаніе Л. Н. Майкова показываетъ, что, относя Начальную лѣтопись къ XI и XII в., онъ видитъ въ ней цѣльный трудъ,—(Д. И. Иловайскій. Истор. Россіи. I. стр. 178 и сл. прямо считаетъ ея сочиненіемъ Сильвестра),—мнѣніе, съ которымъ согласиться очень трудно. Лѣтопись составлялась постепенно, въ ней замѣчаются своего рода наслоенія понятій и фактовъ, не исключая и географическихъ, наслоенія, отразившія продолжительную эпоху, въ которую она слагалась. Правда, что слишкомъ явныхъ разногласій и противурѣчій географическихъ въ ней нѣтъ, тогда какъ хронологическихъ замѣчено очень много, но вѣдь правда и то, что географическія данныя гораздо осязательнѣе хронологическихъ,

и въ послѣднихъ столько же трудно быть точнымъ и безошибочнымъ, сколько въ первыхъ — неточнымъ и ошибочнымъ. Но мы имѣемъ въ лѣтописи и неточности, которыя объясняются именно наслоеніемъ матеріала, возникавшаго разновременно, и Л. Н. Майковъ конечно замѣтилъ ихъ: таковы напр. лѣтописныя указанія на разселеніе Дреговичей, Кривичей и Вятичей. Наслоеніе видно и въ замѣнѣ племенныхъ или земельныхъ названій Славяно-Русскихъ вѣтвей — городовыми и т. п. Самъ Л. Н. Майковъ указываетъ въ примѣчаніи на 5 стр., что нѣкоторое противурѣчіе можетъ быть усмотрѣно между представленіями Варяжскаго моря въ Начальной лѣтописи, и извѣстіемъ Гюряты Роговича о Сѣверномъ Океанѣ подъ 1096 г., оговариваясь, что и здѣсь я видѣлъ только неясность, а не противурѣчіе. Но изъ сопоставленія указанныхъ мѣстъ лѣтописи можно только заключать, что разсказъ Гюряты Роговича впервые далъ болѣе вѣрное понятіе о Сѣверномъ Уралѣ и Пріуральскомъ Поморьи, понятіе, котораго не имѣлъ авторъ начала лѣтописи, т. е. Повѣсти временныхъ лѣтъ.

[6]) См. К. А. Попова В. Н. Татищевъ и его время. М. 1851. 455 и слл. Недовѣріе къ Татищевскому своду, возбужденное Карамзинымъ, который, какъ извѣстно, отвергалъ всѣ его извѣстія, невстрѣчающіяся въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, старались поколебать Бутковъ (Оборона р. лѣтописи), Шегренъ (въ изслѣдованіи Ueber die Wohnsitze der Jemen); С. М. Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи принимаетъ многія изъ такихъ извѣстій. Разсужденіе П. А. Лавровскаго о Іоакимовской лѣтописи дастъ прочное основаніе для опредѣленія степени достовѣрности этого важнаго историческаго источника.

[7]) См. М.И. Сухомлиновъ. О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. Ученыя Зап. Акад. Наукъ по отд. Р. яз. и Слов. II.

[8]) Шлецера, Несторъ (въ переводѣ Языкова) I. стр. 12.

[9]) Ibid. 14 — 15.

[10]) Ibid. стр. 14 — 15. Строевъ открылъ хронику Амартолы (въ Славянскомъ переводѣ) въ 1819 г. См. статью его въ „Сѣверномъ Архивѣ“, и его же: „О Византійскомъ источникѣ Нестора“ въ Трудахъ Общества исторіи и древностей. Москва. 1828. т. IV, гдѣ (стр. 171) онъ указалъ мѣста (числомъ семь), заимствованныя нашею лѣтописью у Амартола. Ср. также предисловіе къ изданному имъ Софійскому Временнику.

[11]) Подлинникъ Георгія Амартолы, приготовленный къ изданію Муральтомъ, напечатанъ въ IV томѣ Ученыхъ Записокъ II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ: Georgii Monachii, dicti Hamartoli Chronicon ab Urbe condita ad annum p. Chr. N. 842.

Старинный списокъ перевода прекрасно изданъ фотолитографически Обществомъ Любителей Древней Письменности: „Лѣтовникъ сокращенъ отъ различныхъ лѣтописецъ и повѣдателей изьбранъ и составленъ отъ Георгія Грѣшнаго инока. 1878 — 81. I — III выпускъ. — Космографическій отрывокъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ заимствованъ изъ IV главы этой хроники: Περὶ τοῦ τῆς γῆς διαμερισμον, (стр. 39 — 40). Онъ отличается отъ космографіи Амартола въ славянскомъ переводѣ, напечатанной въ Приложеніяхъ къ 1-му тому Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей (стр. 239); — послѣдняя ближе къ подлиннику и удерживаетъ, хотя и въ испорченномъ видѣ, начало космографіи, которое составитель лѣтописнаго свода почелъ нужнымъ, во избѣжаніе слишкомъ явнаго повторенія, исключить: „По размѣшеніи убо и стьпу разоренія, раздѣлиша трое сыновы Ноевы всѣхъ иже от-нихъ рожденнымъ, и даше имъ списаніемъ мѣста по уставу, иже от отца Ноя приеше“ и т. д. Общее обозрѣніе границъ дѣленія въ переводѣ спутано пропускомъ словъ подлинника: „И дастьсе убо въ наслѣдіе прьворожденому сыну Носву Симу отъ Персыди и Вакьтронѣи Индискаа (въ подл. ἑὼς Ἰνδικῆς) и Рипокурурь до Гадирь, яже къ югу (въ подлинникѣ: Καὶ Ρινοκουροὺρων τὰ πρὸς ἀνατολὴν τῷ δὲ Χὰμ ἀπὸ Ρινοκουρουρων ἕως Γαδείρων τὰ πρὸς νότον Рипокуруръ на востокъ; Хаму же отъ Рипокорура до Гадира на югъ). Лѣтописный перечень относитъ къ востоку, въ предѣлъ Симовъ: Персиду, Ватрь (Бактрію) „тоже и до Индикія въ долготу и въ ширину и до Пирокурія (вм. Рипокурура), якоже рещи отъ востока и до полуденья“, Сурію (Сирію), Мидію по Ефратъ рѣку б), Вавилонъ, Кордуну в), Асурянъ (Ассирія), Мисопотамиру (Месопотамія), Аравію старѣйшую, Елмаисъ, Инди (въ подл. Ἰνδικὴ), Аравію сильную (въ подл. ἡ εὐδεμων счастливая г) Кулію (Κοίλησυρια у Амортола Кылисирія), Комагины, Финикію всю (въ подл. Φοινίκη πασα καὶ ποταμὸς Εὐφράτης). Перечисливъ затѣмъ области, вошедшія въ часть Хамову, въ полуденье, лѣтописный перечень переходитъ опять къ востоку, къ части Симовой: „Сущимъ ко востокомъ имать д): Киликію, Памфилію, Писидію,

---

б) „Сирія и Мидія по Ефратъ рѣку“—въ подлинникѣ нѣтъ.

в) Кордуна (въ подлин. Κορδονα Шлецеръ видитъ въ этой области т. Курдистанъ 1. 25. Вѣрнѣе область въ Великой Арменіи. Forbiger II. 603 — 603.

г) Шлецеръ полагаетъ, что Елмаисъ и Инди надо считать частію Аравіи, такъ какъ они поставлены между Аравіей старѣйшею и сильною ibid.

д) Въ подл.: ἐν δε τοῖς κατὰ βορρᾶντά παρὰ θαλάσσαν ἔχει; въ Лѣтовникѣ: къ сѣверу же поморіе иметь,—въ другомъ спискѣ Славянскаго перевода, какъ въ лѣтописи: сущимъ ко въстоку имать (стр. 240).

Мосію (Мизію), Лукаонію (Ликаонію), Фругію (Фригію), Камалію (въ подл. Καβαλίαν), Ликію, Карію, Лудью (Лидію), Масію (Мизію) другую, Троаду, Еолиду, Виѳунію (Виѳинію), старую Фругію (Фригію); и острова: Саръдани (Сардинію), Критъ, Куприъ (Кипръ) и рѣку Гѣонъ, зовемую Нилъ. Въ Хамовой части: Еюпетъ (Египетъ), Еѳиопья (Эѳіопія), сопредѣльная съ Индами, другая Еѳиопья, изъ которой выходитъ рѣка Еоіопьскай Чермна *е*), текущая на востокъ, Ѳива (Ѳиванда), Ливія, прилежащая къ Киринѣ (Κορήνη), Мармарія, Сиритѣ (Сирепсъ), Ливуи (Ливія) другая, Нумидія, Масурія, Мавританія, лежащая противъ Гадира. Въ Афетовой части, въ полунощныхъ и западныхъ странахъ: Мидія, Албанія, Арменія малая и великая, Кападокія, Фефлигопы (Пафлагонія), Галатъ (Галатія), Колхисъ (Колхида) Воспоріи (жители Воспоры), Меоти, Деревн (въ подл. Δερβίς), Сармати, Тавріяни, Скуѳіа (Скиѳія), Фраци (Ѳраки), Макидонья, Далматія, Молоси, Ѳесалія, Локрія (Локрида), Пеленія, которая называется также Пелопонисеомъ, Аркадія, Ипироція (Ἠπείρῶτις), Илюрикъ (Иллирія), Словѣни *эк*), Лухитія, Аньдріакія, Оньдрѣятишьская пучина, и острова: Британія (Британія), Сикилія, Евія (Εὔβοια), Родока (Родосъ) Хіона (Хіосъ), Лѣзвона (Лесбосъ), Кофирана (Киѳера), Закульфа, (Закинфъ), Кефалинья (Кефалонія), Ифакина (Иѳака), Керькура (Корцира); часть Асійской страны, нарицаемая Онія (Іонійское побережье Малой Азіи) и рѣка Тигръ, текущая между Мидами и Вавилономъ. Лавр. стр. 1 — 2.

е) Въ Лѣтовникѣ: дроугаа Эѳіопіа, одноудже исходитъ р. Эѳіопьскаа Эріѳра (Черлена), зрещіа (текущая) на вьстокь: Л. 20. П. С. Л. I. 240). Здѣсь очевидно говорится о Красномъ (Аравійскомъ) морѣ (Mare Erythraeum s. Rubrum. См. Forbiger II. 5), какъ и догадывается издатель подлинника Амартолы. Шлецеръ полагаетъ, что подъ рѣкою Чермною слѣдуетъ полагать Нилъ, но Нилъ упоминается Амортоломъ въ другомъ мѣстѣ.

эк) По замѣчанію Шлецера (I. 32), названія Славянъ нѣтъ въ параллельныхъ мѣстахъ ни въ Византійскихъ, ни въ другихъ извѣстныхъ ему космографіяхъ. Его нѣтъ также ни въ подлинникѣ Амартола, ни въ Лѣтовникѣ. Вѣроятно, оно внесено въ лѣтопись первымъ, кто вставилъ космографическій отрывокъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ объясненіе слова Илирикъ (Šafař. Slov. Starož. 190); ибо оно встрѣчается во всѣхъ спискахъ. Въ сказаніи о Кириллѣ и Меѳедіи.... и апостолъ Павелъ училъ ту, ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, — ту бо бѣше Словене первое, тѣмъ же и Словеньску языку учитель есть Павелъ; отъ него же языка мы есмы Русь, тѣмъ и намъ Руси учитель есть Павелъ.

[12]) Народы, называемые перечнемъ: Асуряне, Комагины, Воспоріи, Меоты, Деревы, Сарматы, Тавріяне, Молоссы (одно изъ Ѳессалійскихъ племенъ).

[13]) Въ разсказѣ о призваніи князей Начальная лѣтопись называетъ четыре Варяжскихъ народа въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ перечнѣ (Лавр. въ Полн. Собр. Р. Лѣт. 1. 8). Племена восточной половины Европы исчисляются три раза — съ небольшими измѣненіями; см. ibid. 3, 5, 9.

[14]) Перечень народовъ восточной и западной Европы въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ, несомнѣнно относится къ эпохѣ Сильвестровской редакціи; на это указалъ Карамзинъ Ист. Гос. Росс., изданіе Эйнерлинга Спб. 1842. томъ I, стр. 23.; опредѣлительнѣе высказалъ и доказалъ это мнѣніе академикъ Шегренъ въ изслѣдованіи Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen (Mémoir. de l'Académ. Impér. des Sciences de Stpb. VI Sér. Sc. polit. etc. I. p. 264, 339). — Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ были замѣчены черты, по которымъ съ неменьшимъ основаніемъ изслѣдователи имѣли право предполагать, что онъ возникъ гораздо раньше. Такъ И. Д. Бѣляевъ въ изслѣдованіи о Геогр. Свѣд. въ древн. Россіи (см. слѣд. прим.) стр. 6, принимаетъ, что извѣстія Нестора относятся къ эпохѣ до призванія Варяговъ. Г. Майковъ въ указанной рецензіи представилъ соображенія, которыми это мнѣніе подтверждается также неопровержимо, какъ доказалъ свое мнѣніе Шегренъ. Согласить эти противурѣчивыя мнѣнія можно, только допустивъ существованіе Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ отдѣльнаго произведенія, возникшаго въ концѣ X вѣка, и вошедшаго въ составъ Начальной лѣтописи въ редакціи Сильвестра (см. прим. 4) съ нѣкоторыми дополненіями, которыя, не измѣняя этнографической картины в. европейской равнины, какую могъ представить историкъ X вѣка, могли придать ей черты конца XI или начала XII в. (Литва, Емь, Угра — данники Руси), — также какъ болѣе поздніе переписчики вставили въ перечень данническихъ Руси инородцевъ — Черемису и Самоядь. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ доказанномъ противурѣчіи Начальной лѣтописи обнаруживается указаніе на существованіе Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ самостоятельнаго историческаго произведенія, — указаніе слишкомъ рѣзкое, чтобы можно было игнорировать его, какъ то было до сихъ поръ.

[15]) И. Д. Бѣляева „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи“, въ Запискк. Импер. Русскаго Географ. Общ. книга IV. Спб. 1852, стр. 24.

[16]) Именемъ Austur-vigi Снорри Стурлезонъ обозначаетъ путь черезъ Русскія земли съ сѣвера на югъ въ Грецію. Путь во кругъ западныхъ береговъ Европы назывался Vestur-vigi; Ihre's-Glossarium Suegoth. 11. 542. Ewers Kritische Vorarb. I. 35, 42, — а также Šafař. Slov. Starož. стр. 517. — Въ „Трудахъ и Лѣтоп. Общ. исторіи и древн. русск." помѣщено извлеченіе изъ Schlözer's Allgem. Geschichte (S. 541 ff.) о скандинавскихъ путешествіяхъ въ переводѣ Зиновьева.

[17]) И. Е. Забѣлинъ рядомъ историческихъ сопоставленій, во всякомъ случаѣ свидѣтельствующихъ глубокое изученіе автора извѣстій классическихъ и средневѣковыхъ писателей о в. европейской равнинѣ, старается установить, какъ несомнѣнный фактъ, что великій, водный путь изъ Царегряда въ Римъ нашей Лѣтописи, черезъ Понтъ, Днѣпръ и Варяжское море, былъ извѣстенъ Грекамъ временъ Александра Македонскаго (Исторія Р. жизни I. 262. II. 34). Не отвергая этого, можно однакоже принять, что извѣстіе Начальной лѣтописи о великомъ водномъ пути, должно имѣть другой болѣе подручный источникъ (ближе всего указанный г. Бѣляевымъ), такъ какъ на пространствѣ слишкомъ тысячелѣтія отъ Македонскаго героя до Русскаго Рюрика мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы допустить, что эти свѣдѣнія, — были ли они добыты любознательностью самихъ Грековъ, или даже были ли они распространены на в.-европейской равнинѣ, и оттуда уже перешли въ Грецію, могли удержаться, и, передаваясь преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе, дойти до нашихъ первыхъ лѣтописцевъ.

[18]) .... того озера (Нево) внидеть устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царю-городу, а отъ Царя-города прити въ Понтъ море .... Лавр. 3. — Ср. Ewer's Krit. Vorarb. I. 46 — 47.

[19]) Волга же идеть на востокъ .... въ часть Симову. Лавр. 2 .... Изъ того же (Оковскаго) лѣса потече Волга въстокъ .... тѣмже изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы, на востокъ донти въ жребій Симовъ.

[20]) У Гельмольда (Chron. Slav. ap Pertz. I. 13): Dani si quidem ac Sueones, quos Nortmannos vocamus, Septentrionale litus (Варяжскаго моря нашей лѣтописи см. ниже пр. 24) et omnes in eo continent insulas. At litus australe Slavorum incolunt nationes, quorum ab oriente primi sunt Ruci, deinde Poloni etc.

[21]) Въ изданіи, приготовленномъ Бередниковымъ: „Афетово с и то колѣно: Варязи, Русь" и т. д. Лавр. 2; такъ что Варяги составляютъ какъ бы отдѣльное племя отъ Руси и др. Но самый смыслъ лѣтописныхъ словъ противорѣчитъ такому чтенію текста. По сему

же морю сѣдять Варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агнянски и до Волошьски (т. е. до Италіи см. ниже); за тѣмъ исчисляются племена, принадлежащія къ этому колѣну Афетову: Свеи, Урмане и т. д. Въ другомъ мѣстѣ стр. 8: „сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи Гъте, тако и си". На такое же значеніе слова Варягъ указываетъ широкое значеніе Варяжскаго моря (см. выше прим. 14) Сравни: Ewer's Kritische Vorarbeitung. zur Gesch. der Russen. Dorp. 1814 1-es Buch. S. 48 ff. Приведенное въ текстѣ мѣсто онъ переводитъ: Und auch diess ist das Geschlecht Jafet's: die Warjäger (nämlich) Swej, Urmanen u. s. w. 52.

[22]) Не вдаваясь въ разборъ вопроса еще неисчерпаннаго о происхожденіи Руси, нѣтъ однако, какъ кажется, сомнѣнія, что въ этомъ именно мѣстѣ лѣтописецъ, стараясь по какимъ то соображеніямъ доказать Варяжское происхожденіе Руси, помѣщаетъ ее въ сосѣдствѣ съ Готами, и какъ будто имѣетъ въ виду объяснить дальнѣйшую легенду о призваніи Русскихъ князей изъ-за моря. (Ср. Гедеоновъ. Варяги и Русь. Спб. 1876. т. II. гл. XIV).

[23]) Нѣмчемь (поплаты)—до Иеваня вымола, отъ Иеваня вымола Гтомъ до Гералда вымола — Уст. Ярослава о мост. Русскія Достоп. изд. М. Общ. Ист. и Др. II, стр. 293. См. также прим. на стр. 311.

[24]) Шлецеръ (Нест. I. 103) угадываетъ въ Галичанахъ лѣтописи жителей Испанской Галиціи, которая уже въ началѣ IX в. стала извѣстна своимъ городомъ С. Яго де Компостелла. (См. также въ Allgem. Nord. Gesch. S. 542 о путешествіи Сигурда). На Туринской картѣ XII в., помѣщенной въ атласѣ Лелевеля подъ N. 35 отмѣчена: Gallecia, Sancti Jacobi apostoli. См. Lelewel Géogr. du moyen âge 1. 87. Галатское море (Behr Ghalatikon, galaticub) какъ называетъ Варяжское море Персидскій географъ Hamd-ullah Mesteufi Kaswiny (половина XIV в.), Френъ (Ibn — Foszlan's u. anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Stp. 1823 S. 188), производитъ отъ Γαλατια или Galia; этимъ названіемъ, по его замѣчанію, многіе Греческіе и Латинскіе писатели обозначали также и нѣкоторую часть Германіи. С. М. Соловьевъ (Ист. Росс. I. 83), говоритъ, что Галичане лѣтописи, можетъ быть, — жители Валлиса, Pays des Gals.

[25]) Начальная лѣтопись очень немногое говоритъ о Влохахъ; но изъ всѣхъ показаній ея очевидно, что именемъ Влохъ, Волхва и т. д. Славяне обозначали первоначальное населеніе древней Римской Имперіи и затѣмъ населеніе современной лѣтописцу Италіи. „По мнозѣхъ же времянѣхъ, говоритъ она о разселеніи Славянъ, сѣли суть Славяне, по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьская земля, и Болгарь-

ска .... Волхомъ же нашедшимъ на Словѣне на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населяшемъ имъ, Словѣни же ови пришедши сѣдоша на Вислѣ“ и т. д. Лавр. 3. За тѣмъ подъ 898 годомъ: пришедъ отъ востока и устремившася черезъ горы (Угры), и почаша воевати на живущія ту Волхи и Словѣни. Сидяху бо ту преже Словѣне, и Волъхве пріяша землю Словѣньску, по семъ же Угра прогнаша Волъхи и наслѣдиша землю .... оттолѣ прозвася земля Угорьска Ib. 10 — 11. Такимъ образомъ Волхи исчезаютъ изъ Угорской земли. Вслѣдъ за тѣмъ они исчезаютъ и въ Болгарской землѣ, гдѣ лѣтопись знаетъ вмѣсто ихъ Грековъ. Въ 967 году, говоритъ она, иде Святославъ на Дунай на Болгары. Бившемся обоимъ одолѣ Святославъ Болгаромъ и взя городовъ 80 по Дунаю; сѣде княжа ту въ Переяславли, емля дань на Грькахъ (Лавр. 27). Далѣе всздѣ вмѣстѣ съ Болгарами — Греки (20). Какъ произошла эта замѣна, видно изъ объясненія, которое дастъ происхожденію слова Влохъ Шафарикъ. По его мнѣнію Славянское Влахъ образовалось изъ Нѣмецкаго Wal, Walh, Vcälh, Wälsche, — имени, обозначавшаго у Нѣмцевъ человѣка Галльскаго или Кельтскаго происхожденія. Славяне, говоритъ онъ, подобно Нѣмцамъ, именемъ Влаховъ первоначально называли одни только народы племени Кельтскаго, однакоже — такъ какъ въ древнее время сѣверная Италія и значительная часть южной Германіи была заселена Галлами, то случилось, что оба племени — Славяне и Нѣмцы мало по малу перенесли имя Влаховъ на всю Италію и на народы, обитавшіе за Галлами, именно на Римлянъ. Легко можно догадаться что это перенесеніе имени случилось еще въ древнее время, при Галлахъ, потому что, по истребленіи Галловъ оно не могло уже имѣть мѣста. „Отсюда, замѣчаетъ почтенный изслѣдователь, очевидна древность Славянскихъ народовъ“. Извѣстіе о разселеніи Славянъ съ Дуная лѣтопись могла конечно почерпнуть не иначе, какъ изъ народныхъ преданій и народныхъ пѣсень, до сей поры сохранившихъ память объ этой рѣкѣ. Преданіе сохранило и имя народа, потѣснившаго Славянъ (Римлянъ), но въ то время, когда писалъ лѣтописецъ, это имя утратило уже свой первоначальный широкій смыслъ, въ которомъ приняло его преданіе. Подъ Влохомъ понимали тогда только Итальянца, жителя Италіи, населеніе же сохранившейся Восточной Римской Имперіи обозначалось именемъ Грековъ; въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слово Влохъ (Włoch) до сей поры сохранилось у Поляковъ, у которыхъ оно значитъ Итальянецъ. Что именно такъ понималъ и лѣтописецъ, видно изъ перечня племенъ, гдѣ вслѣдъ за Волхами онъ поставилъ Римлянъ, Вепьдицей, ... Фряговъ, и, конечно, не иначе, какъ для ближайшаго опредѣленія того, что именно онъ называетъ Волъхвою. Имя Волховъ или Влоховъ вызвало нѣ-

сколько толкованій и объясненій. Шлецеръ производитъ его одинаково съ Шафарикомъ, но нѣсколько разъ перемѣнялъ свое мнѣніе о значеніи его; Карамзинъ (Ист. Гос. Росс. I. 18) считаетъ Волоховъ потомками древнихъ Готовъ и римскихъ всельниковъ Троянова времени. Опроверженіе этого мнѣнія у Шафарика. Соловьевъ (Ист. Россіи т. I. 1851, стр. 83) объясняетъ Волхву, какъ общее имя для романскихъ народовъ, но выраженіе „Волошская земля“ указываетъ на территорію одного народа, какъ Агнянская земля, Русская, Угорская. Отъ всѣхъ этихъ мнѣній отличается мнѣніе Эверса, который думаетъ, что Влохъ есть славянское названіе, обозначавшее Болгаръ, преимущественно, какъ номадовъ (отъ слова влеку, волоку, польское wlóczę. I. S. 9). Мнѣніе его раздѣлялъ и Арцыбышевъ. — А. Ѳ. Гильфердингъ считалъ Влаховъ X — XI вѣка потомками римскихъ колонистовъ или обримленныхъ туземцевъ, на обопхъ склонахъ хребта Пинда. См. ниже прим. 130.

[36]) Ср. С. М. Соловьевъ Ист. Россіи. I. стр. 83.

[37]) Въ Лѣтовникѣ Георгія Амартолы, въ исчисленіи областей Хамова предѣла, по Африканскому берегу Средиземнаго моря: Ливія ина, Поумидіа, Массурліа, Мавританіа, іаже прѣмо Гадиръ. Къ сѣверу же поморіе имать. Въ Повѣсти временыхъ лѣтъ: Мавританья противу суща Гадиръ (стр. 2). Гадиръ, у древнихъ Gades, греческ. Gadeira, — на мѣстѣ теперь. Кадикса. (Forbiger. Handbuch der alten Geographie III. 46 — 48).

[38]) .... а Двина изъ того же (Оковскаго) лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и внидеть въ море Варяжское (Лавр. 3). Выраженія: „идеть“ и „внидеть“ явно указываютъ на направленіе теченія Двины, а не на положеніе ея (къ сѣверу) относительно Кіева, какъ можно было бы думать.

[39]) Ист. Росс. I. 82—83. По вопросу о томъ, имѣло ли здѣсь Варяжское море лѣтописи форму залива или пролива,—стояло ли оно въ связи съ тѣмъ моремъ на далекомъ сѣверѣ, о которомъ въ концѣ XI в. лѣтопись узнала изъ извѣстнаго разсказа Гюряты Роговича, изъ лукоморье котораго заходили высокія горы (Лавр. 107), см. выше прим. 5.; ср. 4. Мы видимъ замѣчательное сходство извѣстій нашей лѣтописи о Варяжскомъ морѣ, съ показаніями восточныхъ географовъ. Пріурочивая его къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, большая часть ихъ даютъ ему восточное же направленіе, но уже въ началѣ XIII в. Персидскій географъ Ибрагимъ-бенъ-Весифшахъ († 1228) говоритъ о двухъ прѣсныхъ моряхъ у береговъ славянской земли, изъ которыхъ одно течетъ съ сѣвера на югъ (Charmoy. Rélation de Masoudi et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves, въ Mém. d'Acad. des Scienc. VI. Sér. Scienc. Polit. etc. t. 11. p. 302). Захарія Казвини

(нис. 1275 г.) также называетъ Варяжское море рукавомъ Океана, простиравшимся съ сѣвера на югъ ibid. 304, 345. Бакуви (въ началѣ XV в.), Ouazane (Ouarane-Wareng). Lieu sur le bord de la mer du Nord. Il sort de l'océan septentrional un détroit qui va se rendre dans la mer du midi, on le nomme mer de Ouazane (Ouarane-Wareng) См. Frähn, Ibn-Foszlan's Berichte 195 — 196. Варяговъ восточные писатели полагали на поморьи противу Славянъ (Саклабъ) Ibid. 189 — 192, Charmoy. 354 — 355) — слѣдовательно, считая Варяжское море рукавомъ или проливомъ Сѣвернаго Океана и давая ему протяженіе съ сѣвера на югъ, они могли представить себѣ Скандинавію не иначе, какъ островомъ. Мукадези (XI и XII в.) указываетъ отечество Руси на островѣ Вабіи, въ которомъ Френъ видитъ теперь Данію. Свѣдѣнія свои мусульманскіе географы получали въ землѣ Волжскихъ и Камскихъ Болгаръ, отъ Норманновъ, — которые распространили ихъ и на Руси, гдѣ также могло составиться понятіе о Скандинавіи, какъ объ островѣ. Въ такомъ случаѣ Варяжское море лѣтописи тянулось бы на востокъ, не какъ заливъ Атлантическаго Океана, но какъ его продолженіе, — отдѣляя Скандинавію отъ Русскихъ владѣній и омывая сѣверные берега поселеній крайнихъ сѣверо-восточныхъ племенъ Афетовой части. Эти племена были подчинены Руссамъ, платили имъ дань, почему лѣтописецъ, придавъ Руссамъ Варяжское происхожденіе, и могъ считать себя въ правѣ сказать: „по сему морю сѣдятъ Варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова".

[30]) Адамъ Бременскій (вторая половина XI в.) и за нимъ Гельмолдъ (Helmoldi Presbyteri Chron. Slavorum ex rec. Lapenbergi, ex Monum. Germ. Hannov. 1868. I. p. 3). Sinus hujus maris ab occidentale oceano orientem versus porrigitur, adpelatur ideo Balticus eo quod in modo balthei longo tracta per Scithicas regiones tenditur usque in Greciam. Ср. Tabulam rotundum Rogerianam ad mentem geographorum Siciliae anni 1154 restauratam duce discriptionis Edrisianae въ 1 томѣ Лелевеля Géogr. du moyen âge.

[31]) Frähn, Ibn-Foszlan's Berichte, 199.

[32]) Frähn, Ibn-Foszlan's Berichte 182 — 183. Charmoy, Rélat. 333 — 334; Lelevel, Géographie du moyen âge. III. 15. Мусульманскіе писатели до X в., сколько можно видѣть изъ труда г. Гаркави (Сказанія Мусульм. писат. о Славянахъ и Русскихъ. Спб. 1870), не высказываются опредѣленно о положеніи Варяжскаго моря. Но Ибнъ Хаукаль (около 967 — 8 г.) сообщаетъ уже, что изъ окружающаго моря (Океана) выходитъ третій рукавъ на сѣверѣ Славоніи, простирается близъ Мусульманскихъ Булгаръ, и поворачиваетъ къ востоку. Между его берегомъ и крайнею оконечностью страны Турка находятся земли и горы, неизвѣстныя и пустынныя (222). Въ объясненіе

этого мѣста г. Гаркави замѣчаетъ, что хотя Ибнъ-Хаукаль не называетъ по имени этого третьяго рукава, но изъ Аль-Бируни, который приводитъ это извѣстіе дословно (оба они, какъ предполагаетъ изслѣдователь, пользовались однимъ общимъ источникомъ), мы видимъ, что этотъ рукавъ зовется море Варанкъ (235).

[33]) Charmoy Rélat. 326.

[34]) Frähn Ibn. Foszlan's Berichte 186.

[35]) Лавр. лѣт. 2: „Дунай, Дънѣстръ и Кавкасиньскія (Кавкасійскія) горы". Шлецеръ (Несторъ I. 43) не считаетъ себя въ правѣ читать вмѣсто Кавкасиньскихъ — Карпатскія, хотя лѣтопись конечно имѣла здѣсь въ виду именно Карпатскія горы, вблизи которыхъ беретъ начало Днѣстръ: у Грековъ Кавказскими горами назывался не одинъ только хребетъ, которому теперь присвоено это названіе, но вообще большія горы, которыя они полагали на концѣ своей вселенной. Подъ 1015 г. въ Лавр. 60: Угорская гора.

[36]) Чешскій лѣсъ, Böhmer Wald принадлежитъ къ Герцинской горной системѣ, и тянется на югъ отъ Эгера, между Богеміей и Моравіей, образуя водораздѣлъ между Дунаемъ и Влетавой (Молдавой). Если Чешскій лѣсъ Мономаха — дѣйствительно этотъ хребетъ, въ такомъ случаѣ въ 1076 году Русскія войска прошли всю Богемію; начиная отъ Силезскихъ границъ. Мономахъ упоминаетъ однако Глогову (Глогау у Одера), какъ ближайшій пунктъ къ своему Чешскому лѣсу. Это дастъ поводъ думать, что дружины его не проникали такъ глубоко въ Чешскую землю, и доходили только до Силезско-Моравскихъ горъ (d. Schlesisch-Mährische Gebirge), которыя онъ и назвалъ Чешскимъ лѣсомъ.

[37]) Sjögren, Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen (Mémoir. de l'Acad. Imper. des Sciences de St-pb. VI Sér. Scienc. politiq. etc. I. p. 269). Волокомъ называется узкая полоса земли между двумя рѣками, текущими въ противуположныхъ направленіяхъ, — отъ слова „волочить, переволакивать" (финское walka, walkama), 2, обширная, лѣсистая, незаселенная область. Въ послѣднемъ значеніи оно распространено по всей сѣверной Россіи. См. также Щекатова Словарь (1, 976, 1027). Лѣсъ по рѣкѣ Илети, впадающей въ Волгу съ сѣвера, нѣсколько выше Казани, и теперь называется Илецкимъ волокомъ. — Ходаковскій („О путяхъ сообщенія въ Русск. Историч. Сборникѣ. издав. Общ. Истор. и Древн. Росс. т. I. М. 1837") принималъ волокъ только въ смыслѣ пути по перешейку между рѣчными системами, хотя въ топографической номенклатурѣ Европейской Россіи онъ нашелъ мѣста съ названіями, сродными „волоку" между такими рѣками, „которыхъ не только вершины приближаются къ себѣ, но и теченія обѣихъ имѣются въ одну сторону, и часто не въ даль-

немъ разстояніи" (ibid. 39—40), т. е. волоки въ другомъ смыслѣ этого слова. Что слово волокъ могло имѣть болѣе опредѣленное значеніе, какъ собственное имя границы верхняго Поволжья, Приднѣпровья и Подвинья, доказываютъ, кромѣ свидѣтельствъ тен. географической номенклатуры этой мѣстности, старинныя поселенія: городъ Стародубъ, въ спискѣ градовъ всѣхъ Русскихъ (Полн. Собр. р. лѣтоп. VIII. 241), названный Волоцкимъ, Заволочье близъ истоковъ рѣки Великой (на границѣ Псковской и Витебской губерніи), и Заволочье, упоминаемое въ межевой книгѣ Грязовецкаго уѣзда (Васильевскій погостъ къ Заволочьи, Ходак. Пути Сообщ. 30). Оба эти Заволочья указываютъ крайніе предѣлы Волока на западѣ и востокѣ Западнѣе Псковскаго Заволочья мы не нашли ни одной мѣстности съ названіями, напоминающими волокъ, — тогда какъ на востокъ они тянутся непрерывной чередой до самаго Бѣлоозера. Подобныя названія встрѣчаются и далѣе на сѣверо-востокѣ, въ области сѣверной Двины и по Бѣломорскому Побережью, но тамъ ими обозначаются исключительно мѣстности на перешейкахъ, по которымъ производится перевозка товаровъ и даже судовъ сухимъ путемъ и они очевидно получили названіе позднѣе, съ водвореніемъ на с. в. Русской народности. Такова наприм. Волоковая Губа въ 2 верстахъ на ю. в. отъ Святаго Носа, стужившая пристанищемъ промышленничьимъ лодкамъ, которыя, чтобы не огибать Святаго Носа, перетаскиваются изъ нея въ Лопское становище (См. Рейнеке Гидрограф. Описаніе сѣвернаго берега Россіи. Спб. 1850 т. I. стр. 203). О значеніи волока, какъ нарицательнаго имени, у Рейнеке и въ предисловіи къ Спискахъ насел. мѣст. Арханг. губ. Но яснѣе всего обнаруживается значеніе слова Волокъ, какъ собственнаго имени, въ названіи цѣлой области Бѣломорскаго бассейна, Заволочье, т. е. область по ту сторону Волока, за Волокомъ. Въ теперешней номенклатурѣ мы находимъ слѣдующія мѣста съ названіями волоковъ, на пространствѣ отъ верхнихъ теченій Западной Двины, Днѣпра и Волги до Сѣверной Двины: два Волочка въ восточной части Дорогобужскаго уѣзда, оба въ 25 верстахъ отъ у. г.. — далѣе на сѣверъ — Волочокъ на Днѣпрѣ нѣсколько выше устья р. Вязьмы (Сычевскаго уѣзда), отсюда черезъ Двину къ западному побережью озера Ильменя сел. Волоковое къ югу отъ озера Касплинскаго, въ Порѣчьскомъ у., озеро Волочня въ Невельскомъ у., Большой Волочокъ къ западу отъ Порхова; Волочокъ и Большой Волокъ на озерѣ Красногорскомъ (Лужскаго у.), самый сѣверный пунктъ. Самый западный пунктъ—Заволочье, о которомъ было выше. Затѣмъ на востокъ: озеро Волочно къ ю. в. отъ Демянска, въ его уѣздѣ; Волокъ на югъ отъ Лучанскаго озера, Торопецкаго уѣзда, Волокъ — Красное тожъ — у сѣверо-восточнаго

берега озера Жадепья, въ лѣсистой мѣстности Осташковскаго уѣзда, и созвучные Переволокъ Старый и Новый на сѣверо-востокъ отъ того же озера, Наволокъ у сѣвернаго берега озера Вселугъ, Осташковскаго же уѣзда, Волокъ на Метѣ, ниже Боровичей (Держковскій, см. Ходаковск. ibid. 26). По правую сторону Волги мы находимъ Волокъ Ламскій и въ его у. селл.: Волочановскій въ 17 верстахъ отъ города и Волочаново, оба въ направленіи къ Зубцову; по лѣвую сторону Волги: Волокъ Хотьеславль или Волокославинское на р. Чагодѣ, въ Тихвинскомъ у.; ручей Волочня въ томъ же уѣздѣ, почти на границѣ съ Бѣлозерскимъ, впадающій въ Колпь, притокъ Шекепы (черезъ Суду), Волоцкая дер. на Судѣ, къ западу отъ Череповца, озеро Волоцкое, верстахъ въ 10 на востокъ отъ Бѣлаозера, Волоковое сел. въ Пошехонскомъ уѣздѣ, на большой дорогѣ въ Вологду; Волокотино къ западу отъ Юрьева Польскаго, Волокобино въ Гороховскомъ уѣздѣ, почти на границѣ съ Ковровскимъ. Въ области Онеги-Волокъ на р. Воложкѣ—правомъ притокѣ Онеги (Ходаковскій). Наконецъ, въ бассейнѣ Сѣверной Двины Волоковская (Лыткинская) и Подволочье на Вагѣ въ Вельскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Тотемскимъ; Волочокъ на озерѣ Скрипонѣ (Устюжскаго у.). Волочокъ на Тоймѣ, (Сольвычегодскаго у.) и Волочокъ на р. Лузѣ, въ Лальскомъ у.: это самые крайніе пункты на сѣверо востокѣ; самый сѣверный пунктъ Волоковское (церковный погостъ, Троицкое) на Щердѣ, притокѣ Емицы, впадающей въ Сѣверную Двину. Такимъ образомъ мы имѣемъ рядъ Волоковъ отъ верхнихъ Днѣпра и Двины, и отъ озера Ильменя черезъ Боровичи къ Бѣлоозеру и Емцѣ съ одной стороны, и съ другой черезъ Дорогобужъ и Волоколамскъ къ Грязовцу и Сольвычегодску. Города, лежащіе въ этой области, въ XIV и XV в. назывались Залѣсскими, какъ видимъ при разсмотрѣніи Списка всѣхъ Русскихъ городовъ, и это названіе должно стоять въ связи съ древнимъ значеніемъ Волока, какъ лѣснаго пространства. Нельзя не замѣтить также того обстоятельства, что географическія названія „Волокъ“ съ его видоизмѣненіями встрѣчаются на лѣсистомъ водораздѣлѣ между бассейнами Днѣпра съ одной стороны, Двины, Нѣмана и Вислы съ другой, — отъ Урало-Алаунской гряды до Авратынскихъ горъ и Карпатъ; но здѣсь они рѣже. Приведемъ замѣченныя нами: Волоки на р. Мраѣ, притокѣ Березины въ Мосальскомъ у.; Переволока въ Конысскомъ у., у верховьевъ Дручи; три сел. Волоки на Вязынѣ, притокѣ Вилін въ Вилейскомъ у., Волоки на р. Серветѣ, и Переволока, притокъ Сервеча въ Новогрудскомъ у.; два сел. Переволока въ Волковыскомъ у., Красный Волокъ въ Овручскомъ у. на р. Жеревѣ, притокѣ Уши, — за тѣмъ далѣе на юго-западъ, уже въ Прикарпатской

области Волочанка Большая и Малая, къ югу отъ Самбора у верхняго Стыря, по ту сторону Карпатъ: Волоцъ, Волоцкѣ и т. д. Мѣстности съ такими же названіями встрѣчаются и на в. отъ Днѣпра, но еще рѣже (о нихъ см. Ходак., Пути Сообщ. 36 и слл.). Въ сѣверной Россіи — главнымъ образомъ въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, въ названіяхъ селеній и урочищъ очень часто встрѣчается слово Наволокъ, иногда въ соединеніи съ финскими именами: Корбналокъ, Пертналокъ и др. Въ послѣднемъ случаѣ мѣстные Финны переводятъ его словомъ niemi (Korbniemi), что значитъ мысъ (См. Siogren, Ueb. die Wohns. d. Jëmen. S. Anm. 80). По Академическому Словарю, Наволокъ обозначаетъ кромѣ того лугъ, на который отъ разлитія водъ наносится илъ или дрязгъ. См. Даля Словарь I. 240.

[38]) О значеніи Заволоцкой Чуди, какъ географическаго, а не этнографическаго термина; см. стр. ниже прим. 79.

[39]) Новгор. IV. лѣт. 1131. Мстиславъ съ Низовцами ходилъ на Литву и плѣни я. — Что здѣсь разумѣлись Низовцы Поднѣпровскіе, ясно изъ извѣстія южнорусской лѣтописи о томъ же событіи подъ 1132 г.: ходи Мьстиславъ на Литву съ сыньми своими, и съ Ольговичами и съ Всеволодомъ Городеньскимъ... а Кіянъ тогда много побиша Литва. Ипат. 12.

[40]) Названіе Угорскаго Начальная лѣтопись ставитъ по видимому въ связь съ Уграми: „Идоша Угри мимо Кіева, говоритъ она подъ 898 годомъ (Лавр. 10) горою, еже се зоветъ нынѣ Угорское". Въ сѣверной Россіи угоръ значитъ крутой и землистый берегъ рѣки.

[41]) Кругъ, разбирая значеніе слова „гора" въ извѣстіяхъ Начальной лѣтописи и лѣтописи Новгородской, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Кажется, что слово гора имѣетъ здѣсь, какъ и во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, одинаковое значеніе съ словомъ „брегъ, берегъ", и тожественно съ Нѣмецкимъ Berg, въ противуположность долины (d. Thal, сравни Thal — Weg bei Flussen, долинный, долный путь у рѣкъ), ибо выраженіе Berg — гора — употреблялось когда-то вмѣсто Ufer — берегъ — откуда до сей поры осталось выраженіе bergen — спасать, тащить къ берегу (an's Ufer ziehen)". См. Forschung. in d. alter. Gesch. Russl's II. S. 363. Ср. русск. берегъ, сберегать. У насъ въ просторѣчьи во многихъ мѣстахъ — ѣхать „горою" говорится въ смыслѣ „сухимъ путемъ". О словѣ Угоръ, см. выше прим. 33.

[42]) Л. Н. Майковъ отмѣтилъ, какъ важный пробѣлъ въ предлагаемомъ изслѣдованіи, то, что въ немъ, кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ о порубежномъ значеніи лѣсовъ, не встрѣчается никакихъ свѣдѣній о томъ, какой характеръ въ отношеніи лѣсной растительности представляла восточно-европейская равнина. Признавая всю справедли-

вость этого замѣчанія, я считаю однако въ правѣ заявить, что не остановился на вопросѣ о лѣсахъ не столько потому, что бы, говоря словами почтеннаго рецензента, я былъ въ зависимости отъ своихъ источниковъ, и подчинилъ имъ самую идею своего сочиненія (18), сколько потому, что въ Начальной лѣтописи почти нѣтъ матеріала для рѣшенія его, сколько нибудь соотвѣтствующаго его важности и сложности. Признаюсь также, что я имѣлъ въ виду остановиться на немъ подробнѣе при разборѣ исторической географіи послѣдующаго времени, для котораго по этому вопросу имѣется обширный матеріалъ. Между тѣмъ г. Майковъ въ своихъ „Замѣткахъ“ представилъ обстоятельную и достаточно полную картину распространенія лѣсной растительности въ предѣлахъ древней Руси (стр. 27 — 43), и его трудъ никогда не потеряетъ своего значенія, какъ первый опытъ въ разработкѣ этого вопроса. Онъ привлекъ уже къ дальнѣйшей дѣятельности на намѣченномъ полѣ одного изъ талантливѣйшихъ молодыхъ ученыхъ, г. Голубовскаго, который въ изслѣдованіи: „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“ (Кіевскія Универс. Извѣстія 1883) далъ вопросу новую постановку, съ точки зрѣнія зависимости этнографическаго распространенія Славянства на юго-востокѣ равнины отъ распространенности лѣсовъ.

[43]) См. въ рукоп. Имп. Публ. Библіотеки „Рисунки и Чертежи“ къ путешествію по Россіи, по Высочайшему повелѣнію, ст. сов. Константина Бороздина въ 1810 г. т. I., объяснительный текстъ къ чертежу подъ N. XXIII, и часть II подъ N. I.—Л. Н. Майковъ (Замѣтки 23) сообщаетъ, что изъ Гео-ботаническихъ изслѣдованій о черноземѣ академика Рупрехта, лично посѣтившаго Черниговскую губ., видно, что Замглаемъ называется отдѣльный ручеекъ, который пересѣкаетъ дорогу между Черниговомъ и м. Сѣдневымъ, и во время половодья впадаетъ въ Десну недалеко отъ устья Снова. Этотъ ручеекъ есть Свинь, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1152 г., но пропущенный, по недосмотру, въ текстѣ какъ перваго, такъ и этого изданія. О тожествѣ Свини съ Замглаемъ см. 128 стр. 1-го изданія, и выше стр. 148.

[44]) По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, для прохода черезъ всѣ пороги, кромѣ чертвертаго, Неясыть, суда не разгружались; только люди высаживались на берегъ. Неясыть обходили, перетаскивая грузъ и разгруженныя суда волокомъ по берегу, или перенося ихъ на рукахъ. Относительно хода судовъ у пороговъ вверхъ, противъ теченія, мы имѣемъ домашнія свидѣтельства Русскихъ лѣтописей, со времени гибели Святослава у пороговъ въ 972 г. Выраженія: „поиде въ порогы“ (Лавр. 21), „возведоша порогы“ (Ипат. 93, 164), „взяде Гречникъ и Залозникъ“, указываютъ, кажется, что

суда именно взводились черезъ пороги вверхъ по рѣкѣ,—и что едва ли надо было прибѣгать тогда къ перетаскиванію ихъ берегомъ на всемъ пространствѣ отъ конца до начала пороговъ. — Относительно Днѣстра — имѣется любопытное извѣстіе въ Галицкой лѣтописи (Ипатьевск. подъ 1213. стр. 161): Даніилъ съ сподвижниками.... придоша ниже Кучельмина, мысляще, куды прейти рѣки Днѣстръ; Божіею же милостію придоша лодья изъ Олешья и пріѣхаша въ нихъ на (за) Днѣстръ, и насытишася рыбъ и вина.

[45]) Бруна Ф. К. Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море его же изслѣдованіе (Зап. Од. Общ. Истор. и Древн. V. 109 — 156 и въ 1-ой части Сборника „Черноморье". Одесса. 1874. 98 — 133). Сравни Л. Н. Майковъ. Замѣтки. стр. 24.

[46]) Константинъ Порфиродный, оставившій подробное описаніе Днѣпровскихъ пороговъ, говоритъ только о спускѣ судовъ по нимъ, но ничего не сообщаетъ о взводѣ судовъ вверхъ по теченію. Ему извѣстны только семь пороговъ (изъ девяти), которыхъ имена онъ приводитъ по Русски и по Славянски 1) Эссупи (Εσσουπῆ), что истолковается по русски и по славянски „не спать" 2) Ульворси (Οὐλβορσί) по славянски островунипрахъ (Οστροβουνίπρακ) что значитъ островъ порога (Островъный прагъ ?), 3) Геляндри, (Γελανδρί) по славянски звукъ порога (Звонецкій), 4) самый большой и опасный Айфаръ (Αειφάρ), по славянски Неасыть (Νεασήτ), потому что въ скалахъ его водятся пеликаны; 5) Варуфоросъ (Βαρουφόρος), по славянски Вулнипрахъ — Βουλνιπράχ — (Вольный прагъ), 6) Леанти (Λεάντι) по славянски Веруци (Βεροῦτζι) т. е. кипѣніе влаги и 7) Струвунъ (Στροῦβουν) по славянски Напрези (Ναπρεζή) что значитъ Малый порогъ. (На Свири и другихъ сѣверныхъ рѣкахъ встрѣчаются мѣстности съ названіями Надпорожье). См. Лерберга Изслѣдованія, въ переводѣ Языкова, о Днѣпровскихъ порогахъ, и подлинникъ Untersuchungen S. 318 — 382. Теперешнія названія пороговъ: Старо-Кайдацкій, Лаханскій, Сурскій, Звонецкій, Непасытецкій, Волнистскій, Будиловскій или Будильный, Лишный, Вольный.

[47]) Древній Борисоенъ. См. объ этомъ островѣ изслѣдованіе Ф. К. Бруна Островъ св. Георгія. (Черноморіе. I. 14). Объ Олешьи подъ 1084 г.: Давидъ (Игоревичъ) зая Грьки въ Олешьи, и зая у нихъ имепье; Всеволодъ жеославъ приведе и, и вда ему Дорогобужь (Лавр. 88). Грьки—не Греки или Византійцы, а Русскіе (Кіевскіе) купцы, торговавшіе съ Греціей, какъ въ Новгородѣ заморстіи (П. С. Л. III. 12) купцы (ib. 125), поставившіе церковь Св. Пятницы на Торговищи въ 1156 г., были не иностранцы, а Новгородскіе купцы, ведшіе заграничную торговлю. Ср. III. 30.

[48]) Брунъ ibid.; см. также его Изслѣдованіе береговъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV стол. (Черноморье I. 72).

[49]) Въ Рост. Лѣт. подъ 1111 годомъ, при описаніи знаменія въ Печерскомъ монастырѣ: ту бо бѣ князь Владиміръ врадостнеся, въ Ипатьвск. З. „въ Радосыни“. У Бороздина (часть 1-ая на чертежѣ окружностей древняго Кіева) Радосынь показана на мѣстѣ лощинки Радуни. Она брала начало изъ озера, находящагося къ югу отъ села Ольжичъ (при истокѣ Черторыя изъ Десны), протекала на югъ до Городца, гдѣ дѣлала крутой поворотъ на западъ, и принявъ съ лѣвой стороны ручей, вытекавшій изъ озера Подлюбскаго, впадала въ Черторыю нѣсколько выше Долобскаго озера. На планѣ 1810 года (ibid) верхней Радосыни нѣтъ, но ручей, текущій изъ озера Подлюбскаго, до устья Черторыи показанъ подъ именемъ Гнилуши. У Закревскаго (Описаніе Кіева. М. 1868) эта мѣстность оставлена безъ объясненія.

[49a]) къ стр. 22) Въ поученіи Мономаха: „и паки Игляреву чадь избиша и вежи ихъ взяхомъ шедше за Голтавомъ“ (Лавр. 104). Въ походѣ на Половцевъ 1111 года Русскіе — „пріидоша на Пслъ, и оттуда сташа на рѣцѣ Голтѣ.... И оттудѣ доидоша Върьскла“. Ипат. 2. Названіе Голтвы имѣютъ пять рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Пела: 1) Собственно Голтва, беретъ начало въ Зеньковскомъ у., течетъ съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ Пселъ съ лѣвой стороны, близъ м. Голтвы; 2) Шишацкая Голтва, рукавъ Голтвы у с. Рѣшетиловки, сливаясь вмѣстѣ съ Ольховою, образуетъ собственно Голтву; 3) Ольховая Голтва, начинаясь въ Зеньковскомъ у., близъ мѣст. Опашня, течетъ съ с. в. на ю. з., близъ сел. Надежды, Полтавской г., впадаетъ въ Шишацкую Голтву; 4) Средняя Голтва, правый притокъ Ольховой, впадаетъ у сел. Надежды; 5) Сухая Голтва, правый притокъ Средней, въ Зеньковскомъ уѣздѣ, 5 верстъ теченія. (См. Географическій Словарь Семенова т. I. 652).

[50]) Судома рѣка беретъ начало у Дмитріевой Горы, сел. на границѣ Порховскаго и Псковскаго уѣздовъ, и впадаетъ въ Шелонь съ лѣвой стороны у сел. Княжьихъ горъ.

[51]) На другіе водные пути изъ Двинскій области въ Поднѣпровье есть — впрочемъ неясное — указаніе, въ извѣстіи о походѣ Новгородцевъ на Полоцкихъ Кривичей въ 1127 году къ Неколочу, который пріуроченъ Надеждинымъ къ сел. Некучѣ (вѣрнѣе Некочѣ, на картѣ Шуб. N. 29) къ сѣверо-востоку отъ Лепеля, у небольшаго озера. Въ Новгор. Первой лѣтописи: стр. 9; подъ 1141 годомъ Новгородцы.... Якуна (бѣжавшаго изъ Новгорода съ княземъ Святославомъ Ольговичемъ) „яша на Плисѣ“. Для соображенія отмѣчаемъ

р. Плису, чрезъ Бобръ вливающуюся въ Березину (въ восточной части Борисовскаго уѣзда).

[52]) Подъ 1168 годомъ мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе о пути Кіевскаго князя Ростислава Мстиславича изъ Кіева въ Новгородъ. Онъ шелъ на Чичерскъ, т. е. вверхъ по Сожѣ, къ Смоленску; „и оттудѣ въ Торопечь. И оттудѣ посла къ сыну Святославу Новугороду, веля ему възъѣхати противу себѣ на Лукы, бѣ бо уже Ростиславъ не здравствуя вельми, и ту сшимася на Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородцы. И оттудѣ возвратися Смоленьску". Ипат. 94. Это извѣстіе передано или неполно или невѣрно. Луки (т. е. Великія Луки) лежатъ значительно на юго-западъ отъ Торопца, вовсе не по пути изъ этого города въ Новгородъ. Желая уладить затрудненія, возникшія въ отношеніяхъ Святослава къ Новгородцамъ, — и, не чувствуя себя въ силахъ продолжать путь до самаго Новгорода, Ростиславъ вѣроятно съ дороги въ Торопецъ свернулъ въ ближайшій Новгородскій городъ Великія Луки, и вызвалъ туда сына и недовольныхъ Новгородцевъ, которые конечно неохотно приняли бы предложеніе вести переговоры въ Торопцѣ, волости враждебнаго имъ князя. Въ Новгор. I-ой лѣт.: „На зиму, приде Ростиславъ изъ Кыева на Луки и позва Новгородцѣ на порядъ" стр. 14. Во всякомъ случаѣ для насъ важно это извѣстіе лѣтописи, какъ указаніе Торопецкой вѣтви великаго водпаго пути. Здѣсь находятся населенныя мѣста: Городокъ, Желна, Шейно (можетъ быть Жешна Великая, упомипаемая въ грамотѣ того же князя Ростислава 1150 г. Допол. къ Акт. Ист. I. 6), Верховье. Волокъ, Волковская, Поппзовья.

[53]) Подробное описаніе этого пути находится въ помянутомъ уже сочиненіи Рейнеке о Сѣверномъ берегѣ Россіи, т. I. на стр. 413. Онъ идетъ отъ города Онеги вверхъ по рѣкѣ Онегѣ 275 верстъ, до устья р. Кены, впадающей въ р. Онегу съ лѣвой стороны у селенія Плесковскаго. на излукѣ между почтовою станціею Архангельскою и Коневскою. Далѣе по р. Кано 30 верстъ, Кенозеромъ 25 верстъ до сѣвернаго угла губы Свиной, къ устью рѣчки Почей; этою рѣчкою чрезъ Почозеро къ рѣчку Волошу и въ Волошозеро, всего 35 верстъ; изъ Волошозера 6 верстъ болотнстымъ волокомъ на р. Череву, къ сел. Спасскому; отсюда внизъ по р. Черевѣ 15 верстъ; по р. Водлѣ до города Пудожа 80 верстъ, и еще 12 верстъ до сел. Подпорожья, у котораго грузятся гальисы, и до устья Водлы 20 верстъ. Этимъ путемъ отъ Онеги до Петербурга считается 1022 версты. Еще въ началѣ этого столѣтія онъ имѣлъ важное значеніе для доставки грузовъ отъ Петрозаводска въ Архангельскъ. Новгородцамъ онъ сдѣлался извѣстенъ очень рано, не позже начала XII в., какъ мы увидимъ при разборѣ Уставной Грамоты 1137 г. (К. Шуб. IX, вм. Черевы р.—р. Рева; р. Почей нѣтъ, хотя Почозеро означено.

[54]) Къ стр. 28. О путяхъ изъ Подиѣпровья въ Поволжье см. Д. И. Корсакова. Меря 52 — 54.

[55]) Эверсъ полагаетъ, что всѣ европейскіе Іафетиды Нестора могутъ быть раздѣлены на Словянъ, Чудь, Варяговъ. Fast sollte man glauben, sie (d. h. unvollkommene Ethnographie Nestor's) habe alle europäische Japhetiden in Slaven, Tschuden u. Warjäger getheilt. Kritische Vorarbeit. I. 51. Но Греки и Литва составляютъ въ понятіяхъ лѣтописца два особаго рода племени, которыя онъ отличаетъ отъ Славянъ, Чуди и Варяговъ.

[56]) Въ Русской Правдѣ: „Ожели будетъ Варягъ или Колбягъ“..., Русск. Дост. П. 33. Татищевъ 11, объясняетъ Колбяговъ—жителями Кольберга (Колобрегъ слав.), пріѣзжавшими въ Новгородъ для торговли. Карамзинъ (II. стр. 34) переводитъ слово Колбягъ — чужестранецъ. По Ходаковскому, Колбяги—жители береговъ Колпи, впадающей черезъ Суду въ Шексну. Розенкампфъ (О Кормчей стр. 228) сообщаетъ приписку къ этому слову изъ Кормчей XIII вѣка: „а оже боудетъ Варягъ или Колобягъ, крещения не имѣя, а боудетъ има ротѣ по своей вѣре“...., изъ чего можно заключить, что Колбягъ значитъ или идолопоклонникъ, язычникъ, или вообще не православный (Ср. пр. 27 къ Русской Правдѣ въ Русск. Дост. 11. 68). У восточнаго писателя Демешки встрѣчается названіе народа Келябіи, жившаго по берегамъ Варяжскаго моря вмѣстѣ съ Варягами и Славянами; это были по всей вѣроятности Литовцы (см. Frähn, Ibn-Foszlan's Berichte 192—193, Charmoy 354); но г. Гедеоновъ (Отрывки о Варяжскомъ Вопр. стр. 150 прим.) полагаетъ, что подъ Келябіями скрываются Колбяги Русской Правды, хоть Демешки писалъ въ концѣ XIV в. (Charm. 305), когда Колбяги не встрѣчаются, сколько намъ извѣстно, въ памятникахъ. Не было ли слово Колбягъ какимъ нибудь болѣе или менѣе общимъ названіемъ для Чуди, пріѣзжавшей въ Новгородъ, или селившейся въ Новгородской области? Есть погостъ Колбежицкій къ югу отъ Тихвина на рѣкѣ Воложбѣ, и близъ него „Чудскій конецъ“ сел. На всемъ Финскомъ сѣверѣ много мѣстностей съ названіями Колбь, Колбино, Колбинскій и т. д. По замѣчанію Кастрена Kolba, Kolva значитъ рыбная вода, — отъ лап. Knolle — рыба, и va — вода. (Vorles. 98).

[57]) По Словарю В. И. Даля (2-ое изд. I. 169) Варягъ значитъ мелочный торговецъ (маклакъ, прасолъ, офеня), и орелъ, тарханъ, маякъ; основа этихъ значеній конечно архаическая. Въ значеніи офени, коробейника, разнощика, плутоватаго торговца въ Костромскомъ и Вологодскомъ краѣ употребляется слово воряга. Замѣтка Даля („кажется неправильно варягъ“) къ сожалѣнію неудобопонятна, что̀ неправильно: воряга или варягъ? Уважаемый археологъ

И. Е. Забѣлинъ (Исторія Русской жизни, II. 63 и сл.) первый сблизилъ теперешнее народное значеніе варяга, какъ торговца, съ Варягами древней Руси и пролилъ новый свѣтъ на начало Русской исторіи. Исходя изъ этого пониманія, проф. Ключевскій представилъ въ новомъ видѣ и установилъ новыя начала возникновенія и образованія Русскаго государства (Боярская Дума. Гл. I. стр. 23 и сл.). О соображеніяхъ г. Забѣлина относительно происхожденія Варяговъ изъ Славено-Поморской Вагріи — см. замѣчанія О. О. Первольфа (Журн. М. Нар. Просв. 1877. ч. 97, стр. 45), съ которыми нельзя не согласиться. Что касается производства слова Варягъ отъ древне-русскаго варити (идти впереди, предупреждать, предварять; сближеніе, замѣтимъ мимоходомъ, сдѣлано еще В. И. Даленъ, l. c.), равно какъ о выходѣ Новгородскихъ Словенъ съ южнаго Поморья Балтійскаго моря вверхъ по Нѣману черезъ обл. Днѣпра, Западной Двины (Ист. Р. жизни II. 57—60), то такія предположенія остаются внѣ критики, такъ какъ для нихъ не имѣется пока никакихъ фактическихъ основаній.

[58]) См. В. Г. Васильевскаго Варяго-Русская и Варяго-Англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII в. Ж. М. Н. Пр. ч. 176 отдѣл. 2.

[59]) Лѣтопись рѣзко различаетъ Славянъ и Варяговъ. Изъ прибалтійскихъ Славянъ она знаетъ Поморянъ (Ляховъ), и помѣщаетъ Варяговъ на другомъ противуположномъ берегу моря. Въ Славянскихъ и Финскихъ городахъ она отличаетъ первыхъ насельниковъ (туземцевъ, автохтоновъ) отъ Варяговъ—находниковъ т. е. пришельцовъ. „Отъ нихъ, говоритъ она, прозвася Русская земля Новгородцы: ти суть люди Новгородци отъ рода Варяжьска, преже бо бяша Словѣни“ (Лавр. 9). Въ походахъ Олега (880, 898 г.), Игоря (912 и 954), Владиміра (980), Ярослава (1015 — 1017) и въ битвѣ съ Печенѣгами (1037) всюду они отдѣлены отъ Славянскихъ племенъ.

[60]) При утвержденіи въ Кіевѣ Игорева договора съ Греками, князь и люди его, „елико погапыхъ Руси“, давали клятву на холмѣ; „а хрестьяную Русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильи. .. се бо бѣ сборпая церковь, мпози бо бѣша Варязи хрестьяне“ 23. А. А. Купикъ воспользовался этимъ мѣстомъ лѣтописи, какъ доказательствомъ тожества Руси и Варяговъ (Нормановъ). См. Дорнъ. Каспій 429. Но христіянская Русь могла выбрать для принесенія присяги сборную церковь св. Ильи, хотя бы и поставленную Варягами или для многочисленныхъ въ Кіевѣ Варяговъ — христіанъ, и не будучи единоплеменною Варягамъ. С. С. Гедеоновъ, разбирая доводъ академика Купика (Варяги и Русь I. 715), замѣчаетъ, что названіе сборная прямо указываетъ на церковь св. Ильи, какъ на общую Руси и Варягамъ,—присовокупляя, что это было безъ сомнѣнія единственная христіанская

церковь въ Кіевѣ. Но церковь могла быть соборною или по тому, что была общественною, поставленною и содержимою на общій счетъ, приходскою, въ отличіе отъ частныхъ, домовыхъ, которыхъ было много (Дитмаръ насчитываетъ въ Кіевѣ до 400 церквей. Ср. Проф. Голубинскаго Ист. р. церкви I. 1, 61 — 62), или по іерархическому значенію своему, которое впрочемъ трудно предположить въ то время. Во всякомъ случаѣ у Руси временъ Игоря могли быть и домовыя и даже общественныя христіанскія церкви; это можно предположить изъ того, что въ Игоревѣ договорѣ съ Греками христіанская Русь идетъ всюду впереди Руси языческой, — слѣдовательно, если она и не преобладала, то пользовалась большимъ значеніемъ. Слова: „мнози бо бѣ бѣша Варяги — христьяне“ могли быть прибавлены лѣтописцемъ для объясненія, что церковь св. Иліи выбрали для торжественнаго акта утвержденія договора, какъ самую обширную, въ которой, кромѣ сравнительно незначительнаго числа христіанской Руси, могли помѣститься и многочисленные христіане Варяги. Затѣмъ, указывая съ большою точностью мѣсто, гдѣ находилась церковь (надъ Ручаемъ конецъ Посыпче бесѣды и Козарѣ), лѣтописецъ даетъ понять, что это была одна изъ замѣчательнѣйшихъ построекъ въ Кіевѣ того времени, какъ напр. теремъ камень Ольги (945. 23 и др.).

[61]) Въ Новгор. I-ой лѣтоп., подъ 1180 годомъ записано: Рубоша Новгородьцѣ Варязи на Гътѣхъ Нѣмцѣ въ Хоружьку и Новоторжцѣ. а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла въдаша Варягомъ; и пустиша я безъ мира (стр. 20). Мѣсто очевидно испорченное, но все таки ясно, что тутъ „Варязи на Гътѣхъ“ могутъ означать только Готландцевъ. Въ 1201 г. „Варягы пустиша (изъ Новгорода) безъ мира за море.... а на осень придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всей воли своей (ib. 25). Это сколько намъ извѣстно, послѣднее употребленіе слова Варягъ лѣтописью въ изложеніи Русскихъ событій. Объясненіе этого мѣста см. И. Е. Забѣлинъ Ист. Р. ж. I. 139. Въ сказаніи о взятіи Царягорода Крестоносцами Варяги—наемная дружина Грековъ: по взятіи города Фрязи—Грьки же и Варяги изгнаша изъ града. ibid. 29. Въ Новгородѣ было два иностранныхъ двора—Нѣмецкій принадлежавшій Ганзѣ и Готландскій (см. Карамз. Ш. прим. 244). По нашимъ лѣтописямъ, дворъ, стоявшій на Торговой сторонѣ на Варяжской улицѣ, на посадѣ, у княжаго двора, назывался Нѣмецкимъ (Новг. Ш-я лѣт. 216, 222, и I-ая 63, 66); церковь, находившаяся на Торговищи, т. е. Торговой площади, близъ церкви св. Михаила, называлась Варяжскою, которая отличается отъ Нѣмецкой роноты (Новг. I. 11, 18, Новг. Ш. 216 и т. д.). Эта Варяжская церковь могла принадлежать Готландцамъ. Готскій (Готьскій) дворъ упоминается въ первый разъ подъ

1403 годомъ (см. Новг. I. 102; въ Новг. IV., вѣроятно по ошибкѣ Нѣмецкій дворъ стр. 144). Слово Варягъ встрѣчается затѣмъ въ литературныхъ памятникахъ конца XVI и начала XVII в. для обозначенія Шведовъ, но очень рѣдко, да и то, какъ выраженіе книжное, фигуральное.

[62]) Нѣмцы вмѣстѣ съ Готами обязаны были содержать въ порядкѣ мостовыя въ запятыхъ ими улицахъ въ Новѣгородѣ, см. Уст. Яросл. о мостѣхъ.

[63]) См. выше, прим. 47.

[64]) См. Погодинъ М. П., „О походѣ Русскихъ на Сурожъ" въ Запискк. Одесск. Общ. Ист. и Древн. I. 195 и слл.; Срезневскій И. И., Слѣды древняго знакомства Русскихъ съ южной Азіей. Девятый вѣкъ. (Вѣсти. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1852. X. стр. 59).

[65]) По объясненію Финлея въ его Исторіи Византіи. Шлецеръ (Несторъ I. 52) полагаетъ Черную рѣку лѣтописи въ Μαυροπόταμος или Μέγας ποταμός, которая течетъ по западной части Оракійскаго полуострова въ Эгейское море, и которую нельзя смѣшивать съ Черною рѣкою въ Памфиліи, слѣдовательно на окраинѣ тогдашней Греческой Имперіи. О Царградской гавани Судѣ — см. Проф. Голубинскаго Истор. Рус. церкви I. 1, 18.

[66]) Арцыбышевъ о Тмутаракани. Труды и Лѣтописи Общ. Исторіи и древн. Русскихъ IV. стр. 80. Такъ называемый Тмутараканскій камень найденъ въ 1772 — 1793 году на островѣ Тамани. Это мраморный кусокъ въ сажень съ небольшимъ въ длину, въ аршинъ шириною и нѣсколько болѣе 5 вершковъ толщиною. На боку его, въ двѣ строки, выдолблена надпись: въ лѣто 6575 индикта 8 Глѣбъ мѣрилъ море по леду отъ Тмутаракани до Керчева 14,000 сажень. ibid. 81. О подлинности Тмутараканскаго камня см. Замѣтку Кеппена въ Трудахъ V. стр. 400. Топографія Тмутаракани разслѣдована Пр. Герцемъ. (Археол. топогр. Таманск. полуостр. М. 1870).

[67]) Прусовъ Начальная лѣтопись упоминаетъ только мимоходомъ въ перечнѣ народовъ и вовсе не знаетъ ихъ въ изложеніи событій. Въ то время едва-ли они и входили въ столкновенія съ южной Русью, отъ которой очень рано, можетъ быть, въ XI в., они отдѣлялись племенемъ Ятвяговъ (см. ниже прим. 71 — 74). Впрочемъ есть извѣстіе, что еще въ X в. Русскія владѣнія соприкасались съ землею Прусовъ: Дитмаръ (VI. 58) говоритъ, что св. Бруно проповѣдывалъ въ Пруссіи на границѣ съ Русью. Названіе одной изъ Новгородскихъ улицъ (Прусская улица) заставляетъ предполагать старинную связь между Новгородомъ и Пруссами. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ самыхъ предѣлахъ древней Русской земли, въ области Нарева и Западнаго Буга, и далѣе на югъ встрѣчаются населенныя мѣста съ

Прусскими наименованіями; таковы: Большіе Прусы къ югу отъ Визны по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Ломжу; Прусечки у Каменца Литовскаго, Пруски къ западу отъ Кобрина верстахъ въ 7; Прусы, Пруссна Нова и Пруссна Стара близъ истоковъ Раты къ юго-западу отъ Белза въ Галиціи; Прусы къ в. отъ Львова въ 7 верстахъ; Прусы на одномъ изъ правыхъ притоковъ Днѣстра, верстахъ въ 10 на югъ отъ Самбора, и мн. др. (Карты Шуберта и Военно-Топогр. Депо 3-хъ верстная; для Галиціи Skorowidz wszystkich miejscowości w Galicyi i Lodomeryi, Lwów. 1855. str. 173). Такія же названія встрѣчаются и на юго-западѣ въ предѣлахъ б. Польши до самаго Бромберга (Uebers. der Bestandtheile u. Verzeichniss aller Ortschaft. d. Bromberger Regirungsbezirk. Bromberg 1818. S. 37 N. 85 S. 59 NN. 34, 38). Если эти названія имѣютъ какія либо отношенія къ стариннымъ поселеніямъ Пруссовъ на Славянской территоріи, то они могутъ быть объяснены или тѣмъ, что первоначальныя поселенія Пруссовъ простирались гораздо южнѣе той области, гдѣ застаетъ ихъ исторія, или же позднѣйшимъ переходомъ ихъ на югъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ относительно Русской земли наши лѣтописи XIII в. даютъ нѣкоторыя извѣстія. Такъ въ 1275 году, по словамъ южно-русскаго лѣтописца, „пріндоша Пруси къ Тройденови изъ своей земли неволею передъ Нѣмцы; онъ же прія ѣ къ собѣ и посади часть я въ Городнѣ, а часть ихъ посади въ Въелонимѣ“ (Ипат. 206). Въ этомъ переселеніи участвовали и Борты (ibid. 207, подъ 1277 г.). Въ 1281 году мы видимъ въ дружинѣ Владиміро-Волынскаго князя Владиміра Пруссина (ibid. 210).

[68]) Въ исчисленіи народовъ чтеніе „Порова“ встрѣчается только въ Лаврентьевскомъ — древнѣйшемъ — спискѣ Начальной Лѣтописи; въ Ипатіевскомъ Норома и въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ Черома. Тѣмъ не мѣнѣе не льзя не признать правильности позднѣйшихъ чтеній, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Лѣтописецъ въ перечнѣ племенъ несомнѣнно держится того порядка, на какомъ они, по его представленію, разселились, — и, помѣщая Порову, Черому, съ Корсью и Либью (Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь, Лавр. 5), тѣмъ самымъ указываетъ на ихъ близкое сосѣдство;

2) сѣверно-русскія лѣтописи, сообщая довольно подробныя свѣдѣнія — по крайней мѣрѣ о названіяхъ различныхъ Чудскихъ племенъ въ Прибалтійскомъ краѣ, вовсе не знаютъ племени Поровы: имъ извѣстна только р. Порова (Черова. Соф. Вр. въ Полн. Собр. Лѣт. V. 188), протокъ изъ Чудскаго озера въ Финскій заливъ, весьма часто упоминаемый въ изложеніи событій XII и XIV вѣковъ.

Что касается Корси, то лѣтописецъ, помѣщая ее въ первомъ перечнѣ между Зимѣголой и Летьголой (Сетьголой 3), а во второмъ между Зимѣголой и Неромой (Паровой 5), прямо указываетъ, что въ его глазахъ Корсь принадлежала къ этой группѣ племенъ, а не къ Чуди. По изслѣдованію академика Видемана, Куры и Ливы суть различныя по мѣстности названія одного и тогоже народа. (Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ Спб. 1870). Проф. Е. Е. Замысловскій, въ очень впрочемъ лестной для меня рецензіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1875. т. 177. 641), обратилъ вниманіе на то, что изслѣдованіе акад. Видемана осталось мнѣ не извѣстно при первомъ изданіи Очерковъ (что, къ сожалѣнію было совершенно справедливо), — и, приведя подлинныя слова акад. Видемана, что, „Ливскій языкъ принадлежитъ къ весьма распространенной семьѣ Финискихъ народовъ", взвелъ на меня тяжкое обвиненіе, что я будто бы отношу Ливовъ къ племени Литовскому (64) и, какъ на улику такого невѣжества, сослался на стр. 36 перваго изд. „Очерковъ". Но ни тамъ, да и нигдѣ въ книгѣ ничего подобнаго нѣтъ. Все это надо считать дѣломъ страннаго недоразумѣнія. Правда, не зная изслѣдованія г. Видемана, я могъ раздѣлять давнее мнѣніе о племенной близости Куроновъ (Корси) съ Литвою (собственно Лотвою, Лотыголой нашихъ лѣтописей Ср. Jaroszewicz Obraz Litwy. I 8); но что Ливовъ я считалъ Финнскимъ племенемъ, ясно изъ того, что въ главѣ III (гдѣ о Литовскихъ племенахъ) о нихъ даже не упомянуто; — мѣсто имъ отведено въ IV главѣ, исключительно посвященной Финнскому (Чудскому) племени. Высказанное же мною предположеніе, что Начальный лѣтописецъ относилъ, какъ кажется, Ливь къ Литвѣ,—конечно не льзя истолковать такъ, какъ будто бы я лично раздѣлялъ это мнѣніе.

[69]) Вопросъ о происхожденіи и національности Ятвяговъ не можетъ считаться рѣшеннымъ, хотя относительно его было уже высказано нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ предположеній. Изъ нихъ самое важное—отца славянскихъ древностей Шафарика (Slov. Starož. 274-295) который причислялъ ихъ къ Сарматскому племени Язиговъ, часть котораго уже въ I вѣкѣ по Р. Хр. проникла въ Подлѣсье со стороны Днѣпра и Черноморскихъ краевъ, и въ X вѣкѣ является въ исторіи подъ названіемъ Ятвяговъ (Ятвеза, Яцвези). Большая часть Польскихъ историковъ видитъ въ нихъ Литовское племя, основываясь на свидѣтельствахъ Кромера (Gethariim s. Prussorum, gens L. IV. c. 19), Длугоша, утверждающаго большое сходство ихъ съ Литовцами, Самогитами и Пруссами по народности, языку, обрядамъ (ritu), религіи и правамъ (Hist. Pol. IV), и Матвея Мѣховита; послѣдній говоритъ, что въ его время (въ началѣ XVI вѣка) Ятвяговъ оставалось уже немного, и что у нихъ свое собственное

нарѣчіе, отличное отъ Литовскаго, Жмудскаго и Прусскаго „Quatuor, ergo gentes Prutheni, Jaczwingi, Lithuani cum Samogitis et Lotigali habent propria linguagia valde in paucis consonantia et convenientia. Cronic. Polon. Cracov. 1531 p. 40). Въ другомъ сочиненіи Descriptio Sarmatiae „Linguagium Lithuanicum est quadripartitum: primum linguagium est Jaczwingorum,... alterum est Lithuanorum.. tertium Prutenicum, quartum in Lotwa s. Lothihola. Въ томъ же смыслѣ высказываются Гваньини и Стрыйковскій. Эти свидѣтельства признали Нарбутъ, Ярошевичъ и др., Henning (Comment. de rebus Jazygum s. Jadźwingorum Regiomonti 1812), и изъ нашихъ ученыхъ академикъ Шегренъ въ изслѣдованіи, къ сожалѣнію, не получившемъ окончательной обработки — Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse d. Jatwägen (aus d. Memoir. de l'Acad. Sc. polit. IX Stp. 1858). Если мнѣніе это и не можетъ быть признано окончательно доказаннымъ, то во всякомъ случаѣ оно сильно поддерживается историческими данными о близости отношеній Ятвяговъ къ Прусамъ, Бартамъ и Литвѣ въ XII—XIII вѣкѣ, данными, которыя представляетъ наша южно-русская лѣтопись. По этому мнѣніе это имѣетъ преимущество передъ патріотической теоріей, высказанной д-ромъ Шульцомъ о Лехитскомъ происхожденіи Ятвяговъ, и опровергаемой самымъ ходомъ событій XIII вѣка. (Szulc. O znaczeniu Prus dawnych str. 23, 140—151), а также и передъ догадкой о Финскомъ ихъ происхожденіи (Thunmann Untersuch. üb. die Geschichte einiger nördl. Völker), невѣрность которой призналъ Шегренъ, прежде ее раздѣлявшій (его статья въ Denkschriften d. Russisch. geographisch. Gesellsch. Weimar. 1849. B. I). Положительнаго разъясненія національности Ятвяговъ слѣдуетъ ожидать только отъ научнаго филологическаго изслѣдованія тѣхъ немногихъ остатковъ Ятвяжскаго языка, которые сохранились до насъ въ лѣтописяхъ, главнымъ образомъ въ нашей южно-русской, т. е. нѣсколько личныхъ именъ и географическихъ названій. О послѣднихъ см. ниже (Прим. 55). Имена личныя—Ятвяжскихъ князей и старѣйшинъ читаются въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1227 годомъ.—Шютръ (Шутръ), Монъдуничъ, Стегутъ, Зебровичъ Небръ (167); подъ 1128; Скомондъ и Боруть зла воинка, иже убіена быста посланіемъ. Скомондъ бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочитъ: борзъ же бѣ яко звѣрь; нѣпь бо ходя повоева землю Пиньскую“ (182). Онъ былъ убитъ и голова его посажена на колъ. Выраженіе „волхвъ и кобникъ нарочитъ“ не указываетъ ли на жреческое званіе Скомонда? Замѣчательно, что два изъ озеръ бывшей въ XIII-мъ вѣкѣ Ятвяжской земли, въ восточной Пруссіи, — Скомацко къ с. отъ Іоганнсберга, и Скоментенъ на в. отъ

Лыка, носятъ названія, родственныя имени этого волхва и кобника, воды же у языческой Литвы пользовались, какъ извѣстно, особымъ религіознымъ почитаніемъ.... Затѣмъ подъ 1251 г.: Небястъ; подъ 1255: Стекшитъ (Стекшитъ, Стекынтъ, стр. 191, 193), Комать (ibid); подъ 1256: Алкадъ (192); Юндилъ (192); подъ 1274: князи Ятвяжеціи — Минтеля, Шюрпъ (ср. Шютръ 1227), Мудейко, Пестила (205).—Подобный разборъ географическихъ названій сдѣлалъ Шульцъ въ названномъ выше сочиненіи, — но не вѣрно и пристрастно. Съ извѣстіями Южнорусской лѣтописи онъ былъ знакомъ только по примѣчаніямъ къ Исторіи Карамзина; сверхъ того, задавшись идеей о единоплеменности Ятвяговъ съ Мазовшею, онъ выбралъ изъ этой лѣтописи только тѣ Ятвяжскія названія, которыми ему можно было — съ нѣкоторою натяжкою — поддержать свою теорію. При этомъ ясныя свидѣтельства лѣтописи, противорѣчащія его теоріи, оставлены безъ вниманія, и принято въ основаніе, что въ лѣтописи Славянскія имена испорчены такъ, что въ нихъ трудно узнать Славянское происхожденіе. Между тѣмъ — во всѣхъ искаженіяхъ собственныхъ именъ, какія тамъ замѣчаются,—совершенно противуположное явленіе. Лѣтописи скорѣе всего искажаютъ иноязычныя названія, славянизируя ихъ въ видахъ осмысленія. Славянскія же имена — особенно географическія—передаются почти вездѣ съ такою же замѣчательною точностью, съ какою они сохраняются народомъ въ теченіи столѣтій.

[70]) Голяди, люди Голядь нашихъ лѣтописей (Лавр. 58, Ипат. 29). Сродство ихъ съ Прусской Галиндіею доказывается только созвучностью племеннаго названія; другихъ основаній не представляется. Тѣмъ не менѣе оно принято историками Литвы и Россіи (Narbutt, 235—255.—Соловьевъ С. М. Исторія Росс. т. I. 1851 стр. 77). Ходаковскій сомнѣвается однако въ значеніи нашей лѣтописной Голяди, какъ племеннаго названія,—полагая, что здѣсь надо принимать особый классъ народа; но ничѣмъ не поддерживаетъ своей догадки. Прусская Галиндія находилась къ сѣверу отъ Мазовіи у верховьевъ рѣки Аллін (гдѣ теперь Алленштейнъ). О границѣ ея см. Нарбутъ, Dzieje Litewskie II. 514, — извлеченіе изъ книги „Privilegien des Stifts Samland, u. Voigt Geschichte Preussens" I. 495.

[71]) Область Ятвяговъ указывается Длугошемъ въ сосѣдствѣ земель: Русской, Мазовской и Литовской; ихъ митрополія Дрогичинъ. Мѣховитъ, сообщая тоже извѣстіе, не называетъ однако Дрогичина ихъ городомъ. По Стрыйковскому, ихъ область простиралась отъ Волыни до Пруссовъ; и имъ принадлежали города Дрогичинъ и Новогрудокъ. На основаніи такихъ указаній, составилось мнѣніе о разселеніи Ятвяговъ по нижнему Бугу, Нареву и Нѣману, въ запад-

номъ Подлѣсьи, Подляхіи, части Мазовіи — между притокомъ Парева Вальпушею и Бугомъ, въ древней Прусской и Самогито-Литовской Судавіи (Henning. De reb. Iazyg.; ср. Нарб. Dzieje III. 171. и Jarosz. Obraz Litwy I.);—область, къ которой Шегренъ (Die Wohns. d. Jatwäg. 8) прибавляетъ еще юго-западную Литву. Эта область намѣчена, особенно для XIII вѣка, слишкомъ широко. Вообще все теченіе З. Буга отъ истоковъ до сліянія съ Паревомъ никогда не было занято Ятвягами; оно всегда принадлежало Славяно-русскому племени. Городъ Дрогичинъ никогда не былъ Ятвяжскомъ городомъ. Тоже самое должно сказать о верхнемъ Наревѣ до устьевъ Бобра, гдѣ уже въ первой половинѣ XII вѣка извѣстенъ Славянскій городъ Визна (Ипат. 18. подъ 1145 г.). Первоначальныя поселенія Ятвяговъ въ IX—XI вѣкѣ находились, какъ увидимъ ниже, въ верхнемъ Понѣманьи, отдѣляя Русскія владѣнія отъ Литвы. Въ XII—XIII вѣкахъ усиленіе Славянства на югѣ Ятвяжской земли, и наступательное движеніе собственно Литвы съ с. в. оттѣснили ихъ на сѣверо-западъ за Паревъ и Бобръ, въ южную часть Прусской озерной области. Оттуда они въ свою очередь отодвинули къ с. Прусовъ, въ X вѣкѣ пограничныхъ съ Русью. Тамъ застаетъ ихъ исторія въ XIII вѣкѣ, оставившемъ о нихъ въ Южно—русской лѣтописи довольно подробныя извѣстія. Оставшіеся въ Понѣманьи Ятвяги, потерявъ независимость, должны были слиться съ Славянствомъ на югѣ, и съ собственно Литвою на сѣверѣ. По свидѣтельству извѣстной грамоты Миндовга 1259 года, Литовская область Денова или Дейнова (см. прим. 73) называлась въ его время нѣкоторыми Яцвезинъ: Denowa tota, quam etiam quidem Jacwezin vocant. Впрочемъ слѣды ихъ удержались тамъ до начала XVI вѣка. Этотъ переворотъ въ разселеніи Ятвяговъ, это передвиженіе ихъ на сѣверо-западъ конечно не обошлось безъ борьбы, на которую мы имѣемъ указанія въ нашихъ лѣтописяхъ. Изъ XII вѣка до насъ дошло только два извѣстія о походахъ Русскихъ князей на Ятвяговъ: въ 1112 году Ярополка Святополчича изъ Владиміра на Волыни (Ипат. 3. Новгор. Перв. 4) и въ 1196 году Романа Мстиславича (Ипат. 150). Конечно ихъ могло быть больше. Къ первой половинѣ XIII вѣка относится извѣстіе, которое, хотя и принадлежитъ позднѣйшему лѣтописному своду — Густынской лѣтописи, тѣмъ не менѣе не можетъ быть отвергнуто безусловно. Въ 1247 году, говоритъ эта лѣтопись, „многая была брани княземъ Литовскимъ со Ятвяги.“ Литовскіе князья обратились за помощью къ Даніилу Романовичу Галицкому, который послѣ долгой борьбы побѣдилъ Ятвяговъ и наложилъ на нихъ дань, „и отселѣ Ятвягове начаша давати дань Русскимъ“ (Полн. Собр. русск. лѣт. II. 342). Здѣсь можно разумѣть только Понѣманскихъ Ятвяговъ, ибо на Забобранскихъ Ятвяговъ Даніилъ пред-

принимали походы нѣсколько лѣтъ спустя, при чемъ, какъ оказывается, Русскіе были совсѣмъ незнакомы съ тамошнею мѣстностью и нуждались въ проводникахъ, чего конечно не могло бы быть въ землѣ покоренной и данической.—Слѣдя за лѣтописными извѣстіями, легко видѣть, какъ постепенно Русскіе отряды проникали далѣе и далѣе на сѣверъ. Еще въ 1229 году Берестье, теперь Брестъ Литовскъ, мы видимъ ближайшимъ городомъ къ землѣ Ятвяговъ (Ипат. 168); такимъ же онъ является и въ 1235 (ibid); но уже въ 1248 году Василько разбилъ Ятвяговъ, возвращавшихся съ набѣга на Холмскую землю у Дрогичинскихъ воротъ (Дрогичинъ къ с. отъ Бреста), и гналъ ихъ нѣсколько поприщъ (Ипат. 182); черезъ два года въ 1250 году Конрадъ Мазовецкій и Василько были принуждены вернуться за снѣгами и серепомъ съ задуманнаго похода на Ятвяговъ уже на Нурѣ, еще сѣвернѣе Дрогичина, а съ 1251 до 1281 г. мы имѣемъ рядъ походовъ Русско-Польскихъ дружинъ въ глубину Ятвяжской земли, за Визну, Бобръ и Райгородское озеро. Объ этой Забобранской мѣстности наши лѣтописи сообщаютъ много географическихъ данныхъ. Здѣсь поселенія Ятвяговъ шли по рѣкѣ Лыку (Ипат. 186) или Олегу, правому притоку Бобра (Łęka, Elk, Łyk) до верхней Аллы на с. з., и почти до лѣваго берега Прегеля на сѣверѣ (по рр. Ромитѣ, Голдапу и Ангерапу), какъ то открывается изъ разсмотрѣнія топографическихъ данныхъ въ разсказѣ южнорусской лѣтописи о походѣ Даніила Романовича въ 1256 году. На южной границѣ этой области указывается озеро, на гористомъ берегу котораго Даніилъ Романовичъ, возвращаясь изъ Ятвяжскаго похода въ 1255 году, видѣлъ „градъ бывшій преже именемъ Рай," слѣдовательно т. Райгородское озеро въ Гумбинненскомъ округѣ.— Ятвяги раздѣлялись на племена или поколѣнья, находившіяся подъ властью князей довольно многочисленныхъ. Такъ въ битвѣ у Дорогичинскихъ воротъ 1247 г. пало сорокъ Ятвяжскихъ князей (Ипат. 182); въ походѣ Даніила 1251 г. „мнози князи Ятвязіи избіени быша" (ib. 186); въ 1273 г. съ князьями Галицкимъ и Володимірскимъ заключили мирный договоръ четыре Ятвяжскіе князи (ib. 205). Изъ такихъ племенъ лѣтописи извѣстны: Злинцы (1251. Ипат. 185, 193) въ области Злинѣ (ibid. 205), находившейся, какъ кажется, ближе другихъ къ Русскимъ границамъ, можетъ быть тамъ, гдѣ теперь озеро Зельментъ, съ побережнымъ селеньемъ Зеллигенъ въ Гумбинненскомъ округѣ,--Крисменцы и Покѣнцы (1256. Ипат. 193), какъ полагаютъ, жители двухъ областей въ Судавіи—territorium Crasimas, Crasime и territorium Pokimas, Pokime, упоминаемые Дусбургомъ подъ общимъ названіемъ Silian (ср. Sjögren. 29), названіемъ, напоминающимъ лѣтописную Злинію. Земля Ятвяговъ была покрыта болотами и сама по

себѣ представляла значительныя препятствія непріятельскимъ вторженіямъ. Походы въ нее были возможны только зимою, и въ случаѣ нападенія осѣки въ лѣсахъ служили превосходнымъ средствомъ защиты и обороны. Городовъ у нихъ не было. Они жили весями и селами, расположенными во островѣхъ, на островахъ среди болотъ. Какъ вездѣ въ лѣсахъ, на болотистой землѣ, поселенія были не велики. Изъ нихъ въ походы Даніила Романовича сдѣлались извѣстны: Жака (1251. Ипат. 186), которую указываютъ въ исчезнувшей теперь, но на картахъ XVIII в. значущейся деревнѣ Щакъ, на ю. в. отъ Олецка и къ в. отъ прихода Вилькенъ, почти на Литовской границѣ з); Болдикищс или Олдикищс (1256. Ип. 193), можетъ быть, теп. Walidikiten, приходъ на р. Писсѣ, на большой дорогѣ изъ Гумбинена въ Кальварію, какъ полагаетъ Шегренъ (S. 29), или, что вѣроятнѣе, деревня Вальдаукодель къ югу отъ Гумбинена, на одномъ изъ правыхъ притоковъ Ромнпты: она ближе къ мѣсту дѣйствій похода 1256 г.; далѣе Тайсевичи и Привищи (ibid.) мѣста неопредѣлимыя; Комата (ibid.) можетъ быть тамъ, гдѣ теперь Большой и Малый Куммечень (Gr. und. Kl. Kummetschen) на озерѣ къ с. з. отъ Голдапа, или гдѣ Комойченъ (Komojtschen) въ Гумбинскомъ округѣ; Буряля (ibid.) теперь сел. Ворелленъ (Worollen), къ с. отъ Куммечена; Раймочс (ibid.) теперь или Ромнитенъ на р. Ромнтѣ или Рамошкменъ къ сѣверу отъ Вореллена; Дора (ibid.), можетъ быть или теп. сел. Турненъ или Туренъ оба лежащія въ недальнемъ разстояніи къ ю. отъ Гумбинена; наконецъ Корковичи (вар. Короповичи ibid.) самый отдаленный пунктъ, куда заходили русскіе отряды, можетъ быть Карклинненъ на р. Лукенинѣ, къ западу отъ Гумбинена (Ср. Sjögren. Die Wohns. d. Jatwäg. Ss. 21, 29).—Шульцъ (O znaczeniu Prus dawnych) ищетъ Ятвяговъ южнѣе въ предѣлахъ Мазовіи; но, при теоріи его о Лехитскомъ происхожденіи этого племени, ему иначе и не льзя было намѣтить ихъ область. Мнѣнію Шульца слѣдуетъ авторъ „Замѣтокъ о Гродненской губерніи“ въ III томѣ Этнографическаго Сборника, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ.

72) Narb. Dzieje Litwy II 174.. Ср. Jarosz. Obraz Litwy I. 17.

з) Такъ думаетъ Шегренъ; но въ лѣтописномъ выраженіи: Даніилъ.. пронде жаку плѣиля (пройдежаку, жаку плѣс), и прінде на чиста мѣста, сташа станомъ“ жака, противупоставляемая чистымъ мѣстамъ, не имѣетъ ли нарицательнаго значенія? На западѣ Россіи есть много пунктовъ съ названіемъ Жаки или Щаки, Жайке.

[73]) Въ Ипатьевск. лѣтоп. подъ 1112 г. Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святополчь и побѣди я. — Походъ этотъ долженъ быть сдѣланъ изъ Володимiря (Волынскаго). См. выше стр. 108.

[73-а] къ стр. 41) См. выше прим. 55. Область Дeнова находилась между Нѣманомъ и Вилiей, по притокамъ Нѣмана, Меречанки, Дитвѣ и Жижмѣ, въ теперешнихъ уѣздахъ Лидскомъ, Ошмянскомъ и въ южной части Виленскаго, и можетъ быть Вилейскаго. Здѣсь до сей поры находятся нѣсколько населенныхъ мѣстъ, сохранившихъ древнее областное названiе. Намъ извѣстны — по р. Меречанкѣ и ея притокамъ: Дойнова и Дойновка къ югу отъ Мѣдниковъ (верстахъ въ 5-ти), Дайнова на юго-западъ отъ нихъ (верстахъ въ 20), Дайнишки и Дайнова на р. Сольчѣ, Дейново на ю. отъ Сольчи (всѣ въ Вилейскомъ уѣздѣ); по Дитвѣ — Дойново къ западу отъ Лиды верстахъ въ 5; по Жижмѣ: Дайнувка у верховьевъ ея на Виленско-Ошмянской границѣ, Дайновка ниже Германишекъ; два селенiя Дайнова, между Жижмой и Ольшанкой, къ с. в. отъ Лиды. Сверхъ того подобно-именныя селенiя встрѣчаются и въ южной части Вилейскаго уѣзда, на Минской границѣ, въ области Нѣманскаго притока Березины: Дойнова Большая, и Дойновка на рѣчкѣ Пурвилѣ. О Деновѣ Narbutt. Dzieje т. IV, дополненiе V.; т. VII. дополн. IX.; а также у Ярошевича I. 27, который полагаетъ, что это теперешняя Дейнова, сел. къ западу отъ Лиды.

[74]) Авторъ упомянутыхъ нами „Замѣтокъ о Гродненской губ.“ (Этн. Сборн. Ш. стр. 70, прим. 72) сообщаетъ, что близь Ятвязей, что̀ къ западу отъ Суховоли (на картѣ Шуб. Большой и Малой Невичь, у Jaroszewicza Jadzwiż) въ двухъ или трехъ мѣстахъ находится нѣчто въ родѣ кладбищъ; мѣстные жители называютъ ихъ Ятвяжскими кладбищами (mogiłki Jadźwingowskie), и говорятъ, что на камняхъ, во множествѣ находящихся на нихъ, они видали земледѣльческiя орудiя: серпы, косы, топоры и т. п. Авторъ видѣлъ только одно такое кладбище, занимающее среди вспаханныхъ полей пространство около 150 шаговъ длины и 75 ширины. На немъ находится до 100 большихъ необтесанныхъ камней, плитообразныхъ, продолговатыхъ, всѣ въ стоячемъ положенiи; но ни на одномъ изъ нихъ не было замѣчено изображенiй. Камни эти внушаютъ суевѣрный страхъ, и остаются неприкосновенными. Было бы желательно подробное ихъ изслѣдованiе. Очень можетъ быть, что они дѣйствительно стоятъ въ связи, если не съ походомъ Данiила Романовича на Ятвяговъ въ 1251 году, какъ думаетъ авторъ „Замѣтокъ“, то вообще съ борьбою этого племени съ сосѣднимъ Славянскимъ населенiемъ. По изданнымъ въ Вильнѣ грамотамъ, этотъ Ятвязь извѣстенъ съ 1536 года (Ятвязь Великая Археогр. Сборн. I. 22).

[75]) Данныя, приводимыя нами, взяты изъ карты Шуберта и провѣрены по 3-хъ верстной картѣ Военно-Топографическаго Депо. Изъ мѣстностей съ названіями, напоминающими Ятвяговъ, Парбуту, Ярошевичу, Шульцу и Шегрену, были извѣстны только Лидскія и лежащія близь Волковыска и Суховоля. Остальныя не были приняты ими во вниманіе. Нарбутъ разсказываетъ, что въ м. Скидели Гродненскаго уѣзда была открыта надпись церковно-славянскими буквами, свидѣтельствующая о крещеніи Ятвяговъ въ этой церкви священникомъ Варѳоломеемъ въ 1553 году (см. Tygodnik Wileński 1817 t. IV. 59 — 61; 78 — 80, Ср. Dzieje II. 191). По его же свидѣтельству Литвины называли Русь Гродненскаго княжества или Запелясскую, живущую за р. Пелясою, притокомъ Котры, Jatwieżu или Jatwieżaj (Dzieje II. 170), что́ значитъ, замѣчаетъ почтенный историкъ, черные раки, „podobno dla tego że czarnych kaftanów używali“. (Скидель къ з. отъ Лидскихъ Ятвезей верстахъ въ 25).

[76]) См. выше прим. 68. — Прежнее названіе Вилін — Нерисъ; на ней тен. сел. Понары, близь Вильны. Во области этой рѣки находится подобно-именное озеро Парочь, соединяемое съ Вилеей — р. Нарочью, впадающею съ правой стороны, ниже Вилейки; южнѣе, въ области Нѣмана: Нарвелишки къ ю. з. отъ Ошмянъ; Нарейки и Неровы къ ю. отъ этого же города, на р. Березинѣ, Нѣманскомъ притокѣ.

[77] къ стр. 44). Чудь — слѣдуетъ считать чисто Славяно-русскимъ словомъ для обозначенія Финнскаго племени. Оно до сей поры живетъ въ народѣ и имѣетъ варіянты: чудаки, чудоки, чужаки, см. Словарь Даля, 2 изд. IV. 631. Остатки нѣкоторыхъ Финнскихъ племенъ называются у сосѣднихъ Русскихъ Чудью, Водь около Копорья мѣстные Русскіе зовутъ и теперь Чудью; бранным образомъ Чудью бѣлоглазою, Варягами (Ходаковскій. Донесеніе о первыхъ успѣхахъ въ Россіи. Русск. Истор. Сборникъ VII. 17). Въ древней Руси общее значеніе ея должно было быть тоже, что и теперь. Такъ въ Ростовѣ инородческое населеніе занимало часть города, называвшуюся Чудскимъ концемъ. Въ житіи Авраамія Ростовскаго читаемъ: не оубо бѣ прія святое крещеніе, но и чудьскы конець поклоняхоуся идолоу каменоу. Лѣтописецъ выдѣляетъ вѣтви этого племени — Прибалтійскую и Заволочскую (см. ниже прим. 78 и 79). Указаніе на древность широкаго значенія Чуди представляетъ чудскія названія на всемъ пространствѣ Финнскаго племени.

[78]) Въ первомъ перечнѣ племенъ Афетовой части: Русь, Чудь и всѣ языци. Что Чудь означаетъ здѣсь именно западную (Прибалтійскую) вѣтвь этого племени видно изъ лѣтописнаго описанія Ва-

ряжскаго пути: Ляхове же Прусы и Чюдь приседять къ морю Воряжскому. Далѣе въ исчисленіи народовъ, данническихъ Руси, Чудь опять — какъ отдѣльная вѣтвь — на ряду съ Весью, Мерею и др.

[78]) Ueber die älteren Wohns. d. Jem. — Возраженіе противъ нашего мнѣнія см. Е. Е. Замысловскаго, Рецензію l. c., и въ Отчетѣ о 17 присужденіи наградъ графа Уварова стр. 88 — 89. Особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе г. Огородникова (Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей 57 — 58).

[79 a]) О Корелѣ впервые въ 1-ой Новгородской лѣтописи подъ 1143 г. стр. 9. См. ниже прим. 102. Ср. также Е. К. Огородниковъ ibid. 56.

[80]) Sjögren. Ueber die älter. Wohnsitze d. Jemen. S. 308.

[81]) См. Arndt Livl. Chron.; ср. Sjögren Ueber die Wohnsitze der Jemen. Mém. de l'Acad. I. 311.

[82]) См. выше прим. 69.

[83]) О средствѣ Веси и Води см. Castren's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845 — 1849. S. Psb. 1856. S. 15 u ff.

[84]) Упоминается въ Изгонныхъ книгахъ XVI в. Ср. Ходаковск. въ Р. Ист. Сборн. VII. 87 — 89.

[85]) По замѣчанію г. Европеуса, въ одной Тверской губерніи находится до девяти мѣстныхъ названій, образовавшихся отъ типа Весь. О народахъ средней и Сѣверной Россіи до Славянъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 Іюль. См. также г. Борзаковскаго, Ист. Тверск. княж.

[86]) Впрочемъ С. М. Соловьевъ видитъ упоминовеніе Веси въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о призваніи князей. Онъ предлагаетъ чтеніе этого мѣста лѣтописи: „Имаху дань Варязи изъ-за морья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери, и на Веси, Кривичахъ“, — вмѣсто „и на всѣхъ Кривичахъ“, какъ стоитъ во всѣхъ спискахъ; ибо, говоритъ онъ, если Меря платила дань и потомъ участвовала въ призваніи князей, то не могла не платить Весь; что Весь платила дань, и потомъ участвовала въ призваніи князей, доказательствомъ служитъ поселеніе у нея на Бѣлоозерѣ одного изъ братьевъ — Синеуса; потомъ, какъ видно, всѣ племена, платившія дань Варягамъ, вошли въ составъ Рюрикова владѣнія; но не всѣ Кривичи вошли сюда, ибо Смоленскъ былъ взятъ только при Олегѣ. (Ист. Россіи, т. I. изд. 1851, прим. 151 стр. XXIV). Такое предположеніе уважаемаго историка ослабляется нѣсколько другими данными, представляемыми лѣтописью. Мурома не участвовала въ призваніи князей, но тѣмъ не менѣе входила въ составъ Рюрикова владѣнія. За тѣмъ лѣтопись не говоритъ о взятіи, т. е. завоеваніи, покореніи Смоленска; а только о подчиненіи — скорѣе всего добровольномъ: „приде къ Смоленьску

съ Кривичи и прія градъ, и посади мужъ свой (Лавр. 10)". Нельзя не обратить вниманія на то, что, разсказывая о подчиненіи Смоленска, лѣтопись именно указываетъ, что Олегъ подошолъ къ нему съ Кривичами, какъ будто видя въ этомъ причину или объясняющее обстоятельство пріятія Смоленска. Объясненіе этого мѣста С. М. Соловьевымъ, см. ibid. прим. 174, стр. XXX.

[87]) Sjögren. Ueber die ällteren Wohnsitze der Jemen. S. 281.

[88]) См. изслѣдованіе Графа А. С. Уварова: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ" въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Москва 1871. т. II-ой. Сводъ различныхъ мнѣній изслѣдователей о географическомъ распространеніи Мери представилъ г. Корсаковъ въ своемъ изслѣдованіи Меря и Ростовское княжество. Казань. 1872, стр. 11 — 12.

[89]) Въ писцовыхъ книгахъ XVI в. (I. 292). Нерехта волость Костромскаго у. на р. Перехтѣ. Теперь къ югу отъ Нерехты есть сел. Мериново.

[90]) Данныя, приводимыя нами, кромѣ указанныхъ грамотъ, взяты изъ Списковъ Населенныхъ мѣстъ, Карты Шуберта и дополнены по Географическому словарю Д. Ходаковскаго, нѣсколько томовъ котораго хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и нѣсколько тетрадей въ Библіотекѣ Варшавскаго Университета, и по изслѣдованію графа А. С. Уварова (стр. 641 — 642).

[91]) Близость этихъ народовъ между собою доказывается ихъ племенными названіями. Черемисы называютъ себя „mara", что значитъ „человѣкъ" — откуда marja и merja (Меря Русскихъ лѣтописей). Мурома и Мордва—отъ murt, mort, тоже что и „mara". Слово „Мордва" объясняется, какъ „люди, живущіе при водѣ, водныхъ путяхъ" (va — вода); „Мурома" — люди на сушѣ. (ma — земля). См. Castren. Reisoberichte u. Briefe aus den Jahren 1845—1849 S. 17.

[92]) Лавр. 5.

[93]) Кромѣ указанныхъ мѣстностей, въ древнихъ актахъ мы находимъ мѣстности съ Мордовскими названіями: Мордышъ, сел. пожалованное 1440 великимъ княземъ Гороховецкому монастырю св. Василія на Клязмѣ (Акты Ист. N. 38), Мордошное въ обл. Нерли 1472; Мордошское въ Суздалѣ 1472. Акты Ист. I. 333.

[94]) См. Карамзинъ Ист. Гос. Рос. V. 25, и прим. 40 и 41, стр. 16.

[95]) Лѣтопись не говоритъ ничего о Мещерѣ, хотя племя это оставило по себѣ многочисленные слѣды въ Окской области, слѣды, извѣстные съ очень ранняго времени. До сей поры четыре сѣвер-

ные уѣзда Рязанской губерніи называются Мещерскими. Въ древнихъ актахъ находимъ: деревню Пурпна и деревню Филиповскую на Мещерскѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ (до 1418 г. Акты Ист. I, N. 25); рубежъ Мещерскій между Переяславлемъ и Рязанью (1495. Собр. Госуд. Гр. и Договор. I. 332). Въ Рязанскомъ княжествѣ были Мещерскіе бортники, Мещерскія волости (ibid). Въ Московской области Мещерка у Коломны (1356. Собр. Гос. Гр. и Догов. I. 39), Мещерка Коломенская волость (1389. ibid. 58), Мещерка во Владимирскомъ удѣлѣ, въ Мелехотскомъ уѣздѣ (1504. Акты. Экси. 111) Въ Окской области и теперь много мѣстностей носятъ названія Мещерскихъ.

[96]) Савельевъ, (Журн. Минист. Вн. Дѣлъ, Іюль 1852. Пермская губ. въ археологическомъ отношеніи) объясняетъ названіе Перми отъ финскаго слова Päärma (украйна), однозначущаго съ Syria (откуда Syrialaiset). См. Огородникова. 47. О словопроизводствѣ Перми, сдѣланномъ академикомъ Шегреномъ см. ibid. —). У него же отмѣчены, какъ остатки этнографическаго распространенія Перми въ тен. топографической номенклатурѣ: на р. Пинегѣ — дер. Пермяки нынѣ Чиканская, Пермскій погостъ, въ 38 верстъ отъ гор. Пинеги, извѣстый съ 1471 г., а ниже дер. Пермилова въ 149 верстахъ отъ города и Пермиская въ 142; въ томъ же Пинежскомъ у., дер. Пермаково (можетъ быть, позднѣйшій выселокъ съ правой стороны Двины) въ 115 верстъ отъ Холмогоръ; въ губ. Вологодской селенія: въ Сольвычегодскомъ у. Пермигорская, въ Никольскомъ у. Пермяковская — принадлежатъ также, вѣроятно, къ области Пермской.

[97]) Sjögren. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. S. 190.

[98]) Castren. Ethnolog. Vorlesungen. 136.

[99]) Въ 1489 г. „Князь великій былъ въ Новѣгородѣ да послалъ рать свою въ Гамскую землю... на Свѣйскіе и Каапскіе Нѣмцы... они же ходиша до Гамецкаго города, землю Нѣмецкую створиша пусту". Въ Новгор. и Воскр. Лѣт. Полн. Собр. Лѣтоп. т. IV; 135. VIII. 231.

[100]) См. Изслѣдованія, въ переводѣ Языкова, стр. 37.

[101]) О порядкѣ исчисленія Чудскихъ племенъ у Нестора, см. замѣтку Шегрена. l. c.

[102]) Извѣстія Новгородской 1-ой лѣтописи, подъ 1143, 1191, 1228 и др. (стр. 20, 42 — 43).

[103]) Въ не разъ приведенномъ нами изслѣдованіи Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen.

[104]) Общее число этого племени Шегренъ полагалъ до 20 тысячъ душъ обоего пола,—но, по его замѣчанію, это племя съ каждымъ

годомъ уменьшается, подвергаясь сильно вліянію сосѣдняго Русскаго населенія.

[105]) Lindi — Kiele, — языкъ Люди. Слово „Lindi“ Кастренъ считаетъ русскимъ переводомъ (люди) какого то собственнаго племеннаго названія этого народца, теперь утратившагося. См. примѣчаніе 91.

[106]) Такъ, начиная отъ Ладожскаго озера, на сѣверо-востокъ и востокъ: сел. Емава къ с. в. отъ Пудожа, близъ р. Водлы; рѣка и озеро Емецъ (изъ финскаго „Hamehjoki, Hamehjogi“) въ Каргопольскомъ у. на границѣ съ Вельскимъ; Емба р. Вельскаго уѣзда, с. в. притокъ Кубины; Емская гора на Вагѣ (1471. Акт. Ист. I. 75); Емца р., лѣвый притокъ Сѣверной Двины (Устьемецъ, 1137. Русск. Дост. I. 85); Емецкій погость, Емецкій городокъ (1471. Акт. Ист. ib. s.). По ту сторону Двины волость Гамъ на р. Вашкѣ, Гамшоръ притокъ Вашки, съ лѣвой стороны впадающій въ Мезень въ Яренскомъ у., гдѣ, какъ сообщаетъ Шегренъ, въ окрестностяхъ Котласскаго погоста (прежде Пырасъ) близъ устьевъ Вычегды, недалеко отъ Сольвычегодска, въ народѣ до нынѣ сохранилась память о Гамахъ, составлявшихъ тамъ первоначальное населеніе, которое Зыряне не считаютъ однако своимъ; дер. Гамовская въ Сольвычегодскомъ у.; Гамское сел. близъ Яренска, сел. Емдино въ 83 в. отъ того же города, на почтовомъ трактѣ изъ Устьсысольска, при впаденіи въ Вычегду Вымь р., которая у Зырянъ называется Емва (Огородниковъ Побережье 12 — 13; ниже, на 44 стр. онъ говоритъ, что Вымь по зырянски зовется Емдинъ. Что вѣрнѣе?). Далѣе на в., въ предѣлахъ Пермской губерніи слѣды старыхъ Пермскихъ поселеній замѣчаются въ дер. Гамовъ на р. Камѣ Оханскаго у., и въ селеньяхъ Пермскаго у. — Гамы и Гамова, изъ которыхъ послѣдняя стоитъ при р. Сыльвѣ, впадающей въ Чусовую. Но это указаніе (географической номенклатуры), говоритъ г. Огородниковъ (14), по видимому, совпадаетъ съ лѣтописнымъ извѣстіемъ (въ 1-ой Соф. лѣт.) 1369 г., гдѣ, въ числѣ инородческихъ племенъ указывается Пермь Великая, Гамаль Чусовая. Хотя слово Гамаль въ жизнеописаніи св. Стефана Пермскаго и передѣлано въ „глаголемая“ (т. е. глаголемая Чусовая), но слѣды племени Гамъ по рѣкамъ Сыльвѣ и Чусовой и далѣе по р. Камѣ, заставляютъ думать, что передѣлка эта не можетъ быть сочтена правильной и т. д. Съ этою догадкою нельзя не согласиться. За тѣмъ на юго-западъ, въ область Волги: Емское село въ Тотемскомъ у., на границѣ съ Кологривскимъ, на р. Кеми, притокѣ Унжи; Еманово къ ю. в. отъ Солигалича; Заемье въ южномъ углу Гороховецкаго у. и близъ него Заемье въ Понехонскомъ у.; рѣка Емена, впадающая въ Перехту къ ю. отъ г. Перехты, и на ней сел.

Поемепье — въ сосѣдствѣ съ областью Мери. Послѣднія двѣ мѣстности упоминаются въ Писцовыхъ книгахъ Московскаго государства XVI в. (т. I, 892). Далѣе, возвращаясь опять къ Ладожскому озеру, и слѣдуя отъ него по направленію на юго-западъ и югъ, встрѣчаемъ: Емское село на р. Пашѣ, въ Ладожскомъ у., (Ямина гора въ Тихвинскомъ); Емецкое озеро въ Боровицкомъ у., близъ р. Иссп, черезъ Кобужу вливающейся въ Мологу, и недалеко отъ него р. Ямницу, и дер. Ямницу, Ямскъ, Ямно; Емиги у озера Селигери, Емша въ Осташковскомъ у., и на крайнемъ юго-западѣ—озеро Емепецъ и двѣ рѣки Еменецъ въ Навельскомъ у. Кромѣ того въ этой обл. встрѣчается много названій, напоминающихъ собою Емь. — Ямно (1471), Ямы, Ямъ и т. п. Областное названіе Кинешемскаго у. — Ямохонь (См. Шафарикъ. Народоп. 12).—Къ западу отъ Чудскаго озера слѣды Еми указываютъ въ селеньи Яма, на лѣвомъ берегу Эмбаха, въ самомъ названіи Эмбаха (Emma — jogi, эст. р. Еми; старорусское Омовыжа; Амовжа), въ западномъ притокѣ Наровы, Ямѣ и т. д. (См. Krug, Urgeschichte. 498 — 500).

[107]) Е. К. Огородниковъ (Побережье 11—15) считаетъ древнѣйшимъ мѣстожительствомъ Ями тамъ, гдѣ его указалъ Несторъ, т. е. будто-бы до Несторова времени, или до XI в. она жила по правомъ берегу Двины къ югу и юго-западу (отъ чего?), и что только съ поселеніемъ въ этой мѣстности Новгородцевъ она перебралась въ Сольвычегодскій и Яренскій уѣзды. Ямь, слѣды которой открылъ Шегренъ около Онежскаго озера, г. Огородниковъ относитъ къ XII в. Для всѣхъ этихъ самостоятельныхъ выводовъ автора, въ которыхъ онъ не согласенъ съ Шегреномъ, мы не видимъ у г. Огородникова, никакихъ основаній.

[108]) Въ извѣстномъ разсказѣ о хожденіи лѣтописца въ Ладогу (Ипат. Лѣт. подъ 1114 годомъ стр. 4—5), разсказѣ, принадлежащемъ по всей вѣроятности тому же перу, которое записало разсказъ Новгородца Гюряты Роговича о Югрѣ (см. ниже прим. 90): „Пришедшю ми въ Ладогу, говоритъ лѣтописецъ, по поводу укрѣпленія этого города, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть, сгда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глазы стекляныи, и малыи, и великыи, провертапы, и другые подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываетъ вода, отъ нихъ же взялъ болѣе ста; суть же розличны. Сему же ми ся дивляшю, рекоша ми: се не дивно, и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видѣвше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и взростши и расходятся по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадаютъ оленци мали въ ней и възрастаютъ и расходятся по земли. Сему же ми послухъ Павелъ Ладожскій и вси Ладожане".

Преданіе о падающихъ съ неба бѣлкахъ было повсемѣстно распространено на всемъ сѣверѣ Европы; — даже въ XVI — XVII вѣкахъ оно вызвало въ Швеціи нѣсколько ученыхъ изслѣдованій. Ему вѣрили Олафъ Магнусъ, Упсальскій епископъ (1518) и Олафъ Ворніусъ, написавшій цѣлую книгу о падающихъ съ неба Лемерахъ. По замѣчанію Брэма (Жизнь животныхъ, въ русск. перев. 159) это не что иное, какъ пеструшка (Myodes, Норвежская пеструшка Myodes Lemmus); она переселяется обыкновенно огромными массами и на большія пространства. Ея внезапное появленіе въ мѣстахъ, гдѣ прежде ея не было, и гдѣ вовсе ея не ожидали, дало поводъ повѣрь, записанному и въ нашей Лѣтописи.

[109]) Разсказъ о Югрѣ внесенъ въ Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1096 годомъ, тотчасъ же вслѣдъ за Поученіемъ Мономаха и его письмомъ къ Олегу; но происхожденіе его, кажется, — болѣе позднее: оно относится къ первой четверти XII в. Нѣтъ сомнѣнія, что оно составляетъ продолженіе того этнографическаго объясненія, какое дѣлаетъ лѣтописецъ относительно происхожденія Хвалисъ, Болгаръ, Половцевъ и др., по поводу Половецкаго набѣга на окрестности Кіева и сожженія ими монастырей Печерскаго, Выдубицкаго и др. (Лавр. 99 — 100). И это объясненіе и разговоръ съ Гюрятою связуются вопросомъ о нечистыхъ человѣкахъ, заключенныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ, которые должны изыдти передъ кончиною міра. Поученіе и письмо Мономаха — позднѣйшая вставка, сдѣланная или самимъ Лаврентіемъ (въ XIV в.) или въ одномъ изъ списковъ лѣтописи, которыми онъ пользовался. Одно ли и тоже лицо записало и упомянутое этнографическое объясненіе происхожденія Половцевъ, Туркменъ и др., и разговоръ съ Гюрятой, конечно рѣшить категорически трудно. Скорѣе однако можно допустить, что разговоръ съ Гюрятою вписанъ при составленіи свода Сильвестромъ отъ его собственнаго лица, по поводу объясненія, сдѣланнаго Печерскимъ инокомъ. На это указываютъ вступительныя слова: „Сеже хощю сказати яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ". (Лавр. 107). По складу своему, онъ очень близокъ къ разсказу о Ладожскихъ чудесахъ въ Ипатьевской лѣтописи: близокъ онъ и по времени происхожденія. О падающихъ глазкахъ, вѣверицахъ и олсицахъ лѣтописецъ слышалъ, бывши въ Ладогѣ въ 1114 г.; о Югрѣ—въ Новгородѣ „преже сихъ 4 лѣтъ",— выраженіе, которое не иначе можно понять, какъ „за четыре года до сего", то есть до окончанія древняго текста Начальной лѣтописи въ 1116 — 1117 году, слѣдовательно также около 1113 — 1114 года.

[110]) Желѣзными Воротами называются проливы на Бѣломъ морѣ—между островами Соловецкимъ и Муксомъ, у устья Двины между островомъ Мудьюжскимъ и твердою землею, и на Океанѣ между По-

вою Землею и Войгачемъ *и*). На нихъ указываетъ Лербергъ въ Изслѣдованіи о географическомъ положеніи Югорской земли. Онъ искалъ Югру XI в. за Уральскимъ хребтомъ до рѣкъ Надыма, Агана и Ваха на в., въ области, извѣстной нѣсколько столѣтій спустя, подъ именемъ Югорской земли, и полагалъ, что походъ 1032 года былъ совершенъ моремъ изъ устьевъ Двины, и что Желѣзныя Ворота лѣтописи слѣдуетъ полагать въ одномъ изъ указанныхъ проливовъ. Но даже позднѣе мы не видимъ морскихъ предпріятій изъ устьевъ Двины къ устьямъ Оби, хотя извѣстенъ походъ Новгородцевъ изъ Заволочья на Норвегію въ 1411 году (Новгор. I. 104).

[111]) Sjögren. Wann und wie ward Zawolotschije russisch. 513. См. Огородниковъ. Побережье 33. Кириль по зырянски Кыръ Ылъ.

[112]) Подъ 1219 годомъ у Татищева записано, что въ тотъ годъ Болгаре воевали Югровъ и взяли городъ ихъ Унжу; по Воскресенской — нападеніе сдѣлано было на Устюгъ.

[113]) Новгор. I. 73 — 74. Замѣтимъ, что Сухоной и Вычегдой, сколько извѣстно, никогда не пролегалъ путь въ Сибирь. Онъ шелъ Камою, а Кама была уже извѣстна въ первой четверти XIV вѣка. Въ 1324 году Юрій Новгородскій, заключивши миръ съ Устьюжскими князьями „поиде въ Орду изъ Заволочья по Камѣ р." (ibid. 73).

[114]) Оно приведено у Карамзина (т. V. прим. 8). Въ Ростовской лѣтописи: Той же зимы съ Югры Новгородци пріѣхаша. Дѣти боярскіе и люди молоды воеводы Александръ Абакумовичь, воеваша по Оби р. и Двиняне сташа противу ихъ полкомъ и избиша Двинянъ на Кучрѣа. Въ Троицкой подъ 1365 г.: того же лѣта поидоша Новгородци изъ Югры, а Двиняне взяша Нукурью (ibid).

[115]) Шведскій подполковникъ P. Schönström былъ военно-плѣннымъ въ Россіи въ 1741 году, — и написалъ книгу: „Kort anledning till Svenske historicus forbättrande" (Краткое введеніе къ исправленію Шведской Исторіи), изданную въ 1816 году. Отрывки изъ нея, относящіеся къ историко-этнографическимъ вопросамъ Сѣверной Россіи приведены у Миллера (D. Ungrische Volksstamm, и у Шегрена

и) Г. Огородниковъ по поводу этихъ Воротъ замѣчаетъ, что, по свидѣтельству нашихъ знаменитыхъ мореходовъ, этотъ проливъ издавна извѣстенъ подъ названіемъ Карскихъ Воротъ или просто Воротъ, которыя никогда не назывались Желѣзными (стр. 33). Но они и теперь называются Желѣзными, по крайней мѣрѣ на Картахъ Евр. Россіи, изданныхъ г. Ильинымъ въ 1871 г., Имп. Р. Г. Общ. и др.

Die älter. Wohnsitze d. Jemen и въ статьѣ: Wann und wie ward Zawolotschije russisch?). Онъ между прочимъ свидѣтельствуетъ, что въ его время, около Каргополя, по р. Вагѣ и по озерамъ Онежскому и Ладожскому говорили испорченнымъ Финскимъ языкомъ (Sjögren. Ueber die Jemen S. 340 Anm. 91). Онъ утверждаетъ также, что собственно Біармія лежала на восточномъ берегу Двины. На в. отъ р. Камы и отъ Перми, говоритъ онъ далѣе, живетъ народъ, который Русскіе называютъ Вогулами. Прежде они жили, какъ разсказывали мнѣ нѣкоторые изъ нихъ, на рѣкахъ Двинѣ и Югѣ, и назывались тогда Югорски (Jugorski) безъ сомнѣнія, по р. Югу, впадающей въ Двину, — ибо въ тѣхъ странахъ къ названіямъ всѣхъ рѣкъ придается окончаніе ога; Югора, Обдора, Печора... Вогуличи говорятъ языкомъ, составляющимъ нарѣчіе финскаго. Шегренъ отвергаетъ замѣтку Шенштрема относительно окончанія названій рѣкъ на ога, но думаетъ, что, если бы подтвердилось преданіе Вогуловъ о прежнихъ жилищахъ ихъ по сю сторону Урала, до верхней Двины и Юга, то тогда оправдалось бы мнѣніе Татищева о жилищахъ древней Югры по этимъ рѣкамъ, — мнѣніе, которое, какъ мы видѣли, сильно поддерживается свидѣтельствами исторіи. Зыряне до сей поры называютъ сосѣдей Вогуличей, Уральскихъ Остяковъ Jögra — jass (jass форма множ. числа); Jögra, — русская Югра, (см. Sjögren. Wann und wie ward Sawolotschije russisch. S. 525. Nachtrag zur S. 511 ff.). Это же преданіе Вогуличей приводится и Миллеромъ (D. Ugrische Volksstamm I. 153), который относитъ его къ той части Пермяковъ и Зырянъ, которые, избѣгая миссіонерскаго рвенія Стефана Пермскаго, во второй половинѣ XIV в. перешли по ту сторону Урала. Съ этимъ соглашается вполнѣ Кастренъ (Vorlesung. uber d. altaische Völker. 99). Впрочемъ мнѣніе Кастрена въ этомъ вопросѣ вытекаетъ не столько изъ безпристрастнаго разсмотрѣнія историческихъ и этнографическихъ данныхъ, сколько изъ предвзятой имъ теоріи о происхожденіи Остяковъ и Вогуловъ, которые вмѣстѣ носятъ названіе Угровъ или Югровъ (Ugrier — Jugrier), изъ Алтая. Признать ихъ переселеніе съ запада на востокъ, — значило бы стать въ явное противорѣчіе съ этой теоріей. О ней см. статью его Ueber die Ursitze d. finnischen Volkes. St. Peterb. Zeit. 1850. NN. 7 — 8. Авторъ статьи „Опытъ Изслѣдованія о древней Югрѣ“ (Вѣстникъ Географ. Общ. 1855 года т. XIV, — г. Бушенъ) доказывалъ, что потомками Югры слѣдуетъ считать Обскихъ Остяковъ. Ср. Е. Е. Замысловскаго Рецензію въ Присужденіи стр. 91. Отзывъ о этой статьѣ см. у К. Я. Грота Моравія и Мадьяры. 168.

[116]) Лавр. подъ 898 г.: идоша Югри мимо Кіевъ горою, еже се нынѣ зоветъ Угорское, пришедше къ Днѣпру; и сташа вежами... при-

шедъ отъ востока и устремившася черезъ горы великія и почали воевати на живущыя ту Волхи и Словѣни (стр. 10). По изслѣдованію К. Я. Грота (Моравія и Мадьяры, 262) годъ движенія Угровъ въ Паннонію показанъ ошибочно, такъ какъ оно должно быть отнесено уже ко 80 годамъ IX в. О совпаденіи этой неточности въ хронологіи нашей лѣтописи и въ хронологіи Константина Порфиророднаго—ibid.

[117]) К. Я. Гротъ Моравія и Мадьяры. 181. Историческою основою сказанія Анонима послужило нашествіе Монголовъ на Угрію въ XIII в., живыми свѣдѣніями о которой и воспользовался Мадьярскій историкъ для изображенія переселеній Мадьяръ въ Угрію. Большинство подробностей этого переселенія прямо перенесено съ Татаръ на Угровъ. Изслѣдованіе о хроникѣ Анонима. которымъ пользовался г. Гротъ, принадлежитъ г. Марцали (Marczali. Ueber die Gesta Hungarorum des Anonymus B. r. Notar. въ „Forschungen zur deutschen Geschichte. 1877 Ss. 622 — 638).

[118]) Моравія и Мадьяры 237 и слл.

[119]) Сродство тен. Мадьяръ съ Вогулами доказано изслѣдованіями, сдѣланными надъ вогульскимъ языкомъ извѣстнымъ мадьярскимъ путешественникомъ и изслѣдователемъ пріуральскихъ языковъ Антономъ Регули. См. статью г. Европеуса „О народахъ Средней и Сѣвер. Европы", въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1868 Іюль, стр. 55. Названія Угріи Бѣлая и Черная существовали уже въ XI в. Свидѣтельства приведены К. Я. Гротомъ (244 — 245). Въ хроникѣ монаха Адемара (ум.1030), по редакціи XII в. (Pertz Scriptt. IV. 129) о св. Брунонѣ: Abiit in provinciam Ungriam, quae dicitur Alba Ungria, ad differentiam alteri Ungriae Nigrae. Далѣе: Sanctus autem Brunus convertit ad fidem Ungriam provinciam aliam, quae dicitur Russia. Стефанъ Угорскій покорилъ Черную Угрію и обратилъ ее въ христіанство. О ней упоминаетъ св. Бруно въ своемъ письмѣ къ Императору Оттону.

[120]) См. ниже, стр. 110 и прим. 192 — 207.

[121] къ стр. 68) См. выше, прим. 16 стр. 211. Древняя Иллирія, раздѣлявшаяся на Римскую (Illyris Romana, s. Barbara) и Греческую (Illyris Graeca), занимала часть Кроаціи, Долмацію, часть Босніи и Албанію. См. Forbiger. Handbuch der alten Geographie III. 834 — 850). Впослѣдствіи значеніе этого термина расширилось. Иллиріей или Иллирійской границею стала называться вся область отъ Альпъ до Эвксинскаго Понта, заключавшая въ себѣ Ретію (отъ Альпъ по верхнему Дунаю до Инна), Норикъ (Noricum подъ которымъ въ древности разумѣлась тен. Верхняя и Нижняя Австрія, между Инномъ, Дунаемъ и горными отрогами подъ Вѣною (Wiener-Wald), большая часть Штиріи, Каринтіи, части Крайны,

Баваріи (область по Инну), Тироля (das Posterthal und der Pinzgau) и Зальцбургъ. (Forbig. ibid. 447), Паннонію (область между Дунаемъ, Инномъ и Савою, т. е. не вошедшія въ составъ Норика части Австріи, Штиріи, Каринтіи, Карніолія, Нижняя Венгрія и Славонія), Далмацію или собственно Иллирію (между Савою и Адріятикою, теп. Далмація, Кроація и Босніа — см. выше), Мизію и Дакію, раздѣлявшіяся Дунаемъ, который, по крайней мѣрѣ у Грековъ, ниже устьевъ Тиссы и Саввы назывался Истромъ. Дакію составляла обл. на лѣвомъ берегу Дуная (Темешваръ, Трансильванія, Паннонія, Румунія или Валахо-Молдавія); Мизію — земли по правую сторону Дуная, т. е. Сербія и Болгаріи. Gibbon. Hist. de la décad. de l'Emp. Rom. édit. Guizot I. 91; ср. Severini. Pannonia. I. cap. 3).—Такое обширное значеніе Иллиріи и у Георгія Амартола, и у нашего лѣтописца видно отчасти изъ того, что изъ всѣхъ областей древняго Рима по Дунаю и по восточному побережью Адріатики, только одна Иллирія упомянута въ географическомъ перечнѣ, за исключеніемъ Далмаціи. Между тѣмъ автору или редактору Начальной лѣтописи были извѣстны отчетливо составныя части Иллиріи, Паннонія и Мизія. — Нѣтъ ничего удивительнаго, что ему могла быть извѣстна еще одна изъ составныхъ частей Иллирійской границы — Норикъ, котораго населеніе въ значительной части принадлежало къ Славянству, и что именемъ этой области, или вѣрнѣе ея населенія (Norici), онъ воспользовался, какъ коментаріемъ, когда ему пришлось по ходу изложенія связывать Византійскія космографическія и географическія свѣдѣнія съ извѣстнымъ ему преданіемъ о происхожденіи и первоначальномъ разселеніи Славянъ. „Отъ нихъ же 70 и 2 языку, говоритъ лѣтопись въ заключеніи космографическаго вступленія, бысть языкъ Словенескъ отъ племени Афетова—Норци, сиже суть Словѣне (Лавр. 3). Сличая это мѣсто съ соотвѣтствующими мѣстами лѣтописи, нельзя не видѣть, что здѣсь слово Норци (Норцы) замѣняетъ слово Иллирцы, какъ и полагалъ Шафарикъ (Abkunft d. Slaven 154. Ср. Гедеоновъ, Варяги и Русь), который впрочемъ объяснялъ это мѣсто ошибкою переписчика (Инорци вм. Илирцы). Этотъ ученый коментарій составителя или редактора Начальной лѣтописи по вопросу о первоначальныхъ жилищахъ Славянъ причинилъ много хлопотъ и стариннымъ переписчикамъ лѣтописи, и ея новѣйшимъ изслѣдователямъ. Въ варіантахъ различныхъ списковъ лѣтописи читается: Парцы (въ древнѣйшемъ Лаврентьевскомъ), нарицаеміи Норци (въ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и Троицкомъ), нарицаеми иновѣрцы (въ Радзивилловскомъ). Шлецеръ приводя эти и другіе варіанты этого мѣста лѣтописи, прямо отказался отъ его объясненія. Г. Гедеоновъ, которому было важно перенести центръ тяжести по

вопросу о происхожденіи Славянъ у нашего лѣтописца въ Новгородъ, на Словѣнъ Новгородскихъ, читаетъ вмѣсто Норци—Новгородцы, предполагая въ транскрипціи слова Новгородцы неправильность титловаго сокращенія, и переводитъ спорное мѣсто такъ: „въ числѣ сихъ же 72 народовъ былъ народъ Славянскій отъ племени Іафетова, такъ называемые нынѣ Новгородцы, или такъ назвавшіеся (впослѣдствіи) Новгородцы, кои суть Славяне (Варяги и Русь. I. 83 — 84). — О Порикахъ, говоритъ г. Гедеоновъ нѣсколько выше, думать тутъ нельзя. Въ Несторово время Нориками (Norici) у Западныхъ Славянъ именовались Баварцы (Annales Fuldenses ap. Pertz); но географическія свѣдѣнія о Придунайскихъ областяхъ нашъ лѣтописецъ получалъ конечно не отъ Западныхъ Славянъ, — и нѣтъ сомнѣнія, что Annales Fuld. онъ не читалъ. „Во вторыхъ, продолжаетъ изслѣдователь, нельзя допустить, чтобы это имя (если бы подъ этимъ именемъ Несторъ понималъ первородныхъ Славянъ) встрѣчалось только одинъ разъ въ его лѣтописи, и не было бы имъ употреблено о дунайскихъ Славянъ". Но лѣтописецъ, положившій древнѣйшія, первоначальныя поселенія Славянъ на Дунаѣ, не могъ въ этомъ мѣстѣ разумѣть другихъ Славянъ, кромѣ Дунайскихъ, а что имя Норцевъ употреблено только одинъ разъ въ лѣтописномъ изложеніи, то опять таки въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если разсматривать его, какъ ученый (по тому времени) или вѣрнѣе книжный комментарій, лично принадлежащій тому или другому редактору лѣтописи, даже переписчику. Вѣдь и Илюрикъ лѣтописи, не подавшій поводовъ къ недоразумѣніямъ, хотя и имѣетъ въ лѣтописи такое же комментарное указаніе для древнѣйшей области Славянъ, употребляется въ ней только два раза (одинъ въ космографическомъ вступленіи, другой — въ сказаніи о Славянскихъ апостолахъ), а если не считать сказанія о Кириллѣ и Меѳодіи, вошедшаго въ лѣтопись, какъ самостоятельный памятникъ, то даже одинъ разъ. Въ самое послѣднее время Д. Я. Самоквасовъ, тоже не безъ вліянія увлекшей его теоріи доказываетъ тожество Нарцевъ (какъ онъ читаетъ, предпочитая древнѣйшій списокъ лѣтописи, или по его выраженію, подлинникъ всѣмъ другимъ) съ Эпареями древнихъ писателей, при чемъ всею тяжестью критическаго негодованія обрушивается на Шлецера, будто бы затемнившаго весь вопросъ (Исторія Р. права. 1884. Вып. II, стр. 87 — 88), и производитъ Нарцевъ отъ общаго корня nar (ibid. 21). Не касаясь вопроса объ основательности такихъ предположеній,—вопроса, вполнѣ относящагося къ области общихъ Славянскихъ древностей, замѣтимъ только, что допущенное въ указанномъ изслѣдованіи сближеніе Славянскаго слова народъ съ корнемъ nar надобно вѣроятно отнести къ недосмотру, во всякомъ случаѣ непозволительному.

[122]) Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ (ibid). О Славянскомъ происхожденіи Болгаръ, см. Д. И. Иловайскаго, Розысканія о началѣ Руси, 2-ое изд. 1882.

[123]) Относительно 80 городовъ, будто-бы занятыхъ по лѣтописному сказанію Святославомъ въ Дунайской Болгаріи, приводимъ замѣчаніе проф. М. С. Дринова (Южные Славяне и Византія въ X в.): „Немыслимо, чтобы Святославъ съ своею 10000 дружиною, явившееся налегкѣ, могъ въ столь короткое время овладѣть 80-ью придунайскими городами, между которыми находились такія неприступныя крѣпости (какъ Бѣлградъ, Видинъ (Видднинъ), Силистрія и пр.). Мы твердо убѣждены въ исторической несостоятельности этого свидѣтельства Русской лѣтописи. У Прокопія есть извѣстіе о томъ, что Императоръ Юстиніанъ въ VI в. воздвигъ на берегахъ Дуная до 80 укрѣпленій. Мы не сомнѣваемся, что это свидѣтельство Прокопія какъ нибудь дошло до Русскаго лѣтописца, который изъ него позаимствовалъ свои 80 городовъ по Дунаеви". (стр. 96). Что касается Переяславца, который былъ извѣстенъ греческимъ писателямъ подъ различными именами (Preslaw, Presthlawa, Prestlawa, Persthlawa, Peristhlawa, Parasthlawa), то, по замѣчанію Шафарика, это древній Марціанополисъ, теперь находящійся въ развалинахъ. (Slov. Starož. 618). Древній Марціанополисъ или Мегалополисъ называется у Византійскихъ писателей (Кедрина, Зонары, Анны Комнены) Великою Прѣславою, — онъ находился на мѣстѣ Эски-Стамбула близъ Шумена и былъ тогда столичнымъ городомъ. Кромѣ того была Малая Прѣслава, Русскій Переяславецъ. (Замѣчаніе О. В. Бодянскаго на 95 стр. вышеприведеннаго изслѣдованія проф. Дринова). Положеніе его опредѣляется теперь. сел. Прѣславою на правомъ берегу Георгіевскаго Дуная, къ ю. в. отъ Тульча (Карта Шуберта X), близъ котораго, по указанію М. С. Дринова (ibid) видны развалины стараго города. О тожествѣ лѣтописнаго Переяславца съ теп. Рущукомъ (иначе Roszik, Oroszik), который могъ получить свое имя отъ Руси,—Гильфердингъ (Истор. Серб. и Болгар. 145 и пр.

[124]) Кіевецъ, городъ на Дунаѣ, извѣстенъ не по однимъ только нашимъ лѣтописямъ. По замѣчанію В. Гр. Васильевскаго (Византія и Печенѣги. Ж. М. Н. Пр. 1872. Декабрь стр. 304) еще въ XII в. въ Подунайской области былъ городокъ Кій-Κίος; въ одномъ греческомъ географическомъ словарѣ (XII в.) указанъ такой городъ въ Малой Азіи, а потомъ прибавлено, что и въ Мизіи (Болгаріи) существуетъ одноименный городъ. До сей поры въ области нижняго Дуная есть нѣсколько мѣстностей съ подобнозвучащими наименованіями: Ки-

пени на р. Бузео, къ западу отъ Браилова; Кіора близь устья Яломицы, въ болотистыхъ низинахъ, почти напротивъ Гирсова; Кіатра (Тамбурешти) на Дунайскомъ притокѣ Ботчи, ниже Силистріи.

[125]) Святополкъ... прибѣже въ пустыню межи Ляхи и Чехы. Лавр. 63, подъ 1019 г. О Чешскомъ лѣсѣ — выше, прим. 30. Сенковскій въ Эймундовой Сагѣ (Сочиненія т. V. стр. 499), говоритъ, что выраженіе „между Чехи и Ляхи“ есть родъ шутливой поговорки, до нынѣ извѣстной въ Польскомъ языкѣ (między Czechy i Lechy значитъ — Богъ вѣсть гдѣ и какъ). Мы не нашли такой пословицы въ собраніяхъ Войцицкаго. По отзыву же извѣстнаго знатока польскаго языка и литературы І. К. Пршиборовскаго такой Польской поговорки нѣтъ. У насъ въ Архангельскомъ краѣ она существуетъ въ народѣ: Между Чахи и Ляхи значитъ такъ и сякъ; ни то, ни се, середка на половинѣ. День ушелъ между Чахи и Ляхи — не знаю куда. (Даль. Словарь. IV. 602). Очень можетъ быть, что лѣтописецъ воспользовался этимъ выраженіемъ въ тен. его смыслѣ, взявши его отъ народа, если только оно не распространилось въ народѣ черезъ лѣтопись.

[126]) .... А Словѣне свое (княженіе) въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи... тако Сѣверъ отъ нихъ. (Лавр. 5).

[127]) Поляномъ же живущимъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, и Древляне же отъ Словѣнь жь, и нарекошася Древляне, Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Вяста бо 2 брата въ Ляхѣхъ Радимъ а другой Вятко; и пришедъше сѣдоша, Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи; а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи (5). Эта легенда о двухъ братьевъ изъ Ляховъ, Радимѣ и Виткѣ приведена составителемъ лѣтописи для объясненія имени Посожской и Поокской вѣтви Славянъ. Это ясно изъ предшествующаго ей текста, гдѣ плеоназмъ: Поляне... нарекошася Поляне, Древляне же... нарекошася Древляне,—очевидно указываетъ на объясненіе, данное въ другомъ мѣстѣ лѣтописцемъ происхожденію имени этихъ вѣтвей (стр. 3. 12). Но какъ объяснить то, что лѣтопись выводитъ Радима и Вятка, родоначальниковъ указаннаго населенія изъ Ляховъ? Фактическую основу въ легендѣ предполагать трудно; трудно принять, чтобы дѣйствительно Славянское населеніе въ области Сожи и Оки было Лядскою колоніею, или даже что бы династія земскихъ князей, которыя роспасли Вятическую и Радимическую земли, была Лядская. Мы рѣшаемся для дальнѣйшихъ соображеній указать на одно обстоятельство, которое можетъ имѣть нѣкоторую связь съ началомъ этой легенды, — именно на нерасположеніе лѣтописца къ Радимичамъ и Вятичамъ, какъ къ

населенію враждебному Кіеву — т. е. собственно Русской землѣ; на Вятичей, съ которыми до XII в. шла борьба Русскихъ князей, лѣтописецъ смотрѣлъ, какъ на упорныхъ язычниковъ, которые творили языческіе обычаи даже въ эпоху утвержденія христіанства на Руси: „еже (т. е. языческій обрядъ погребенія) творятъ Вятичи и нынѣ". — О перасположеніи Руси къ Радимичамъ очень ясно свидѣтельствуетъ насмѣшливая поговорка, которая сложилась по поводу пораженія Ящанскихъ Радимичей — воеводою Владиміра Святаго Волчьимъ-Хвостомъ: „Тѣмъ (поэтому) и Русь корятся Радимичемъ глаголюще: Ящаньцы волчья хвоста бѣгаютъ. Къ этому лѣтописецъ прибавляетъ: Бѣже же Радимичи отъ рода Ляховъ; пришедше, ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везутъ и до сего дня (806. 36). Враждебныя отношенія Руси къ Ляхамъ сначала изъ-за борьба за Червенскую землю, а потомъ изъ-за религіозной розни, извѣстны. Во второй половинѣ XII в. на Руси считалось уже весьма понятнымъ, что бѣсъ можетъ явиться въ образѣ Ляха, въ лудѣ т. е. въ плащѣ особаго покроя (1070. 82).

[127 a]) Истор. Росс. I. 43. С. М. Соловьевъ допускаетъ, что появленіе извѣстныхъ Голядей, родственныхъ Литвѣ, въ области Москвы р., можетъ стоять въ связи съ болѣе позднимъ переселеніемъ на востокъ Радимичей и Вятичей.

[128]) Такъ въ разсказѣ о Рюрикѣ первыми насельниками въ Полотскѣ показаны Кривичи (Лавр. 9); въ 882 г. Олегъ подступаетъ къ Смоленску между прочимъ съ Кривичами, которые очевидно замѣщаютъ здѣсь Полочанъ; въ XII же вѣкѣ населеніе Полоцкаго княженія опредѣлительно называется Кривичами и Полоцкіе князья — князьями Кривскими (Лавр. 132., Ипат. 11, 91).

[129]) Н. И. Надеждинъ. Опытъ Исторической Географіи Русскаго міра, въ Библіот. для чтен. т. 22-ой, ч. 2-ая, стр. 28. См. ниже прим. 134.

[129a]) Будины, Нервы, Борисеены — Геродота; Веневды, Сербы, Славяне, Поляне, Велеты, Пѣняне, Хорваты, Кривичи, Сѣверяне и т. п. — Плинія и Птоломея; Споры (Сербы) — древнее общее названіе двухъ главнѣйшихъ вѣтвей этого племени Антовъ и Славянъ, извѣстныхъ Прокопію и т. д. Ср. Шафарикъ Слав. Древн. § 23.

[130]) См. выше прим. 25. Основу лѣтописнаго извѣстія о переселеніи съ Дуная въ преданіяхъ о завоеваніи Римлянами Даціи при Траянѣ увидѣли И. И. Срезневскій, Ф. К. Брунъ, М. С. Дриновъ, (см. выше, ср. Заселеніе Балканскаго Полуострова Славянами).—К. Я. Гротъ (Моравія и Мадьяры), отвергая мнѣніе о первобытности или глубокой давности Славянъ на Дунаю, по нижнему и среднему его теченію, относитъ первое поселеніе Славянъ на Дунаѣ только къ

IV — V в., когда первыя ихъ толпы проникли туда вмѣстѣ съ Гуннами. Эти толпы Славянъ могли быть, говоритъ онъ, увлечены съ береговъ Днѣстра, гдѣ они до прихода Гунновъ жили подъ властью Готовъ (35). Такимъ образомъ для разъясненія преданія приходится искать другихъ фактовъ, если только не считать его ученымъ измышленіемъ, какимъ одно время считалъ его академикъ А. А. Куникъ (Г. Гедеоновъ и его система происхожденіе Варяговъ и Руси М. П. Погодина. Замѣчанія А. А. Куника 54 — 55. Ср. Л. Н. Майковъ Замѣтка 10),—впрочемъ теперь уже оставившій свой взглядъ. Г. Гротъ сообщаетъ предположеніе, которое принадлежитъ В. И. Ламанскому, что составитель лѣтописи разумѣлъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ современное ему движеніе Волоховъ съ юга, изъ-за Дуная, на сѣверъ, слухи о которомъ не могли не дойдти до него, и начало котораго онъ относилъ къ болѣе древнему времени (ibid. 25). Было бы очень желательно подробное разсмотрѣніе и развитіе этаго любопытнаго предположенія. Л. Н. Майковъ высказался очень сурово о разъясненіи характера и смысла разбираемаго лѣтописнаго извѣстія, представленномъ въ настоящемъ изслѣдованіи; но совершенно упустилъ изъ виду высказанное (на стр. 61 перваго изданія) положеніе, что „самое преданіе о нашествіи Влоховъ на Дунай, и выселеніи оттуда Славянъ, безъ сомнѣнія жившее въ народной памяти, едва ли первоначально имѣло въ народномъ пониманіи такое широкое значеніе какое придалъ ему нашъ лѣтописецъ“. Изъ этихъ даже словъ видно, что наставленіе, преподанное мнѣ уважаемымъ рецензентомъ на счетъ того, „всегда-ли можно считать показанія лѣтописи свободными отъ систематизаціи“ (стр. 13), не нуждалось по крайней мѣрѣ въ такой рѣзкой настоятельности, въ какою оно высказано. Кромѣ того Л. Н. Майковъ не обратилъ, кажется, достаточнаго вниманія на сдѣланную мною характеристику передвиженій Славянъ съ ихъ окраинъ, къ которымъ надо отнести и Придунайскую область въ глубь коренныхъ Славянскихъ поселеній. См. выше стр. 72 — 73.

[130]) Происхожденіе преданія о разселеніи Славянъ съ Дуная объяснялось различно. Какъ кажется, первый обратилъ на него вниманіе Голэмбіовскій (O Dziejopisach Polskich. 58 — 59), который указывалъ его византійское происхожденіе. Его мнѣнію послѣдовалъ Розенкампфъ въ Обозрѣніи Кормчей Книги. Митрополитъ Евгеній (Словарь духовн. писат. II 90—91), говоритъ, что источники лѣтописныхъ сказаній неизвѣстны; могли быть однако какія нибудь записки предковъ лѣтописца; кромѣ того онъ могъ имѣть еще довольно вѣрныя преданія. Народность его происхожденія признана въ послѣднее время въ трудахъ И. И. Срезневскаго, М. П. Сухомлинова, К. Н. Бестужева — Рюмина, Н. И. Костомаровымъ, который въ изслѣдова-

піи о народныхъ преданіяхъ въ лѣтописи (Вѣстн. Европы 1873), высказалъ относительно сказанія о пришествіи Славянъ съ Дуная мнѣніе, съ которымъ мы не можемъ не согласиться. Д. Я. Самоквасовъ, въ недавно вышедшемъ 2 выпускѣ своей Исторіи Р. Права, признаетъ это лѣтописное сказаніе непреложнымъ историческимъ показаніемъ, принимаетъ его въ полномъ объемѣ, и старается доказать, что „сказаніе Русскаго лѣтописца о Славянской прародинѣ и времени разселенія Славянскихъ народовъ въ центральныхъ областяхъ Европы совершенно согласны съ фактами исторіи, этнографіи и археологіи, сохранившимися въ сказаніяхъ писателей классическихъ, и въ нѣдрахъ древнеславянской земли“ (86 — 87).

[132]) Въ Начальной лѣтописи не разъ и съ видимою настойчивостью утверждается фактъ единства великаго Славянскаго племени. „Отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Порци (смотри выше примѣчаніе 121,) еже суть Словѣне“ (Лавр. 3) . . . Послѣ разсказа о разселеніи ихъ съ Дуная: „тако разидеся Словѣньскій языкъ; тѣмже и грамота прозвася Словѣньская (ibid.). Перечисляя разноязычныя племена, населявшія восточную равнину лѣтописецъ снова замѣчаетъ: се бо томко Словенескъ языкъ на Руси . . . . А се суть ини языцы, иже дань даютъ Руси. (5). Очень любопытно въ устахъ лѣтописца Кіевлянина, не совсѣмъ свободнаго отъ племенной враждебности или предубѣжденія къ сосѣдямъ Древлянамъ, слѣдующее замѣчаніе: Поляномъ же живущемъ особѣ . . . . суще отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, а Древляня же отъ Словѣнъ, и нарекошася Древляне. . . . (ibid.). Въ сказаніи о нашествіи Угровъ: Бѣ единъ языкъ Словенескъ: Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Марава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Лавр. 11. Въ сказаніи о Кириллѣ и Меѳодіѣ Морава называется общимъ именемъ Словѣнъ и ихъ князи князьями Словѣнскими (11). Далѣе: А Словѣнескъ и Рускый одинъ, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ. Полями же прозвавшася занеже въ полѣ сѣдяху, языкъ Словѣньскій бѣ имъ единъ (12).

[133]) Такой оплотъ составляли Черные Клобуки на восточной (Черниговской) и западной (Кіевской) сторонѣ Днѣпра, т. е. Турпѣи, Торки, Берендѣи, Коуи, остатки Печенѣговъ, и сами Половцы; именно въ противуположность послѣднимъ запрещенымъ лѣтопись (Ипат.) не разъ называетъ Половцевъ „дикихъ.“ Къ числу ихъ Зубрицкій не безъ основанія относитъ Болоховскихъ князей въ области Южнаго Буга, попаженныхъ Татарами при разгромѣ южной Руси въ 1210—41 годахъ. (Ист. Гал. Рус. III. 135 sqq).

[134]) Этнографическія границы инородцевъ на восточно-европейской равнинѣ были указаны выше, при обзорѣ инородческихъ поселеній, по извѣстіямъ Начальной лѣтописи, и по соображенію данныхъ представляемыхъ теперешней географической номенклатурой. На основаніи тѣхъ же данныхъ могутъ быть возстановлены предѣлы первоначальной коренной Славянской мѣстности на сѣверо-восточной равнинѣ. Географическая номенклатура имѣетъ огромное значеніе не только для исторической географіи, но и вообще для изученія исторической жизни народовъ; это значеніе всегда сознавалось; — всегда чувствовалось, что „земли есть книга, гдѣ исторія человѣческая записывается въ географической номенклатурѣ.“ Но этотъ источникъ исторической географіи только въ послѣднее время начинаетъ обращать на себя надлежащее вниманіе. *к*) Народъ, создавая первыя географическія названія въ заселяемой

к) „Ученіе географіи, говоритъ академикъ Я. К. Гротъ (въ замѣткѣ о топографическихъ названіяхъ вообще, Журн. Мин. Нар. Пр. 1867. Апрѣль 617-628), пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были болѣе, нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщены филологіей, то есть по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы.“ Первый систематическій опытъ подобнаго труда представляетъ книга: „Edwin Adam's“ the geographical Word Expositor, or Names and Terms occuring in the science of geography, etymologically and otherwise explained,“ (второе изд. 1856 г.): послѣднее — 1860 года шестое изданіе. Въ то же время явился другой опытъ разъясненія географическихъ названій, именно книга Виктора Якоби (V. Jacobi, Die Bedeutung der böhmischen Dorfnamen für Sprach- und Weltgeschichte, topographisch, naturwissenchaftlich und ethymologisch nachgewiesen. Lpz. 1856). Впрочемъ книга эта написана съ довольно смѣлою цѣлью возстановить на основаніи географическихъ именъ, которыя имѣютъ, по мнѣнію автора, исключительно описательное значеніе для мѣстностей (Ortsbeschreibungen), тотъ единобразный языкъ, которымъ, долго спустя по разселеніи, говорили люди, и который они приложили въ географической номенклатурѣ. (Ortsbeschreibung od. Ortsnamensprache). Въ большой близости къ этому языку удержался Славянскій, вслѣдствіе болѣе ранняго и продолжительнаго обособленія жизни этого племени.“ (S. 34). Изъ всѣхъ же Славянскихъ нарѣчій ближе къ этому Ortsnamensprache стоитъ Чешское (s. 9). Очевидно, что подобные труды отводятъ второстепенное мѣсто тому матеріалу, который можетъ быть извлеченъ изъ изученія географическихъ названій извѣстной мѣстности собственно для разработки ея исторической географіи. Любопытныя замѣчанія по объясненію географической номенклатуры проф. А.

имъ странѣ, не только вносилъ въ нихъ свое мірозосерцаніе, свое пониманіе окружающаго видимаго міра, но и связывалъ съ нимъ свои религіозно-нравственныя представленія и древнѣйшія преданія своего прошлаго. Естественно, что первоначально географическія названія были осмысленны; каждое изъ нихъ имѣло свое опредѣленное, всѣмъ понятное значеніе. Названія придавались мѣстности или по ея физическимъ свойствамъ (рѣки: Каменка, Лозовая, Грязка; города: Кременецъ, Каменецъ, Вышегородъ, Холмъ), или въ честь божества или лица, такъ или иначе связаннаго съ нею въ народномъ пониманіи (Перуново, Волосово, Кіевъ, Лыбедь, Большое Батыево и др.), или по событіямъ, которыми она ознаменовалась (Побоище, Погоня, Крови, Кровинки — лѣвый протокъ Западной Двины), или же по имени всего народа или одной какой либо его вѣтви (Болгаръ, Козары, Печенѣги въ Харьковской губ., Словѣни, Кривичи, Литва, Русь). Послѣднія чаще всего встрѣчаются на этнографическихъ порубежьяхъ, гдѣ сходилось разноплеменное населеніе, и мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ ниже. Съ теченіемъ времени, при естественномъ развитіи и измѣненіи живаго языка, вслѣдствіе развитія и измѣненія склада и духа народной жизни, первоначальный смыслъ географическихъ названій стушевывался и те-

---

Л. Буттманна въ книгѣ: Die Deutschen Ortsnamen mit besonderer Berücksichtigung der ursprünglisch Wendischen in der Mittelmark u. Niederlausitz. Berlin 1871. Кромѣ того, намъ извѣстно по имени только H. Mayer's Die Ortsnamen der Kanton Zürich, вышедшее въ 1850 г.. Значеніе номенклатуры въ отношеніи исторической географіи Славянскаго міра указаны въ трудахъ Яна Колляра (Rozprawy o gménach, počatkach i storožitnostech narodu Slawskiego a geho Kménu, Budišin 1830), Шафарика (Слав. Древн.), въ превосходномъ, къ сожалѣнію не оконченномъ, „Опытѣ исторической географіи Русскаго міра" Н. И. Надеждина; а также въ небольшой замѣткѣ Эрбена о Славянскихъ топографическихъ названіяхъ (собственно о возстановленіи славянскихъ онѣмченныхъ названій), напечатанной въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1869 Октябрь, съ замѣткой В. И. Ламанскаго. Въ посѣднее время появились труды Кюнеля (Kühnel's Slawischen Ortsnamen in Mecklenburg—Strelitz. Neubrandenburg 1881—1883) и Я. Ѳ. Головацкаго, Географическій Словарь Западно-Славянскихъ, Юго-Славянскихъ земель и прилегающихъ странъ. Съ приложеніемъ географической Карты. Вильна 1884. Разборъ этого труда сдѣланъ А. С. Будиловичемъ въ Журн. М. Н. Пр. 1884 т. 234.—О трудѣ Ресслера см. ниже. Прим. 168.

рялся, такъ что теперь въ большой части случаевъ только глубокое филологическое изученіе можетъ возстановить его. По тѣмъ не менѣе сами названія не исчезаютъ за исключеніемъ весьма рѣдкихъ и особенныхъ случаевъ. Они отличаются замѣчательною живучестью. Они сохраняются не только въ одномъ народѣ, переходя какъ бы по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, но даже и при полной племенной смѣнѣ они переходятъ отъ исчезающаго или вытѣсняемаго народа къ тому, который является ему на смѣну. Новое, пришлое населеніе даетъ свои названія только тѣмъ мѣстамъ, которыя не были до него заняты и возлѣланы, и которыя оно первое заняло и возлѣлало; — старыя же географическія имена—особенно хорографическія—оно сохраняетъ, конечно, нѣсколько измѣняя ихъ въ духѣ своего языка, иногда осмысливая ихъ, иногда давая имъ другую, соотвѣтствующую строю его, форму. Но и въ этомъ измѣненномъ и испорченномъ видѣ географическія названія остаются памятникомъ языка того исчезнувшаго населенія, которое создало ихъ, и въ этомъ смыслѣ ихъ свидѣтельства о населеніи и этнографическомъ наслоеніи той или другой земли неопровержимо и несомнѣнно. Изъ того, что географическія названія извѣстной области принадлежатъ одному только языку, одному народу, необходимо заключить, что этотъ народъ составлялъ въ ней первое начавшее жить исторически населеніе; тогда какъ названія, принадлежащія двумъ различнымъ языкамъ, тѣмъ самымъ обличаютъ двойственность населенія въ той мѣстности гдѣ они преобладаютъ, смѣну или поглощеніе одного народа другимъ. При этомъ, какъ справедливо замѣтилъ Надеждинъ, древнѣйшему, первобытному принадлежитъ обыкновенно хорографическая номенклатура (названія живыхъ урочищъ), тогда какъ рукозданныя мѣстности получаютъ имена отъ пришлаго. Понятно, что изученіе такихъ данныхъ исторической географіи тѣсно соприкасается съ языкознаніемъ, и что только послѣ основательной филологической разработки ихъ, историческая географія можетъ воспользоваться ими, не рискуя слишкомъ точностью своихъ выводовъ и вѣроятностью своихъ предположеній. Такого разъясненія ждутъ еще географическія имена восточно-европейской равнины, и по этому область коренныхъ Славянскихъ поселеній опредѣляется теперь только приблизительно и гадательно. Н. И. Надеждинъ, первый поставившій вопросъ о предѣлахъ этой области на восточной равнинѣ, и первый воспользовавшійся для разрѣшенія его данными географической номенклатуры, замѣтилъ, что Карпаты (Горбы) были основнымъ гнѣздомъ племени, къ которому мы принадлежимъ; полоса Днѣстровская представляетъ также несомнѣнные признаки Славянства (52). Полоса Днѣпра представляетъ уже смѣсь названій славянскихъ и не-славянскихъ,

смѣсь, которая усиливается по мѣрѣ приближенія къ водораздѣламъ Западно-Двинскому съ одной стороны, Волжско-Окскому и Донскому съ другой. На сѣверо-западъ отъ Днѣпра, а также и къ востоку отъ него, по всѣмъ лѣвымъ его притокамъ, первоначальное населеніе не было Славянское. Лѣвая сторона Днѣпровскаго бассейна не принадлежитъ къ первобытному славянскому міру (54). Здѣсь первоначальное населеніе было Чудское, которое въ стародавнія времена простиралось отъ своего уральскаго гнѣзда непрерывно на западъ, по верховьямъ Днѣпровскаго и Донскаго бассейновъ по крайней мѣрѣ до Западнаго Буга и Нѣмана. Въ самыхъ Вятичахъ Начальной лѣтописи Надеждинъ, согласно съ Шлецеромъ, признаетъ Чудское племя (63). Всѣ эти выводы, сдѣланныя очень остроумно и блестяще, требуютъ конечно провѣрки путемъ филологическаго изученія мѣстныхъ названій.

[135]) Шафарикъ Слав. Древ. § 27., I. перев. Бодянскаго II. 1. 82—полагаетъ, что до конца X в. этнографическая граница русскихъ Славянъ шла на сѣверо-востокѣ „почти отъ Ладожскаго озера на востокъ, порѣчьемъ Тверцы къ Волгѣ, потомъ западной стороны Москвы р. къ Окѣ“ и т. д. Но уже въ это время Славянское населеніе стояло твердою ногою на Бѣлоозерѣ, и слѣдовательно по Шексѣ и въ отмѣченной нами Моложской полости, какъ то видно, между прочимъ, изъ памятника первой половины XI в. „Устава Ярослава о мостѣхъ“. Что касается области на востокъ отъ Днѣпра, то въ географической номенклатурѣ ея замѣчается смѣсь Славянскихъ и инородческихъ названій, при чемъ послѣднія получаютъ преобладаніе надъ первыми по мѣрѣ удаленія отъ Поднѣпровья, — явный признакъ поступательнаго и послѣдовательнаго этнографическаго распространенія Русскаго Славянства на востокѣ. Такъ напр. въ области Днѣпра не-славянскія названія замѣчаются только въ притокахъ самаго верхняго Днѣпра, выше Смоленска: Вязьма, Осьма, Вопець, Вопь, Надва, далѣе же Ужа, Устрома, Лежа, Морейка, Березань, Тройца, Трощанка, Дрьють и др., за которыми можно уже признать Славянское происхожденіе. Тоже мы находимъ въ области Десны, верхніе притоки которой — Деклогъ, Витьма, (Брянскаго у.), Болва съ Пучкой (Жиздринскаго у.) — звучатъ не по славянски; тогда какъ нижніе — чисто славянскаго наименованія, за немногими исключеніями (какъ напр. Вага, которая вливается въ Сновь вмѣстѣ съ Трубежомъ, Вербачовкой, Городной и др.). Далѣе, за Днѣпровско-Окскимъ водораздѣломъ, въ области верхней Оки до впаденія въ нее Угры мы видимъ большія рѣки—инородческихъ именъ, малыя—славянскихъ. Въ Оку вливаются Зуша съ Раковней, Пшевкой, Жердевкой, Алешней, Чернью, Снѣжатью; Жиздра съ Коротянкой,

Рестою, которая принимаетъ Ловать и Велью, и Вытебетью, въ которую впадаетъ Лютна; Упа съ Шиворонью, Плавомъ, Милыпью, Желѣзницемъ; малые притоки Оки: Крома, Неdна, Пона, Орелъ, Сотумока, Неполодь, Березуя — представляютъ смѣсь славянскихъ и иноязычныхъ звуковъ. Системы Угры и рѣкъ, впадающихъ въ Оку ниже ея (Москва, Клязма), характеризуются уже преобладаніемъ не-славянскимъ наименованій побочныхъ водъ, хотя на водораздѣлѣ между Угрой и Клязмой, рѣчные пути котораго мы разсмотрѣли выше, славянскія имена очень многихъ рѣчекъ и ручьевъ (Песочня, Колодня, Страда, Сосенка, Сходня), свидѣтельствуютъ о раннемъ водвореніи въ этой инородческой области славянскихъ населеній; далѣе къ сѣверу по Волгѣ — хорографическія названія славянскія встрѣчаются рѣже и рѣже по мѣрѣ приближенія къ Волоку, и за Волокомъ славянскіе звуки слышатся только въ названіяхъ рукозданныхъ мѣстностей, — между тѣмъ, какъ всѣ хорографическія названія—или инородческія, или же несомнѣнно переведены съ Финскаго (Черная, Святая и т. п.). Тоже самое замѣчается и въ Донскомъ бассейнѣ, гдѣ въ верховьяхъ Дона есть только очень немного притоковъ и рѣчекъ съ славянскими именами; — напр. Сосна съ ручьемъ Кривецъ; Воронежъ, въ который (ниже Задонска) впадаетъ рѣчка Кривка, и рядомъ съ нею Мещерка. Притоки Сѣвернаго Донца — славянскіе, по очевидно позднѣйшаго происхожденія; какъ напр. Тростъ, Дубовой, Ольшанка, Березовка, Чесноковка, Солона, Суходольна, Подгорная. Притоки Хопра и Медвѣдицы преимущественно инородческихъ наименованій, напр. у Хопра: Арчада, Камышлой, Сердоба съ Касмалой, Елшанкой, Бакурою, Кистендей; Аркадакъ, Карай, Ворона съ Пандой, Алебугомъ, Чигаромъ и т. д. Саваза, Карагакъ. Ср. Гидрограф. карту Европ. Россіи, составленную Департаментомъ проэктовъ и смѣты Главнаго Управленія Путей Сообщ. и Публичн. зданій, 1846 г. а также Карты Шуберта и 3-хъ верстную Генер. Штаба.

[136]) Лавр. 191.

[137]) Лемчицане и Сербы Константина Порфиророднаго были, по всей вѣроятности, первые Лучане, или часть Волынянъ около Луцка, или часть Кривскаго племени на югъ Озерной области (Великія Луки, Лучане и др.), — вторые Сѣверяне. О нихъ будемъ говорить подробнѣе при обзорѣ отдѣльныхъ земель. О Мусульманскихъ писателяхъ, ср. сводъ „Сказаній Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ", составленный А. Я. Гаркави. Спб. 1870. Что касается географа Баварскаго (846—890), напечатаннаго Шафарикомъ въ XIX приложеніи къ Славянскимъ Древностямъ, гдѣ между прочимъ приведена полная библіографія изданій этого памятника, то

запутанность его дѣлается очевидною изъ сравненія противорѣчивыхъ объясненій, которыя сдѣлали ему Шафарикъ (Слав. Древн. l. c. стр. 71 — 74), и Лелевель (Narody na Ziemiach słowiańskich, 673 и слл.). По крайней мѣрѣ для географіи Русскаго славянства географъ Баварскій не даетъ ничего положительнаго.

[133]) „Полянамъ же живущимъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ владѣюще кождо родомъ своимъ“ (4). Подъ 862 г. „Изгнаша Варяги за море и почаша сами въ собѣ володѣть, и не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ“ (8). Эти мѣста лѣтописи послужили, какъ извѣстно, краеугольнымъ камнемъ для теоріи родоваго быта в. Славянъ; хотя болѣе вѣроятнымъ кажется, что тутъ подъ словомъ родъ скрываются болѣе или менѣе развитыя общины. Рядомъ мы видимъ употребленіе того же слова въ смыслѣ семьи, и даже въ династическомъ смыслѣ. По сихъ братьи (Кіи съ братьями) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревлѣхъ свое и т. д. Въ сказаніи о Асколдѣ и Дирѣ, Кіяне говорятъ о своихъ первыхъ князьяхъ: была суть 3 братья... иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козарамъ. (Въ Ипат. исправлено вмѣсто первоначальнаго текста: „а мы сѣдимъ въ городѣ ихъ“—„а мы сѣдимъ родъ ихъ и платимъ дань и пр.). Династическое значеніе рода уясняется изъ сопоставленія лѣтописныхъ сказаній о Аскольдѣ и Дирѣ: „И бяста у него (у Рюрика) 2 мужа, не племени его, ни боярина... Рюрикъ передъ смертью передалъ княженіе свое Олгови, отъ рода его суща. Олегъ, отнимая Кіевъ у Аскольда и Дира, говоритъ имъ: вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, а се есть сынъ Рюриковъ. Здѣсь родъ тожественно племени, выше употребленному лѣтописцемъ. Любопытно, что Олегъ говоритъ о своихъ личныхъ правахъ, только въ качествѣ родственника Рюрика и защитника правъ его сына. За тѣмъ тутъ же мы имѣемъ слово родъ въ смыслѣ единоплеменника (польское — rodak): „яко гость есмь, говоритъ Олегъ Кіевскимъ князьямъ, скрывая свое настоящее положеніе. идемъ въ Греки отъ Олга и Игоря княжича; да идѣта къ намъ, къ родомъ своимъ. Въ томъ же смыслѣ родъ въ сказаніи о призваніи Рюрика: и изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь; — а также „Поляне отъ рода Словѣнска“, и т. п. Родъ въ смыслѣ народа и происхожденія подъ 1093 годомъ (о Русскихъ, захваченныхъ Половцами въ полонъ): много роду христіанскаго стражюще... Со слезами отвѣщеваху другъ другу глаголюще: „азъ бихъ сего города“, а другія „азъ сея веси... Такъ родъ свой повѣдають“.

[139]) См. К. Н. Бестужева-Рюмина Исторія стр. 35 и слд. Кстати замѣтимъ, что Л. Н. Майковъ въ своихъ превосходныхъ „Замѣткахъ по географіи древней Руси", указалъ на односторонность нашего взгляда на значеніе восточныхъ старо-славянскихъ земель, какъ на единицы политико-географическія, и, хотя самъ признаетъ ихъ такими, но все таки усматриваетъ въ нихъ этнографическія отличія, какъ нѣчто существенное, легшее въ основу земельнаго дѣленія. Г. Майковъ старается установить племенное происхожденіе Славяно-Русскихъ вѣтвей, и приходитъ къ весьма вѣроятному предположенію, что раздѣленію Русскихъ Славянъ на земли предшествовало образованіе, въ незапамятныя времена, племенъ, которыя потомъ, пріобрѣтя земледѣльческую осѣдлость, сѣвши на корю, на корени, какъ говорится въ народѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлами своего разселенія и обозначали первоначальныя границы земли (149). Все это несомнѣнно было такъ, и остатки такого давняго образованія земель сохранилось и въ этнографическихъ отличіяхъ (обычаяхъ и говорахъ), которые мы не отрицали. Но для насъ важенъ вопросъ: на сколько это племенное происхожденіе отразилось въ томъ земельномъ строѣ, если позволено такъ выразиться, который мы видимъ при изученіи установки Русской государственности. Намъ кажется, что для выработки этого значительно сложнаго строя. Русское Славянство должно было въ незапамятныя времена, въ эпоху для насъ закрытую, выйдти изъ родоваго быта, которымъ обусловливается быть племенный, и перейдти нѣсколько послѣдовательныхъ формъ общественнаго развитія. Для выработки этого строя требовались работы многихъ поколѣній, и въ его созданіи принимали участіе другія начала и понятія, кромѣ родовыхъ и племенныхъ. Нельзя же принимать дословно хотя бы лѣтописную легенду о Радимѣ и Вяткѣ; нельзя же признать, что эти два брата пришли отъ Ляховъ съ своими родами, которые, размножившись естественнымъ путемъ, образовали племена Радимичей и Вятичей на Окѣ и Сожѣ... Не отвергая съ своей стороны участія родоваго или племеннаго начала въ образованіи Славяно-Русскихъ земель, мы относимъ его къ отдаленнѣйшему времени, — считаемъ созданныя имъ этнографическія особенности, (обычай и говоръ), которыя вовсе не отвергаемъ, слишкомъ слабыми для того, что бы на нихъ могла опираться отдѣльность земель, одной отъ другой, и внутренняя обособленность каждой изъ нихъ въ частности,—и утверждаемъ, что эти свойства земель были обусловлены территоріальными условіями и предшествовавшею историческою жизнью, — т. е. что Славяно-Русскія земли были единицы не этнографическія, а политико-географическія.

[140]) На „городища“, какъ памятники древне-славянскаго быта, первый обратилъ вниманіе извѣстный труженикъ Славянской, преимущественно Русской, исторической географіи полякъ Зоріянъ Доленга-Ходаковскій. Наблюденія надъ городищами и городами въ большей части древне-славянскаго міра, которыя онъ сдѣлалъ, „странствуя отъ Шлезіи до Москвы, и отъ береговъ Днѣстра до Бѣлоозерскаго уѣзда“, убѣдили его въ важности для Славянской исторіи этого рода памятниковъ, и онъ предпринялъ собрать о нихъ возможно-полныя свѣдѣнія, какъ мѣстныя, такъ историческія въ письменныхъ источникахъ. Въ 1820 — 1822 году, при пособіи отъ Русскаго правительства, обратившаго вниманіе на его труды, онъ предпринялъ для своихъ изслѣдованій путешествіе по Петербургской, Новгородской, Московской и Смоленской губерніямъ. Въ тоже время онъ имѣлъ случай прочитать подробныя межевыя и др. карты 21 губерній, и извлечь изъ нихъ данныя топографической номенклатуры. Результаты его путешествія изложены въ „Донесеніи о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи“ (Русск. Истор. Сборн., изд. Общ. Ист. и Др. Росс., ред. М. П. Погодинъ т. VII. 1844), къ которому приложилъ Сравнительный Словарь, „показывающій одинакія урочища въ цѣломъ пространствѣ Славянства“. Словарь заключаетъ 1,350 словъ. Сверхъ того въ Сынѣ Отечества за 1820 годъ помѣщена также часть собранныхъ имъ матеріаловъ по географической номенклатурѣ, а за тѣмъ остался ненапечатаннымъ огромный историко-географическій лексиконъ, котораго только небольшая часть хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и въ Библіотекѣ Варшавскаго Университета, а большая часть едва-ли не погибла; по крайней мѣрѣ никакихъ свѣдѣній о ней мы не могли получить... Теорія Ходаковскаго о происхожденіи городищъ и значеніи городковъ или городовъ замѣчательна по оригинальности. Впрочемъ изложеніе ея всюду очень темно и запутанно, не смотря на богатство данныхъ, свидѣтельствующихъ о большой наблюдательности и эрудиціи автора. Система городовъ (градетво или городетво), разбросанныхъ по всей древней Славянской территоріи, и отличающихся единообразіемъ построенія, указываетъ на единство Славянскаго племени, создавшаго ихъ, и можетъ служить признакомъ, по которому опредѣляются древніе этнографическіе предѣлы Славянства (Истор. Сист. Ходаковск. въ 3 книжкѣ I т. Истор. Сборн. стр. 96). Это — основная мысль. Во всѣхъ этихъ городахъ замѣчается одинъ характеръ и неизмѣнныя условія. „Исчисляю здѣсь эти условія, говоритъ онъ (ibid. 11 — 12): 1) находятся вообще въ прелестныхъ избранныхъ мѣстахъ, имѣя входъ съ востока... 2) валъ изъ чернозема насыпанъ до самой подошвы; 3) внутренняя тѣснота (въ другомъ мѣстѣ онъ

говоритъ, что въ городѣ могло помѣститься не больше двухъ жилыхъ домовъ); 4) постоянныя вокругъ урочища *л*)... и 5) извѣстное разстояніе отъ другихъ городковъ, въ 4, 6, 8-мъ старыхъ *м*) верстахъ, или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ". Что касается историческаго значенія этихъ городовъ, то это были не болѣе, какъ ограды („городъ или градъ есть просто ограда, вѣнецъ, или говоря Виндскими словами, округъ, черта, объятія". Донес. 76), посвященныя Славянскому многобожію (ibid. 77); въ нихъ должны были совершаться общественныя богослуженія Славянъ особыми жрецами. Ходаковскій сближаетъ слово городъ съ „горою", „горѣть" (68). Жрецами онъ считаетъ тѣхъ племенныхъ князей, о которыхъ упоминаетъ Начальная лѣтопись, а также князей „сущихъ подъ рукою Русскаго князя" Олегова договора съ Греками. Теорію Ходаковскаго Шафа-

---

л) Для о´ъясненія этого положенія, которымъ особенно увлекся Ходаковскій, и въ которомъ едва-ли не заключается главная причина односторонности его теоріи, подрывающей весь кредитъ ея, необходимо замѣтить слѣдующія мѣста изъ его Донесенія и Истор. Системы: „Уже въ Новгородской и Псковской губерніяхъ (Ладог., Луг. и Гдов. уѣздахъ) замѣчалъ я, что одинакія урочища встрѣчаются при сихъ земляныхъ памятникахъ, но совершенно въ томъ удостовѣрился въ Тверской губерніи, особенно въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уу... Я началъ употреблять циркулъ съ размѣромъ по масштабу, напр. межъ 2 городковъ находящихся часто въ разстояніи 8 верстъ, сдѣлавъ по срединѣ мысленный предѣлъ, разсчитывалъ по оному всѣ урочища, которыя окружаютъ въ особенности тотъ и другой городокъ; оказалось, что та и другая черта заключали одинакія названія; въ иныхъ мѣстахъ явились по видимому несогласны, но существенно въ одномъ значеніи"... Тоже замѣтилъ Ходаковскій и въ дальнѣйшемъ путешествіи отъ Твери, и при чтеніи межевыхъ картъ 21 губ., и имѣвшихся у него подъ рукою картъ западныхъ и южныхъ Славянъ. „Чѣмъ больше вникалъ я, продолжаетъ онъ, въ сію древнюю черту, тѣмъ сильнѣе увѣрялся въ существованіи какого то правила, учредившаго сію однообразную идею у всѣхъ Славянъ (Ис. Сист. 9). Въ Донесеніи онъ говоритъ о той же чертѣ подгородной топографіи, прибавляя: „...чѣмъ дальше я углублялся въ Россію, тѣмъ болѣе утверждался въ мысли, что какія то правила были руководствомъ для Славянъ учредить одинаковыя вездѣ городища, въ избранныхъ къ тому красивыхъ мѣстахъ, и окружающимъ ихъ урочищамъ дать одинакія названія" (3—4)..

м) (700 саженныхъ).

рикъ нашелъ заслуживающею вниманія; но опредѣлительнаго мнѣнія о ея достоинствѣ не высказалъ. Она вызвала опроверженіе со стороны Калайдовича въ „Письмахъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губ.“ 1822 г., а также И. И. Срезневскаго, въ „Святилищахъ и обрядахъ языческаго богослуженія древнихъ Славянъ“, Харьковъ 1846 г., стр. 35 и слл., и еще болѣе въ запискахъ „О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ“ (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей томъ II; 1850, стр. 532 и слл.). Но если ближайшее археологическое изученіе городищъ показало односторонность и исключительность теоріи Ходаковскаго, то съ другой стороны нельзя не признать столь-же односторонним мнѣніе, высказанное въ послѣднее время г. Самоквасовымъ (Древніе города Россіи. Спб. 1873), который утверждаетъ, что въ дотатарскій періодъ было будто бы на Руси нѣсколько тысячъ городовъ (укрѣпленій и центровъ промышленнаго населенія), и что городища, въ такомъ обиліи разбросанныя на восточно-европейской равнинѣ, не что иное, какъ остатки этихъ исчезнувшихъ городовъ. Всѣ лѣтописныя и документальныя свидѣтельства, приводимыя г. Самоквасовымъ въ пользу своего мнѣнія, могутъ указывать только на то, что городовъ въ древней Руси было дѣйствительно больше, чѣмъ ихъ извѣстно по-именно; но какъ могли бы помѣститься нѣсколько тысячъ городовъ на пространствѣ отъ Западнаго Буга до Окской области, отъ Урало-Карпатской Гряды до Олонецкихъ горъ и Бѣлоозера среди населенія, занятаго преимущественно хлѣбопашествомъ и лѣсными промыслами? Это одно могло бы остановить смѣлость такого предположенія. За тѣмъ и въ дотатарскій періодъ были городища, безъ сомнѣнія такія же остатки давно исчезнувшихъ городовыхъ сооруженій. Преданіе о городищѣ Кіевцѣ въ Подунайской области указываетъ, что въ глазахъ лѣтописца XI вѣка городища именно въ этомъ смыслѣ вовсе не были новостью. Изъ XII и первой четверти XIII в. по лѣтописямъ извѣстно нѣсколько городищъ: у Новгорода, въ двухъ поприщахъ отъ него, 1195 г.; городище св. Маріи или Марины на р. Сарѣ 1216 г. Такія древнія городища можно считать остатками древняго Славянскаго быта, только въ первоначальныхъ этнографическихъ предѣлахъ Славянства, тогда какъ въ первобытныхъ инородческихъ земляхъ они не что иное, какъ памятники быта инородцевъ, что̀ очевидно изъ изслѣдованія о бытѣ Мерянъ графа А. С. Уварова. Далѣе — начало многихъ городищъ относится къ самой эпохѣ татарскаго погрома, ко времени татарскихъ набѣговъ и наѣздовъ, когда населеніе искало защиты въ лѣсахъ, сооружая въ нихъ новыя временныя окопы и укрѣпленія. Преданія о такихъ окопахъ намъ извѣстны въ Польшѣ; они вѣроятны и на Руси. На юго-

западѣ Руси разбросаны курганы и городища, явившіеся во времена казачества и его борьбы съ Татарвой и Ляхами; на юго востокѣ подъ многими городищами скрываются остатки сторожевой линіи Московскаго государства. Такимъ образомъ прежде чѣмъ заключать о числѣ и положеніи древнихъ Русскихъ городовъ на основаніи теперь замѣчаемыхъ городищъ, предварительно необходимо изъ общей массы ихъ выдѣлить ихъ различные и по происхожденію и по цѣлямъ роды и виды. Очевидно, что это-задача, которую предстоитъ еще рѣшить Русской археологіи. Что касается картъ распространенія городищъ въ теперешней Россіи, то первыя были составлены Ходаковскимъ: они обнародованы М. П. Погодинымъ въ III-мъ томѣ его Древней Русской Исторіи въ до-Монгольскій періодъ. Сколько нибудь наглядное, но конечно не полное изображеніе географическаго распредѣленія городищъ, и области населенныхъ мѣстъ, названіе которыхъ — Городища, Городъ, Городокъ и т. п., представляетъ также „Исторической Атласъ Россіи“, изданный Павлищевымъ въ Варшавѣ еще въ 1846 г. На это замѣчательное по своей аккуратности и практическому приспособленію къ преподаванію отечественной исторіи изданіе, къ сожалѣнію, очень мало обращаютъ у насъ вниманія; оно очень мало распространено.

[141]) Изложеніе и разборъ различныхъ мнѣній о погостѣ (въ сказаніи объ Ольгѣ, которая уставы погосты, Ипат. — повосты— Лавр. 25), высказанныхъ въ исторической наукѣ см. у К. А. Неволина въ изслѣдованіи „О пятинахъ и погостахъ Повгородскихъ въ XVI вѣкѣ“ (Записки Имп. Р. геогр. общ. VIII. 69 и слл.) „По буквальному смыслу, замѣчаетъ онъ, разбирая извѣстіе объ учрежденіи погостовъ Ольгою, извѣстіе лѣтописное должно, кажется, относиться ближайшимъ образомъ въ главнымъ мѣстамъ округовъ.“ Позднѣе погостъ значилъ мѣсто, на которомъ стоитъ церковь съ ея принадлежностями. Въ такомъ же смыслѣ это слово употребляется теперь въ Архангельской губерніи для обозначенія Лопарскихъ селеній. Вообще же имъ обозначаютъ кладбище, при которомъ находится церковь. Неволинъ высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что погосты были первопачально мѣста языческаго богослуженія, — то, что Ходаковскій видитъ въ городищахъ 85—87. Во всякомъ случаѣ сродство этого слова съ „гостить,“ („гость,“ „гостьба“) несомнѣнна. Можетъ быть, мѣста языческихъ богослуженій были мѣстами сходокъ и для торговаго обмѣна; такъ какъ торговыя пошлины (гостебное) составляли издревле важную статью дохода для князя, то поэтому не учреждались-ли центральные пункты управленія именно въ такихъ мѣстахъ? (См. Проф. Ключевскаго Боярская Дума гл. I., гдѣ эти догадки развиты въ систему.

[142]) О именахъ отечественныхъ (patronymica) см. Шафарикъ Слав. Древности, § 25. 8, перев. Бодянск. II. 1. 69.

[143]) См. выше прим. 127.

[144]) Впрочемъ обычный терминъ употребляемый Начальною лѣтописью для населенныхъ мѣстъ, кромѣ города и городьца—село, сельце (Предславино сельцо — Лавр. 34); терминъ „весь" встрѣчается только однажды въ лѣтописи, сколько мы могли замѣтить, а именно въ описаніи Половецкаго погрома 1093 г.; уведенные Половцами плѣнные... отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: „азъ бѣхъ сего города" а другія: „азъ сея веси"; тако съупрошаются со слезами, родъ свой повѣдающе и вздышюче. (Лавр. 96). — Это обстоятельство не можетъ не указывать по крайней мѣрѣ на малораспространенность речепія „весь" у восточныхъ Славянъ, хотя оно имѣетъ полное гражданство въ языкѣ Славянъ западныхъ.

[145]) Ср. Проф. Перетятковича Поволжье въ XV и XVI в. (т. I., 9 и слл.).

[146]) Таковы напр. Кельтма Сѣверная, лѣвый притокъ Вычегды, и Кельтма Южная, такой же притокъ Камы, — Мылва Южная, лѣвый притокъ Вычегды и Мылва Печерская, р. Ежуха, правый притокъ Пинеги, и р. Ежуга, лѣвый притокъ Мезенской Вашки. Истоки этихъ одноименныхъ рѣкъ раздѣляются незначительными волоками. Въ книгѣ Большаго Чертежа, упоминаются двѣ Пушенги, одна—правый притокъ Двины, впадающій противъ устья Емцы, — другая — притокъ Пинеги. „Въ Пинегу же пала съ другой стороны Пушенга Пинежская, изъ озера: протоку 120 верстъ, а потекли ровно изъ двухъ озеръ съ Пушенгою Двинскою. См. г. Огородниковъ. Побережье. 101—102—166.

[147]) Иречекъ Entstehen christl. Reiche im Gebiete d. heut. Oesterr. Kaiserstaats 80 — 81 утверждаетъ, что лучшею охраною отъ нападенія врага Славяне считали лѣса. Ср. Бестужевъ — Рюминъ К. П. Русская исторія. I. 55. Какое стратегическое значеніе имѣли лѣса даже въ позднѣйшее время въ XVI в., уже не между мелкими вѣтвями Славянства, но между большими государствами, Рѣчью Посполитою и Московскимъ государствомъ, можно видѣть изъ тѣхъ препятствій, какія должны были преодолѣвать польско-литовскія войска Стефана Баторія въ походѣ отъ Полоцка къ Пскову (Heidenstein).

[148]) Послѣ битвы на Рожни Поли, Ростиславичи говорятъ: довлѣетъ „нама въ межи своей стати," Лавр. 115. Въ Русск. правдѣ: межа бортьная, ролѣйная; дубъ знаменный или межьный. Русск. Дост. 1. 42 Старинное названіе Рубежа могло сохраниться въ рѣкѣ

Rubessa, (очевидно Рубеша), о которой Польскіе историки упоминаютъ, какъ о пограничной между Русью и Польшею Rubessa fluvis regia limitans. По свидѣтельству преосв. Модеста, Епископа Люблинскаго въ книгѣ „Православіе и Р. народн. въ Галиц. II. 56) въ актахъ древней Холмской Консисторіи теперь. Грубешовъ носитъ названіе Рубешовъ, которое дѣйствительно могло происходить отъ Рубежова.

[149]). Лавр. 7.

[150]) Это названіе встрѣчается въ слѣдующихъ мѣстахъ лѣтописей. Въ поученіи Мономаха: „идохъ... изъ Переяславля та Володимерю на Сутейску мира творить съ Ляхами... (Лавр. 103.; событіе относится къ 1073 г.). Въ 1097 г., въ особицу послѣ ослѣпленія Василька, Давидъ Игоревичъ „заимъ Сутѣску (въ Ипат. Сутѣйску), Червень, приде внезапу и зая Володимерцѣ. ibid. 115—Подъ 1125 г. Ярополкъ Мономашичъ, погнавшись за Половцами изъ Переяславля... испостиже я у Полкстеня (Полъкостеня, Полокъстѣпя) ibid. 129. Въ Ипат. Лѣт. въ разсказѣ о томъ же событіи названіе мѣстности опущено. Въ Никон. Лѣт.: „Постиже ихъ Ярополкъ у Стѣня". III. 59. Какъ кажется, Арцыбашевъ первый высказалъ мнѣніе о томъ, что эти реченія слѣдуетъ понимать, какъ нарицательныя имена, обозначающія границу (II. 322. 348). Карамзинъ (11. прим. 192) держится того же мнѣнія. Послѣдующіе изслѣдователи (Погодинъ, Падеждинъ и Неволинъ, Бѣляевъ) не отвергали его (о г. Лашинченко см. ниже). Нельзя не обратить вниманія, что подобнозвучныя названія Утиски, Хутиски, Хучиски встрѣчаются въ древней ю.-з. Руси именно и исключительно на порубежныхъ мѣстахъ, и при томъ съ замѣчательною правильностью. Мы не знаемъ, случайно или нѣтъ такое явленіе; но считаемъ нелишнимъ привести замѣченныя нами данныя. На порубежьи Галицко-Волынскомъ, какимъ оно является въ извѣстіяхъ XI—XIII вѣковъ, находятся: къ югу отъ Буска въ Галиціи, Утиско, и на одной параллели съ ними, къ востоку, верстахъ въ 20 Хутиско, къ югу отъ Олеско (тоже въ Галиціи). Далѣе два Хучиска къ югу отъ Бродъ, на одной параллели съ порубежнымъ Плеснескомъ (1188 Ипат. 137. въ предѣлахъ Россіи). На рубежѣ Галицко-Ляцкомъ: рѣчка Хучва, на которой Чермно — на мѣстѣ древняго Червеня, (ср. Сутеску 1097 г.), и къ западу отъ него, близъ Красноброда: Хусцско, Хусино, Хуциско (тутъ же множество мѣстностей съ названіями Хута, Хутки, Гута). За тѣмъ въ 10 в. отъ нихъ, по все таки по старому рубежу Галицко-Ляцкому — Хутиска къ западу, въ верстахъ въ 10 отъ Жолкева. Далѣе на сѣверо-западъ на правой сторонѣ отъ Сана близъ теперешней границы Галиціи на дорогѣ изъ

Бѣлгорая къ Кржешову: Хуцiска и Вулка Хуцiска; на лѣво отъ Сана, между нимъ и Лопкою два Хучiска, на одной параллели къ с.-з. отъ Лежайска, къ с. в. отъ Ржешова, Хучиско и Хучино у истоковъ Лонки; на одной линiи съ ними Пршеврапно, о которомъ см. слѣдующее примѣчанiе. Наконецъ два Хутiска въ довольно дальномъ разстоянiи другъ отъ друга лежатъ между верхнимъ Вягромъ и Саномъ, къ западу отъ Перемышля, и къ сѣверу отъ Санока. Въ срединѣ Галицкой земли замѣчаются только три мѣстности съ такими названiями: Хучiска и Хучиско Суходольске къ 10. отъ Львова и къ з. отъ Бобрка и Хутиско къ ю. з. верстахъ въ 15 отъ Бржежанъ. Но и тутъ едва-ли не проходилъ рубежъ между Перемышльскою и Теребовльскою, первоначально составлявшею часть Червенской земли. На Волыни къ в. отъ Кременца сгруппированы четыре Хутiска; по близъ нихъ показанъ стеклянный заводъ Антоповскiй, по польски Гута. (Карты Шуберта N. 39 и 40). Другiя подобноименныя названiя мы будемъ имѣть случай привести ниже.

[41]) Ворота указываются въ Галицко-Волынской лѣтописи по поводу нападенiя Ляховъ на окрестности Червеня и Бельза въ 1268. Въ этотъ годъ былъ назначенъ сеймъ Русскихъ и Лядскихъ князей въ Тернавѣ (вѣроятно Тарнава, по дорогѣ изъ Люблина въ Бѣлгорай). Но „Ляхове къ сонмови не поiли, но обшедше около (т. е. Тернавы) на Ворота (*н*), и тако поидоша къ Белжу, и почаша воевати и села жечи“. Василько, узнавшiй о набѣгѣ, на пути къ Тернавѣ изъ Володимеря, въ Грабовцѣ, повернулъ въ Червень, разослалъ отряды бить хищниковъ; и, когда они отправились въ обратный путь, послалъ за нимъ племянника Шварна, который и настигъ ихъ, когда они... бяху и еще не вошли въ свою землю, но только бяшеть Ворота пропили: се же бѣ шеть мѣсто твердо, зане не мощно бысть обойти его никуда же, тѣмже нарѣчахуться Ворота тѣснотою своею. (Ипат. 203). По точному смыслу этого извѣстiя, Ворота находились въ Русской землѣ, близъ Польской границы со стороны Тернавы („обшедше около“), по направленiю къ Белзу и Червеню, т. е. на сѣверо-западной окраинѣ Галицкой земли, гдѣ самыми крайними Русскими городами мы знаемъ Ярославъ и Переворескъ, тепер. Пржеворскъ,

---

(*н*) Такое чтенiе принято въ новомъ изданiи Ипатьевской лѣтописи покойнымъ С. Н. Палаузовымъ, которому я сообщилъ излагаемыя здѣсь соображенiя о положенiи этихъ Воротъ. Въ Полн. Собр. р. Лѣтоп. II „около Наворота“.

близь Вислока. Въ этихъ мѣстахъ мы дѣйствительно видимъ селеніе Пржевратно (Превратно, можетъ быть вм. Предвратье): оно лежитъ въ лѣсистой мѣстности Рѣшовскаго округа, на сѣверъ, верстахъ въ 20 отъ Рѣшова по дорогѣ въ Осѣкъ и Сандомиръ Царства Польскаго, между Хутисками, которыя отмѣчены въ 150 прим. въ области Сана, и на одной параллели съ ними. Мѣстнымъ изысканіямъ слѣдуетъ предоставить рѣшить, на сколько вѣрно это предположеніе, и соотвѣтствуютъ ли окрестности Пршевратна описанію, которое даетъ лѣтопись Воротамъ 1268 г. Какъ кажется, объ этой же мѣстности идетъ дѣло въ извѣстіи той же лѣтописи подъ 1226 годомъ, о войнѣ Данила Романовича съ Лестькомъ. Когда Угры были разбиты подъ Звенигородомъ (что́ близь Львова), и король „смятеся умомъ и пойде изъ земли борзо", Данилъ съ Василькомъ отправился въ Городокъ (теп. Грудекъ на дорогѣ изо Львова въ Перемышль). „Лестькови же въ то время идущу въ помощь (Уграмъ, уже ушедшимъ изъ Галичкой земли), Данилови же бранящю ему не помогати королеви, оному наипаче хотящю; Данилъ же и Василько посласта люди свои къ брату, не даста ему прити (Ипат. 166; Новое изд. 500). „Братъ" — очевидно не нарицательное имя, а географическое названіе мѣстности, гдѣ галицкій князь остановилъ походъ Ляховъ въ помощь Уграмъ. Эта мѣстность должна была быть на сѣверо-западной границѣ Галицкаго княженія, ибо Даніилъ, разбивъ у Звенигорода Угровъ, которые бѣжали на югъ, вмѣсто того, что бы преслѣдовать ихъ, какъ совѣтовали братъ и дружины, направляется на сѣверо-западъ, въ Городокъ, и оттуда ведетъ переговоры съ Лестькомъ, и посылаетъ противъ него войска къ „брату". Этимъ соображеніемъ уничтожается всякое значеніе варіантовъ Хлѣбниковскаго и Ермолаевскаго текстовъ, въ которыхъ читается вмѣсто: къ „брату" — „къ Бугу". Сколько не приходилось намъ читать подробныхъ картъ по крайней мѣрѣ восточнаго Славянства, мы не помнимъ ни однаго географическаго названія подобнаго имени; въ данныхъ же исторической географіи до XVI вѣка такихъ названій положительно нѣтъ. Можетъ быть, переписчикъ или Ипатьевскаго списка, или первоначальнаго варіанта, написалъ по ошибкѣ или недоразумѣнію „къ брату" вмѣсто къ „вратомъ" (у Карамзина, т. IV, прим. 145, стр. 52, въ выпискѣ изъ Волынской лѣтописи приведеннаго нами извѣстія подъ 1268 г.: Ляхове бяху еще не вошли въ свою землю, но токмо въ рота прошли). Въ такомъ случаѣ, Въ рота (Братъ и Бугъ) 1226 года могутъ совпадать съ Воротами 1268 г. Во всякомъ случаѣ существованіе этихъ „Воротъ" на Галицко-Лядскомъ рубежѣ — несомнѣнно. Но кромѣ того есть въ Ипатьевской лѣтописи еще нѣсколько извѣстій, указывающихъ на существованіе такихъ же погра-

пичныхъ укрѣпленій — въ окрестностяхъ Червеня, Дорогичина и Санока, и носившихъ названіе этихъ городовъ, на которыхъ могла лежать обязанность наблюдать и поддерживать эти пограничныя укрѣпленія. Подъ 1285 годомъ читается, что Литва и Ятвяги повоевали Турійскъ, и около Комова... „и бишася у воротъ Червенскихъ, а застава бѣ у Уханяхъ“. Ипат. 157. — Въ 1248 году Ятвяги повоевали около Охожи и Бусовны „гна же по нихъ Василько изъ Володимеря, и угони ѣ, а бывшу ему третій день изъ Володимеря въ Дорогичинѣ, онымъ же бьющимся у Воротъ Дорогычипскихъ, и приде па не Василко (182). И въ томъ и въ другомѣ случаѣ нельзя допустить, что бы говорилось о битвахъ подъ городскими воротами Червеня и Дорогичина. Кромѣ того что городскія ворота назывались не по своему городу, а по мѣстности, которая къ нимъ прилегала (Жидовскія, Лядьскія, Подольскія ворота въ Кіевѣ; Водныя ворота въ Треполи. Ср. Ист. Геогр. Слов.), или же, можетъ быть, по путямъ, на которыхъ они находились; но по самому смыслу лѣтописныхъ извѣстій, въ этихъ воротахъ надо разумѣть порубежныя подгородныя укрѣпленія. Наконецъ въ Волынской же лѣтописи Санокъ названъ Угорскими воротами (1231 г. Ип. 171). До настоящаго время названія, напоминающія древнія „Ворота“—очень часто встрѣчаются именно на старинныхъ порубежьяхъ (Воротецъ, Воротынецъ, Воротынскъ и пр. Въ Уманскомъ у. Подольской г. есть сел. Приворотье. См. Пресс., Модестъ l. c. 55). Подобныя же порубежныя укрѣпленія, были и у другихъ Славянъ. У Чеховъ brány zemské или brany stražné, custodiae porta, custodiae claustra, porta terrae, porta provinciae, munitio in custodia, in ipsa regionis janua—Slovanské pravo I, 92 и слл. На Руси, на порубежныхъ мѣстахъ мы увидимъ много мѣстностей съ названіями, напоминающими такія же обороны: Боронія, Бронки, Брапицы и т. п., а также Стражи.

[152]) Такіе лѣсныя Осѣки указываются въ 1 Новгор. лѣтописи подъ 1137 г.: Псковичи (при приближеніи Новгородскаго войска)... бяхуть ся устерегли: засѣкли Осѣки всѣ. П. С. Л. Т. 8. Объ Осѣкахъ упоминается въ этой лѣтописи и подъ другими годами: въ Польшѣ по поводу похода Льва на Краковъ въ 1280 году, близъ Кропивницы (тен. Koprzywnica) на Вислѣ, вѣроятно на мѣстѣ нынѣшняго города Осѣка; указываетъ Ипат. лѣт. и у Ятвяговъ, подъ 1255. (ibid 191).

[153]) Указаніе на твердь, укрѣпленіе на Угорско-Русской границѣ мы находимъ въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Угорскаго короля Гейзы II, союзника Изяслава Мстиславича на Володимірка Галицкаго въ 1152 (Лавр. 145, Ипат. 61): „Приде король съ Угры и со

Мстиславомъ, и вшедъ въ землю Володимеркову сташа, бѣ бо день неделя.. Володимерку же не дадучю внити въ свою землю рати и срѣте и... (слѣдовательно на границѣ, къ которой подошолъ Гейза II). На утріе же день вставъ король поиде, Володимерю же выступля назадъ, за твердь ста".. Не выдержавъ натиска Угровъ, Владимірко отступилъ къ Перемышлю, откуда завелъ переговоры съ Гейзою, надѣясь уладиться съ нимъ до прихода Изяслава Мстиславича, который между тѣмъ приближался изъ Кіева. Гейза не принялъ однако предложеній Галицкаго князя, дождался Изяслава, и Галичане потерпѣли, какъ извѣстно, подъ Перемышлемъ страшное пораженіе. Такъ разсказывается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Въ Ипатьевскомъ встрѣчается нѣсколько новыхъ подробностей объ этомъ походѣ, но обстоятельства его очевидно спутаны составителемъ или переписчикомъ, можетъ быть, имѣвшимъ подъ рукой два разсказа — тотъ, которымъ пользовался Лаврентій, и другой, тому неизвѣстный. Ипатьевская лѣтопись говоритъ о походѣ Изяслава Мстиславича изъ Кіева черезъ Дорогобужъ во Владимиръ Волынскій и Ярослава къ Перемышлю, соединеніи его съ Гейзою II у Перемышля, и о битвѣ подъ Перемышлемъ; но какъ явился Угорскій король въ Галицкую землю — она не знаетъ. Слова Лаврентьевскаго списка: „И вшедше въ землю Володимеркову (въ Ипат. Галицкую).. Володимерко за твердь ста", приведены ею до-словно въ описаніи начала битвы подъ Перемышлемъ, такъ что Перемышль является уже пограничнымъ городомъ Галицкой земли, а твердь какимъ то подгородпымъ укрѣпленіемъ, на Санѣ, ниже Перемышля. Такъ принимаетъ И. В. Бѣляевъ (О распростр. Геогр. Свѣд. въ древн. Россіи Зап. II. Геогр. Общ. VI. 138). Карамзинъ (II. 154) говоритъ, что Гейза и Изяславъ должны были соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ, и въ пр. 347—348 къ тому же тому сдѣлалъ выписки изъ Ипатьевскаго списка. С. М. Соловьевъ оставляетъ это мѣсто безъ дальнѣйшихъ разъясненій (II. 195). Путь Венгерскаго короля и въ 1152 году вѣроятно былъ тотъ же, что́ въ 1150 г. — именно на Сапокъ (Ипат. 52), черезъ городъ Спино (см. Спиеволодско въ Венгріи на рѣкѣ Чирокѣ) черезъ селенья Стакеснинъ (Ростока), Старину Полену, Руску, и горами къ Галицкимъ селамъ Ростоки, Чисна и т. д. (по дорогѣ въ Сапокъ). Здѣсь за Карпатами близъ верховьевъ Чирока—сел. Острозница.

[154]) См. выше стр. 35 — 36. До появленія трудовъ С. А. Гедеонова („Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ", и „Варяги и Русь"), Д. И. Иловайскаго („Разысканія о началѣ Руси") и И. Е. Забѣлина („Исторія Русской жизни"), Норманское происхожденіе Руси казалось дѣломъ порѣшеннымъ, можетъ

быть, отчасти благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыя была поставлена Русская историческая наука, по главнымъ образомъ потому, что на разработку вопроса въ этомъ направленіи были обращены почти всѣ лучшія силы дѣятелей по Русской исторіи, которые и создали стройную систему, основанную по-видимому на критически провѣренныхъ основаніяхъ. Представительство этой школы ученыхъ съ достоинствомъ держитъ маститый академикъ А. А. Куникъ. Съ этой школой обязательно долженъ ознакомиться каждый начинающій изучать Русскую исторію, не только потому, что писатели извлекли, обработали и систематизировали почти весь наличный матеріалъ по этому вопросу, но и ради освоенія съ строго выработанными ею пріемами исторической критики. По при всемъ томъ добытые ею результаты неудовлетворительны. Желательно, чтобы при тѣхъ качествахъ, обусловливающихъ полную успѣшность и плодотворность труда, которыя выказали уже упомянутые выше антинорманисты, послѣдователи и приверженцы создаваемой ими теоріи, могли похвалиться осторожностью и выдержанностью въ изслѣдованіи, на сколько имѣютъ на то право создатели теоріи, противъ которой они возстаютъ, и которая по всѣмъ признакамъ отжила свой вѣкъ.

[155]) См. выше, стр. 103, и 129 — 130.

[156]) Различныя мнѣнія, высказанныя въ Русской исторической литературѣ по вопросу объ отношеніяхъ древне-Славянскихъ земель къ Русскимъ княженіямъ указаны въ Рус. Ист. К. П. Бестужева—Рюмина 1. 159 и слд. — Л. П. Майковъ (Замѣтки. 49.) не соглашается съ высказаннымъ нами положеніемъ, что присоединеніе къ Русскому государству земель вообще не нарушало ихъ цѣлости,— и игнорируетъ другое, что превращеніе земель въ княжескія волости съ естественнымъ послѣдствіемъ—возвышеніемъ центральныхъ городовъ не могло однако уничтожить прежняго земельнаго дѣленія, прежніе рубежи, и т. д. См. выше стр. 93. Г. Майковъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе историка С. М. Соловьева, что съ началомъ дѣятельности князей Рюриковичей совпаденіе границъ племенныхъ и земельныхъ было нарушено, и въ послѣдующемъ дѣленіи земель или волостей между князьями мы не можемъ отыскать прежняго основанія. (Соловьевъ III. 25—26 по 4 изд.). Но основаніе это усматривается именно въ томъ обстоятельствѣ, что земли входили въ составъ княжескихъ волостей—по крайней мѣрѣ въ первое время въ полномъ своемъ составѣ, да и раздроблять ихъ, при многочисленности земель, не было никакого повода, пока княжескій родъ не размножился; мы видимъ напротивъ, что въ составъ княженій входятъ по двѣ, а въ Кіевское вышло цѣлыхъ три. Замѣтимъ здѣсь, что Полоцкая вѣтвь Кривичей — сложились въ осо-

бую землю раньше появленія Рюриковичей, а Дреговичи, которыхъ С. М. Соловьевъ подѣлилъ между Полоцкомъ и Кіевомъ, не принадлежали къ Полоцку даже въ началѣ XII в., по прямому указанію лѣтописи. (См. выше 124 — 125). Проф. Ключевскій въ изслѣдованіи о Боярской Думѣ проводитъ это дробленіе земель еще шире (25—26). Но дробленіе началось уже на глазахъ исторіи, сопровождалось борьбою князей, которая была тѣмъ упорнѣе, что въ ней принимало участіе населеніе. Такъ Изборскіе Кривичи, прежде того тянувшіе къ Полоцку, отошли къ Новгороду; но это совершилось уже при Рюриковичахъ, и едва-ли такое усиленіе Новгородской земли не было одною изъ причинъ постоянныхъ войнъ Полоцкихъ князей, начиная съ Брячислава, которому уже въ 1021 Ярославъ В., долженъ былъ возвратить два —конечно Полоцкіе города—Въсвятъ (Усвятъ) и Видебскъ (Витебскъ); тоже было и со Псковомъ, присоединеннымъ къ Новгороду. Соф. Врем. П. С. Л. V. 134. Затѣмъ мы видимъ, какихъ усилій стоило князьямъ Ярославичамъ оторвать отъ Полоцкой земли Ръшу (Оршу) и Копысъ, и какъ неудачно, не смотря на всѣ побѣды Мстислава Вел., окончилась попытка нарушить цѣлость этой же земли, выдѣливъ изъ нея въ особую княжескую волость Минскъ. Съ другой стороны въ Новгородѣ еще въ концѣ XII в. не забывали, что знаменитый Полоцкій князь — чародѣй Всеславъ „ходилъ на Новгородъ, и взялъ Ерусалимъ церковный и сосуды служебныи и погостъ за Полтескъ (Ип. подъ 1180 г. П. С. Л. II 120). Въ предлагаемомъ изслѣдованіи приведены данныя, несомнѣнно свидѣтельствующія такую же крѣпость и опредѣлительность и другихъ земель. Все это даетъ намъ основаніе не принимать вполнѣ безусловно возраженій г. Майкова, ни теоріи проф. Ключевскаго относительно старо-городскихъ волостей Славянства и племеннаго дѣленія его, будто бы представленнаго въ „Повѣсти временныхъ лѣто“.

[157]) Отъ тѣхъ Словѣнъ розидошася по землѣ и прозвашася имены своими а се тѣ же Словѣни Хорваты Бѣлии, Серебь и Хоружанс. Лавр. 3. У Конст. Порфирор. De administr. Imp. c. 31.

[158]) И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверены, Радимичи, а съ Улучи и Тѣверци имяше рать. Лавр. 10. — Подъ 907 г. Олегъ въ походѣ на Грековъ поя множество Варягъ и Словѣнъ и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣби, и Тиверци, яже суть Толковины си вси звахуться Великая Скуѳь. 12. Д. И. Иловайскій, доказывая родство Улучей и Тиверцевъ съ Болгарами — Славянами, объясняетъ это мѣсто такъ, какъ будто бы лѣтопись замѣчаетъ, что племена эти (собственно ихъ мѣстожительство) у Грековъ назывались Великая Скуѳь. Но во 1) въ этомъ мѣстѣ лѣтопись

не упоминаетъ во все объ У л у ч а х ъ; а во 2) выраженіе: с и в с и з в а х у т ь с я очевидно относится ко всѣмъ исчисляемымъ лѣтописью племенамъ; изъ болѣе внимательнаго разбора текста можно понять, что лѣтописецъ счелъ нужнымъ сдѣлать эту прибавку: „си вси звахуться Великая Скуфь“, въ тѣхъ видахъ, что бы не ввести читателя въ заблужденіе относительно объема речепія Т о л к о в и н ы, которымъ онъ характеризуетъ однихъ только Тиверцевъ. Т о л к о в и н ы объяснялось различно; но остается загадочнымъ словомъ. Любопытна замѣтка г. Ом. П а р т ы ц к а г о (Темпи мѣстця въ „Словѣ о Плъку Игоревѣ.“ Ч. I. У Львовѣ 1883) по поводу употребленія этаго речепія въ Словѣ о Плъку Игоревѣ: „Сынахоуть ми тоулы п о г а н ы х ъ Т л ѣ к о в и н ъ великый женчюгъ на лоно“. Намъ дивно, что слово такъ легке до выясненіе и жіоче еще нынѣ въ устахъ Русскаго люду наробило критикамъ отъ Мусина — Пушкина почавши, такъ богато непріемностей (т. е. непріятностей — польск. n i e p r z y j e m n o ś ć). Въ „Словѣ“ относится тое (это) выраженіе до Половцевъ ужите (употреблено) въ смыслѣ згордномъ (презрительномъ). У Гуцуловъ „т л у к ъ“ означае сволочь, погань, тумапъ, дурень, — и въ томъ значенію ужите тое слово Федьковичемъ въ поэзіи (поэмѣ) Порука (стр. 10). Весьма важно очень мѣткое замѣчаніе г. Партыцкаго о томъ, что прямая форма (имен. пад. ед. отъ Т о л к о в и н ы род. множ. Толковинъ, должна быть не Т о л к о в и н ъ а Толковина (женск. рода), а ибо въ противномъ случаѣ, во множ. ч. должно бы отпасть прирашеніе и н ъ,—и въ род. под. было бы не Т о л к о в и н ъ, а Т о л к о в ъ. Въ формѣ Т о л к о в и н а, по справедливому замѣчанію г. П а р т ы ц а г о, какъ въ сборномъ словѣ, яснѣе выражается понятіе презрительности (погордливости). стр. 10. Въ этой выпискѣ принято историческое правописаніе русское, единственное по нашему мнѣнію, осмысленное.

[159]) Подобныя названія встрѣчаются также далѣе на сѣверъ, на верхнемъ Днѣстрѣ и даже въ области Вислы. Таковы: Т и р а в а сел. къ с. отъ Самбора, Т и р а в а Вольска и Тирава Сольна къ в. и с. отъ Санока, въ верховьяхъ Варга; Т а р н о в а Горпа, къ ю. отъ того же города; Т а р н о в ъ г. на Дунайцѣ, Т а р н о г р а д ъ къ югу отъ Бѣлгорая, Тарногура и др.

[160]) Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн. I. 235.

[161]) См. К а р а м з и н ъ И. Г. Р. 1. пр. 362. Ш а ф а р и к ъ Слав. Древн. § 28 утверждаетъ, что, по всѣмъ свидѣтельствамъ. Улучей надо признать сосѣдями Древлянъ, Тиверцевъ и Печенѣговъ, и объясняетъ извѣстія нѣкоторыхъ списковъ лѣтописи о поселеніи ихъ по нижнему Днѣстру тѣмъ, что они распространились по обѣимъ сторонамъ Буга до самаго Днѣпра. Впослѣдствіи, тѣснимые безъ сомнѣнія

напливомъ Печенѣговъ, они перешли въ область Сѣверянъ на рѣкѣ Воинъ, теперь называемую Вьюнкою, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Осетръ (Остеръ, иначе Естръ, откуда въ рукописяхъ испорченное Дестръ, Дрестъ, Днѣстръ) Starož. Slov. 1837. II. 548.

[62]) Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи І. О. Свенгельдѣ и Угличахъ. См. рецензію академика А. Ѳ. Бычкова въ „Отчетѣ о XIV присужденіи наградъ гр. Уварова". Ф. К. Брунъ въ изслѣдованіи „Слѣды древняго рѣчнаго путя изъ Днѣпра въ Азовское море" (Черном. I.) старается доказать, что Угличи (онъ признаетъ только это чтеніе) обитали на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ углѣ, образуемомъ нижнимъ теченіемъ этой рѣки и западнымъ берегомъ Азовскаго моря, который будто бы былъ извѣстенъ нашимъ предкамъ подъ названіемъ Лукоморья (стр. 101). Это мнѣніе почтенный изслѣдователь подтверждаетъ ссылкою на лѣтописное сказаніе о извѣстномъ походѣ Игоря Святославича на Половцевъ, гдѣ Русскіе князья, послѣ первой удачной стычки съ Половцами, похваляются идти за Донъ и, „оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣды наши". Лавр. 168. По изъ этого видно только, что дѣйствительно Русскіе знали, что у устьевъ Дона быма морская излучина, пожалуй заливъ (ср. лука моря въ разсказѣ Гюряты Роговича). Собственно же Лукоморьемъ обозначалось на Руси излучистое побережье Чернаго моря, къ западу отъ Днѣпровскаго лимана, — или можетъ быть западная сторона Лимана. Половцы, кочевавшія у этого побережья называются Лукоморскими; они являются близъ Канева, у гор. Товарова (близъ р. Роси) и Кульдеюрева, — и они ясно отличаются лѣтописцемъ отъ ихъ сородичей, кочевавшихъ по ту сторону Днѣпра (Ипат. 1191—1193, стр. 141—142). Ф. К. Брунъ ссылался, въ подтвержденіе своего мнѣнія, на Арцыбышева (Повѣствов. о Россіи т. I. 252, прим. 1569); но Арцыбышевъ высказалъ свою догадку очень осторожно (съ оговоркою „вѣроятно"), и очевидно спуталъ, не вникши въ лѣтописный текстъ. Подъ 1193 годомъ читаемъ: Посла Святославъ къ Рюрикови: се ты снимался съ Половцы Лукоморскими, что было въ предшествовавшемъ году, при чемъ Рюрикъ, одарилъ Половцевъ дары многи, и водивъ ихъ къ ротѣ, и отпусти ихъ восвояси... Все дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1190 г. Святославъ, номинальный великій князь Кіевскій, заарестовалъ Торцкаго князя (изъ мирныхъ Черныхъ Клобуковъ) Кондувдѣя или Куитувдѣя по обадѣ (по наговору); но по заступничеству Рюрика Ростиславича (владѣвшаго всею Кіевскою землею, кромѣ Кіева), который считалъ его нужнымъ для Руси человѣкомъ, Куитувдѣй былъ освобожденъ, по приведеніи къ ротѣ, и — бѣжалъ къ Половецкому хану Тоглыю или Итоглыю, котораго и на-

чалъ поднимать на Русь, како бы сму мстится сорома своего Святославу (Ипат. 139). Вражда была прекращена черезъ два года Рюрикомъ, который устроилъ снемъ съ Половцами, пріютившими Куптувдѣя, договорился съ ними, „а Куптувдѣя остави у себе, и да сму городъ на Рси,—Дверенъ, Русскія земли дѣля“ (1192. 141). Про этотъ то съѣздъ въ слѣдующемъ 1193 году Святославъ говоритъ Рюрику: „се ты снимался съ Половцами съ Лукоморскими; а нынѣ пославъ по Половцы по вся, по Бурчевича“, и посла Рюрикъ по Лукоморскіе Половцы, по Акуша, и по Итоглыя (конечно тотъ, къ которому бѣжалъ Куптувдѣй), по Бурчевича, по Осолука и по Изая. Осенью князья съѣхались въ Каневѣ. „И посла Рюрикъ сына своего Рославлава противу Лукоморскимъ Итоглыя и Акуша къ собѣ въ Каневъ; а Бурчевича пріѣхаша по оной сторонѣ Днѣпра противу Каневу, и не ѣхаша на ту (то есть на эту) сторону“ (142). Ясно, что Лукоморскіе Половцы шли по Каневской, то есть правой сторонѣ Днѣпра. Въ набѣгахъ Русскихъ дружинъ на кочевья этихъ же Половцевъ упоминается р. Ивля. въ которой Арцыбышевъ угадываетъ рѣку Базувлукъ (Бузувлукъ), вливающуюся въ нижній Днѣпръ съ правой стороны. Все это неопровержимо свидѣтельствуетъ противъ мнѣнія, высказаннаго г. Бруномъ. Д. И. Иловайскій, считая Улучей и Тиверцевъ Болгарскимъ поколѣніемъ Славянства (къ нему онъ причисляетъ и Волынянъ), утверждаетъ, что „Лѣтопись назначаетъ имъ предѣлы слишкомъ тѣсные, такъ какъ они по всѣмъ признакамъ, отъ Днѣстра сидѣли не только къ западу, не только до Дуная, но и къ в. до Днѣпра или до Азовскаго моря“ (Разысканія, 2-е изд. 285). Между тѣмъ какъ племя Угличей жило преимущественно между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Тиверцы, въ которыхъ изслѣдователь видитъ часть Черноморскихъ Болгаръ (собственно Тырячи, Таврячи ?) безъ сомнѣнія обитали между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, и здѣсь ихъ поселенія сходились съ поселеніями Руси или древнихъ Роксолановъ (ibid. 288).

[165]) См. выше прим. 162. — Сближеніе названія Улучей съ лукоморьемъ впервые сдѣлано С. М. Соловьевымъ. Ист. Росс. I.

[164]) Отчетъ о XIV прис. наградъ гр. Уварова. 96 прим. 45.

[165]) Ibid. 95.

[166]) Const. Porph. De Administrat. Imp. c. 37.

[167]) Послѣднее извѣстіе о войнѣ Руси съ Улучами въ 914 году находится во всѣхъ спискахъ Начальной лѣтописи, кромѣ древнѣйшихъ Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго.

[168]) Анонимъ (Regis Bolae Notarius) сообщаетъ извѣстіе о переходѣ Руссовъ за Карпаты вмѣстѣ съ Мадьярами: „Multi de Ruthe-

nis Almo Duci adhaerentes secum in Pannoniam venerunt, quorum posteritas usque in hodiernum diem per diversa loca in Hungaria habitat. Gesta Hungar. § 10 Endlicher, Monum. Arpadiana S. Galli 1849. Ср. Bidermann, D. Ung. Ruthenen. 1. Theil, 6, гдѣ приведены и другія извѣстія о выселеніи Руси за Карпаты. О недостовѣрности хроники Анонима см. выше прим. 117. Впрочемъ извѣстіе ея о колонизаціи Угорской земли Русскими могло основываться и на народныхъ преданіяхъ, и потому заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Мадьярскій лѣтописецъ Симонъ Кеза называетъ Карпатскія горы, извѣстныя нашей лѣтописи подъ именемъ Угорскихъ,—Русскими (Ruthenorum Alpes.—Simonis de Keza Gesta Hunnorum et Hungarorum. Ср. Я. Ѳ. Головацкаго, Карпатская Русь. Ж. М. Пар. Просв. 1875. т. 179 351.—).

[169]) См. Jireček Slovan. Pravo. 47.

[170]) Это видно изъ сопоставленія слѣдующихъ мѣстъ Начальной лѣтописи: „Бужане заше сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне“ (второй перечень Славянскихъ вѣтвей) и (въ третьемъ)—„Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне“: Лавр. 5.

[171]) Ходаковск. Русск. Истор. Сборн. I. 8.

[172]) Болеславъ, посадившій Святополка на Кіевскій столъ, узнавъ о избіеніи пришедшихъ съ нимъ Ляховъ.....побѣже изъ Кіева.....и городы Червенскіе зая собѣ и приде въ свою землю. Лавр. 62. Авторъ чрезвычайно интересныхъ замѣтокъ „Поѣздка въ Червонную Русь,“ помѣщенныхъ въ Варшавскомъ Дневникѣ 1865 года (NN. 244, 246. 248), сообщаетъ о Чермно слѣдующіе подробности: „Отъ Грубешова Чермно будетъ верстахъ въ 22, отъ Замостья въ 30, отъ Тышовцевъ въ 15, (на с. Пересну, а прямо верстъ 5); отъ Вакіёва же, гдѣ приходская церковь, въ полуторѣ версты. Деревня Чермно лежитъ нѣсколько поодаль отъ Гучвы, и съ юга обмывается ручьемъ, который течетъ отъ сел. Пересны, и впадаетъ въ Гучву подъ именемъ Грабаровскаго Рва. Ближе къ рѣкѣ господскій домъ (тогда графа Роникера, литовскаго уроженца). Авторъ не могъ взойти на городище, находящееся у деревни, за разливомъ Гучвы. „Замѣчу мимоходомъ, говоритъ онъ, что вся мѣстность отъ Холма къ востоку и югу низка и болотиста. Городище состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей или земляныхъ укрѣпленій неправильной формы, лежащихъ въ рядъ отъ рѣки къ деревнѣ, окруженныхъ остатками вала со стороны деревни же. Собственно Городищемъ [или Замчискомъ называется передовое у самой Гучвы. Говорили мнѣ, что на одномъ изъ нихъ когда то открыты были слѣды каменной стѣны..... На полѣ у господскаго двора, называемомъ Золотою Горкою, попадались нерѣдко кирпичи подъ плугъ.... При закладкѣ основа-

нія новаго дома на дворѣ была найдена часть каменной стѣны. Достойны вниманія названія двухъ мѣстъ: одно возлѣ Городища называемое Подъ-монастыремъ, а другое за Золотою Горкою—Червенецъ. Значитъ, былъ тутъ монастырь, а Червенецъ не указываетъ ли на имя Червеня, изъ котораго образовалось и нынѣшнее Чермно." Очень важное сообщеніе мѣстныхъ жителей передастъ авторъ, что Чермно было когда то обширнѣе, ибо къ нему принадлежалъ противуположный берегъ Гучвы, на которомъ есть также слѣды укрѣленій, поросшихъ дремучимъ боромъ."

[173]) См. выше стр. 96 и прим. 159.

[174]) Въ Никоновской лѣтописи подъ 992 годомъ I. 104 есть извѣстіе: ходи Володимеръ въ Суздальскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣже съ Володимеромъ два епископа Оотѣя патріарха. И заложи тамо градъ въ свое имя Володимеръ на рѣцѣ на Клязмѣ и церковь внемъ постави дервяну пречистыс богородицы." Тоже въ Соф. Врем. Полн. Соб. Р. лѣт. V. 120. Владиміра на Клязмѣ не было еще въ концѣ XI вѣка, что очевидно изъ описанія борьбы за Ростово-Суздальскую землю между Олегомъ Святославичемъ и Мономашичами въ 1096 г. (Лавр. 107—109 ср. также Погод. Изсѣд. IV. 279), и онъ могъ быть поставленъ Мономахомъ. Въ такомъ случаѣ это извѣстіе или невѣрно хронологически, или же оно должно относиться къ Владиміру Волынскому, уже существовавшему при Владимірѣ Святомъ. и основанному несомнѣнно этимъ княземъ.

[175]) И посади (Володиміръ)... Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани. Лавр. 52.

[176]) Ditmari Episc. Merseburg. Cronicon VII. 244.

[177]) Лавр. 64—65. Тен. Белзъ въ Австрійской Галиціи на лѣвомъ притокѣ З. Буга Солокахъ, близъ границы съ Волынью.

[178]) Это извѣстіе находится только у Татищева II. 117. Оно подтверждается притязаніями, которыя имѣли на Володимірскую землю и на земли, связанныя съ нею, сыновья Ростислава. Ср. С. М. Соловьевъ Ист. Росс. II. пр. 32. Въ Начальной лѣтописи записано подъ 1064 г. бѣгство Ростислава съ Порѣемъ и Вышатою, сыномъ Новгородскаго посадника Остромира въ Тмутаракань; подъ 1065 — его смерть (Лавр. 70-71). Упоминовеніе сына Новгородскаго посадника не даетъ еще основанія полагать, что бѣгство было предпринято изъ Новгорода.

[179]) Извѣстія объ этомъ захватѣ Перемышля представляетъ Длугошъ Historiae Polonicae Lib. III pp 267—268. (edit. Lips. 1740). Подробности, сообщаемыя имъ, заслуживаютъ недовѣрія уже по самой точности и обстоятельности, съ какой они у него изложены. По

подлинность самаго факта подтверждается ходомъ событій, какъ онъ представленъ въ нашихъ и польскихъ источникахъ. О нападеніяхъ на Волынь изъ Перемышля см. 1073 г. pp. 271—272. Длугошъ объясняетъ ихъ желаніемъ Болеслава возстановить на Кіевскомъ столѣ Изяслава, котораго права, по его же разсказу, были возстановлены за два года предъ тѣмъ. Критика извѣстій Длугоша сдѣлана И. А. Линничепко въ изслѣдованіи „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV. Кіевъ 1884 ч. I. 110 и сл. Г. Линничепко отвергаетъ извѣстіе Длугоша о захватѣ Болеславомъ Перемышля (116—118); но доводы его мы не можемъ признать убѣдительными. Какъ ни спутано изложеніе дѣла у Длугоша, ему не было никакой надобности выдумывать фактъ такого захвата, тѣмъ болѣе, что этотъ фактъ ставилъ его въ довольно непріятную необходимость объяснять далѣе причины отпаденія Русскихъ владѣній отъ Польши, причины, которыя онъ видимо старается замаскировать (См. прим. 180). Правда, извѣстіе Длугоша не подтверждается Русской лѣтописью,— но мы знаемъ, что она вообще скупа на извѣстія о событіяхъ на Русскихъ окраинахъ, — между тѣмъ какъ ни въ общемъ ходѣ событій, ни въ складѣ историческихъ обстоятельствъ не представляется ничего такого, что могло-бы противорѣчить разбираемому сообщенію Длугоша.

[180]) Длугошъ сообщаетъ, подъ 1081 г., что Василько Ростиславичъ, узнавъ объ изгнаніи Болеслава изъ Польши и о возникшихъ вслѣдствіе того смутахъ, съ наемными войсками напалъ на Польшу и овладѣлъ нѣсколькими укрѣпленіями (aliquibus munitionibus conquisitis). III. 300. Далѣе подъ 1092 годомъ (IV. 316—317), онъ говоритъ о возстаніи въ Русскихъ областяхъ Польши, о нападеніи Русскихъ, которое не хотѣлъ или не могъ остановить Владиславъ. Извѣстіе это, невыгодное для такой характеристики отношеній Польши къ Руси, какую имѣлъ въ виду представить Длугошъ, изложено вообще темно и запутано. Но, кажется, что настоящій смыслъ его открывается въ заключительныхъ его словахъ: Itaque sub unius anni tempore terrarum Russiae justa et continuata possessio propter principis desidiam a Polonorum ditione subducta est Ruthenis non tam ex injusto et avaro regimine quam ex ritus in fide disparitate Polonorum imperium quam maximea horrentibus. Дѣло идетъ слѣдовательно о потери Польшею цѣлой Русской области; а изъ Русскихъ земель ей принадлежала тогда только Перемышльская. Замѣтимъ здѣсь, что, соображая всѣ извѣстія нашихъ и польскихъ источниковъ, нельзя не придти къ заключенію, что возвращеніе Перемышля тѣсно связано съ борьбою, которую велъ въ то время Мономахъ съ Ярополкомъ Изяславичемъ, имѣвшимъ Ляховъ постоянными союзниками.

[181]) 1097... роздан Всеволодъ городы... Ростиславичамъ Перемышль Володареви, Теребовль Василькови. Лавр. 109.

[182]) 1086. Лавр. 88 Звенигородъ —въ Бережанскомъ округѣ близь Львова — по своему географическому положенію долженъ быть отнесенъ скорѣе къ Теребовльскому, чѣмъ къ Перемышльскому удѣлу, и такимъ образомъ,его можно признать частью Червенской земли. Былъ ли то военный походъ или простая поѣздка Ярополка въ Звенигородъ, изъ словъ лѣтописца опредѣлить трудно. Въ Ипатьевскомъ спискѣ ся есть извѣстіе, подъ тѣмъ же годомъ: „ходи Всеволодъ къ Перемышлю“ (ibid 89); оно должно быть въ близкой связи съ убійствомъ Ярополка, и съ бѣгствомъ убійцы его Нерадца къ Перемышльскому князю.

[183]) Галичъ упоминается въ первый разъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ только въ первой половинѣ XII в. Въ 1138 году Галичане являются союзниками Ярополка Мономашича въ его усобицѣ съ Ольговичами. Лавр. 133.—Подъ 1144.—Галичъ см. Ипат. 20. Въ Патерикѣ Печерскомъ, въ сказаніи о Прохорѣ Черноризцѣ: Егда же Святополкъ съ Давидомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ... и не пустиша (Василько и Володарь) гостеи изъ Галича, ни людеи отъ Перемышля, и не быть соли во всеи Роускои земли. Изд. В. А. Яковлева, Памятн. Русск. литер. XII—XIII в. стр. 154.

[184]) См. выше прим. 178.

[185]) .... Лавр. 103.

[186]) Всеволодъ Олеговичъ, занявши Кіевскій столъ, успѣлъ присоединить Волынь къ волостямъ своего племени, выведя изъ Володиміря Изяслава Мстиславича въ Переяславль, а на его мѣсто посадивъ сына своего Святослава (1142 Ипат. 19). Но тотчасъ же по его смерти Изяславъ снова овладѣлъ Волынью, изъ которой только пять городовъ оставилъ Святославу въ держанье, (ibid. 31).

[187]) Въ началѣ XIII в.

[188]) Любачевъ былъ уступленъ изъ Галичскихъ городовъ Угорскимъ королемъ Андреемъ при занятіи Галича (около 1215 года) воеводѣ Якославу. (Ипат. лѣт. подъ 1213 г. стр. 160. Теп. городъ на р. Любачевкѣ). Ярославль извѣстенъ съ 1152 г. (ibid. 67 — теп. Ярославъ на Санѣ, ниже Перемышля. Перевореск, захваченный Поляками у Льва Даниловича Галичскаго, на рѣчкѣ Млечкѣ, притокѣ Сана.

[189]) О Братахъ Галицкихъ см. выше, прим. 151; о положеніи Першеврата стр. 88.

[190]) Сводъ историческихъ данныхъ о юго-западныхъ границахъ Руси съ Польшею и Угріей сдѣланъ очень обстоятельно А. И. Добрянскимъ въ статьѣ: О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси въ Журн. Министр. Пар. Просв. 1880. т. 208 стр. 134.

[191]) Грамота, данная Казимиромъ Великимъ Калочицкому войту Петру въ 1348 г., напечатана Зубрицкимъ въ его „O granic. między Rusk. i Polsk. narod. w Galicyi, Lwów 1849“ str. 4 — 9, и перепечатана въ Геогр. Словарѣ Русской земли IX — XIV в. Вильна 1865. По изслѣдованіямъ Австрійскаго этнографа Чернига (Ethnographie d. Oesterr. Monarch. von K. Freiherr von Czörnig), теперешнею этнографическою границею Польско-Русской народности въ Галиціи можно признать р. Санъ, такъ — что область Польскаго языка совпадаетъ съ областью Краковскаго округа по послѣднему административному дѣленію. Впрочемъ верхнія теченія Попрада (до деревни Mniszek), Бялой (почти до гор. Грабова), Роны (до дер. Роны, нѣсколько выше, гор. Горлицы), Вислока Вислянскаго (почти до Змыгрода и Осѣка), и Нела до Дуклы онъ уступаетъ Русскому языку. Далѣе на сѣверъ границу онъ полагаетъ по водораздѣлу между Вислокомъ Сапоцкимъ и Саномъ, такъ что Перевореск ъ, исторически извѣстный, какъ Русскій городъ, находится уже въ Польской области, Ярослав ъ же, лежащій къ юго-востоку отъ Перевореска, Черингъ называетъ польско-нѣмецкимъ, „der polnisch-deutsche Jaroslau“ 1-er Band, 1-te Abth. S. 40; см. также Этнограф. карт. Чернига). Конечно эти указанія не могутъ быть приняты, какъ безусловно достовѣрныя; они требуютъ повѣрки уже потому одному, что противорѣчатъ историческимъ свидѣтельствамъ о распространенности Русской народности. По указаніямъ А. И. Добрянскаго (см. прим. 190), тен. Русское населеніе начинается въ Галичинѣ отъ самаго Дунайца подъ Татрами, въ близкомъ разстояніи отъ Кракова, гдѣ находятся Русскія селенія: Шляхтова, Яворки, Черная Вода, Бѣлая Вода, Зубринъ, Верхомля Великая Верхомля Малая, Ростока Малая, Золотое, Чачовъ, Матѣева, Котовъ, Богуша, Королевка Русская, Вингарова, Флоринка, Ласкова, Лоси, Бѣлянка, Мушина Малая и Великая, Бодпарка, Теклинъ, Клопотница, Пильгримка, Маркова, Березово, Скальникъ, Куты, Ивля, Хирова, Торстяна, Завадна, Балудянка, Вольна, Лядинъ, Вробликъ, Беска и т. д. Вообще между р. Дунайцемъ и Вислокомъ находятся 172 Русскихъ селенія съ 129 Русскими церквями, и свыше 90 тыс. Русскихъ жителей (стр. 138). Большая часть изъ указанныхъ А. И. Добрянскимъ мѣстностей находятся на Картѣ Шуберта (N. 39).

[192]) См. ниже, прим. 198.

[193]) Ср. Мацѣіовскій, Истор. первоб. Христ. Церкви у Сл. 24 и слѣд.

[194]) См. выше, прим. 152.

[195]) Ипат. въ П. С. Л. II. 178.

[196]) Положеніе Бани Рудни объясняется изъ обстоятельствъ того событія, по поводу котораго она упомянается. Извѣстно, что передъ самымъ Батыевымъ нашествіемъ на с. в. Русь, Черниговскій князь Михаилъ Всеволодовичъ овладѣлъ Галичемъ, и отдалъ его сыну своему Ростиславу; не успѣвъ еще утвердится въ немъ, Ростиславъ предпринялъ походъ въ степи на Половцевъ. (Въ Ипат. подъ 1235 годомъ: Шедшу же Ростиславу въ поле... и далѣе: Ростиславъ сошелъ есть на Литву (ошибка вмѣсто Половцевъ, см. объ этомъ въ Исторіи Галицк. Княж. Зубрицкаго томъ III, стр. 120, прим. 104). Этимъ воспользовался Даніилъ, и въ отсутствіе его овладѣлъ Галичемъ. Ростиславъ возвращался уже въ Галичъ, но, говоритъ лѣтописецъ, „слышавъ пріятье градское, бѣжа во Угры путемъ, имъ же идяше на Борьсуковъ дѣлъ (въ др. списк. Борьсуковъ-дѣдъ) и пріиде къ Бани, рекомѣй Родна, и оттуда иде въ Угры (Ипат. 175). Такимъ образомъ Баня Родна находилась въ Галицкой области, близъ Угорской границы, между Галичемъ, до котораго не дошелъ Ростиславъ, и полемъ, изъ котораго онъ возвращался,—слѣдовательно на вост. отъ Угоръ и къ западу отъ Борсукова дѣла. Что такое борсуковъ дѣлъ неизвѣстно. Есть Барсучени въ сѣверной части Молдавіи на р. Серетѣ, къ с. з. отъ Батушанъ, и Бурсучена въ южной части Бѣлецкаго уѣзда въ Бессарабіи. Дѣлъ, по замѣчанію Зубрицкаго, значитъ вообще хребетъ; въ такомъ случаѣ Борсуковъ Дѣлъ можетъ быть частью Седмиградскихъ Карпатъ, напримѣръ хребтомъ Кукуреаса (Kukurézsza) *o*), за которымъ, у верховьевъ Большаго Самоша, находится сел. Старая Рудна, на мѣстѣ будто-бы нѣмецкаго города Роденацс, разрушеннаго Татарами (см. Stein, Handbuch d. Geogr. IV, I. S. 606), къ которому ближе всего отнести Баню Родну 1235 года. Есть деревня Рудники въ Коломыйскомъ округѣ, на которую, для соображеній, указываетъ Зубрицкій. Кромѣ того — Rudobanya теперь село, а прежде городъ въ Боршодскомъ комитатѣ миляхъ въ 4 къ сѣверу отъ Машковицъ и въ такомъ же разстояніи къ юго-западу отъ Кошицъ; Рудобанья на извѣстномъ

---

o) Въ Словарѣ Л. Ѳ. Головацкаго указана гора Барсускова, Барсукеу, на границѣ Буковины и Седмиградіи (стр. 28), но къ сожалѣнію безъ болѣе близкаго опредѣленія ея положенія.

пути изъ Галиціи въ Венгрію черезъ Бардуевъ или Бартфельдъ, но слишкомъ далеко отъ мѣста дѣйствія въ событіи 1235 года. Нелишнимъ считаемъ прибавить, что Баня значитъ вообще соловарня, и въ Прикарпатской Руси очень часто употребляется въ значеніи собственнаго географическаго названія и какъ прибавка къ другому географическому названію. (У Закапанныхъ Гураловъ, на Подгалѣ и Оравѣ, bania — значитъ kopalnia; см. проф. А. Вржесніовскаго: Spis wyrazów Podhalskich. Г. Головацкій производитъ это слово отъ итальянскаго bagno, лат. balneum (что значитъ по-русски баня), но очевидно, очень неудачно.

[197]) Географическій отрывокъ, находящійся въ Воскресенскомъ сводѣ Русскихъ лѣтописей (Полн. Собр. Р. лѣтоп. т. VII стр. 240 — 241: „А се имена градомъ всѣмъ Русскимъ, дальнимъ и ближнимъ“) принадлежитъ и теперь къ ряду матеріаловъ, неразъясненныхъ исторической наукою. Самое полное мнѣніе относительно его принадлежитъ Ходаковскому (Истор. Сист. въ Русск. Ист. Сборн. III. 98 — 99). Онъ относитъ его къ 1430 году. — „Это мнѣніе, говоритъ онъ, принадлежитъ мнѣ, ибо Шлецеръ (II. 177) по названію озера Ильмеря считалъ его гораздо древнѣе. Историографъ (II. прим. 117) колебался въ опредѣленіи между XIV и XV вѣкомъ. Воскресенскій списокъ, соединяя Повгородъ Великій и Псковъ съ Залѣсскими городами, показываетъ, что онъ списанъ „послѣ 1489 года“. (Псковъ послѣ 1510 года?); первое же сочиненіе должно отнести ко временамъ Витовта или къ 1420 году, потому — что 1) Задунайская страна подпала вторженію Турокъ, и не знала утвержденной власти; Валахія была подъ покровительствомъ Литовско-Русскаго великаго князя Витовта. Сочинитель по такимъ причинамъ совокупилъ все въ одинъ составъ подъ названіемъ всѣхъ градовъ Русскихъ дальнихъ и ближнихъ; 2) тогда Подольскіе города были отторгнуты отъ Литовскаго правленія, подчинены коронымъ конституціямъ или Польскому языку (Кар. V. прим. 162), и потому у сочинителя называются „Польскіе грады“; 3) тогда Смоленское княжество, также Мценскъ, Корачевъ, Воротынскъ, Оболенскъ, Шерпскъ и прочіе Вятичскіе города по Оку и Угру покорены Витовтомъ, и съ 1396 года принадлежали Литвѣ. Хотя это мнѣніе заслуживаетъ вниманія по одной только категоричности, съ какого оно высказано, но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ пересмотра и провѣрки.

[198]) Чернигъ проводитъ этнографическую Русско-Мадьярскую границу отъ сел. Уй-Салланъ (къ югу отъ Кошицы) по верхнему теченію лѣвыхъ притоковъ Тиссы на Мункачъ, затѣмъ къ Уйлаку на Тиссѣ, къ югу отъ Мункача и на югъ отъ этой рѣки, почти до самаго Самоша (нѣсколько на сѣверо-западъ отъ Сатмаръ-Немета); здѣсь

граница поворачиваетъ снова на сѣверъ къ Тиссѣ, раздѣляющей Славянское населеніе отъ Романскаго. У истоковъ этой рѣки Русско-романское сумежье поворачиваетъ круто на сѣверо-востокъ къ Черновицу на Прутѣ, захватывая верхнія теченія Сучавы и Середа (Ethnogr. d. Oesterr. Monarch. von Freih. von Czörnig 1 B. 1 Abth. S. 51—52). Такіе же предѣлы теперешней Угорской Руси,—т. е. на сѣверѣ и востокѣ — часть Карпатъ, извѣстная у новѣйшихъ географовъ подъ названіемъ Угорскаго лѣса (das Ungarische Waldgebirge), на югѣ — теченіе Тиссы, пока оно не перемѣнитъ западнаго направленія своего на южное,—даетъ и Видерманнъ (см. Bidermann's die Ungar. Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb u. ihre Geschichte 1 Th. 1862. S. 14 — 15). Но Славянскія названія многихъ мѣстностей къ югу отъ Тиссы по притокамъ ея Самошу, Краснѣ и другимъ до самаго Дуная, свидѣтельствуютъ, что и тутъ было первоначально Славянское населеніе Хорватской вѣтви (Horvath сел. на верхнемъ теченіи Краспы, къ сѣверо-западу отъ Клаузенбурга. Еще южнее и ближе къ Клаузенбургу Горбо и т. д. см. выше стр. 80 — 81). А. И. Д-ій въ приведенномъ выше изслѣдованіи рядомъ очень точныхъ положеній, установилъ принадлежность Спишской земли *n*) сперва къ Кіевской Руси, а затѣмъ, съ конца XI или съ начала XII в. къ Польшѣ (l. c. 139 и слл.), и пришелъ къ заключенію, что граница Русской народности и государства въ X и даже въ XI в., проходила

---

n) Спишъ (Scepusium, мад. Szepes—Сепешъ нѣм. Zips — Gesp.), комитатъ съ 1853 г. въ округѣ Кошицкомъ (Kaschau), между Галиціей (съ с.), Шаришскимъ (Scharoscher Gespannschaft) (съ в.), Абауй-Торнянскимъ (Abauj-Tornaer Gesp.) и Гемерскимъ (Gömörer Gesp.) (съ юга), Липтовскимъ (съ з.). Гл. г. Левоча (Leutschau лат. Leucenium, Leustonium). Самое дальнее на зап. Русское поселеніе Остурна, подъ Лемницкимъ верхомъ въ Татрахъ. Въ Русскихъ лѣт. Зѣпишъ упоминается подъ 1211 годомъ, какъ мѣсто свиданія между Андреемъ Угорскимъ и Лешкомъ Польскимъ (П. С. Л. Ипат. 160). Противъ Спишскаго Замка (Zipser-Schloss), котораго развалины существуютъ и до сей поры, на другой горѣ расположенъ Спишскій Капитулъ съ древнимъ храмомъ. Исторически извѣстны мѣстности въ Спишской землѣ: Любовня, гор. (1298), въ которомъ въ 1412 г., былъ заключенъ миръ между Сигизмундомъ Угорскимъ и Владиславомъ Польскимъ; дер. Томаши (1278), Четвертокъ (Opidum S. Ladislai) Четвергъ, Czwartek, Donnerstag (1374), территоріи Падость (Nadosth. 1258), сел. Подолинъ или Подолинецъ (1244), имѣвшее даже укрѣпленіе, Гнѣзда (1298). Ср. А. И. Добрянскій 146 — 147, 154).

не по Сану, даже не по Вислокѣ, а по линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню до сѣверо-восточнаго угла нынѣшняго Липтовскаго Комитата въ Угорщинѣ. Такимъ образомъ здѣсь древняя Русь соприкасалась съ государствомъ Велико-Моравскимъ, а по его паденіи, съ государствомъ Чешскимъ. Граница между древнею Русью, именно между входившимъ въ ея составъ племенемъ Бѣлыхъ Хорватовъ и Чешскимъ государствомъ проходила въ вѣкъ Владиміра Святаго по водораздѣльному кряжу между теченіями Дунайскихъ притоковъ Вага и Грона (Gran), т. е. по отрогамъ горъ Фатры, примѣрно по южнымъ границамъ нынѣшнихъ комитатовъ Липтовскаго, Оравскаго, Турчанскаго, Нитрянскаго и Комарнянскаго. Съ Угорскимъ государствомъ Русь соприкасалась въ то время по Дунаю между гор. Остригономъ (Gran) и Вацовомъ (Waitzen); затѣмъ по низменностямъ, обрамляющимъ горы Вацовскія и мимо гор. Ягра (Эрлау) до р. Шалвы или Сольной (у Я. Ф. Головацкаго: Солопая, мад. Sajo — Шайо), далѣе по этой рѣкѣ до Тиссы, ея ложемъ до впаденія Сама (Szamos — Самошъ), вверхъ по теченію послѣдняго въ нынѣшней Сатмарской области, и въ Семиградьи возлѣ Самошъ Уйвара, до снѣжныхъ Семиградскихъ Альпъ, которые преп. Несторъ не безъ основанія называлъ горами Угорскими; здѣсь утвердились первопачально Угры, оставившіе свое имя Угро-Влахіи. Уважаемый изслѣдователь обѣщалъ представить дальнѣйшія доказательства такого очертанія древнѣйшихъ границъ Руси въ особой статьѣ. О томъ же предметѣ см. въ высшей степени интересное изслѣдованіе Я. Ф. Головацкаго (Карпатская Русь Ж. Мин. Нар. Пр. 1875, т. 179, стр. 352 — 353. Общіе выводы см. стр. 278). Часть Угріи въ Трансильваніи и Седмиградіи называется у Адемара — Черною или Русскою (см. выше стр. 65, прим. 119. Ср. К. Я. Гротъ Моравія и Мадьяры 244 и слл.). О исконныхъ Русскихъ поселеніяхъ въ Молдавіи, въ ея древнемъ объемѣ, когда къ ней принадлежала Буковина, см. изслѣдованіе: Robert Roessler's Romänische Studien Lpz. 1871 (231). Важность этого замѣчательнаго труда для исторической этнографіи Руси вполнѣ оцѣнена проф. В. Гр. Васильевскимъ въ превосходномъ изслѣдованіи его „Византія и Печенѣги“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, т. 164), гдѣ представлены въ переводѣ относящіяся къ вопросу извлеченія (300 — 302), а также и возраженія Чешскаго ученаго Томашка, которымъ также сдѣлана надлежащая оцѣнка.

[199]) Въ договорѣ Игоря дѣло идетъ только о Корсунской странѣ, которая сходилась съ Русскими областями, въ нижнемъ Поднѣпровьи. Аще обрящеть въ вустьѣ Днѣпрьскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяще, да не творять имъ зла никакоже. И да не имѣють власти

Русь зимовати въ вустьи Дѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Елферія. Лавр. 22.

[200]) Лавр. 31.

[201]) Иде Володимеръ на Болгаръ съ Добрынею усемь своимъ въ лодьяхъ, а Торки берегомъ приведе на коних, и побѣди Болгары. Въ Никон. лѣт. прибавлено „на Болгары Низовскія“—слѣд. Поволжскіе. Въ Воскр. лѣт. (VII. 296) извѣстіе озаглавлено: „Побѣда Болгаромъ иже на Волгѣ“. Такъ принимаетъ это извѣстіе Карамзинъ, I. стр. 125, прим. 436. Но участіе Торковъ и невозможность „конныхъ походовъ“ по побережьямъ Волги, которая ясна изъ всѣхъ извѣстій о дѣйствіяхъ по Низовой Волгѣ и Новгородцевъ XIII—XIV и даже Московскихъ князей XIV—XV вѣка, заставляетъ видѣть въ Болгарахъ лѣтописи 983 — Болгаръ Дунайскихъ, а не Поволжскихъ.

[202]) Лавр. 66 — 67.

[203]) Constant. Porphyr. De administr. Imp. Cap. 37 — Ср. статью Бруна въ Запискахъ Одесскаго Общества Ист. Древн. т. Ш. 351—353, ср. Черноморье.

[204]) Это предположеніе допускается тѣмъ, что Иванъ Ростиславичъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Днѣстровскому населенію. Въ 1159 году, одного появленія его у Подднѣстровскихъ городовъ Кучельмина и Ушицы было достаточно, что бы склонить на его сторону городское населеніе (смердовъ Ипат. 84). Ипат. Лѣт., 1157,—стр. 80—81, 1159 г., 83. — Соловьевъ С. М. (Исторія Россіи 11, 223), объясняетъ настойчивость, съ какою Галицкій князь требовалъ выдачи Ивана Ростиславича, и готовность, которую показали Лядскіе и Русскіе князья поддерживать это требованіе, — тѣмъ, что Иванъ сносился съ недовольными Галичанами, и съ другой стороны „взявши деньги у одного князя, онъ переходилъ къ другому, потомъ къ третьему“.

[205]) Ипат. 83 — 84. Съ именемъ князя Ивана Ростиславича Берладника связывается грамота, будто бы данная этимъ княземъ городу Малому Галичу (теп. Галацъ) въ 1134 году, подлинникъ которой, по сообщенію издателей, хранился у г. Антіоха Кантемира Рольскаго, въ Подольской губ., и которая была впервые помѣщена въ Румунскомъ журналѣ Instructionea Publica N. 1. 8, а потомъ въ Науковомъ Сборникѣ (Львовъ т. 38), — въ нѣмецкомъ переводѣ у Рёсслера (Romänische Studien 323). Подлинность ея очень сомнительна, какъ по языку, такъ и по датѣ: годъ обозначенъ отъ Рождества Христова.

[206]) Кар., Ист. Гос. Росс. Впрочемъ Ф. К. Брунъ (Черноморье П. 348) сомнѣвается въ справедливости этой догадки исторіографа;

но изъ ряда представленныхъ имъ доводовъ, только первый можно назвать основательнымъ; дѣйствительно изъ упомянутыхъ въ Спискѣ городовъ по обѣимъ сторонамъ Дуная многіе вовсе еще не существовали во времена Святослава; изъ прочихъ только одинъ Дрествинъ (Силистрія) поименованъ въ числѣ городовъ, имъ завоеванныхъ (о числѣ ихъ — восемдесять — см. выше, прим. 123), и къ которымъ не могли не принадлежать Великій и Малый Прѣславъ, пройденные въ спискѣ молчаніемъ.—Къ сожалѣнію доводы автора въ этой статьѣ (Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII—XIV в.), въ пользу того, что въ выше упомянутомъ Спискѣ Болгарскіе города могли быть названы Русскими потому, что во время составленія Воскресенской лѣтописи у насъ еще не было забыто участіе, принятое Русскими князьями въ Болгарскихъ дѣлахъ незадолго передъ тѣмъ (то есть въ XIII — XIV в. ?), — эти доводы не совсѣмъ убѣдительны.

[207]) По Картамъ Шуберта.

[208]) Для опредѣленія положенія Плава пѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ указаній лѣтописи, по которымъ эта мѣстность находилась на правой сторонѣ Днѣстра, ниже Толмача (Тлумача въ Станиславовскомъ округѣ Галиціи) и Онута (въ Буковинѣ, на Днѣстрѣ же, у самой Русской границы), и выше Кучельмина (Ипат. 1213 стр. 161). Что касается Кучельмина, то онъ находился также на правомъ берегу Днѣстра (ibid.), а по извѣстію 1159 года — на путя изъ Подунайской Руси къ Ушицѣ (теп. Старая Ушица на Днѣпра при устьи р. Ушицы въ Подольской губ., Ушицкаго у.), — почему указаніе на с. Кучу близъ Ушицы, сдѣланное Карамзинымъ въ видахъ пріуроченія къ этой мѣстности лѣтописнаго Кучельмина, можетъ имѣть основаніе. Такое именно опредѣленіе положенія Кучельмина близъ Ушицы поддерживается тѣмъ, что по приведенному выше извѣстію Даніилъ отправлялся къ Мстиславу Удалому, который жилъ тогда въ Каменцѣ, — но не въ Каменцѣ Подольскомъ, какъ полагалъ Зубрицкій (Исторія Галичско-Русск. княж. III. 75), а въ томъ, что былъ на мѣстѣ теп. Каменки сел. Новградъ-Волынскаго у. на р. Случѣ (См. выше, стр. 117 и слѣд. прим. 209).

[209]) Галицко-Волынская граница, какъ она открывается изъ приведенныхъ указаній, не совсѣмъ согласна съ общепринятымъ теперь мнѣніемъ о томъ, что Волынскія владѣнія простирались будто-бы на югъ по лѣвымъ притокамъ Днѣстра — Збручу, Смотричу, Ушицѣ и т. д. Мнѣніе это основывается единственно на томъ, что Каменецъ, о которомъ говорятъ наши лѣтописи подъ 1196, 1210, 1228, 1235, 1239 и 1240 годами (См. Ипат. Лѣт.), какъ о Волынскомъ городѣ, пріурочивается обыкновенно къ теперешнему Каменцу Подольскому,

не смотря на видимыя противорѣчія съ другими лѣтописными извѣстіями, и даже съ совершенно ясными указаніями лѣтописи о положеніи Каменца совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Каменецъ Подольскъ не могъ быть Волынскимъ городомъ уже по тому одному, что собственно Галицкая земля простиралась по словамъ лѣтописи „отъ Боброкы (притокъ Днѣстра въ Бережанскомъ округѣ) даже и до рѣки Ушицы и Прута". (Ипат. стр. 169, годъ 1229); такъ что Каменецъ Подольскъ представлялъ бы какую то уединенную Волынскую колонію среди Галицкихъ владѣній. — Въ первомъ же извѣстіи о Каменцѣ мы находимъ указаніе на его положеніе. Въ концѣ XII в. онъ принадлежалъ Волынскому князю Роману Мстиславичу, — враждовавшему съ Рюрикомъ Кіевскимъ и Володиміромъ Галицкимъ. Оба эти князя напали одновременно на владѣнія Романа: „Володимеръ, говоритъ Кіевскій лѣтописецъ (ibid. 149, г. 1196)... повоева и пожьже волость Романову около Перемиля, и отселѣ Ростиславъ Рюриковичъ съ Володимеричи и съ Чернымъ Клобукомъ ѣхавше повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменця. — „Отселѣ" — въ устахъ Кіевскаго лѣтописца очевидно значитъ „со стороны Кіева". — Нѣсколько выше говорится, что Рюрикъ посылалъ сказать Галицкому князю: „а ты, брате, оттолѣ, со сыновцемъ моимъ воюйта волость его" (Романа ibid.). Слѣдовательно князья Кіевскій и Галицкій условились напасть на Волынь съ двухъ сторонъ, съ юго-запада отъ Галича, и съ востока, со стороны Кіева, и Каменецъ слѣдуетъ такимъ образомъ искать не на югѣ Волыни, а на востокѣ. Затѣмъ (подъ 1210 годомъ) мы видимъ, что Романовичи, выгнанные изъ Галича и Владиміра, находятъ убѣжище въ Каменцѣ,—и изъ словъ лѣтописца нельзя не видѣть, что въ ихъ судьбѣ принималъ дѣятельное участіе Всеволодъ Святославичъ Кіевскій; по крайней мѣрѣ вслѣдъ за извѣстіемъ о пріѣздѣ ихъ въ этотъ городъ, онъ говоритъ: „Княжаше Всеволодъ въ Кіевѣ Святославичъ имѣя великую любовь къ дѣтемъ Романовоѣ" (Ипат. 159). Изъ извѣстія объ осадѣ Каменца Володиміромъ Кіевскимъ въ 1228 году, и особенно изъ дѣйствій Котяна Половецкаго, во всякомъ случаѣ не видно, что бы дѣло шло о Каменцѣ Подольскимъ; напротивъ скорѣе всего можно заключить, что между Каменцомъ и Галичскою землею лежали Половецкія степи: „ѣхавъ (Котянъ, отступившій отъ осаждавшихъ этотъ городъ) взя землю Галичьскую, иде въ землю Половецкую, и не обратился къ нимъ (то есть къ осаждавшимъ Каменецъ. Ипат. 167). Подъ 1235 годомъ прямо говорится, что Каменецъ стоялъ — со стороны Галича и земли Болоховскихъ князей (что по восточному Бугу), — за Хоморомъ, лѣвымъ притокомъ Случи, и недалеко отъ Кіева и отъ Торковъ, жившихъ, какъ извѣстно, по Роси: „Придоша Галичане на Каменецъ и вси Бо-

лоховскіи Кпязи съ нимъ, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцю. Въ то же время посла̀лъ бяше Володимеръ Данилови помощь Торкы (Ипат. 174). Наконецъ послѣднее извѣстіе о Каменцѣ представляетъ описаніе похода Батыева подъ 1240 годомъ, описаніе, на которомъ основывается главнымъ образомъ мнѣніе о тожественности этого города съ Каменцомъ Подольскимъ. Разрушивши Кіевъ, и услышавши о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, *поиде* самъ (Батый) *Володимерю*, и приде къ городу Колодяжьну... и приде Каменцю. Изяславлю, взятъ я: видивъ же Кременець, градъ Даниловъ яко не возможно пріяти сму и отьиде отъ нихъ, и приде къ Володимерю, (Ипат. 178). Этотъ путь обыкновенно объясняется тепер. мѣстечкомъ Ладыжиномъ въ Гайсинскомъ у., Каменцомъ Подольскомъ, Заславомъ Волынской губерніи, Кременцомъ; такъ что Батый по дорогѣ во Владиміръ дѣластъ совершенно необъяснимый крюкъ, — направляясь отъ Кіева сперва круто на юго-западъ, въ Ладыжину, оттуда на западъ къ Каменцу, затѣмъ отъ Каменца, прямо на сѣверъ къ Заславу и Владиміру, и прибавляя себѣ пути — противъ прямой дороги — почти въ 300 *верстъ*, если брать прямыя разстоянія. Между тѣмъ онъ видимо спѣшилъ къ Владиміру; это видно изъ замѣчанія лѣтописца о походѣ его изъ Кіева, по полученіи извѣстія о пребываніи Данила въ Угрехъ; онъ не останавливается на осадѣ крѣпкихъ городовъ: Колодяжинъ беретъ хитростью, мимо Кременца и Данилова проходитъ, не пытаясь даже взять ихъ. Это обстоятельство значительно ослабляетъ достовѣрность приведеннаго выше объясненія Батыева пути, и позволяетъ думать, что онъ лежалъ гораздо прямѣе по направленію отъ Кіева къ Заславу. — Соображая всѣ эти данныя, необходимо принять, что Каменецъ выше приведенныхъ лѣтописныхъ извѣстій находился — на востокѣ Волынскихъ владѣній, близъ Кіевскаго рубежа, — недалеко отъ Торковъ въ Поросьи, — близъ р. Хомора, бывшей отъ него на западъ и юго-западъ со стороны Болоховской земли, — на пути изъ Кіева въ Заславъ, и къ западу отъ Колодяжна. Дѣйствительно къ востоку отъ Хомора, на р. Случи въ южной части Новградъ — Волынскаго уѣзда мы находимъ и теперь мѣстечко Колодяжно *p*), и близъ него къ сѣверу въ одной милѣ, на лѣвомъ берегу Случи м. Каменку *c*). Мѣстныя изысканія должны указать, есть ли теперь какіе либо остатки существо-

---

p) На Волыни есть еще два Колодежна—одинъ къ ю. з. отъ Луцка, въ Дубенскомъ уѣздѣ, на дорогѣ изъ Дубна во Владиміръ Волынскій; другой—Колодезно—къ ю. в, Ковеля—въ 10 верстахъ близъ Волошекъ.

c) Ф. Ф. Куликъ-Другомировъ сообщилъ, что с. Каменка у мѣстныхъ жителей называется Каменецъ.

вавшаго тамъ города; но положеніе его, а отчасти и названіе — говорятъ сильно въ пользу того, что именно тутъ надо искать лѣтописный Каменецъ. См. также прим. 200. Г. Дашковичъ въ трудѣ своемъ Княженіе Даніила Галицкаго (Кіевъ 1873. стр. 52), пришелъ къ такому же опредѣленію мѣстоположенія лѣтописнаго Каменца.

[210]) Лавр. лѣт. 135. Услышавъ о приближеніи Придніпровскихъ князей къ границамъ Галича... „выиде противу имъ Володимеръ, весь совкупивъся, къ Теребовлю; и Угры приведъ... и не могоша битися, зане бяшетъ межи има рѣка Серетъ; идоша обои подлѣ рѣку за подѣлю къ Звенигороду (что близь Львова); а на Рожни поли не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ горахъ". Затѣмъ придніпровскіе князья осадили Звенигородъ. Такимъ образомъ Рожне поле надо искать на пути отъ Теребовля къ Звенигороду между Середомъ и Голыми горами, теп. Гологоры. — М. Рожношинцы къ с. в. отъ Збаража (Карт. Шуб. Рожношинцы), которымъ Зубрицкій, въ въ Истор. Гал. Кн. П. стр. 43, объясняетъ Рожне поле 1097 и 1144 годовъ, слишкомъ далеко на востокъ отъ Середа, Рожню которую указываетъ М. П. Погодинъ (Изсл. IV. 168) именно между верховьями Середа, Стыря и Западнаго Буга, къ сожалѣнію, мы не могли найти на извѣстныхъ намъ картахъ. Догадка Зубрицкаго, что Рожне поле означало только „равнину, чистое поле, пахаемую землю, на косй рожъ сѣютъ и на которой удобно было сражаться" (ibid), — основывается, кажется, на весьма отдаленномъ сопоставленіи смысла этого реченія съ названіемъ „Голыя Горы". Сопоставленіе лѣтописнаго Рожня Поля — съ м. Рожьямполемъ Волынской губ. (у Я. Ѳ. Головацкаго, Словарь 266) основано только на подобнозвучіи названій.

[211]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1262: Король же (Даніилъ Романовичъ) ѣха въ Угры, и угони его Борисъ (отправленный Василькомъ къ брату изъ Володиміря на Волыни съ сайгатомъ, захваченнымъ у Литвы, которая передъ тѣмъ потерпѣла пораженіе у Небля города) у Телича (въ др. списк. Подтелича). стр. 200. Кромѣ указаннаго нами Потелича (на дорогѣ изъ Любачева въ Бельзъ, недалеко отъ пересѣченія его съ Львовско-Томашевскою дорогою), есть еще м. Тиличъ на с. склонѣ Карпатъ близь истоковъ Попрада, къ ю. в. отъ Новаго Сандеца, у самаго прохода черезъ Карпаты на Бардуевъ (Бартфельдъ); но эта мѣстность слишкомъ далеко на западѣ, и едва ли даже черезъ нее пролегалъ путь изъ Галицкой Руси въ Угры.

[212]) ...,А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы... и паки по Изяславичахъ за Микулинъ и не постигохомъ ихъ, и на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды" (Поуч. Моном). Здѣсь вмѣсто „Изяславичей" надо, вѣроятно, читать „Ростиславичи". Въ 1092 году Ростиславичи (Василько и Володарь), воспользовались отъѣздомъ

Ярополка Володимірскаго въ Кіевъ, захватили Володимиръ; и посла Всеволодъ Володимера сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. Лавр. 88.

[213]) Зубрицкій Истор. Галицкой Р. кн. II. 61 — 62. Онъ полагаетъ очень вѣроятнымъ, „что этотъ внѣ Галицкаго княжества лежащій Микулинъ былъ подобнымъ же образомъ во владѣніи Галичскаго государя, какимъ Городецъ Остерскій надъ Днѣпромъ (Десною?) во владѣніи Георгія князя Суздальскаго". — Однако къ Микулинцамъ на Згарѣ можно пріурочивать Микулинъ, упоминаемый лѣтописью при описаніи занятія Кіева Мстиславомъ Изяславичемъ Володимірскимъ къ 1167 году, но то былъ или Волынскій или скорѣе всего Кіевскій городъ, и едва ли не стоялъ въ связи съ полуосѣдлымъ населеніемъ собственной Руси — Черными Клобуками „По Ростиславли смерти начаша слати по Мстислава братья (князья Володимиръ Мстиславичъ и Ростиславичи) и Кіане отъ себе послаше. Черные Клобуки отъ себѣ послаше... и приде (Мстиславъ) къ Микулину; и ту придоша ему Берендичи вси, и Торци, и Печенѣги и весь Черный Клобукъ". Ипат. 96). Замѣтимъ здѣсь также, что на рѣкѣ Хоморѣ къ западу отъ Полоннаго (обѣ эти мѣстности исторически извѣстны съ XII в.) есть сел. Микулинъ въ юго-восточномъ углу Заславскаго уѣзда.

[214]) О положеніи и остаткахъ Червеня см. выше, прим. 172, стр. 277 — 273. Волынь находился въ 20 верстахъ отъ Владиміра Волынскаго при владеніи р. Гучвы въ З. Бугъ, съ правой стороны. На мѣстѣ его сохранился обширный вамъ со особеннымъ городкомъ Словенскимъ, множествомъ могилъ внутри вала (Ходаковскій Русск. Истор.-Сборн. I. Карамзинъ III. пр. 79).

[215]) О другомъ Андреевѣ нар. Брокѣ. См. стр. 131.

[216]) Берестье, въ первый разъ упоминаемый въ описаніи усобицы Святополка и Ярослава Володимировичей въ 1019 году (Лавр. 62), пріурочивается къ топ. Брестъ — Литовскому на Бугѣ, что ясно изъ разсказа о событіяхъ 1097 года (ibid. 114).

[217]) О Выгошевѣ лѣтопись говоритъ подъ 1097 г. (Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, ихже бѣша у него Берестьяне, Пиняне, Выгошевцы. Лавр. 115.), и подъ 1153 г. (Изяславъ Мстиславичъ (изъ Володиміря) послалъ посадниковъ своихъ въ города, которые захватилъ Галицкій князь, и которые онъ обязался возвратить Изяславу, въ Бужьскъ, Шумскъ, въ Тихомль, въ Выгошевъ и въ Гноинщу. Ипат. 89). По этимъ извѣстіямъ открывается два города Выгошева, — подъ 1097 г. вблизи Берестья и Пинска въ области Западнаго Буга и Припети, гдѣ можно принимать во вниманіе притокъ Припети Выжву, и на ней сел. Выжву (близъ которой

дер. Выжовка). Для Выгошева 1152, прилегавшаго къ Галицкому порубежью, можно имѣть въ виду сел. Вышгородку или Выжгородку, въ 40 верстахъ отъ Кременца, къ ю. з. у самой границы Галиціи съ Волынской губ., въ сосѣдствѣ съ Шумскомъ на р. Виліи притокѣ Горыни въ Кременецкомъ у. Гноинницею (на р. Горыни, въ Острожскомъ у.), Тихомлемъ (въ томъ же у.). Всѣ эти мѣстности опредѣлены у М. П. Погодина (изсл. IV.). Ср. Матеріалы для Ист. — Геогр. Слов. Росс.

[218]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1262 годомъ... Рать литовская воеваша около Мельницѣ... князь же Василько (Володимірскій) поѣха по нихъ. и угонише у Небля города. Литва же бяше стала при озерѣ... Василько же поиде противу имъ... Литва же не стерпѣвше устремишася на бѣгъ... Се же услышавше князя Пиньсціи Ѳеодоръ и Демидъ и Юрьи и пріѣхаша къ Василькови съ питьемъ и начаша веселитися. Стр. 200.

[219]) „Веснѣ же бывши посла (Даніилъ) сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмоць и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы, сѣдящія за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жидичева.

[220]) Торчевъ, Торцевьскъ указывается Ипат. лѣтописью въ описаніи битвы Данила Романовича, тогда княжившаго на Волыни, съ Угорскимъ королевичемъ, владѣльцемъ Галича, подъ 1231 годомъ, къ западу отъ Шумска, въ недальнемъ отъ него разстояніи въ гористой мѣстности. Положеніе теп. Стараго Таража на Иквѣ какъ не льзя ближе отвѣчаетъ лѣтописнымъ указаніямъ. Къ с. з. отъ Луцка на р. Ставѣ, лѣвомъ притокѣ Стыря, есть теп. м. Торчинъ; но въ объясненіи Торчева 1231 онъ не можетъ имѣть мѣста.

[221]) „Василько и Володарь изъ Теребовля... придоста ко Всеволожю, а Давидъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа и взяста копьемъ градъ... По семъ же поидоста къ Володимерю". Такимъ образомъ Всеволожь должно полагать ближайшимъ къ Теребовльскимъ границамъ, и по этому не льзя пріурочивать его къ теп. сел. Воложки или Волошки въ Ковельскомъ у., верстахъ въ 12 на ю. в. отъ у. г., какъ то сдѣлано Надеждинымъ и Неволинымъ. Погод. Изсл. IV. 158. Эта мѣстность ни въ какомъ случаѣ не могла быть занята Ростиславичами; ибо въ описаніи тѣхъ же событій, Турійскъ, который лежитъ гораздо западнѣе Волошекъ и прямо къ сѣв. отъ Владиміра, является Волынскимъ городомъ. Всеволожь надо причислить теперь къ мѣстностямъ неопредѣленнымъ.

[222]) Названіе Дреговичей выводятъ обыкновенно отъ слова дрега, дрягва, что значитъ болото. Но окончаніе слова Дрего-

вичи указываетъ образованіе этого племеннаго названія, какъ имени отечественнаго (nomen patronymicum). См. выше стр. 83, прим. 142.

[223]) Исъкоростенъ (Искоростѣнь) имѣлъ центральное значеніе въ Деревской землѣ, что очевидно изъ лѣтописнаго разсказа подъ 945 г. (Лавр. 25): „Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко ти бяху убили мужа ея... Ранѣе Деревскіе послы говорятъ Кіевской княгинѣ: посла ны Деревьска земля, рькуще, аще: мужа твоего убихомъ... паши князи добры суть иже роспасли суть Деревьску землю; да поиди за князь нашь Малъ; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревску". См. Гедеоновъ Варяги и Русь I. 119). Разъясненіе, которое сдѣлалъ проф. Ключевскій положенію и строю Древлянской земли въ эпоху образованія Русскаго государства (Боярская Дума 25), кажется не совсѣмъ вѣрно. Въ этомъ мѣстѣ не видно указаній на „добрыхъ князей, пасшихъ Деревскую землю, независимыхъ другъ отъ друга, хотя иногда и соединявшихся другъ съ другомъ". Напротивъ Малъ прямо называется княземъ Дерьвьскимъ. Выраженіе „роспасли" въ смыслѣ сохранили въ цѣлости, сберегли, устроили можетъ относиться только къ предшественникамъ Мала, а не къ его современникамъ, какъ по видимому понялъ проф. Ключевскій.

[224]) Въ Ипат. Лѣт. подъ 1231..... „движе рать Андрей Королевичъ на Данила и иде ко Бѣлобережью... Володиславу же бѣхавшу изъ Кіева и срѣте рать въ Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣки Деревное и лѣса Чертова". 174.

[225]) Деревичъ упоминается Волынскою лѣтописью въ числѣ Болоховскихъ городовъ (вмѣстѣ съ Губинымъ, Кобудомъ, Кудиномъ Городцемъ Бужскимъ, Дядьковымъ), разоренныхъ Даніиломъ въ 1241 году, въ отмщеніе за нападеніе, которое сдѣлали Болоховскіе князья вмѣстѣ съ Ростиславомъ Михайловичемъ Черниговскимъ, претендентомъ на Галицкій столъ, на Приднѣпровскій городъ Бакоту. Ипат. лѣт. 183. — Теперь есть Деревичи въ южной части Новградъ-Волынскаго у притоковъ Стыри, на с. з. отъ Любара, при 5 озерахъ; на мѣстѣ его по преданію, былъ прежде городъ, разоренный Татарами (См. Семенова Геогр. Словарь подъ словомъ Деревичъ. Г. Дашковичъ указываетъ кромѣ того въ томъ же уѣздѣ вблизи сл. Деревичъ и м. Черторіи, Деревичку (Даніилъ Гал. 51).

[226]) См. выше пр. 43.

[227]) Въ Никон. лѣт. подъ 865 годомъ: „воеваша Асколдъ и Диръ Полочанъ и много зла сотвориша", I. 16. — Е. Е. Замысловскій (Рецензія 1. с. 475) не принимаетъ этого извѣстія Никоновской лѣтописи о войнѣ Аскольда и Дира съ Полочанами; потому что оно нахо-

дится въ ней подъ 865 г. (6373), а за тѣмъ подъ слѣдующимъ годомъ въ этой же лѣтописи разсказывается о походѣ ихъ на Грековъ. Такъ какъ ранѣе этой войны въ Никоновской лѣтописи нѣтъ извѣстій объ Аскольдѣ и Дирѣ, а въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о войнѣ ихъ съ Полочанами, то она можетъ быть отнесена къ тому времени, когда Аскольдъ и Диръ не владѣли Кіевомъ". Надобно согласиться, что аргументація поставлена очень остроумно; но она была бы вполнѣ основательна, если бы Никоновская лѣтопись не была позднѣйшимъ сводомъ древнихъ основныхъ лѣтописцевъ, которые впрочемъ до насъ въ настоящемъ видѣ не дошли. Не только редакторы, но часто и списатели (переписчики) этихъ сводовъ вносили или пропускали данныя изъ имѣвшагося у нихъ матеріала по своему усмотрѣнію. Въ Никоновскомъ сводѣ пропущено объ Аскольдѣ и Дирѣ то, что мы находимъ въ древнѣйшихъ спискахъ; въ этихъ послѣднихъ пропущено что было въ другихъ, которые могли быть также древни, какъ и первые, и даже древнѣе ихъ, и которыми пользовались при составленіи Никоновскаго свода. Во всякомъ случаѣ Аскольдъ и Диръ могли воевать съ Полочанами не иначе, какъ самостоятельные владѣльцы или князья, отъ своего имени, на свой страхъ. Въ противномъ случаѣ лѣтопись или умолчала бы о нихъ, или же указала того, кто послалъ ихъ на войну. Но самостоятельными они были только въ Кіевѣ, и потому ближе всего предположить, что только изъ Кіева могла быть ведена война съ Полочанами, о которой говоритъ Никоновская лѣтопись. — С. М. Соловьевъ, основываясь на томъ, что Дреговичи не упоминаются ни въ числѣ племенъ, призвавшихъ Русь, ни въ числѣ племенъ, участвовавшихъ въ походахъ Олега, предполагаетъ, что они были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнимъ державцемъ, по крайней мѣрѣ сѣверная половина ихъ, почему и княжество Минское, образовавшееся въ ихъ странѣ, принадлежитъ къ Полоцку. (Ист. Росс. I. прим. 180). Но порубежье между Дреговичами и Кривичами, какъ оно открывается данными лѣтописи и топографической номенклатуры, и до нынѣ остается этнографическимъ порубежьемъ Малорусскаго и Бѣлорусскаго племенъ.

[228]) Лавр. 52.

[229]) Такая зависимость его отъ Кіева открывается въ послѣдующихъ извѣстіяхъ лѣтописи. См. ниже прим. 231.

[230]) „Та посла мя Святославъ въ Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса"... Извѣстіе объ этомъ походѣ на Чеховъ лѣтопись сообщаетъ подъ 1076. Лавр. 85... и въ то же лѣто и дитя ся роди ми старѣйшее Новгородское, та оттуда (изъ похода на Чеховъ или изъ Новгорода?) Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. 103.

Княженіе Мономаха въ Туровѣ подтверждается извѣстіемъ его Поученія о ловахъ, которые онъ вмѣстѣ съ отцомъ производилъ въ Туровскомъ полѣсьи: „А се тружахъся ловы дѣя.... кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь. 104. — Мономахъ былъ переведенъ въ Черниговъ въ 1078, тотчасъ послѣ того, какъ отецъ его Всеволодъ занялъ Кіевскій столъ.

[231]) Туровъ составлялъ удѣлъ Мономахова сына Вячеслава, который, сколько можно судить по отрывочнымъ лѣтописнымъ даннымъ, стремился дать ему значеніе самостоятельной княжеской волости. Поставленный въ 1114 году въ Туровскіе епископы Акимъ (Ипат. 19), по Исторіи Іерарх. Амвр. (изд. втор. I. 226) шестой епископъ Туровскій и Пинскій, былъ ревностнымъ приверженцемъ этого князя и пострадалъ во время неудачной борьбы его съ племянникомъ Изяславомъ Волынскимъ (Ипат. 25). Къ Туровской области принадлежало нѣсколько городовъ, которые Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, занявши Кіевъ, отнялъ у Вячеслава (ibid). Но со смертью Вячеслава, Туровъ перешелъ въ полное распоряженіе Кіевскихъ князей. Юрій Долгорукій отдалъ его вмѣстѣ съ Пинскомъ, Дорогобужемъ, Пересопницею сыну своему Андрею (1150 Лавр. 145, Ипат. 52), а позднѣе другому сыну Борису (1154. ibid. 184). Ростиславъ Мстиславичъ, вокняжившись въ Кіевѣ въ 1154 г., уступилъ Туровъ Святославу Всеволодовичу. Въ 1157 году мы видимъ Туровъ въ рукахъ Юрья Ярославича (изъ рода Изяслава Ярославича), и претендентомъ на него — извѣстнаго младшаго сына Мстислава Великаго Владиміра, который съ Волынскими полками, Смольнянами, Половцами и Галицкою помощью безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ въ теченіи десяти недѣль. (Ипат. 89)... Подъ 1179 упоминается сынъ Юрья, Иванъ — подручный князь Мстислава Изяславича Кіевскаго (ibid. 98).

[232]) См. выше стр. 120.

[233]) Теперешній посадъ Вогинъ Радзинскаго у., къ западу отъ м. Влодавы, и къ югу отъ у. г. подъ 1282 г. П. С. Р. II. 211): „и вспомяну Володимеръ, оже прежде сего Лестко, пославъ Люблинецъ, взялъ бяшеть у него село на Въкраиници (т. е. на Украинѣ) именемъ Воинь. — Въ окрестностяхъ Вогина до сей поры находится нѣсколько камней, съ высѣченными изображеніями креста, мѣсяца, подковъ и др. знаками. Подробное описаніе ихъ помѣщено въ Варшавскомъ Дневникѣ за 1884 г. N. 51. г. А. Л.. — По этому сообщенію, ихъ сохранилось теперь одинадцать, 12-ый уничтоженъ недавно. Всѣ они расположены отъ р. Пивоніи извѣстной, какъ говоритъ авторъ, въ документахъ подъ именемъ Брамки) прямою линіей по направленію къ Парчеву, черезъ Боянов-

скій лѣсъ, и урочища: Варанья Шея, дорожку, называемую Старою Границею, Старудза и Збулитовское поле, мимо деревень Збулитова и Границы, и у фольварка Домброва. — На одномъ изъ Камней авторъ вычиталъ Славянскія буквы Г. С. П. И. І. В и подъ ними Ѡ К что, по его объясненію, должно значить: Сею Границею Польши Начинается Граница Украйны Отъ Вопна"... Объясненіе конечно — больше, чѣмъ произвольное, если даже самые знаки разобраны удачно.

[234]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1282 г. Ляхове воеваша у Берестья по Кроснѣ и взяша селъ десять. Кроспа, лѣвый притокъ Западнаго Буга, впадающій нѣсколько ниже Бреста, называется у мѣстныхъ жителей Кржна (Krzna).

[235]) См. выше, стр. 131.

[236]) Порубежное положеніе Сирвячи (Сервячи), лѣваго притока Нѣмана (въ Новгородскомъ у.), указывается описаніемъ похода Волынско-Галицкихъ князей въ союзѣ съ князьями Пинскими и Туровскими на Литовскій Новгородокъ, внесеннымъ въ Волынскую лѣтопись подъ 1274 годомъ:... „и бысть идущимъ имъ мимо Турово къ Случку, и ту ся сняста съ Татары у Случка, а тако поидоша вси вборзѣ къ Новугородку; и не дошедши рѣкы Сырьвячь, туже сташа нощь, а заутра рано возставше поидоша и прешедша рѣку до свѣта, ту же и дождаша свѣта, восходящю же солнцю и начаша изряживати полкы, изрядивше же полкы, и тако идоша къ городу." Стр. 207. — Относительно порубежнаго положенія Шары (Щарьи) см. ibid. подъ 1262 стр. 200 (о Неблѣ озерѣ и городѣ), и подъ 1253 г. стр. 188.

[236 а]) Нарбуттъ относитъ построеніе Новгородка къ 1116 году, и приписываетъ его князю Ярополку Владиміровичу, который „сруби городъ Желны Дрьючаномъ, ихъ же полони" (Лавр. 128), во время похода придніпровскихъ князей на Полоцкую область. Онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ одномъ предположеніи, что прежде Новгородокъ назывался будто бы Желни; по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, это названіе сохранила часть его, или подгородная слободка на въѣздѣ въ городъ изъ Кореличъ. Нарбуттъ имѣлъ въ рукахъ договоръ, заключенный мѣщанами съ Бодевичами въ 1589 году, и 16 Января 1590 внесенный въ Новгородскіе земскіе акты. Въ немъ помѣтка: „Писанъ у Новгородку на Желненскомъ подзамчьи въ лѣто Божего нароженія 1589 Августа 5 дня". Эта догадка была принята всѣми компиляторами Нарбутта и послѣдующими изслѣдователями Литовской исторіи — (Ярошевичъ, Турчиновичъ, Безкорниловичъ) и между прочимъ членомъ—корреспондентомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества М. А. Дмитріевымъ, составив-

шимъ очеркъ исторіи Новогрудка. По Ярополкѣ Мономаховичѣ княжилъ въ Переяславлѣ Русскомъ, и безъ сомнѣнія вывелъ плѣненныхъ Дрьючанъ въ южную Русь, весьма скудную населеніемъ, въ чемъ онъ послѣдовалъ примѣру Ярослава Великаго, который посадилъ плѣненныхъ имъ Ляховъ на южныхъ окраинахъ Кіевской области по р. Роси. Въ Полтавской губерніи Золотоношскаго у. на Сулѣ, недалеко отъ ея устьевъ и теперь есть с. Жовнинъ (Жолнинъ).

[237]) См. Лавр. 130, подъ 1127 г.—Подъ 1132 г.: ходи Мстиславъ на Литву съ сынъми своими, и съ Олегомъ, и съ Всеволодомъ Городенскимъ. Ипат. 12. По Татищеву (II. 263) Всеволодъ — сынъ Давида Игоревича.

[238]) Городецъ находился какъ разъ противъ Кіева, что видно отчасти изъ извѣстій Начальной лѣтописи подъ годами 1078 и 1097 (II. С. Л. I. 86 и 111); но опредѣлительнѣе положеніе его указывается въ извѣстіи о первомъ появленіи Татаръ подъ Кіевомъ въ 1237 г. гдѣ онъ названъ Песочнымъ: „Меньгуканови же пришедшю сглядатъ града Кіева, ставшю же ему на оной сторонѣ Днѣпра во градка Песочнаго, видивъ градъ, удивися красотѣ его и величеству его“. Ипат. II. С. Л. II. 177.

[239]) Лавр. 30. — Const. Porph. De administr. Imp. C. cap. 9.

[240]) „И нача (Владиміръ св.) городы ставити по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ“ Лавр. 32. Такимъ образомъ Стугна является крайнимъ южнымъ предѣломъ городовыхъ построекъ того времени на правой сторонѣ Днѣпра, какъ Сула на лѣвой.

[241]) Гильфердингъ. Неизданное свидѣтельство современника о Владиміре Св. и Болеславѣ Храбромъ. Русск. Бесѣда. 1856. I. 12. Bielowski Monumenta I.

[242]) См. Самчевскаго Торки, Берендеи и Черные Клобуки въ Архивѣ г. Калачева т. II. ч. I. Голубовскаго Печенѣги, Торки и Половцы. Универс. Извѣстія (Кіевскія) 1883 — 1884.

[243]) Гильфердингъ, Неизданное свидѣтельство современника“ l. c. 12, me praeunte cum sociis, говоритъ Бруно, о выѣздѣ изъ Кіевскихъ владѣній въ степи, занятыя тогда Печенѣгами, illo sequente cum majoribus suis egredimur portam.

[244]) Фундуклей Ив., Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ. Кіевъ 1848, стр. 30.

[245]) Въ позднѣйшей передѣлкѣ грамоты, данной Андреемъ Боголюбскимъ Кіево-Печерскому монастырю, напечатанной митрополитомъ Евгеніемъ въ его Описаніи Кіево-Печерской Лавры. Ср. Ист. геогр. Слов. др. Руси стр. 25.

[246]) Юрьевъ упомнается лѣтописью въ первый разъ подъ 1095 годомъ, въ описаніи набѣга Половцевъ, которые сожгли его тогда (Лавр. 97), и въ Поученіи Мономаха, послѣ разсказа о нападеніи Половцевъ на Прилукъ, бѣгствѣ ихъ на Сулу и о пораженіи, нанесенномъ имъ у Бѣлой Вѣжи: „и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ, и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ. Лавр. 103. Далѣе подъ 1103 г., ibid. 119, — подъ 1113 годомъ. Ипат. 4 и т. д. Юрьевъ находился несомнѣнно въ Поросьи, — но не на самой Роси, хотя на ней мы видимъ Уро-Городокъ (къ югу отъ Канева, на лѣвомъ берегу Роси, почти у самаго поворота ея теченія на сѣверъ). Это видно изъ извѣстія лѣтописи о наѣздѣ Половцевъ на Черныхъ Клобуковъ, вѣжи которыхъ лежали по р. Роту (теп. Рутокъ, на Картѣ Шуберта Протокъ, у Бѣлой Церкви впадающейся съ лѣвой стороны въ Рось). Въ 1162 г. „придоша Половцы мнози къ Гюргеву, и взяша вежи многи по Роту. . Черный же Клобукъ весь со въкупившеся ѣхаша по нихъ, и постигоша (слѣд., когда они шли уже въ обратный путь) на Рси. Ипат. 91.—В. и М. Ерчики находятся къ с. отъ Сквиры, верстахъ въ 10—12. Между ними селеніе Буки — Бакожинъ, по преданію древній городъ. Фунд. 46.

[247]) Лавр. 75. Въ древнѣйшемъ Лаврентіевск. спискѣ — вмѣсто Пеятина, принято редакцію I-о т. Полн. Собр. русск. лѣтоп.—Ятинъ.

[248]) О Святославлѣ см. выше, прим. 246. Изъ этого извѣстія трудно даже опредѣлить, на какой сторонѣ Днѣпра слѣдуетъ искать эту мѣстность. На подробныхъ картахъ южнаго Придпѣпровья мы не нашли ни одной подобноименной мѣстности. Съ Святославлей Криницею 1150 (Ипат. 56) Святославль Мономахова поученія не имѣетъ конечно ничего общаго.

[249]) Фундуклей 50.

[250]) ibid. 46.

[251]) См. выше, прим. 205. Упомянувъ о своихъ походахъ на Половцевъ, Мономахъ непосредственно говоритъ о возвращеніи Ярополка на Владимірскій столъ и его смерти, что записано въ лѣтописи подъ 1086 г. Лавр. 88.

[252]) Фундуклей. 120.

[253]) И на Богъ идохомъ со Святополкомъ на Боняка за Рось. Лавр. 104.

[254]) Конечно многія изъ этихъ Городищъ должны имѣть и другое происхожденіе и другое назначеніе. Они тянутся непрерывнымъ рядомъ, начиная отъ водораздѣла между Тясминомъ и Высью, гдѣ мы видимъ Омельгородокъ (Нерубайка), Иванъ-Городокъ, Китай-Городокъ на Тясминѣ, всѣ къ западу отъ Чигирина, — до

Буга въ Гайсинскомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ. Изъ нихъ отмѣтимъ въ ю. з. части Черкасскаго уѣзда — Райгородокъ, Гуляй Городокъ на Тясминѣ же, Городища у сел. Жаботина, Чубовки и Смѣлой (Фунд. 11); Самгородокъ на Ташлыкѣ, къ западу отъ Райгородка, Городище на Ольшанкѣ къ ю. в. отъ Корсуня, въ Звенигородскомъ у.—Ярославка на Выси, Васильковъ и Княжое на Шполькѣ, Звенигородка на Гнилomъ Тикичѣ; Бастечка (ср. Бастѣева Чадь лѣтописи) въ Таращанскомъ у. на границѣ съ Уманскимъ; Канела (Куниль 1150. Ипат. 49) на Горскомъ Тикичѣ. Княжа, Китай-Городокъ и Васильковъ, послѣдній съ замкомъ, отмѣченнымъ у Фундуклея стр. 45,—въ Липовецкомъ у.; Городецкое къ с. отъ Умани и Иванъ Городокъ къ югу отъ нея; Городокъ, Рай-Городъ и Стражгородъ въ Гайсинскомъ у; Городница въ Брацлавскомъ у.—Сверхъ того нельзя не обратить вниманія на валъ, извѣстный подъ именемъ Зміева, который, начинаясь у Екатеринополя (Кальниболота) верстахъ 15 къ ю. отъ Звенигородки тянется въ юго-западномъ направленіи вдоль Гнилаго Тикича мимо сел. Латышовой (Звенигородскаго у.) Свердликова, Нерубайки, Подвысокаго, Налывайки (Уманскаго у.) къ Бугу и оканчивается у р. Кодымы въ Балтскомъ у. (См. о немъ у Фундуклея). Этотъ валъ могъ составлять порубежное укрѣпленіе Болоховской земли, которая въ XII—XIII занимала область верхняго Буга, и которой ю. в. границы должны были проходить именно здѣсь. Замѣчательно также, что въ степяхъ за этимъ валомъ, по Бугу къ Днѣпру и Черному морю, не встрѣчается, по крайней мѣрѣ, на извѣстныхъ намъ географическихъ картахъ, никакихъ слѣдовъ городовыхъ сооруженій. Къ географіи этой мѣстности имѣетъ отношеніе одно указаніе Южно-Русской лѣтописи по Ипатьевскому списку, по нашему крайнему убѣжденію, затемненное произвольнымъ чтеніемъ издателей 2-го т. П. С. Р. Л. (141) и Лѣт. по Ипат. сп. (452). Описывая довольно подробно борьбу Ростислава Рюриковича съ Лукоморскими Половцами (см. выше, прим. 163), лѣтописецъ говоритъ, что въ 1190 году Половецкіе ханы Штогды и Акушъ, послѣ удачнаго набѣга Ростислава Рюриковича на ихъ вѣжи, зимою пошли на Кіевскую украйну Ростиславлею дорогою, то есть путемъ, которымъ шелъ на нихъ Ростиславъ, изъ Торцькаго (Торческа) къ Протолчію на Днѣпрѣ, черезъ Ивлю р., въ которой предполагаютъ Бузувлукъ, хотя это и сомнительно *у*), —

у) Половцы, преслѣдуя Ростислава Рюриковича на возвратномъ пути его изъ набѣга къ Протолчью, „постигоша и на Ивлѣ, въ третій день отъ Днѣпра (ibid. 740), въ такомъ случаѣ — Ивля скорѣе можетъ быть пріурочена къ Ингульцу.

и хотѣша пустити на воронъ по земли, и яша языкъ „въ воротцѣхъ“ (по древнѣйшимъ спискамъ Ипат., Хлѣбник. и Погодинск.; въ одномъ Ермолаевскомъ нач. XVIII вѣка — „въ воропцѣхъ“) а и слышана, яко Святославъ стоитъ совокупивъся у Кульдюрева, и тако увернувшеся побѣгоша“. Воронъ—значитъ разъѣздъ, наѣздъ, набѣгъ, разбой, (Словарь Даля); наворонъ — отрядъ, наряжаемый въ разъѣздъ (См. ниже, прим. 300). Издатели Лѣтописи въ 2-мъ томѣ П. С. Р. Л. предпочли принять чтеніе позднѣйшаго списка ея — въ воропцѣхъ, объясняя, что „языка поймали воропники, т. е. наѣздники“. — Но оставляя въ сторонѣ сомнительность выраженія воропникъ, которое, сколько намъ извѣстно въ лѣтописяхъ нигдѣ не встрѣчается, хотя слово „наворопникъ“--употребительно,--замѣтимъ, что это чтеніе опровергается самымъ смысломъ лѣтописнаго извѣстія. Лѣтопись говоритъ, что Половцы хотѣли пустить наворонъ по землѣ, но узнавъ отъ захваченнаго языка, что Святославъ въ Товаровѣ, поворотили назадъ, — и бѣжали пометавши стяги и копья. Слѣдовательно, не успѣли распустить отрядовъ на воронъ, не успѣли войдти въ землю, слѣдовательно схватили языка на порубежьи, а въ такомъ случаѣ — Воротцы — такое же порубежное укрѣпленіе какія мы видѣли и на Галицко-Лядскомъ сумежьи.

[255]) Въ Таращанскомъ у., на правомъ берегу Торскаго Тикича есть сел. Бузовка, въ которомъ до нынѣ сохранились едва замѣтные валы и взрытая земля, остатки старинаго города, по преданію называвшагося Бузомъ. Фунд. 55.

[256]) Ипат. 69.—См. выше прим. 217.

[257]) Любечъ (Любецъ) имѣлъ довольно большое значеніе въ X в., что видно изъ лѣтописнаго разсказа о занятіи Олегомъ Подѣпровья и о войнахъ этого князя съ Греками (Лавр, 10. 13); но въ половинѣ XII вѣка онъ уже составлялъ только непосредственное владѣніе Черниговскихъ князей Ипат. 37. См. о немъ прим. 252.

[258]) Рисунки и чертежи къ пут. по Россіи (въ Ипат. Публ. Библ.) ч. I Чертежъ (П) окрестностей древняго Кіева.

[259]) Положеніе Сакова въ XII в. на лѣвой сторонѣ Днѣпра ясно изъ извѣстія 1150: Мстиславъ Изяславичъ изъ Канева. . послася на ону сторону къ Турпѣемъ и къ дружинѣ, вели имъ ѣхать къ собѣ; Ростиславъ же (Юрьевичъ)... остави брата Переяславли, самъ гна къ Сакову и сгони Турпѣѣ у Днѣпра, и поимавъ ѣ приведе ѣ Переславлю. Ипат. 50.—На правой сторонѣ Днѣпра есть Кашковъ въ южной части Таращанскаго у., и Сальковъ въ Гайсинскомъ на р. Бугѣ.

[260]) У Зарубинцовъ (Каневскаго у.) до сей поры сохранился городокъ надъ Днѣпромъ, отъ котораго тянется довольно длин-

ный валъ. Фунд. 21.—О Зарубѣ см. замѣчанія И. И. Срезневскаго, въ Свѣд. о Малопзв. и Пензв. памятник. стр. 81.

[261]) См. Патерикъ въ изд. В. А. Яковлева. Памятники Рус. Лит. CXXI (Каневъ) XCV (Керсунь).

[262]) Закревскій (Лѣтопись и описаніе Кіева) отвергаетъ такое опредѣленіе мѣстоположенія Желинъ, урочища, упоминаемаго въ лѣтописяхъ подъ 1093, 1146, 1162, 1169, и указываетъ его близъ Кириллова монастыря. См. Е. Е. Замысловскаго Рецензія Ж. М. Н. Пр. 177, стр. 163. Что касается Увѣтичъ, то по указанію Максимовича, эту мѣстность слѣдуетъ полагать, судя по словамъ одной старинной записи на рѣкѣ Вѣтѣ „межи Хотовомъ и Ходосовкою. посреди городища неякогось давнего“, близъ Василева. — М. П. Погодинъ Изслѣдованія. IV. стр. 162. Ср. Матеріалы для и. г. Слов. 203.

[263]) Послѣ Татарскаго погрома крайними на юго-востокѣ заселенными мѣстностями являются Курскія волости Липецкъ. Воргола. Рыльскъ, село Туровъ (см. Лавр. 205), опустошенные Татарами въ 1284. Воскр. лѣт. П. С. Р. Л. VIII 176—177 *m*). Свѣдѣній о состояніи бывшаго Переяславскаго княжества со второй половины XIII вѣка до появленія въ немъ козачества въ XV—XVI вѣкѣ нѣтъ никакихъ. Если въ немъ и сохранялись остатки прежняго населенія до-татарской эпохи, то оно могло возродиться только при содѣйствіи выходцевъ изъ другихъ болѣе безопасныхъ и сильнѣе населенныхъ мѣстъ Руси.

[264]) Въ новомъ изданіи Начальной лѣтописи Лавр. и Ипатьевскаго списковъ:... „тудѣ бо сѣдятъ Кривичи. Таже сѣверъ отъ нихъ (т. е. въ смыслѣ—къ сѣверу отъ нихъ) на Бѣлѣозерѣ сѣдятъ Весь.“ Но здѣсь „сѣверъ“ очевидно „Сѣверяне“; въ описаніи Варяжскаго пути „Двина потечетъ на полунощьѣ“, а не на сѣверъ. Слово сѣверъ извѣстно однако Лаврентьевскому списку лѣтописи; въ описаніи разоренія Половцами Печерскаго монастыря: „зажгоша двери еже къ югу устроеніи, а вторыя же къ сѣверу (П. С. Р. Л. I. 99).-Сербы (Σερβοί), которыхъ Константинъ Порфирородный упоминаетъ въ числѣ племенъ, данническихъ Руси, вѣроятно Сѣверяне. Ср. Соловьевъ С. М. Ист. Рос. I. прим. 131.

[265]) Лавр. 64.

---

m) Для пріуроченія Липецка можно имѣть въ виду тепер. Липецкъ, у. г. Тамбовской губ., извѣстный минеральными водами, или же Липецкъ Фатежскаго у. Курской губ. Воргола — сел. Варголь, на р. Варголѣ, Елецкаго у.; Рыльскъ — теп. у. г. Курской губ.

[266]) Ср. ниже о Карачевѣ прим. 277, — о Мценскѣ, прим. 280. Святославъ Черниговскій, узнавъ, будучи въ Нерпискѣ (на пути изъ Москвы въ Вятичи), объ уходѣ посадниковъ своихъ противниковъ „изъ Вятичъ, изъ Брянска, и изъ Мьченьска, и изъ Блове, и оттуда иде Девягорьску, иде заемь всѣ Вятичи и до Брянескъ, и до Воробіинъ, Подесьнье, и до Магощъ“ (въ изданіяхъ Ипат. Лѣт. Домагощъ) и Мценескъ (П. С. Л. П. 30). Для объясненія положенія этой мѣстности, — указываютъ (если читать: „до Магощъ“) дер. Маговку Карачевскаго у., къ югу отъ у. г. въ окрестностяхъ которой много городищъ (См. Матер. для ист.-геогр. Слов. 65). Кромѣ того есть подобноименныя селенья Болховскаго у.: Маховицы (Прилѣпы), Спасскіе Маховицы, и къ югу отъ нихъ Маховица, въ очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи, къ югу отъ у. г., и къ западу отъ большой Орловской дороги (Карта Шуберта N. 36). При чтеніи Домагощъ, можно было бы указать на сел. Домаха, что къ западу отъ Дмитровска, близъ рѣки Нерусы; но оно слишкомъ далеко отъ мѣста дѣйствія.

[267]) Карта Шуб. № XXXVI.—Къ востоку отъ нихъ, въ области Оки, какъ-бы составляя ихъ продолженіе, тянется рядъ городищъ, до Оки—именно: Молодовое Городище (въ холмистомъ ю. в. углу Карачевскаго у.) къ с. отъ названнаго намъ Криво-Городища, далѣе Людское Городище, при истокахъ рѣчки Людской, впадающей съ ю. з. въ Окскій притокъ Цопу; по Цопѣ—два Городища въ Орловскомъ у.

[268]) Положеніе Свирѣльска, Черниговской волости, захваченной Рязанскими князьями, и отобранной отъ нихъ Олегомъ Святославичемъ въ 1176 г. (См. П. С. Л. П. 118. Ср. Д. И. Иловайскій Ист. Рязанск. княж. стр. 55 и 103) — не ясно; очевидно, что она лежала по сосѣдству съ Лопасною, можетъ быть на р. Сѣверскѣ, у устьевъ которой, нѣсколько выше Коломны, и теперь существуетъ сел. Сиверское или Сѣверское, нѣсколько похожее на Свирѣльскъ.

[269]) Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать Донъ Поученія Мономахова (Лавр. лѣт. 107), и извѣстія лѣтописи о походѣ Димитрія Иворовича на Донъ въ 1109. Для этого заключенія представляетъ данныя подробное описаніе похода Русскихъ князей на Половцевъ въ 1111 году, похода, въ который Русскіе проникли въ первый разъ такъ глубоко въ Половецкія кочевья. Русскіе князья, выступившіе въ путь во вторую недѣлю (т. е. во второе воскресенье поста, что приходилось 26 февраля), въ пятницу на третьей недѣлѣ (т. е. 3 марта) были на Сулѣ; 4-го, въ субботу, были на Хоролѣ, гдѣ покинувши сани, выступили оттуда на другой день, „въ недѣлю, въ нюже хрестъ цѣлуютъ; 7-го, во вторникъ четвертой недѣли

оста, вечеромъ достигли Ворсклы, перейдя въ три дня (5, 6, 7) Пселъ и Голтву. Очевидно, путь лежалъ выше устьевъ Хорола и Голтвы, по всей вѣроятности отъ Лукомля, пограничнаго городка (въ XII в. уже городища) Переяславской области на Сулѣ, къ Ворсклѣ въ окрестности Полтавы, или приблизительно по параллели 59° 50'. Здѣсь, по приблизительному разсчету (Карта Шуб.), между Сулою и Хоромъ около 25 верстъ, между Хоромъ и Псломъ около 50, между Псломъ и Голтавой около 20, между Голтавой и Ворсклой около 30,— всего около 125 верстъ. Это разстояніе они прошли въ пять дней (3—7 марта), дѣлая такимъ образомъ въ день круглымъ счетомъ верстъ по 25. — Долѣе до Шаруканя на Дону они шли 14 дней, прибывши туда вечеромъ 21 марта, во вторникъ на шестой недѣли поста. Необходимо допустить, что походъ въ степяхъ совершался медленнѣе, чѣмъ въ русскихъ предѣлахъ, что пѣшее войско (в о и) не могло сдѣлать двухъ - недѣльный переходъ безъ большихъ остановокъ, ибо оно должно было беречь силы для предстоявшихъ битвъ съ Половцами, — и что князья въ эти двѣ недѣли едва ли могли сдѣлать болѣе 250 верстъ,—если только не меньше. Но такое разстояніе уничтожаетъ всякую мысль о Донѣ, который въ нижнемъ теченіи своемъ отклоняется слишкомъ далеко на востокъ. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о Сѣверномъ Донцѣ, и не ниже окрестностей Изюма, и что на немъ слѣдуетъ предположить города Ш а р у к а н ь и С у г р о в ъ, взятый въ разсматриваемый походъ русскими, въ среду 22-го марта... Въ четвергъ (23 марта) русскіе князья идоша съ Дона, а въ пятницу завтра, мѣсяца марта въ 24 день, собравшася Половцы, изрядиша полки своя, и идоша боевн... и падоша враги наши... на потоцѣ Д е г е я, и поможе Богъ Рускымъ княземъ... и заутра субботѣ праздноваша Лазарево воскресенье и Благовѣщенья день, и похваливъше Бога и проводиша субботу, и въ недѣлю придоша (назадъ къ Дону, т. е. къ Донцу?). Въ понедѣльникъ страстной недѣли (27 марта), паки иноплеменницы собраша полкы своя многое множество, и выступиша яко борове (лѣса, а не б о р о в ы, какъ прочиталъ С. М. Соловьевъ) велиціи.... и побиша я въ понедѣльникъ страстный, мѣсяца марта въ 27 день, избіени быша иноплеменницѣ много множество на рѣцѣ С а л ь н и ц ѣ. (Ипат. 2.).. Такимъ образомъ и потокъ Д е г е я и рѣку С а л ь н и ц у или С а л ь н и к ъ надо считать притоками Сѣвернаго Донца. Потокъ Дегея не извѣстенъ; что касается Сальницы, то еще по книгѣ Большаго Чертежа значится рѣка С а л ь н и ц а; впадающая въ Сѣверный Донецъ ниже Изюма, и Татищевъ не безъ основанія указалъ на нее при объясненіи лѣтописной Сальницы 1111 года, вопреки опроверженію Карамзина (П. прим. 204. стр. 92), который объяснилъ ее рѣкою Саломъ, впадающимъ въ Донъ, близъ Семи-

каракорской станицы. О Сальницѣ мы имѣемъ еще одно лѣтописное свидѣтельство, и оно не только не противорѣчитъ принятому нами объясненію, но даетъ ближайшее указаніе на положеніе этой рѣчки. Въ лѣтописномъ разсказѣ о знаменитомъ походѣ Игоря Святославича на Половцевъ (Ипат. лѣт. подъ 1185 г.) говорится, что Игорь Святославичъ ...перебродѣ Донецъ и тако приде ко Осколу и ждаша два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курска; и оттуда поидоша къ Сальницѣ... затѣмъ разсказъ о битвахъ на рѣкахъ Сюурліи и Каялѣ (стр. 130—131). И здѣсь Сальникъ въ области Сѣвернаго Донца, не въ дальнемъ разстояніи отъ устьевъ Оскола. Въ своемъ теперешнемъ значеніи Донъ является въ Словѣ о полку Игоревѣ. (Донъ Великій, изд. Дуб. 36). Въ Ипат. лѣт. подъ 1140 годомъ: Се бо Мстиславъ великій наслѣди отца своего потъ, Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону... а Мстиславъ мужи свои посла, загна Половцы за Донъ, за Волгу, за Яикъ. Стр. 15. Н. Я. Аристовъ въ изслѣдованіи о Половецкой землѣ (Извѣстія Ист.-Филол. Института въ Нѣжинѣ за 1877 годъ) находитъ, что Русскіе князья пришли къ Дону 1111 г. во вторникъ не шестой недѣли, какъ читается въ древнѣйшемъ спискѣ Ипатьевскомъ, а пятой недѣли, какъ въ Воскресенской лѣтописи,— и что Шарукань былъ не на Дону (т. е. Донцѣ), но не доходя его, при чемъ высказываетъ догадку, что онъ былъ на мѣстѣ тепер. Харькова (Каркань, Гаркань, Шаркань), стр. 219. Кажется, нельзя сказать что нибудь положительнаго ни за, ни противъ подобнаго рода догадокъ. Если Шарукань измѣнилась въ Харьковъ, то почему удерживается старо-Половецкое названіе Сугровъ до нынѣ въ имени одного сел. Курской губ., хотя тамъ не было Половцевъ? (См. ниже, прим. 274). Почему удержались Половецкія названія въ области Донца, указанные самимъ Н. Я. Аристовымъ? (ibid). Въ изслѣдованіи о Половецкой землѣ даны болѣе точныя, чѣмъ у насъ, указанія на разстоянія въ маршрутѣ похода 1111 г. до Ворсклы; но съ дальнѣйшимъ объясненіемъ его согласится нельзя. Н. Я. Аристовъ считаетъ теперешнее разстояніе (въ 132 версты) отъ Полтавы до Харькова, куда онъ направляетъ русскихъ князей съ цѣлью связать съ этимъ послѣднимъ городомъ лѣтописный Шарукань, но путь могъ склоняться болѣе на юго-востокъ, по направленію къ Сальницѣ, положеніе которой изслѣдователь, какъ кажется, очень удачно опредѣлилъ, указавъ на тепер. р. Сольницу, которая течетъ въ 45 в. ниже Изюма, считая по берегу Донца, и въ которую впадаетъ потокъ Дегеявъ, въ 4 верстахъ отъ Донца (221).

[270]) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ 38.

[271]) Ibid. 129 — 130.

[272]) На старинныя сношенія Русскихъ князей съ Обезами можетъ указывать женитьба Изяслава Мстиславича на царевой дочери изъ этого племени. Ипат. подъ 1154, стр. 74.

[273]) Это видно изъ лѣтописнаго разсказа о попыткахъ овладѣть Тмутараканью изгоемъ Ростиславомъ Володимировичемъ въ 1064 г. Лавр. 70 — 71.

[274]) Въ описаніи похода Русскихъ князей на Донецъ 1111 года (см. выше, прим. 269): „придоша Русскіе къ Донови во вторникъ. И оболочишася во бронѣ и полкы изрядиша. и поидоша ко граду Шаруканю; и князь Володимеръ пристави попы свои ѣдучи предъ полкомъ пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородицы. Поѣхаша ко граду вечеру суще. и въ недѣлю с) выидоша изъ города, и поклонишася княземъ Русскымъ, и вынесоша рыбы и вино". Ипат. 2. — На другой день Сугровъ былъ зажжонъ. Отъ Шаруканя и Сугрова на Донцѣ не осталось слѣдовъ, хоть и есть одноименныя мѣстности: Сугровъ сел. на Сеймѣ къ югу отъ Львова (Курской губ.), Шарканы на восточной границѣ Бессарабіи, близь праваго берега Днѣстра, которыя конечно не могутъ идти здѣсь въ разсчетъ. См. также выше прим. 269.

[275]) Ипат. 133. По Большему Чертежу близь впаденія рѣки Харькова въ Уды. Пассекъ (Очерки Россіи т. II. 196) утверждаетъ, что Донецъ былъ на правомъ берегу Уды, верстахъ въ 8 отъ Харькова, гдѣ и теперь (1840 г.) сохранились окопы и рвы городка. По Книгѣ Большаго Чертежа Донецкое городище вверхъ по Удамъ отъ Хорошаго городища верстъ съ пять. Теп. Дѣвичій Хорошевъ Вознесенскій монастырь, съ остатками старыхъ рвовъ и валовъ, находится верстахъ въ 6 отъ того мѣста, гдѣ Пассекъ указываетъ Донецкій городокъ. Впрочемъ названіе этого города все таки заставляетъ искать его гдѣ нибудь на Донцѣ, на которомъ нѣсколько выше Изюма два селенія носятъ названія Донецкихъ.

[276]) Между прочими Радомля. упоминаемая грамотою 1504 г. Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. 365, Радомльская волость на Клязмѣ (ibid. 369), Радомскій Станъ въ Медынѣ 1515 года. А. А. Э. I. стр. 160.

[277]) Корачевъ въ лѣтописномъ разсказѣ о борьбѣ Святослава Ольговича съ Изяславомъ Мстиславичемъ 1146 г. является внѣ земли

с) „въ недѣлю" очевидно ошибка или описка. Русскіе вступили въ Шарукань въ тотъ же вторникъ, ночевали тамъ, и „завътра въ среду поидоша къ Сугрову".

Вятичей, отдѣленнымъ отъ нея лѣсомъ: (узнавъ „отъ пріятелей“ оже Изяславъ Мстиславичъ идетъ на нь Кърачову)... бѣжа за лѣсъ у Вятичѣ Святославъ Олеговичъ“. Ипат. 28. По подъ 1158 годомъ: Святославъ князь иде въ Вятичи Корачеву (ibid. 159).

[278]) Ипат. 30, 85.

[279]) Ипат. 28, 47. См. выше, прим. 266.

[280]) Подъ 1147 годомъ: выбѣгоша посадници Володимери и Изяславли изъ Вятичь, изъ Бряньска, и изъ Мьченьска и изъ Блове, и оттуда иде Девягорьску, иде заемь вси Вятичи и до Брянескъ и до Воробіинъ, Подесьнье, до Магощъ и Мценескъ. Ипат. 30. Въ описаніи похода Юрія Долгорукаго и его союзниковъ въ 1152 г., точно также Мченескъ не смѣшивается съ землею Вятичей: идоша туда на Вятичѣ и тако взяша я, таже на Мценескъ, оттуда же идоша на Спашъ, также на Глуховъ (ibid. 69).

[281]) Это видно изъ хорографической номенклатуры области верхней Оки. См. выше, прим. 136. Проф. Д. И. Корсаковъ, котораго изслѣдованіемъ о Мери и Ростовскомъ княжествѣ мы не могли воспользоваться при первомъ изданіи книги, задался весьма важнымъ вопросомъ о томъ, какое именно изъ восточно-славянскихъ вѣтвей колонизировало область Поволжской Мери, „существовало ли вольное колонизаціонное движеніе въ отдаленнѣйшую эпоху въ землю Мери— непосредственно изъ земель Кривичей и Вятичей, или черезъ эти земли проходили вольные колонисты только съ юга, изъ Руси“. — Авторъ признаетъ, что такого рода вопросы не поддаются прямому разрѣшенію, но все таки находитъ возможнымъ предположить, что непосредственнаго движенія вольной колонизаціи отъ Кривичей и Вятичей не было, — отъ Кривичей потому, что они тянули къ югу и къ Подпѣпровью, и имъ не было причины выселяться въ область верхняго теченія Волги, — а отъ Вятичей — по ихъ дикости, — и что слѣдовательно вольные колонисты шли въ Мерянскую землю главнымъ образомъ изъ Новгорода, а за тѣмъ уже съ юга, изъ Руси, — черезъ землю Кривичей и Вятичей, при чемъ все таки большой дорогой Славянъ въ землю Мери была рѣчная и озерная область Новгородская (54 — 55). Но, переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ разселились первоначальные Славянскіе колонисты въ землѣ Мери, какимъ образомъ возникали здѣсь ихъ поселенія, проф. Корсаковъ останавливается исключительно на такомъ способѣ продиранія и прожиганія черезъ лѣсистую колонизаціонную область, который прямо указываетъ, что колонизація имѣла, самый простой, первобытный видъ постепеннаго разселенія въ ближайшія пустынныя, т. е. незаселенныя или малонаселенныя мѣста отдѣльныхъ семей или общинъ (вервей) изъ мѣстъ, въ которыхъ населеніе успѣло не

только утвердиться но и размножиться. При такихъ условіяхъ, центральная власть, — была ли то власть земельныхъ князей или старѣйшинъ, или Русскихъ князей Рюриковичей,—во всякомъ случаѣ имѣла полную возможность слѣдить за ходомъ этой колонизаціи, не упускать ея изъ виду, и черезъ нея расширять свои владѣнія. Такимъ образомъ эта непосредственная колонизація предшествовала всякой другой. Относительно прямого участія Кривичей въ заселеніи Мерянскаго Поволжья, мы имѣемъ, кромѣ указаній географической номенклатуры. документальное свидѣтельство въ претензіи Смоленскихъ (Кривскихъ) князей на Суздале-Залѣсскую дань. (См. стр. 188). Относительно Сѣверянъ и Вятичей такого рѣзкаго указанія не имѣется (развѣ только—черниговскія волости Лопастна и Свирѣльскъ); но и нѣтъ основаній отвергать ихъ участіе въ колонизаціи. Впрочемъ этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при дальнѣйшемъ тщательномъ изученіи этнографіи Поволжскаго и Приокскаго Славянства, его быта и исторіи. Что касается вольной колонизаціи изъ Приднѣпровской Руси въ области Мери черезъ земли Кривичей и Вятичей, — то по крайней мѣрѣ до половины XII в. мы не имѣемъ пока никакихъ хотя бы и отдаленныхъ указаній. При Андреѣ Боголюбскомъ мы имѣемъ извѣстіе о переселенцахъ изъ Кіева, но и тутъ скорѣе надо видѣть болѣе переѣздъ на службу отдѣльныхъ лицъ съ юга къ богатому и сильному Сѣверно-Русскому князю, чѣмъ вольную колонизацію рабочаго слоя населенія, который на своихъ плечахъ выносилъ культуру дикаго края. Такая колонизація началась, можетъ быть, не раньше Татарскаго погрома.

[282]) Остатки древней Рязани находятся на крутомъ берегу Оки, въ четырехъ верстахъ ниже устья Прони, у г. Спасска. См. Д. И. Иловайскій Исторія Рязанск. кн. 94. 256. Д. Тихомировъ Истор. свѣд. объ археол. изслѣд. въ Старой Рязани.

[283]) См. ниже, прим. 313.

[284]) Подъ 884 годомъ: Иде Олегъ на Сѣверяне и побѣди Сѣверяны, и возложи нань дань легку и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“. Лавр. 10.

[285]) .... „велитъ послушати земли незнаемѣ Вльзѣ и Поморію и Посулію, и Сурожу и Корсуню, и тебѣ, Тмутараканскій блъване“. Изд. Дубенск. Русск. Достоп. III. 39.

[286]) Еще Всеволодъ Ярославичъ, сдѣлавшись Кіевскимъ княземъ, посадилъ въ Переяславлѣ сына своего Мономаха передъ братьею (Лавр. 103). Затѣмъ Переяславль пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго княженія только на то время, когда Мономахъ, лишившись Чернигова, принужденъ былъ довольствоваться этимъ удѣломъ. По переходѣ на Кіевскій столъ онъ отдалъ его сыну своему

Ярополку, который, занявши въ свое время Кіевскій столъ въ 1132 году, уступилъ Переяславль племяннику Всеволоду Мстиславичу. Въ начавшихся вскорѣ усобицахъ между Ольговичами и Мономашичами, и старшихъ Мономашичей съ младшими почти каждая смѣна старѣйшихъ Кіевскихъ князей сопровождалась смѣною князей въ Переяславлѣ.

[287]) Упоминаемая въ описаніи битвы съ Половцами Русскихъ князей 1078 года, Пѣжатина Нива пріурочивается къ тепер. городу Нѣжину на р. Острѣ... „убіенъ бысть князь Изяславъ... и вземше тѣло его, привезоша и въ лодьи, и поставиша противу Городьцю". Нѣжатину Ниву слѣдуетъ отличить отъ Пѣжатина 1135 года (Лавр. 132), который должно искать гораздо южнѣе, и котораго положеніе теперь неизвѣстно.

[288]) См. прим. 242.

[289]) Въ 1095 году къ Переяславлю приходили Половцы Итларь и Кытанъ къ Володимеру на миръ. Лавр. 97.

[290]) Песочень показанъ въ этомъ извѣстіи вмѣстѣ съ Переволокою, которая пріурочивается къ тепер. м. Переволочное на Удаѣ, къ востоку отъ Прилукъ. Вблизи его на Сулѣ Пески и Песочки въ окрестности которыхъ городище, къ востоку верстахъ въ 7 отъ Лохвицы. — Подъ 1169 годомъ указывается Песочень у Переяславля (Лавр. 153): то можетъ быть тепер. Пещаное на дорогѣ изъ Переяславля къ Золотоношѣ, при впаденіи Ковраи въ Супой.

[291]) Бѣлавѣжа, тепер. Белемешь (см. Лербергъ, Изслѣд. 385). возникла вѣроятно послѣ 1117 года, когда, по извѣстію Ипатьевской лѣт. „придоша Бѣловежьцѣ въ Русь" стр. 8. Она была не Переяславскимъ, а Черниговскимъ городомъ. Ibid. 36.

[292]) Въ области верхней Сулы замѣчается нѣсколько подобноименныхъ мѣстностей, какъ напр. Попадино на рѣчкѣ, съ сѣвера вливающейся въ Сулу нѣсколько ниже мѣст. Недригайлова, р. Попадья, лѣвой притокъ Сулы, впадающій выше того же мѣстечка. Въ области Семи Бошевка на Локнѣ притокѣ Вира, къ сѣверу отъ него Поповъ и др.

[293]) Поуч. Моном. Лавр. 104. На рѣкѣ Вырѣ, впадающей въ Сеймъ съ лѣвой стороны въ Путивльскомъ уѣздѣ, находятся населенныя мѣста: Виры, при устьи Сипяки, слоб. Вирки, (оба въ Сумскомъ у.) и Виры (Старые?) въ Путивльскомъ у. на границѣ съ Сумскимъ у. Къ какому изъ нихъ правильнѣе пріурочивать лѣтописный Вырь (Выревъ, Вырьскъ), опредѣлить пока нельзя.

[294]) Ипат. 35.

[295]) До построенія Ярославомъ Великимъ въ Кіевѣ церкви Св. Софіи митрополіи въ 1037. (Лавр. 65). Послѣ того за Переяславскою

епархіей еще нѣкоторое время удерживалось титулярное названіе митрополіи. См. проф. Голубинскаго Истор. Русск. церк. I.—Филарета Ист. Русск. церкви I. 101.

[296]) Въ Поуч. Моном.: „и на Богъ идохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Рось... паки идохомъ другое съ Ворошицѣ“. Изъ этого извѣстія не ясно, на какой сторонѣ Днѣпра слѣдуетъ искать Ворошицы. На Кіевской сторонѣ есть теперь сел. Вороновка къ сѣверо-восточной части Звенигородскаго уѣзда, на рѣкѣ Ольшанкѣ, Вороное на границѣ Уманскаго и Таращанскаго у., близъ Бузовки и Канелы.

[297]) Этотъ важный моментъ въ исторіи взаимныхъ отношеній княжескихъ линій Мономашичей и Ольговичей открывается въ извѣстіи Кіевской лѣтописи подъ 1136 г., — которое, какъ кажется, до сей поры понималось слишкомъ узко. Какъ извѣстно, Всеволодъ Ольговичъ ловко воспользовался раздоромъ, возникшимъ по смерти Мстислава Великаго, въ Мономаховой семьѣ между вел. кн. Ярополкомъ, который стремился, по соглашенію съ покойнымъ братомъ, обезпечить Южно-Русскія волости за своими племенниками Мстиславичами — и его родными братьями (главнымъ образомъ Юріемъ), которыхъ права такимъ обезпеченіемъ нарушались. Пользуясь обстоятельствами, Всеволодъ Ольговичъ открылъ противъ великаго князя рядъ враждебныхъ дѣйствій, по видимому на столько удачныхъ, что счелъ возможнымъ затребовать у Ярополка: „что ны (папъ) отець держалъ при вашимъ отци, того и мы хочемъ“ (1135. Ипат. 13). Неизвѣстно, согласился ли на это требованіе великій князь: миръ съ Ольговичами былъ заключенъ (зимою 1135 — 1136 г.), но Мономашичи вели переговоры объ этомъ докончаніи, имѣя на готовѣ Кіевскіе и Переяславскіе полки. Во всякомъ случаѣ Всеволодъ не былъ доволенъ исходомъ дѣла; непріязненныя дѣйствія возобновились лѣтомъ слѣдующаго 1154 года, а въ концѣ декабря Всеволодъ Ольговичъ перешелъ на Кіевскую сторону Днѣпра, и жестоко опустошилъ окрестности Кіева. „Ярополкъ, говоритъ лѣтописецъ, не изиде на нь противу, ни створи кровопролитія, но убоялся суда Божія, створися мній въ нихъ (въ др. спискахъ: всихъ), хулу и укоръ пріяпа ся отъ братьѣ своея и отъ всихъ... и створи съ ними миръ въ 12 генваря, и цѣловавши хрестъ межю собою, ходячю межи ими честьному Михаилу митрополиту со хрестомъ, и вда Ярополкъ Ольговичемъ отчину свою, чего и хотѣли; и тако утѣши (т. е. утишилъ) благоумный Ярополкъ брань ту лютую. 14. Тутъ „отчина моя“ не можетъ значить ту или другую территорію, которую изъ своихъ волостей могъ уступить Ярополкъ Ольговичамъ, какъ то понимали это извѣстіе Карамзинъ (II. 108, прим. 263), а за нимъ С. М. Соловьевъ

(т. II. изд. 1852 г. стр. 102), которые полагали, что здѣсь дѣло шло о Посемьи съ Курскомъ, которые дѣйствительно мы видимъ вслѣдъ за тѣмъ во владѣніи Ольговичей. (Д. И. Иловайскій Ист. Р. I. минулъ этотъ фактъ, очевидно, какъ одинъ изъ неважныхъ эпизодовъ всей усобицы, окончившейся миромъ при Моравійскѣ въ 1139 году). Ярополкъ уступилъ изъ Мономаховыхъ отчинъ свою отчину,—а его отчиною, т. е. волостью, полученною изъ отцовскаго наслѣдія, было — великое княженіе Кіевское, — то есть онъ призналъ за Всеволодомъ Ольговичемъ право на Кіевскій столъ, который Мономашичи уже привыкли считать неотъемлемою своею отчиною, такъ какъ Мономахъ и Мстиславъ распоряжались этимъ столомъ—первый въ пользу сына, а второй—брата, не встрѣчая протеста со стороны представителей другихъ линій, да и при Ярополкѣ по видимому дѣло шло сначала только о томъ, кто изъ Мономашичей же долженъ въ свое время „не насиліемъ, а съ правдою“ сѣсть на этотъ старѣйшій столъ. Понятно, что только такою уступкою онъ дѣйствительно могъ створитися (признать себя) мній въ нихъ (т. е. передъ Ольговичами), могъ вызвать увсей братьи своей хулу и укоръ, и утишить лютую брань, заслуживъ отъ лѣтописца прозваніе благоумнаго. Такимъ образомъ договоромъ 12 Января 1137 г. полагался конецъ изгойству линіи Святослава Ольговича, начало котораго относится къ извѣстному изгнанію этимъ княземъ старѣйшаго брата Изяслава въ 1073 году. Какъ важенъ казался договоръ современникамъ, видно изъ того, что лѣтописецъ отмѣтилъ точно день его заключенія (12 Января). На такое именно значеніе этого договора, указываетъ весь ходъ послѣдующихъ событій. Мы видимъ старанія Всеволода Ольговича реализировать признанныя за его линіей права. Въ 1138 году Новгородцы призываютъ къ себѣ его брата Святослава Ольговича на мѣста изгнаннаго Всеволода Мстиславича. Новая усобица между нимъ и Кіевскимъ княземъ, окончившаяся миромъ въ Моравійскѣ, незадолго до смерти Ярополка (1139), стоитъ въ связи съ изгнаніемъ Святослава Ольговича изъ Новгорода, и, хотя лѣтописецъ говоритъ, что Всеволодъ долженъ былъ просить у великаго князя мира съ мольбою, — но очевидно существенныхъ уступокъ онъ не сдѣлалъ. Тотчасъ же по смерти Ярополка онъ подступаетъ къ Кіеву, который успѣлъ уже захватить старѣйшій тогда изъ Мономашичей — Вячеславъ, — но тотъ однако „противу не изыде, не хотя крови проліяти, по сотворися мній, и высла митрополита“ — съ объявленіемъ, что уходитъ въ свою волость, уступая противнику Кіевъ. Замѣчательно, что и о Вячеславѣ употреблено лѣтописью тоже выраженіе „сотворися мній“, т. е. призналъ себя младшимъ, какъ и о Ярополкѣ, въ разбираемомъ мѣстѣ. Вообще Ольговичъ при занятіи Кіева дѣйствуетъ такъ, какъ будто дѣло это было предусмотрѣно раньше и съ той и съ

другой стороны. Замѣчательно тоже, что въ тѣхъ и другихъ переговорахъ участвуетъ митрополитъ Михаилъ.

[298]) Подъ 1096 годомъ: „и посла Олегъ слы свое къ Изяславу (Володимѣровичу, который засѣлъ въ Муромѣ), глаголя: иди въ волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего Лавр. 107.

[299]) Какую важность имѣлъ Любечъ для Черниговскихъ князей, видно изъ описанія похода Изяслава Мстиславича подъ этотъ городъ въ 1147 году. Ипат. 37. При немъ доселѣ сохранились остатки земляного укрѣпленія. Въ полуторѣ версты отъ него подъ горою надъ озеромъ Кораблище—пустынь Антоніевская съ обветшалою, деревянною церковью св. Антонія и съ его пещерами. См. Шафонскій, Черниговскаго Намѣстничества Топограф. Опис. 1786 года. Кіевъ 1851, стр. 315.

[300]) Дубенскій (Сл. о Полку Игор. Русск. Дост. Ш. 61, прим. 207) совершенно справедливо замѣчаетъ, что дорога, по которой шелъ Игорь, лежитъ по возвышенію между рѣками Донцомъ и Осколомъ, по правой сторонѣ Оскола, и приводитъ на Донецкій перевозъ у Изюмскаго кургана. Въ Ипат. лѣт. въ описаніи похода Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича на Половцевъ: „новорошници же, перешедше Хоролъ, взидоша на шоломя, глядающе, гдѣ узрять я (Половцевъ). Кончакъ же стоялъ у лузѣ, его же ѣдуще по шоломени оминуша“, стр. 129. Наворопницы—ед. ч. Наворопникъ—разѣздчики составлявшіе отрядъ, высылавшійся впередъ отъ главныхъ военныхъ силъ, для развѣдки и освѣщенія мѣстности, — отъ слова воронъ (см. выше, прим. 254); наворонъ — разъѣздный передовой отрядъ;—въ томъ же мѣстѣ лѣтописи: Рюрикъ же и Святославъ отрядиста Володимѣра Глѣбовича (въ разѣздъ для развѣдки Половцевъ въ степи), въ рядиша въ наворонъ и Мстислава Романовича, а самъ Рюрикъ и Святославъ поидоша задѣ (на задѣ) ихъ.

[301]) Лавр. 163.

[302]) Д. И. Иловайскій, Истор. Рязанск. княж. 142 — 144.

[303]) Ближайшее сродство между Новгородскими Славянами и Кривичами указано Шафарикомъ (Слав. Древн. въ пер. Бодянскаго, т. II. кн. 1. стр. 159). Онъ полагаетъ, что Новгородскіе Славяне составляли отрасль, оторванную отъ великой нѣкогда вѣтви того же имени, которая, судя по оставшимся мѣстнымъ названіямъ, въ прежнее время простиралась далеко на югъ до предѣловъ губерній: Минской, Волынской и Могилевской. „По переселеніи многихъ Славянскихъ родинъ въ VI столѣтіи въ Дакію, Мизію и Паннонію

и по занятіи оставленныхъ ими мѣстъ другими вѣтвями, съ перемѣною обитателей перемѣнились и названія: имена Кривичей, Полочанъ, Радимичей и др. усилились, а имя Славянъ уменьшилось, и осталось только за одними обитателями области Ильменской". Гг. Соловьевъ (см. выше стр. 60 — 61, прим. 104), и Бѣляевъ (Разсказы изъ Русск. Ист. I.) считаютъ Кривичей — развѣтвленіемъ Новгородскихъ Славянъ. Опроверженіе мнѣнія г. Бѣляева сдѣлано Д. И. Иловайскимъ, который полагаетъ, что скорѣе всего слѣдуетъ признать самихъ Новгородскихъ Славянъ вѣтвью Кривичей (Великій Новгородъ и Бѣлоруссія, по поводу Разсказ. изъ р. Ист. Бѣляева. Русск. Вѣстн. 1864 N 8, стр. 646 и слѣд.). Мнѣніе о сродствѣ Новгородскихъ Славянъ, съ Южно или Малороссами, высказанное И. И. Костомаровымъ (Сѣверно-р. народопр. I. 5 — 13), обстоятельно разобрано Гильфердингомъ (Собр. соч. I.).—См. ниже, прим. 313.

304) Генрихъ Латышъ. Chronicon Livonicum vetus, in Gruberi. Originib. Livon. говоритъ о двухъ Русскихъ городахъ — Gercike (1202. 26) и Kukenoys (1204. 33). Въ послѣднемъ княжилъ Vesceke (Вячко, Вячеславъ). Положеніе Кукенойса опредѣляется тѣм. Кокенгузеномъ на Двинѣ, который и до нынѣ мѣстные Латыши называютъ Кокнесе, Kohknese, что, по объясненію И. Я. Спрогиса, собственно значитъ: мѣсто сноски, своза дерева, дровъ. См. Нам. Латышс. Творч. I. Что же касается Герцике, то еще Груберъ усомнился въ правильности самаго названія его, и, основываясь на томъ, что прописныя Буквы G и B въ старинныхъ рукописяхъ такъ сходны между собою, что особенно въ собственныхъ именахъ легко принять ихъ одну за другую, предлагалъ читать „Bercike" вмѣсто „Gercike", и объяснялъ этотъ городъ Жмудскимъ городкомъ Биржы, волостью Радивиловъ (26 Nota). Нарушевичъ (Hist. Polsk. IV) указывалъ на замокъ Берсонъ къ с. отъ Якобштата, а Нарбутъ (III 360) объясняетъ его какимъ то Царегродомъ, который впрочемъ—сколько извѣстно—никогда не существовалъ. Полевой въ Исторіи Р. Нар. III. 217 пр. 207. „Герсика, нынѣ Крейцбургъ, ниже Динабурга, по—латышски Кревцеменилисъ (?); x) Русы называли его Кружборъ". Грамота епископа Альберта, данная Герцикскому князю Всеволоду (Wisscwaldo, rex de Gercike), въ области этого князя упоминаетъ города: Antina (Autina) Zcesowe (et aliae ad fidem conversae). См. Bunge's Urkundenbuch. 21. N. 15. 1209.

305) Ипат. лѣт. подъ 1195 г. стр. 147.

---

x) Сколько намъ извѣстно, у Латышей Крейцбургъ зовется Krisburga.

[306]) Карамз. Ист. Гос. Р. II. 4—10 прим. 23.

[307]) Лавр. 72. Всеславъ... „переѣха въ лодьи черезъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска. Къю. отъ Копыса на лѣвой сторонѣ Днѣпра—Городецъ къ в. отъ Шклова, Острожье къ з. отъ Чаусъ, Сутоки къ в. отъ Стараго Быхова, на дорогѣ изъ Могилева въ Пропойскъ.

[308]) Слѣды Рогнѣдина села Заруба (Ипат. 95), съ котораго въ XII-мъ в. взималось княжеской дани 30 гривенъ, замѣчаются за правымъ берегомъ Днѣпра въ сел. Заровцы, къ сѣв. зап. отъ Шклова.

[309]) Въ Поуч. Моном.: и на ту осень идохомъ съ Черниговцы си съ Половци, Читѣевичи, къ Мѣньску. Изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины. Лавр. 103. Дуды сел. въ южной части Ошмянскаго у. въ недальнемъ разстояніи отъ праваго берега Нѣмана, ниже устья Березины.

[310]) Изъ нихъ замѣчены нами Кривичи на Нѣманѣ къ с. отъ Новогорудка, Кривичи къ с. з. отъ Слонима, въ сосѣдствѣ Дороглинъ, Деречинъ; въ Новогрудскомъ у. два Кривыхъ села; Кривцы близь Яцольцы къ с. отъ Пинска, (карта Шуб. 34. Кршивиць), на Щарѣ — Кривошинъ къ югу отъ м. Великія Луки, Кривляне къ в. отъ Ковеля, на р. Мельницѣ, притокѣ Стохода; въ Бужскомъ бассейнѣ: Кривляны къ западу отъ Кобрина; Кривляне у Каменца Литовскаго, Криватичс (Кршиватице) и Кривичи (Кршива) у Вѣльска.

[311]) Въ Ипат. Лѣт. подъ 1078 г. (2-ое изд. стр. 140). „сѣдящу въ него мѣсто (т. е. вмѣсто Глѣба Святославича, убитаго въ Заволочьи), Святополку, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящу у Смоленска, приведе Олегъ и Борисъ поганыхъ на Русскую землю. — По Лаврентьевскому списку — Ярополкъ былъ въ Вышгородѣ, а въ Смоленскѣ Мономахъ.

[312]) И. Д. Бѣляевъ считаетъ этотъ Холмъ, теп. у. г. Псковской губ. тѣмъ Смоленскимъ городомъ, который упоминается въ Уставной грамотѣ Смоленской епископіи около 1150 (О геогр. свѣд. др. Россіи 174).; но по Новгородскимъ писцовымъ книгамъ 1500 года Холмъ въ 150 верстахъ отъ Новгорода значится въ Деревской пятинѣ (Неволинъ, о Пятинахъ. Стр. 176 — 177). Въ договорѣ, заключенномъ 1471 года Новгородцами съ Казиміромъ Литовскимъ, Холмъ показанъ пограничнымъ съ Литвою Новгородскимъ городомъ. См. Карамз. Ист. Г. Р. VI. прим. 42.

[313]) Г. Гедеоновъ (Варяги и Русь I. 120), слѣдуя Шафарику (ibid. 85. см. выше прим. 303), считаетъ Новгородцевъ древнѣйшимъ поселеніемъ, чуть ли не основнымъ ядромъ Славянства на восточно-европейской равнинѣ. Во всякомъ случаѣ полнаго вниманія заслуживаетъ его объясненіе темнаго и спорнаго мѣста лѣтописи,

гдѣ говорится о началѣ княжиній въ восточно Славянскихъ земляхъ. (См. Л. Н. Майковъ. Замѣтка 50). И по сихъ братьи (Кіи, Щекѣ и Хоривѣ) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревляхъ с в о е, а Дреговичи с в о е, а Словене с в о е въ Новгородѣ, а другое (т. е. Словене держали другое княженіе) на Полотѣ, иже Полочане; отъ нихъ же (т. е. отъ Словѣнъ же ч) имѣли свое княженіе) Кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ, таже Сѣверъ отъ нихъ". Такимъ образомъ Новгородъ обозначается если не центромъ обширнаго земельнаго союза, то какъ бы разсадникомъ княжескаго порядка въ Сѣверо-восточномъ Славянствѣ.

[314]) Выписки изъ этихъ сказаній у Карамзина, т. I, прим. 70.— Опытъ разбора ихъ представленъ И. И. К е с т о м а р о в ы м ъ. Сѣв. — р. Народ. I. 7 и слл.

[315]) Территорія древней В о т с к о й п я т и н ы обслѣдуется въ послѣднее время г. Л. К. Ивановскимъ, а О б о н е ж с к о й п я т и н ы (къ в. отъ Волхова) — дѣйствительнымъ членомъ И. Р. Г. Общества Н. Е. Б р а н д е н б у р г о м ъ. Въ предложеніи или докладѣ г. Бранденбурга, сдѣланномъ Отдѣленію Этнографіи этого Общества въ засѣданіи 5-го Апрѣля 1883 г. находятся слѣдующія любопытныя указанія относительно возможной древности Славянскихъ поселеній по Волхову. На востокъ отъ Волхова г. Б р а н д е н б у р г ъ производилъ свои раскопки лично въ теченіи четырехъ послѣднихъ лѣтъ (до 1883 г.), при чемъ его раскопки обнаружили культуру, аналогичную отчасти какъ съ упомянутою Вотскою, такъ и съ выясненною работами Графа А. С. Уварова, въ области древняго Финскаго племени Мери. „Тѣмъ не менѣе, заявляетъ г. Бранденбургъ, районъ моихъ изслѣдованій сохраняетъ и свои особенности, отличающія его отъ земли Мерянъ и Вотовъ въ этнографическомъ отношеніи, такъ — какъ въ немъ бытовыя условія слагались иначе, чѣмъ у Мери и Вотяковъ, особенно сравнительно съ послѣдними. Выяснить причины упоминаемаго отличія въ культурахъ пятинъ Вотской и Обонежской было бы задачею весьма важною и любопытною... Дѣло въ томъ, что насыпи эти, окаймляющія оба берега Волхова въ нижнемъ его теченіи, носятъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ напр. на р. С я с и и далѣе къ востоку, съ которыми они очевидно не имѣютъ этнографической связи. Съ другой стороны на зап. отъ Волхова кургановъ на значительномъ протяженіи нѣтъ почти вовсе, а слѣдующія за тѣмъ мо-

---

ч) „Отъ нихъ же" (т. е. отъ которыхъ) можетъ быть отнесено къ Полочанамъ, кажется, съ большею вѣроятностью.

гильныя насыпи Вотовъ опять отличаются отъ Волховскихъ, такъ что послѣднія видимо принадлежатъ иной народности. Отсюда естественно является мысль, что не сталкиваемся ли мы по Волхову со слѣдами Славянской колонизаціи, подъ вліяніемъ которой культура кургановъ въ районѣ моихъ изслѣдованій получила свои особенности, какъ непосредственно соприкасавшаяся съ Славянскою. Къ сожалѣнію однако Волховскіе курганы и до сей поры остаются загадкою."

[316]) Ср. выше стр. 51; стр. 239 и прим. 86.

[317]) Отдѣльность Бѣлоозера отъ Поволожья въ концѣ XI вѣка не льзя не замѣтить при внимательномъ разборѣ извѣстнаго лѣтописнаго сказанія о явленіи волхвовъ въ области Ростовской... „Вста-ста два волъхва отъ Ярославля... и придоста на Бѣлоозеро. Въ се же время приключися притн отъ Святослава день емлюще Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша сму Бѣлозерци... Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдавъ яко своего князя,ославъ къ нимъ иже около его суть, рече имъ: выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста мосго князя." Послѣ схватки съ приверженцами волхвовъ... „Янъ же въшедъ въ градъ къ Бѣлозерцамъ, рече имъ: аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто." Лавр. 75. Очевидно, что Янъ собиралъ дань не у Бѣлозерцевъ, и, если вступилъ въ градъ Бѣлозерцевъ и грозилъ пробыть у нихъ цѣлое лѣто, то только потому, что они не хотѣли выдать смердовъ его князя, возставшихъ отъ Ярославля. Въ концѣ этого вѣка Бѣлоозеро вмѣстѣ съ Ростовомъ и Суздалемъ составляетъ волость Мономаха и его дѣтей (ibid. 108).

[318]) И. Д. Бѣляевъ. О геогр. свѣд. въ древн. Росс. 46.

[319]) Таковы между прочими Славитино на р. Шахѣ (Юрьевскаго у.), Числавль вблизи сел. Б. и М. Вески, Сеславское къ с. з. отъ Владиміра, озеро Словинское къ с. з. отъ Костромы, Усславино, Вышеславское, Сеславино къ с. отъ Ростова и др. Въ Поволжьи весьма нерѣдки населенныя мѣста, и вѣроятно — также урочища съ названіями, напоминающими еще языческій бытъ водворившагося тамъ Славянства (Перуново, Волосово, Волотово, Турово, Игрищи); — и бытъ старо — княжескій, какъ напр. Гридины, Гридинскіе. О характерѣ первоначальной Славянской колонизаціи сѣверо-восточной равнины см. превосходную статью профессора Ешевскаго: Русская колонизація сѣверо-восточнаго края Русск. Вѣст. 1866. N. 1, и К. Н. Бестужева-Рюмина — О колонизаціи велико-русскаго племени. Журн. М. Н. Пр. 1867. N. 6.—И. Д. Бѣляевъ въ статьѣ „о велико русскомъ племени" считаетъ Новгородъ и Смоленскъ гнѣздомъ Славянщины, изъ котораго постоянно напирали въ Поволжье Славянскіе колонисты и постепенно подчиняли тамошнихъ полудикихъ старожиловъ Весь, Мерю, Мурому 5 (См. выше, п. 303).

[320]) Карамзинъ, основываясь на томъ, что Ярославъ не могъ говорить о церкви Бориса Глѣба, которой при немъ не было, сдѣлалъ два предположенія: или названіе церкви внесено въ Уставъ въ болѣе позднее время, чтобы яснѣе означить мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, или же, что этотъ Уставъ принадлежитъ не Ярославу Великому, а другому: можетъ быть, отцу Александра Невскаго (II. прим. 108 стр. 42). И. Д. Бѣляевъ (Разск. изъ Р. Ист. II. 3), не высказывая основаній, прямо приписываетъ его князю Ярославу Ярославичу, брату Невскаго.

[321]) Ими я обязанъ Проф. А. И. Никитскому.

[322]) См. Карамз. II. пр. 108. — Дубенскій въ Русск. Дост. II. стр. 27, прим. 24.

[323]) А. К. Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ (Зап. Имп. Р. Геогр. общ. VI 1853 стр. 124). „Этотъ погостъ, какъ видно изъ писцовой книги 1500 года, былъ расположенъ по рѣкамъ Назьѣ, Шельдихѣ и Лавѣ (Лавуѣ), и по берегу Ладожскаго озера подходилъ даже къ Орѣшку. На картѣ Бергенгейма (Карта бывшихъ губерній Иванъ-Города, Яма, Копорья и Нотеборга, составленная 1817 года, подъ присмотромъ Генералъ-Маіора Шуберта, Генеральнаго Штаба Штабсъ Капитаномъ Бергенгейномъ 1-мъ изъ матеріаловъ, найденныхъ въ Шведскихъ архивахъ, показывающая раздѣленіе и состояніе оного края въ 1676 году), стоитъ Loppis при р. Seldica, на лѣвой ея сторонѣ. Нѣсколько ниже на правой, сторонѣ той же рѣки стоитъ Putila. Это должно быть село Путилово, значащееся по картѣ Шуб. на лѣвомъ берегу р. Шельдихѣ впадающей съ юга въ Ладожское озеро... По свѣденіямъ, сообщеннымъ П. И. Кеппену, а отъ него Неволину, Hywila (Поляна Дальная), Maitchta (Майдесухта, Майдеухта, Алексѣевка), Saamusti Замошье, Замостье), Wanhanmylly (Старая Мельница), Suasari — эти пять деревень образовали въ давнее время общину съ небольшою церковью, подъ именемъ Loppi-Kolka, и это имя удержалось за ними до нынѣ.

[324]) Есть еще Масельга сел. гораздо дальше на с. в., на ю. з. берегу Маткозера, соединеннаго Р. Телепинскою съ Выгозеромъ, лежащимъ отъ него на сѣверъ (Карта Шуб. IV).

[325]) Уставъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича (Русск. Достоп. I), которымъ сборъ десятинный замѣненъ постояннымъ поборомъ. Онега—городъ, къ которому тянутъ, или — область, въ которой находились — погосты: Волдоутовъ (подобнозвучащая, р. Вонгуда, текущая изъ озера Вонгуда; на ней селеніе Вонгудъ, въ Онежскомъ у., верстахъ въ 30 на ю. в. отъ Онеги.); Тудоворъ (Тудорскій у восточнаго берега Онежскаго озера, къ с.,

верстахъ въ 10 отъ Вытегры); Ивань (Ивановское) озеро съ протокомъ въ Мошу, правый притокъ Онеги въ Каргопольскомъ уѣздѣ); Ракуль (Раколова дер. въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на с. отъ озера Лача, въ 25 в. на с. з. отъ Каргополя; есть еще Ракульскій погостъ въ Вельскомъ у. на р. Вели, — Ракульская на р. Кокшенгѣ, къ в. отъ Вельска, мѣстности, которыя конечно не могутъ быть приняты въ разсчетъ при опредѣленіи Ракули 1137 года, какъ и другія подобноименныя мѣстности, довольно часто встрѣчающіяся теперь въ Поволжьи и въ Озерной области); Спирковъ (Спирково—Ивановское въ Каргопольскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегу Онеги); Вихтуй (есть озеро Виштама въ восточномъ углу Вытегорскаго уѣзда, на ю. в. отъ Комозера, соединяющееся съ Кемью протокомъ). За тѣмъ Уставъ называетъ: Пинегу (на мѣстѣ теп. у. г. того же имени), Кегроль (Кевроли на ю. в. отъ Пинеги, въ уѣздѣ этого города, см. Sjögren. Ueber die Jemen 330), Усть-Емець и Усть-Вагу (при впаденіи этихъ рѣкъ въ Двину), Поуите (лѣвый притокъ Ваги, на Картѣ Шуб. — Пуя, въ Спискахъ нас. мѣстъ Арх. губ. — Пуянда, въ южной части Шенкурскаго у.: на ней сел. Нижнепойская, и Усть Пуйская, нѣсколько ниже на Вагѣ; есть еще Пійтова на Вагѣ, ниже Вельска, въ его уѣздѣ; Запуйда сел. въ Вельскомъ уѣздѣ); — Чюдинъ, Лигуй, Вавдитъ (мѣста неопредѣленныя). Вель (р. Вель) Викшенга (есть р. Вижненга лѣвой притокъ Свири, въ Лодейнопольскомъ у.. у границы Тихвинскаго у. съ Лодейнопольскимъ); Борокъ (— на Борку: есть Волокъ — Григорьевская тожь на Двинѣ Холмогорскаго уѣзда—Спис. Нас. м. Арх. губ. N. 1870; кромѣ того: Борецкая на правомъ берегу Двины, близъ Устюжской границы, — почти противъ острова Теличьяго, Карты Шуб. N. 10, Бараковская сел. на лѣвомъ берегу Ваги, нѣсколько—выше устья Пуянды),—Отмишъ (м. п.): Тойма (нижняя и верхняя Тойма — правый притокъ Двины въ Устюжскомъ уѣздѣ. у Архангельской границы); Пома (Пома — чой — помъ иначе Звенигородъ, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, по правую сторону отъ торговой дороги въ Яльскъ (92 версты отъ у. г.); — Помоздинъ въ томъ же уѣздѣ, при Помоздѣ, притокѣ Вычегды. Помычялово въ 25 верстахъ отъ Вологды, на р. Пажебѣ); Тотьма, (теп. Тотьма у. г. на Сухонѣ, нѣсколько выше устьевъ Тотьмы); Пенешичъ (есть Пельевское на рѣкѣ Устьи Вельскаго у.; кромѣ того въ Устюжскомъ у.. Пенелы у Тотемскаго почтоваго тракта, на Бобровкѣ, и три слл. Пенье — а) по правую сторону Юга при озерѣ Лынѣ; б) на торговой дорогѣ отъ устья Вычегды къ Архангельску; в) близъ Двины.—Сп. Нас. м, Арх. губ. 11 257, 11500); Порогоноустьиць (Порогъ — въ Устюжскомъ у. на р. Сухо-

нѣ; на картѣ Шуберта есть сел. Подпорожье, въ Пудожскомъ уѣздѣ, къ с. в. отъ у. г. на в. берегу озера, соединеннаго протокомъ съ р. Водлою; Порожье, за р. Водлою, нѣсколько ниже Пудожа; — на р. Печорѣ — есть Порогъ-Печеры, выше сел. Троицко-Печерскаго, Усть-Сысольскаго у.): Валдитъ; Волокъ на Мши, Емь (мѣста не опредѣленныя, которыя однако Шегренъ объясняетъ дер. Вавдиполе (Вавдитъ-Поле) въ Пудожскомъ у. ла в. отъ Водлозера, р. Мошею въ Каргопольскомъ у., которая вытекаетъ изъ Мошозера и течетъ черезъ озеръ Водло, и которую слѣдовательно не льзя смѣшивать съ Мошею, упомянутою выше. „Въ настоящее время, говоритъ г. Огородниковъ въ этой мѣстности находятся двѣ волости вотчина Мошинская и Усть-Мошинская; здѣсь то сообразно указанія грамоты 1138 г. (у. „Вавдита на Волоци Моши у. Ями) и есть искомое мѣстожительство этого племени (Емы) въ XII в., непосредственно около Моши и на томъ же волокѣ, которому до сихъ поръ придаютъ названіе Заволочья“ (Побережье стр. 15). Кажется это свѣдѣніе требуетъ провѣрки. Никакой Моши у Водлоозера, по крайней мѣрѣ на извѣстныхъ намъ картахъ, мы не нашли.

[326]) См. выше, стр. 89, и прим. 151.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абаўй-Турнянскій комит. 284.
Авратынскія горы 17. 74. 117.
Аганъ р. прит. Оби. 245.
Агняне (Англяне) нар. 13 35
Агнянская земля 12.
Азіатскихъ номадовъ кочевья 23.
Азія 72.
Азовское море 21 78.
Айфаръ Днѣпр. пор. 223.
Аккерманъ гор. 116 см. Бѣлгородъ.
Аколятрія гор. на Черномъ морѣ. 114.
Албанія обл. 211. 247.
Алебугъ р., прит. Вороны. 259.
Алешня р., прит. Зуши. 258.
Алленштейнъ гор. 233.
Аллія р. 235.
Алпуха оз. 115.
Альта см. Льта р.
Алюля р., прит. Великой, 178.
Ангеранъ р. 235.
Англія стр. 13. см. Агняне.
Андога р. (впад. въ Псковское оз.) 179.
Андреевъ м. на р. Брокѣ 131. 132. 291.
Андреевъ гор. на р. Влодавѣ 121.
Антина (Antina, Autina) гор. въ Полоцк. кн. 312.
Антіохія гор. 311.
Антоніевская пустынь, съ церк. Св. Антонія 30.
Апраксино Городище сел. на р. Шошѣ. 189.
Атлантическій Океанъ. Его рукавъ — Варяжское море, наподобіе Средиземнаго. 14.
Арабы нар. 6. 34.
Аравійское море 211.
Аравія Старѣйшая 10. 210.
Аравія Сильная (Счастливая) 10. 210.
Аржисъ р., прит. Дуная 100.
Аркаданъ р., прит. Хопра. 259.
Аркадія обл. 10. 211.
Арменія Великая и А. Малая 10. 211.
Армерино сел. 52.
Архангельская почт. ст. въ Каргопольск. у. 225.
Архангельскъ гор. 225.
Архипелагъ 9.
Арчада р., прит. Хопра. 259.
Асійская страна нарицаема Іонія 10. 210.
Ассурія (Ассирія, Асуряне), обл. и нар. 211. 212.
Austur weg (vegi.) 213.
Афетова часть. 12. 14. 31. 211.
Афетово колѣно 12.

Африка 7.
Аоиръ р. 38.

Б.

Базарджикъ гор. 115.
Базловка р. (прит. Волхова) 49.
Базувлукъ р. См. Бузувлукъ.
Бакота гор. въ Галицк. кн. 116. 117.
Бактрія обл. 7. 210.
Балканскій полуостровъ 9. 38.
Балогорештъ сел. Кишинев. у. 4. 95.
Балтійскій бассейнъ 19. 23.
Балтійское море. 7. 11. 14. 43. 45. 216.
Бакура р., прит. Сердобы. впад. въ Хоперъ 259.
Балудянка сел. въ Галицк. Руси 281.
Баня уроч. 283.
Баня Рудна гор. въ Карпатской Руси 111. 281.
Баранья Шея уроч. въ Радзинск. у. 296.
Бараковское сел. на р. Вагѣ Шенкурск. у. 317.
Барахтянская Ольшанка р. 137.
Бардіевъ (Бартфельдъ) гор. (см. Бардуевъ).
Бардуевъ гор. въ Карпатской Руси. 111. 112. 283. 290.
Барсускова (Барсуску) гора 282.
Барсучени сел. въ Молдавіи 282.
Барты нар. 232.
Баручъ гор. Переяславскаго княж. 161. 166.
Барышовцовъ хуторъ Нѣжинскаго у. 162. 166.
Бастечка сел. въ Таращ. у. 299.
Батушаны гор. 282.
Батыево См. Большое Батыево.
Бельзъ гор. въ Червонной Руси 105. 123. 230. 290.
Бекемешь кол. Черниг. губ. 163. 308.
Берда р., прит. Болдеръ Аа. 49.
Берегъ знач. 221.
Березань остр. 21. 223.
Березань р., прит. Днѣпра. 258.
Березина р., прит. Днѣпра. 18. 74, 87. 124-126. 133. 184 225.
Березина р., прит. Нѣмана 77. 87. 125. 185. 186.
Березова сел. въ Галицк. Руси 281.
Березовая (назв. водъ) 193.
Березовка р. притокъ Сѣв. Донца 259.
Березуя р. прит. Оки 259.
Берендѣи (Берендичи) нар. 136. 144. 254. 201.
Берестовое сел. Кіевской княж. 142.
Берестье гор. Кіевск. кн. 121. 123. 131. 235. 296.
Берладники 113.
Берладъ гор. въ Румыніи 114. Ср. Эски Барладъ
Берсонъ зам. 312.
Беска, дер. въ Галицк. Руси 281.
Бессарабія обл. 97. 97.
Биковъ сел. въ Галиціи 117.
Биржы. м. 312.
Біармія обл. 57. 246.
Благовѣщенія церк. въ Кіевѣ. 141.
Блове вол. Черниг. княж. 156. 302. 306.
Бобръ р. притокъ Березины 225.
Бобръ р, притокъ Нарева 234. 235.
Бобръ (Бобръка) р. въ Червонной Руси. 39. 41. 42. 118. 126. 288.
Богатырскія заставы 88.

Богородицы церк. въ Кіевѣ. 141.
Богуша сел. въ Гал. Руси 281.
Богъ р. см. Бугъ.
Бодва р. прит. Шайо въ Карпатской Руси. 95.
Боднарка, сел. въ Гал. Руси.
Бодрогъ р., прит. Тиссы. 95. 112.
Болва р., притокъ Десны 23. 156. 172. 258.
Болгарія обл. 104. 112. 135.
Болгарскій законъ 37.
Болгары Волжскіе 6. 12. 15. 16. 18. 28. 169. 213. 217. 286.
Болгары Дунайскіе 65. 68. 91. 214. 244. 245. 250. 256.
Болградъ сел. (Табакъ), у оз. Алпуха 115. 116.
Болдеръ-Аа р. въ Лифляндіи 49.
Болдикище сел. Ятвяговъ. 236.
Болдины Горы въ Черни. княж. 19. 172.
Болдыжъ лѣсъ, уроч. Черниг. княж. 148. 149. 154.
Болдыжъ сел. Орловской губ. 149.
Болоховская земля 254. 288. 289. 293. 299.
Болшма р. въ Онежск. краѣ. 32.
Большое Батыево сел. 256.
Большой Самошъ р. 111.
Борецкая дер. Шенкурск. у. 317.
Бориса Ростовскаго Становище 31.
Борисовъ гор. Полоц. обл. 124.
Борисовны нар. 254.
Боричевъ взвозъ уроч. въ Кіевѣ. 141.
Борове — лѣса. 303.
Боровичи гор. 47.
Борокъ вол. Новгор. обл 317.
Борокъ (Григорьевск. тожъ) сел. Холмогорск. у. 317.
Борысуковъ Дѣлъ (Борысуковъ Дѣдъ) уроч. 282.
Борты нар. 41, 230.
Борщаговка р., прит. Ирпени. 144.
Боръ уроч. въ Чудской землѣ. 48.
Боснія обл. 247.
Ботна р., прав. притокъ Днѣпра 95.
Ботушаны гор. 99.
Бошевка сел. на р. Локнѣ. Путивльск. у. 308.
Боянов скій лѣсъ уроч. Радзинск. у. 296.
Брагинка (Брягинка) р. прит. Днѣпра 133. 147.
Брагинъ (Брягинь) гор. Кіевск. обл. 134.
Бранловъ гор. 99. 115.
Бранешти геогр. терм. 115.
Бранешти сел. Бессарабіи Бѣлецкаго у. 115.
Бранешни сел. Молдавіи. 115.
Браница сел. на р. Грабаровкѣ Кролевецкаго у. 161. 166.
Браницы уроч. 270.
Брановичи сел. въ Галиціи 110.
Brany Zemske i Br. Strażne. 270.
Братъ уроч. 296.
Брашевъ гор. въ Карпатской Руси. (Кронштадтъ въ Седмиградіи) 111.
Браславъ м. Новоалекс. у. 180.
Бременскіе Купцы 198.
Бржежаны гор. въ Галиц. 268.
Британія 7. 211.
Броварка р. въ Переясл. у. 161.
Бродки сел. на р. Ловати 25.
Бродни, руч., прит. Волхова, 194.
Броды гор. Волынск. кн. 123. 290.
Брокъ р. 131.

Броницы сел. у Могилева на Днѣпрѣ 116.
Бронки уроч. 240.
Бронь Княжь гор. Переясл. кн. 161. 166.
Брусиловъ м. Черниговской губ. 173,
Брягинка р. см. Брагинка.
Брягинъ см. Брагинъ.
Брянскъ м. Бѣльскаго у. Гродненск. губ. 126.
Брянскъ гор. См. Дьбрянскъ.
Бугъ (Западный) 22. 23. 38. 40. 44. 69. 70. 76—78. 87. 100. 101. 117. 118. 119. 126. 130. 131. 132. 229. 233. 234. 269. 274.
Бугъ (Восточный, Богъ Поуч. Мон.) 20. 75. 76. 78. 87. 129. 135. 138. 139. 288. 297. 299. 309.
Буджакъ обл. 97. 115,
Будиновскій или Будиловъ пор. на Днѣпрѣ 223.
Будины нар. 252.
Будславъ сел. Вилейскаго у. 180.
Бужане нар. 70. 77. 85. 94. 101. 104. 107. 277.
Бужскій Острогъ гор. См. Бужскъ.
Бужскъ гор. Кіевской (Волынск.) обл. 101. 104. 116 118. 140. 145. 296.
Бузео р., прит. Серета (Дунайск). 251.
Бузовка сел. Таращанск. у. 300. 309.
Бузувлукъ р., прит. Днѣпра 276.
Бузъ гор. 300.
Буйгородокъ сел. Смоленской губ. 189.
Буйюкъ-Чекмадей, бухта въ Цареградѣ. 38.
Букарештъ гор. 95. 100.
Буки-Бакожинъ сел. Кіевск. губ. 298.
Булгаръ обл. 15.
Бунятка р., прит. Яхромы, 44.
Бурсучена сел. въ Бѣлецкомъ у.
Буртенекъ оз. (Буртенекшеръ) 49.
Бурчевичи (Половци) 276.
Бускъ гор. въ Галиціи. 118. 123. 267.
Бусовно г. Холмской Руси. 121. 270.
Бучикъ Русскій. сел. Городненск. губ. 131.
Буша р., прит. Днѣстра. 117.
Бущъ сел. въ Галицк. Руси. 119.
Быковенъ гор. въ Галицк. Руси. 117.
Быкъ р., прит. Днѣпра. 116.
Быстрица р., прит. Вѣпря 120.
Быстрицкій округъ. въ Галиціи 111.
Бѣжицкая пятина Новгор. обл. 194. 199. 200.
Бѣжицкій рядъ Новгор. обл. 200.
Бѣжецкъ г. 194.
Бѣжицы (Бѣжичи), гор. 200.
Бѣлавѣжа гор. Черниг. кн. 298. 308.
Бѣлавѣжа Старая см. Старая Бѣлавѣжа.
Бѣлая р. въ Галиціи 95, 110. 281.
Бѣлая Вода сел. въ Галицк. Руси 281.
Бѣлая Церковь м. Кіевск. губ. 137.
Бѣлгорай гор. 268. 274.
Бѣлгородка м. Кіевск. губ. 137. 144.
Бѣлгородъ гор. Кіевскаго княж. 137. 144.
Бѣлградъ (Бѣлгородъ Аккерманъ). 113. 115. 116.
Бѣлки сел. Сквирскаго у. 137.
Бѣлобережье уроч. 293.
Бѣлобережье (Днѣпровск.) 22, 38. 286.
Бѣловѣжцы. нас. 308.
Бѣлое море 57. 203. 244.

Бѣломорскій бассейнъ 17. 28. 45.
Бѣлоозеро 17. 28. 31. 49. 50. 66. 77. 192. 194—197. 199. 202. 204. 239. 258. 262. 264.
Бѣлостокъ у. г. 126. 132. 230. 315.
Бѣлохорваты см. Бѣлые Хорваты
Бѣлохорешти сел. на Прутѣ въ Кишиневскомъ у. 95.
Бѣлые Угры нар. 65.
Бѣлые Хорваты нар. 68. 285.
Бѣльскъ гор. Кіевскаго княж. 132.
Бѣлянка сел. въ Галицк. Руси 281.
Бѣльскъ гор. въ Литвѣ. 40.

В.

Вабія, остр. 217
Вавдиполе (Вавдитъ-Поле) въ Пудожеск. у. 318.
Вавдитъ вол. въ Новгородск. обл. 317. 318.
Вавилонія обл. 10. 210.
Вага р. прит. С. Двины. 203. 285. 317.
Вага р., прит. Снова. 258.
Вагрія, обл. 227.
Вагръ (Вягръ), р. прит. Сана 109.
Waddialaset нар. 46.
Вазуза р., притокъ Волги 20. 28. 189.
Вайгачъ остр. 245.
Вактрія (Вакватрія), обл. 211.
Валахія обл. 99. 283.
Валдай гор. 193. 200.
Валдайскія горы. 178.
Валдитъ См. Вавдиполе.
Валкъ гор. 49.
Валуево Городище сел. Старицк. у. 189.
Валъ у Переясл. Русск. 165.
Вальдаукодель сел. къ ю. отъ Гумбинена. 236.
Вальдикитенъ прих. 236.
Вальнуша р., прит. Нарева. 234.
Варанкъ море 218.
Wareng См. Варягъ. 34.
Варинъ м. Переясл. княж. 166.
Варна гор. 144.
Варуфоросъ пор. на Днѣпрѣ. 223.
Варяги геогр. им. 11. 12.
Варяги нар. 13. 19. 33—36. 46. 90. 181. 195. 197. 203. 213. 217. 226—229. 260. 273.
Варяжа, реч. 34.
Варяжская божница (церковь) въ Новгородѣ. 228.
Варяжская Русь. 36.
Варяжскій путь 13. 24. 26.
Варяжское море и побережье. 14. 15. 17. 18. 23. 27. 34. 36. 38. 39. 46. 47. 69. 198. 213. 226.
Василевъ гор. въ Галиціи 146. 301.
Василевъ гор. въ Кіевской обл. 137. 144.
Василеуцы (два) сел. въ Бѣлецкомъ у. 115.
Василеуцы сел. въ Хотинскомъ у. 116.
Василина сел. въ Молдавіи. 115.
Василія (Св.) церковь въ Кіевѣ. 141.
Василькеу сел. Сорокскаго у. 116.
Васильковъ м. Гродненск. губ. 132.
Васильковъ у. г. Кіевской губ. 137. 299.
Wattialaiset, нар. 46.
Wauchanmylly сел. 316 (см. Старая Мельница).
Ваха р., прит. Обн. 245.
Вацовскія горы. 285.
Вацовъ (Waitzen) гор. 285.
Вашка р., прит. Мезени 242.

Вежи (Вѣжи) 245.
Везгума сел. къ ю. отъ Бѣлозерска. 50.
Велеты нар. 282.
Вель р., прит. Ваги. 317.
Векса р. 50. 52.
Великая р. 27. 77. 178. 179.
Великая Прѣслава, гор. въ Болгари 246. 287.
Великая Скнятинка сел. Кіевскаго у. 137.
Великая Скуѳь (В. Скиѳія) 273.
Великіе Луки гор. 259. 313.
Велико-Моравское государство 285.
Велынь см. Волынь
Велыняне см. Волыняне
Велье оз. 178.
Велья р., прит. Зап. Двины 27.
Велья р., прит. Жиздры 259.
Велья, см. Вилья
Венгрія 110. 111.
Венденъ г. 49.
Вендицы нар. 13.
Венедскіе Славяне. 34.
Венеда гор. 252.
Венеціане 13.
Вербачовка р., прит. Сновн 258.
Верещинъ гор. въ Холмской Руси. 120.
Верро гор. 49.
Верска р. см. Веска.
Веруци пор. на Днѣпрѣ 223.
Верховье сел. 225.
Верхомля Великая и В. Малая, селл. въ Галицк. Руси. 281.
Верхъ (Верхнія земли) геогр. терм. 18. 145.
Веска р. или Верска (Большая Нерль) 39. 50.
Веска сел. Торжк. у. 50.
Вески сел. Волоколамск. у. 50.
Вески сел. Юрьевскаго у. 177.
Вески Б. и М. 315.
Веслева сел. Пересл. Зал у. 50.
Vestur-Vigi. 213.
Весь реч. 236. 266.
Весь нар. 49. 192. 194. 195. 197. 239. 315.
Весь-Егонскъ у. г. 50.
Весьлейка р. у Переясл. оз. 50.
Вехра р., прит. Сожи. 188.
Видебскъ (гор. Полоцк. кн. Видьбескъ, Витебскъ). 183. 186. 273.
Видицовъ гор. въ Болгаріи 114.
Византійцы. 65.
Византія (Цареградъ) 34. 37.
Визма р., прит. Шексны (черезъ Андогу и Суду) 50.
Визна гор. Кіевск. княж. 131. 230. 234. 235.
Викингаръ 34.
Викшенга вол. Новгор. 317.
Викшенга р., прит. Свири. 317.
Вилейка, р., прит. Вилін 186.
Вилія р., прит. Нѣмана 40. 42. 74. 77. 124. 180 185-186.
Вилія (Велья) р., притокъ Горыни 121. 122.
Вингарова сел. въ Галицк. Руси 281.
Винницкій погостъ на р. Ояти. Лодейнопольск. у. 201.
Вира (Вырь) р., прит. Сейма 308.
Вирцьерва оз. въ Лифляндіи 49.
Вирки сел. Сумскаго у. 308.
Виры Старые, сел. Путивльскаго у. 308.
Виры сел. Сумскаго у. 308.
Виса р. (прит. Жиздры) 51.
Висла р. 23. 38. 68. 69. 73. 76. 95. 270.
Вислока р., прит. Вислы 76. 95. 110. 281. 285.
Вислокъ р., прит. Сана 95. 110. 281.
Витбескъ см. Видебскъ.
Витебскъ см. Видбескъ.

Витичевскій холмъ въ Кіевск. княж. 19. 144.
Витичевъ гор. въ Кіевск. княж. 21. 144.
Витка р. прит. Сосницка, впад. въ Волховъ. 194.
Витьма р., прит. Десны 258.
Вихтуй вол. Новгор. 317.
Вишера р. впад. въ Волховъ. 194.
Виштама оз. въ Вытегорск. у. 317.
Виѳаньская страна (Виѳинія, Виѳунія) 37. 38. 211.
Віоска сел. Суздальск. у. 50.
Віоски сел. Юрьево-Польск. у. 50.
Владимиръ (на Волыни) 93. 95. 101. 104—108. 123. 135. 140, 204. 278. 289. 291.
Владимиръ на Клязьмѣ гор. 28. 30. 31. 172. 205. 278.
Владомира сел. на Днѣстрѣ 115.
Влахи (Влохи, Волхва), нар. 13. 33. 35. 68—70. 72 (преданіе о нашествіи на Дунай по разселеніи Славянъ) 73. 214—216.
Влена р. притокъ Дубны 30.
Влетава р. 100. 208.
Влодава р. прит. Зап. Буга. 120. 121. 131. 140. 295.
Вогинъ сел. Радзинск. у. 131. 295.
Вогуличи см. Вогулы.
Вогулы (Вогуличи) нар. 64. 65. 246.
Водла р. Олонецк. губ. 27. 225.
Водло оз. 318.
Водные пути. 86.
Водныя ворота. 21.
Водовая сел. Нарвскаго у. 46. 47.
Водоси сел. на р. Ловати. 47.
Водосьина сел. на р. Мстѣ въ Боровицкомъ у. 47.
Водосья на р. Волховѣ Новгородской губ. 47.
Водская (Вотская) волость (пятина). 200—201. 314.
Водскія геогр. назв. 47.
Водча сел. Устьсысольск. у. 63.
Водь (Вожане) нар. 46. 47. 49. 67. 77. 181. 194. 199—200. 238—239.
Воже (Чарандо) оз. 32.
Вожинское оз. 47.
Воймерова сел. Зубцовскаго у. 52.
Воиница сел. на р. Броварѣ кн. Переясл. 161. 165.
Воинъ гор. Переславск. кн. 161. 165.
Воинъ сел. (см. Вогинъ).
Воинъ р. 275. (Въюнка прит. Остры).
Волга р. 14. 16. 17. 20. 27—31. 69. 71. 74. 76—77. 180—181. 189—190. 196. 258. 259. 304. 307. 314.
Волгома (Волгама) р., притокъ Сяси. 202.
Волдоутовъ пог. въ Новгор. обл. 316.
Волковская дер. Торопецк. у. 225.
Волковыскъ гор. 125. 133.
Волмежъ сел. Гжатск. у. 189.
Волнисскій порогъ на Днѣпрѣ. 223.
Волный порогъ на Днѣпрѣ. 223.
Вологда р. 25. и Вологда вол. Новгор. 199.
Володимерь гор. см. Владимиръ.
Воложа р., прит. Сяси. 27. 31.
Воложки (Волошки) сел. въ Ковельск. у. 292.
Волоки сел. (три) на р. Вязыни Вилейскаго у. 220.
Волоки сел. на р. Сервечѣ Новогрудскаго у. 220.
Волокобино сел. Гороховецкаго у. 220.
Волоковая сел. на р. Касплѣ. 24.

Волоковая Губа прист. у Святаго Носа 219.
Волоковое сел. въ Порѣцкомъ у. 219.
Волоковое сел. въ Пошехонскомъ у. 220.
Волоковская (Лыткинская) сел. Вельскаго у. 220.
Волоковское (Церковный погостъ, Троицкое) сел. на р. Щердѣ, Холмогорскаго у. 220.
Волокославинское сел. Тихвинскаго у. 32. 196. 220.
Волокотино сел. Юрьевскаго у. 220.
Волокъ уроч. 17. 18. 45. 192. 194. 218—221. 259. 318.
Волокъ сел. на р. Волокѣ Каргопольскаго у. 220.
Волокъ Ламскій гор. 30. 189. 196. 220.
Волокъ сел. Торопецкаго у. 219. 225.
Волокъ Большой сел. на Красногорск. оз., Лужскаго у. 219.
Волокъ гор. (Вышній Волочекъ) 27.
Волокъ Держковскій, на Мстѣ сел. 31.
Волокъ Красн. въ Овручскомъ у. 220.
Волокъ (Красное) сел. Осташковскаго у. 26. 29. 220.
Волокъ Хотьславск. сел. Тихвинскаго у. 31. 220.
Волосна р. Псковск. губ. (?) 179.
Волосова (Власова) Губа сел. Псковскаго у. 179.
Волосово геогр. назв. 286. 315.
Волосово сел. Карилловск. у. 195.
Волосовое сел. Жиздринскаго у. 176.
Волостныя (земельныя) наименованія. 89.
Волости (погосты). 83.
Волотово, геогр. назв. 315.
Волоцкая дер. Череповецк. у. 220.
Волоцкое оз. Бѣлозерск. у. 220.
Волоцкое оз. Осташковскаго у. 27.
Волочанка сел. въ Карпатской Руси. 111.
Волочанка Большая и Волочанка Малая сел. въ Галичинѣ къ югу отъ Самбора, у верховьевъ Стыря. 221.
Волочаново сел. Волоколамскаго у. 220.
Волочановское сел. Волоколамскаго у. 220.
Волочна (ня), руч., притокъ Колпи, Тихвинскаго уѣзда. 32. 220.
Волочно оз. въ Демянскомъ у. 219.
Волочня оз. въ Невельскомъ у. 219.
Волочокъ сел. (два) Дорогобужскаго у. 219.
Волочокъ на р. Лузѣ Лальскаго у. 220.
Волочокъ Б. и Мал. Порховскаго у. 27. 219.
Волочокъ на р. Тоймѣ Сольвычегодскаго у. 220.
Волочокъ сел. на Днѣпрѣ, Сычевскаго у. 20. 219.
Волочокъ сел. на оз. Скрипонѣ Устюжскаго у. 220.
Волоша р. Пудожск. у. 225.
Волошки см. Воложки.
Волошозеро Пудожскаго у. 225.
Волошская земля 12.
Волховъ. 232. 315.
Волховская рель 67. 199. 200. 207.
Волховскіе курганы. 315.
Волховъ р. 11. 13. 23. 26. 27. 47. 49. 192. 194. 200. 201. 203. 314. 315.

Волчья вода р., прит. Самары. 21.
Волыняне (Велыняне) нар. 70. 71. 78. 85. 91. 94. 124. 259. 277.
Волынь (Велынь) гор. 71. 101, 104. 121. 291.
Волынь область 40. 107. 123. 130—131. 233. 268. 280. 288.
Воля сел. въ Холмской Руси. 121.
Воля Угруйска, селеніе въ Холмской Руси. 120.
Вонгуда р., Онежск. у. 316.
Вонгудо оз. Онежск. у. 316.
Вонгудъ сел. Онежск. у. 316.
Вонжа рѣка 17.
Вопецъ и
Вопь рр., пр. Днѣпра. 258.
Ворголка р., пр. Сосны 301.
Воргола сел. Елецк. у. 301.
Ворголъ гор. въ Сѣверской землѣ. 300.
Вореллецъ сел. въ Пруссіи. 236.
Воробеинъ (Воробіинъ) гор. въ землѣ Вятичей, 306.
Ворона Великая р., прит. Хопра. 170. 171. 259.
Вороначь гор. Псковск. обл. 27.
Воронежская (Воронажская) обл. 170.
Воронежъ р., прит. Дона. 77. 157. 170. 259.
Воронищи сел. Лубенскаго у. 166.
Воронищѣ уроч. Переяславское княженіе 166. 300.
Вороновка сел. Звенигородскаго у. 309.
Воропое сел. Уманск. у. 309.
Воропникъ. 300. 311.
Воропницы см. Воропникъ.
Воропъ. 300. 311.
Ворота поруб. укр. 88. 110. 137. 147. 269.
Ворота Дорогичинскія. 270.
Ворота Желѣзныя см. Желѣзныя Ворота.
Ворота Угорскія. 270.
Ворота Червенскія. 270.
Воротецъ уроч. 270.
Воротецъ сел. Рѣчицкаго у. 169.
Воротипъ сел. Рогачевскаго у. 184.
Воротники сел. Минскаго у. 134.
Воротничи сел. на Муховцѣ. 132.
Воротно оз. на великомъ водномъ пути. 25.
Воротынецъ уроч. 270.
Воротынецъ сел. Новосильскаго у. 176.
Воротынскъ. уроч. 470.
Воротцы уроч. на Кіевскомъ степномъ порубежьи. 300.
Ворскла р., притокъ Днѣпра 163. 164. 303. 304.
Ворша рѣка во Владим. у. 177
Варягъ, реч. 226. 238.
Воспоріи нар. 211. 212.
Воспоръ обл. 9.
Востръ (Остеръ), пр. Десны. 20. 22. 27. см. Остеръ.
Воты нар. 314. 315.
Вотская пятина см. Водская. 22. 297.
Воцкое сел. на Пидьбѣ Новгор. губ. 47.
Враты см. Братъ.
Врата Галицкіе. 280.
Вратновъ сел. Сѣдлецк. губ. 131.
Британіа см. Британія.
Вручай гор. Деревск. земли (Кіевск. княж.). 144.
Всеволожъ гор. Волынскаго кн. 123. 192.
Всеволожъ монаст. на Выдубичи. 142. 244.
Всходы сел. Ельнинск. у. 23.
Вулнипрахъ пор. на Днѣпрѣ. 223.
Вщижъ (Вѣщижъ) гор. Черниговск. губ. 149. 172.
Вѣкраница (Украина) Волынская или Кіевская. 295.

Въсвислочь гор. Кіевскаго кн. 133. см. Свислочь.
Въсвятъ (Усвятъ) гор. Полоцк. кн. 183. 186. 273.
Въслонимъ гор. Кіевск. кн. 133. 230. см. Слонимъ.
Въстрь р. см. Вострь.
Въщижъ см. Вщижъ.
Въюнка р., прит. Остра. 275.
Въяхань гор. Переяславск. кн. 164.
Выбр ар., прит. Волхова. 194.
Выгозеро. 316.
Выгошевъ гор. Кіевск. обл. 121. 140. 144. 145.
Выдубицкій монастырь см. Всеволожъ монаст.
Выдобичи уроч. къ югу отъ Кіева. 19. 142. 291.
Выдра р., прит. Каспли. 24.
Выжва сел. и
Выжва рѣка, прит. Припети 120. 291.
Выжгородъ (Выжгородка) сел. въ Кремен. у. 292.
Выжовка дер. 292.
Вынзьскъ вол. Новгор. 200.
Вымь р., прит. Вычегды. 292.
Выревская вол. 164—165.
Выревъ (Вырь, Вырьскъ) гор. Переяславск. и Черниг. кн. 164. 307. (см. Вири).
Вырь р., прит. Сейма. 164.
Высокомежъ сел. Рѣчицкаго у. 134. 147. 169.
Высь р. 139. 298.
Вытебеть р., прит. Жиздры. 259.
Вытегра гор. 317.
Вычегда р., прит. С. Двины. 202. 266.
Вышгородокъ на р. Осугѣ въ Торопецкомъ у. 189.
Вышгородъ (Вышеградъ) гор. Кіевскаго княж. 21. 30. 128. 140. 313.
Вышеславское сел. Ярославск. 315.
Вышній Волочокъ городъ 181.
Вьница (Вьюница) вол. Новгородская. 201.
Вѣверица млада. 243.
Вѣпрь р., пр. Вислы. 118. 120.
Вѣта р., пр. Днѣпра. 144. 301.
Вягръ р., прит. Сана. 33.
Вязьма р., пр. Днѣпра. 258.
Вятичи нар. 12. 22. 43. 80. 84. 91. 93. 136. 145. 148. 155 — 157. 167. 168. 188. 192. 258. 302. 306. 307.
Вятическая земля. 23. 167. 187. 306.
Вятское село на р. Старкѣ Тарусскаго у. 157.
Вятчина сел. на р. Святищѣ Смоленск. губ. 157.

Г.

Гаврики сел. на р. Каслѣ. 21. 24.
Гадиръ (Gades, Gadeira, Кадиксъ). гор. 14. 210. 211. 216.
Гадичь у. г. 163.
Галатія обл. 10. 211. 214.
Галатское море. 13. 214.
Галаты (Галлы). 215.
Галацъ гор. 116.
Галиндія обл. въ Пруссіи. 43. 233.
Галиція обл. на Варяжскомъ побережьи. 214.
Галицкая земля 120. 131. 140. 267. 271. 281.
Галичане нар. на Варяж. поб. 13. 35.
Галичане и
Галичъ городъ въ Червонной Руси. 71. 95. 107. 110. 111. 113. 118. 131. 280. 288. 290.
Галичъ Малый (Галацъ) гор. на Дунаѣ. 286.
Галичскіе рыболовы на Дунаѣ. 113.
Гамаль (Чусовая) пар. 242.
Гамецкій гор. 241.
Гамова сел. Пермск. у. 242.
Гамовская дер. Сольвычегодскаго у. 242.

Гамовъ дер. Оханск. у. 242.
Гамская земля (Гамы). 241.
Гамское сел. Яренск. у. 242.
Гамшоръ р., пр. Вашки. 242.
Гамъ пар. (Емь). 59. 242.
Гамъ вол. на р. Вашкѣ. 242.
Гамы сел. Пермскаго у. 242.
Гансаль гор. 48.
Гарбовцы сел. въ Карпатской Руси. 95.
Гарбочь сел. въ Карпатской Руси. 95.
Геландри порогъ на Днѣпрѣ 223.
Геличены сел. въ Бѣлецк. у. 116.
Гемерскій (Gömörer) комитатъ. 284.
Генуезцы нар. 12.
Геонъ р. 10. 211.
Георгіевскій Дунай. 115.
Георгія Св. островъ. 223.
Геральдовъ вымолъ въ Новгородѣ. 214.
Германечъ монаст. у. Кіева. 142.
Германія (Германцы). 34. 72. 73. 215.
Гернадъ р. прит. Тиссы. 95. 112.
Герцике гор. Полоцк. княж. 182. 312.
Гжать р., пр. Вазузы. 187.
Гзень руч. см. Кзень.
Гирлеу гор. 115.
Гирсовъ гор. 115.
Гіаюкаты гор. на Днѣстр. 113.
Глазки стеклянныя. 143.
Глинскъ сел. въ Галицк. Руси. 118.
Глогова гор. (Глогау). 16. 69. 218. 294.
Глуховъ гор. 306.
Глѣба Муромскаго становище. 31.
Гнилая рѣка Вост.-Бужскаго басс. 139.
Гнилой Тикичъ см. Тикичъ.
Гнилуша уроч. подъ Кіевомъ 224.
Гноинница гор. въ Волынск. княж. 190. 291. 292.
Гнѣзда сел. въ Спишск. землѣ. 284.
Годуцишки сел. Свенцянск. у. 180.
Голданъ рѣка. 235.
Головскъ мѣсти. 44.
Голоды мѣстн. 44.
Гологоры гор. въ Галицкой Руси. 118. 119. 290.
Голотичьскъ гор. Полоцк. княж. 187.
Голтавъ (Голтва) р. 22. 163. 229. 303.
Голтва см. Голтавъ.
Голыя горы см. Гологоры.
Голядар., прит. Москвы. 44.
Голяди сел. Клинскаго у. 44.
Голядь пар. въ Смоленск. кн. 39. 44. 188. 233. 252.
Голядь сел. Дмитровск. у. 44.
Голяжье сел. на Деснѣ, Брянскаго у. 44.
Гомель см. Гомъи
Гомъи (Гомель) гор. Радимичей (Черниговскаго кн.). 86. 153. 174.
Гора. 19. 61—64. 140. 141. 241.
Горбо сел. въ Карпатской Руси 95. 284.
Горбовцы сел. въ Карпатск. Руси. 95.
Горбовъ и Горбаковъ сел. Волынской губ. 95.
Горбы (Хрѣбы, Хрины) урочище. 95.
Горватъ сел. въ Карпатской Руси. 95. 284.
Горватчикъ сел. въ Карпатской Руси. 95.
Горина р. см. Горынь.
Горлица гор. 281.
Горное оз. Минской губ. 125.
Городенентo Свенц. у. 186.
Городенъ см. Городно.
Городескъ гор. въ Кіевск. кн. 122. 292.
Городецкое сел. въ Уманскомъ у. 299.

Городецкъ вол. въ Бѣжецк. ряду. 200.
Городецъ гор. Болоховской земли. 292.
Городецъ Бужской. 293.
Городецъ къ с. отъ Усвята (Велижскаго у.). 183.
Городецъ гор. подъ Кіевомъ. 134. 143.
Городецъ (Кобринск. у.). 132.
Городецъ у р. Купыи 26.
Городецъ Остерской см. Городокъ на Востри.
Городецъ Рогачевск. у. 254.
Городецъ на р. Ржавкѣ Рогачевскаго у. 254.
Городецъ къ с. з. отъ Чичерска. 175.
Городецъ Песочный. 297. см. Г-цъ подъ Кіевомъ.
Городецъ къ ю. отъ Шклова Могил. губ. 313.
Городечна р. прит. Муховца. 132.
Городечно сел. на р. Городнѣ Масальск. у. 175.
Городечно сел. Ошмянскаго у. 180. 186.
Городи сел. Орловской губ. 149.
Городиловъ сел. Ошмянск. у. 180. 186.
Городинки сел. Ошмянскаго у. 186.
Городище топ. названіе 180. 267—265.
Городище Валуево. см. Валуево Г-ще.
Городище сел. Дорогобужскаго у. 175.
Городище на оз. Езерищѣ, Городокск. у. 25.
Городище Водоцкое сел. Карачевск. у. 149.
Городище сел. Кишиневскаго у. 116.
Городище Кіевецъ. 264.
Городище сел. Кіевской губ. 138.
Городище Лохвицк. у. 308.
Городище Николино или Апраксино на р. Шоссѣ. 189.
Городище (сел. 3) Новогрудскаго у. 113.
Городище сел. у исток. Сервеча. 113.
Городище (2 сел.) въ Орловскомъ у. 302.
Городище сел. Пирятинскаго у. 166.
Городище Погорѣлое Зубцовскаго у. 189.
Городище сел. Радомысльскаго у. 134.
Городище сел. Рѣчицкаго у. 174.
Городище (Новое) сел. Рѣчицкаго у. 148.
Городище Св. Марины на Сарръ. 264.
Городище сел. Сорокскаго у. 116.
Городище сел. Стародубскаго у. 148.
Городище у сел. Жаботина Черкасскаго у. 297.
Городище на р. Ольшанкѣ Черкасскаго у. 299.
Городище Ольшанское Зубцовскаго у. 149.
Городище (Замчиска) у сел. Чермно. 277.
Городки поруб. укрѣпл. 147. 180. 265.
Городки въ Вышневол., Осташковск. и Ржевскомъ уу. 189.
Городна р., пр. Нарева. 132.
Городна р., пр. Снови. 258.
Городна гор. Переясл. княж. 162.
Городна сел. Бѣлостокскаго у. 132.
Городники сел. Свенцянск. у. 180.
Городники сел. у истоковъ Щары, Новогрудск. у.
Городница сел. въ Брацлавскомъ у. 299.
Городно (Городенъ) гор. въ

Кіевскомъ княж. 40. 41. 122. 130. 233. 287.
Городно м. Пинскаго у. 122.
Городня у. гор. Черниг. губ. 148. 172.
Городня рч. Черниг. губ. 148.
Городня сел. на рѣкѣ Сожѣ Прилуцк. у. 162.
Городня оз. Черепов. у. 196.
Городокъ 83—88.
Городокъ на Востри Черниг. княж. 173. 308.
Городокъ (Гродскъ) въ Галицкой Руси. 269.
Городокъ гор. Кіевск. княж. 292.
Городокъ сел. на р. Осмѣ Смоленск. губ. 21. 175.
Городокъ къ с. отъ Бабиновичей. 183.
Городокъ сел. Вилейскаго у. 185.
Городокъ къ ю. в. отъ Гжати. 189.
Городокъ Гжатск. у. 189.
Городокъ сел. Дорогобужскаго у. 175.
Городокъ Карилъ Устьсысольскаго у. 63.
Городокъ сел. Липовецк. у. 299.
Городокъ сел. Ошмянскаго у. 186.
Городокъ сел. Переяславск. княж. 162.
Городокъ (Городецъ) городъ Полоцкаго княж. 185.
Городокъ сел. Порѣцк. у. 24.
Городокъ сел. Рогачевск. у.
Городокъ сел. Слуцк. у. 134.
Городокъ сел. Старицкаго у. 189.
Городокъ сел. Торопецкаго у. 225.
Городолюбля сел. и р. Вышневолоцкаго. у. 189.
Городски (Гродски) сел. Ошмянскаго у. 180.
Городцы Верхніе и Нижніе селл. Орлов. губ. 149.
Городцы сел. Торон. у. 189.
Городъ (градъ) 83. 84. 262. 263.
Горожи сел. Бобруйскаго у. 134. 180. 184.
Горожци сел. Бобруйскаго у. 134. 184.
Горошинъ гор. Переяславск. княж. 163.
Горошинъ сел. Хорольск. у. 163.
Горская р. Восточно-Бужск. басс. 139.
Горскій Тикичъ с. Тикичъ.
Горынь р., прит. Припети. 22. 121—122. 126. 127. 140. 144.
Горюнъ р., пр. Чагодощи. 47.
Гость (гостьба) 260. 265.
Готландъ (Гочкый берегъ) ост. 13.
Готскій дворъ въ Новгородѣ. 198. 228. 229.
Готы (Гътѣ) нар. 13. 35. 198. 214. 228.
Гочкый берегъ см. Готландъ.
Грабаровскій Ровъ, прит. Гучвы 277.
Грабко сел. въ Карпатской Руси къ з. отъ Пряшова. 95.
Грабовецъ гор. Волынск. кн. 268.
Грабовцы сел. на Ондавѣ, въ Карпат. Руси. 95.
Грабовъ гор. 281.
Грабъ сел. въ Галицкой Руси, у ист. Вислока. 95.
Градешти сел. на Кагальникѣ. 116.
Гради сел. Виленск. у. 186.
Градина (Чейши) на р. Катлубахѣ. 115—116.
Грани. 86. 88.
Граница сел. Радзинскаго у. 296.
Граничи сел. у верховьевъ Свислочи и Птичи Минск. губ. 134. 183. 184.
Гребля (Гробля). 84.
Греки. 11. 35 — 39. 112. 134.

135. 215. 218. 223. 226—228 260. 300.
Греція. 11. 16. 36—39. 98.
Грибовецъ сел. Волынской губ. 95.
Грибовъ сел. на р. Бѣлой въ Галицкой Руси. 95.
Гривда р., пр. Щары. 133.
Гридинскіе и
Гридины, мѣстн. 315.
Гродекъ на р. Супраслѣ. 132.
Гродиско сел. Гродненской губ. 132.
Гродно (Гроденъ) см. Городно.
Гронъ (Gran) гор. 285.
Грубешовъ гор. въ Холмской Руси. 267.
Грудекъ сел. въ Галицк. Руси. 110.
Грудокъ на р. Наревѣ. 132.
Грунда р., пр. Псла. 163.
Грязка р. 256.
Губинъ гор. Болох. земли. 293.
Гуляй-Городокъ сел. Черкасск. у. 299.
Гумбиненъ гор. 236.
Гургани гор. въ Литвѣ. 42.
Гургановъ (Юрьевъ) городъ въ Пороссьи. 298.
Гургановское сел. Устьсысольскаго у. 62.
Гута 267—268.
Гучва р., прит. З. Буга. 120. 123. 277. 291.
Гѣонъ р. см. Геонъ р.
Гэмъ (Hame) народъ 37. 59. см. Емь.
Гюргевъ (Юрьевъ) городъ въ Пороссьи. 298.
Гюряты Роговича разск. 61. 67. 216.

Д.

Дайнишки сел. Вилейск. у. 237.
Дайнова сел. на р. Сольчѣ Вилейск. у. 186. 237.
Дайнова сел. на р. Жижмѣ Виленск. губ. 237.
Дайнувка сел. Виленск. губ. 237.
Даки нар. 73.
Дакія обл. 248. 252. 311.
Далматія (Долмація) обл. 211. 247. 248.
Дани нар. См. Допи.
Даниловъ гор. Галицко-Волынск. княж. 289.
Дверенъ гор. на Кіевской Украинѣ. 276.
Двина З. р. 11. 14. 17. 20. 23—27. 38. 49.—44. 46. 59. 60—70. 74—77. 124. 125. 182. 183. 186. 216. 301. 314.
Двина Сѣверная. 58—60. 66. 246.
Двинка р., прит. З. Двины 26.
Двинская земля. 26. 63.
Двинье оз. 26. 183.
Дворница 87.
Дворы
въ Кіевѣ:
Брячиславлъ 142.
Великій сел. Яросл. 142.
Воротиславль. 142.
Гордятинъ. 142.
Княжій на Берестовъ 242.
Коснячковъ 142.
Красный на Выдобичи 242.
Никифоровъ 142.
Олгинъ городскій кн. 141.
Ольгинъ загородный 142.
Ольминъ 142.
Чудинъ. 142.
въ Новгородѣ:
Княжь (Ярославль) 203.
Поромонь (на Варяжской улицѣ) 203.
въ Переяславлѣ Русскомъ:
Княжій 168.
въ Суздалѣ:
Монастырскій Печереній 205.
въ Черниговѣ:
Красный 172.
Дебрянскъ см. Дьбрянскъ.
Девягорескъ гор. Ватичей 306.

Дегаевъ, рч. см. Дегея потокъ.
Дегея потокъ, прит. Сѣверн. Донц. 303. 304.
Дейнова см. Денова.
Деклогъ прит. Десны 258.
Демянскъ у. г. 193.
Денова (Дейнова) обл. 40. 234. 237.
Дербентъ гор. 62.
Дерева нар. См. Древляне.
Дереви нар. Афетовой части 9. 211. 212.
Деревичи, оз. 293.
Деревичка сел. Новградъ Волынск. у. 128. 293.
Деревичъ гор. Болоховск. з. 128. 293.
Деревичъ сел. Новградъ-Волынск. у. 128. 293.
Деревище сел. Мозырскаго у. 128.
Деревище уроч. Пинскаго у. 128.
Деревли см. Древляне.
Деревная р. 293.
Деревная, сел. близь Нѣмана Новогрудск. у. 128.
Деревная, сел. въ ю. з. части Новогрудскаго у. 128.
Деревная (Деревное) сел. на р. Иссѣ Слонимскаго у. 128.
Деревокъ руч. Мозырск. у. 128.
Деревокъ сел. близь р. Стохода (Пинск. у.) 128.
Деревская пятина 127. 200. 313.
Деревстръ см. Доростолъ.
Деревяни сел. Дубенс. у. 128.
Деревянчице сел. въ Слонимскомъ у. 128.
Дерестръ см. Доростолъ.
Деречинъ сел. Новогрудск. у. 174.
Деречинъ сел. Волковыск. у. 125.
Деречины предм. г. Пружанъ 126.
Дерла р. прит. Днѣстра 117.
Дерптъ гор. 48.
Десна, прит. Днѣпра. 18—23. 45. 69. 134. 143. 147. 188. 258. 297.
Десна, прит. Бута (Вост. или Южн). 139.
Дзвинигородъ гор. въ Галиц. 120.
Дисна р. 42. 77. 186.
Дитва р. 42. 125. 2[illegible]7.
Дицинъ Дичинъ, Дьцинь (Дѣдцинъ) гор. 114.
Дичинъ см. Дицинъ.
Дмитріева гора, сел. Порховск. у. 224.
Днѣпровскіе пороги см. Пороги Днѣпра.
Днѣпровскій лиманъ 78.
Днѣпровскій путь. 21.
Днѣпръ р. 11. 12. 14. 16 18. 22. 24. 29. 38. 45. 68—70. 73—76. 78. 97—98. 124. 128. 129. 134—137. 140. 143. 144. 187. 213. 231. 257. 258. 274. —276. 297. 313. 314.
Днѣстровскіе пороги 20. 135. 139.
Днѣстровскія городища 116.
Днѣстровскій лиманъ. 98.
Днѣстръ р. 20. 22. 70. 76. 77. 95. 97. 112. 113. 115. 129. 218. 262. 274. 276.
Дойнова сел. Вилейск. у. 237.
Дойнова Большая сел. Ошмянскаго у. 237.
Дойновка сел. Вилейск. у. 237.
Дойновка сел. на р. Нурвилѣ Ошмянск. у. 237.
Долгое оз. на велик. водн. пути. 27.
Долобское оз. въ Кіевскомъ княж. 22. 143. 224.
Долобскъ ур. въ Кіевскомъ княж. 140. 143. 164.
Домброва фольв. въ Радзинск. у. 296.
Донецкое Городище. 305.

Донецъ гор. на Половецкой украинѣ 152. 170. 305.
Донецъ Сѣверн. (Сѣверскій). 77. 78. 149—150. 170. 304. 305. 311.
Дони (Дани, Датчане) нар. 36.
Донъ р. 7. 20. 21. 23. 77. 78. 164. 168, 170. 258. 259. 304.
Дора сел. въ Ятвяжской земл. 236.
Доргобужа р. прит. Яцольды 125.
Доргужа сел. Пинск. у. 125.
Дороги сел. и
Дороги Старые сел. Бобруск. у. 125.
Дорогичинъ, см. Дрогичинъ.
Дорогичинъ сел. Волковыскаго у. 125.
Дорогищи сел. Острожск. у. 126.
Дороглины, сел. Слонимск. у. 125. 313.
Дорогобужъ гор. въ Погоринѣ. 108. 121. 126. 127. 140. 144. 271.
Дорогова (Доргва) сел. Новогруск. у. 125.
Дорогожичи (Дорожичи) сел. Кіевск. княж. 143.
Дорогуска сел. въ Холмской Руси. 126.
Дорогуча сел. въ Холмской Руси. 126.
Дорожки сел. Бѣлостокск. у. 126.
Доростолъ (Дерестъ, Дрествинъ, Силитрія), гор. въ Болгаріи. 68. 114. 287.
Доротичи сел. на Случѣ, Ровенск. у. 126.
Дорошевичи, сел. Пинск. у. 125.
Драги сел. Ломжинск. губ. 131.
Древляне (Деревляне, Дерева) нар. 69—71. 78—80. 93. 124. 127. 129. 133. 251. 273. 276. 278.
Древлянская (Деревлянская, Деревская Древская) земля. 127—130. 260. 293. 314.
Древнее укрѣпленіе на оз. Езеришѣ. 25.
Дреговичи нар. 69—71. 78. 79. 93. 102. 124. 126—130. 133. 273. 294. 314.
Дреговичская земля 125.
Дрествинъ см. Доростолъ.
Дречаны сел. Волковыск. у. 126.
Дригиня р. прит. Щары (черезъ Гривду). 125.
Дрига сел. Волковыск. у. 126.
Дрисвятье оз. Витебск. губ. 42.
Дричиново сел. Бобруск. у. 124.
Дрогашево сел. Ломянск. губ. 131.
Дрогичинскіе Ворота, уроч. 235. 270.
Дрогичинъ сел. Пинск. у. 125.
Дрогичинъ гор. Кіевск. княж. 40. 126. 131. 233—235. 270.
Дроглинъ сел. Бѣльскаго у. къ с. в. отъ Дрогичина. 126.
Дрогобыль сел. Новогрудск. у. 170.
Другувити (Дреговичи), нар. 71.
Друца р. см. Дрьють.
Друцкъ гор. см. Дрьютескъ.
Друйка р. прит. З. Двины 77.
Дрьютескъ гор. въ Полоцк. княж. 124. 186.
Дрьютъ р. притокъ Днѣпра 124. 258.
Дубиесса р. прит. Нѣмана 42.
Дубна р. прит. Сестры. 30.
Дубенъ гор. Волынск. княж. 122— 23.
Дубенъ р. прит. Полисти. 194.

Дублиска (Дуплиска) сел. въ Галицкой Руси. 102.
Дубовой прит. Сѣверн. Донца. 259.
Дубровица гор. въ Погоринѣ. 121.
Дубровна (Дуброва) сел. въ Торопецкой вол. 24—26.
Дубъ знаменный или межный. 260.
Дудичи сел. Минской губ. 184. 185.
Дудлебы см. Дулебы.
Дудичи м. на р. Птичи Игуменск. у. 184—185.
Дудутки гор. Кіевск. княж. 134. 184. 185.
Дуды сел. Ошмянск. у. 313.
Дукля гор. въ Галицкой Руси 95. 281.
Дулбуновъ сел. въ Ровенскомъ у. 102.
Дулибы сел. Ковельскаго у. 102.
Дулибы сел. въ Галицк. Руси 102. 118.
Дулонбенъ сел. на Вислокѣ въ Галицкой Руси. 102.
Дулебы (Дудлебы) нар. 70. 78. 92. 94. 95. 100-104. 107. 118. 124. 126. 127. 273. 277.
Дунаецъ, прит. Вислы, 76. 110. 281.
Дунай р. 20.68. 70. 72—74. 76. 80. 95. 97. 99. 110—112. 113—115. 135. 206. 215. 252.
Дунайскіе Болгары см. Болгары.
Дунайцы нар. 68. 101.
Дупна р. прит. Волхова 194.
Дыменка р. прит. Волх. 194.
Дьбрянескъ (Дебрянскъ, Брянскъ) гор. Сѣверской Земли. 40. 149. 302.
Дѣвицина сел. въ Добруджѣ 115.
Дѣдилова Слобода сел. Тульск. губ. 157.
Дѣдиловскіе выселки, Тульск. губ. 157.
Дѣдославль гор. Вятичей. 157.
Дѣдцинъ (Дичинъ) гор. въ Дунайск. обл 114.
Дѣлъ уроч. 282.
Дядьковъ гор. Болоховск. земли. 293.

Е.

Евія остр. 211.
Европа 14. 32. 72.
Евфратъ 12 210.
Египетъ (Егюпетъ) 10. 211.
Еглины сел. Валдайск. у. 193.
Еглинка р., прит. Волхова 194.
Егольская сел. Новгородск. губ. 193.
Единство Славянск. племени. 254.
Езерище (Озерище) оз. Витебск. губ. 25.
Ежуха, прит. Пинѣги. 266.
Ежуха, прит. Вашки. 266.
Елмансъ обл. 10. 210.
Елшанка, прит. Сердобы, впад. въ Хоперъ 259.
Елеерія остр. 21. 134.
Емава сел. въ Пудожскомъ у. 242.
Еманово сел. въ Солигалицкомъ у. 242.
Емба р. Вельскаго у. 242.
Емва р. (Вымь ?). 242.
Емдино сел. Яренскаго у. 242.
Емдинъ р. (Вымь ?). 242.
Емена р. прит. Нереехты 242.
Емонгъ оз. пр. въ Каргопольскомъ у. 242.
Емепецкій путь. 24.
Еменецъ оз. и р. въ Невельскомъ у. 24. 25. 186. 243.
Еменецъ сел. Невельск. у. 24.
Еменка р. Невельск. у. 25.
Емецкій городокъ. 242.

Емецкій погостъ. 242.
Емецкое оз. въ Боровицкомъ у. 243.
Емиги сел. Осташковс. у. 243.
Емская гора на Вагѣ 242.
Емское сел. въ Тотемскомъ у. 242.
Емское сел. въ Ладожскомъ у. 242.
Емь (Гамь, Ѣмь, Ямь), нар. 56—61. 77. 192. 194. 209. 212. 243. 318.
Емца р. прит. Сѣв. Двины. 242.
Емша сел. въ Осташковск. у. 243.
Еолида обл. 210.
Erdö-Horvathi въ Венгр. 95.
Ерель см. Орель р.
Ерефра (Червлена) р. 211.
Ерзовка сел. Новгородской губ. 193.
Ерчикъ Б. и Ерч. М. селл. Кіевск. губ. 138. 298.
Ески—Бырлатъ сел. въ Болгаріи 115.
Ессупи, пор. на Днѣпрѣ 223.
Ефратъ см. Евфратъ.
Еѳерія См. Елферія остр.
Еѳивопія, сопредѣльная съ Индами. обл. 211.
Еѳивопія другая, обл. 211.
Еѳивопьская р. Чермна 211.

Ж.

Жаботино сел. Черкасск. у. 299.
Жаденье (Жадоре) оз. 25. 26. 29.
Жажковъ сел. Таращ. у. 299.
Жака уроч. въ Ятвяжск. землѣ 236.
Жванецъ р. прит. Днѣстра. 117.
Жезцо (Жесцо) оз. въ Торопецк. у. 26. 183. 190.
Жезцо-Живецъ сел. Тороп. у. 26. 190.
Желань (Жиляне, Жуляне). сел. Кіевск. княж. 26. 301.
Желна сел. нар. Торепѣ. 25. 225.
Желненское подзамчье въ Новогрудкѣ. 296.
Желны гор. въ Переяславск. княж. 296.
Желѣзнищо, прит. Витебети. 258.
Желѣзныя Ворота (Дербентъ) гор. 62.
Желѣзныя Ворота уроч. на Сѣверн. Океанѣ. 62. 196 244.
Желѣзныя Ворота, р. притокъ Чагодощи. 62.
Желѣзныя Ворота сел. на Цильмѣ 63.
Желѣзныя Ворота (Городокъ, Кариль) уроч. Тотем. у. 63.
Жемойтъ см. Жмудь.
Жердевка р. прит. Зуши 258.
Жесцо оз. см. Жезцо.
Жидичевъ гор. Кіевск. княж. 292.
Жиды. 37.
Жижичъ (Жижчъ) гор. 26.
Жижма р., прит. Нѣмана. 42. 125. 237.
Жиздра р., пр. Оки. 23. 258.
Жмудь нар. 42. 23а.
Жовнинъ сел. Золотоношск. у. 296—297.
Жолкѣвъ гор. въ Галиціи. 267.
Жулани см. Желань.
Жупанка руч., впад. въ Волховъ. 194.

З.

Забобрянская обл. Ятвяговъ. 235.
Завальскіе Пороссіе города. 138.

Заволоцкая Чудь нар. 17. 45. 221.
Заволоцкій путь. 32.
Заволочье обл. 17. 18. 27. 32—45. 56—58. 192. 198. 199. 219. 245. 313.
Заволочье гор. у истоковъ Великой. 219.
Заволочье (Васильевскій погостъ въ Заволочьи) Грязовецк. у. 219.
Задонскъ гор. 259.
Заемье сел. въ Горохов. у. 242.
Заемье сел. въ Пошехонск. у. 242.
Закарпатская Русь. 110—112. 280—287.
Залозникъ уроч. 222.
Залужье (Масельга) селеніе Олонецкой губ. 202.
Залучи сел. Хотинск. у. 99.
Замглай руч. впад. въ Десну. 20. 148. 222.
Заморскіе купцы. 222.
Замостье дер. (Saamusti, Замостье) Ладожск. у. 316.
Западная Двина, см. Двина Западная.
Западный Бугъ см. Бугъ Западный.
Запуйда сел. въ Вольск. у. 317.
Заровцы сел. Копысск. у. 313.
Зарубинцы сел. Каневск. у. 24. 144. 300.
Зарубъ гор. Кіевск. кн. 144. 301.
Зарѣческъ (Зарѣцкъ) гор. Кіевск. кн. 122.
Зарѣчье (Масельга) сел. Олонецк. губ. 202.
Засаковцы нас. въ Кіевск. кн. 143. Ср. Саковъ гор.
Заславъ см. Изяславль.
Заславъ сел. къ с. з. отъ Бѣлостока. 132.
Засѣки см. Богатырск. засѣки.
Збаражъ гор. Галицкой Руси см. Збыражъ. 117. 140.
Збручъ р., пр. Днѣстра. 117. 120. 287.
Збулитова дер. Радзинск. у. 296.
Збулитовское поле уроч. Радзинск. у. 296.
Збыражъ гор. Галицк. княж. 117.
Збытенка р., прит. Горыни. 122.
Звенигородка гор. 299.
Звенигородскій удѣлъ. 114.
Звенигородъ гор. въ Галицк. Руси на Днѣстрѣ. 113. 120. 290.
Звенигородъ гор. въ Галицкой Руси. 106. 118. 119. 120. 269. 280.
Звижденьгор. см. Здвижденъ.
Звиждень р., см. Здвижь р.
Звонецкій пор. на Днѣпрѣ. 223.
Звѣринецъ уроч. близь Новгорода В. 203.
Згаръ р., прит. В. Буга 119.
Здвиждень гор. Кіевск. кн. 144.
Здвижки сел. Радомысльск. у. 144.
Здвижь р., прит. Тетерева. 22. 144.
Здитовъ (Здитово) сел. Слонимскаго у. 125.
Зеллигенъ сел. въ Гумбиненскомъ окр. 235.
Зельва р., прит. Нѣмана. 40. 41. 76. 125.
Зельвянка р., прит. Зельвы. 125.
Земли или княженія. 83. 264.
Земплинскій комитатъ въ Венгріи 110.
Зимигола (Зимѣгола) нар. и обл. 39. 42. 43. 46. 182. 230. 231.
Злинцы народъ въ Ятвяжской землѣ. 235.
Злинь (Злини) обл. въ Ятвяжской земли. 235.

Змень вол. въ Бѣжец. ряду. 200.
Зміевъ валъ въ Кіевск. губ. 137. 299.
Змыгродъ. г. 281.
Значеніе географической номенклятуры. 255.
Золотая горка уроч. Радзинск. у. 277.
Золотное. сел. въ Галицкой Руси. 281.
Золотоноша гор. 297. 308.
Золотча рѣчка, впадаетъ въ Днѣпръ. 22.
Золотыя Ворота въ Кіевѣ. 141.
Зпижъ см. Спишъ.
Зубринъ. 281.
Зубрья р., пр. Днѣстра. 118.
Зубцовъ у. г. 189.
Зуша р., прит. Оки. 156. 258.
Зъпишъ см. Спишъ.
Зыряне нар. 56. 57. 252.

И.

Ивановское (Ивань) озеро Каргопольскаго у. 317.
Ивань Городокъ сел. въ Гайсинск. у. 299.
Иванъ Городокъ сел. Чигиринск. у. 298.
Ивля р., Днѣпр. басс. 276. 281. 299. 301.
Игначь Крестъ сел. 195.
Игрищи мѣстн. 315.
Иезьскъ вол. Бѣжиц. ряда. 202.
Ижора нар. 46.
Изабелинъ м. Волковысск. у.
Избищи (Весь) сел. противъ устья Мологи. 50.
Ильинскій погостъ (Весь) Тихвинск. у. 50.
Ильменскіе Славяне нар. 32. 196. 198.
Ильмень (Ильмерь) оз. 23. 25. 26. 27. 45. 47. 69. 76. 190. 191. 193. 196. 199. 200. 203. 204. 220. 283.
Ильмень р., пр. Песа (черезъ Ратку) 196.
Ильмерь оз. см. Ильмень.
Ильшанка р., пр. Днѣстра. 116.
Ингорь р., пр. Оскуя, впад. въ Волховъ. 197.
Ингулецъ р., прит. Днѣпра. 299.
Ингулъ р. 139.
Инди нар. 10. 210.
Индикія (Индискія) обл. 211.
Инорцы см. Норци. 248.
Ипиронія обл. 211.
Ипуть р., пр. Сожи. 23. 188.
Ираклей гор. 38.
Ирна р. (прит. Снови?). 148.
Ирпень р., пр. Днѣпра. 137. 138.
Иртышъ р. 64.
Искоростень гор. Древлянской земли. 127. 144. 293.
Испанія. 13.
Иеса р., прит. Щары. 128.
Истошино оз. Демянск. у. 27.
Исъкоростень см. Искоростень.
Италія. 13. 37. 215.
Иеака (Ифакина) остр. 211.
Изборскіе Кривичи. 181. 273.
Изборскъ гор. 180. 181. 273.
Извозъ сел. Осташк. у. 26.
Изюмскій курганъ уроч. 311.
Изюмъ у. гор. 303.
Изяславль (Изяславъ) гор. Полоцк. кн. 124. 186.
Иква р., пр. Стыри. 123.
Илеть р., пр. Волги. 218.
Илецкій волокъ. 218.
Иліи Св., церковь въ Кіевѣ. 141. 227. 228.
Иллирикъ (Илорикъ, Иллирія) обл. 68. 73. 211. 247.

I.

Illyris Graeca обл. 247.
Illyris Romana s. Barbara. 247.
Іонійское море. 9.
Jögra и Jögra-jass, нар 249.

К.

Кавалія (Камалія) 210.
Кавказинскія горы (Кавокасскія). 12. 26. 159. 216.
Кагальникъ (Кундукъ) р. въ Бессарабіи. 116.
Кадиксъ гор. 215.
Кадомъ гор. Рязанско-Муром. кн. 171.
Казань гор. 218.
Казарскіе жиды. 37.
Казары нар. и гос. 12. 16. 68. 72. 77. 78. 90. 91. 159. 256.
Кальміусъ р. впад. въ Азовское море. 21. 236.
Каліусъ (Калюсъ) гор. Галицк. кн. 117.
Кама р., прит. Волги. 15. 17. 245. 247. 259.
Камалія (Кавалія) обл. 210.
Каменецъ гор. Волынск. кн. 117. 287. 289.
Каменецъ Литовскій г. 132.
Каменецъ Подольскій гор. 117. 287—289.
Каменецъ геогр. назв. 256.
Каменка сел. Новгородъ-Волынск. у. 117. 289.
Каменка геогр. назв. 256.
Каменка р., прит. Бобра, вп. въ Нѣманъ. 41.
Камень гор. Волынск. княж. 121.
Камень Киширскій мѣст. Ковельскаго у. 121.
Камишлой р., пр. Хопра. 259.
Камшино оз. Невельск. у. 25.
Каневъ гор. Кіевск. княж. 21. 144. 275. 276.
Канела (Конела) сел. Липовецкаго у. 299.
Кано (Кена?) р., пр. Онеги. 225.
Капичи уроч. подъ Кіевомъ. 142.
Каппадокія обл. 211.
Караганъ р., пр. Хопра. 259.
Карай р., пр. Хопра. 259.
Карань (Корань, Курань) р. прит. Днѣпра. 134. 143. 147. 160.
Карачевъ (Корачевъ) гор. въ Черниг. кн. 18. 23. 86. 149. 155. 156. 283. 302. 305. 306.
Карбуча сел. въ Бессар. 95.
Карелы см Корелы.
Кариль (Карылъ, Городокъ) уроч. въ обл. Югры. 63.
Каринія (Корини) обл. 211.
Карія обл. 211.
Карнадья сел. Тульск. губ. 157.
Карклинень м. въ Тумбиненск. окр. 236.
Карника р., пр. Шаты. 157.
Карники и
Карнички селл. Тульск. губ. 157.
Карпато-Уральская гряда. 135.
Карпатскія (Кавказинскія, Русскія, Угорскія горы). 16. 17. 68. 73. 78. 95. 110. 129. 218. 220. 259. 276. 277. 284. 290.
Карпачъ сел. на Прутѣ. 95.
Карпецъ р., пр. Днѣстра. 117
Касмола р., прит. Сердобы впадаетъ въ Хоперъ. 259.
Каспійское море. 7. 12. 15. 45. 57.
Касплинское оз. 20. 24. 219.
Каспля р. прит. З. Двины. 20. 24. 25. 184. 219.
Катилло сел. Нарвск. у. 46.
Катлабуха р. 115.
Карклинень сел. въ Пруссіи 236.
Кашау гор. въ Карпатск. Руси. см. Кошицы.
Кегрель (Кевроль) сел. въ Пинежскомъ у. 317.
Кедипивъ (Солнечная Рука) гор. въ Чудск. землѣ. 48.
Келебія обл. 226.
Кельтма Сѣверная р., прит. Вычегды. 266.

Кельтма Южная, пр. Камы. 266.
Кельты нар. 72—73. 215.
Кемь р., впад. въ Бѣлое озеро. 317.
Кена р., пр. Онеги. 225.
Керестьр., пр. Волхова. 194.
Керчь (Кърчевъ) гор. 38. 229.
Кефалонія (Кефалиніа) обл. 211.
Кземль (Гзень) уроч. близь Новгорода Вел. 203.
Кидекша урочище на р. Нерли. 31.
Киликія обл. 210.
Килійскій Дунай р. 114.
Килія гор. 114. 116.
Килія Старая кр. 114.
Кипръ остр. 10. 211.
Киргижъ р. 116.
Кириллъ (Кир-Ылъ). 245. Ср. Кариль.
Кисемскій станъ Переяславск. у. 53.
Кистенда р., прит. Сердобы, впад. въ Хопръ. 259.
Кистенджи гор. 115.
Китай стр. 15.
Китай-Городокъ мѣст. въ Липовецк. у. 298. 299.
Кишиневъ гор. 116.
Киѳера (Кофирана) остр. 211.
Кіатра (Тамбурешти) на Дунайск. прит. Ботчѣ. 251.
Кіевецъ городище. 68. 250.
Кіевская гора. 18. Сравн. Угорское.
Кіевская сторона Днѣпра. 46. 80. 90—91. 134. 147. 228.
Кіевская украйна. 186.
Кіевское болонье уроч. 143.
Кіевское княженіе. 18. 40. 126. 128. 130. 133. 136. 140. 207. 284. 310.
Кіевъ (Кыевъ) гор. 21. 36. 37. 46. 65. 67. 81. 90 — 91. 93. 101. 108. 113. 129. 134—137. 140—143. 197. 204. 225. 228. 260. 271. 277. 286—291. 294. 295. 297. 307. 309. 310.
Кіеленазв. 242.
Кій городъ въ Малой Азіи и въ Мизіи (Болгаріи). 250.
Кіора сел. близь устьевъ Яломицы. 251.
Клецкъ см. Клеческъ.
Клеческъ гор. Кіевск. княж. 124. 133.
Клещино (Плещеево) озеро. 28. 30.
Клинъ сел. на р. Куньи. 26.
Кловъ уроч. (монаст. Св. Богородицы подъ Кіевомъ) 142.
Клопотница дер. въ Галицкой Руси. 281.
Клязьма р., пр. Оки. 28. 31. 77. 171. 172. 195. 196. 259.
Кляузенбургъ гор. 95. 284.
Княженія. 83. 92.
Княжое сел. Таращанскаго у. 299.
Кобникъ. 232.
Кобринъ гор. 230.
Кобудъ гор. Болоховск. земли 293.
Кодинъ сел. Васильковскаго у. 137.
Ковель гор. 121.
Кодыма р., пр. В. Буга. 292.
Козары см. Казары.
Козельскъ гор. Вятичей.
Кокенгузенъ (Kohknese) городъ. 162. 312.
Кокова сел. на Пашѣ Тихвинскаго у. 201. 202.
Кокорка вол. Обонежск. ряда. 202.
Колба (Колва) геогр. назв. 226.
Колбежицкій погостъ Тихвинск. у. 226.
Колбяги нар. 33. 227.
Колва см. Колба.
Колобрегъ (Колбергъ) гор. 226.
Колодяженъ гор. Кіевск. кн. 289.
Колодяжно м. Новгор. Вол. у. 289.
Колодезно сел. въ Ковельск. у. 239.

Колодня уроч. 259.
Колокша р., прит. Клязьмы. 205.
Коломна гор. Черниговскаго княж. 172.
Колонна р., пр. Нарева. 41.
Колпинка р., прит. Оскуи, впад. въ Волховъ. 194.
Колпь р., прит. Суды. 32. 196 226.
Колхисъ (Колхида) обл. 9. 211.
Коморнянскій Комит. 285.
Комагины нар. 210.
Комата сел. у Ятвяговъ. 234—236.
Комозеро въ Вытегорскомъ у. 317.
Комовъ (Кумовъ) городъ въ Холмской Руси. 120. 170.
Комойченъ сел. въ Гумбиненскомъ окр. 236.
Коневская станц. Пудожск. у. 225.
Конельм. Липовецк. у. 139.
Комозеро въ Вытегорск. у. 139. 225.
Копыль гор. Кіевск. кн. 133.
Копысъ гор. Полоцк. и Смол. княж. 184. 313.
Кораблище оз. Городненск. у. 311.
Корачевъ см. Карачевъ.
Korbniemi. 211.
Корбы сел. на Днѣстрѣ. 95.
Кордуна обл. 210.
Корела (Корѣла, Карела) нар. 45. 47. 58. 66. 239.
Кореличи м. Новгородскаго у. 296.
Корнии (Киринія) обл. 210.
Корковичи (Корковичи) селеніе въ Ятвяжск. землѣ. 236.
Корлязи нар. 13.
КоролевскаРусская сел. въ Галицк. Руси. 281.
Коротянка р., пр. Жиздры. 258.
Корсунская обл. 38. 134. 135. 286.
Корсунь (Херсонъ) гор. 38.
Корсунь (Керсунь) гор. Кіевскомъ кн. 19. 138. 144. 307.
Корсь (Куры, Куроны) народъ 39. 43. 230. 231.
Корцира (Керкура) остр. 211.
Корчевъ гор. 189.
Корьдна гор. въ землѣ Вятичей. 157. 168. 173.
Косоги (Косоги) нар. 16.
Кострома гор. 315.
Кострома р., пр. Волги. 17. 196.
Котласскій погостъ (Пырасъ) Сольвычегодск. у. 242.
Котовъ дер. въ Галицкой Руси. 281.
Котра р., пр. Нѣмана. 42. 125. 150.
Коуи Черниговскіе, нар. 136. 162. 252.
Кочевино сел. на Пашѣ, Новгородск. у. 201. 202.
Кошицы (Кашау) гор. въ Карпатской Руси. 95. 110. 112. 282. 284.
Краки каты гор. 113.
Краковъ гор. 270. 281. 285.
Crasime см. Криссменцы.
Краснар., прит. Стугны. 136. 237.
Краснар., пр. Тиссы. 284.
Красная р., пр. Прута. 95.
Краснобродъ сел. въ Червоной Руси. 267.
Красногорское сел. Лужскаго у. 219.
Красное сел. см. Волокъ.
Краснославъ гор. 126.
Красный (Княжій) дворъ въ Кіевѣ. 142.
Кревкар., прит. Болги. 177.
Кревно сел. Новоалександровскаго у. 32.
Кревом. Виленской губ. 186.
Крево сел. Корчевск. у. 177.
Кревули сел. Рѣжицк. у. 179.
Кревье (Волосатое) сел. Болховск. у. 175.

Крейцбургъ (Krisburga) городъ. 312.
Кременецъ гор. Волынскаго княж. 122. 268. 289.
Креславль (Креславки) м. Динабургск. у. 41. 179.
Крецемпиллисъ. 312.
Кречково (Кричково) селеніе Нижегородск. у. 176.
Кржешевъ на р. Санѣ. 268.
Кржна р., см. Кросна р.
Криванда сел. Люцинск. у. 179.
Кривандино селен. Романо-Борсогл. у. 177.
Кривативичи (Крживатичи) селеніе Бѣльск. у. 313.
Кривая (Покривская) селеніе Елецк. у. 176.
Кривецкое сел. Кадник. у. 177.
Кривецкое сел. Никольскаго у. 177.
Кривецъ Большой и К. Малый сел. Вологодскаго у. 177.
Кривецъ Большой и К. Малый Елецк. у. 176.
Кривецъ сел. Горицк. у. 175.
Кривецъ сел. Дмитровскаго у. 177.
Кривецъ сел. Мстиславскаго у. 175.
Кривецъ Большой и К. Малый Новозыбк. у. 148.
Кривецъ сел. Порховскаго у. 178.
Кривецъ сел. Рославскаго у. 175.
Кривецъ сел. Рѣчицк. у. 147.
Кривецъ руч., прит. Сосны. 259.
Кривичи (Кршиви) сел. Бѣльск. у. 313.
Кривикъ на Сити Моложск. у. 177.
Кривина сел. Люцинск. у. 170.
Кривино сел. на рѣкѣ Лжѣ Псковск. губ. 119.
Кривина сел. Рѣжицк. у. 179.
Кривипы Большія и К. Малыя сел. Динабургск. у. 179.
Кривка р., пр. Воронежа. 259.
Кривляне сел. Брестск. у. 313.
Кривляне сел. Ковельскаго у. 313.
Кривляны сел. Кобринскаго у. 313.
Кривовицъ сел. Псковскаго у. 179.
Кривое село (2) Новогрудск. у. 313.
Кривo-Городище сел. Орловск. у. 149. 175.
Кривошинъ сел. Слонимск. у. 313.
Кривицы сел. Муромскаго у. 177.
Кривичи нар. 22. 27. 40. 46. 80. 84. 85. 93. 125. 133. 136. 169. 173—175. 186. 192. 193. 239. 240. 251. 252. 256. 259. 272. 273. 301. 306. 307. 311. 312. 314.
Кривичи сел. Лидск. у. 174.
Кривичи сел. Новогрудскаго у. 174. 313.
Кривичи сел. Рѣчицк. у. 169.
Кривичи сел. Слонимскаго у. 174. 313.
Кривки сел. Демянск. у. 178.
Кривкина сел. Демянскаго у. 178.
Кривска сел. Псковскаго у. 179.
Кривская селен. на Протвѣ Малоярослав. у. 176.
Кривскія посел. въ ю. з. части Окскаго бассейна. 169.
Кривское сел. Рогачевскаго у. 154.
Кривскъ сел. Гомельскаго у. 154. 174.
Кривскъ сел. Рѣчицк. у. 154.
Кривуша сел. Козельскаго у. 176.
Кривцово селеніе (Кривцы) Бронницк. у. 177.
Кривцово (6 сел.) Моложск.,

Мышкинск., Пошехонск. и Рыбинск. у. 177.
Кривцово сел. Юрьевскаго у. 177.
Кривцовская дер. 1504 г. 176.
Кривцовъ сел. Болховскаго у. 175.
Кривцы сел. Владим. у. 177.
Кривцы сел. на озерѣ Ужо, Псковск. губ. 179.
Кривцы сел. Кализинскаго у. 177.
Кривцы сел. Кашинск. у. 177.
Кривцы сел. Клинск. у. 176.
Кривцы сел. Корчевск. у. 177.
Кривцы сел. Мышкинскаго у. 177.
Кривцы сел. Пинек. у. 313.
Кривцы сел. Углецк. у. 177.
Кривча сел. Рѣчицк. у. 174.
Кривче сел. Болховск. у. 174.
Крикинъ сел. 179.
Кривичи нар. и обл. въ Ятвяжск. землѣ. 235.
Критъ ост. 10.
Крицевка сел. Себежскаго у.
Кричина сел. Коаельс. у. 175.
Кроація обл. 247.
Кровичи уроч. 256.
Кровинка р., пр. З. Двины. 256.
Кромар., пр. Оки. 149. 259.
Кропивница (Kopczywnica) гор. 270.
Кросна (Кржна) пр., З. Бута. 296.
Кружборъ. 312.
Кснятино сел. на Волгѣ. 30.
Кубенское озеро. 32.
Кудебь, прит. Великой. 179.
Кудинъ гор. Болоховс. земли. 293.
Кудка рч., пр. Великой. 178.
Кузмино сел. 195.
Куква р., пр. Великой. 178.
Кукенойсъ гор. Полоцк. кн. 182.
Кукуево гор. и вол. Бѣжецк. ряда. 201. 203.
Кульдеюревъ гор. Черныхъ Клобук. 139. 275.
Кулачькъ уроч. 205.
Кулія (Кылисирія) обл. 211.
Куммечень Большой и К. Малый сел. въ Прусс. 236.
Кулмуцуй р., 92.
Купиль (Такупиль) гор. Черныхъ Клобук. 139.
Купья р., пр. Ловати. 26. 190.
Кукуреаса (Kukureasza) горн. хреб. 282.
Куты дер. въ Галицк. Руси. 281.
Курань см. Карань.
Курнака гор. 114.
Курская обл. 93.
Курскъ гор. 86. 167. 169. 170. 173. 303. 310.
Куча сел. Подольск. губ. 287.
Кучельминъ гор. въ Галицкой Понизьи. 116. 286. 287.
Къснятинъ гор. Переяславскаго кн. 163.
Кынени сел. на р. Бузео. 251.

Л.

Лава (Лавуя) р., впад. въ Ладожск. оз. 201. 316.
Ладога гор. Новгор. обл. 203.
Ладожское (Нево) оз. 19. 27. 195. 200—202. 242. 252. 258. 319.
Ладыжинъ м. Гайтинск. у. 289.
Лама р. прит. Волги 30. 189. 196.
Лань р. прит. Припети. 124.
Ласкова сел. Галицкой Руси. 281.
Латыгола (Латыши) см. Летьгола.
Latwežu Zemme Latwis. см. Летьгола.
Латышева сел. Звенигор. у. 299.
Латыши сел. Рѣжицкаго у. 179.

Лаханскій порогъ на Днѣпрѣ. 223.
Лаче оз. 32. 317.
Леанти порогъ на Днѣпрѣ 223.
Лебень р., прит. Оскуи, впад. въ Волховъ. 194.
Левоча гор. въ Карпатск. Руси. 284.
Ледь р. См. Лидь.
Ледянка р., прит. Глубочки, впад. въ Волховъ 194.
Лежа р., прит. Днѣпра 258.
Лемницкій верхъ въ Татрахъ 284.
Ленчицане нар. 259.
Лесбосъ (Лѣзвона) остр. 211.
Летгола (Латыгола, Латыши) нар. и обл. 39. 43. 48. 179. 231.
Летьское поле, уроч. въ Переясл. княж. 165.
Leucenium (Leutschau) см. Левоча.
Либія, обл. 230.
Либь см. Ливь.
Ливія обл. 211. 216.
Ливія (Ливуя) другая обл. въ Афетовой части. 211.
Ливь (Либь, Ливы) нар. 49. 179. 182. 231.
Лиговка р. въ Демянск. у. 193.
Лигуй вол. въ Новгор. обл. 317.
Лида гор. 180.
Лидь (Ледь) р., прит. Чагодощи. 31. 196.
Ликаонія (Лукаонія) погостъ на р. Сяси. 1509 г. 202.
Липсуевичи воз. Обонежск. ряда 202.
Липтовскій комитатъ. 284. 285.
Лиственъ гор. Черниг. княж. 148. 172.
Листвинъ сел. Городненск. у. 172.
Литва (Литвины, Лотва) нар. 26. 33. 33. 34. 38. 39. 40. 42. 124. 133. 182. 185. 186. 190. 212. 226. 230-234. 238. 252. 256. 270. 282. 297.
Литинъ у. г. 139.
Литовская земля. 130. 233.
Литовщизна сел. Новогрудск. у. 125.
Liudi-Kiele, нар. 232.
Лишный порогъ на Днѣпрѣ. 223.
Лобыньскъ гор. Вятичей 30. 157.
Ловать р. 11. 23. 25. 26. 27. 47. 178. 190. 193. 200. 259.
Логожскъ гор. въ Полоцк. княж. 124. 186.
Логойскъ м. Борисовск. у. см. Логожскъ.
Лодейное Поле гор. 201.
Лоевъ м. 147.
Лозовая уроч. 256.
Локна, р. прит. Вира. 308.
Локрія обл. 211.
Ломжа гор. 230.
Лонка р. прит. Вислока 95.
Лопасна р., прит. Оки. 30. 172.
Лопасна вол. Черниг. 302.
Лопская рель Новгор. обл. 199—201.
Loppis сел. при р. Seldica 316.
Loppi Kolka, пог. 316.
Лопскій (Егорьевскій) пог. Новгор. обл. 201.
Лоси дер. въ Галицкой Руси. 281.
Лосна р., прит. З. Буга. 132.
Лососна р., прит. Зельвы 41.
Лотва нар. 42. 43. см. Летьгола.
Лотыголь сел. Сѣннин. у. 43.
Лотыши сел. Витебск. у. 43.
Лотышова сел. въ Лепельск. у. 43.
Лохвица гор. 308.
Лтава гор. Переясл. княж. 163. 166. (Полтава).
Лубны у. г. 163.
Луга р. 22. 27. 194. 201.

Лугъ уроч. 311.
Лужскій (Егорьевскій) погостъ Новгородск. обл. 201.
Лужская Рель Новгор. обл. 199—201.
Лукаонія (Ликаонія) обл. 211.
Луки гор. Новгор. обл. 190. 225.
Лукины уроч. 195.
Лукомль городище Переясл. княж. 166.
Лукомль гор. Полоцк. княж. 86. 303.
Лукоморскіе Половцы. 275. 299.
Лукоморье 61. 275. 299.
Луксиппа р. въ Гумбиченск. окр. 236.
Лутава гор. Черниг. княж. 169.
Лутава сел. Остерскаго у. 169.
Лутичи см. Лютичи.
Лухитія обл. 211.
Луцкъ г. 123.
Лучане сел. Холмскаго у. 25.
Лучанское оз. въ Холмск. у. 25. 190.
Лучане, нар. 259.
Луческъ гор. Волынск. княж. 123.
Лучинъ гор. 34. 25. 190.
Лыбедь р., прит. Днѣпра 22. 256.
Лыкъ (Олегъ) р. прит. Бобра 235.
Львовъ гор. 230. 268.
Лыжа р., прит. (Утроя) Великой 179.
Лыта (Альта, Ольта) р. прит. Трубежа 22. 161.
Лѣсъ 221—222. 266.
Любачевъ гор. 280. 290.
Любечъ гор. Черниг. кн. 21. 134. 143. 148. 169. 300. 311.
Любечъ (Любчь) уроч. подъ Кіевомъ. 143. Ср. Подмвбское.
Люблинецъ Амосовъ см. Лобыньскъ.
Люблинская земля 120.
Любовня гор. въ Спишской землѣ 284.
Людская р., прит. Цоны. 302.
Людское Городище въ Карачевск. у. 302.
Лютичи нар. 96.
Лютка р., прит. Вытебити. 259.
Люто оз. въ Боровицк. у. 31.
Люцинъ гор. 179.
Лядинъ дер. въ Галицкой Руси. 284.
Лядско-Волынскій рубежъ. 120.
Лядско-Кіевскій рубежъ 131.
Ляхи (Лехы) на р. 12. 13. 39. 44. 90. 126. 130. 136. 227. 239. 251. 252. 254. 265. 267. 277.
Ляховичи сел. Слуцкаго у. 41.
Ляховка сел. Бѣльск. у. 131.

М.

Мавританія обл. 211. 216.
Маговка дер. Карачевск. у. 302.
Магощъ (Домагощъ) гор. Вятичск. земли. 149. 156. 302. 306.
Мадьяры нар. 65. 276. см. Угры.
Мазовія обл. 233. 234.
Мазовшане нар. 69.
Maitchta (Майдесухта, Майдеухта, Алексѣевка) вол. (Новоладожск. у.) 316.
Македонія обл. 38. 211.
Максимова Гора сел. 195.
Малая Азія 37. 250.
Малая Лопица вол. 201.
Малая Прѣслава гор. въ Болгаріи. 250. 287.
Малороссы. 312.
Малый Волочекъ сел. Лужскаго у. 27.

Малый Галичъ гор. въ Дунайской Руси 286. см. Галацъ.
Малый Листвень сел. Городненск. у. 172.
Мара вол. Бѣлозерская. 52.
Маркова дер. въ Галицк. Руси. 281.
Мармарія обл. 211.
Мармарошскій Комитатъ 110.
Марціанополисъ (Мегалополисъ) гор. въ Болгаріи. 250.
Масельская Горка сел. Новоладожск. у. 202.
Масельскій погостъ Новоладожск. у. 202.
Масіега р., прит. Волгомы. 202.
Масія (Мисія) обл. 211.
Масурія обл. 211. 216.
Маткозеро въ Повѣнецк. у. 316. *а*).
Матѣева дер. въ Галицк. Руси. 281.
Маховица дер. Болховск. у. 302.
Маховицы (Прилѣпы) сел. Болховск. у. 302.
Маховицы Спассіек. сел. Болховск. у. 302.
Мдинъ (Мединъ) гор. въ Болгаріи 114.
Мегалополисъ см. Марціанополисъ.
Меглино сел. Старорусск. у. 193.
Медвѣдица р. прит. Волги. 28. 51. 189. 200. 259.
Медвѣдова р., прит. Оскуи, вп. въ Волховъ 194.
Медвѣжья Голова гор. (Оденпе) 48.
Меджибожье гор. 116.
Межа геогр. назв. 180.
Межволочье оз. Боровицк. у. 31.
Межеватки геогр. назв. 180.
Межери сел. Люцинск. у. 179.
Межерники сел. Люцинск. у. 179.
Межи уроч. 86. 88. 266.
Межна р. прит. Полы. 190.
Мезень р. 61. 266.
Мелеча сел. Демянск. у. 193.
Мельникъ гор. м. Бѣльскаго у. 40.
Мельница р. прит. Стохада 121.
Мельницы гор. Волынск. княж. 121. 292.
Меоты нар. 212.
Мервиново сел. Переясл. у. 52.
Мердушское болото къ ю. отъ Мурома 56.
Меревкино (Мерейкино) сел. въ Зубцовск. у. 52.
Меревское сел. Калужск. у. 54.
Мередево сел. Переяславск. у. 52.
Мереднще сел. Ковровск. у. 53.
Мерейка р. подъ г. Краснымъ Смол. г. 54.
Мерелево сел. Вязниковск. у. 53.
Меренищево сел. въ Гжатскомъ у. 54.
Меренищи сел. Козельск. у. 54. 176.
Меренова дер. Новоторжск. у. 52.
Мереновка р., пр. Протвы 54.
Мереховица сел. Ростовск. у. 53.
Мереченка р., прит. Нѣмана. 42. 237.
Мерзлеева сел. Вязниковск. у. 53.
Мери сел. Богордскаго у. 54.
Мерилова дер. въ Корчевск. у. 52.

а) Такъ на картѣ И. Р. Г. О., исправл. въ 1879 г.; на другихъ читается: Машковеро.

Меринка р., прит. Пропи. 54.
Меринове сел. Бѣжецк. у. 52.
Меринове сел. Кубенск. у. 52.
Меринове сел. Нерехотск. у. 240.
Меринове дер. Новоторжск. у. 52.
Меринова сел. Переяславск. у. 52.
Меринова сел. Рязанс. у. 52.
Меринове сел. Устюжск. у. 54.
Меринцово сел. въ Рузскомъ стану. 54.
Мерка Малая сел. Звенигородск. у. 54.
Меркалова дер. Кашинск. у. 52.
Меркутино сел. Вязниковск. у. 53.
Мерлево сел. Пошехонск. у. 52.
Мерли сел. на Волгѣ (Тверск. губ.) 52.
Мерлино сел. Алексинск. у. 54.
Мерлино сел. на р. Ворѣ 52.
Мерлино сел. Рыбинск. у. 52.
Мерлиновка сел. Александс. у. 54.
Мерловка р., притокъ Истры (черезъ Городенку) 54.
Мерлуха сел. Рыбинск. у. 52.
Мерль р. прит. Ворсклы. 164.
Мермерницы Новые и М. Старые сел. Тверск. у. 52.
Мерская р. см. Нерская.
Мерскій Галичъ гор. 52.
Мерскій станъ на р. Курбѣ Переясл. у. 52.
Мерское болото въ Звенигородск. у. 54.
Мершино сел. Вязниковск. у. 53.
Меря нар. 49. 51. 55. 71. 192. 195. 196. 197. 240. 273. 306. 307. 314. 315.
Меря р. прит. Волги. 52.
Меря Старая сел. Звенигородск. у. 54.
Мерялова сел. Клинск. у. 52.
Мещера нар. 51. 240.
Мещерка Коломенская вол. 241.
Мещерка во Владимирскомъ удѣлѣ, въ Мелеховскомъ у. 241.
Мещерка р., прит. Воронежа 259.
Мещерскій рубежъ. 241.
Мещерскіе уу. Рязанск. губ. 241.
Мещерскія мѣстн. въ Окской обл. 241.
Мещерское сел. Пронск. у. 54.
Мидія (Миды) обл. 210.
Мизія обл. 249. 250. 311. См.
Микулинцы сел. въ Галиціи на Згарѣ. 119. 291.
Микулинъ гор. Галицк. Руси. 290. 291.
Микулинъ сел. Заславск. у. 291.
Милековъ сел. въ Галиціи. 117.
Милынь, р., прит. Упы. 259.
Минская вол. Кривичей 93.
Минскъ (Мѣнескъ) гор. въ Полоцк. кн. 134. 186. 272. 273. 313.
Миръ Ликійскій гор. 38.
Месопотамира (Мисамія) обл. 210.
Митины назв. геогр. 195.
Михайловы назв. геогр. 195.
Міусъ р., впад. въ Азовск. море. 21.
Митрополія 141. 309.
Млечка р. прит. Сана. 280.
Млома р., прит. Шексны. 196.
Мнишекъ дер. на Попрадѣ въ Галичинѣ. 281.
Могилевъ гор. 116. 313.
Можаескъ. гор. Смоленскаго княж. 188.

Можайка р., прит. Москвы. 188.
Мозырь гор. 128.
Моклековъ гор. въ Галицк. княж. 117.
Мокша р., прит. Оки. 171.
Молвятичи (Молватины) пог. Демянск. у. 190.
Молога р. 28—31. 50. 51. 77. 178. 194. 200. 258.
Молодечно м. Вилейск. у. 186.
Молодовое Городище Карачевск. у. 302.
Моложскій путь. 31. 104.
Молоси нар. и обл. 211. 212.
Молосно оз. въ Невельск. у. 25.
М'олчадь р., прит. Нѣмана 40. 41.
Морава пар. 68. 254.
Морава р., прит. Дуная. 20. 68. 73.
Моравіинъ гор. на Ловати. 26.
Мордасовъ сел. Рязанск. у. 56.
Мордва, нар. 55. 77. 168. 169. 171. 240.
Мордва на Цнѣ XV. в. 56.
Мордвезь р. и сел. въ Веневскомъ и Каширск. уу. 56.
Мордвиново сел. Можайск. у. 56.
Мордвино сел. Касим. у. 56.
Мордова сел. въ Ряжск. у. 56.
Мордошное сел. въ области Нерли. 240.
Мордошское въ Суздалѣ селеніе. 240.
Мордышъ сел. на Клязьмѣ. 240.
Морева вол. Новгородск. 190. 193.
Моревo Никольскій сел. Демянск. у. 190.
Моревo (Новая Русса) Демянск. у. 190.
Моревo Успенскій Демянск. у. 190.
Морейка р., пр. Днѣпра. 258. (Ср. Морейка).
Мосія (Мисія) обл. 211.
Москва гор. 196. 262.
Москва р., пр. Оки. 23. 29. 30. 43. 51. 171. 172. 188. 189. 252. 258. 259.
Моша р., пр. Онеги. 317. 318.
Моша р., Каргопольск. у. 318.
Мошинская вотчина Каргопольскаго у. 318.
Мошозеро Каргопольскаго у. 318.
Мста р. впад. въ Ильмень. 18. 23. 27. 29. 47. 192. 193. 194.
Мстиnскій путь. 194.
Мстиславъ гор. 39.
Мужна р., пр. Свири. 59.
Мункачскій Комитатъ. 110.
Мункачъ гор. 283.
Муравейка сел. Холмскаго у. 26.
Муравейна вол. Новгородская 24.
Муравейнъ. 25. см. Моравіинъ.
Мурашка р., прит. Днѣстра. 117.
Мурома нар. 51. 55. 77. 239. 240.
Муромская земля. 168. 171. 195.
Муромское сел. Владимирскаго у. 55.
Муромское сел. Егорьевск. у. 55
Муромцево сел. Судогодск. у. 55.
Муромъ гор. 77. 143. 155. 168. 171. 173. 192. 195—197. 311. 315.
Мухавецъ р., прит. З. Буга. 126. 132.
Мушина Великая и М. Малая. сел. въ Галицк. Руси. 281.
Мценскъ см. Мьченескъ.
Мшага р., пр. Шексны. 27.
Мылва Печерская р., пр. Печеры. 266.
Мылва Южная, прит. Вычегды. 226.

Мьченескъ (Мценскъ) гор. Черниг. кн. 31. 86. 151. 283. 302. 306.
Мядзіолка р., прит. Десны. 42. 180.

Н.

Навль р., пр. Десны. 149.
Наволокъ (знач). 221.
Наволокъ сел. Осташковск. у. 222.
Наворопники (Наворопницы). 311. 319.
Наворопъ разъѣздный передовый отрядъ. 311. См. Воропъ.
Надва р., прит. Днѣпра. 258.
Падость (Nadosth) терр. въ Спишск. ком. 284.
Надпорожье мѣстн. 225.
Надпорожье сел. на Коржнѣ. 195.
Надыма р., впад. въ Обскую губу. 245.
Назья р., впад. въ Ладожск. оз. 316.
Наливайки сел. Уманск. у. 299.
Напрези пор. на Днѣпрѣ. 223.
Нарвелишки въ Ошмянск. у.? 238.
Наревъ р., пр. Вислы. 39—41. 126. 131. 132. 229. 233—284.
Нарейки сел. въ Ошмянск. у. 238.
Нарова р., впад. въ Финской зал. 42. 47. 201.
Наровонар. см. Нерома.
Народъ (родъ). 260.
Нарочъ оз., сосд. съ Виліей рѣкою т. им. 238.
Нарочь р., пр. Виліи. 186. 238.
Норцы нар. 248—249.
Небель (Небль) гор. Волынск. княж. 121. 290. 292.
Нева р. 7. 201.
Невель оз. въ Невельск. у. 25.
Невo (Ладожское) оз. 18. 23. 26. 31.
Невѣжа р., пр. Нѣмана. 42.
Неднар., пр. Оки. 259.
Недрегайловъ м. Лебединскаго у. 308.
Неколочь гор. Полоцк. княж. 224.
Некоча (Некуча) сел. Лепельскаго у. 224.
Немерина дер. Каширскаго у. 54.
Немерово сел. Ярославскаго у. 53.
Немерска р., пр. Жиздры. 54.
Немети гор. въ Седмиг. 111.
Немія р., пр. Днѣстра. 117.
Ненасытецкій порогъ на Днѣпрѣ. 223.
Неполодь р., пр. Оки. 259.
Неркина дер. Владимірской губ. 54.
Нервы нар. 252.
Нерехта вол. Костром. у. 240.
Нерехта гор. 53.
Нерехта р., прит. Волги. 53. 240.
Неринскъ гор. Ростово-Суздальск. земли. 302.
Нерисъ (Вилія) 238.
Нерль Большая р., прит. Волги. 30. 50. 53. 87. 196.
Нерль Малая, пр. Клязьмы. 31. 53. 87. 171.
Неро оз. (Ростовское) 51.
Неровo (Неровы) сел. Ошмянскаго у. 186. 238.
Нерома (Нарова, Норова) народъ. 39. 230. 231.
Нерская р., пр. Москвы р. 54.
Нерскій станъ Переяславль-Залѣск. у. 53.
Нерубайка (Омельгородокъ) Звенигородск. у. 298. 299.
Нечистые человѣки. 244.
Неясыть пор. на Днѣпрѣ. 223.
Неятинъ (Ятинъ) гор. Кіевск. княж. 138. 298.
Нижнепойская дер. Шенкурск. у. 317.
Нижній Новгородъ см. Новгородъ Нижній.

Нижній Трояновъ валъ уроч. 115.
Низовская земля и
Низъ геогр. терм. 18. 29.
Низовцы Поднѣпровскіе. 221.
Нилъ р. 7. 10. 211.
Нирокурья (вм. Ринокурья) гор. 210.
Нитрянскій Комитатъ въ Венгріи 285.
Нобель оз. въ Пинск. у. 121. 292. См. Небель (Небль).
Новая земля остр. 245.
Новая Ладога г. 50.
Новоалександровскъ городъ. 42.
Новгородокъ (Новогрудокъ) гор. 40. 41. 128. 133. 233. 296. 297. 313.
Новгородская обл. и з. 18. 186. 190. 192. 194. 164—199. 200. 203.
Новгородскіе Лодейники. 26.
Новгородскіе Славяне (Словѣне) Новгородцы. 27. 31. 35. 37. 46 — 48. 80. 85. 93. 191. 192. 194. 227. 228. 311. 312. 314.
Новгородскія Колоніи. 195.
Новгородскія пятины. 46. 127. 316.
Новгородъ В. гор. 11. 13. 18. 19. 24. 25. 36. 40. 46. 47. 58. 63. 67. 70. 80. 81. 90. 91. 117. 192. 194—200. 203. 204. 225. 228. 241. 249. 252. 273. 283. 306. 315.
Новгородъ Волынскій (Звягель) гор. Кіевск. княж. 128.
Новгородъ Нижній гор. 77. 171.
Новгородъ Сѣверскій (Новый Городъ) гор. Черниг. кн. 23. 93. 148. 173.
Новое село (Новосель) гор. на Черн. морѣ. 114.
Новоржевъ гор. 200.
Новоторжцы нар. 227.
Новый Городъ см. Новгородъ Сѣверск.
Новый Сандецъ гор. въ Галицкой Руси. 290.
Норики (Norici) нар. 249 см. Порцы.
Норикъ (Noricum) обл. 247. 248.
Норина р., пр. Ужи. 126.
Норманская школа. 33. 271. 272.
Норманны нар. 16. 33. 34. 35.
Норцы нар. 248. См. Нарцы.
Носовка сел. Нѣжинск. у. 162.
Нугрь р., пр. Оки. 63.
Нумидія обл. 211.
Нумиды нар. 216.
Нуръ р., пр. З. Бута. 23. 131. 235.
Нѣжатина Нива уроч. или сел. Переяславск. княж. 161. 162. 173. 308.
Нѣжатинъ гор. 308.
Нѣжинъ гор. 161. 308.
Нѣманскій басс. 38. 124.
Нѣманъ р., прит. 40—42. 44. 74. 76. 124—126. 128. 131—134. 186. 233. 258.
Нѣмецкая ропота. 228.
Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ. 228. 229.
Нѣмецкій законъ. 37.
Нѣмецкое море. 7. 14.
Нѣмець въ горахъ, гор. въ Угорской Руси. 111.
Нѣмцы нар. 13. 33. 36. 37. 198. 228—230. 240.
Нѣмцы Корлязи нар. 13.
Нѣсвижъ гор. Кіевск. княж. 41. 133.

О.

Обдора р., 246.
Обезы нар. 150.
Обловь см. Блове.
Оболь р., пр. З. Двины. 24. 25.
Оболенскъ гор. 283.

Обонежская (Обонежье) пятина (рядъ). 67. 199 — 202. 314.
Обонежскій рядъ см. Обонежская пятина.
Обонежье см. Обонежск. пятина.
Обровь уроч. Переясл. княж. 165.
Обскіе Остяки нар. 246.
Обры нар. 64. 72. 100.
Обуйка р., прит. Оскуи, впад. въ Волховъ. 194.
Обь р. 64. 245.
Овручь (Въручей) городъ въ Древл. землѣ. 126. 127.
Огородня сел. Брянскаго у. 175.
Одеръ р. 69.
Одрово оз. Невельск. у. 25.
Одровскъ см. Одрьскъ.
Одровь рѣка, прит. Днѣпра. 186—187.
Одрскъ гор. въ Полоцк. княж. 186.
Озерище (Езерище) оз. въ Городокскомъ у. 25.
Озерная обл. 17. 20. 24. 27 — 32. 44. 74 — 76. 186. 190 — 193. 259. 317.
Озерная область въ Пруссіи. 37.
Ока р. 20—23. 28—30. 44. 45. 53. 55. 62. 75. 77. 155. 171. 188. 251. 258. 259. 264. 283. 307.
Оковскій (Воковскій, Волоковскій) лѣсъ. 14. 17. 19. 28. 49. 193.
Окскій бассейнъ. 51.
Олдикище сел. у Ятвяговъ 236.
Олегова могила уроч. въ Кіевѣ. 142.
Олегъ (Лыкъ) р., прит. Бобра. 235.
Оленцы малые. 243.
Олецкъ гор. 236.
Олешки гор. 21.
Олешье гор. 21. 114. 223.
Оломна р., пр. Волхова. 194.
Олонецкіе горы. 17. 76. 264.
Олонецъ гор. 201.
Олонка р., впад. въ Онежское оз. 200. 201.
Олоньсъ вол. Новгородская. 201.
Олыкъ см. Олегъ.
Ольжичи (Лыжичи) сел. на Деснѣ. 143.
Ользинъ Градъ см. Вышгородъ. 140.
Ольса (Ольха?) р., пр. Березины. 184.
Ольта р., см. Льта (Альта).
Ольшанка рѣка въ Галиціи. 100.
Ольшанка р., прит. Сѣверн. Донца. 259.
Ольшанка р. въ Кіевск. губ.
Омельгородокъ (Нерубайка) сел. Чигиринск. у. 198.
Омерино сел. Галицк. у. 52.
Ондава р., пр. Тиссы. 95. 112.
Онега гор. 316.
Онега р. 17. 32. 225
Онежское оз. 17. 25. 59. 66. 200. 203.
Онія (Іонія) обл. 10. 211.
Онутъ гор. въ Буковинѣ. 287.
Оньдріятинская пучина. 211.
Оньдрѣянь градъ (Адріянополь). 38.
Опса оз. Виленск. губ. 42.
Оравскій комитатъ. 285.
Орантъ р. 38.
Оргѣевъ гор. 99.
Оредежъ р., прит. Луги. 47. 194.
Орельскъ гор. Холмск. Руси. 121.
Оржица р., пр. Сулы. 166.
Орликъ р., пр. Оки. 259.
Орловскій майданъ сел. Красноставск. у. 121.
Орловъ Древнянъ сел. Красноставск. у. 121.
Орлянка р., пр. Нарева. 132.

Орѣшекъ гор. 201.
Осетръ (Остеръ, Естръ, отк. Дестръ, Дрестръ, Днѣстръ) 275.
Осинка р., пр. Оскуя, впад. въ Волховъ. 194.
Осколъ р., пр. С. Донца. 170. 304. 311.
Оскуя р., пр. Волхова. 194.
Осла сел. къ ю. отъ Ревеля. 48.
Осма р., пр. Днѣпра. 21. 175. 258.
Остеръ гор. 169.
Остеръ (Востръ) р., пр. Десны. 23. 56. 169.
Остеръ р., пр. Сожи. 23. 188.
Остзейскій край. 198.
Остригонъ (Gran) гор. 285.
Острогъ у. г. 121. 126.
Острова въ лѣсахъ уроч. 236.
Острожна сел. въ Ломжинск. губ. 131.
Острожье сел. въ Чаусовск. у. 313.
Острозница сел. въ Закарпатск. Руси. 271.
Остругъ сел. на р. Киргижѣ. 116.
Оструженна сел. на р. Бѣлой. въ Галичинѣ. 110.
Оструженна сел. въ Спишской землѣ. 284.
Осуга р., пр. Вазузы. 189.
Осѣка сел. Пружанск. у. 132.
Осѣки укрѣпл. 88 — 89. 147. 236. 270.
Осѣкъ гор. на Вислѣ. 269. 270. 281.
Осѣкъ м. въ Галичинѣ. 110.
Отминъ вол. Новгородск. 317.
Осьма р., пр. Волхова. 194.
Отела обл. 48 см. Очела.
Отечественныя названія Слав. вѣтвей. 83.
Отолово оз. 25.
Отчина 309—310.
Охожа гор. въ Холмской Руси 121. 270.
Охтель сел. въ Лифляндіи. 48.
Оцхоржа сел. Любл. губ. 121.
Очела нар. 48. 67.
Ошмянка р., прит. Вил[illegible]42. 186.
Оять р. 59. 195. 201.

П.

Павня сел. Васильковскаго у. 137.
Паволочь сел. Сквирскаго у. 138.
Пажеба р. Вологодской губ. 317.
Палестина стр. 38.
Памфилія обл. 210.
Панда, прит. Вороны впад. въ Хоперъ. 259.
Паннонія обл. 73. 110. 248. 277. 311.
Парадовка сел. Василък. у. 137.
Парамонь дворъ въ Новгородѣ. 203.
Parasthlawa см. Переяславецъ.
Парчевъ гор. 295.
Пафлагонія обл. 10. 37. 211.
Паша р. въ Новгор. и С.-Петерб. губ. 47. 200—202.
Пахитокъ на Пашѣ вол. Новгородск. 201.
Пахра р., пр. Москвы. 30.
Педдецъ р. въ Ливоніи. 49.
Пеленія обл. 211.
Пеликанъ. 42.
Пелопонисъ обл. 10. 211.
Пеляса р., пр. Котры 42. 238.
Пенелы сел. Устюжск. у. 317.
Пепеничъ сел. Вельскаго у. 317.
Пено оз. въ верховьяхъ Волги. 26. 29.
Пенье сел. (3) Устюжскаго у. 317.
Перевесье сел. на р. Согожѣ. 50.
Переволока сел. Волковыскаго у. 220.
Переволока сел. Кошеск. у. 220.

Пер[illegible]олока сел. Новогрудск[illegible] у. 220.
Переволокъ гор. Переясл. княж. 163. 166.
Переволокъ Старый и П. Новый сел. Осташк. у. 220.
Переволочное сел. Прилуцкаго у. 163. 308.
Переволочье сел. Вельск. у. 220.
Переворескъ (Пржеворскъ) гор. въ Галицкой Руси. 110. 268. 280. 281.
Переврatно сел. въ Галиціи. 110.
Перемель сел. Луцк. у. 123.
Перемиль гор. Волынск. кн. 123. 188.
Перемышль гор. въ Галицк. Руси. 104. 105. 107. 109. 119. 268. 271. 278—280.
Перемышльская Горная страна. 93. 104. 105. 106. 109. 118. 119.
Перепетово. 137.
Пересопница гор. Кіевск. кн. (на Стублѣ) 122.
Пересна сел. Радзивилкаго у. 277.
Перестержъ р., пр. Равини, впад. въ Волховъ. 194.
Пересѣченъ гор. Улучей. 96. 99.
Пересѣчина сел. Оргѣевск. у. 99. 116.
Переяславецъ гор. въ Болгаріи. 68. 207. 250.
Переславль Залѣсскій гор. 30. 31.
Переяславль Русскій гор. 67. 86. 161. 165. 204. 267. 294. 308.
Переяславское княженіе. 18. 93. 134. 160. 161 — 163. 198. 301.
Переяславское оз. 31. 51.
Peristhlawa см. Переяславецъ.
Пермакова дер. Холмогорск. у. 241.
Пермигорская дер. Сольвычегодск. у. 241.
Пермилова дер. Пинежск. у. 241.
Пермино вол. Новгородская. 202.
Перминская дер. Пинежск. у. 241.
Пермскій погостъ Пинежск. у. 241.
Пермь стр. и нар. 12. 45. 51. 56. 57. 199. 246.
Пермяко (Чикинская) дер. на Пинегѣ. 241.
Пермяки нар. 56.
Пермяковская дер. въ Никольск. у. 241.
Персида обл. 210.
Персія стр. 16. 65.
Persthlawa см. Переяславецъ.
Перуна истуканъ. 202.
Перунова рель уроч. на Днѣпрѣ. 22.
Перуново мѣстн. 256. 315.
Перынь уроч. у Новгорода. 203.
Перынь скитъ подъ Новгородомъ. 203.
Пески сел. Лохвицк. у. 308.
Песоченъ гор. Переясл. кн. 308. См. Песочный.
Песочки сел. на р. Сулѣ Лохвицк. у. 308.
Песочный (Городецъ) Кіевскаго кн. 297.
Песочный гор. Переясл. кн. 163. 166. 308.
Песочня геогр. назв. 289.
Пеструшка (Myodes) жив. 244.
Песь р., прит. Чагодощи. 31. 196.
Петрозаводскъ гор. 59. 225.
Печенничи 291.
Печеново (Шеленово оз.) въ Боровицк. у. 31.
Печенѣги сел. Харьковск. губ. 256.

Печенѣги нар. 36. 91. 103. 112. 135. 137. 161. 254. 274.
Печера нар. 45. 56. 57. 61. 63. 199. 202.
Печора р. 17. 61. 63. 246. 318.
Пещаное (Песчаное) сел. Золотоношск. у. 308.
Пещань руч., прит. Сожи. 22. см. Пищань.
Пійтова сел. Вельск. у. 317.
Пивонія (Брамка) р. прит. З. Бута (черезъ Гучву?) 295.
Пидма р. прит. Шексны 32.
Пидьба руч. впад. въ Волх. 23. 47. 194.
Пильгримка сел. въ Карпатской Руси. 281.
Пинега гор. 317.
Пинега р. 17. 63. 202. 203. 226.
Пинская земля. 232.
Пинскъ гор. Кіевск. княж. 101. 121. 132. 133. 140. 144. 291.
Пиняне нас. 291.
Писида обл. 210.
Пищань р. въ землѣ Радимичей 22. 153.
Пищаньцы нас. 153.
Плавъ гор. Галицк. Руси. 116. 259. 287.
Племя 78. 79. 81. 260.
Плесковское сел. Каргопольск. у. 225.
Плесковъ см. Псковъ.
Плесненскъ (Прѣсненскъ) гор. въ Галицк. княж. 117. 267.
Плещесво (Клещино) оз. 28. 30. 51.
Плиса урoч. 224.
Плиса р., прит. Бобра, вп. въ Березину 224. 225.
Побоище мѣстн. 256.
Побужье обл. 21. 40. 120. 126. 132.
Повислянская обл. 22.
Поволжское Славянство 307.
Поволжье обл. 12. 15. 18—20. 22. 26. 28. 32. 51. 52. 167. 178. 190. 192. 194—197. 204. 306. 315. 317.
Повостъ (погостъ) 265.
Погаръ м. Черниговск. губ. 148.
Погоня мѣстн. 279.
Погорина обл. 108. 117. 122. 126. 128.
Погорѣлое Городище на р. Держѣ Зубцовск. у. 189.
Погостъ 83. 265. 273
Подвинье обл. 26. 28. 190. 193. 201—203.
Подвысокое сел. Уманск. у. 299.
Подесеньскій путь. 23.
Подесенье обл. 21. 30. 155. 161. 306.
Подгорная р., прит. Сѣв. Донца 259.
Подгородье сел. Пружанск. у. 132.
Подгорце (Подгорче) сел. въ Галиціи.
Подкарпатск. Русь. 281.
Подлѣсье обл. 231. 234.
Подлюбское оз. 143. 204.
Подляхія обл. 234.
Поднѣпровье обл. 18. 21—23. 24 26. 28. 30. 93. 95. 98. 103. 112. 133. 135. 140. 145-146. 167. 186. 187. 191. 196. 197. 204. 258. 285. 300. 306.
Поднѣстровье обл. 40. 100. 113. 117.
Подолинецъ (Подолинъ) гор. въ Спишск. з. 284.
Подолье въ Кіевѣ. 141.
Подпорожье сел. въ Пудожск. у. 229. 318.
Подтеличъ см. Теличъ. 290.
Подунайскіе города и земли. 37. 114.
Подъ-монастыремъ урoч. въ Радзинск. у. 278.
Поеменье сел. Нерехотск. у. 243.

Поильменскіе Славяне 196. 197.
Pókimas, Pokime обл. 235.
Покривское сел. Орловск. у. 175.
Покровъ г. 54.
Покѣнцы обл. въ Судавіи. 235.
Пола р. прит. Ловати. 25. 27. 190.
Поле 164. 282. 314.
Поли нар. См. Поляне.
Полисто оз. Новгородск. губ. 193.
Полистъ р., прит. Волхова. 178. 194.
Полкостенъ (Полокъстепь, Полькостенъ) уроч. 267.
Половцы нар. 128. 136-139. 163—165. 244. 254. 275. 276. 272. 298. 303. 304. 313.
Поломедь р. прит. Полы (Осташк. у.) 206.
Полонецъ оз. у. Серегѣря. 190.
Полоново сел. Осташк. у. 190.
Полоновскій погостъ Новгор. обл. 190.
Полонносъ м. Новгородъ Вол. у. 291.
Полонный гор. Кіевск. княжества. 128.
Полота р., прит. З. Двины. 23. 69. 71. 81. 251. 314.
Полоцкая земля и княж. 130. 134. 181. 186. 198. 200.
Полоцкъ (Полтескъ) гор. 11. 24. 25. 71. 93. 180. 196.
Полочане нас. 43. 69. 70 71. 78. 79. 80. 81. 85. 130. 251—252. 293. 294. 312. 314.
Полтава гор. 163. 303. см. Лтава.
Полтевъ руч. въ Галиціи 118.
Польскіе грады. 283.
Польша стр. 131. 136. 264. 267. 270. 281. 284.
Полѣсье обл. 127.
Полѣсовщикъ (полѣха) 127.
Поляки нар. 61. 280.
Поляна Дальняя (Hywila) сел. Новоладоус. у. 316.
Поляне (Поли) нар. 36. 69. 70. 78. 80. 81. 88. 91-92. 124. 127. 128. 129. 133. 251. 252. 254. 260. 273.
Полянская (Польская) земл. 81. 91. 128.
Поляны м. въ Ровенск. у. 128.
Пома (Пома чой-помъ. у. Звенигородъ) сел. Усть-Сысольскаго у. 317.
Помозда р., прит. Вычегды. 317.
Поморскіе Славяне 34.
Поморье обл. 209 307.
Поморяне нар. 69. 227.
Помычалово сел. Вологодск. у. 317.
Понары сел. Виленск. у. 238.
Понетьское (или Русское) море 12. 14. 16. 20. 37. 38. 112. 115. 213
Понизовье сел. Торопецк. у. 225.
Понтъ см. Понетьское море.
Попѣманье обл. 21. 40. 41. 125. 132. 133. 234.
Поопежье обл. 203.
Попадино сел. Роменск. у. 308.
Попадья р., прит. Сулы. 308.
Попашъ гор. Переяславск. княж. 164.
Попрадъ р. прит. Дунайца 110. 281. 290.
Поприще 235.
Порогоноустьць вол. Новгородск. 317.
Порогъ сел. въ Устюжск. у. 317.
Порогъ-Печеры сел. Усть-сысольск. у. 318.
Порожье сел. Шудожск. у. 318.
Порозовица р., впад. въ Кубенск. оз. 32.

Поросье обл. 136. 139. 289.
Поротва (Протва) р. прит. Москвы. 30. 43. 188.
Porta (ворота) уроч. 297.
Порубежье Бѣлорусск. и Малорусск. плем. 294.
Порховъ гор. 178.
Поршаніе нас. 101.
Посемцы нас. 101.
Посемье обл. 164. 165. 167. 169. 187. 308.
Посожье обл. 153.
Посульцы нас. 101.
Посулье обл. 169. 307.
Потеличъ (Potylicz) м. въ Галиціи. 118.
Поуйте р., прит. Ваги. 173.
Почаевъ м. Волынск. губ. 123.
Почайна (Ручей) прит. Днѣпра, при уст. Кіева. 21. 22.
Почей р. впад. въ Кенозеро 225.
Почозеро въ Вытегорск. у. 225.
Преданіе о разселеніи Славянъ съ Дуная. 253.
Предславино сел. Кіевск. княж. 142.
Презичина сел. въ Молдавіи 99.
Прегель р. 235.
Prosław (Presthlowa, Prestlawa) см. Переяславецъ.
Пресычина сел. въ Молдавіи 99.
Прибалтійская Чудь нар. 58.
Привищи сел. въ Ятвяжск. землѣ. 236.
Приворотье сел. Ушицск. у. 270.
Прилуки у. г. Полтавск. губ. 163.
Прилукъ гор. Кіевск. княж. 116. 139.
Прилукъ Старый м. Бердич. у. 140.
Прилукъ гор. Переяславск. княж. 163. 166. 298.
Прикарпатская обл. Днѣстра. 21.
Припеть р. прит. Днѣпра. 21. 22. 40-41. 69. 74. 120. 121. 124-126. 128. 130. 132 134. 144. 180.
Пріокское Славянство 307.
Пржеворскъ см. Перевореск.
Пржеврatно сел. въ Галичинѣ. 88. 268. 269. 280.
Проня р., прит. Оки 157. 168. 307.
Протва р. см. Поротва.
Протокъ (Рутокъ) р. 298.
Протолчіе (Протолчъ) прит. Днѣпра. 22. 299.
Прощеницы сел. Порховск. у. 178.
Пружаны гор. 41. 126. 132.
Пруски сел. Кобринск. у. 230.
Прусна Нова и П. Стара сел. въ Галичинѣ. 230.
Прусская ул. въ Новгородѣ 229.
Пруссы нар. и обл. 12. 13. 41. 46. 125. 126. 130. 222. 230-233. 239.
Прусы сел. въ Галиціи. 230.
Прусы Большіе сел. 230.
Прутъ р., прит. Дуная. 95. 99. 112. 115. 118. 288.
Прѣслава сел. въ Болгаріи. 250.
Пряшевъ (Эперіешъ) гор. въ Карп. Руси. 95. 110. 112.
Пселъ р., прит. Днѣпра. 103. 163-164. 303.
Псковская обл. 43. 200.
Псковское оз. 179.
Псковъ (Плесковъ) гор. 179. 273. 283.
Птичъ р., прит. Припети 134. 184. 185.
Пудожъ гор. 225. 318.
Пуичка р., прит. Болвы, вп. въ Десну. 258.
Пурвила р., пр. Березины 186.
Пурпна дер. въ Мещеркѣ Нижегор. у. 241.

Пустоль р., прит. Тетерева 138.
Путивль гор. 148.
Putila сел. 316.
Путиловка р., прит. Горыни 122.
Путилово сел. Ладожс. у. 316.
Пушенга р. прит. С. Двины. 266.
Пушенга р., прит. Пинеги. 266
Пуя сел. Шенкурск.. у. 317.
Пуянда сел. Шенк. у. 317.
Пшевка р. прит. Зуши. 258.
Пырасъ (Котласскій погостъ) сел. 242.
Пѣняне нар. 252.

Р.

Равинь р., прит. Волхова (черезъ Тигоду). 194.
Радгощъ сел. на р. Леди (Устюженск. у.) 195.
Радегощъ сел. въ обл. Сейма 155.
Радзино сел. Болховск. у. 175.
Радимичи нар. 43. 70. 75. 77. 79. 145. 147. 152—155. 168· 169. 251. 273. 312.
Радимля сел. Могилевск. губ. 154.
Радинское сел. Брянск. у. 154.
Радица р., прит. Болвы. 154-155.
Радовище сел. Брянск. у. 154.
Радогощъ (Радощъ) гор. Сѣверск. обл. 148. 154. см. Погаръ.
Радогощъ сел. Дмитровск. у. 155.
Радомка сел. Брянск. у. 154.
Радомльская волость на Клязьмѣ и
Радомля (1505 г.). 305.
Радомскій станъ въ Медынѣ. 305.
Радосынь (Радунь) р. пр. Чарторыи, впад. въ Днѣпръ 22. 143. 224.
Радубежъ сел. въ обл. Сейма. 155.
Радугощъ сел. Одоевск. у. 155.
Радудичи сел. въ обл. Сейма. 155.
Радуль сел. Рѣчицк. у. 147. 174.
Радунь уроч. подъ Кіевомъ 224.
Радушино сел. Брянск. у. 154.
Радушное сел. Одоевск. у. 155.
Радѣевъ сел. Гомельск. у. 174.
Райгородское оз. 235.
Рай-Городокъ сел. Гайсинск. у. 299.
Рай-Городокъ на р. Тетеревѣ Житомирск. у. 138.
Раковня р., прит. Зуши. 258.
Раколова дер. Каргопольск. у. 317.
Ракома дер. у. Новгорода. 203.
Ракома (Рокома) уроч. въ Новгор. 203.
Ракуль вол. Новгородская. 317.
Ракульская дер. Вельск. у. 317.
Ракульскій погостъ въ Вельскомъ у. 317.
Рамойче сел. въ Ятвяжск. землѣ. 236.
Рамошкеменъ м. въ Прус. 236.
Распа р., прит. З. Бута. 120.
Растовецъ (Ростовецъ) гор. Кіевск. княж. 138. 145.
Растовица р., прит. Роси 138.
Рата р. прит. З. Бута. 230.
Ратца р., прит. Неса. 196.
Рева вм. „Черева“ 228.
Ревель гор. 48.
Ресета р., прит. Жиздры. 23. 259.
Ретія обл. 247.

Ржевская вол. Новгородск. 199. 200.
Ржевъ гор. Новгор. обл. 189. 200.
Ржевъ гор. Торопецк. княж. 189.
Рижскій зал. 43. 77.
Римляне нар. 252.
Римовка сел. Гадячск. у. 163.
Римовъ (Римъ) гор. Переясл. княж. 101. 163. 213.
Римъ см. (Римовъ).
Римъ 37. 213.
Ринокурь гор. 210.
Рича оз. (Дисненск. у.?) 42.
Ровно гор. 140.
Родня (Родьня) гор. Кіевск. княж. 135. 144.
Родъ (знач.) 81-83. 260.
Рогачевъ гор. 129. 169.
Роги сел. въ Галиціи. 110.
Рожнеполе гор. или уроч. въ Перемышльск. обл. 107. 118. 119. 290.
Рожношинцы сел. въ Галичинѣ. 290.
Рожня сел. 290.
Рожьямполь (Владиміръ Волынск.) 290.
Рокомъ см. Ракомъ.
Роменъ гор. Переясл. кн. 162.
Роминта р. и
Роминтенъ, м. въ Пруссіи. 235-236.
Ромны у. г. 162.
Ропа р. прит. Вислоки. 110. 281.
Ропа дер. въ Галичинѣ. 281.
Ропескъ гор. въ Сѣверск. землѣ. 148.
Ропица р., прит. Ропы 110.
Ропскъ Старой м. въ Новозыбковск. у. 148.
Рославль гор. 175.
Росса р., прит. Нѣмана. 125.
Ростиславля дорога 299.
Ростовецъ см. Растовецъ.
Ростовица р. 138.
Ростово-Смоленское порубежье. 188.
Ростово-Суздальская обл. 171. 188. 197. 198. 200. 204. 240.
Ростовское (Неро) оз. 28. 30. 31. 51.
Ростовъ гор. 30. 31. 171. 192. 195. 197. 204. 311. 315.
Ростока (Секесинъ) сел. въ Карп. Руси. 271.
Ростока Малая дер. въ Галицк. Руси. 271. 281.
Рось р., прит. Днѣпра. 22. 34. 41. 76. 101. 129. 130. 134. 135. 138. 139. 144. 275. 298. 309.
Ротница р., пр. Нѣмана 42.
Ротъ (Рутокъ) р. пр. Роси 298.
Рубежевичи топогр. назв. 180.
Рубежевичи сел. Минскаго у. 134. 184.
Рубежи топогр. назв. 147. 180.
Рубежницы сел. Оршанск. у. 184.
Рубежнова сел. Ржевск. у. 189.
Рубежное сел. Черниговск. губ. 148.
Рубежъ уроч. 266.
Рубежъ сел. Дисненск. у. 42.
Рубежъ сел. Оршанск. у. 184.
Рубежъ сел. Торопецк. у. 190.
Rubessa (Рубеша) р. 267.
Рубешовъ 267. см. Грубешовъ.
Руда р., притокъ Снови. 172.
Рудавка р., пр. Свислоча 41.
Рудна Баня с. Баня Рудн.
Рудна Старая гор. Седмиградіи 111. 282.
Рудники дер. въ Каломыйск. окр. 282.
Rudobanya сел. (прежде г.) въ Венгріи. 282.
Руза р., прит. Москвы. 30.
Руса гор. Новгор. обл. 26.
Русаки сел. Свенц. у. 180.
Русакинъ сел. Свенц. у. 180.

Русаковъ сел. Бѣльск. у. 131.
Русаны с. Виленск. губ. 180.
Русачки сел. Свенц. у. 180.
Руска сел. въ Угорской Руси 271.
Русколонки сел. къ с. з. отъ Андреева. 131.
Русска сел. въ Галиціи 110.
Русска Сторона сел. Сѣдлецк. губ. 131.
Русская дер. въ Галицк. Руси. 281.
Русская земля. 127. 129. 131. 192. 227. 229. 233.
Русская или Черная Угрія обл. 285.
Русская Славча сел. Ошмянскаго у. 186.
Русски сел. Сѣдлецкой губ. 131.
Русскій Бучикъ сел. Сѣдлецкой губ. 131.
Русскій Переяславецъ. 250.
Русское государство. 27. 36. 75. 76. 227. 247.
Русско-Ятвяжскія границы. 133.
Русь (Руссы, Русскіе). 6. 28. 34—37. 39. 40. 42—46. 75. 76. 110. 130. 191. 197—198. 229. 238. 254. 256. 260. 264. 267. 276. 277. 281. 285. 306. 308.
Русь сел. на р. Манкѣ Сѣдлецкой губ. 131.
Рутокъ см. Ротъ. р.
Ручай (Почайна) рч., прит. Днѣпра. 21.
Рущукъ (Roszik, Oroszik) городъ. 259.
Рша (Ръша) гор. или уроч. у Смоленск. 184. 186. 313.
Рыбанскъ вол. Новгородск. 200.
Рыльскъ гор. 301.
Рѣчица гор. Черниг. кн. 134. 169.
Рѣчища р., пр. Днѣпра. 169.
Рѣшовскій округъ. 95.
Рѣшовъ (Ржешовъ) гор. 110. 268. 269.
Рязанско-Муромская земля. 167. 168. 187.
Рязань гор. 151. 173. 307.

С.

Saamusti см. Замошье.
Саваза р., пр. Хопра. 259.
Саклаба (Славянск. з.). 15.
Саковъ гор. въ Кіевской Руси. 143. 300.
Сакаты гор. 113.
Салковъ м. Полтавской губ. 143.
Саленекъ мѣстн. 49.
Салисъ мѣстн. 49.
Салле мѣстн. 49.
Салло мѣстн. 49.
Салъ р. въ Половецкой степи. 303.
Сальковъ сел. Гайсинскаго у. 300.
Сальникъ р. въ Половецкой ст. 303.
Сальница (Сальникъ) р. 304.
Самакаты гор. 113.
Самара р., пр. Днѣпра. 21.
Самборскій округъ. 110.
Самборъ гор. 230. 274.
Самгородокъ сел. въ Звенигородск. у.
Саминцово оз. Осташковск. у. 27.
Самогиты нар. 231.
Самошъ р., прит. Тиссы. 95. 111. 112.
Самошъ-Уйваръ гор. 285.
Самоядь (Самоѣдь, Самоедь) нар. 56. 60. 61. 66. 67. 202. 212. 243.
Сандомиръ гор. 269.
Санокъ гор. 100. 270. 274. 283. 284. 285.
Санъ (Сянъ) р., прит. Вислы. 23. 95. 109. 110. 118. 267. 271. 286. 285.
Сардани (Сардинія) остр. 10.

Сарматія (Сармати) нар. и стр. 9. 211. 212.
Сарра р. впад. въ Ростовское оз. 31.
Саръдани (Сардинія) остр. 211.
Сатмарская обл. 285.
Сатмаръ-Немети гор. 95. 100. 283.
Свенцяны гор. 180.
Свердликово сел. Уманск. у. 299.
Свида р. впад. въ Лаче оз. 32.
Свиная губа уроч. на Каозеро. 225.
Свинь (Замглай) рч., притокъ Десны. 20. 22. 148. 222.
Свирѣльскъ Черниг. вол. 149. 302. 307.
Свирь оз. Свенцянск. у. 42.
Свирь р. впад. въ Ладожск. оз. 27. 58. 59. 200. 201.
Свислочь гор. см. Въсвислочь 126. 133.
Свислочь р., прит. Нѣмана. 40. 41. 131.
Свитезь озеро Новогрудск. у. 41.
Свица р., пр. Днѣстра. 100.
Свѣя (Свои, Свѣйскіе Нѣмцы) нар. 13. 35. 36. 210. 212. 241.
Связь Тмутаракани съ Черниговомъ. 150.
Святая Гора. 38.
Святая р. 259.
Святополчь гор. Кіевскаго княж. 143.
Святославль гор. Кіевскаго княж. 138. 145. 298.
Святославля Крипица селеніе Кіевск. кн. 298.
Святый Носъ м. 219.
Севесь Старая сел. на Бѣлозерѣ. 50.
Сеймъ р. см. Семь.
Секлеры нар. 66.
Seldica р. 316.
Селигерскій (Серегерскій) путь. 27. 28. 190.
Селигеръ (Серегеръ) оз. 27. 28. 189. 190. 199.
Селижаровка р., пр. Волги. 28.
Село (Сельцо). 266.
Селунь гор. 88.
Семиградскіе Альпы (Угорскія горы). 285.
Семиградье обл. 111. 285.
Семь (Сеймъ) р., прит. Десны. 21 — 23. 69. 101. 147. 169. 305. 308.
Сербы (Серебь, Србы) нар. 68. 78. 252. 259. 273.
Сервачъ р., пр Виліи. 180.
Сервячь (Сирвячь, Сырвачъ) р., прит. Нѣмана. 125. 132. 133. 220. 296.
Сердоба р., пр. Хопра. 259.
Серебряный гор. Переясл. княж. 162.
Серегерь см. Селигерь.
Середь р. см. Серетъ. 289.
Сережа р., пр. Ловати 25. 26.
Серетъ (Середь) р., пр. Днѣстра. 22. 117—119. 290.
Серетъ (Великій) р., прит. Дуная. 112. 115.
Сеславское сел. Владимірскаго у. 315.
Сестра р., пр. Волги. 30.
Сибирь стр. 64. 65. 245.
Сиверское (Сѣверское) сел. Коломенск. у. 302.
Сигетъ гор. 110.
Сигосъ р. Юхновск. у. 175.
Сикилія остр. 211.
Симовъ предѣлъ. 12—14. 35. 210. 213.
Синеволодьско (Синеводьско) гор. въ Угорско-Галицк. Руси. 111.
Синки сел. въ Угорской Руси. 111.
Синно гор. 110. 271.
Синопія гор. 38.
Синюха р., пр. Днѣпра. 139.
Спрвечь р. см. Сервячъ.
Сиритѣ (Сирисъ) обл. 211.
Сирія (Сурія) обл. 211.

Syria (Syrialaiset) нар. 241.
Сиссегалы сел. на р. Абсѣ. 49.
Ситинца р. впад. въ озеро Ямно. 31.
Ситиска руч. пр. Днѣстра (?) 116.
Сить р., пр. Мологи. 52.
Скальникъ сел. въ Галицкой Руси. 281.
Скандинавскій полуостр. 13. 14. 34. 217.
Сквира р., пр. Роси. 138.
Сквира гор. 137. 138.
Скидель м. Гродн. у. 238.
Скиѳія (Скуѳія) 9. 211. 217. (Великая Скуѳь). 273.
Скнятинъ м. Полтавск. губ. 186.
Скомацкое оз. въ Пруссіи. 232.
Скоментенъ оз. въ Пруссіи. 232.
Скрипоны оз. Устюжскаго у. 220.
Скуляны гор. 115.
Славинъ сел. Ростовскаго у. 315.
Славитино сел. Юрьевск. у. 315.
Славонія стр. 217.
Савянка р., прит. Шексны. 32. 193.
Славяне нар. 27—30. 32—35. 38. 40—46. 65. 67—69. 92. 100—102. 150. 190. 211. 226. 227. 252 — 258. 266. 306. 312.
Славянская р. 150.
Словенескъ сел. въ Опмянскомъ у. 180.
Словинское сел. Костромскаго у. 315.
Словѣны нар. 36. 81. 85. 92. 136. 168. 199. 211. 254. 256. 313.
Слонимъ гор. 42. 128. 132. 133. 174. См. Въслонимъ.
Слуцкъ (Случескъ) гор. Кіевскаго кн. 124. 133. 296.
Случь р., пр. Горыни. 87. 117. 126—128. 193.
Случь р., прит. Припети. 87. 124. 133.
Слѣпородъ р., прит. Сулы. 166.
Смерды. 286.
Смоленская обл. 28. 168. 180. 188. 190. 198. 200. 283.
Смоленскіе Кривичи. 190. см. Кривичи.
Смоленскъ гор. 11. 20. 24. 25. 71. 85. 93. 101. 175. 180. 187. 191. 226. 239. 240. 258. 313—315.
Смоленскъ сел. на р. Жижмѣ. 180.
Смотричь р., прит. Днѣстра. 117. 287.
Смядынь р., прит. Днѣпра. 191.
Смядынь уроч. у Смоленска. 21. 191.
Смячь рч. Черниг. губ. 148.
Сновескъ гор. Черниг. княж. 172.
Сновъ м. Новгородск. у. 41.
Сновь р., прит. Двины. 22. 148. 172.
Снѣжать р., пр. Десны. 23.
Соба р., пр. Шелони. (черезъ Мшагу). 27.
Согожъ р., пр. Шексны. 52.
Сожъ (Съжъ) р., пр. Днѣпра. 18. 22. 43. 172. 188. 225. 251.
Созь р. въ Корчевск. у. 52.
Сопнка сел. Нарвск. у. 46.
Солекша р., пр. Малой Нерли. 50.
Солма р., прит. Большой Нерли. 31.
Соловецкіе остр. 244.
Солона р., прит. Сѣвернаго Донца. 259.
Солоная (Сольна, Sajo, Шайо) р., пр. Гернада. 285.
Сольница р., пр. С. Донца 306.
Соминка р., прит. Чагодощи (черезъ Горюнь). 47.

Сомино оз. въ Переяславск. у. 39.
Сомка оз. Дисненск. у. 42.
Сороки гор. 116.
Сосенка р. 259.
Сосолы (Ссолы) нар. 48. 49. 67.
Сосилла сел. Дорптск. у. 49.
Соссуль сел. Вендренск. у. 49.
Сосна р., прит. Дона. 77. 157. 259.
Сотумока р., пр. Оки. 259.
Софіи Св. церк. въ Кіевѣ.
Софіи Св. церк. въ Новгородѣ. 203.
Софійская сторона въ Новгородѣ. 203.
Спасскіе Маховицы сел. Болховск. у. 302.
Спасское сел. Чудожскаго у. 225.
Спасскъ гор. 307.
Спашъ гор. Сѣверской земли. 306.
Спишская (Спижская) земля (Зъпшъ, Scepusium, Szepes, Zips). 284.
Спишскій замокъ пкомитатъ 289.
Спирково (Иваповское) Каргопольск. у. 317.
Спирковъ вол. Новгородская 317.
Споры (Сербы) нар. 252.
Сребное м. Прилупк. у. 162.
Среднземное море. 7. 216.
Среднедунайская равнина. 65.
Ссолы см. Сосолы.
Станимерка р., прит. Сестры. 52.
Станы сел. Ельнинск. у. 23.
Старая граница уроч. въ Радзинск. у. 296.
Старая Ладога сел. 49.
Старая Мельница сел. 317.
Старогородка сел. Остерскаго у. 173.
Стародубъ Ряполовскій ст. 56.
Ставъ р., пр. Стыри. 123.
Стайки сел. на Верхней Деснѣ Ельнинск у. 23.
Стайки сел. на р. Болвѣ Ельнинск. у. 23.
Стайки сел. Жиздрпнск. у. 23.
Стакесинъ (Ростока) сел. въ Угорской Руси. 271.
Старая Бѣловѣжа городъ Переясл. кн. 163.
Старая Руса. 25.
Старая Ушица м. Подольской губ. 116.
Старина Полена сел. въ Угорской Руси. 271.
Старокайдацкій порогъ на Днѣпрѣ. 213.
Старудза уроч. въ Радзинскомъ у. 296.
Старый Бырлатъ см. Бырлатъ.
Старый Дорогинь сел. на Горинѣ Овручск. у. 126.
Старый Таражъ см. Таражъ.
Стеблевъ м. Каневск. у. 139.
Степань гор. Кіевск. кн. 122.
Стержъ оз. Осташк. у. 28.
Стой сел. Ельнинск. у. 23.
Сторожевыя укрѣпленія. 88.
Стоходъ р., прит. Припети. 121. 313.
Страда р. 259.
Стража Высшая и С. Нижняя сел. въ Галиціи. 110.
Стражгородокъ сел. Гайсинск. у. 299.
Стражи пор. мѣста. 88. 147. 270.
Стражи сел. Пружанск. у. (?) 132.
Стражка сел. въ Галицк. Руси. 132.
Стражна сел. на р. Сокольдѣ Сокольскаго у. 132.
Стражники уроч. 88.
Стражня сел. въ Галицк. Руси. 110.
Стражовщина сел. Слонимскаго у. 133.

Страшево сел. Черниг. губ. 148.
Стрижень (Стрѣжень) руч. близь Чернигова. 172
Стрина р., пр. Днѣстра. 102.
Стромилово оз. Осташковскаго у. 37.
Струвунъ пор. на Днѣпрѣ. 223.
Стрый гор. 100. 102.
Стрый р. пр. Днѣстра 102.
Стрѣжевъ гор. Полоцк. кн. 169.
Стрѣшинъ сел. Рогачевск. у. 169.
Стубля р., пр. Горыни. 122.
Стугна р, прит. Днѣпра. 22. 129. 130. 136. 137. 297.
Студеница р., пр. Днѣстра. 117.
Стырь р., пр. Припети. 121. 123. 124.
Стѣнь уроч. 267.
Суворошa р., пр. Оки. 56.
Suarassi мѣстн. 316.
Сугровъ гор. въ Половецкой степи. 303—305.
Сугровъ сел. въ Львовскомъ у. 305.
Суда р., пр. Шексны. 32. 196. 220.
Судавія обл. 234.
Судогда р., прит. Ухтомы. 31. 55.
Судъ Цареградская гавань. 38. 229.
Судома (Судомѣрь) р., прит. Шелони. 23.
Судомиръ гор. 110.
Судость р., пр. Десны. 148.
Суздальско-Залѣсская дань. 188.
Суздальско-Ростовская земля. 168. 197. 204.
Суздаль (Суждаль) гор. 31. 50. 64. 171. 193. 204.
Сула р., прит. Днѣпра. 69. 101. 147. 152. 160. 162. 163. 166. 297. 298. 302. 308.
Сула р., пр. Нѣмана. 134.
Суличи нар. назв. 96.
Сулицко-Лиманское сел. 98.
Сулучи сел. въ Молдавіи. 99.
Сулуковъ сел. въ Галиціи. 100.
Супой р., пр. Днѣпра. 165.
Супрасль р., прит. Нарева. 132.
Сурожъ гор. и обл. 307.
Сурскій порогъ на Днѣпрѣ. 223.
Сутава сел. Рогачевск. у. 169.
Сутава сел. Рѣчицкаго у. 134. 147. 175.
Сутесь, Сутескъ, Сутейскъ и
Сутиска (Сутѣска, Сутоки) топогр. назв. 88. 95. 180. 267.
Сутина сел. Игуменск. у. 134.
Сутинъ сел. Игуменск. у. 134.
Сутоки сел. Брянск. у. 175.
Сутоки сел. Динабургск. у. 180.
Сутоки сел. Старо-Быховск. у. 313.
Сухая Дорогва уроч. 126.
Суховольм. Гродненск. губ. 44. 237
Сухода р., пр. Нерли. 50.
Суходольна р., прит. Сѣверн. Донца. 259.
Сухона рѣка. 62. 63. 202. 203. 242.
Сходна р., пр. Москвы. 30.
Сходна р. 259.
Сучава (Сочава) р., прит. Серета въ Буковинѣ. 284.
Сысола р. 59. 63.
Сытоки сел. Рогачевскаго у. 159.
Съжица уроч. Переясл. княж. 166.
Сѣва р., пр. Нерусы. 149.
Сѣверка (Сѣверска) р., прит. Москвы. 149. 302.
Сѣверная покатость. 45.
Сѣверная Двина см. Двина С.

Сѣверный (Сѣверскій) Донецъ см. Донецъ.
Сѣверный Оксанъ. 202. 209.
Сѣверный Уралъ. 61. 209.
Сѣверяне (Сѣверо. Сѣверъ) нас. 51. 69—71. 75. 78. 91. 92. 93. 145. 147. 168. 251. 252. 259. 273. 275. 301. 314.
Сѣвки сел. Рогачевск. у. 169.
Сѣвки сел. Рѣчицкаго у. 147. 175.
Сѣвскъ гор. 148.
Сѣдневъ м. Черниговск. губ. 222.
Сѣмоць гор. Кіевск, кн. 292.
Сѣтомля руч., пр. Почайны или Ручая. 22.
Сѣтьгола (Летьгола) нар. 39.
Сясь р., впад. въ Ладожск. оз. 17. 27. 31. 200—202. 314.

Т.

Таврiяне нар. 211. 212.
Таврида обл. 9.
Тайсевичи сел. въ Ятвяжск. землѣ. 276.
Тамань остр. 229.
Тара р., Стародубъ-Ряполовск. ст. Суздальск. у. 56.
Тарнова Горна сел. въ Галицк. Руси. 274.
Тарновъ гор. 274.
Тарновъ городъ на Дунайцѣ. 274.
Тарноградъ (Тарногрудъ) гор. Люблинск. губ. 274.
Тарногура м. Люблинской губ. 274.
Тарнополь гор. въ Галиціи. 119.
Тартакъ. 128.
Татары (Татарва) нар. 28. 265.
Татры (Татранскіе Карпаты) 95. 281. 285.
Тверца р., пр. Волги. 18. 189.
Тверь гор. 31.
Твердь уроч. 88. 88. 270. 271.
Теклинъ сел. въ Галицк. Руси. 281.
Теленинская р., впад. въ Выгозеро. 316.
Теличъ (Тыличъ) гор. въ Галиціи. 118. 290.
Телячій островъ. 317.
Тервпичъ вол. Новгородск. 201.
Теребовль (Трембовля) гор. въ Червонной Руси. 106. 107. 118. 119. 280. 290. 292.
Теребовльская земля и кн. 93. 109. 117. 118.
Теремерка сел. Корчевскаго у. 52.
Тереховы сел. 195.
Терпава р., пр. Днѣстра. 117.
Тернава гор. Волынск. княж. 268 см. Тарнава.
Тетеревъ притокъ Припети. 128. 130. 138. 292.
Тернавъ городъ въ Болгаріи. 114.
Тиверцы нар. 76. 80. 92. 94—96. 98 — 100. 112. 115. 274. 276.
Тивровъ сел. Винницк. у. 96.
Тигода притокъ Волхова. 47. 194.
Тигръ рѣка. 10. 214.
Тикичъ Гнилой и Т. Горскій рр., пр. В. Буга. 139. 290.
Тимерово сел. Судогодскаго у. 54.
Тирава геогр. назв. 96.
Тирава сел. въ Галиціи къ с. отъ Самбора. 274.
Тирава Вольская и Т. Сольна сел. въ Галиціи. къ с. в. отъ Санока. 274.
Тиссар., прит. Дуная. 96. 112. 283—285.
Титковъ на лѣв. бер. Дуная, къ ю. отъ Браилова. 115.
Тихомль гор. Кіевск. княж. 140. 291. 292.
Тлумачъ гор. въ Галиціи 287

Тмутараканская обл. 16. 38. 150. 167.
Тмутаракань 12. 21. 150. 159. 229. 278. 305.
Тмутораканскій бълванъ 307.
Товаровъ гор. Кіевск. княж. 275, 300.
Тойвота вол. Новгор. 317.
Тойма р., пр. С. Двины. 317.
Толковины нар. 273, 274.
Томаши дер. въ Спишск. землѣ. 284.
Торговая сторона въ Новгородѣ. 203.
Торговище въ Кіевѣ 141.
Торжскъ гор. 18, 29.
Торки нар. 136, 139, 144, 161, 286. 288, 289, 291. 297.
Торопа р., пр. З. Двины 25.
Торопецкая волость. 26.
Торопецъ (Торопечь) гор. 24, 25, 190, 228.
Торопечь см. Торопецъ.
Торстяна сел. въ Галицкой Руси. 281.
Торцьевскъ см. Торчевъ
Торчевъ (Торцьевскъ) гор. Волынск. княж. 123. 292.
Торческъ (Торційскъ, Торційскій градъ). гор. Кіевскаго княженія. 138. 139. 145. 161. 298. 299.
Торческій (Торційскій) гор. 138, 298.
Торчинъ м. Луцкаго у. 292.
Торчица сел. Таращанск. у. 139.
Тотьма гор. 317.
Треполь гор. Кіевскаго кн. 137, 134 144, 21.
Трипольскіе валы 137.
Троада обл. 211.
Троицкое что на Мордвезн пог. 50.
Троица 258.
Троицко-Печерское сел. Устьсысольск. у. 318.
Троки (т. Старые Троки). 42.
Тростъ р., пр.Сѣв.Донца.259.
Трояновъ валъ уроч. 115.
Трощанка р., прит. Днѣпр. 258.
Трубежъ р., пр. Снови. 258.
Трубежъ р., прит. Днѣпра. 160. 164. 166. 297. 22. 144.
Трѣ вол. 199.
Тудоворъ (Тудорскій) 316.
Тунгаты гор. 113.
Турейки м. Лидск. у. 133.
Туренъ сел. въ Пруссіи 236.
Турійскъ гор. Кіевск. княж. 133.
Турійскъ гор. Волынск. кн. 121. 123. 270. 292.
Турійскъ м. на р. Турьи въ Ковельскомъ у. 101. 121.
Турки. нар. 65. 283.
Турненъ сел. въ Пруссіи. 236.
Туровская область. 127
Туровское полѣсье. 295.
Туровъ г. Кіевск. княж. 92. 101. 127. 130. 144. 294-295. 315.
Туровъ село Курской обл. 301.
Турпѣи 254.
Турчанскій комитатъ 285.
Турья р., прит. Припети 102. 120. 121.
Тѣверци см. Тиверци 273.
Тухоли сел. къ с. отъ Валдая. 193.
Тышевцы м. Люблинской губ. 102.
Тясминь р. пр. Днѣпра 139. 135. 298.

У.

Убережь уроч. 97.
Уводъ р., прит. Клязьмы. 50.
Увѣтичи уроч. Кіевск. княж. 107. 144. 301.
Удай р., прит. Сулы 162. 163.
Уды р. пр. С. Донца въ Харьк. губ. 305.
Угеръ р. прит. З. Буга. 120.

Угла (Орель) р. пр. Днѣпра. 96.
Угличи, нар. 115. 276. см. Уличи.
Угорма р., пр. Кубины. 62.
Угорская Русь. 284.
Угорскій лѣсъ. 284.
Угорскія горы 16. 112. 118. см. (Кавкаинскія и Карпатскія).
Угорское уроч. подъ Кіевомъ 19. 21. 142. 218.
Угра р. прит. Оки. 21. 23. 28. 29. 30. 62. 172. 212. 259. 188. 258. 281. 282. 283.
Угорь уроч. 221.
Угра (Угры, Югра) нар. 45 56. 65. 66. 247. 254. 270. 271. 289. 290.
Угровескъ г. въ Холмской Руси. 120. 121.
Угрія Бѣлая и Черная см. Угры.
Угроньга р., прит. Ваги 62.
Угруйска Воля сел. Любл. губ. 120.
Угрускъ сел. Люблин. губ. 120
Угры Бѣлые и Черные. 65. 66. 247. 285.
Устье Паши воз. Новгор. 201.
Ужъ (Ушь) р., прит. Днѣпра 258.
Ужъ (Угъ, Унгъ) р. пр. Ондавы 95.
Уза прит. Шелони. 27.
Уй-Саллашъ сел. къ ю. отъ Кошицы 283.
Уйгелъ. гор. 95. См. Шаторалья Уйгелъ.
Уйлакъ гор. въ Угріи. 283.
Украина Волынская 120.
Улучи, (Улици, Угличи, Улутичи) нар. 69. 76. 78-92. 94-96, 129. 273-276.
Ульворси пор. на Днѣпрѣ. 223.
Унава (Уновь) р., прит. Ирпени. 137. 138.
Унамерь пог. Рязанск. губ. 54. 55.
Унемерь сел. Яросл. у. 53.
Унгъ р. см. Ужъ.
Унжа р., пр. Волги. 17. 245.
Упа, р., прит. Оки. 259.
Урало-Карпатская Града. 75. 264.
Уральскій хребетъ 17.
Урмяне (Мурмане) нар. 13. 35. 214.
Уро-Городокъ Каневск. у. 298.
Усадище сел. Тихвинск. у. 202
Усвятъ м. Велижск. у. 186. см. Въсвятъ.
Усвятъ р., пр. З. Двины 190.
Услави но сел. къ с. отъ Ростова 315.
Уставъ о мостѣхъ 193. 199. 200.
Уставъ о пошлинахъ 199.
Уставъ объ урокахъ 199.
Уставъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича 316-318.
Уставъ Ярослава 36. 196. 258.
Уставная грамота 1150 г. 188. 200.
Устрома р. пр. Днѣпра 258.
Усть Вага пог. Шенкурск. у. 317.
Усть Волма сел. Новгор. губ. 193.
Усть Емець пог. Холмогорск. у. 317.
Устьмерска сел. въ Московскомъ княж. 54.
Усть Мошинская воз. 318.
Усть Пуйская сел. Шенкурск. у. 317.
Устье мѣстн. Переясл. княж. 134. 162.
Устье р., прит. Горыни 122.
Устья р. Вельск. у. 317. 245.
Утиско сел. въ Галиціи 267.
Утроя р., прит. Великой 178.
Ухани гор. Волынск. кн. 270.
Ухра р. пр. Шексны.
Ухтома р. пр. Нерли 31. 50

Ушица гор. Галицк. кн. 287.
Ушица р., притокъ Днѣстра 117. 119. 286-288.
Ушмаръ сел. Рязанск. губ. 54-55. Ушь р. см. Ужъ р.
Ушь (Ужь) р. прит. Припети 127.
Уютъ р., прит. Великой 178.

Х.

Хазары нар. 6. см. Казары.
Халамъ Городокъ сел. въ Житомирскомъ у.
Халѣпъ гор. Кіевск. кн. 143.
Хамова часть. 10. 14. 35. 210. 211.
Харьковъ гор. 304. 305.
Харьковъ р., пр. С. Донца (черезъ Уды) 305.
Хвалисское (Хвалынское) море. 16. 28.
Хвалиссы нар. 11. 28. 213. 214.
Хербинцы сел. къ с. в. отъ Букарешта 95.
Хирова сел. на Осмѣ Смоленск. губ. 2.
Холмская земля 231.
Холмъ гор. 120. 125. 252. 277. 313.
Холопье сел. Кіевск. у. 143. 144.
Холохна р. 189.
Холохольня р., пр. Волги 189.
Хоморъ р., притокъ Случи 288. 289. 231.
Хоперъ р., пр. Дона 170. 259.
Хоравятинская сел. Волынской губерніи. 95
Хорбаче сел. въ Галиціи. 95. 118.
Хорбуля сел. въ Галиц. 118.
Хорваты (Хроваты) нар. 69-71. 80. 92. 94. 103. 104. 118. 252. 273. 284.
Хорваты Бѣлые нар. 68. 273.
Хоревица уроч. въ Кіевѣ 19.
Хорешки сел. въ Бендерск. у. 95.
Хорибина сел. въ Галиціи 95.
Хоровь сел. въ Волынск. губ. 95.
Хоровы сел. въ Волынской губ. 95.
Хоролъ р., притокъ Псла. 202. 302. 311.
Хорографическія назв. 193. 255-258.
Хорошевъ Вознесенскій монастырь въ Харьковск. губ. 305.
Хорошее Городище ур. 305.
Хоружькъ мѣстн. 228.
Хортичь остр. на Днѣпрѣ. 21. 22.
Хорутане нар. 68. 273.
Храбочъ сел. въ Венгріи 25.
Хрипы (Хърбы) назв. Карп. 95.
Хроваты см. Хорваты.
Хута мѣстн. въ Люблинск. г. 267.
Хутиска (а), Хучиска и Хуциско, сел. въ Галиціи 267. 268. 269.
Хутиско сел. (4) въ Волынс. губ. 268.
Хучва р., прит. З. Буга 267. см. Гучва.
Хърпы см. Хрипы.

Ф.

Фастово сел. Кіевск. 137.
Фатры горный хреб. 285.
Фафлагонская (Фефлогини) земля 38. 211.
Фетисовы 125.
Фефлигони см. Фафлагонск. земля.
Филиповская дер. на Мещерѣ въ Нижегородскомъ у. 241.

Финикія обл. 210.
Финскій заливъ 19. 27. 45. 46-48.
Финское племя 17. 31. 34. 44. 45. 46. 47. и слл. 210.
Флоринка сел. въ Галицк. Руси. 281.
Франція. 13.
Фраци (Θраки) обл. и нар. 211.
Фрачьска (Оракія) обл. 38.
Фригія (Фругія) обл. 211.
Фригія (Фругія) Старая обл. 211.
Фрягове (Фрязи) нар. 13. 35. 228.

Ц.

Цареградъ (Царь-градъ) 11. 37. 38. 46.
Центральное плоскогорье 16.
Цна р., пр. Оки. 56. 168. 171.
Цона р., прит. Оки. 259. 302.
Цыльма р., прит. Мезени. 63.

Ч.

Чагода (Чагодоща) р., прит. Мологи. 31. 62. 194. 195. 196.
Чарандское (Воже) оз. Кирилловск. у. 32.
Чахи реч. 251.
Чачовъ дер. въ Галицк. Руси 281.
Чейши (Чійши, Градина)
Чемеринъ м. Дубенск. у. 122. въ Аккерм. у. 115. 116.
Червенецъ ур. Грубешовск. у. 278.
Червенская земля. 30. 40. 86. 93. 102. 106. 107. 126. 252. 277.
Червень г. 39. 86. 102. 104. 118. 120. 123. 268 270. 291.
Червленный яръ обл. 170. 171.
Червонная Русь 102. 277.
Чересздеревъ руч. къю, отъ Мозыря 128.
Черева (Рева) р. 225.
Черемиснново сел. на р. Тарѣ. 56.
Черемисы нар. 12. 45. 49. 55. 56. 112. 240.
Черемись сел. Горбат. у. 56.
Черемиха сел. въ Ковровск. у. 56.
Череха р., прит. Великой 27.
Черкизово сел. Московск. губ. 30.
Чермна р. Эѳіопская 211.
Чермно сел. Грубешовск. у. 102. 267.
Чермное море 211.
Черная Вода сел. въ Галицкой Руси. 281.
Черная рѣка въ Византіи. 38.
Черная р. въ Памфиліи. 229.
Черниговская волость Вятичи. 188.
Черниговская сторона Днѣпра. 147.
Черниговское княжен. 18. 93. 130. 133. 134. 197. 231.
Черниговъ гор. 19. 98. 101. 108. 130. 147. 186. 142. 204. 307.
Черница р., прит. З. Двины. (черезъ Лучесу). 183.
Черноводы мѣстн. въ Болгаріи. 115.
Черновица гор. (Черновскій Торгъ). 115.
Черноморскій бассейнъ. 19. 20. 100.
Черноморскіе Болгары народъ. 276.
Черные Болгары нар. 135.
Черные Клобуки. 129. 136. 139. 254. 275. 268. 391. 298.
Чернявка р., пр. Прута. 95.
Череповцы оз. 25.
Чертковъ гор. 119.
Черторійскъ (Черторыскъ) гор. Волынск. кн. 121. 123.

Чертористкъ сел. въ Луцкомъ у. 121.
Черторыя протокъ изъ устья Десны въ Днѣпръ. 22. 142.
Чертовъ лѣсъ уроч. Кіевск. кн. 127. 293.
Черче (Червче) близъ рѣки Липы въ Галиціи. 119.
Чеси (Чехи) нар. 68. 69. 106. 185. 251. 254. 294.
Чесновка р., пр. Дона. 259.
Четвертокъ (Oppidum s. Ladislai, Четвергъ, Czwartek, Donnerstag) городъ въ Спишской землѣ. 284.
Чехи см. Чеси.
Чешскій лѣсъ 16. 69. 218. 251. 294.
Чигаронъ р., прит. Вороны. 259.
Чигиринъ гор. 298.
Чимерево сел. Судогодскаго у. 54.
Чемеринъ гор. Волынск. кн. 122.
Чирокъ р. въ Карпатск. Руси. 271.
Числавль сел. 315.
Чисна сел. въ Карпатск. Руси. 271.
Чисто-Горбъ сел. въ Галиціи. 95.
Чичерскъ гор. въ землѣ Радимичей. 153. 225.
Читѣевичи (Половцы) нар. 313.
Чудаки, Чудоки, Чужаки реч. 238.
Чудиново сел. Лужск. у. 47.
Чудинцовы вороты въ Новгородѣ. 46.
Чудинцова улица въ Новгородѣ. 46.
Чудскій Боръ сел. Новгородскаго у. 47.
Чудскій Конецъ сел. Тихвинск. у. 226.
Чудскій Конецъ въ Ростовѣ. 238.
Чудское озеро. 27. 45. 47. 48. 76. 77. 178. 194. 230.
Чудское побережье. 27.
Чудцы сел. Устюжск. у. 47.
Чудь (Чюдь) нар. 12. 13. 33. 36. 39. 44. 45. 46. 47. 48. 56. 76. 136. 178. 192. 226. 231. 238. 239. 273. См. Заволоцкая Чудь.
Чюдинъ пог. Новгородск. 317.

III.

Шайо (Солоная) р., пр. Гернада 95. 285. См. Солоная р.
Шара (Щарья) прит. Нѣмана. 40. 76. 296.
Шарканы сел. въ Бессарабіи. 305.
Шаришскій (Scharoscher Gespannschaft) комит. 284.
Шарукань гор. въ Половецкой землѣ. 151. 303. 304. 305.
Шатар., пр. Дона. 157.
Шаторалья-Уйгель гор. въ Венгріи. 95.
Шаха (Шага) р., пр. Немды, впад. въ Волгу. 315.
Шведы нар. 229. См. Свѣи.
Шелонская пятина. 200.
Шексна р., пр. Волги. 17. 28. 29. 31. 32. 77. 196. 204. 258.
Шейно сел. въ Торопецкомъ у. 225.
Шелонь р. 27. 193. 194.
Шельдиха р. 201. 316.
Шепель м. Луцкаго у. 123.
Шеполь гор. Волынск. княж. 123.
Шерегодро оз. въ Боровицкомъ у. 31.
Шерискъ гор. 283.
Шиворонь р., пр. Уны. 259.
Ширѣца р., прит. Днѣпра. 95. 118.
Шкловъ м. Могилевской губ. 313.
Шлезія (Силезія) обл. 262.
Шляхтова дер. въ Галицкой Руси. 281.

Шоломя уроч. 311.
Шоша р., пр. Волги. 30. 189. 106.
Шполька р., прит. Горнаго Тикича. 299.
Шулѣги близь Холма. 193.
Шумскъ гор. Кіевск. кн. 123. 140. 291. 292.

Щ.

Щакъ дер. въ Пруссіи. 236.
Щара (Щарья), прит. Нѣмана. 125. 128. 132. 133.
Щекавица (Скавица) уроч. въ Кіевѣ. 19. 142.
Щекаревъ гор. Волынск. кн. 121.
Щекатовъ гор. Галицк. кн. 118.

Ю.

Югъ р. (Сѣверная Двина). 64. 202. 246.
Югорская земля. 245.
Югорская дер. Тотемскаго у. 62.
Югорски (Jugorski) нар. 64. 246.
Югорскіе данники. 63.
Югра (Угра) нар. и обл. 12. 17. 56. 60 — 64. 199. 202. 243. 245—246.
Югрина дер. Костромской губерніи. 62.
Югрина дер. Тотемск. у. 62.
Югринская дер. Никольскаго у. 62.
Юксовское оз. и
Юксовское (Юсовское?) сел. Лодейно-Польскаго у. 201.
Юрьевъ см. Гюргевъ.
Юрьевъ (Дерптъ) гор. 47. 49. 138. 145. 298.
Юрьевъ Польскій гор. 50.
Юскола вол. Новгородская. 50. 201.

Я.

Явонь р. пр. Полы. 27.
Яворки, сел. въ Галицк. Руси. 281.
Ягнятино сел. 138.
Ягра (Эрлау) гор. Кіевск. г. 285.
Ятвижи сел. 126.
Ядешки сел. Гродненской губерніи. 41.
Яжелбицкая позднѣе Деревская пятина. 200.
Яжелбицкая волость и
Яжелбицкій погостъ Новгородск. обл. 199—200.
Яжелбицкій Ямъ Валдайскаго у. 300.
Язвины (Ядзвины, Jadźwiny) сел. Новгородокск. у. 41.
Язиги нар. 231.
Яикъ р. 304.
Яломица р., пр. Дуная. 99.
Яма р. пр., Наровы. 243.
Яманецъ оз. Осташк. у. 28.
Яменецъ оз. Невельск. у. 25.
Ямна мѣстн. 193.
Ямница р. и дер. Боровицк. у. 243.
Ямно дер. Боровицк. у. 243.
Ямно оз. Боровицк. у. 31.
Ямолонь обл. назв. 243.
Ямскъ сел. Боровицк. у. 243.
Ямь нар. 45. см. Емь.
Яроповцы сел. Кіевск. г. 138.
Ярполчь гор. Кіевск. кн. 138.
Ярославка на Выси сел. въ Звенигородск. у. 299.
Ярославль гор. въ Галицк. кн. 268. 280. 281.
Ярославль гор. въ Ростово-Суздальской обл. 204. 315.
Ярославль княжь дв. (дворище Ярославле) въ Новгородѣ. 203.
Ярославичи сел. Ладожск. у. 195.

Ярославъ гор. въ Галиціи. 268. 281.
Ярычевка руч. въ Галиціи. 118.
Ясвичъ сел. см. Ятвизь.
Яски сел. Гродненск. губ. 41.
Яски мѣстн. Новгор. губ. 193.
Ясскія горы. 16.
Ясло гор. въ Галиціи. 110. 281.
Ясы нар. 16. 150.
Ятвези сел. Слонимск. у. 41. 126. 132.
Ятвезки сел. Волковыс. у. 41. 126.
Ятвескъ Польскій и
Ятвескъ Русскій сел. Лидскаго у. 41.
Ятвизь сел. Новгородск. у. 41. 125.
Ятвизь (Jadzwiż) Большой и Малый. селл. Гроденск. губ. 47. 125. 237.
Ятвице сел. на Нѣманѣ. 41.
Ятвяги нар. 33. 39. 40. 41. 42. 125. 132. 133. 229. 231. 232. 233. 234. 235. 270.
Ятвяжскія мѣстности. 132.
Ятвяжскія Кладбища близь Ятвизей къ з. отъ Суховоля 237.
Ятинъ гор. Кіевск. княж. 138. 145. 298.
Яуза р. пр. Москвы. 30.
Яхрома прит. Сестры. 30. 44.
Яцвезинъ обл. 234.
Яцольда (Ясельда) р. прит. Припети. 125. 132.
Яшвиль Большой и Я. Малый сел. Гродненск. губ. 41.

Э.

Эвстъ р., пр. З. Двины. 179.
Эльба (Лаба) р., 34.
Эльва р., пр. Эмбаха. 48.
Эмбахъ (Emma-jõgi, Омовыжа, Амовжа) рѣка въ Лифл. 48. 243.
Энареи нар. 249.
Эссупи пор. на Днѣпрѣ. 223.
Эсты нар. 47.

Ѳ.

Ѳива (Ѳиванда) обл. 10. 211.
Ѳраки нар. 211.
Ѳракійцы нар. 72.
Ѳессалія обл. 211.

ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

страница	*строка*	*напечатано:*	*должно быть:*
20 сверху	3	*Сновь*	*Свинь*
22 „	17	*Сновью* (1067. 72. теп. ручей или болото *Замглай* см. выше пр. 43) и *Вьстрію*	*Сновью* и *Вьстрью*
„ снизу	11	*Голта*	*Голта* [49 *a*])
25 „	3	Торопецъ [51])	Торопецъ [52])
26 „	8	1150 г. [52])	1150 г.
28 „	14	другой	другой [54])
32 сверху	17	Влахя	Влахи.
„ „	„	Латовскія	Литовскія
41 снизу	18	безразлично [73])	безразлично 73 *a*)
„ „	8	къ в. отъ Суховоля	къ в. отъ Суховоля
46 „	11	*Воджою*	*Водскою*
54 сверху	10	съ XII вѣка	съ XIV вѣка
68 „	11	*Илирикомъ* [120])	*Илирикомъ* [120 *a*])
70 „	9	Ляховъ [103])	Ляховъ [127])
„ снизу	9	причинамъ [127])	причинамъ [127 *a*])
76 „	15	Вислока	Вислоки
77 „	10	средней и	средней и
82 „	7	чинамъ	членамъ
„ „	1	оснавался	оставался
83 сверху	12	исключеніями.	исключеніями,
84 снизу	13	знамѣнательно	знаменательно
93 сверху	10	*Червеской*	*Червенской*
95 „	4	Галацкихъ	Галицкихъ
99 „	15	Днѣстръ [166])	Днѣстръ [165])
106 „	11	Ростиславичу	Ростиславичу
116 снизу	9	сѣверо-восточной	юго-восточной
126 сверху	13	къ западу отъ Холма	къ востоку отъ Холма
„ „	15	къ сѣверо-западу отъ него	къ сѣверо-востоку отъ него
127 „	15	Исъкоростенекемъ	Исъкоростенемъ
133 снизу	12	въ XI в. [236])	въ XI в. [236 *a*])
134 сверху	4—5	и *Брягинъ*, съ Полоцкой *Дудутки*, о которомъ скажемъ подробнѣе ниже, и *Минскъ*	, *Брягинъ* и *Дудутки*, о которомъ скажемъ подробное ниже, съ Полоцкой *Минскъ*
„ „	13	Выпикомежъ	Высокомежъ

страница	*строка*		*напечатано:*	*должно быть:*
136	сверху	9	1106 г.	1006 г.
137	„	13	Припети	Ирпени
148	„	13	*Ропекъ Старый*	*Ропскъ Старый*
149	„	17	Ростово-Суадальскомъ	Рязанскомъ
„	снизу	6	1103 г.	1111 г.
159	сверху	18	Днѣпра	Днѣпра
162	„	2	Городка	Городна
169	„	17	Брягинской	Брягинкой
„	„	„	Врагинка	Брягинка
„	снизу	6	Осетра	Остра
„	„	4	Осотромъ	Остромъ
173	сверху	10	Стродубъ	Стародубъ
174	снизу	2	Узы къ в. отъ Гомеля	Узы къ з. отъ Гомеля
180	сверху	18	отъ Свенцянъ	отъ Ошмянъ
186	„	10	Березны	Березины
„	„	12	къ с. в. отъ Вилейки	къ с. з. отъ Вилейки
„	„	13	Русская Славча	Русская, Славча
188	снизу	12	Можасскъ	Можаескъ
193	сверху	1	именно	именно
197	„	10	нзваніемъ	названіемъ
199	снизу	4	насеніемъ	населеніемъ
201	сверху	12	лежавшая по Волхову Свирью Волховская Рель	лежавшая по Волхову Волховская Рель Свирью
202	снизу	17	лѣтописи	лѣтописи
204	„	2	Шексны, и *Суздаль*	Шексны, *Ярославль* (Лавр. 75) и *Суздаль*
208	„	8	оя	ее
232	„	11	(прим. 55)	(прим. 71)
237	сверху	18	Вилейскаго у.	Ошмянскаго у.
259	„	3	Пона, Орелъ	Цона, Орликъ
289	„	15	въ Ладыжину	къ Ладыжину
298	снизу	21	принято	принятаго

2007088092